

Министерство образования и науки РФ
ФГАОУ ВО «Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
Национальный исследовательский университет
Научно-исследовательский комитет
Российского общества социологов «Социология труда»
Центр исследований социально-трудовой сферы
Социологического института РАН
Межрегиональная общественная организация
«Академия Гуманитарных Наук»

К 100-ЛЕТИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ

Нижний Новгород — 2015

УДК 316
ББК 60.5
С71

Рецензенты

*Максимова
Маргарита
Николаевна* – д.э.н., профессор, заведующая кафедрой
экономической теории и социальной работы,
декан факультета социальной работы ГБОУ ВПО
«Казанский государственный медицинский
университет» Минздрава России г. Казань

*Фадеева
Ирина Михайловна* – д.с.н., профессор кафедры социологии
Мордовского государственного университета
им. Н.П. Огарева

Специфика профессиональной деятельности социальных работ-
С71 **ников** / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н.Новгород: изд-
во НИСОЦ, 2015. – 732 с.
ISBN 978-5-93116-177-8

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на пленарном заседании и секциях международной научно-практической конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников» (15-16 сентября 2015 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников.

В публикации представлены тенденции развития профессиональной деятельности социальных работников в современном обществе; национальная специфика социальной работы; этические нормы социальной работы; научно-исследовательские направления развития теории социальной работы; международные связи социальных учреждений, вузов, ученых и практиков; проблемы взаимодействия социальный работник – клиент.

ISBN 978-5-93116-177-8

© НИСОЦ, 2015

В конференции «Специфика профессиональной деятельности социальных работников» участвовали исследователи, специалисты и практики из 13 стран (Россия, Армения, Беларусь, Бразилия, Великобритания, Германия, Польша, США, Таджикистан, Сирийская Арабская Республика, Украина, Финляндия, Швеция), 21 города Российской Федерации, 35 вузов, 24 исследовательских центров и учреждений социальной сферы.

Результаты научных исследований представлялись на следующих секциях:

- Научно-исследовательские направления развития теории социальной работы.
- Проблемы взаимодействия социальный работник – клиент.
- Национальная специфика социальной работы: социальное право, профессиональные стандарты, практики и инновации.
- Особенности многоуровневой подготовки социальных работников (образовательные стандарты, международные программы и проекты).

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

- Чупрунов**
Евгений Владимирович – ректор ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
председатель оргкомитета
- Саралиева**
Зарэтхан
Хаджи-Мурзаевна – зав. кафедрой общей социологии и социальной
работы факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
зам. председателя оргкомитета
- Блонин**
Владимир Александрович – декан факультета социальных наук
ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
ученый секретарь
- Боссонг Хорст** – декан социально-педагогического факультета
университета Дуйсбург-Эссен (Германия)
- Казанцев**
Виктор Борисович – проректор по научной работе и инновациям
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Авралев**
Никита Владимирович – проректор по связям с общественностью
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Сайгин**
Вадим Викторович – проректор по экономическому развитию и АХР
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Зоиров**
Джурахон Маджидович – председатель парламентского комитета
по обороне, безопасности и правопорядку
Республики Таджикистан
- Романовская**
Вера Борисовна – зав. кафедрой теории и истории государства и
права юридического факультета
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Тукумцев**
Будимир Гвидонович – научный руководитель Центра исследований
социально-трудовой сферы СИ РАН, ведущий
научный сотрудник СИ РАН
- Швецов**
Владимир Иванович – начальник управления информатизации
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
- Цыганов**
Виктор Иванович – декан юридического факультета ННГГУ им. Н.И.
Лобачевского

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Бартошевски Я.</i> Философские основы социальной работы.....	15
<i>Боссонг Х.</i> Документация в социальной работе: наблюдение, интерпретация, оценка, принятие решения	20
<i>Bossong H.</i> Documentation in der sozialen arbeit: beobachten, interpretieren, bewerten, verschriftlichen	29
<i>Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю.</i> Социальный работник – работник социальной сферы.....	37
<i>Зборовский Г.Е.</i> Социальная общность волонтеров в зеркале темпоральных характеристик.....	43
<i>Злотникова Л.М.</i> Теория и практика социальной работы в Беларуси.....	47
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Новое в социальной структуре общества: прекариат	51
<i>Тукумцев Б.Г.</i> Возможность повышения качества трудовой деятельности социального работника	61

СЕКЦИЯ 1

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

ДОКЛАДЫ

<i>Айзман Е.Л., Романовская В.Б.</i> Социальная работа в городе Нью-Йорке	68
<i>Калинина Е.В.</i> Ветхозаветное и талмудическое представление о социальной функции государства.....	75
<i>Козырьков В.П.</i> Социальная работа как источник социальной культуры и новой духовной мотивации	79
<i>Лучнина М.И.</i> Развитие научно-исследовательской деятельности в условиях открытой образовательной среды	89
<i>Петрова Т.Э.</i> Новые горизонты молодежной политики в Российской Федерации	93
<i>Савинов Л.И.</i> Направления развития теории социальной работы	97
<i>Штекмайер Э.</i> Межсекторальный кейс-менеджмент и социальная работа: возможности и опасения в многокомпонентной системе здравоохранения в Германии.....	102

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Амбарова П.А.</i> Политика времени в системе социального управления	106
--	-----

<i>Аргунова В.Н., Бояринцева С.В.</i> Общественная атмосфера как духовно-эмоциональный фон социальной работы	110
<i>Ахвердиев Э.Э.</i> Социальная политика общины в мусульманской государственно-правовой мысли эпохи средневековья	114
<i>Гурьянова Т.Н., Мирошниченко Ю.А.</i> Процесс интернационализации образования и его влияние на профессиональную подготовку специалистов социальной сферы	118
<i>Жалнин В.А.</i> Настроения молодежи как предмет социальной работы (профилактика экстремизма).....	122
<i>Кармышев Д.Н., Соловьева Т.В.</i> Основные направления семейной политики в Российской Федерации по формированию ценности семьи	125
<i>Криворотова Т.А.</i> Этнокультурный фактор в городском пространстве эпохи «Global society»	129
<i>Крылович М.</i> Национальные меньшинства в контексте культуры безопасности	133
<i>Лымарь А.Б.</i> Обеспечение безопасности локальных сообществ. Вопросы партнерства и профилактики	139
<i>Лымарь Н.А.</i> Образование для здоровья. Гармонизация интеллектуальных и физических возможностей.....	143
<i>Мягков А.Ю.</i> Об одном методе оценки масштабов девиантного поведения ...	147
<i>Пужаев В.В.</i> Вклад Леона Дюги в развитие идеи социального права и государства.....	151
<i>Пушина В.Н., Пушина Л.Ю.</i> Формирование культуры безопасности жизнедеятельности как проблема социальной работы.....	155
<i>Романовская В.Б., Безносова Я.В.</i> Социальное партнерство в ведическом обществе (исторически-правовой аспект).....	160
<i>Романовская Л.Р.</i> Институционализация политических партий в современном российском обществе	166
<i>Сикорска Д.</i> Трудности в профессиональной деятельности социальных работников	169
<i>Смирнова Е.Е.</i> Особенности формирования в ходе учебной практики социальной компетентности у будущих бакалавров социальной работы	170
<i>Соболева А.В.</i> Социальные методы в социальной работе: теория и практика	174
<i>Солдаткин А.Е., Сэтре А.-М., Гранберг Л.</i> Проблемы взаимодействия органов местного самоуправления, малого бизнеса и местных сообществ в развитии территорий	177
<i>Фазлеев М.Т., Паначев В.Д.</i> Международные правовые связи социальных учреждений, вузов.....	180

СЕКЦИЯ 2
**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК – КЛИЕНТ**

ДОКЛАДЫ

<i>Иудин А.А., Тарасов Д.С.</i> Социологический анализ истоков социальной работы в СССР: деятельность спортивных энтузиастов	183
<i>Козлова Т.З.</i> Социальная работа как фактор предотвращения социальной эксклюзии старшего поколения	192
<i>Максимова М.Н., Михайлова Л.Р.</i> Оказание государственной услуги по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет	195
<i>Фадеева И.М., Крылова В.В.</i> Социальные факторы занятости пожилых людей.....	199
<i>Филипова А.Г., Ракитина Н.Э.</i> Мониторинг городских улиц как технология уличной социальной работы с детьми.....	206

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Вараева Н.В.</i> Возможности и ограничения работы с сетью социальных контактов ребенка в условиях социально-реабилитационного центра	210
<i>Власкин В.Ю.</i> Социальная работы в армейских организациях.....	213
<i>Воробьев И.Е.</i> Инклюзивный концерт как инновационная технология социальной реабилитации молодых инвалидов	222
<i>Глушкова Е.В.</i> Особенности социального взаимодействия социального работника и клиента в условиях патронажа (региональный аспект).....	225
<i>Голубева И.Г.</i> Проблемы взаимодействия специалиста по трудоустройству в процессе индивидуального сопровождения людей с инвалидностью	229
<i>Гончарова О.Л.</i> Решение социально-психологических проблем женщин-инвалидов как компонент социальной реабилитации.....	232
<i>Егорова Н.Ю.</i> Новое проблемное поле социальной работы во взаимодействии с семьей	235
<i>Ермилова А.В.</i> Взгляд социальных работников и клиентов на процесс их взаимодействия: сравнительный анализ	241
<i>Закамскова Г.А.</i> Взаимодействие специалиста по социальной работе и клиента.....	245
<i>Зернов Д.В., Ушакова Я.В.</i> Здоровый образ жизни как поле социальной работы	247

<i>Зимова Ю.К.</i> Практики взаимодействия специалистов опеки и попечительства с потенциальными приемными родителями детей-сирот с ограниченными возможностями здоровья	253
<i>Ивашевская В.С.</i> Роль социальных работников в социализации людей пожилого возраста	258
<i>Ключева Е.В.</i> Модель межведомственного взаимодействия по профилактике семейного неблагополучия, социального сиротства	262
<i>Когаловская А.С.</i> Особенности взаимодействия специалистов по социальной работе с клиентами в процессе канистерапии	264
<i>Кокорева М.Е.</i> Социальные практики взаимодействия с лицами трудоспособного возраста в постинсультном состоянии	267
<i>Колесников С.С.</i> Роль специалиста по социальной работе в процессе религиозной реабилитации лиц с зависимым поведением	272
<i>Колесникова Е.М.</i> Занятость московских подростков в контексте социальной безнадзорности и насилия в семье	275
<i>Кривко Е.А.</i> Некоторые аспекты социальной политики в отношении молодых и студенческих семей	280
<i>Кулмала М., Варызгина А.А.</i> Отношение семей-клиентов социальной защиты к государственной финансовой поддержке	283
<i>Ларшина Н.В.</i> Пересечение мира профессионального спорта и социальной работы	287
<i>Лахова А.Н.</i> Анализ проблемы адаптации безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, к условиям рынка труда	292
<i>Макарова Е.Е.</i> Формы социальной работы с родителями, лишенными или ограниченными в родительских правах, с целью возвращения ребенка в семью	295
<i>Максимов Д.С., Сиразетдинова А.Н.</i> Платные социальные услуги, предоставляемые гражданам пожилого возраста на дому	300
<i>Максимова М.Н., Султанова Я.А.</i> Оценка эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания	304
<i>Мигунова А.В., Белянцева Ю.Н.</i> Участники рынка социальных услуг пожилым	309
<i>Осипова И.И.</i> Наркозависимость подростков, особенности формирования и причины	313
<i>Оставная А.Н.</i> Мигранты и их семьи как клиенты социальной работы в странах-донорах рабочей силы	317
<i>Отделкина Т.Н.</i> Проблемы социальной работы в системе сопровождения замещающих семей	321
<i>Пиесчиньски В.</i> Образование пожилых людей – некоторые аспекты	325

<i>Петрова И.Э., Демидов П.А., Еремеева А.А.</i> Социальные роботы в программах терапии расстройств аутистического спектра	330
<i>Петрова Т.Ю.</i> Особенности социальной работы с многодетной семьей.....	334
<i>Плотникова Е.С.</i> Роль социального работника в школьной службе медиации.....	337
<i>Придатченко М.В.</i> Коучинг в социальной работе.....	341
<i>Протасова М.С.</i> Исследование реализации эрготерапии как метода социальной реабилитации инвалидов в условиях действия Федерального Закона от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»	344
<i>Румянцева О.М.</i> Инновационные технологии социального обслуживания молодых инвалидов в полустационарных учреждениях	348
<i>Сагдиева Д.Р.</i> Социальное сиротство в современной России: состояние проблемы и пути ее решения	351
<i>Саржала Д.</i> Проблема расстройства пищевого поведения в контексте этиологии и профилактики	354
<i>Соловьева Т.В., Жарова А.Ю.</i> Система государственных пособий семьям, имеющим детей, в Российской Федерации.....	359
<i>Халилова Р.Р.</i> Роль личности социального работника в эффективном взаимодействии с клиентом.....	362
<i>Ходырева Е.Б.</i> Международное усыновление: тенденции и проблемы	366
<i>Цветкова Б.Л.</i> Логотерапия как вариант оптимизации взаимодействия «Социальный работник-клиент».....	371
<i>Шалютина Н.В.</i> Социальная реклама как технология социальной работы ...	376
<i>Шаманова И.Г.</i> Социокультурные технологии в социальной работе с гражданами пожилого возраста.....	381
<i>Шатохин Д.Д.</i> Обеспечение осужденных социальными пособиями	384
<i>Шлыкова Д.В.</i> Проблемы взаимодействия категорий социальный работник – школьник.....	388
<i>Шорыгин Е.А.</i> Роль социального работника по устранению альтерофобии в школе.....	392
<i>Юртаева Н.И.</i> Моделирование адресной психолого-педагогической помощи неблагополучным семьям	397
<i>Янак А.Л.</i> Общие проблемы современного отцовства и гендерный подход в социальной работе	401

СЕКЦИЯ 3

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ, ПРАКТИКИ, ИННОВАЦИИ

ДОКЛАДЫ

- Барышникова Е.В.* Об инновационных подходах к организации социальных услуг и сервисов для семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении, апробируемых в Нижегородской области в рамках реализации региональных программ при участии Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (услуги детям-инвалидам, молодым семьям и детям, пострадавшим от насилия)..... 405
- Басов Н.Ф., Смирнова Е.Ю.* Социальная помощь русской православной церкви различным группам населения..... 414
- Борковски М.* Вопросы правового обеспечения здравоохранения 418
- Bosson H.* Case-management im Sozialraum 423

ВЫСТУПЛЕНИЯ

- Бессонова М.В.* Инновационные технологии социальной работы в комплексных центрах социального обслуживания населения 427
- Бутаева Н.В., Лакеева Ю.А.* Эффективность представления мер социальной поддержки семье и детям в Республике Татарстан..... 430
- Ветюгова И.П., Шимица М.А.* Специфика форм социальной работы: культурологический аспект 434
- Гладина Т.Д.* Мотивация к развитию профессионально важных компетенций социального работника..... 438
- Занегина И.С.* Содержание коммуникативного процесса социального работника и клиента..... 442
- Исакова И.А., Игнатъева В.М.* Мотивация волонтерской деятельности студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского 445
- Маркова Е.К., Птицына Н.А., Смирнова О.А.* Специфика работы добровольцев в хосписе (из опыта взаимодействия зарубежных практиков) 448
- Морозова О.Н., Муртазина Л.Э.* Грантовая поддержка некоммерческих организаций на примере Республики Татарстан 453
- Петрова И.Э., Ибрагим Н.* Социальная политика в Сирии: концепция социальной ситуации риска..... 456
- Птицына Н.А., Николаенко О.К.* Применение зарубежного опыта в подготовке социальных работников 459

<i>Судьин С.А.</i> Социальный работник в системе психиатрического обслуживания Германии: социально-ролевой и организационный аспекты.....	465
<i>Сысоева В.П., Максимова М.Н.</i> Анализ участия социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Татарстан в республиканских грантовых конкурсах для некоммерческих организаций.....	469
<i>Фидальго С.С.</i> Подготовка бразильских учителей к работе в условиях инклюзивного образования	473
<i>Чигиркина В.А.</i> По-другому и хорошо! Первый интегративный отель и кафе в Европе	477
<i>Шпилев Д.А.</i> Реабилитация правонарушителей: опыт Германии.....	480

СЕКЦИЯ 4

ОСОБЕННОСТИ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ (ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ, МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ)

ДОКЛАДЫ

<i>Басов Н.Ф., Басова В.М.</i> Подготовка бакалавров социальной работы к эффективному взаимодействию с клиентом.....	485
<i>Бородатая М.Н.</i> Возможности добровольческой деятельности в подготовке бакалавров и магистров социальной работы	489
<i>Ростовская Т.К.</i> Специфика подготовки профессиональных кадров сферы молодежной политики: компетентностный подход.....	495

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Ананин П.В.</i> Креативный компонент исследовательской компетентности бакалавра социальной работы	500
<i>Арутюнян А.Г., Петикян С.Г.</i> Проблемы установления международных связей между вузами Нагорно-Карабахской Республики и Российской Федерации	503
<i>Бистяйкина Д.А., Соловьева Т.В.</i> Индивидуальный подход в подготовке социальных работников в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева	506
<i>Волков Е.Н.</i> Онтодизайн (онтологическая визуализация) в обучении социальных работников	509
<i>Воронина О.А.</i> Добровольческая деятельность как компонент профессиональной подготовки студентов – будущих социальных работников.....	513

<i>Дедова О.В.</i> Социальная поддержка инновационного потенциала молодежи	517
<i>Исакова И.А., Киселева А.О.</i> Школьное добровольчество как ресурс социальной работы	519
<i>Кириллюк О.М.</i> Подготовка социальных работников в России	523
<i>Косарева В.А.</i> Жизненные стратегии выпускников и проблемы выбора	526
<i>Костина Е.Ю., Орлова Н.А.</i> Подготовка бакалавров социальной работы в современном образовательном пространстве	531
<i>Макиевская Н.М.</i> Информированность студентов о правовых основах социальной работы в системе государственного и муниципального управления	535
<i>Максимова М.Н., Гурьянова А.А., Абдуллина Л.Д.</i> Знание и владение навыками трудовых действий, необходимых умений профессионального стандарта специалиста по социальной работе студентами 1 курса факультета социальной работы	537
<i>Петрова И.Э.</i> Экспертиза качества образовательных программ по направлению «Социальная работа»: опыт и перспективы	541
<i>Петрова Т.М.</i> Особенности адаптации выпускников вузов к профессиональной деятельности в социальной сфере	546
<i>Поджарова С.Е.</i> Гендерные аспекты обучения будущих бакалавров социальной работы в вузе	550
<i>Савинов Л.И., Кузнецова О.А.</i> Факторы, способствующие и препятствующие становлению и развитию магистратуры в условиях современного общества	554
<i>Смирнова Е.Е.</i> Особенности формирования социальной компетентности у будущих бакалавров социальной работы в ходе учебной практики	558
<i>Федулова А.Б.</i> Этические основы социальной работы: от теоретического осмысления к практической деятельности	561

СЕКЦИЯ 5

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ДОКЛАДЫ

<i>Бекарев А.М.</i> Исследователь и профессионал: компаративный анализ	566
<i>Григорьева И.А.</i> Профессионализация и/или либерализация социального обслуживания в современной России	569

<i>Ивченков С.Г.</i> Профессионализм в системе трудовых ценностей молодежи	570
<i>Козлов С.С.</i> Оценка эффективности деятельности социальных работников посредством информационной системы регистрации обращений граждан и учета предоставляемых социальных услуг.....	580
<i>Саралиева З.Х.</i> Проблемы образования реализации образования по направлению «Социальная работа».....	585
<i>Сизова И.Л.</i> Реформы занятости пожилых в Германии после повышения пенсионного возраста	592

ВЫСТУПЛЕНИЯ

<i>Антонова И.Е.</i> Профессиональная ментальность сотрудника социальных служб в контексте информатизации общества	599
<i>Арпентьева М.Р.</i> Социальная работа: интегративная профиограмма специалиста	601
<i>Бистяйкина Д.А., Панькова Е.Г.</i> Факторы, влияющие на развитие эмоционального «сгорания» и деформацию личности специалиста по социальной работе в Республике Мордовия	608
<i>Былинская А.А.</i> Экономические аспекты мотивации социальных работников	613
<i>Быстрова Н.Ф.</i> Развитие профессиональной деятельности в департаменте социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области на базе отдела по делам ветеранов и инвалидов...	617
<i>Веричева О.Н.</i> Технологии обеспечения качества профессиональной деятельности социальных работников	620
<i>Гончарова М.А.</i> Социальные технологии в управлении обществом: социальная политика	623
<i>Задорожникова Е.Б.</i> Перспективы развития предпринимательской деятельности в системе социального обслуживания граждан в Российской Федерации с 2015 года	626
<i>Зайфиди П.К.</i> Мотивация сотрудников как основа стабилизации кадрового состава ОГКУ «Романовского реабилитационного центра для инвалидов Костромской области»	630
<i>Ивченкова М.С.</i> Роль виртуальных коммуникаций в профессиональном становлении молодежи	634
<i>Касаркина Е.Н.</i> Гендерная асимметрия в кадровом составе специалистов социальных служб	643
<i>Колесникова Е.М., Кутявина Е.Е.</i> Особенности профессиональной культуры в условиях (не)формальной занятости (на примере инженеров-программистов).....	647

<i>Колосова В.В., Стоюхина Н.Ю.</i> Образовательные технологии как основа развития профессиональной компетентности выпускников вуза	655
<i>Корф В.И.</i> Мотивационные аспекты профессиональной деятельности в сфере социальной защиты населения	659
<i>Красуцкая О.В.</i> Информационная доступность социального обслуживания: механизмы обеспечения	663
<i>Куприянов Р.В.</i> К вопросу о специфике профессиональной деятельности социальных работников	667
<i>Никонова А.А.</i> Особенности конфессиональной социальной работы в России	671
<i>Пак Г.С.</i> Темпоральные основания социальной работы	673
<i>Палибина А.С.</i> К вопросу о религиозном основании профессиональных ценностей социальной работы	675
<i>Пантелеева И.А.</i> Специалист по социальной работе и медиатор: профессиональные стандарты	678
<i>Птицына Н.А.</i> Особенности самореализации женщин зрелого возраста в профессиональной сфере (на примере специалистов по социальной работе).....	682
<i>Рощина Т.А.</i> Школа социального работника как механизм повышения качества социального обслуживания	686
<i>Серова Н.А.</i> Этические нормы социального работника	694
<i>Соловьева С.В.</i> Медиативные компетенции работающих в социальной сфере.....	696
<i>Сучков Ю.А., Судьин С.А.</i> Институционализация социальной работы в российской психиатрии на примере КПБ №1 в г. Нижнем Новгороде	700
<i>Хусяинов Т.М.</i> Образ нового социального работника в контексте третьей профессиональной революции Г. Перкина	705
<i>Чилипенко Ю.Ю.</i> Работодатель малого и среднего бизнеса современной России: забота о работниках в обществе	709
<i>Шатохина В.А.</i> Комплексное тестирование кандидатов на должность социального работника	713
<i>Иванян В.А.</i> Социальная диагностика в социальной работе.....	717
<i>Толордава Э.В.</i> Проблемы и особенности взаимодействия специалистов по социальной работе и несовершеннолетних получателей социальных услуг в поселении переходного типа	722
<i>Рушева А.В.</i> Персональный менеджмент как фактор формирования мотивации кадров социальных учреждений.....	725
<i>Костина Е.Ю.</i> Социальное право в России и Белоруссии: сравнительный анализ.....	730

ПСИХОТЕРАПИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: ЗНАЧЕНИЕ БЫТЬ – «С» PSYCHOTHERAPY OF POSSIBILITIES: THE IMPORTANCE OF BEING- WITH

Я. Бартошевски

Государственная высшая профессиональная школа в Конине (Польша)

J. Bartoszewski

Państwowa Wyższa Szkoła Zawodowa w Koninie (Poland)

Предлагаемая статья связана с понятиями психотерапии возможностей, которые родились на основе философских поисков, в частности философии возможностей Николы Аббаньяно. В теоритической части представлен вопрос о сосуществовании и отображении элементарной функции позитивного экзистенциализма психотерапии возможностей. В продолжение этого указывается роль и значение взглядов Н. Аббаньяно для психотерапии возможности. Вывод основан на новом наблюдении указанной темы.

The proposed article related to the concepts of psychotherapy opportunities born from philosophical quest particular philosophy Nikola Abbagnano. The theoretical part presents the question of co-existence and a positive reflection of the basic functions of existentialism psychotherapy opportunities. In continuation of this indicates the role and importance of the views of N. Abbagnano for psychotherapy opportunities. The conclusion is based on a new observation mentioned topics.

Ключевые слова: психотерапия, психотерапия возможностей, позитивный экзистенциализм, бытие – «с».

Keywords: psychotherapy, psychotherapy opportunities, positive existentialism, being-with.

Introduction [1]

Nicola Abbagnano is a founder of the philosophy of possibilities, on which was based and developed a model of a psycho-therapeutic support, he died at the age of eighty-nine. He is the author of nearly two hundred scientific papers and twenty-six monographs copyright in the field of existential philosophy, history of philosophy, sociology and existential pedagogy. Coincided with the apogee of his work was between the years 40 and 80 of the last century. Before his death, however, he could

look forward to a wide discussion on the concept, which he described as positive existentialism [2, 1].

This was the "intellectual rebellion" against the philosophical thinking of Heidegger, Jaspers, Sartre's defined by Abbagnano's environment "*esistenzialismo negativo*" [3, 1] In the face of the experience of cognitive, Abbagnano tried to introduce readers to the problems connected with the understanding the concept of possibilities, not so much in terms of logical, etymological signification but existential. For this reason, at the very beginning of his scientific activity Abbagnano developed the idea of the human being in the context of the so-called relative to his own existence: "It's that man exists and that existence is the way of being, which is proper to him, that means a man constitutes not as being, but as a ratio to the existence and the possibility of this relationship [4, 1].

So understood the existence an Italian philosopher enclosed in the work entitled: *La struttura dell'esistenza (The structure of existence)*. In one of the chapters he took up the issue of coexistence, which presents as "the visage of the <other> in mine <I> and <I> in the visage of <other>", but that must be made so-called triple movement of transcendence, paraphrasing the words of Abbagnano based on, firstly: a person must be aware of his or her own existence, which allows him or her to search for understanding of his or her own self and "others"; secondly: when a person discovers the outside world and its inner perfection and shortcomings (the world in the full sense of the word) he or she tries to understand his or her own attitudes, and thirdly: when a person interacts with the inner and external world is able to discover coexistence [5, 1].

It should be noted that this article is a presentation of Abbagnano concept of being-with. This will be done on the basis of the collected materials like publications or short – monographs, and an article. In the final section we will discuss the concept of the therapeutic possibilities of psychotherapy with an indication of the synthetic dialogue *maieutikós*.

1. Being-with according to Abbagnano

In his texts are statements that justify the understanding of being-with as a basis for patient-therapist contact, or psychotherapist-patient. Although the Italian philosopher did not engage in psychotherapy, but his look of the specificity of the meeting assumed a relationship that we can define "meeting face to face" (which assumed the oath of the Hippocrates), eg.: what is missing to "I", is the "other". It is in "you" a man can discover his own attitude, which is the outgoing to the "you". The coexistence is anchored in the human being. This does not mean that a person is doomed to it. "You" is given together with the existence of the human being, because the human being as a dwelling refers to "you".

A man in its action is set to "other", because man is a being that corresponds to and responsible. "You" is given to "I" and its existence, because a person carries within himself the longing for "you". Hence the existence of "I" shows coexistence. The coexistence in a special way reminds us of birth and death. My hero claimed that death can lead to break of co existential ties. This is a close-up in fear, worries, in concern regarding care, which in turn may lead to treat the "other" as the giver of goods for "I". Abbagnano wrote: "(...) if others are for (me) << I >> shadows, or ghosts, << I >> am for myself nothing more than a shadow and spectrum; if others are degraded to the role of ordinary tools (...), << I >> also degrade to the role of tools "[6].

It is necessary to say that coexistence derives its justification from the human reference to the existing "you". If a man, as a person is set to "other", this setting is called co-existence, because co-existence is the ratio of human to another human being. So, co-existence somehow carries the multiplicity of individuals. This plurality is, however, closed to the references of "I" to "you", giving birth to the community. Hence the community, as it is constructed from real existing units, is taking a prominent place in the philosophy of Nicola Abbagnano.

2. The uniqueness of being-with

Based on the interpretation of Abbagnano coexistence, it should be noted that the phenomenon described by him for the modern man who is looking for himself in the sheer volume of issues, anxiety, fear and concern are unusual because it reveals it horizontally "I" – "different" and burdened with extremely strong existential charge determined by the belief of "I" or "other": "the basic meaning of birth and death is that the existence itself is not enough "[7].

The coexistence constitutes my inner "I", and at the same time is a requirement for the constitution of the "other". It assumed meeting with the "other" as "different" with his experience of himself and ethos. It should be noted that Abbagnano in order to clarify the relationship of "I" – "different" repeatedly used the concept of equivalence, which served him to describe the authentic relation with the "other", "myself" and the world: "[...] a man can be himself only when he depart from himself in the equivalent direction, triple movement of transcendence: <self> <world>, <community> "[8]. This item has eliminated the abstract approach of coexistence, which as a consequence, leads to understand it as a meeting.

In the description of the meeting Abbagnano uses a unique method of existential, which is based on the experiences understood as individual psychological and physical symptoms of the real, and not as content, eg.: pure consciousness, or biological material. Psychology of Abbagnano does not lead to phenomenological reduction, or separation in order to reach the "essence" of being, but to the recognition of

man as an individual entity having his experience, which in the context of the possibility of being as being formed. By accepting, it is clear that the philosophical concept of Nicola Abbagnano can serve psychotherapy.

3. *Being-with someone in (psycho) therapy of possibilities*

From the point of view of philosophy, described by Abbagnano being with someone meets the general criteria of Roshwald regarding the phenomenology of care and Luijpenow's phenomenology of meeting. These philosophers emphasized that although the man whom I met is different from my world, but it has an impact on my world, so if that person perceives reality incorrectly, and in not authentic way, you should look for solutions that will allow in an objective dimension in a way that is not dysfunctional look at me, other and the world. Similarly, argues Johan Bradshaw, who stated that "[...] the hope of improvement lies in the fact that we can identify the source of crises [...] that make up our society [...]. What happens is the source of inner fighting within ourselves and largely with other people"[9].

In psychotherapy of possibility an essential element is to be aware of involving an objective to look at the "other" from the perspective of being-with. It is about being open as a therapist to a number of patient's existential experiences that influence his attitude, eg.: patient is abusing alcohol and sentenced for an offense threat appears on individual therapy to "do" a good impression, but on a guardian court.

Psychotherapist of opportunities in the first phase of the meeting explains to a patient what the therapy is, and then he or she is trying to diagnose the condition based on the meeting (we have in mind a meeting which means accordingly to philosophical thought of Abbagnano), as manifested by the patient's triple movement of transcendence, that is: determine way of thinking (we use here the dialogue *maieutikós*).

According to psychotherapy of possibilities thinking is conditioned by the so-called scripts, which developed in the process of primary socialization and are reinforced by secondary socialization; should be noted that scripts "running" by specific events that occur in the life of individuals; the consequence of this is a certain way of looking at myself, other and the world.

Reaching to the being-with – "I" based on the needs, the therapist is determined not so much to find a way of satisfying them, but to have influence on the script, eg.: patient in childhood experiencing excessive demands, moreover, parents often said to him that if he does not work reliably nothing he will reached; in this man from the earliest years were built internal mechanisms (script) based on the belief "I must to succeed" (and presumably I have to meet expectation of my parents).

Conclusion [10]

The model of therapeutic proposed is based on the one side of the abbagnano's philosophy of possibilities, which underlying emphasis on the relationship, and being-with, and secondly so-called movement of transcendence, which is manifested, colloquially speaking in the action of the individual; also not without significance is to look at being-with from the perspective of positive and negative possibilities, the man realizes his being-with from the perspective of the possibilities, if it is determined, eg.: deficit then chooses only a negative possibility the example of this is Kierkegaard, on the other side, the proposed model grew out of a personal experience, and specifically from the work of rehabilitation and research in the field of cognitive therapy, analytic and cognitive-behavioral therapy.

It should be noted that these trends have solutions that can serve for an interdisciplinary perspective and lead to new ideas of psychotherapy.

Bibliography

1. Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.
2. Abbagnano N., *La struttura dell' esistenza*, In: *Scritti esistenzialisti*, Torino 1998, s. 141-154; Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.
3. Bruno M., Nicola Abbagnano – *Le radici e la maturita' del suo pensiero filosofico*, *Bacherontius*, nr 9-10 nov. 2007, s. 5-6; Staglieno M., *Esistenzialista positivo*, In: *Il Giornale* – 10 settembre 1990; Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.
4. Abbagnano N., *Koegzystencjalna struktura egzystencji*, In: *Filozofia egzystencjalna*, Warszawa 1965, s. 308; Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol. (6) Is. 2, s. 75-81.
5. Abbagnano N., *Koegzystencjalna struktura egzystencji...*, s. 298; Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.
6. Abbagnano N., *Koegzystencjalna struktura egzystencji...*, s. 303; Bartoszewski J., Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.

7. Abbagnano N., *Esistenzialismo come filosofia del possibile*, [w:] Tenze, *Scritti esistenzialisti*, Torino 1988, tłum. J. Bartoszewski, [w:] *Psychiatria i Psychoterapia* 2011, t. 7, s. 26.
8. Abbagnano N., *Esistenzialismo come filosofia del possibile*, tłum. J. Bartoszewski, [w:] *Ruch Filozoficzny* 2011, nr 1, art. cyt., s. 73; Bartoszewski J., (Psycho)terapia możliwości: teoria i praktyka, In: *Zadania współczesnej humanistyki. Człowiek i nauka*, Kraków 2012, s. 363-378.
9. Persons J. B., *Terapia poznawcza w praktyce*, Gdynia 2007, s. 33; Bartoszewski J., *Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach*, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.
10. Bartoszewski J., *Psychotherapy of possibilities: the basic components of the system theoretical and practical approach*, *European Journal of Social and Human Sciences* 2015, Vol (6) Is. 2, s. 75-81.

**ДОКУМЕНТАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ:
НАБЛЮДЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ОЦЕНКА, ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ
DOCUMENTATION IN SOCIAL WORK:
OBSERVATION, INTERPRETATION, ASSESSMENT, DECISION**

Х. Боссонг
Университет Дуйсбург-Эссен, Германия
H. Bossong
Universität Duisburg Essen
Перевод с немецкого: Нелли Шимицек
Translated from German: Nelli Shimitsek

Рассматриваются вопросы документирования, представлен анализ особенностей процесса документирования в сфере социальной работы, определяется роль оценочной документации в данной области, требования к отчетам, представляющим результаты исследований.

The problems of documentation, an analysis of the process of documenting the features in the field of social work, defining the role of the evaluation is documentation in this area for a report presenting the results of research.

Ключевые слова: документирование, делопроизводство в социальной работе, наблюдение, интерпретация, оценка, описание результатов исследования.

Keywords: documentation, records management in social work, observation, interpretation, evaluation, description of research results.

Документирование является чрезвычайно важной задачей в области социальной работы. Тем не менее, социальные работники и по сей день часто пренебрегают ею в повседневной практике и недооценивают её важность (Schimke, 2012). Даже в сфере высшего образования и повышения квалификации в Германии она уже на протяжении десятилетий не имеет большого значения (Oberloskamp, 2009). Тем не менее, с административной и правовой точки зрения, только письменная документация может обеспечить прозрачность процессов в социальной работе при оказании помощи клиентам, в первую очередь, служа защите клиентов.

Во-вторых, она обеспечивает итоговый рефлексивный самоконтроль социального работника над процессами оказания помощи, что было причиной и поводом социального вмешательства и какую цель имело это вмешательство на различных стадиях.

В-третьих, документирование служит беспрепятственной передаче дела клиента коллеге, который может на основе документации реконструировать предыдущие этапы работы и продолжать целесообразно работать с клиентом.

В-четвёртых, документация является внутренним организационным отчётом о проделанной работе, который позволяет проследить процесс работы и достижения социального работника.

Прежде всего последнему пункту: документации как отчёту о проделанной работе и достижениях и на протяжении последних лет уделяется особое внимание, в том числе для обеспечения прозрачности и оптимизации расходов в области социальной работы. Но этого недостаточно, более того, это может ввести в заблуждение относительно качества проделанной работы: социальный работник, документирующий собственные достижения, имеет особое видение своей работы, что нередко приводит к искажению действительности. В центре внимания стоит его намерение доказать, как хорошо и много он работал. Реальные жизненные события клиента, заблуждения и недоразумения, имеющие место в процессе помощи, и, прежде всего, противоречия, недостатки и трения в процессе работы часто фиксируются недостаточно или выборочно и нередко направлены на достижение намеченной цели или запланированной программы. Вполне объяснимо, что в отчёте о проделанной работе и достигнутых результатах социальные работники пытаются избегать фиксации того, что могло бы повредить их репутации. Вполне объяснимо, что за этим стоит намерение выглядеть достойно. Другими словами, их собственные ошибки и возможные неправильные решения в большинстве случаев не документированы, а, возможно, даже и не осмыслены. Вместо этого трудности, проблемы и ошибки приписываются клиенту как личности. Очевидно, это может частично привести к до-

вольно серьезным дополнительным ошибкам в процессе помощи и его неправильному развитию. Другими словами, документация или материалы дела живут собственной жизнью и со временем имеют мало общего с реальной жизнью клиента и его реальным развитием, возможно, всё меньше отражают реальный процесс помощи клиенту. Это значит, что задокументированные материалы дела и реальная жизнь в действительности более или менее не взаимосвязаны. Это, конечно, не может привести к успеху в долгосрочной перспективе. Прежде всего, это противоречит всем остальным вышеуказанным основным функциям документации: материалами дела, в этом случае, является коллекция исписанной бумаги или электронных данных, которые вместо того, чтобы обеспечивать прозрачность, в высокой степени непрозрачны и противоречивы; это коллекция бумаг или файлов, которая не даёт никаких отправных точек тем коллегам, которые, возможно, будут далее вести это дело. Хуже того, это может поставить социального работника, который берет на себя дела, на совершенно ложный путь: в своих действиях он будет исходить из более или менее ошибочных и ложных предпосылок и, таким образом, нанесёт вред клиенту и последующему процессу помощи. Наконец, этот вид документации не способствует собственной саморефлексии: усилия социального работника, документирующего процесс работы, направлены, в худшем случае, на искусное приукрашивание уже пройденного ошибочного пути, в составлении легенды. Но это, надо отметить, происходит на самом деле в худшем случае и не является обязательным правилом. Однако такие случаи встречаются и не очень редко: практически во всех инцидентах последних лет в Германии, когда были убиты или подвергнуты жестокому обращению дети, находящиеся под опекой социальных служб, были обнаружены серьёзные недостатки в ведении документации дела. Кроме того, проведенные мною и моими сотрудниками исследования в службах социальной поддержки показывают, что и их документация имеет, как правило, более или менее серьезные недостатки. На самом деле, такое положение дел неприемлемо, потому что материалы дела считаются обычно «памятью администрации» (Fiseler / Herborth 2010: 232). Полнота и точность здесь необходимы.

Так что же делать?

Совместно с координатором учебной программы «Социальная работа» госпожой З. Бек, которая отвечает за подготовку бакалавров и магистров, и руководительницей мастерской письма в нашем университете госпожой У. Поспих я в настоящее время разрабатываю программу повышения квалификации социальных работников, которая посвящена теме «Документация в социальной работе», и в скором времени будет введена в качестве модульного обучения социальных работников по всей Германии. Уже в прошлом семестре мы

начали в рамках бакалавриата «Социальная работа» целенаправленно готовить квалифицированных специалистов в области документации и делопроизводства. И программа обучения для наших студентов и программа повышения квалификации социальных работников могут и должны, благодаря опыту и исследованиям, способствовать взаимному оплодотворению и совершенствованию.

Четыре шага составляют ядро хорошей документации в области социальной работы: наблюдение, интерпретация, оценка и описание. Завершением документации обычно являются принятые и письменно зафиксированные решения.

1. Наблюдение

Простой пример, знакомый нам всем, Что мы видим: наполовину пустой или же наполовину наполненный стакан?

Психолог ответил бы: Это зависит от того, являемся ли мы оптимистами или пессимистами. На самом деле, давая такой ответ, мы не описываем, а оцениваем, был ли стакан наполовину пуст или наполовину заполнен. Нейтральное описание гласит: одна половина стакана заполнена прозрачной жидкостью, другая половина воздухом. Но так мы, в основном, не отвечаем, и даже не осознаём, что мы даём оценивающий ответ.

Второй пример: Что мы видим? Комнату с большим количеством предметов или неприбранную комнату, хаос?

Имеем мы в данном случае дело с неаккуратным ребёнком, с ребёнком, практически утопающим в собственном хаосе? Или, может быть, здесь живёт

ребёнок, который поддерживает очень своеобразный, но соответствующий своим принципам порядок? Может быть, этот ребёнок торопился в школу, может быть, отчаянно хотел что-то найти и при этом всё разбросал? Живёт здесь ребёнок с нарушениями психики или, может быть, брошенный ребёнок? Или, наоборот, может быть, здесь живёт очень творческий ребёнок? Итак, что же мы записываем в наши акты? Лучше всего было бы, если бы мы сфотографировали эту комнату и приложили бы эту фотографию к делу. Но как мы опишем это? И что мы думаем по этому поводу?

Оба примера иллюстрируют, что наблюдать и описывать не так-то просто. Точнее сказать, объективного наблюдения не существует, так как наблюдение, как учит нас когнитивная психология (Lepsien u.a., 2005; van Zomeren/Brouwer, 1994), является всегда только селективным. Мы просто не оснащены инструментами нейтрального наблюдения. Скорее всего, мы воспринимаем то, что мы хотим воспринимать, то есть то, что вписывается в нашу схему соответствия, то, что мы считаем нужным, и то, что нас – в большой степени прекогнитивно и пререфлексивно – смущает и раздражает. Соответственно, наблюдение в области социальной работы требует высокой степени профессионализма. Профессионализм, который в состоянии, в первую очередь, насколько это возможно, воздержаться от рутинных и устоявшихся оценок, другими словами, профессионализм, не работающий с обычными клише или даже заученными психологизмами, а профессионализм, открытый для оценки. Я думаю, что каждый присутствующий здесь в аудитории понимает, что это не так просто и требует практики и достигнутого таким образом профессионализма. Здесь недостаточно так называемого «здорового смысла», который, в большинстве случаев, не сможет показать нам дальнейших путей работы.

2. Интерпретация

Для оценки состояния увиденной только что нами детской комнаты мы должны интерпретировать увиденное. То есть, мы должны ознакомиться с бытом ребёнка в контексте его жизненной среды и постараться его понять. Несмотря на наши усилия и наш профессионализм, нам никогда не удастся познать это полностью, так как мы не ребёнок, а этот (как и любой другой) ребёнок имеет свою собственную, в своей сущности скрытую от нас идентичность (Nagel, 1974). Поэтому наши выводы являются приблизительными и неизбежно размытыми. Знакомство можно уже назвать в какой-то степени частью наблюдения. Мы видим и наблюдаем, как ребёнок ведёт себя и общается. Но как он будет вести себя с нами? Как мы знаем, по крайней мере, со времён Эрвинга Гоффмана (Erving Goffman, 1983), люди играют спектакль, взаимодействуя друг с другом. Так что всё зависит в значительной степени от контекста, а также

возраста ребенка, ожиданий и ожиданий от этих ожиданий, а также от того, что знает ребёнок о нашем задании и функции. Короче говоря, что он решит сделать и сказать, чтобы соответствовать нам или же, совсем наоборот, чтобы нам возразить, бросить нам вызов и отстраниться. Всё это элементы, которые предшествуют нашей интерпретации и лежат в её основе. Это, конечно же, означает также, что мы можем неправильно понять и интерпретировать эти элементы. Именно поэтому они указывают на значительную важность коммуникативных и профессиональных методологических навыков, которые необходимы социальному работнику. Их отсутствие может привести к опасному развитию ситуации и, в зависимости от обстоятельств, иметь весьма разрушительные последствия для дальнейшего процесса.

Основой интерпретации является то, что мы наблюдали, что мы услышали в процессе общения и восприняли. Но здесь важным является умение в языковой и письменной форме отделить наблюдаемое и услышанное от интерпретации и не допустить их слияния. В частности, это означает, что необходимо записать, что я увидел то-то и затем это так-то проинтерпретировал. Последующий отрывок не из мнимого, а реального отчёта: «Детская комната создаёт впечатление хаоса, из чего следует, что ребёнок перегружен; очевидно, что ребёнку не хватает поддержки и руководства со стороны матери», показывает катастрофические последствия непрофессиональной документации. В данном случае наблюдение, интерпретация и оценка слились воедино, негативная картина нарисована и, возможно, мы этого не знаем, не имеет ничего общего с реальностью, а подтверждает, вероятно, только глубинные предрассудки автора.

Документация, как было отмечено, служит для создания прозрачности. Только какую прозрачность, какую картину предлагает нам эта фраза: «Детская комната создаёт впечатление хаоса, из чего следует, что ребёнок перегружен; очевидно, что ребёнку не хватает поддержки и руководства со стороны матери?». Она инсинуирует, точнее говоря, рисует нам картину перегруженного ребёнка, не справляющегося со своей жизненной ситуацией, мать которого, видимо, не заботится о нём, так как сама перегружена, и, в конечном итоге, обвиняет мать в неблагополучии ребёнка. Это имело бы, в самом деле, катастрофические последствия. Но в действительности это могло бы быть иначе; только тогда такой отрывок не нёс бы никакой смысловой нагрузки, так как языковой релятивизм «вроде бы производит впечатление; можно сделать выводы; явно отсутствует» служит в данном случае снятию ответственности с автора, если вдруг возникнут сомнения, что это могло бы быть иначе.

3. Оценка

За интерпретацией следует оценка. Квалифицированная оценка требует высокого уровня профессионализма. Для этого необходимы социологические и психологические навыки. Как выглядят детские комнаты в определённых социальных слоях и в определённых детских возрастных группах? О чём говорит нам порядок и о чём беспорядок? Являются ли они важными предикторами, и если да, то предикторами чего? Как оценить, в более широком смысле, (само)презентацию ребёнка, которую он мне предоставляет? Сколько игры, сколько откровенности, может быть, даже скепсиса, страхов, дистанцированности и отстранения я увидел? Какие первые предварительные выводы могут быть сделаны из этого на основе моей профессиональной компетенции?

Уже по этим вопросам ясно, что оценочная документация служит в первую очередь саморефлексии. Это значит, я должен отчитаться перед собой за своё оценочное суждение, а также за свои, частично глубоко укоренившиеся, предрассудки (ожидания, желания и страхи), всё это тщательно продумать и действовать со всей осторожностью (Devereaux, 1984). На самом деле, записанные оценочные суждения в материалах дела, точнее в документации являются часто поспешными и далеко не оправданными.

В практике социальной работы снова и снова (и уже на протяжении десятилетий, что следует из исследований Продоша Айха) встречаются в материалах дела методы работы, достойные критики: с одной стороны, это непроверенные ссылки на третьих лиц по принципу: «... также соседи сообщили ...», или: «Моя бабушка наблюдала, как ...». На самом деле, бабушка, в лучшем случае, сообщила или в разговоре упомянула, что она это заметила. Кроме того, иногда встречается неосознанное заимствование предположений экспертов, как например: «С точки зрения учителя, у ребёнка есть нарушения в развитии...», или: «Мальчик ясно показывает агрессивные тенденции, что было также подтверждено детским врачом...». Особенно в материалах дела можно часто найти ссылки на заключения экспертов, привлечённых со стороны (детский врач, преподаватель), что является распространённым и довольно популярным способом подстраховки своей собственной оценки. Здесь, однако, остается открытым вопрос, насколько точно и в каком контексте была дана оценка экспертами, особенно, если нет письменного заключения. Стоит заметить, что в последующем ведении дела мнение экспертов играет решающую роль даже тогда, когда появляются другие обстоятельства, требующие пересмотра дела (Aich, 1973). Это показывает, что социальные работники и по сей день редко ставят под сомнение мнение экспертов. Это мнение является для них своего рода подтверждением собственного заключения, от которого трудно отказаться. Показания

экспертов исправляются (или подтверждаются) только в том случае, если к делу привлекаются новые заключения экспертов, но иногда это может занять много времени. Поразительно, что в материалах делах часто фиксируется удивительно гладко протекающий процесс, что уже заметили Айх и его сотрудники. Это, очевидно, связано с тем, что социальные работники стойчески придерживаются на протяжении длительного времени зафиксированных в материалах дела обстоятельств (которые на самом деле являются сконструированными!) и данной ими оценки. С другой стороны, мы также находим материалы дела, наиболее небрежно зафиксированные, в которых тематические проблемные ситуации и конфликты в дальнейшем процессе полностью скрыты; их, кажется, больше просто не существует, и никто не узнает, почему это так. Таким образом, для посторонних создаётся впечатление непрофессиональности и небрежности, для внешнего отслеживания процесса, например, для судебных дел, это катастрофа.

Тем не менее, не позднее, чем на этом этапе, следует поставить вопрос, какую роль играет или должна играть оценочная документация в социальной работе? Хочет ли автор, по возможности, полностью и всесторонне письменно зафиксировать жизненную ситуацию и проблемы клиента в целях прозрачности и соответствующей последующей оценки или же он преследует определённую, вначале скрытую цель, например, обоснование вмешательства или определённых воспитательных мер или же, наоборот, с целью прекращения рассмотрения дела? В этом случае, обширная квалифицированная оценочная документация незаметно становится документацией для оправдания собственных действий, что, в свою очередь, было бы ошибочным.

4. Описание

Это кажется на первый взгляд легко: то, что я вижу и слышу, воспринимаю, интерпретирую и оцениваю, то я и записываю. Но письменная речь является трудным и сложным делом. Она начинается не на бумаге, а в голове, то есть с размышления (Pospiech, 2011). Автор должен вначале ответить на следующие вопросы:

- какую функцию должен выполнять (приоритетно) написанный отчёт;
- для кого составляется данный отчёт;
- какие профессиональные навыки и какая информация необходима для его составления.

Автор должен иметь ясные представления о типе текста, то есть о том, как будет построен его отчёт: идёт ли речь о хронологическом описании обстоятельств дела в долгосрочном процессе помощи – к такому отчёту принадлежат записи в деле, как например, экспертное заключение, направленное в суд или

другие инстанции (см. более подробно: Schimke, 2012: 261 ff.) или же речь идёт о протоколе, записи беседы или серии бесед, которые фиксируют основные результаты и способствует заключению соглашения между собеседниками.

Особой формой является собрание фактов, в основном, социобиографических данных (имя, адрес, возраст, профессия и т.д.). Эта форма документации – титульный лист – составляется сейчас в стандартизированной или частично стандартизированной форме, но требует тем не менее обдумывания, так как не всё, что социальный работник узнаёт от своего клиента, необходимо и разрешено письменно фиксировать в материалах дела. В Германии это регулирует Закон о защите данных. Так, например, перенесённые острые заболевания или сексуальная ориентация, религиозная принадлежность могут быть только в том случае записаны в материалы дела, если это непременно необходимо для процесса помощи, если это к тому же разрешено законом или же если заинтересованное лицо дало своё согласие. Личные данные, не являющиеся существенными для процесса помощи, не могут быть запрошены или же сохранены, то есть письменно зафиксированы и переданы третьим лицам. Наконец, все собранные и необходимые личные данные должны быть по всем правилам защищены от доступа посторонних третьих лиц (см. подробно: Gola/Schomerus, 2015).

Само описание должно, как правило, следовать ниже представленной структуре:

- автор отчета, причина, цель, дата (даты); при необходимости, продолжение предыдущих отчетных данных / документации;
- по возможности максимально нейтральное описание того, что было зафиксировано в процессе наблюдения и в беседах с клиентом – это включает в себя (явно не оценочную) передачу высказываний, пожеланий, точек зрения клиента и его окружения;
- компетентная и профессиональная интерпретация увиденного и услышанного, при необходимости подкреплённая обоснованными экспертными заключениями со стороны третьих лиц;
- надлежащая экспертная оценка результатов на текущем этапе по возможности с указанием уровня собственных аналитических навыков;
- обоснованное предложение или же обоснованное решение о дальнейших действиях;
- указание даты повторного предъявления документов.

Последним, но не менее важным аспектом, на что справедливо указал Ганс-Юрген Шимке, является внешнее, наглядное оформление документации, позволяющее читателю легко и хорошо в ней ориентироваться. Это означает,

что текст должен содержать подзаголовки, что отдельные, но взаимозависимые обстоятельства дела, связаны в смысловые абзацы и отдельные предложения сформулированы четко и лаконично, так как визуальный дизайн документа как таковой уже многое говорит о качестве работы и квалификации автора. А от социального работника следует ожидать профессионализма.

**DOKUMENTATION IN DER SOZIALEN ARBEIT:
BEOBACHTEN ♦ INTERPRETIEREN ♦
BEWERTEN ♦ VERSCHRIFTLICHEN**

H. Bossong
*University of Duisburg-Essen,
Nizhny Novgorod State University*

Dokumentation ist eine überaus wichtige Aufgabe im Feld der Sozialen Arbeit. Dennoch wird sie bis heute in der Alltagspraxis von Sozialarbeiter/innen vielfach vernachlässigt und in ihrer Relevanz unterschätzt (vgl. Schimke, 2012). Selbst in der akademischen Aus- und Weiterbildung spielt sie in Deutschland seit Jahrzehnten kaum eine Rolle mehr (vgl. Oberloskamp, 2009).

Aus verwaltungs- und rechtswissenschaftlicher Sicht ist es indes fast ausnahmslos die schriftlich in Akten niedergelegte Dokumentation, die Transparenz über das sozialarbeiterische Geschehen im Hilfeprozess mit dem oder den Klienten schaffen kann. Sie dient somit in erster Linie und ganz maßgeblich dem Schutz der Klient/innen. Dokumentation dient – zweitens – aber auch der reflexiven (ex post-) Selbstvergewisserung des Sozialarbeiters bzw. der Sozialarbeiterin über das, was im Hilfeprozess passiert ist, was Anlass und Grund der sozialarbeiterischen Intervention war und worauf die Intervention in ihren verschiedenen Stadien jeweils abzielte. Dokumentation dient – drittens – der möglichst reibungslosen Übergabe eines Falls bzw. eines Klienten an einen Kollegen bzw. eine Kollegin, denn diese/r kann idealerweise aus der Dokumentation das bisher Geschehene problemlos rekonstruieren und auf Basis dessen den Fall zielführend weiterbearbeiten. Schlussendlich dient – viertens – die Dokumentation dem innerorganisatorischen Tätigkeitsnachweis; es lässt sich erkennen, dass und was der Sozialarbeiter bzw. die Sozialarbeiterin getan, also geleistet hat.

Vor allem dem zuletzt genannten Punkt – *Dokumentation als Leistungsnachweis* – wird seit einigen Jahren, und zwar nicht zuletzt aus Gründen der Kostentransparenz und -optimierung im sozialarbeiterischen Feld, einige Aufmerksamkeit geschenkt. Doch das reicht bei Weitem nicht aus, vielmehr führt es unter qualitativen

Gesichtspunkten oft in die Irre: Wer dokumentiert, um seine eigene, selbst erbrachte Leistung nachzuweisen, geht mit einem sehr speziellen, nicht selten verzerrenden Blick an die Sache heran. Im Fokus steht die Absicht, zu beweisen, dass man viel und gut gearbeitet hat. Die Lebenswirklichkeit des Klienten, die Irrungen und Wirrungen des Hilfesgeschehens, vor allem aber die Widersprüche, Schwächen und Friktionen im Prozessgeschehen werden so oft nur unzureichend bzw. selektiv festgehalten und nicht selten auf das anvisierte Ziel hin bzw. auf das geplante Programm hin zugerichtet. Bei all dem, was man in einem Leistungsnachweis dokumentiert, will man – was verständlich ist – nicht schlecht dastehen und vermeidet also in der Dokumentation alles, was einem professionellen Eindruck zuwiderläuft. Das heißt: Eigene Fehler und eventuelle Fehlentscheidungen werden in aller Regel nicht dokumentiert, vielleicht nicht einmal reflektiert, stattdessen werden Schwierigkeiten, Probleme und Fehlentwicklungen eher dem Klienten als sich selbst zugeschrieben. Es liegt auf der Hand, dass ein solches Procedere zu teilweise durchaus gravierenden weiteren Fehlern und Fehlentwicklungen im Hilfesgeschehen führen kann. Mit anderen Worten: Die Dokumentation bzw. die (Fall-)Akte beginnt ein Eigenleben zu führen, das auf Dauer immer weniger mit der Realität des Klienten und seiner realen Entwicklung, zugleich aber womöglich auch immer weniger mit dem realen Prozessgeschehen zu tun hat. D.h., das in der Akte dokumentierte Geschehen und die reale Wirklichkeit können mehr oder weniger zwei völlig unabhängige Dinge sein. Das kann natürlich auf Dauer nicht gutgehen. Vor allem werden auf diese Weise alle übrigen, vorhin genannten wichtigen Funktionen der Dokumentation konterkariert: Die Akte ist hier dann eine Ansammlung vollgeschriebenen Papiers oder elektronischer Daten, die statt Transparenz ein Höchstmaß an Widersprüchlichkeiten beinhaltet und so Intransparenz schafft; sie ist eine Ansammlung von Papier bzw. Dateien, die keinem Kollegen, der den Fall gegebenenfalls übernimmt, Anhaltspunkte dafür bietet, nachzuvollziehen, was warum und wie im bisherigen Geschehen tatsächlich passiert ist. Schlimmer noch: Womöglich wird der Sozialarbeiter, der den Fall übernimmt, auf eine völlig falsche Fährte gesetzt und geht in seinem eigenen Tun von mehr oder minder abseitigen und irrigen Voraussetzungen aus – und schadet so dem Klienten und dem weiteren Hilfesgeschehen. Schließlich nützen derlei Dokumentationen natürlich auch nicht mehr der eigenen Selbstreflexion – die Mühe des dokumentierenden Sozialarbeiters besteht ja stattdessen im schlimmsten Fall in der kunstvollen weiteren Ausschmückung des bereits beschrittenen Irrweges, im Verfassen einer Legende. Doch dies, das muss man sagen, ist tatsächlich der worst case und durchaus nicht unbedingt der Regelfall. Aber es gibt solche Fälle, und zwar nicht ganz selten: In nahezu allen Ereignissen, in denen in den letzten Jahren von Jugendämtern in Deutschland betreute Kinder zu Tode kamen oder schwer misshandelt bzw. vernachlässigt wurden, fanden

sich durchweg gravierende Mängel in den Falldokumentationen. Auch eigene, von mir selbst und meinen Mitarbeitern durchgeführte Sichtung zu Falldokumentationen im Allgemeinen Sozialdienst zeigen überwiegend mehr oder minder gravierende Mängel. Tatsächlich ist dies alles überaus misslich, denn Akten gelten gemeinhin als das „Gedächtnis der Verwaltung“ (Fiseler/Herborth, 2010: 232); Vollständigkeit und Richtigkeit sind hier essentiell. Was also ist zu tun?

Gemeinsam mit der der Koordinatorin unseres Bachelor/Master-Studiengangs „Soziale Arbeit“ und der Leiterin der Schreibwerkstatt unserer Universität bin ich derzeit dabei, ein Weiterbildungsangebot für Sozialarbeiter/innen zu entwickeln, das sich dem Thema *Dokumentation in der Sozialen Arbeit* widmet und demnächst in mehreren Modulen berufstätige Praktiker/innen in ganz Deutschland entsprechend schulen wird. Bereits zuvor haben wir im vergangenen Semester damit begonnen, in unserem eigenen Bachelor-Studiengang „Soziale Arbeit“ eine Gruppe von Studierenden in der Dokumentation und Aktenführung gezielt zu qualifizieren. Beides, das Qualifizierungsprogramm für unsere Studierenden und das Weiterbildungsprogramm für berufstätige Sozialarbeiter/innen sollen und können sich – durch Erfahrung und Forschung angereichert – wechselseitig befruchten und kontinuierlich verbessern.

Vier Schritte sind es, die den Kern einer guten Dokumentation in der Sozialen Arbeit ausmachen: Beobachtung, Interpretation, Bewertung und Verschriftlichung. Den Abschluss der Dokumentation bildet normalerweise die zu treffende und dann verschriftlichte Entscheidung.

1. *Beobachtung*

Ein simples Beispiel, das wir alle kennen: Was sehen wir - ein halb volles oder halb leeres Glas?

Der Psychologe würde wohl sagen: Es kommt drauf an, ob wir Optimisten oder Pessimisten sind. Tatsächlich beschreiben wir nicht, sondern bewerten bereits, wenn wir antworten, es handle sich um ein halb leeres oder um halb volles Glas. Die wertneutrale Beschreibung lautete indes: Im Glas befindet sich zur Hälfte eine transparenter Flüssigkeit, zur anderen Hälfte Luft. Doch so antworten wir im Allgemeinen nicht und sind uns der Bewertung unserer Antwort zumeist nicht einmal bewusst.

Ein zweites Beispiel: Was sehen wir – ein Zimmer mit sehr vielen Gegenständen oder ein unordentliches, chaotisches Zimmer?

Haben wir es hier also mit einem unordentlichen Kind zu tun, gar mit einem Kind, das im Chaos zu versinken droht? Oder lebt hier vielleicht ein Kind, das eine zwar sehr eigenwillige, aber doch vielleicht für sich selbst stimmige Ordnung pflegt. Hatte dieses Kind es vielleicht am Morgen vor dem zur-Schule-Gehen ganz eilig oder hatte es vielleicht verzweifelt etwas gesucht und dabei alles durcheinander gebracht? Lebt hier ein gestörtes, vielleicht sogar vernachlässigtes Kind? Oder lebt hier umgekehrt ein vielleicht sehr kreatives Kind? Was also notieren wir für unsere Akte? Nun, das Beste wäre, wir würden ein Foto machen und dieses zur Akte nehmen. Aber was schreiben wir dazu? Und vorangehend: Was denken wir dazu?

Beide Beispiele sollen uns verdeutlichen, dass es mit dem Beobachten und Beschreiben alles andere als leicht ist. Deutlicher noch: Es gibt keine objektive Beobachtung, sondern, wie uns die Kognitionspsychologie lehrt (vgl. z.B. Lepsien u.a., 2005; van Zomeren/Brouwer 1994), stets nur eine selektive; wir sind schlicht nicht dazu ausgerüstet, wertneutral zu beobachten. Vielmehr nehmen wir wahr, was wir wahrnehmen *können*, resp. *wollen*, d.h. was in unser Relevanzschema passt, was uns wahrzunehmen wichtig ist und was uns – übrigens zu einem Gutteil zunächst präkognitiv und präreflexiv – irritiert. Dementsprechend erfordert Beobachtung im sozialarbeiterischen Feld ein erhebliches Maß an Professionalität. Eine Professionalität, die imstande ist, zunächst einmal, soweit es geht, Abstand zu nehmen von routinisierten und habitualisierten Bewertungen, die, mit anderen Worten, gerade nicht mit gewohnten Klischees oder auch einstudierten Psychologismen daherkommt, sondern bewertungsoffen ist. Ich glaube, jede/r hier im Auditorium versteht, dass dies alles andere als leicht ist und Übung sowie eine dadurch erreichte Professionalität (einschließlich sprachlicher Reflexionskompetenz und Formulierungssicherheit) verlangt. Der so genannte „gesunde Menschenverstand“ reicht jedenfalls eher nicht aus und führt uns vor allem meist nicht wirklich weiter.

2. Interpretation

Um den Zustand des eben gesehenen Kinderzimmers zu bewerten, müssen wir das Gesehene interpretieren. Das heißt, wir müssen das Kind in seiner Lebenswelt und in seinem Alltag sowie im Kontext seiner Umwelt kennenlernen und zu verstehen suchen. Dies wird uns – bei all unserem Bemühen und trotz all unserer Professionalität – immer nur ein Stückweit und nie vollständig gelingen, weil *wir* nicht das Kind sind, sondern dieses (wie jedes) Kind seine eigene und uns im Kern immer verborgen bleibende Identität besitzt (vgl. Nagel, 1974). Also versuchen wir es näherungsweise und mit zwangsläufiger Unschärfe. Das Kennenlernen selbst lässt sich in gewisser Weise als Teil der Beobachtung bezeichnen. Wir sehen und beobachten es in seiner Art, sich uns zu präsentieren und mit uns zu kommunizieren. Doch wie wird es sich uns präsentieren? Wie wir spätestens seit Erving Goffman (1983) wissen, spielen die Menschen einander Theater, wenn sie miteinander umgehen. Es hängt also wiederum maßgeblich vom Kontext, auch vom Alter des Kindes, von der Erwartung und Erwartungserwartung sowie davon ab, was das Kind über uns, unseren Auftrag und unsere Funktion weiß, kurz: was es glaubt tun und sagen zu müssen, um uns zu entsprechen – oder aber auch ganz anders: uns zu widersprechen, uns herauszufordern und sich abzugrenzen. All dies sind Elemente, die unserer Interpretation vorausgehen und zugrunde liegen. Das heißt freilich immer auch: Es sind Elemente, die wir missverstehen und fehlinterpretieren können. Sie verweisen gerade deshalb auf die eminente Bedeutung der (Kommunikations- und Handlungs-)Methodenkompetenz, derer die Sozialarbeiter/innen bedürfen. Fehlt es hieran, dann geraten die Dinge in eine Schiefelage, die sich im weiteren Prozess unter Umständen durchaus verheerend auswirken kann.

Das Beobachtete sowie das in der Kommunikation Gehörte und Wahrgenommene ist die Basis unserer Interpretation. Aber es ist wichtig, in der Dokumentation das Beobachtete und Gehörte (schrift-)sprachlich strikt von der Interpretation zu trennen und nicht beides in eins zerfließen zu lassen. Konkret bedeutet dies, aufzuschreiben, dass ich dieses und jenes gesehen und es *sodann* so oder so interpretiert habe. Eine (durchaus nicht erdachte, sondern tatsächlich vorgefundene) Berichtspassage: „Das Kinderzimmer macht einen chaotischen Eindruck und lässt darauf schließen, dass das Kind überfordert ist; es mangelt offenbar auch an Unterstützung und Anleitung durch die Mutter“, zeigt die ganze Verheerung, die durch unprofessionelle Dokumentation zum Ausdruck kommen kann. Hier sind Beobachtung, Interpretation und Bewertung in eins verschmolzen, das (Negativ-)Bild ist gezeichnet und hat – wir wissen es nicht – möglicherweise nichts mit der Realität zu tun, sondern bekräftigt womöglich nur tief sitzende Vorurteile des Verfassers.

Dokumentation aber, so hatte ich eingangs gesagt, dient der Herstellung von Transparenz. Nur welche Transparenz, welches Bild, bietet uns dieser Satz an: „*Das Kinderzimmer macht einen chaotischen Eindruck und lässt darauf schließen, dass das Kind überfordert ist; es mangelt offenbar auch an Unterstützung und Anleitung durch die Mutter.*“ Er insinuiert bzw. bietet uns ein mit sich und seiner Lebenssituation überfordertes Kind an, dessen Mutter sich offenbar nicht kümmert bzw. ihrerseits selbst überfordert ist und sich letztlich am Wohl des Kindes schuldig macht. Das wäre in der Tat verheerend. Doch in Wahrheit könnte es eben auch ganz anders sein; nur das sagt eine solche Berichtspassage nicht aus und lässt es nicht einmal als ernst zu nehmende Alternative zu, denn die sprachliche Relativierungen „... mache einen Eindruck ...“, „lässt darauf schließen ...“ und „... mangelt offenbar ...“ dienen hier keinem anderen Zweck als der Selbstentlastung des Autors – im Zweifel könnte es eben auch anders sein.

3. *Bewertung*

Auf die Interpretation folgt die Bewertung. Diese sachgerecht zu treffen, erfordert wiederum ein hohes Maß an Professionalität. Gefragt sind hier beispielsweise soziologische und psychologische Kompetenzen. Wie sehen Kinderzimmer in bestimmten sozialen Milieus und in bestimmten kindlichen Alterskohorten aus? Was sagt uns Unordnung, was Ordnung? Sind sie überhaupt relevante Prädiktoren, und wenn ja, wofür? Wie bewerte ich – im umfassenderen Sinne – die (Selbst-)Präsentation, die das Kind mir bietet? Wieviel Theater, wieviel Offenheit, vielleicht auch Skepsis, Ängstlichkeit, Distanz und Abgrenzung habe ich erlebt? Was lässt sich daraus auf Basis meiner professionellen Kompetenz in einer ersten Vorläufigkeit schließen?

Bereits an diesen Fragen wird deutlich, dass die bewertende Dokumentation immer auch zuvörderst der Selbstreflexion dient. Das heißt, ich muss mir über mein eigenes wertendes Urteil einschließlich meiner zum Teil tief verankerten Vor-Urteile (Erwartungen, Begierden und Ängste) Rechenschaft ablegen, dies gründlich durchdenken und mit aller gebotenen Vorsicht vorgehen (vgl. hierzu grundlegend: Devereux, 1984; für die Soziale Arbeit: Heinzl u.a., 2009). Tatsächlich aber sind verschriftlichte Werturteile in Akten bzw. Dokumentationen sehr häufig vorschnell gefasst und alles andere als begründet.

Immer wieder (und zwar seit Jahrzehnten, wie aus einer Untersuchung von Prodosch Aich u.a. hervorgeht) finden sich in sozialarbeiterischen Akten bestimmte, durchaus kritikwürdige Verfahrensmuster: Zum einen sind es (ungeprüfte) Rekurse auf Aussagen Dritter nach dem Motto, „... auch von Nachbarn wird berichtet ...“, oder: „Die Großmutter hat beobachtet ...“ – in Wahrheit hat sie bestenfalls berichtet oder gesprächsweise erwähnt, dass sie etwas beobachtet hat. Des Weiteren ist es die

mitunter gänzlich unreflektierte Übernahme der Stellungnahmen von Experten, etwa: „Aus Sicht der Lehrerin ist das Kind entwicklungsgestört...“, oder: „Der Junge zeigt deutlich autoaggressive Tendenzen, wie dies auch der Kinderarzt bestätigt hat ...“. Gerade der in Akten oft zu findende Hinweis auf die Expertise weiterer Akteure (Kinderarzt, Lehrerin) ist eine gängige und durchaus beliebte Methode, die eigene Bewertung abzusichern. Offen bleibt hier indes oft, in welchem Zusammenhang und wie prägnant die Aussagen der herangezogenen Experten getroffen wurden, zumal wenn schriftliche Gutachten nicht vorliegen. Bemerkenswert ist hier zudem, dass häufig im weiteren Verlauf der Dokumentation derlei vage Expertenaussagen ihr enorm starkes Gewicht auch dann behalten, wenn anders gelagerte Indizien eigentlich eine Überprüfung bzw. Revision angezeigt sein lassen (vgl. hier schon: Aich 1973). Hier zeigt sich, dass es Sozialarbeiter/innen zum Teil bis heute schwer fällt, Expertenmeinungen infrage zu stellen. Stattdessen scheinen sie eher eine gewisse (Urteils-)Sicherheit zu bieten, die nicht gerne aufgegeben wird. Korrigiert (oder bestätigt) werden derlei Expertenaussagen erst durch später hinzugezogene neue Gutachten; doch das kann mitunter lange dauern. Schließlich ist auffällig, dass in Akten nicht selten ein merkwürdig geradliniger Verlauf festzustellen ist, der, so hatten es schon Aich und seine Mitarbeiter bemerkt, offenbar im Wesentlichen darauf zurückgeführt werden kann, dass an den einmal dokumentierten Sachverhalten (das sind, wie deutlich geworden sein sollte, in Wahrheit aber immer Konstruktionen!) und der einmal getroffenen Bewertung über längere Zeit – fast stoisch – festgehalten wird. Andererseits finden wir auch Akten – und das sind die besonders schlecht geführten –, in denen einmal thematisierte Problemlagen und Konflikte im späteren Verlauf völlig ausgeblendet werden; sie scheinen einfach nicht mehr da zu sein und niemand erfährt, weshalb dies der Fall ist. Für Außenstehende entsteht somit der Eindruck einer recht unprofessionellen Sprunghaftigkeit und Schlamperei – für die externe, ggf. gerichtliche Nachvollziehbarkeit ist dies ein Desaster.

Spätestens dies wirft allerdings auch die Frage auf, welchen Zweck zuweilen bewertende Dokumentationen erfüllen sollen oder wollen. Will der Verfasser möglichst vollständig und umfassend die Lebenssituation und die Problemlagen eines Klienten im Interesse von Transparenz und angemessener Ex-post-Beurteilung schriftlich vermerken, oder will er ein bestimmtes, zunächst latent bleibendes Ziel verfolgen, nämlich z.B. eine erzieherische Maßnahme bzw. Intervention als „gut begründet“ durchsetzen oder umgekehrt den ganzen Fall als „nicht erheblich“ ad acta legen. In diesem Falle würde aus einer umfassenden und sachgerecht bewertenden Dokumentation leicht unter der Hand eine reine Legitimationsdokumentation. Und genau das wäre wiederum nicht nur fehlerhaft, sondern es würde vor allem auch dem Klienten mitnichten gerecht.

4. Verschriftlichen

Es scheint auf den ersten Blick ein Leichtes: Was ich sehe und höre, was ich wahrnehme, was ich interpretiere und was ich bewerte, das schreibe ich auf. Doch die Schriftsprache ist eine schwierige und das Schreiben eine herausfordernde Angelegenheit. Sie beginnt nicht mit dem Schreiben, sie beginnt im Kopf, d.h. mit dem Nachdenken (vgl. Pospiech, 2011). Der Verfasser muss sich vorab fragen, welche Funktion der verschriftlichte Bericht (prioritär) erfüllen soll; er muss sich fragen, an wen er den Bericht adressieren will und welches Fach- und Vorwissen er voraussetzen kann. Es muss sich über den Texttypus klar werden, d.h. darüber ob es sich bei seinem Bericht um einen chronologisch aufgebauten Verlaufsbericht über das prozesshafte Geschehen in einem längeren Hilfeverlauf handelt – hierzu gehören z.B. Aktenvermerke –, oder ob es sich um eine gutachterliche Stellungnahme handelt, die z.B. an ein Gericht oder eine andere externe Entscheidungsstelle adressiert ist (vgl. hierzu näher: Schimke, 2012: 261ff.), oder ob es sich um eine Niederschrift, ein Protokoll eines Gesprächs bzw. einer Gesprächsreihe handelt, die beispielsweise die wesentlichen Ergebnis- und Vereinbarungspunkte festhalten und zur Beschlussfassung zwischen den Gesprächspartnern vorsehen will.

Eine Sonderform stellt die reine Faktensammlung dar, in der vor allem die soziobiographischen Daten (Name, Adresse, Alter, Beruf usw.) zusammengetragen werden. Diese Form der Dokumentation – früher nannte man dies das „Vorblatt“ einer Akte – wird heute überwiegend in standardisierter bzw. teilstandardisierter Form erledigt, erfordert aber gleichwohl insofern ein Nachdenken, als durchaus nicht immer alles, was der Sozialarbeiter in seinen Klienten-Kontakten erfährt, in der Akte verschriftlicht werden muss und darf. In Deutschland setzt hier insbesondere das *Datenschutzgesetz* Grenzen: So dürfen z.B. durchgemachte oder akute Krankheiten, die sexuelle Orientierung, Konfessionszugehörigkeit und Ähnliches immer nur dann erfasst und notiert werden, wenn dies für das Hilfeschehen unabweisbar notwendig und erforderlich ist, wenn es zudem vom Gesetz her erlaubt ist oder wenn der Betroffene ausdrücklich zugestimmt hat. Personenbezogene Daten, die für das Hilfeschehen nicht von Belang sind, dürfen dagegen weder erhoben noch gespeichert, also in Akten verschriftlicht, und selbstverständlich auch nicht an Dritte weitergegeben werden. Schließlich müssen sämtliche notwendig erhobenen personenbezogenen Daten regelhaft vor dem Zugriff unbefugter Dritter gesichert aufbewahrt werden (vgl. hierzu im Einzelnen: Gola/Schomerus, 2015).

Die Verschriftlichung selbst sollte normalerweise der hier vorgestellten Gliederungssystematik folgen:

- Verfasser des Berichts, Anlass, Zweck, Zeitpunkt (Datum); ggf. Fortschreibung einer vorangegangenen Berichterstattung/Dokumentation

- möglichst wertungsoffene *Beschreibung* dessen, was beobachtet und durch Gespräch in Erfahrung gebracht wurde – dies schließt ausdrücklich die (nicht bereits wertende!) Wiedergabe der Äußerungen, Wünsche, Sichtweise des Klienten und seines Umfelds ein,
- sach- und fachkundige *Interpretation* des Beobachteten und Gehörten – gegebenenfalls untermauert durch substantiierte gutachterliche Stellungnahmen Dritter,
- sach- und fachkundige *Ergebnisbewertung* auf dem jeweils aktuellen Stand, ggf. mit Angaben zum Grad der eigenen Beurteilungskompetenz,
- der begründete *Entscheidungsvorschlag* bzw. *die Entscheidung* zum weiteren Vorgehen (die Entscheidung beinhaltet die Zieldefinition),
- Angabe zum Zeitpunkt der Wiedervorlage.

Last but not least erscheint es nützlich – auch hierauf hatte Hans-Jürgen Schimke (a.a.O.) zu Recht hingewiesen, dass die Dokumentation in ihrer äußeren, optischen Gestaltung so gehalten wird, dass der Leser bzw. die Leserin sich gut und leicht zurechtfindet. Dies bedeutet, dass sich im Text die einzelnen Gliederungspunkte wiederfinden sollten, dass die einzelnen, jeweils zusammenhängenden Sachverhalte in sinnhaft aufeinander aufbauenden Absätzen verfasst und die einzelnen Sätze klar und prägnant formuliert werden sollten. Denn es stimmt ja: Die äußere, optische Gestaltung eines Dokuments sagt per se schon viel aus über die Qualität und Qualifikation des Verfassers. Und von Sozialarbeiter/innen sollten wir Professionalität erwarten können.

СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК – РАБОТНИК СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ **SOCIAL WORKER IS A WORKER OF SOCIAL SPHERE**

С.Ю. Вишнеvский, Ю.Р. Вишнеvский
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)*
S.Y. Vishnevsky, Y.R. Vishnevsky
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin
(Ekaterinburg)*

Социальная работа рассматривается как особый вид профессиональной деятельности с позиций толкования социального, социальной сферы, социальных потребностей человека, социальной политики, социального менеджмента. Акцентируется внимание на прямых и опосредованных функциях социальной работы.

Social work is a special profession which considers social sphere, individual social needs, social politics and social management. Attention is focused on the direct and indirect function of social work.

Ключевые слова: потребности человека, социальная сфера, социальное государство, социальная политика, социальный менеджмент, социальная работа.

Keywords: individual needs, social sphere, welfare state, social politics, social management, social work.

«Я призываю правительства, неправительственные организации, международные институты признать значительный вклад социальных работников в стабильность в обществе, уважать ценности и принципы, на которых строится социальная работа» [1].

Д. Джонс, Президент Международной федерации
социальных работников

Под разговоры об институционализации профессии «социальный работник» и их роли в социуме дискриминация социальных работников сохраняется. Так, средняя зарплата социальных работников России в первом полугодии 2014 г. составляла 55,2% от средней зарплаты в регионе (чуть выше – 70,9% – у работников учреждений культуры; ниже – самая низкая среди всех бюджетников – 49,4% – у младшего медперсонала) [2].

Сегодня поэтому все актуальнее становится социальная защита самих социальных защитников. Представляется, что важнейшей предпосылкой для этого должно стать переосмысление роли социальных работников как работников социальной сферы и современная трактовка самой этой сферы.

Все более усиливающееся внимание к *социальной сфере, к нуждам и потребностям человека* – перспективная тенденция в развитии современного общества. Глобальная «социализация» характерна и для российского социума. Важнейшая конституционная характеристика Российской Федерации – «*социальное государство*» [3]. При всей дискуссионности проблемы – можно ли уже сегодня говорить о «социальности» нашего государства как свершившемся факте? – важен уже избранный ориентир развития. Примечательно определение социального государства немецкими исследователями: «Социальное государство обозначает обязанность государства заботиться о благосостоянии своих граждан. Это обязательство осуществляется путем компетентного вмешательства государства в социально-экономические процессы, когда это необходимо

для поддержания должного уровня благосостояния» [4].

С момента признания в РФ социальной работы *особым видом профессиональной деятельности* и введения новой профессии – социальный работник, специалист по социальной работе, социальный педагог – прошло не так много времени. Но *институционализация данной профессии* [5] – пусть и медленно, противоречиво – идет: работают органы и учреждений социальной защиты, разнообразные социальные службы, ведется подготовка профессиональных кадров и повышение их квалификации. При этом – и исследователи считают это одной из важных особенностей *становления социальной работы в российских условиях* – оно происходит не с «нуля», а как аккумуляция (точнее – адаптация) и зарубежного опыта, и опыта социальной защиты и благотворительности в дореволюционной России, и советского опыта реализации социальной политики.

В анализе социальной работы крайне важно исходное понимание социального. Ориентиром для нас является подход: *социальное = специфическая сфера жизни общества*. Распространено определение социальной сферы как совокупности учреждений *непроизводственных отраслей* народного хозяйства (образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения). Но такая социальная инфраструктура присуща и другим сферам жизни («*производственный быт*»). А с другой стороны, социальная сфера не сводится лишь к социальной инфраструктуре, охватывая специфические – *социальные* – отношения. Если выделить основные подходы

определения социальной сферы в словарях [6], то она рассматривается как:

– совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление;

– отрасли народного хозяйства, не участвующие в материальном производстве, но обеспечивающие организацию обслуживания, обмена, распределения и потребления товара, а также формирование уровня жизни населения, его благосостояния;

– система социальных отраслей и институтов, общественных отношений, обеспечивающих сбережение, формирование, развитие и поддержание необходимого качества человеческого потенциала общества.

Социальная сфера охватывает условия жизнедеятельности людей (экология, здоровье, трудоспособность, быт, семья, образование, социальная обеспеченность и защищенность) и социальные институты, обеспечивающие поддержание и совершенствование этих условий. «Функциональная роль социальной

сферы в жизни общества заключается в том, что в ее рамках проходят *воспроизводство и изменение социальных связей между людьми, условий и образа их жизнедеятельности, условий формирования и удовлетворения их жизненных потребностей*» [7]. *Социальная сфера* включает социально-значимые отрасли, которые определяют вектор социального развития общества в целом. Это образование, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, культура и искусство, спорт. Организации социальной сферы ответственны за удовлетворение основных потребностей человека. Критерий успешности социально-экономического развития – возможность реализации *социальных потребностей* человека, *развитие сфер жизни, связанных с развитием самого человека*. Уровень развития социальной сферы определяет уровень развития общества.

Соответственно, *социальная работа* может быть охарактеризована как специфическая деятельность общества, осуществляемая в интересах удовлетворения человеческих потребностей [8]. По мере становления российской модели социальной работы в её трактовке все более акцентируется не только *социальная помощь и поддержка* («собесовский» аспект), но и *создание условий для нормального социального функционирования* (особенно это проявляется в ориентации на реабилитацию инвалидов), и – даже – *поддержка самостоятельных усилий клиентов в разрешении «трудных жизненных ситуаций» и социальных проблем*. Социальная работа – это профессиональная деятельность оказания помощи индивидам, группам или общинам, направленная на усиление или возрастание их способности к социальному функционированию и создание благоприятных общественных условий для достижения этих целей.

Истоки *социального* подхода – в идеях Р. Оуэна, социалиста-утописта XIX в.. Отмечая, что много времени тратится на «уход» за станками и машинами, он подчеркивал необходимость «ухода» за людьми («живой машиной»), что позволит избежать «ремонта» людей [9].

Наука социального управления в России возникала двумя путями: с одной стороны, в рамках концепций «научного управления обществом» и их практического применения в теории и практике социального планирования, получивших особенно широкое распространение в СССР и других странах социализма в 1970-80-х годах. С другой стороны, – как конкретизация идей общего менеджмента – в 1990-х гг. Поэтому социальный менеджмент в России и сравнительно традиционная наука, и относительно новая наука (и учебная дисциплина). Для традиционного понимания характерны следующие положения: «Теория социального управления исследует механизм управления делами общества. Он представляет собой совокупность многообразных по своему качественному содержанию управленческих отношений и видов деятельности, т.е.

взаимодействий людей по поводу организации совместной жизнедеятельности... Социологический подход направлен на выявление социальной сущности управленческой деятельности и управления как способа организации совместной жизнедеятельности людей». «В теории социального управления человек предстает как субъект управленческой деятельности вообще, а ее конкретное содержание рассматривается как предметное выражение самореализации человека в данной сфере. По существу, теория социального управления охватывает закономерности функционирования и развития человеческих общностей, их деятельности, включенных в систему управленческих отношений». Не отвергая этот подход (но, преодолевая его социоцентризм и исходную убежденность, что именно в социалистическом обществе социальное управление само собой становится научным), мы будем в основном идти от понимания социального менеджмента как составной части общего менеджмента. В рамках процессуальной трактовки общего менеджмента социальный менеджмент рассматривается как высший, современный этап развития менеджмента, связанный с актуализацией в менеджменте проблематики управления человеческими ресурсами, работы с клиентом (в книге Л.Н. Албастовой «Технологии эффективного менеджмента, представленной как пособие по курсу «Социальный менеджмент», гл.1 так и названа: «Социальный менеджмент – современный этап эволюции менеджмента»): «Объект социального менеджмента – не отрасль, не регион, а первичная социальная организация (фирма, учреждение, институт, предприятие, орган власти) и поведение человека в ней» [10].

Социальная политика в широком смысле слова – это вся совокупность воздействий государства и сотрудничающих с ним организаций гражданского общества на различные сферы социальной жизни [11]. «Социальная политика – деятельность и принцип общества, формирующие способ, при котором оно вмешивается и регулирует отношения между индивидами, группами, общинами, социальными учреждениями. Эти действия и принципы являются результатом обычаев и ценностей общества и в большой степени определяют распределение ресурсов и уровень благосостояния его людей. Социальная политика включает планы и программы в сфере образования, здравоохранения, экономической защиты, социального обеспечения, составляемые правительством, добровольными организациями».

Социальная политика реализуется через социальные мероприятия и социальные программы, представляющие систему социальных мероприятий, направленных на решение той или иной социальной проблемы. В социальной программе определяются: квалификация ситуации, решения, этапы решения задач, конкретные меры и способы реализации каждого этапа. Нередко при фор-

мировании таких программ применяется «*дерево целей*», позволяющее системно представить движение от этапа к этапу реализации программы, учесть необходимое количество задач, требующих решения на пути к ее достижению. Наряду с *программно-целевым подходом* в социальной политике все чаще реализуется и *проблемный подход*, в нем акцентируется «дерево проблем», которые необходимо разрешить или смягчить для достижения тех или иных целей.

Сегодня важно точно определить *масштабы и возможности социальной политики*. Порой они трактуются расширительно – как удовлетворение *всех* жизненных потребностей человека. Но многие потребности люди могут и должны обеспечивать самостоятельно, а социальная политика (и – социальные работники) должна лишь создавать для этого благоприятные условия. Вряд ли правомерно под предлогом преодоления «иждивенчества» и «патернализма» и заметно сужать возможности социальной политики.

Должен существенно измениться подход к социальным проблемам. В частности, ориентиром для социальной политики в целом может стать понимание взаимосвязи социума и молодежи, идущее от немецкого социолога К. Манхейма. «Задача исследователей состоит в том, – писал он, – чтобы рассказать, что общество может дать молодежи и что может ожидать общество от молодежи (скрытого ресурса)». Подчеркнем уже сами приоритеты: «*дать*» и – лишь потом – «*ожидать*». В этих условиях многолетний «остаточный» подход к решению социальных проблем молодежи (да и многих других слоев населения) не может не вызывать тревоги.

Возможно, наша трактовка социального работника может показаться излишне широкой. Не исключаем возможности ограничить наш подход, акцентируя в определении социального работника предоставление социальных услуг. Если следовать пониманию услуг Ф. Котлера (известные «4 НЕ», среди которых – неотделимость услуги от процесса ее предоставления [12]), то такое понимание включит клиентоцентризм как основной принцип социальной работы. Главное преодолеть ошибочное представление о социальном работнике как работнике «непроизводительном».

Литература

1. Давай придумаем от бедности закон! [Электронный ресурс] Режим доступа:
<https://www.oprf.ru/ru/press/news/2007/newsitem/920?PHPSESSID=de34qdnsn83stpsnqfbqrsq3a2>
2. Росстат [Электронный ресурс] Режим доступа:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/PublishOTKR_6/index.html

3. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (Конституция РФ. Ст. 7.1. М.: ЭКСМО, 2011.
4. Wörterbuch Soziale Arbeit. Weinheim und Basel. 1988. S. 132.
5. См.: Албегова И.Ф. Институционализация социальной работы в современной России: теория и практика. Ярославль: ЯрГУ, 2004. 163 с.; Саралиева З. М. Социологические технологии в социальной работе // Технологии социальной работы / под. ред. Е. И. Холостовой. М., 2002. С. 180-192; и др.
6. Социальная сфера это...[Электронный ресурс] Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/13866
7. Социальный менеджмент. М., 1999. С. 85.
8. Филатова Е.В. Теория социальной работы. Кемерово, 2007. С. 4.
9. См.: Основы социального управления [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.metal-profi.ru/library/osnov_1.htm
10. Албастова Л.Н. Технологии эффективного менеджмента. М., 1988. С. 32.
11. Ярская В.Н., Яковлев Л.С. и др. Социология молодежи в контексте социальной работы. Саратов, 2004. С. 19.
12. Котлер Ф. Основы маркетинга. М.: Прогресс, 1991. Гл. 19. С. 545-547.

СОЦИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК¹

SOCIAL COMMUNITY OF VOLUNTEERS IN THE MIRROR OF THE TEMPORAL CHARACTERISTICS

Г.Е. Зборовский
*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)*

G.E. Zborovsky
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin
(Ekaterinburg)*

Рассматриваются основные характеристики социальной общности вообще, волонтерской общности, в особенности. Доказывается, что среди многих базовых признаков этой общности темпоральные характеристики волонтеров являются одними из основных, общностнообразующими, а их социальное время выступает одним из основных ресурсов жизнедеятельности.

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00072 «Нелинейная динамика» социального времени в зеркале темпоральных стратегий поведения городских социальных общностей».

The article discusses the main features of the social community in general, volunteers community in particular. It is proved that among many of the basic features of the temporal characteristics of volunteers community are the main, and their social time is one of the basic resources of life.

Ключевые слова: социальная общность, волонтерство, темпоральные характеристики.

Keywords: social community, volunteering, temporal characteristics.

Широкая и междисциплинарная проблема волонтерства как социального феномена может быть рассмотрена сквозь призму разных подходов. Одним из них является общностный. Согласно ему, волонтеры исследуются как социальная общность. В самом общем виде под ней мы понимаем реально существующую, эмпирически фиксируемую, относительно единую и самостоятельную совокупность (взаимосвязь) людей, объединенных по социокультурным, демографическим, экономическим, этническим, территориальным, религиозным, политическим, профессиональным и иным основаниям. Социальные общности характеризуются рядом образующих их признаков: относительной целостностью, осознанием людьми своей принадлежности к ним (идентификацией и самоидентификацией), схожими условиями жизни и деятельности, наличием определенных пространственно-временных полей бытия, реализацией функции самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов [1, с. 110].

Всем этим признакам (с большей или меньшей полнотой) отвечает социальная общность волонтеров. Она характеризуется наличием общих интересов и ценностей, таких как социальная солидарность, взаимопомощь и поддержка, альтруизм, желание оказывать помощь нуждающимся в ней, готовность жертвовать ради этого своими планами, интересами, желаниями, ориентациями. Ей присущи схожие условия жизнедеятельности, идентификация с самой общностью и, как подтверждение этого, наличие «общего статуса». Волонтеры обладают ресурсами в виде профессиональных знаний, умений, компетенций, а также иного экономического, культурного, социального, символического капитала, который позволяет ей выступать как ресурс гражданского общества.

С темпоральной точки зрения, необходимо отметить такую общностно-образующую характеристику волонтерства, как наличие в качестве ресурса времени, выступающего одним из наиболее важных ресурсов общности, да и просто любого человека, особенно волонтера, который тратит свое личное время на других. По мнению П.А. Амбарово́й, «темпоральная стратегия поведения

представляет собой систему жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени для достижения каких-либо жизненных целей» [2, с. 128]. Темпоральные характеристики общности определяются спецификой различных видов ее деятельности, от которой зависит степень свободы в выборе режима, графика, интенсивности действий, их субъективного восприятия.

Любая социальная общность, включая волонтеров, локализует свою деятельность в социальном времени. Вся жизнь социальной общности проходит в изменениях, характеризующихся временными параметрами – длительностью, продолжительностью, последовательностью, чередованием, ритмом и т.п. Вместе с тем, поскольку социальное время расчленено, дифференцировано, структурировано, постольку в этом находит свое отражение феномен «рассечения» жизни социальных общностей по сферам, видам деятельности, процессам, отношениям и т.д.

Следует отметить, что в обществе существует ряд структур социального времени. Некоторые из них обусловлены спецификой социальной общности, которая выступает в качестве субъекта социального времени. Так, если речь идет об обучающихся (школьниках, студентах и т.д.), то основными элементами их социального времени являются учебное и внеучебное (в рамках последнего и свободное) время. Для социальных общностей, занятых производственной деятельностью, характерными являются другие элементы социального времени – рабочее и внерабочее (в рамках последнего и свободное) время. Очевидно, что иные временные структуры будут характеризовать жизнедеятельность таких социальных общностей, как дошкольники, пенсионеры.

Далеко не все социальные общности «вписываются» в подобные временные структуры. Например, относительно этнических общностей, равно как и социально-территориальных, они не «работают» вообще. Там должны быть применены иные критерии. Для многих социальных общностей основанием структурирования социального времени является удовлетворение основных групп потребностей – физиологических, бытовых, социальных, интеллектуальных и т.д. Но о каких бы структурах социального времени ни шла речь, каждая из них, рассмотренная в рамках социологического анализа, способна дать четкое «количественное» представление о специфике образа жизни данной социальной общности, особенностях ее функционирования в сравнении с другими (сопоставимыми) общностями.

Временная характеристика социальной общности связана, конечно же, с продолжительностью ее существования, что является, кстати сказать, одним из критериев классификации общностей (длительно существующие, создающиеся на небольшой срок и т.п.). Временные структуры социальной общности столь

же непреложны, сколь и пространственные. И те, и другие являются обязательными формами ее функционирования.

Сроки, продолжительность существования социальной общности влияют на степень ее устойчивости и восприятия этой устойчивости членами общности. Стабильность и фундаментальность социальной общности формируют у ее членов уверенность в поддержании сложившихся отношений, социального порядка, своеобразное чувство оптимизма. Поэтому психологические факторы восприятия временных параметров социальной общности не могут не оказывать влияния на особенности ее функционирования.

Темпоральные характеристики социальной общности являются показателем определенной тесноты и плотности внутриаобщностных отношений. Общая тенденция состоит в том, что чем продолжительнее период функционирования социальной общности, тем более тесными, плотными являются отношения и взаимодействия внутри ее.

Какие временные характеристики присущи социальной общности волонтеров? Отметим, что в качестве ресурса этой социальной общности время затрачивается в своем большом количестве на добровольческую работу, причем большая его часть – на работу в одиночку и меньшая – на деятельность в структуре НКО [3, с. 67]. Время волонтерской деятельности приобретает характер дополнительного времени, которое, как правило, распределяется неравномерно, с разной периодичностью, но при этом достаточно интенсивно, насыщенно из-за своей ограниченной продолжительности. Временные затраты на волонтерскую работу осуществляются исключительно на добровольной основе, однако это не исключает возможности управления собственным временем. Наконец, и это следует специально подчеркнуть, время волонтерского труда имеет большое общественное значение, что предполагает соответствующую субъективную оценку и особое восприятие волонтерами этого времени.

Говоря об оценке и характеристике времени волонтерского труда, имеет смысл привести точку зрения на него канадского социолога Р. Стеббинса. Он рассматривает волонтерство как деятельность в свободное время, имеющую социальную направленность, и характеризует это время как «серьёзный досуг». Основанием для такого вывода является трактовка волонтерства как самореализации, самовыражения, проявления чувства принадлежности к общности, приобретения определенных навыков деятельности для оказания добровольной помощи и защиты интересов других людей, а также для самовознаграждения и социальной интеграции [4, с. 64–72].

Реальные результаты наших исследований свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения волонтеров в отношении ко времени, его восприя-

тия, структуры их времени, определяющих поведение и мотивы добровольческой деятельности. Итоги такого изучения будут способствовать выявлению специфических характеристик социальной общности волонтеров для выработки дифференцированной политики государства и бизнеса, направленной на поддержку и активизацию потенциала добровольчества через формирование темпоральных стратегий его поведения.

Литература

1. Зборовский Г.Е. Теория социальной общности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009.
2. Амбарова П.А. Понятие и типология темпоральных стратегий поведения социальных общностей // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 1.
3. Зборовский Г.Е., Кузьминчук А.А. Социальная общность волонтеров сквозь призму темпоральных стратегий их поведения // Вестник Сургутского госпедуниверситета. 2014. № 2.
4. Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В БЕЛАРУСИ **THEORY AND PRACTICE OF SOCIAL WORK IN BELARUS**

Л.М. Злотникова

*Белорусский торгово-экономический университет
потребительской кооперации (г. Гомель)*

L.M. Zlotnikova

Belarusian Trade and Economics University of cooperation (Gomel)

Становление социальной работы сопровождается наличием противоречий между теорией, практикой и правовым обеспечением. Высокая теоретическая значимость социального обеспечения людей в жизненно трудных ситуациях не всегда имеет адекватную государственную и общественную поддержку. Небольшой анализ организации социальной помощи показал, что социальные работники – это наименее защищенная категория профессионалов.

Formation of social work is followed by existence of contradictions between the theory, practice and legal support. The high theoretical importance of social security of people in vitally difficult situations not always has adequate state and public

support. The small analysis of the organization of the social help showed that social workers are the least protected category of professionals.

Ключевые слова: теория и практика социальной работы, противоречия, социальное обслуживание, материальное положение, нормативы, финансовые отношения, трудная жизненная ситуация.

Keywords: theory and practice of social work, contradiction, social service, financial position, standards, financial relations, vitally difficult situation.

Возникновение специальности «социальный работник» обусловлено объективными процессами социально-экономического развития. Становление института социальной работы в Беларуси сопровождается комплексом противоречий между теорией, практикой и правовым статусом. Социальная работа определяется как сложная система общественных институтов, выполняющих различные функции по морально-нравственному и социально-экономическому оздоровлению общества. Социальная работа как наука исследует социальные отношения, процессы социального взаимодействия с целью решения проблем клиента, возникающих в результате влияния различных биологических и социальных факторов. Основное внимание хотели бы обратить на фундаментальное противоречие между гуманитарной теорией, нормативной практикой и международной оценкой социальной работы в жизни общества. Воспользуемся некоторыми примерами Республики Беларусь. В республике проводятся определенные исследования социальной работы, издается научно-практический журнал «Социальная работа». 22 мая 2000 г. был принят Закон Республики Беларусь «О социальном обслуживании». В процессе применения неоднократно подвергался редакции.

Анализ публикаций журнала позволяет сделать несколько выводов. Теория социальной работы постоянно развивается, исследуются проблемы развития, регулирования социальных процессов и состояний личности в трудных жизненных ситуациях. Нормативно-правовое обеспечение акцентирует внимание только на некоторых теоретических положениях. Закон о регулировании социальной работы получил название «О социальном обслуживании». В первой статье: социальное обслуживание определяется как «деятельность юридических и физических лиц по оказанию социальной поддержки, предоставлению бытовых, медицинских, психолого-педагогических, правовых услуг и оказанию материальной помощи, созданию условий для социальной адаптации и реабилитации граждан и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации». Трудная жизненная ситуация в законе трактуется как «объективно нарушающая нор-

мальную жизнедеятельность гражданина...» [1]

Высокая теоретическая значимость социальной работы в правовом поле нашла отражение в создании государственной структуры по обслуживанию определенной категории граждан. Виртуальное сходство научного наполнения социальной работы и законодательно закрепленное целеполагание социального обслуживания усиливается декларативным характером основных принципов жизнедеятельности человека. В законе «О социальном обслуживании» записано: «Социальное обслуживание основывается на принципах: адресности; гуманизма; социальной справедливости; социального равенства; доступности; добровольности; конфиденциальности; общей профилактической направленности» [1].

В рамках проведенного небольшого исследования состояния теории и практики социальной работы в Республике Беларусь мы акцентировали внимание на реализации законодательно закрепленных принципов. В соответствии с логикой нормативно-правового акта, на первом месте должна находиться адресность социальной помощи. На практике выявление нуждающихся в действенной социальной помощи не обеспечено финансовыми, материальными и профессиональными ресурсами. Служба социального обслуживания является структурным звеном отделов социального обеспечения. Их количественно содержательная информация о нуждающихся пенсионерах используется для организации социального обслуживания. Информация о состоянии физиологического и психического здоровья находится в медицинских учреждениях, которые несут правовую ответственность за ее нераспространение. Важнейшие особенности обсуживаемого человека оказываются недоступными для социального работника, и таким образом закладываются латентные риски с непредсказуемыми последствиями.

Государственные нормативы численности работников социального обслуживания носят абстрактный характер. Ситуация выполнения профессиональных обязанностей осложняется тем, что в социальном обслуживании господствует принцип «потребитель всегда прав». Как правило, информацию о членах семьи обслуживаемого социальный работник добывает эмпирическим путем. Факты некорректного отношения между членами семьи и социальным работником редко становятся предметом полноценного изучения.

Получение и использование объективной информации по обозначенной проблеме осложняется тем, что государственная статистика сохранила экономическую направленность. Примером утилитарного экономизма служат некоторые данные статьи «Социальная защита населения» (авторы С. Шевченко и Н. Авсеев). В качестве аргумента хорошо организованного социального обслуживания приведены цифры: «В территориальных центрах социального обслуживания по-

мощь оказывается 1,6 млн. граждан и более 300 тыс. семей». [2] Мы попытались их оценить. По данным 2012 г. трудовые пенсии получали 2 млн. 449,3 тыс. человек, из них около 23, 4% продолжали работать. [3] Проведение простых арифметических расчетов показывает, что количество неработающих пенсионеров составило 1876164 человек. Но на наш взгляд, вряд ли 85% пенсионеров находятся в трудной жизненной ситуации. Приведенные данные свидетельствуют о существовании в Республике Беларусь противоречия между объективной оценкой и субъективным восприятием социального обслуживания.

Принцип адресности гораздо шире и содержательнее, чем количество обслуживаемых. Авторы обозначенной статьи, используя арифметически рассчитанные нормы работников, выражают удивление по поводу того, что в городской и сельской местности «Штатная численность работников территориальных центров определяется в зависимости от численности населения в регионе. При этом в сельской местности и малых городах штатная численность работников выше, чем в средних и крупных городах. Странно, что штатная численность не зависит от численности граждан, состоящих на учете в центре». Условия жизни населения крупных городов и малых населенных пунктов характеризуются наличием существенных различий. В рамках обозначенного формата мы обратим внимание на некоторые. Во-первых, транспортное сообщение. Отсутствуют данные о количестве сел и деревень, не имеющих постоянного транспортного обслуживания с районным, областным центрами. В таких населенных пунктах отсутствуют не только аптеки, но и магазины. Социальная функция не только транспорта, но и торговли даже не обсуждается. Все обязаны приносить прибыль. Отсутствие последней влечет за собой ликвидацию маршрутов не только автобусов, но автомагазинов. Большое количество населения в малых городах и сельской местности не имеют элементарных коммунальных удобств. Работник социальной службы по морально-этическим принципам не может отказать в помощи, выходящей за рамки должностных обязанностей.

Введение платности в оказание различных социально-бытовых услуг обнажило еще один комплекс проблем. Необходимость оказания платных услуг усилила материальную ответственность социального работника, наградив его бухгалтерско-финансовой функцией. Одновременно обнажилась проблема денежных отношений с родственниками. Сложно назвать количество тех, кто широко, используя безналичное пенсионное обеспечение, усиливает финансовую ответственность социального работника. В ходе бесед с социальными работниками удалось выявить следующее. Расчеты за оказанные услуги, покупку продуктов питания, лекарственных, гигиенических и прочих товаров родные, близкие или опекуны предпочитают осуществлять после приобретения на основе предъявлен-

ных платежных документов. Действующие нормативные документы не регламентируют финансовые отношения социального работника, клиента и родственников. Подавляющее большинство работников в социальном обслуживании – женщины, часто воспитывающие детей в одиночку, все чаще оказываются в затруднительном материальном положении, испытывают двойной моральный груз. Мы попытались обратить внимание только на некоторые особенности профессиональной деятельности социальных работников, свидетельствующие о существовании противоречий между теорией, правовой базой и практикой оказания помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Закон республики Беларусь «О социальном обслуживании» 22 мая 2000 г. № 395-З. [Электронный ресурс]. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2035 (дата обращения 31.03.2015).
2. Шевченко С., Авсеенко Н. Социальная защита населения [Электронный ресурс] // Социальная работа, 2008. №3. URL: <https://news.mail.ru/inworld/belarus/society/11735358/> (дата обращения 1.04.2015).
3. Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси / Ответственные редакторы: Палади Г.А., Шахотько Л.П., Гагауз О.Е. Кишинев: Штиинца 2010. С. 39-66. [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/2011/0469/analit01.php> (дата обращения 10.04.2015).

НОВОЕ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА: ПРЕКАРИАТ NEW IN THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY: PRECARIAT

Ж.Т. Тощенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
главный редактор журнала «Социологические исследования»*

Zh.T. Toschenko

*Russian State University for the Humanities,
Head editor of «Sociological Studies»*

Понятие «прекариат» образовано от двух слов (от лат. *precarium* – неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса – буржуазии.

Прекариат – принципиально новое образование, означающее наличие социального слоя, который олицетворяет отчуждение не только от результатов труда, но и от всего общества значительных социальных групп, испытывающих особые, изоциренные формы эксплуатации их труда, их знаний, их квалификации, а, в конечном счете, и качества жизни. В эти группы входят те, кто занят временной, эпизодической работой, вовлечен в теневой или «нелегитимизированный» сектор рынка труда, вследствие чего эти люди имеют урезанные социальные права и обладают ущемленным социальным статусом. В целом эти группы образуют достаточно значительный слой во многих странах мира, достигая до 40% численности трудоспособного населения. Таким образом, мы вправе говорить о некоем социальном слое, образующем, на наш взгляд, новый социальный класс, который во многом определяет лицо современных обществ. Тем более показательны слова О. Голодец, вице-премьера правительства РФ: «38 млн. трудоспособного возраста работают в непрозрачных условиях, что представляет серьезную проблему для всего общества» [1].

The term «precariat» was formed from word «precarium», which defines an instable and an unguaranted and word «proletariat» is a class which the bourgeoisie constantly exploited.

Precariat is a new social class which doesn't belong to any social group in society. These people involve in the illegal labour market, that why they haven't got human rights at all. This social group has reached about 40% of working-age population in many countries of the world. Precariat defines a part of a modern society. We suppose that this problem should be studied by researches.

Ключевые слова: социальный класс, прекариат, труд, теневая экономика.

Keywords: social class, precariat, labor, black market (informal economy).

Остановимся на этом подробнее.

Этот феномен возник постепенно, не сразу. Мы не будем останавливаться на исторических предшественниках прекариата. Люди с временной занятостью и сезонной работой в той или иной мере всегда были в истории каждого общества во все периоды своего существования. Проанализируем современный период, когда *эти группы стали представлять не эпизодическое, а устойчивое и все увеличивающееся преобладание специфических форм использования трудоспособного населения и формирования специфических социально-экономических отношений.* Эти группы начали складываться под воздействием идей и политики неолиберализма в 60-70-е годы прошлого века. Неолибералы категорически отрицали роль государства в решении экономических проблем, ни на дух не

переносили идеи централизованного планирования и регулирования. Они характеризовали мир и страны рыночной экономики как свободное пространство, в котором трудовая занятость, прибыль и, соответственно, инвестиции без всяких ограничений перетекают туда, где для капитала нет никаких ограничений. Более того, они категорически выступили против социал-демократической политики, которую в той или иной мере исповедовали в послевоенное время большинство стран Западной Европы. Неолибералы были убеждены, что социальные гарантии для рабочего класса, уступки профсоюзам неизбежно ведут к замедлению экономического роста, ускорению деиндустриализации, понижению эффективности производства. Они также доказывали, что развитие экономики, успешное повышение конкурентоспособности возможно в условиях, когда принципы рынка будут пронизывать не только экономику, но и все сферы жизни общества. В конечном счете, эта установка реализовала *основную цель неолибералов – переложить бремя рисков, все заботы об общественной и личной (приватной) жизни на плечи самих людей*. Либералы отказывались обращать внимание на тот факт, что такая организации жизни экономики повышает уязвимость людей, делает их зависимыми от обстоятельств, на которые они не могут повлиять. *Этой политикой неолибералов была порождена изоциренная эксплуатация трудовых ресурсов*, которая максимально освобождает собственника от ответственности за нормальное существование миллионов людей и их семей. В результате возник класс, который по праву стали называть прекариатом.

Из чего состоит современный *прекариат*?

Во-первых, это *часть трудоспособного населения, постоянно занятого на временной работе*. Социальная группа, насчитывающая в России, по экспертным оценкам, от 30 до 40 % трудоспособного населения, ограничена и лишена тех прав, которыми обладают постоянно работающие сотрудники, имеющие гарантированную занятость. Члены этой группы, как правило, не обладают социальными правами, у них нет оплачиваемого отпуска. Они не могут рассчитывать на помощь в приобретении жилья. Забота о детстве становится их личным делом так же, как и получение образования и повышения квалификации. Это дополняется тем, что у временных работников практически полностью отсутствуют возможности профессионального роста, профессиональной карьеры. *И главное – временная занятость становится постоянно действующей величиной, которая начинает сопровождать человека всю жизнь*.

Во-вторых, *прекариат состоит из людей, работающих неполный рабочий день или перебивающихся сезонными и случайными приработками*. Этот феномен позволяет скрывать масштабы безработицы. Обычно в подавляющем

числе случаев это люди, вынужденно согласившиеся работать неполный рабочий день. Причем, как показывает практика, им приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что они подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая не адекватна вознаграждению за их труд.

В-третьих, прекариат представлен также безработными, численность которых также значительна. Особенно она обостряется в годы кризиса. Причем, по мнению экспертов, разрыв между регистрируемой и общей безработицей колеблется в пределах 3,5 до 7 раз. Академик и советник президента РФ С. Глазьев считает, что «скрытая безработица составляет до 20%» [2, с. 17]. Причем следует особо отметить, что скрытая безработица часто маскируется под нежелание регистрироваться, под случайные приработки, под эпизодическую занятость в личном, особенно сельском хозяйстве. Ожидается, что 2015 г. принесет значительное увеличение безработных. Об этом прямо заявил вице-премьер И. Шувалов, выступая в Давосе: «нужно готовиться к росту безработицы».

В-четвертых, в прекариат мы включаем и людей, так называемых, свободных профессий – специалистов по информационным технологиям, программистов и др., которые заняты фрилансом. Их иногда представляют приверженцами свободолобивого духа, независимых от строгой и мелочной регламентации официальных (государственных, акционерных, частных) предприятий и организаций [3, с. 139-141]. Но их нонконформизм, отсутствие внешнего повседневного контроля на деле оборачиваются тем, что эта показная и иногда в чем-то привлекательная независимость поражена теми же ограничениями, как и весь прекариат – беззащитностью, отсутствием социальных гарантий, оставлением человека в одиночестве в случае непредвиденных жизненных обстоятельств, лишением стабильности и уверенности в будущем.

В-пятых, аналогичные характеристики можно отнести и к занятым заемным трудом, суть которого заключается в найме в свой штат работников, которые выполняют заказы или оказывают услуги другим фирмам, предприятиям, организациям [4].

В-шестых, к прекариату примыкают, на наш взгляд, часть мигрантов, численность которых во многих странах мира, в том числе и в России, значительна. Их положение также характеризуется как ситуация, в которой многие из них ущемлены в правах, они ниже оплачиваются по сравнению с официальными гражданами, им не гарантируются многие социальные блага. Нередко они подвергаются если не прямой, то косвенной этнической и религиозной дискриминации [5, с. 115].

И, наконец, прекариат пополняют стажеры и часть студенчества, которые претендуют на то, чтобы занять в обществе и профессии устойчивое положение. Эта часть молодежи находится в состоянии неопределенности, соглашаясь на случайные и непостоянные виды занятости, часто ниже своих возможностей и оправданных претензий занять достойное место в жизни.

Таким образом, в России, как и во всем мире, в конце XX-начале XXI веков появился новый социальный класс – прекариат, который характеризуется временной или частичной занятостью, носящей непреходящий, постоянный и устойчивый характер. Причем, необходимо отметить, что его численность постоянно растет, имеет устойчивую тенденцию к увеличению, в том числе и за счет людей, пока имеющих постоянную занятость и которых часто относят к среднему классу.

Основные черты прекариата

Прежде всего, для прекариата характерно *неустойчивое социальное положение*, ведущее к «деинтеллектуализации труда» [6, с. 4], деформации трудового процесса. Это касается не только мелких и средних производителей, но и таких гигантов, как Газпром, Роснефть, IBM. Последняя уже объявила в конце 2014 г. о сокращении штата работающих почти на одну четверть, что коснется 110 тыс. работников.

Особо подчеркнем, что массовое лишение рабочих мест коснется не только рабочих, но и всех слоев населения и даже части среднего класса, который нередко представляется как образец стабильности и ориентир для подражания.

Провозглашаемое неолибералами гибкое использование трудовых ресурсов оборачивается для работника *потерей или снижением социального статуса*. И эта угроза понижения социального статуса серьезно волнует людей. По данным Всероссийского исследования экономического сознания (РГГУ, 2012 г., 12 регионов, 1207 чел.), 31,2% считают, что существует реальная (полностью и частично) возможность лишиться работы.

В настоящее время в российской экономике сложилась ситуация, когда люди, которые по своим потенциальным возможностям и способностям вправе претендовать на соответствующую занятость, вынуждены соглашаться на менее оплачиваемую и непрестижную работу. Возникает *статусный диссонанс*. Особенно он характерен для молодежи, которая начинает свой жизненный путь и вынуждена соглашаться с предложенными условиями, но в то же время с надеждой, что это кратковременное явление, имеющее ситуативные издержки. Но уже и в этом случае в сознание этой группы закладывается ощущение не-

справедливости, которая может подтвердиться, исходя из собственного опыта и наблюдения отнюдь не вдохновляющих их ситуации.

Не менее важной характеристикой прекариата является *его социальная незащищенность, лишение его многих социальных гарантий*. Это проявляется не только в более низкой оплате труда – прекариат лишен гарантий по охране здоровья, помощи в обучении детей, в организации отдыха. Как правило, этим людям «не грозят» не только регулярные, но и эпизодические поощрения. Именно статус временного работника освобождает работодателя от излишних затрат на содержание трудовых ресурсов, сокращает его издержки, повышает доходность и главное (мечта неолибералов) перекладывает заботу о нынешнем положении и о будущей жизни на плечи самого работника «в целях формирования у него самостоятельности, ответственности и конкурентоспособности». Прекариат, как правило, не имеет никакой правовой защиты (или она минимальна, урезана), что могло бы обеспечить гарантии занятости в обмен на согласие подчиняться, выполнять общепринятые требования и соблюдать определенную лояльность. По данным всероссийского исследования (1207 чел., в возрасте от 18 лет, 12 регионов, 2012г., РГГУ), только 20,2% признали, что их работа по найму и/или дополнительная работа были официально оформлены трудовым соглашением с работодателем или уполномоченным им органом [7].

Прекариат лишен перспективы, не видит будущего при нынешнем устройстве общества и государства. На деле это означает отказ от профессиональной карьеры, от профессионального роста, от профессиональной перспективы. Признание и отказ от этой установки в жизни дополняется тем, что *доход у прекариата нестабилен, случаен, колеблется в зависимости от самых различных обстоятельств*. Отсутствие уверенности в будущем переносится и на членов семьи, на ближайшее окружение, заставляя людей задуматься над путями выхода из создавшегося положения. В этой ситуации для людей возможны различные варианты поведения: а) смириться со сложившейся ситуацией, плыть по течению; б) искать варианты приспособления, используя кратко- или среднесрочные меры по стабилизации своей жизни; в) выступить с активными действиями, начиная от акций против правящего режима, или окунуться, вступить в криминальную среду.

Прекариат, по сути, депрофессионален, ибо ему присуща частая смена мест приложения труда. И это не внутренняя потребность, а навязанная линия поведения неолиберальной экономикой, что касается огромной массы людей, которые во все большей мере работают не по полученной специальности. По выборочным исследованиям, если в 1995г. только 17,6% не могли устроиться по своей профессии, то в 2002 г. их было 37%, а в 2013 г. – уже 49,1%. [8].

Каждый раз, теряя прежнее место работы, человек в большинстве случаев получает иную сферу приложения труда, требующего некоторого усредненного знания и определенного набора навыков, чтобы выполнять поручаемую ему работу. Это особенно наглядно проявляется в судьбе выпускников университетов и других учебных заведений. И в этой ситуации, несмотря на различие в целях добиться хотя бы какой-нибудь занятости, у всех представителей прекариата есть нечто общее – ощущение и понимание того, что их работа в большинстве случаев вынужденная, случайная, ненадежная [9].

При определении имманентных качеств прекариата надо обязательно обратить внимание, что его положение характеризуется просто удивительным и поразительным обстоятельством – *многие из тех, кого относят к прекариату, ни разу не видели своего работодателя, не знают, кому принадлежат организации или предприятия, на которых они работают, не знают ни их планы по развитию или существованию, ни их будущее*. Т.е. это положение, отличное от пролетариата, делает прекариат абсолютно отстраненным от всякого возможного влияния и воздействия на те органы управления, которые руководят ими. Это удивительным образом совпадает с реалиями российской действительности.

Все это позволяет сделать вывод, что мир столкнулся с *новым видом отчуждения*, с которым в таком обличье и в таком масштабе история ранее не встречалась. *Место пролетариата занял прекариат*, который во многом схож с тем положением, который занимал рабочий класс в XVIII-XX веках. *Прекариат комплектуется, складывается практически из всех слоев современного общества*, олицетворяет огромную массу людей, занимающих неустойчивое, нестабильное социальное положение не временное, а длительное состояние.

Место прекариата в структуре понятий о стратификации. Напомним, что в течение более, чем двух столетий, социальная мысль оперировала понятием «классовая структура». Основными классами были пролетариат (рабочий класс), буржуазия, крестьянство. Эта марксистская трактовка была несколько трансформирована в советский период: классами объявлялись рабочий класс, колхозное крестьянство с прослойкой – интеллигенцией и служащими.

Однако современный мир стремительно меняется. И не только в технико-технологическом, экономическом и политическом смысле. Меняется его социальная структура. Марксово представление о классах, в основе которого лежат отношение к собственности (средствам производства) и место человека в процессе труда, не в полной мере характеризуют современное устройство общества. Однако *классовая структура никуда не исчезла, она приобрела иной вид и иные параметры*. А так как прежние ориентиры исчезли, начался поиск новых

определений того социального состояния, которое характерно для большинства существующих в настоящее время обществ.

Реальная жизнь все же требует ответить на вопрос, имеющий не только теоретическое, но и практическое значение – а какова социальная структура современного общества, в том числе и российского?

Среди этого многообразия поиска ответа на вопрос о социально-классовой структуре особое место заняла концепция среднего класса. Она приобрела особую популярность и получили значительное развитие (Подробнее см. работы Л.А. Беляевой, М.К. Горшкова, З.Т. Голенковой, Н.Е. Тихоновой и др.). Этому классу приписывалась сравнительно высокая материальная обеспеченность, стабильный потребительский спрос, социальный престиж, гарантированная занятость, чувство автономности существования.

Наряду с таким *подходом в трактовке социальной структуры стали созревать иные представления, которые в основу ее классификации ставили не доход и социальный престиж, а гарантии устойчивой трудовой занятости, наличие социальной защищенности, сохранения профессиональной идентификации и уверенность в будущем.* Это становилось чрезвычайно важным хотя бы потому, что слои населения, обладавшие этими характеристиками, стремительно увеличивались за счет не только рабочего класса и крестьянства, а за счет всех слоев населения.

Однако такое осознание возникновения нового класса/ слоя произошло не сразу.

Принципиально иной подход к осмыслению изменений в социальной структуре осуществили французские социологи в 1980-е гг., исследуя положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил это представление об этой группе, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ, незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [10].

К пониманию новой ситуации подошли и отечественные исследователи [11, 9, 3], коллектив кафедры социологии Казанского университета, публицисты [12, 13, 14], которые по-разному трактуют феномен прекариата, но все сходятся на том, что он представляет новое явление, с которым невозможно не считаться.

Все это позволяет утверждать, что *наличие такого количества людей говорит не о некоторых издержках развития, а об устойчивой тенденции формирования нового социального класса – прекариата.*

Прекариат – жертва или дитя неолиберальной политики

Появление прекариата на исторической арене означает возникновение непредвиденных экономических, социальных, политических и культурно-нравственных эффектов, которые по своему значению и воздействию на жизнь обществ и государств превосходят известные истории деструктивные и долго действующие последствия.

В чем это проявляется?

С появлением и распространением политики гибкой занятости стало резко усиливаться социальное неравенство. Классовая структура, характерная для индустриального общества, уступила место более сложному, но не менее классово обусловленному. Все материальные и финансовые ресурсы во все большей мере сосредоточиваются в руках небольшой группы людей как в мире так и в России. Так, в распоряжении 110 олигархов находится 35% активов.

Продолжается рост незащищенного или слабо защищенного населения. По данным всероссийского исследования экономического сознания (октябрь 2012, 1207 чел.), 8% боятся увольнения, а еще 23,3% подтверждают, что такая угроза для них реально существует. Все большее и большее количество работников переходят в подвешенное состояние, образуя некую рыхлую, неопределенную и неустойчивую массу, которую волнует все возрастающая нестабильность и неустойчивость ее социального положения.

В силу такого состояния этот класс не станет и не будет базой социальной поддержки официальной политики, ибо у него нет никаких оснований видеть в своем положении удовлетворяющее его социальное положение, которое обусловлено размытостью и неопределенностью социального статуса. Прекариат непременно будет искать сначала стихийными, а в будущем и организованными действиями выход из неопределенности своего положения. Одним из таких путей постепенного осознания своего положения станет его роль в олицетворении социальной напряженности. И хотя прекариат не осознал еще «классом для себя», но это может произойти точно таким же образом, как это случилось и с пролетариатом, долгое время бывшим «классом в себе».

Кроме того, у прекариата нет еще внятной политической программы, неясны еще лидеры, которые бы сплотили эти разношерстные ряды и подсказали средства и методы отстаивания своих интересов. Но несомненно одно – уровень недовольства в обществе питается в основном из этих рядов, а не из андеркласса и пауперизованных слоев населения. Стоит особо подчеркнуть, что недовольство копится также среди той части молодых интеллектуалов, которые внешне благополучны и устроены, но не чувствуют гарантированной стабильности, возможности строить профессиональную карьеру и обеспечить себе защищенное будущее.

Есть и другие негативные последствия, касающиеся в основном личной жизни людей. Прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников для того, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека.

Происходит и духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира.

Такая неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своем нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает 4-е место в мире. Только за 11 месяцев 2014 г. покончили с жизнью 24690 человек.

Все это позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием – прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали еще чувства солидарности, слабо или совсем не организованы, не имеют объединяющей, а только еще смутно осознаваемой политической программы и соответствующей идеологии. Прекариат все еще есть «класс в себе», который стоит на пороге превращения в «класс для себя». Он уже образует устойчивое социально-классовое образование, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию к превращению в потенциально опасное образование – будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

Литература

1. Голодец О. 38 миллионов трудоспособных россиян заняты непонятно чем // Российская газета, 2013, 3 апреля.
2. Истомин В. Кризис и безработица угрожают стране социальным взрывом // Версия, 2015, №3.
3. Давыдов А.П. Зинаида Голенкова и российская социология //Философские науки. 2014, №10.
4. Козина И.М. Работники заемного труда // СОЦИС, 2013. №5. С. 19-31.
5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Мысль, 2015, 272 с.
6. Гринберг Р.С. Великая трансформация: невыученные уроки. М., 2009.
7. Тощенко Ж.Т. Экономической сознание россиян: 25 лет спустя // Социологические исследования. 2014, №7. С. 51-63.
8. Воловская Н.М., Плюснина Л.К., Русина А.В. Иноземцева А.В. Незанятое население и самозанятость в сибирском регионе // Социологические исследования, 2015, №5. С. 52-60.
9. Бизюков П. Что такое прекариат? // Газета.ру, 2014, 1 мая.
10. Bourdieu P. Contre-feux. Vol 1.Paris: Raisons d'agir. 1998., 125 p.
11. Голенкова З.Т., Голиусова Ю.В. Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013, №3.
12. Мельник Е. Прекариат всех стран, соединяйся! // Еженедельник 2000. Свобода слова, 2007 №48, 30 ноября – 6 декабря.
13. Механик А. Униженные и оскорбленные современного мира // Эксперт,Ю 2014, №1.
14. Мармер Э. Что такте прекариат // Neue Ztiten. 2009. N 05.

**ВОЗМОЖНОСТЬ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА
THE POSSIBILITY OF IMPROVING THE QUALITY OF SOCIAL
WORKER'S EMPLOYMENT**

Б.Г. Тукумцев
Ведущий научный сотрудник СИ РАН (г. Санкт-Петербург)
B.G. Tukumtsev
Leading Researcher of SI RAS (Saint-Petersburg)

Рассматривается влияние наемного характера труда на состояние качества деятельности социальных работников государственных учреждений соци-

альной защиты. Дается оценка методов контроля над их деятельностью. Прогнозируются перспективы возможных изменений трудовых отношений и методов управления в учреждениях социальной защиты.

The article deals with the influence of hired labour on the quality of social workers' activity at the state institutions of social protection. An estimation of methods applied to control their work is given. An attempt is made to forecast the possible changes in the labor relations and administration of social protection institutions.

Ключевые слова: труд, социальный работник, социальное обслуживание, менеджмент в социальной сфере.

Keywords: labor, social worker, social service, management in social sphere.

Есть основания утверждать, что многие проблемы, которые возникают в государственной системе социальной поддержки населения, связаны не в последнюю очередь с наемным, рыночным характером труда тех, кто там работает.

На протяжении всей истории общества труд, совершаемый по найму или по принуждению, сопровождался, да сопровождается и сейчас, неизбежным отчуждением человека от того, что он делает. Он отчужден и от результатов, которые получены в результате его труда, и от своей собственной деятельности в процессе работы. И социальные работники в этом отношении не составляют исключения.

Когда будущий социальный работник приходит устраиваться на работу в государственное социальное учреждение, он прежде всего интересуется уровнем оплаты труда. В процессе работы он старается ограничить свои действия рамками формальных обязанностей. И выполнять их с наименьшими для себя затратами. Обычно его не волнуют проблемы учреждения, в котором он работает. Тем более, что руководство не стремится держать его в курсе дел и возникающих проблем.

Между тем читая некоторые статьи, складывается такое впечатление, что авторы не всегда учитывают это. И чрезмерно идеализируют реального социального работника. Разумеется, среди них есть люди большой души. Люди верующие и верящие в необходимость добра. Но какую долю они составляют в нашей гигантской армии милосердия, мы не знаем. Не думаю, чтобы они составляли большинство. Поэтому продолжает оставаться актуальной задача — как добиться того, чтобы социальный работник был вовлечен в деятельность своего социального учреждения, в жизнь своих клиентов, чтобы он получал удовлетворение от работы с ними.

Как выглядит контроль за деятельностью социальных работников?

В социальных учреждениях, в основном, используется такой метод, как обход руководителем клиентов. Предполагается, что это дает возможность оценить труд социального работника. Конечно, появление руководителя у клиентов имеет определенное дисциплинарное воздействие. Но что он может при этом выявить? Он может столкнуться с жалобами о несвоевременной доставке продуктов и лекарств. О случаях несоблюдения графика посещений. Эти исключительные случаи чрезвычайно редки.

Но ведь обязанности социального работника этим не ограничиваются. Его важнейшей обязанностью является оказание психологической поддержки своему подопечному, поддержка его стремления к развитию активности, помощь в решении личных проблем.

К сожалению, вероятность получения объективной информации об этой стороне действия социального работника при обходе, о котором мы говорили, чрезвычайно мала. Наши исследования показали, что такой характер контроля играет очень незначительную роль в повышении качества социальной работы. И прежде всего в отношении психологической поддержки, консультаций и решения личных проблем. Во-первых не все клиенты представляют себе, что они могут ожидать от социального работника. Они рады тому, что им приносят лекарства, продукты. А во-вторых те, кто знают, о чем идет речь, как правило, предпочитают промолчать. Они не хотят и боятся испортить с отношения со своим социальным помощником. И руководители уходят, не фиксируя нарушений.

Возможно поэтому ровно столько лет, сколько существуют учреждения социальной защиты, мы говорим об этой проблеме. Об этих недостатках в социальном обслуживании сегодня, как и двадцать лет назад, можно прочитать в современных публикациях. Исследователи, подводя итоги своей работы, пишут, что социальное обслуживание не всегда соответствует профессиональным требованиям. Оно не всегда носит комплексный характер. Социальный работник нередко выполняет лишь некоторые, в основном физические операции по обслуживанию. То есть он уподобляется разносчику, уборщику. Хотя наряду с этим он обязан выполнять требования, которые заложены в саму идею социальной работы. Он должен стремиться к оказанию психологической поддержки клиента, способствовать активизации его жизни. Но эта часть деятельности на практике в какой-то части случаев выпадает.

Складывается несколько парадоксальная ситуация. С одной стороны, научные коллективы, исследователи кафедр социальной работы создают обоснованные перечни морально-нравственных и профессиональных качеств, кото-

рыми должен обладать социальный работник. Тщательно прописывают алгоритмы работы с клиентом. Их доводят до сведения социальных работников на занятиях, на курсах повышения квалификации. А значительная часть этих работников продолжают ограничивать свою деятельность покупками да уборкой.

Нам представляется, что в настоящее время решение проблемы повышения качества труда социального работника должно идти не по пути усиления контроля. Этот вариант себя исчерпал. Более перспективен путь изменения роли самого работника в деятельности социального учреждения, изменения его отношений с руководством, привлечение его к участию в организации работы учреждения. Современные практики научного управления показывают и обосновывают целесообразность формирования социального партнерства в учреждениях социальной защиты и использования новой, нематериальной мотивации труда. Только это может привести к ситуации, когда работнику можно будет прежде всего доверять.

Но осуществление организационных изменений, формирование новой современной культуры трудовых отношений в социальном учреждении представляют собой серьезную задачу, решение которой требует нетрадиционных действий и отказа от многих традиций.

Здесь есть возможность воспользоваться уже имеющимся опытом решения подобных проблем, но в других сферах деятельности и, в частности, в сфере промышленного производства. Правда, к сожалению, не у нас, а в экономически развитых странах.

Почему мы не предлагаем воспользоваться при этом опытом европейских служб государственной социальной помощи? Потому что там эта система опирается на более высокий уровень цивилизационного развития населения. Там действуют иные культурные нормы, которые сложились под влиянием специфики истории. У них не было ситуации, в которой цели и задачи системы приходили бы в противоречие с культурными нормами обслуживающего персонала, поэтому у них не было и нет опыта быстрых изменений.

А вот в сфере промышленного производства такой опыт есть. На одном из этапов модернизации предприятий они столкнулись с проблемой невозможности контроля над действием наемного персонала. И успешно ее решили.

Это произошло примерно так. Во второй половине 20 столетия промышленные фирмы экономически развитых странах Европы и Америки приступили к модернизации промышленного производства.

На предприятия этих стран начало поступать новое оборудование. Оно создавалось в эпоху бурного развития НТП и включало в себя достижения современной науки и техники. За короткий срок это позволило в разы повысить

производительность труда. Но за этим успехом последовало разочарование. Резко сократилась возможность контроля над деятельностью оставшихся в производстве исполнителей.

Для многих менеджеров это было шоком. Что же произошло? А дело было в том, что в традиционном индустриальном производстве многие десятилетия, и в 19, и в 20 веке, действовал поэтапный контроль за действиями работника. Каждая деталь, каждый элемент изделия проходили через руки контролера и не один раз.

В новой постиндустриальной ситуации положение в корне изменилось. Современные технологии исключали возможность контроля над деятельностью исполнителей. Теперь любая ошибка или упущение в работе могли быть обнаружены лишь на заключительной фазе производства. А, может быть, только у потребителя. Предприятия оказались заложниками добросовестности своих работников.

В промышленно развитых странах эта проблема получила название «кризис человеческой активности». Производственные организации начали нести убытки от брака. Начались катастрофы ракет. Взрывались нефтеперерабатывающие установки, отказывали в работе телевизоры. Коснулось это многих изделий. И во всех случаях это был результат небрежности или недобросовестности людей.

Что же предпринял в этой новой ситуации научный менеджмент?

Суть кризиса была понятна и управленцам, и ученым. В его основе лежало традиционное отчуждение от деятельности предприятия, и, как следствие, в большей или меньшей степени безразличие работников к его успеху и к его проблемам.

После перенесенного шока начался поиск решения проблемы. Поиск средств, позволяющих изменить отношение персонала к месту и результатам своей работы. Поиск возможности объединения усилий администрации и персонала в достижении общего успеха. И решение этих актуальных проблем было найдено.

Немалый вклад в это внесли и ученые. С особой признательностью следует вспомнить Абрахама Маслоу, раскрывшего возможности нематериальной мотивации трудовой деятельности, Дэвида МакКлеланнда и Фредерика Герцберга, которые раскрыли и объяснили механизм формирования деятельности. И многих других.

Что же представляли собой новые, созданные на основе этого поиска управленческие технологии? Они показали возможность реализации ряда обязательных требований к управлению персоналом.

Прежде всего, это регулярное информирование людей о предприятии, о его работе и проблемах, о его перспективах и целях. Превращение в традицию регулярные встречи с первым руководителем предприятия (вопросы и ответы). Проведение регулярных собраний персонала с обсуждением назревших проблем и предложений работников. Передача ряда управленческих функции предприятия рядовым работникам. Создание советов предприятий с участием работников для обсуждения планов по развитию производства и других актуальных вопросов. Развитие рационализаторской деятельности, внедрение практики «кружков качества». Было признано необходимым совершенствовать условия труда для формирования стабильного персонала.

И, наконец, последнее, но очень важное. Осознана необходимость соблюдать уважительное отношение к работнику. Давать даже самые срочные задания в вежливом тоне, исключая использования «командного голоса». Особенно это важно при работе с персоналом, где преобладают женщины.

Все эти управленческие инновации оказались достаточно эффективными. В течение несколько лет на крупных фирмах удалось сформировать у значительной части работников заинтересованное отношение к успеху своего предприятия и его деятельности. Удалось привлечь их к творческому участию в развитии производства и пробудить мотивацию повышения качества трудовой деятельности.

Формирование нового отношения работников к своему предприятию тщательно контролировалось и контролируется сейчас путем опроса. Так, например, ежегодно проводятся выборочные опросы во всех странах, входящих в Евросоюз. При этом оценивается «включенность работников в деятельность своего предприятия». Это общее понятие имеет две составляющих: «преданность предприятию» и «идентификация с деятельностью предприятия» [1, 2].

Под «преданностью» понимается высокая степень удовлетворенности работой на предприятии и отсутствие желания его покинуть. Под «идентификацией» подразумевается признание значимости для себя целей и задач предприятия и готовность содействовать его успеху, если возникнет необходимость, причем даже без какого-либо дополнительного вознаграждения.

В нашем распоряжении есть результаты оценки состояния показателей, о которых мы здесь говорим, по всем странам Евросоюза в целом за 2006 г. (в процентах к общему числу вошедших в выборку работников).

Доля работников, «преданных предприятию».....70,0.

Доля работников, «идентифицированных с предприятием».....51,0 [2].

Эти цифры свидетельствуют о высокой организационной культуре трудовой деятельности на предприятиях Европейских стран.

Более подробно с методиками можно познакомиться в статье Б.Г. Тукумцева и с В.Ю. Бочарова «Новые требования к работнику промышленного производства в условиях современной модернизации (социологический анализ)» в журнале Телескоп 2015 г. № 4. Эту статью можно найти также на Сайте Центра исследований социально-трудовой сферы СИ РАН Санкт-Петербург [3].

Хотелось бы выразить надежду, что описанные здесь опыт и идеи, направленные на преодоление последствий отчуждения работников наемного труда от своей трудовой деятельности, привлекут внимание руководителей и исследователей сферы социальной работы. Это могло бы положить начало разработке программ формирования новой культуры деятельности сотрудников сферы социальной работы, предусматривающей объединение усилий и руководителей, и персонала для повышения качества их деятельности.

Литература

1. Рольф Ван Дик. Преданность и идентификация с организацией / пер. с нем. – Харьков: Изд-во Институт прикладной психологии «Гуманитарный Центр», 2006. 142 с.
2. Майтленд Р. Преданность работников в Европе: характеристики, причины и последствия // Персонал Микс. 2003. № 4.
3. Тукумцев Б.Г., Бочаров В.Ю. Новые требования к работнику промышленного производства в условиях современной модернизации [Электронный ресурс] // Телескоп. 2012. №4. URL: <http://www.socinst.ru/labour>. (Дата обращения 02.09.2015).

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

ДОКЛАДЫ

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ГОРОДЕ НЬЮ-ЙОРКЕ
SOCIAL WORK IN NEW YORK CITY

Е.Л. Айзман

*Социальная служба Департамента кадровых ресурсов
г. Нью Йорка (США)*

В.Б. Романовская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.L. Iseman

The social service Department of human resources of New York, USA

V.B. Romanovskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Вопросы социальной поддержки населения являются важными для правительства любого государства. Авторы статьи анализируют механизмы такой помощи в США на примере крупнейшего мегаполиса – города Нью-Йорка. Раскрываются различные виды работы с многочисленными категориями людей, нуждающихся в материальной и иной помощи со стороны государства.

Questions of social support of population are important for the government of any state. The authors analyze the mechanisms of such assistance in the U.S. for example, the largest metropolis of the city of New York. The authors describe various types of work with numerous categories of people needing financial and other assistance from the state.

Ключевые слова: Социальная работа, социальные службы, социальные программы, жертвы домашнего насилия, продуктовые талоны, медицинская страховка.

Keywords: Social work, social services, social programs, victims of domestic violence, food stamps, medical insurance.

Сегодня вопросы социальной поддержки населения являются важными для правительства любого государства. Но так было не всегда. Если говорить о

Соединенных Штатах, то еще в начале прошлого века эта тема не поднималась вообще, хотя некоторая помощь оказывалась через благотворительную деятельность частных лиц, религиозные организации. В к. XIX – нач. XX вв. ряд стран, в том числе Германия, Франция, Британия и Швеция, начали вводить финансируемые и управляемые правительством программы социального обеспечения граждан. В США ничего подобного не происходило. Как заметил о Соединенных Штатах того периода один автор, «Бедным в их нужде здесь не помогает никто». Никто не помогал им, потому что большинство американцев разделяли убеждение Президента Кливленда: «Хотя народ обязан с энтузиазмом поддерживать свое правительство... в его (правительства) функции отнюдь не входит содержать народ». [1]

До 1930-х гг. подобный подход превалировал в Америке, и федеральное правительство никакой помощи бедным и нуждающимся не оказывало. В богатейшей стране США до конца 20-х гг. XX в. неимущие и безработные люди ни в чем не могли рассчитывать на помощь государства. Лишь после тяжелейшего периода, получившего название Великой Депрессии, и во многом благодаря политике выдающегося американского президента Франклина Делано Рузвельта появилось новое направление внутренней политики – государственная поддержка бедных людей [2].

Организация социальной поддержки семьи является неотъемлемой частью социальной политики современного государства. В большинстве развитых стран социальная защита основана на принципах солидарности и совместного участия граждан в ее финансировании, главным образом через уплату налогов. Она включает систему социальных гарантий, в числе которых семейные пособия и другие виды поддержки семей в таких жизненных ситуациях, как рождение и воспитание детей, потеря работы или трудоспособности главой семьи, отсутствие одного из родителей. [3]

В настоящий момент конкретная работа в данном направлении ведется на уровне местной власти, этими проблемами занимается администрация городов. Так, в Нью-Йорке, как впрочем и во всех других городах Соединенных Штатов Америки [1], существует специальная организация, на которую возложена социальная работа по ряду важнейших направлений социальной политики государства.

15 августа 1966 г. Специальным Указом номер 28 (Executive Order N 28) была создана Администрация по управлению кадрами – Human Resource Administration (HRA). Она стала самым крупным объединением при руководстве мэра города Джона Линдси, созданным для улучшения и интеграции социальных служб города. Кроме HRA туда вошло агентство по кадрам и развитию

карьеру, агентство по делам молодежи, агентство по развитию общественных организаций и агентство помощи нарко- и алкозависимым.

В современных США существует развитая система социальной работы с населением, в рамках которой ключевыми направлениями являются трудоустройство и финансовая помощь определенным категориям людей. В администрации города Нью-Йорка существует департамент кадров и социальных услуг (сокращенно HRA|DSS), который помогает отдельным людям и целым семьям добиться финансовой независимости и оказывает помощь в удовлетворении основных жизненных потребностей: в жилище, питании и других бытовых нуждах. Значительная часть американских семей с детьми не может обеспечить себя жильем. В стране действует несколько жилищных программ, которые предоставляют нуждающимся социальное жилье в специально строящихся для этого домах, а также субсидии на покупку или строительство собственного жилища, на аренду жилья. Службой HRA|DSS охвачено более трех миллионов ньюйоркцев, что составляет значительный процент от общего числа постоянно проживающих в городе. HRA|DSS предлагает различные социальные программы и услуги, включая временную помощь в виде наличных денег, продуктовых талонов, медицинскую страховку, помощь в быту престарелым и инвалидам, а также жертвам домашнего насилия. Существует отдельная программа помощи больным СПИДом и программа взыскания алиментов на детей.

В данной службе существует несколько подразделений, каждое из которых имеет свою специфику деятельности и компетенцию. Начнем со службы adult protected servis (APS), которая занимается поддержкой людей с умственной и физической инвалидностью. Особое внимание к этой категории вызвано тем, что они легко могут стать жертвами разного рода мошенников, так как сами не могут защитить себя и свои интересы вследствие своих болезней. На программу поддержки Adult Protected Servis (APS) имеют право люди, во-первых, достигшие 18 лет (для детей существует отдельная программа), во-вторых, в силу своей болезни не могут правильно рассчитывать свои возможности и защитить себя от физического и ментального насилия, эксплуатации и преступного бездействия окружающих, в-третьих, не имеют никого, кто бы мог или хотел им помочь. Сейчас эта программа имеется в каждом районе города Нью-Йорка, а в крупнейшем районе города – Манхэттене даже два офиса APS.

Следующая программа, пожалуй, самая популярная среди безработного населения и самая привлекательная для неимущих граждан – это cash assistance, т.е. помощь наличными деньгами. Эти средства могут быть потрачены на оплату жилья, электроэнергии и наличные на необходимые нужды (например прачечная, парикмахерская, химчистка, одежда, обувь, бытовые принадлежности.)

Малоимущие люди могут иметь право на продовольственные талоны и медицинскую страховку. Право на участие в данной программе возникает при наличии следующих оснований: уровень постоянного дохода, наличное имущество, счет в банке, состав семьи и наличие или отсутствие законного статуса пребывания в США. Для соответствия этой программе обычно требуется, чтобы лицо было уже работающим где-либо или обучающимся в каком-либо учебном заведении. Если же претендент не работает и не учится, служба сама направляет его на программы, которые помогают научиться найти работу. Там его обучают, как правильно составить резюме, как использовать компьютер и иные навыки при поиске работы, как правильно наниматься на работу, как правильно одеваться при встрече с работодателем и многое другое, что минимально необходимо знать для трудоустройства. Эти программы носят название «business link and back to work». Если человек работает, но имеет очень низкую зарплату или неполный рабочий день и низкий доход, то он также имеет право на эту социальную поддержку.

Молодым людям без диплома о среднем образовании программа предлагает ускоренные курсы для получения среднего школьного образования. В настоящее время совершенно необходимо иметь среднее образование для получения практически любой работы, даже неквалифицированной. Если молодые люди хотят учиться дальше или уже учатся в колледже, они должны принести соответствующие подтверждающие учебу документы, и тогда они также получают наличные деньги. Третья категория – не учащиеся и не работающие по причине временного заболевания тоже могут рассчитывать на эту поддержку, но при этом их временная нетрудоспособность, препятствующая и работе, и учебе, должна быть удостоверена специальной службой. Кроме того, право на эту программу имеют алкоголики и наркоманы, которые проходят реабилитацию и лечение или намерены пройти эту реабилитацию, для чего тоже существуют специальные службы и программы.

Еще один вид социальной помощи, установленный законодательством города Нью-Йорка, – это разовая помощь в случае непредвиденных обстоятельств (emergency assistance – срочная помощь). В основном это случаи накопления большой задолженности в оплате электроэнергии или по квартплате в том случае, если это грозит выселением из арендованной квартиры. Однако, не во всех случаях желающие имеют право получить такую помощь, в определенных ситуациях им может быть отказано.

Частью программы социальной поддержки населения является child support enforcement, или взыскание с неплательщика алиментов на детей. Мать или отец, которые в одиночку воспитывают ребенка, при подаче на программу

направляются в обязательном порядке в офис OSCE на собеседование. Право на получения такой поддержки имеют только те матери/отцы-одиночки, которые не имеют материальной помощи от другого родителя.

Следующая категория социально уязвимых граждан – «жертвы домашнего насилия» – domestic violence support. Под термином «домашнее насилие» закон подразумевает не только физическое насилие, но и ментальное. Под таким видом насилия понимается принуждение к сексуальным отношениям, когда желание не является взаимным, принуждение к нежелательным формам сексуального контакта, угроза причинения вреда самой женщине, ее детям, близким. Сюда же относится постоянная критика и оскорбления, навязчивая слежка за личной жизнью или попытка контролировать поведение иным способом (проверка почтовых сообщений, телефонных переговоров, обыск личных вещей, постоянное подслушивание, подглядывание и прочее). Такие люди, обычно женщины, также нуждаются в защите и поддержке со стороны государства. Они могут получить временное жилье для себя и своих детей, бесплатную помощь адвоката, направление в другие организации социальной защиты, где им окажут материальную поддержку. Телефон данной службы работает круглосуточно.

Существует также отдельная горячая линия телефона для геев и лесбиянок, которые оказались жертвами домашнего насилия. Они могут обращаться как в службу по общей горячей линии, так и по своей отдельной телефонной линии, где с ними общаются специалисты, знакомые с их проблемами.

В работе администрации города Нью-Йорка есть специальная программа «Защита от мошенников». Она является своеобразной программой защиты самой социальной службы от мошенников, которые пытаются использовать службу в своих корыстных интересах. Именно для того, что бы обезопасить проект от мошеннических действий со стороны недобросовестных лиц, была разработана и успешно реализуется эта специальная программа. Данное подразделение включает в себя три отдела: общий отдел по расследованию, отдел по расследованию медицинского мошенничества и отдел по взысканию убытков, причиненных этим мошенничеством. Причем объектами расследования являются не только клиенты службы, но и врачи, фармацевты и медицинские учреждения. Особенно часто предметом расследования являются мошеннические действия врачей в стоворе с клиентом службы для получения денежных компенсаций за лечение якобы больного. При обнаружении подобной схемы махинаций отдел по расследованию передает информацию в прокуратуру для изучения всех обстоятельств и последующей передаче дела в суд.

Одна из самых главных программ называется SNAP – обеспечение про-

дуктовыми талонами на питание. Их размер установлен около 200 долларов на человека в месяц, талон также дает возможность бесплатного питания горячими блюдами в коммунальной кухне. Отметим особо, что на эти продуктовые талоны нельзя купить алкоголь, сигареты или сходить в кафе. В настоящее время этой программой пользуется почти два миллиона жителей города с низкими доходами. Это очень большое число жителей города, причем не только граждан США. Для участников этой программы выдаются специальные пластиковые карты, на которые ежемесячно зачисляются эти суммы.

Еще одним важным направлением социальной работы является забота об одиноких престарелых и больных – «home «care». Эта программы была организована, чтобы помогать престарелым, а также людям, имеющим инвалидность. Она включает не только медицинскую помощь, но и не медицинскую, бытовую помощь. Социальные работники регулярно посещают таких больных и помогают им организовать свою бытовую жизнь, в частности, делают перевязки, помогают в купании, пользовании туалетом, в покупках, уборке, стирке, приготовлении пищи. Если у престарелого и одинокого человека нет родственников, которые могли бы за ним ухаживать, это делают работники социальной службы города.

В компетенции данной службы имеется еще одно направление – помощь людям, заболевшим СПИДом, – НАСА. Данная служба помогает больным вести более здоровую и независимую жизнь, т.е. помогает им с жильем, уплатой квартплаты, с питанием, участием в разных социальных программах, с лечением, собрать документы для подачи на пенсию по инвалидности, в поисках работы. К каждому прикрепляется свой социальный работник. Центры НАСА находятся во всех пяти районах Нью-Йорка. Эта Служба НАСА существует в США с 1980-х гг. как реакция американского правительства на разразившуюся в стране в те годы эпидемию СПИДа. В июне 1985 г. HRA организовала специальный отдел финансовой помощи больным СПИДом (DASIS). В 2000 г. это агентство было переименовано в НАСА, и в настоящее время оно оказывает широкий спектр финансовых и других услуг больным спидом (жилищные проблемы, психологическую поддержку и т.д.).

Еще одно направление социальной деятельности – WeCARE. Эта программа рассчитана на заботу о людях с медицинскими проблемами. Речь идет о комплексной помощи людям, у которых имеются физические и психические проблемы, не позволяющие им самостоятельно устраивать свою жизнь, и не имеющих близких людей, которые могли бы их опекать. Этим гражданам социальная служба города предоставляет различные услуги. Эта программа доступна людям лишь при наличии специального направления, выданного HRA после

изучения ситуации и собеседования с претендентом. Программа WeCARE помогает получить лечение, помощь в разрешении юридических и семейных проблем, помощь в подаче заявления на получение пособия по инвалидности. Также программа помогает добиться некоторой физической и психической стабильности, чтобы человек мог устроиться на работу.

В 1996 г. президент Билл Клинтон издал закон "О персональной ответственности и возможности трудоустройства", – «Personal Responsibility and Work Opportunity Reconciliation Act – (PRWORA)». Этот закон явился крупнейшим изменением в законодательстве страны с момента подписания "Закона о социальном страховании" в 1935 г. Он был characterized как конец велфера в привычном понимании этого термина. То, что раньше было известно как «Закон о помощи семьям с детьми» – «Aid to families with dependent children (AFDS)» стало «Законом о временной поддержке нуждающимся семьям» – «Temporary Assistance to Needy Families (TANF)» [4]. TANF установил 5-летний в течение жизни срок получения пособия. Идея временности стала основополагающей. Новый закон сделал акцент на первостепенности идеи самой работы, а не помощи, связанной с ее отсутствием [3]. В отличие от других развитых стран, в Соединенных Штатах Америки социальная политика строится на том, что основная ответственность за личное благополучие гражданина лежит на нем самом. Только тот, кто не в состоянии прокормить себя и свою семью, может рассчитывать на поддержку государства, общины или этнической группы. Государство берет на себя обязательства помогать лишь отдельным, наиболее уязвимым, категориям населения, оказавшимся в крайней нужде [5]. Такой подход к социальной политике в известной степени обусловлен национальными особенностями страны, в числе которых: огромные размеры и федеративное устройство; пестрый этнический и расовый состав; индивидуализм как национальная черта характера. Принятый штатом Нью-Йорк "Акт о реформе велфера" – «Welfare Reform Act (WRA)» в 1997 г. подчеркнул важность перехода с государственной помощи на временную поддержку, необходимую до обретения финансовой независимости через трудоустройство. В 1996 г. центры финансовой поддержки стали переименовываться в рабочие центры.

Помимо вышеназванных крупных программ социальной помощи существует еще множество мелких, роль которых в масштабах страны весьма незначительна. В их числе программа *Хэдстарт*, подчиненная Управлению по делам детей и семей Министерства здравоохранения. Цель ее – обеспечить полноценное развитие и подготовку к школе детей из бедных семей. Она предусматривает предоставление ряда медицинских и образовательных услуг детям до 5 лет и их семьям, а также беременным женщинам. Для оказания услуг по программе предоставля-

ются гранты государственным и частным коммерческим и некоммерческим организациям. Помимо бюджетного финансирования привлекаются также средства благотворительных фондов и церкви. Количество детей, охваченных этой программой, составляет всего 907 тыс., при том, что в работе по ней занято 213 тыс. оплачиваемых сотрудников и 1 млн. 360 тыс. волонтеров [6].

Таким образом, в современных США имеется разветвленная система социальной поддержки бедной части населения [7], которая позволяет большому количеству людей иметь более или менее нормальные условия жизни и перспективу на ее улучшение.

Литература

1. Ричард Поуэлек. Система социального обеспечения в Америке. [Электронный ресурс] Доступ через <http://www.infousa.ru/society/socialsec.htm>. Дата обращения 25.09.2003.
2. Гуськов Д. Политика нового курса Франклина Делано Рузвельта в начале великой депрессии. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики №3 (53). С. 43-46.
3. Войтенкова Г.Ф., Лебедева Е.В. Социальная поддержка семей с детьми в США // Народонаселение. 2007. №4. С. 94-106.
4. U.S Department of Health and Human Services. 2012. "TANF FY 2014 Budget." Accessed 12/2/2014 from https://www.acf.hhs.gov/sites/default/files/olab/sec3i_tanf_2014cj.pdf
5. Peterson J. Welfare Reform and Inequality: the TANF and UI Programs//Journal of Economic Issues. Lincoln (Neb.). Vol. 34. 2000. No 2. P. 517-526.
6. <http://www.acf.hhs.gov/programs/hsb/research/2006.htm>
7. <http://www.nyc4all.com/ru/social>

ВЕТХОЗАВЕТНОЕ И ТАЛМУДИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА OLD TESTAMENT'S AND TALMUDIC VIEW OF A STATE'S SOCIAL CAPACITY

Е.В. Калинина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.V. Kalinina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Предлагается ветхозаветное и талмудическое видение реализации социальной функции государства на примере еврейских общин, проживающих на

территории чуждых народов. Состояние, условно именуемое «государство в государстве», придает данным общинам автономию, свойственную государству при самостоятельном решении подобных вопросов.

The article brings forward the Old Testament's and Talmudic view of realization of the social capacity of a State as exemplified in Jewish communities residing on territories belonging to other nations. The status conventionally called "a state within a state" imparts those communities a State's inherent autonomy while dealing with social tasks.

Ключевые слова: социальная функция, еврейская община, социальная солидарность, общественно-полезные обязанности.

Keywords: social capacity, Jewish community, social solidarity, public-spirited duties.

Социальная функция является одной из основных в древневосточной традиции государственности наряду с защитной и воспитательной. Спецификой иудейского учения является коллективный характер решения вопросов социального обеспечения, реализованный на практике еврейскими общинами в период рассеяния на территории государств с чуждой культурой и вероисповеданием. Этим и привлекателен опыт иудейской теории, что зафиксированные в первоисточниках предложения затрагивают проблему гармонизации в едином сообществе групп индивидов с разными религиозными, идеологическими, культурными и иными запросами.

Идея формирования и поддержания социальной солидарности не только внутри общины евреев, но и в международном сообществе, а также в обществах, характеризующихся плюрализмом культурных традиций, проходит через всю иудейскую литературу, начиная с ветхозаветной, устанавливающей условия сосуществования еврейского коллектива с другими социальными группами в библейском государстве. В дальнейшем эта проблема получает развитие в раввинистических источниках, которые воссоздают еврейское ветхозаветное прошлое и мессианское будущее без ссылок на какую-либо существующую иудейскую государственность.

Предписываемая законом общественная солидарность обусловлена двумя взаимосвязанными принципами: «любить ближнего, как самого себя» (Левит 19:18) и наказывать злодеев (Псалмы 139:9-12). Конкретизируется обязанность совершать социально полезные действия: посещение больных, утешение скорбящих, участие в похоронах, материальная помощь нуждающимся и пр. Некоторые из добровольных актов настолько необычны, что являются обязательными

ми только для членов сообщества, связавших себя договором: предоставление безвозмездных займов, выкуп заложников, прощение долгов на седьмой год, особые формы благотворительности и много другое. Некоторые объекты любви не подпадают под общее требование взаимной любви. Так, недостаточно просто испытывать любовь к обездоленным, так как последние нуждаются еще и в особой защите и помощи [1]. Аналогично прописаны и проявления общественного неприятия. Общественные связи иудеев должны проявляться не только в любви и взаимопомощи, но и в единодушном порицании злодеяний. Неприемлемо простирает поддержку социума на недостойный объект, хотя для этого он должен сперва проявить себя таковым. В обществе, обусловленном всеобщим повиновением Закону, недостойными считаются упорствующие грешники, еретики вероотступники, всем своим поведением отвергающие авторитет закона [2]. Упорствующих отступников больше не связывают с обществом «членские узы», они не могут в дальнейшем рассчитывать на защиту, гарантированную общественным договором. Контакты с ними, включая браки, запрещены.

По справедливому мнению С. Ласт-Стоун, общественная солидарность, связанная с идеей договора, фигурирует в Ветхом Завете в описании отношений иудеев с неевреями [3, р. 12]. Последних Библия делит на три группы: язычники, пришельцы и поселенцы. Иудеям запрещено вступать в какие-либо формы общения с язычниками-идолопоклонниками, так как идолопоклонство воспринимается не только как абсолютная ложь, но и как нравственная деградация. Ветхий Завет предписывает сообществу (и этот призыв многократно повторяется в священном тексте) очистить территорию от идолопоклонства и идолопоклонников. С другой стороны, Библия наставляет: 1) любить пришельца как самого себя (Левит 19:33-34); 2) обеспечить равенство перед законом как для иудеев, так и для пришельцев (Исход 12:49); 3) оказывать помощь пришельцу: Левит 23:22; Второзаконие 24:19-21. В оригинале текста Ветхого Завета (ТаНаХе) для обозначения пришельца используется слово «гер» – индивид нееврейского происхождения, соседствующий с иудеями, принявший еврейскую политическую власть и соблюдающий основные (но не все) предписания Закона, полученного благодаря договору с Богом. При этом пришелец ограничивается в политических и имущественных правах. Пришелец не получает земельного надела в отличие от представителей израильских колен, что относит его к разряду малоимущих, а, следовательно, к слоям населения, наиболее нуждающимся в проявлении общественной солидарности и благотворительности (Второзаконие 10:18).

Обращает на себя внимание, отмечает С. Ласт-Стоун, отсутствие библейской модели какого-либо назначения ответственными за благосостояние членов

коллектива частных или общинных учреждений. Общинные органы управления впервые проявляются в талмудический период. Согласно Талмуду, горожане как участники единого легализованного организма (юридического лица) совместно реализовывали общественные потребности в синагоге, школах, ритуальной службе и полицейской защите. Они также организовывали подобие профсоюзов, наделенных правом установления мер и весов, цен и размера заработной платы. Средневековые *kehilot* (общины) создавали представительные органы, издававшие нормы в пределах своей компетенции и в интересах членов кагала. Общинные органы устанавливали налоги и распределяли бремя выплаты налогов, устанавливаемых страной обитания, между общинниками в зависимости от размера дохода последних и уровня их благосостояния.

Наиболее ярким недостатком иудейской традиции, отмеченным С. Ласт-Стоун, является отсутствие модели, позволяющей, изживая социальную дискриминацию, предоставить равные права всему населению. Ветхозаветное увещание использовать одинаковые нормы для иудеев и пришельцев оказалось неосуществимым, ввиду ограничений, налагаемых талмудической и позднесредневековой юриспруденцией на поселенцев. И, хотя некоторые раввинистические источники предлагают рациональные решения данной проблемы, они тоже не универсальны. Самым распространенным является традиционный раввинистический метод, использующий различные толковательные техники и анализ казусов. Такие методы часто сопровождаются глубинными изменениями менталитета, выражающимися в пересмотре целесообразности и правильности тех или иных институтов. С. Ласт-Стоун приводит в качестве примера отмену рабства, вызванную глубоким отвращением к данному явлению и обоснованную при помощи различных толковательных приемов [3, р. 29].

Профессор Н. Дж. Зохар в своем труде «Гражданское общество и государство» рассуждает о том, что статус автономной еврейской общины сопоставим с понятием «государство в государстве» [4, р. 35], особенно в те времена, когда она (община) пользовалась большей самостоятельностью и властью над своими членами. С этим можно было бы согласиться, учитывая, какая часть общественно важных вопросов решалась централизованно, а какая была передана различным общественным организациям.

В Талмуде населенный пункт предстает как некий огромный двор при доме, жители которого нуждаются в более продуманной защите, характеризующейся не только возведением стен, но и упорядоченностью жизни, распределением родов деятельности, основанной на разработке четких правил общежития, в которых делается попытка сочетать потребности индивида с интересами

коллектива [5]. Принадлежность к населению определенного города предполагает участие горожан в производстве материальных благ для обеспечения существования поселения. В эти отношения оказываются вовлеченными как исконные представители общины, так и присоединившиеся к ним [4, р. 39-42].

Между тем, все ранее изложенное явно относится к объединению индивидов в «формате» общины, гражданского общества, или «договорного» сообщества, но прямо не связано с государством. Есть несколько объяснений этого: 1) перечисленные в Ветхом Завете и Талмуде увещевания адресованы людям, пребывающим в преддверии создания государства либо уже утратившим его; 2) пытаясь создать определенный социальный порядок внутри небольшого объединения, индивиды приобретают навыки, которые им обязательно пригодятся в государственном общении.

Литература

1. Goodman Lenn Evan. Maimonides' Philosophy of Law // Jewish Law Annual/1. 1978. P. 88-89.
2. Morell Samuel. The Halachic Status of Non-Halachic Jews // Judaism 18, no. 4 (1969). P. 448-457.
3. Last Stone, Susan. Judaism and Civil Society // Law, Politics and Morality in Judaism. – Princeton University Press, 2006.
4. Zohar N.J. Civil Society and Government // Law, Politics and Morality in Judaism. – Princeton University Press, 2006.
5. Бава Батра. Глава I // Талмуд. Критич. пер. Н. Переферковича. М.: Издатель Л. Городецкий, 2007. Т. IV. С. 158-162.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И НОВОЙ ДУХОВНОЙ МОТИВАЦИИ **SOCIAL WORK AS A SOURCE OF SOCIAL CULTURE AND THE NEW SPIRITUAL MOTIVATION**

В.П. Козырьков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Анализируется статус профессии социального работника в социально-историческом и культурном контексте. Показывается многовариантность и

противоречивость этого процесса. Делается вывод, что социальная работа может быть источником новой духовной мотивации, которая обогащает общую культуру.

The article analyzes the status of the social work profession in the socio-historical and cultural context. It shows multi-variant and contradictions of the process. It concludes that social work can be a source of new spiritual motivation, which enriches the general culture.

Ключевые слова: социальная работа, культура, личность, духовный мотив.

Keywords: social work, culture, personality, spiritual motive.

Профессия социального работника является принципиально новой, но с глубокими историческими корнями в культуре. Внешне его деятельность часто малопривлекательна, так как связана с решением бытовых и текущих социальных вопросов людей, которые не могут сами их решить, поэтому нуждаются в помощи. И все же своими принципами и определенными тенденциями эта профессиональная деятельность устремлена в будущее. Таким образом, профессия социального работника внутренне противоречива и динамична. Попробую кратко развить этот тезис.

Новизна рассматриваемой профессии в том, что речь идет о формировании социальной культуры нового типа, то есть такой культуры, в которой социальные отношения и взаимосвязи формируются, воспроизводятся и развиваются самим человеком. Но поскольку новая социальная культура еще достаточно новая, погружена в решение злободневных проблем с использованием ресурсов различных сфер общества, то в полной мере она еще не проявила своей специфики и своего потенциала. За обыденными образами социальной работы мы часто не можем разглядеть ее действительного исторического социокультурного смысла.

Социальная работа представляется то неким приложением к экономической сфере для решения проблем нуждающихся социальных групп; то видится она своеобразным «ослабленным» продолжением социальной политики, в которой социальные работники выполняют функцию посредника между государством и гражданским обществом. Кто-то в социальном работнике видит практикующего психолога. А для кого-то социальная работа тождественна на практике реализованному гуманизму, альтруизму, благотворительности, филантропии и милосердию сразу или каждому из этих элементов в отдельности, поэтому ее историю насчитывают сотнями лет и она, как правило, идеализируется. В

стремлении к интеграции всего и вся или к теоретическому компромиссу между идеями различных социально-гуманитарных наук социальную работу нередко представляют в качестве универсальной социальной деятельности, в качестве основы теории и метода которой видится принцип междисциплинарности. Тогда социальная работа становится близкой по смыслу с педагогической деятельностью (социальной педагогикой), призванной воспитывать личность, формировать ее субъектные качества и свойства.

Существуют и другие, хорошо известные аспекты социальной работы. И все же важно обратить внимание на ее историческую специфику в целом, увидеть в ней культурное своеобразие, выявить ее новый духовный потенциал. Ведь нередко дело представляется таким образом, что социальная работа никакого отношения к культуре не имеет, поскольку в качестве клиентов социальной работы выступают лишь девианты, дезадаптанты, маргиналы, преступники и прочие деструктивные по отношению к культуре социальные категории лиц. Или социальную работу связывают только с культурой постмодернизма, в которой социальная реальность рассматривается как нечто локально существующее и постоянно ускользающее из поля зрения науки: остается один дискурс, с помощью которого, якобы, можно, если постараться и если есть соответствующий писательский талант, уловить в сети «плотного» гипертекста «взбунтовавшее» социальное бытие, от которого страдают клиенты социальных работников. Тогда, действительно, фигура социального работника вырастает до масштабов единственного спасителя человечества, в исторического мессии, который призван, при отсутствии эффективных и целостных социальных систем, прикрыть их «своим телом». Или, как говорится, «накормить всех одним хлебом». Но научному познанию такая фигура, якобы, недоступна.

Возникает вопрос: откуда взяться таким людям, если не чудом? Какой такой социальный институт может сформировать качества социального работника, которыми он должен компенсировать существующую социальную ущербность и восстановить утраченную целостность человека в своем клиенте?

Ответ на этот вопрос можно найти, если мы будем исходить из того, что социальная работа вызвана определенным этапом в развитии общества и культуры, то есть имеет социокультурную природу. Но, возникнув на основе определенных исторических предпосылок, социальная работа в настоящее время еще не сформировалась в самостоятельный институт. Он имеет свою специфику, свою особую систему видов деятельности, но еще не развернутую, поэтому их характер латентно присутствует в тех видах деятельности, которые существовали в прошлом или существуют в различных сферах общества как не относящиеся к социальной работе. Ведь не случайно же, что до сих пор идет

скрытая дискуссия о том, как называть этот новый вид социальной деятельности. Кто-то считает, что нужно было назвать «социальной заботой», а кто-то — «социальной услугой». В последнее время клиенты стали участниками «социального контракта» и рождается «социальный бизнес».

И все же специфика социальной работы как новой профессии определяется не только и не столько видами деятельности и тем, как мы их назовем, сколько *характером самой деятельности социального работника, его отношением к клиенту*. Иначе говоря, теми параметрами, которыми социальная работа вписывается в систему культуры, и теми средствами культуры, которые позволяют ей успешно воспроизводиться как специфическому виду деятельности, а клиенту восстановить свой социальный статус. Социальный работник может использовать старые и всем известные виды деятельности (труд, игра, общение, помощь и т.д.), но в новом социокультурном контексте, с новым духовным наполнением.

С этой точки зрения, социальная работа в определенной мере продолжает линию развития культуры, связанную с милосердием, благотворительностью, меценатством и волонтерством. Следуя этой логике, истоки социальной работы можно найти в такой седой древности, что любой другой социальный институт (семья, государство, право и др.) покажется младенцем. Так и происходит в отечественной историографии, на основании которой социальные работники отмечают свою многовековую родословную. Все-таки социальная работа есть принципиально новый вид деятельности, которого не было в прошлом. Хотя совершенно нового не бывает так, чтобы нельзя было найти определенные предпосылки нового в прошлом, в том числе и духовные.

Однако существует другой, социокультурный подход к раскрытию природы социальной работы, который позволяет по-новому взглянуть на профессиональный статус социального работника. С этой точки зрения, давно обсуждается вопрос: социальная работа — это призвание или профессия? Вполне понятно, что отвечать на этот вопрос можно по-разному, но предпочтительным считается тот ответ, в котором социальная работа рассматривается и как призвание, и как профессия. Возразить против этого нечего.

Однако это утверждение имеет слишком общий и односторонний характер. Почему, собственно говоря, нужно говорить только о призвании и профессии? Лишь потому, что так вопрос ставил сто лет назад М. Вебер в работах «Политика как призвание и профессия» и «Наука как призвание и профессия»? К тому же данный вопрос можно поставить перед любой профессией и получить подобный общий ответ. Хотя никто не собирается принижать значение этого вопроса, по которому шла дискуссия о разных профессиях весь XX век.

Вполне правомерно, что этот вопрос возник и по отношению к социальной работе. И все же социокультурный подход позволяет взглянуть на проблему более широко. Важно его увязать с социокультурной спецификой самой социальной работы. Действительно, существует богатый арсенал элементов и форм культуры, которые могут быть использованы в профессиональной социальной работе и с точки зрения этих форм можно ее оценивать. Например, социальная работа есть служение (идея социального служения в православии и др.), выполнение своего нравственного долга (альтруизм, этика заботы и др.), реализация определенной мировоззренческой позиции (в волонтерстве и т.д.) и др. формы социальной деятельности, характер которых окрашен той или иной духовной установкой. Но для нас важно подчеркнуть, что сама социальная работа вырабатывает специфические формы социальной культуры, выступая источником новой духовной мотивации, поэтому социальная работа есть что-то еще, что является интегральной ее характеристикой. Немного подробнее об этом.

Если исходить из того, что духовность есть форма связи личности с культурой, то можно выделить различные виды духовности: мифология, религия, искусство, наука, философия, обыденное сознание. Я остановлюсь только на одном из них – на философии, что не исключает необходимости анализа с других сторон. В самом общем виде можно выделить четыре позиции, которые могут быть источником духовной мотивации человека во взаимосвязи философии и социальной работы:

1. Отрицание такой связки вообще. Социальная работа видится узко профессиональной деятельностью по решению жизненных проблем с использованием социотерапии, психология, медицины и др. областей знания, но никак не философия. В таком случае социальная работа рассматривается как деятельность в области сферы социальных услуг. Такой прагматизм в социальной работе есть явление весьма распространенное, в том числе в российском обществе. Если следовать такому пониманию профессионализма, то социальную работу можно свести к разработке и реализации различных социальных технологий. Технологичность – вещь рациональная и эффективная, но проблема часто упирается в понимание характера создаваемых социальных технологий и тех объектов, которые должны быть предметом их воздействия. Проблема с объектом в том, что он отдален на определенной дистанции, которая не позволяет понять и освоить его специфику в полной мере. В качестве технологий чаще всего используются те наработки, которые существуют в психотерапии, в практической психологии, в социологии управления, в социологии труда и т.д., но если они не охвачены соответствующим социально-гуманитарным знанием, включая философское, то это не будет социальной работой. Казалось бы, в этом

нет ничего плохого, поэтому учебные планы подготовки включают десятки самых разных дисциплин, которыми должен овладеть социальный работник. Трудность только в том, что овладеть ими профессионально он не может, а способ их соединения, которым является социальная культура и профессиональная философия, ему неизвестны. Все отдается на произвол талантливости человека, на откуп его жизненного опыта, который появляется не скоро. А может он вообще не появиться. Если социальное учреждение будет заниматься только социальными услугами, то появится только опыт оказания услуг, а не оказания помощи, не обеспечения социальной защиты, не служения определенным социальным идеалам. Но если этого нет, если нет таланта работы с людьми и нет адекватного опыта, то социальный работник приобретает поверхностную или не адекватную подготовку, не дающую укорененности социального работника в культуре своей профессии.

2. Использование философии для духовного прикрытия идеологических принципов социальной сферы. Социальная работа рассматривается как продолжение социальной политики, как ее «сниженная» форма, в которой социальные работники являются лишь проводниками политики государства, лишаясь самостоятельности как особый социальный институт [1]. Данная позиция характерна для официальных теоретиков социальной работы, оправдывающих любой поворот в социальной политике политической элиты. Социальный работник превращается в социальный демпфер, сглаживающий остроту социальных проблем. В качестве объекта технологического воздействия социального работника в этом случае рассматриваются клиенты: люди, пострадавшие от недостатков, конфликтов и пороков существующего общества и потому нуждающиеся в помощи, в защите и в реабилитации. В этом случае социальная работа начинает выстраиваться в соответствии с определенной социально-философской концепцией, которая доминирует в обществе: либеральной, консервативной, религиозной и др. Что касается марксистской философии, то, с ее точки зрения, социальная работа не нужна, поскольку само социалистическое общество и его государство социально ориентированы по своей природе, и не нужны какие-то профессиональные институты и организации. И все же есть нечто общее, что объединяет все эти философские концепции в отношении к клиенту: клиент рассматривается как объект, а в качестве субъекта выступает государство, социально-экономические организации, церковь и др.

3. Использование идей нравственной философии. Например, принципами социальной работы рассматриваются идеи филантропии, милосердия (Конфуция и др.), гуманизма, этика заботы и др. Использование духовного наследия культуры прошлого становится все более активным и продуктивным. Это важ-

но потому, что социальная работа включает в себя исторически преодолённые формы социальной деятельности, и культура прошлого должна существовать и развиваться для воспроизводства этих социальных форм. В частности, социальное назначение социальной работы раскрывается в её понимании как формы социального служения, как святое призвание. Социальный работник рассматривается как фигура миссионерская, сродни священнику. Все его действия соизмеряются с особым моральным кодексом и подкрепляющей его клятвой. Видимо, такое понимание статуса социального работника не может не вызывать уважения в силу его богатой духовной насыщенности, особенно когда социальное служение противопоставляется частнопредпринимательской модели социальной работы или государственно-чиновничьей. Тем более что в русской культуре существует фигура интеллигента, который исторически воплотил все те черты, которыми должен обладать социальный работник. В описаниях модели социального работника просвечивают черты народников, деятелей земств и других радетелей за народ.

4. Рассмотрение взаимосвязи философии и социальной работы в их реальном взаимодействии, когда социальная деятельность внутри себя вырабатывает философские принципы. В этом случае философия является реальным, действующим фактором социальной работы, включена в структуру социальной деятельности, выступает духовной формой социальной культуры общества. Категория социального в этом случае приобретает онтологический смысл и становится объектом философии [2]. Такая философия социальной работы включает в себя не только философию социальных работников, но и философию их клиентов, то есть является диалоговой по своей природе. Но тогда требуется другая модель духовной мотивации в социальной работе. Остановлюсь на этом пункте несколько подробнее.

Согласимся с тем, что в какой-то мере каждый человек, действующий в различных сферах общества, решает те задачи, которые становится предметом особой профессиональной деятельности. Если бы это было не так, то методы, средства и приемы социальной работы были бы чужды ее клиентам. Социальный работник не является чужим в той социальной среде, в которой он занят профессионально. И все же он «свой среди чужих и чужой среди своих». Он становится чужим среди своих, чтобы стать своим среди чужих. И наоборот: став своим среди чужих, он становится чужим среди своих. То есть так или иначе, но социальный работник всегда профессиональный маргинал, как маргиналами были всегда принципиально новые исторические движения и формы культуры.

Напомню, что маргинал — это человек, который своими социокультурными чертами не вписывается в сложившуюся структуру социальных характе-

ров, социальных типов личности. По этой причине он начинает быть субъектом и носителем различных форм культуры. Такое промежуточное, пограничное существование превращает маргиналов в источник принципиально новых форм культуры. Каждый новый тип культуры исторически был создан маргиналами. Маргиналами были первые философы, противопоставляя свои теории мифам. В ряду выдающихся маргиналов были Сократ, Будда, Конфуций, Аврелий Августин.

В этой новой модели социальной работы как источника новой духовной мотивации конечной целью является выработка способности самоуправления. Как отмечает Т. Шанин, «в социальной работе центральной фигурой является "клиент", а цель ее – освобождение его от нужды в социальных работниках» [3]. Правда, при этом социальный работник сам часто нуждается в помощи, так как «в условиях постоянного государственного давления "сверху", часто при безразличии или даже враждебности общества в целом, каждый раз заново становится вопрос выживания социальной работы как профессии. В этом особенно важен вектор идеи, ее определяющей, и ее общий культурный контекст» [3]. Важно при этом отметить, что моральную поддержку своей профессии социальные работники, что вполне естественно, получают со стороны клиентов. Им не важен социальный статус и специфика профессии тех, кто им помогает, когда помочь больше некому. Социальный работник есть не слуга государства и не в услужении у клиента. Не может быть социальная работа и сферой бизнеса. Миссия социального работника качественно иная: помочь людям в разрешении проблем их повседневной жизни таким образом, чтобы в дальнейшем они не нуждались в такой помощи. Следовательно, объектом забот социального работника являются не клиенты как таковые, а социокультурная среда, организации и институты, в которые они включены и, воздействуя на которые социальный работник может оказать помощь клиентам. Для этого социальный работник должен находиться «в одной лодке» с клиентами, быть погруженным в существующий для клиента социум и, одновременно, быть «выше» его. Но это «высота» позиции социального работника вызвана не его дистанцией, которая возникает тогда, когда социальный работник является проводником решений правительства или представляет интересы частного капитала, а высота социальной культуры. Возможность самостоятельной позиции социального работника в его профессиональной деятельности призвана обосновать философия [4-5]. Поэтому, для того, чтобы не быть «ручными», социальные работники должны иметь свою философию и четкие мировоззренческие ориентиры. Без своей философии социальные работники всегда будут бессознательно выражать чужие идеи и быть в зависимости от различных чуждых ее природе идеологий.

Вся их жизнь будет подчинена решению задач, которые имеют конъюнктурный характер. И каждый раз социальные работники будут «крайними» в том случае, если проблемная ситуация будет складываться не в пользу их клиентов [6].

Важно подчеркнуть еще один момент. Клиенты социальной работы нуждаются не просто в помощи, а в экстренной помощи, так как не способны самостоятельно решить свои проблемы и часто не способны к самоорганизации. Зато такой способностью в высокой степени должен обладать социальный работник. В этом смысле социальная работа есть не практическое продолжение социальной политики, а новый источник власти. Пространство деятельности социального работника очерчено действием тех регуляторов, которые проявляют себя на различных уровнях гражданского общества: местные общины, волонтерство, сетевые сообщества и др. По своей сути область социальной работы складывается в новую социальную систему, которая становится новым типом власти, который начинает конкурировать с властью государственной в ее повседневной жизни. Отсюда далеко не случайно нередкая оппозиция социальных работников решениям и действиям правительства, в том числе и проводимому им курсу социальной политики, если он не учитывает в полной мере интересов обездоленных и социально не защищенных людей.

По своему характеру новый тип власти имеет иную природу, чем власть государственная. Источником этой власти становится не общество, а духовная культура. Этим самым новый тип самоуправления отличается от классической демократии, в которой источником власти является формальное большинство населения. Источником власти социальных работников является возможность и способность восстанавливать или возвышать личное достоинство, в котором нуждается каждый человек, не утративший своего социального лица. Кроме того, социальный работник имеет доступ в сферу частной жизни человека и его власть основана на доверии, которое ему оказывает клиент, а сам приобретает высокую степень незащищенности от злоупотреблений со стороны социального работника или людей, которые используют образ социального работника для того, чтобы проникнуть в жилище человека с преступными целями.

Значит ли это, что социальная работа является формой самоуправления в виде территориальной коммуны? В определенной степени – да, так как территориальные коммуны решают те проблемы, которые одновременно являются проблемами социальных работников. Но все же социальная работа имеет более широкий характер, и пространство ее компетенции охватывает все общество, все его сферы, всю культуру, а не только отдельные локальные территории, так как социальная реабилитация личности клиента точно так же требует привлечения всех духовных ресурсов общества, как и при социализации личности.

С этой точки зрения, социальные работники, раз их главным ресурсом является культура, тем самым становятся культуртреггерами, работниками культуры, задача которых состоит в приобщении клиента к культуре в самых разных формах, доступных для клиента: местная архитектура, краеведческие музеи, ресурсы телевидения, Интернета и др. Только в деятельности социального работника культура выполняет качественно иные функции. Во-первых, он акцентирует свое внимание на социальной культуре, а не на культуре в целом, поэтому, скажем, художественная культура должна выполнять социальную функцию, а не является лишь источником наслаждения: для этого работник должен рекомендовать соответствующие произведения. Во-вторых, культура в социальной работе выполняет реабилитационную, нормализующую функцию по отношению к клиенту, а не функцию социализации: социальный работник не может подменять собой семью и школу, но выполнять их отдельные функции должен. В-третьих, социальный работник реализует социальный ресурс культуры с помощью иных методов, чем работник культуры, который имеет дело с массовой аудиторией, а социальный работник с конкретным человеком, поэтому функция социального работника близка позиции практикующего психолога.

Итак, духовная мотивация социального работника, если рассматривать ее как принципиально новый феномен культуры, должна иметь внутренний, самостоятельный характер. Только тогда эффективно можно использовать все другие культурные источники социальной работы. Социальная культура, в частности, во взаимодействии с философией развивается в разных направлениях, но с общей установкой не столько на то, чтобы активно воздействовать на клиента социальной работы, сколько на изменение и обогащение социокультурной среды, которая позволяет привести к успеху процесс социальной адаптации, реабилитации и ресоциализации.

Литература

1. Козырьков В.П. Социокультурные аспекты и проблемы становления социального государства // Социальная политика социального государства: Материалы международной научно-практической конференции, 4-6 октября 2001 г. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. С. 55-58.
2. Козырьков В.П. Онтологизация социального в современном российском обществе // Социальное: содержание, смысл, поиск в современном культурно-историческом пространстве и дискурсе. Материалы Международной научно-практической конференции, 14-15 октября 2011 года. Казань: Казан. ун-т, 2011. С. 135-147.
3. Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности: новая профессия и академическая дисциплина // URL.

<http://ecsocman.hse.ru/data/761/679/1219/035Shanin.pdf> (Дата обращения 14.09.2015).

4. Ярская В.Н. Философия социальной работы. Саратов, 1994. 247 с.
5. Философия социальной работы / под ред. Митрохина В.И. М.: Союз, 2008. 147 с.
6. Козырьков В.П. Социальная составляющая современной культуры // Государственное регулирование экономикой. Региональный аспект. Материалы Шестой Международной научно-практической конференции: В 2-х тт. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 459-461.

**РАЗВИТИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
УСЛОВИЯХ ОТКРЫТОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВУЗА
THE DEVELOPMENT OF RESEARCH ACTIVITIES IN AN OPEN
EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF HIGH SCHOOL**

М.И. Лучинина

Вятский государственный гуманитарный университет

M.I. Luchinina

Vyatka State University of Humanities

В статье представлены результаты научного исследования, полученные в процессе взаимодействия субъектов открытой образовательной среды.

The article presents the results of scientific research obtained in the process of interaction of the open educational environment.

Ключевые слова: исследование, взаимодействие, социальный капитал, дети-сироты.

Keywords: research, interaction, social capital, an open educational environment, orphans.

Одной из приоритетных задач профессионального образования является обеспечение продуктивного взаимодействия образовательных учреждений с другими субъектами открытой образовательной среды: вузами-партнерами, ресурсными организациями, институтами гражданского общества. Сотрудничество вуза с различными организациями и учреждениями ставит своей целью повышение качества образования и осуществляется по ряду направлений: реализация сетевых образовательных программ, организация практик и стажировок студентов, проведение научных исследований по заказу профильных предприятий и учреждений. Организация и проведение научных исследований явля-

ется одним из важных направлений сотрудничества субъектов открытой образовательной среды, обеспечивающим формирование профессиональных компетенций будущих социальных работников.

Так, в результате взаимодействия вуза и профильных учреждений по направлению подготовки «Социальная работа» было проведено исследование по изучению характеристик социального капитала детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – воспитанников интернатных учреждений (Кировская область, 2014 г.).

Согласно официальным статистическим данным, в настоящее время в РФ насчитывается около 700 тыс. детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Несмотря на активное продвижение государством семейных форм жизнеустройства, значительная часть данной категории детей воспитывается в интернатных учреждениях разного вида. Успешная социализация и адаптация воспитанников в обществе определяется наличием многочисленных условий и ресурсов, в том числе социального ресурса. От того, каковы характеристики данного ресурса, во многом зависит дальнейшая жизнь этой категории детей. Изучению данной проблемы и посвящено настоящее исследование.

Анализ литературы по проблеме исследования показал, что основоположники концепций социального капитала по-разному определяют его сущность: как совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью; как родственные связи и членство в группах; как отношения доверия людей друг к другу [1-3]. Среди исследователей нет единой точки зрения относительно структуры социального капитала, тем не менее большинство из них выделяют в качестве основных структурных компонентов социальные сети, социальные нормы, уровень межличностного доверия. Важной особенностью социального капитала является его способность к накоплению, которое осуществляется в разных формах взаимодействия людей [4, 5].

Формирование социального капитала воспитанников интернатных учреждений определяется социально-психологическими особенностями детей, условиями и образом их жизни. Эмпирическое исследование характеристик социального капитала детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, осуществлялось на базе интернатных учреждений г. Кирова и Кировской области. В качестве показателей социального капитала на основании его структуры выделены социальные связи, социальные нормы, доверие. В качестве индикаторов социальных связей выступают принадлежность к группам, количество и качество контактов; в качестве индикатора социальных норм – соблюдение правил поведения; индикаторов доверия – межличностное доверие и социаль-

ная поддержка.

Анализ результатов исследования позволяет сделать следующие выводы. Дети являются активными участниками разных объединений по интересам внутри своего учреждения, однако посещение какого-либо общественного объединения за его пределами является для 66% воспитанников интернатных учреждений скорее исключением, чем правилом, что свидетельствует об ограниченности социальных связей со сверстниками и другими взрослыми. Во взаимодействии с людьми вне интернатного учреждения у воспитанников наблюдаются разные предпочтения. В основном дети поддерживают отношения с родственниками и друзьями – по 66%, с шефами – 42%, с наставниками – 15%, а также с волонтерами-студентами и специалистами других учреждений; не поддерживают отношения ни с кем за пределами учреждения 8% детей. Однако плотность общения представлена по-разному. Чаще всего в течение последнего месяца (на период опроса) респонденты встречались с родственниками и друзьями; ни разу не встречались – с наставниками, членами попечительского совета, волонтерами и шефами.

Показатель – социальные нормы. Для воспитанников интернатных учреждений среди правил поведения наиболее важными являются: «добросовестная учеба» – 91%, «выполнение правил поведения в школе» – 88%, «запрет на спиртные напитки, наркотические вещества» – 89%. Не очень важными являются правила: «соблюдать установленный в школе режим», «укреплять традиции школы» – по 80%, «заботиться о младших» – 65%, «не применять физическую силу для выяснения отношений со сверстниками» – 57%. Соблюдение воспитанниками данных правил поведения зависит от сроков проживания в интернатном учреждении. Так, значимость выполнения правил существенно уменьшается с увеличением сроков проживания в интернате (с 20% – у детей, проживающих сроком до 1 года, до 4,8% у детей, проживающих более 5 лет).

Правило «забота о младших» является важным для респондентов, проживающих в интернате до 1 года – 60%, и теряет свою значимость с увеличением срока проживания – 0%. Такие правила, как «подчинение обоснованным требованиям педагогов», «забота о младших», «не применение физической силы для выяснения отношений, запугивания, вымогательства» не были выбраны респондентами, проживающими в интернате сроком до 5 лет, в качестве значимых при взаимодействии с другими людьми. Только респонденты, проживающие в интернате сроком более 5 лет, назвали данные правила как необходимые для установления взаимодействия с другими людьми.

Данные зависимости показывают, что с увеличением времени проживания детей в интернатном учреждении происходят изменения в осознании зна-

чимости тех или иных правил для установления и поддержания контактов с людьми. Здесь очевидно воспитательное воздействие педагогического коллектива на принятие воспитанниками норм и правил социального общежития.

Показатель – доверие. Более половины респондентов затрудняются в том, стоит ли доверять людям (51,1%), 20% детей считают, что доверять нельзя никому. В целом, высокая степень доверия воспитанников интернатных учреждений в большей мере проявляется в отношении родственников. Данную позицию подтверждают результаты ответов респондентов на вопрос об обращении за помощью в затруднительных ситуациях. В ходе исследования была установлена зависимость обращения воспитанников за помощью к разным людям от времени их проживания в интернатном учреждении. Так, обращение детей за помощью к родственникам прямо пропорционально увеличению времени нахождения детей в интернате, а обращение детей за помощью к друзьям и воспитателям обратно пропорционально увеличению времени проживания воспитанников в интернате. Данные цифры свидетельствуют о снижении степени доверительности в отношениях с друзьями и воспитателями с увеличением времени проживания в интернате, и о повышении значимости родственных связей в жизни детей.

В ответах на вопрос о желании иметь большее количество друзей и знакомых за пределами интернатного учреждения была установлена зависимость от времени проживания воспитанников в детском доме. Так, количество детей, которые хотели бы иметь знакомых вне учреждения, уменьшается с увеличением срока их проживания (от 80% детей, проживающих в интернате до 1 года, до 42,8% детей, проживающих более 5 лет). Данные результаты свидетельствуют о том, что желание детей в расширении социальных связей за пределами интернатного учреждения падает с увеличением времени их проживания в учреждении. Это можно объяснить, с одной стороны, успешной адаптацией детей в учреждении, а с другой стороны, тревогой, связанной со столкновением с внешним миром после выпуска. За пределами учреждения социальные связи воспитанников сформированы достаточно слабо.

В целом результаты опроса позволяют констатировать, что социальный капитал детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – воспитанников интернатных учреждений характеризуется: социальными связями, ограниченными ближайшим окружением; низким уровнем доверия к окружающим людям; ограниченным представлением о социальных нормах и правилах как регуляторах общественных отношений.

Результаты, полученные в ходе исследования, являются основанием для составления рекомендаций администрации и педагогическому коллективу ин-

тернатных учреждений, для разработки проектов и программ по развитию и формированию социального капитала воспитанников.

Литература

1. Бурдые П. Формы капитала [Текст] / П. Бурдые // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. М.: 2004.
2. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] // Дж. Коулман. Общественные науки и современность. 2011. № 3. С. 122-139.
3. Патнем Р. Процветающая комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь [Текст] / Р. Патнем // МЭ и МО. 1995. № 4. С. 38-46.
4. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Текст] / В.В. Радаев // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5-16.
5. Татарко А.Н. Социальный капитал как объект психологического исследования: монография [Текст] / А.Н. Татарко. М., 2011. 172 с.

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ **NEW HORIZONS OF THE YOUTH POLICY IN RUSSIAN FEDERATION**

Т.Э. Петрова
Санкт-Петербургский государственный университет
Т.Е. Petrova
St. Petersburg State University

Современный этап развития российского общества характеризуется динамичными изменениями, связанными с особенностями развития экономических, социальных, политических и культурных процессов в России в последние годы. Все они теснейшим образом соприкасаются с молодым поколением, получением им жизненного опыта, формированием реальных условий взросления и социализации личности молодого человека.

The current stage of development of Russian society is characterized by dynamic changes associated with the peculiarities of the development of economic, social, political and cultural processes in Russia in recent years. All of them are closely in contact with the younger generation, getting them life experience, the formation of the actual conditions of growing up and socialization of the individual young person.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, организация работы с молодежью.

Keywords: youth, youth policy, the organization of youth work.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р была утверждена Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации [1]. Итоги ее реализации свидетельствуют, что в последние годы удалось переломить ряд негативных тенденций и добиться определенного улучшения социально-экономического положения российской молодежи. Уменьшилась смертность молодых людей, усилилось их стремление к ведению здорового образа жизни, снизился уровень молодежной безработицы, наметилось снижение преступности. Россия является одним из мировых лидеров по количеству молодых специалистов, получивших высшее образование, из года в год растет число молодых победителей и призеров спортивных соревнований, творческих конкурсов, олимпиад на международном уровне.

Однако налицо тенденции нарастания негативного влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, повышающих риски угроз общественного и социально-экономического характера. Проблемой, в том числе, является сильное информационное воздействие на молодежь, следствием которого могут стать повышенный уровень агрессии в молодежной среде, проявления социально-стрессовой девиации у молодого поколения, национальная и религиозная нетерпимость, повышенное социальное напряжение в обществе в целом.

В Российской Федерации в 2014 г. проживало более 34 млн. человек в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет около 24% численности населения страны (из них 46% – юноши, 54% – девушки) [2].

Системное влияние на социально-экономическое развитие страны может оказать также снижение до 2025 г. численности молодежи в общей демографической структуре населения страны, что приведет к убыли населения, сокращению трудовых ресурсов страны, росту пенсионной нагрузки, ослаблению обороноспособности Российской Федерации [3].

Имеющийся во многих регионах России позитивный опыт работы с молодежью и методики преодоления сложных ситуаций в молодежной среде, включая профилактическую деятельность, во многом развивается или удерживается за счет сохраняющихся традиций и преемственности. В контексте реализации молодежной политики необходимо пересмотреть ряд распространенных принципов работы и приобретаемых молодежью компетенций. Наиболее характерной особенностью современного состояния государственной молодежной политики в Российской Федерации является сильная региональная диффе-

ренциация, проявляющаяся и в социально-экономических особенностях ее положения, различиях возможностей эффективной социализации и самореализации, развитости инфраструктуры отрасли молодежной политики.

Нынешние вызовы развитию России, связанные с молодым поколением, требуют перенастройки государственной молодежной политики в целях повышения эффективности не только системы работы с молодежью, но и всех сфер жизни государства. Молодежь России должна получить и реализовать новые возможности для построения своего будущего и будущего страны.

По поручению Президента и Правительства Российской Федерации Минобрнауки России совместно с Росмолодёжью в 2014 г. были подготовлены «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», разработанные с учетом мнений и пожеланий экспертов, лидеров молодежных объединений и заинтересованных молодых людей. В работе над документом приняли участие представители профессионального сообщества, поступило более 4500 предложений, в 10 федеральных университетах прошли обсуждения проекта документа.

«Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» были утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 № 2403-р [4]. Согласно документу, стратегическим приоритетом государственной молодежной политики является создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям.

Ключевой задачей становится воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи.

Целями государственной молодежной политики предстают совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны.

Социальными механизмами реализации государственной молодежной политики являются: развитие комплексной системы социальной защиты и соци-

альной поддержки молодежи, охватывающей основные сферы жизнедеятельности; развитие форм и методов социальной работы с молодежью, способствующих улучшению положения различных категорий молодежи; совершенствование комплекса мер государственной поддержки детей и молодежи, оставшихся без попечения родителей, в том числе для развития инклюзивного образования молодых людей с ограниченными возможностями здоровья; развитие форм государственной поддержки для молодежи, находящейся на профилактическом лечении и в исправительных учреждениях (в том числе по ее дальнейшей социализации); совершенствование условий для осуществления образовательного и воспитательного процессов в образовательных организациях высшего образования и профессиональных образовательных организациях, в том числе для развития системы стипендиального обеспечения и предоставления временного проживания в общежитиях; формирование у молодежи путем широкой информационно-разъяснительной работы осознанного отношения к формированию своих пенсионных прав, которые будут адекватны заработной плате, а также повышение понимания у молодежи значения страхового стажа и легальной занятости.

В рамках осуществления государственной молодежной политики планируется внедрение наиболее эффективных механизмов координации и консолидации усилий всех заинтересованных сторон на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, позволяющих совершенствовать процесс социального развития молодежи Российской Федерации и улучшения ее духовно-нравственных характеристик, повышать общественную и социально-экономическую активность молодежи.

Главным результатом реализации государственной молодежной политики представлено улучшение социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличение степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны.

Эффективная реализация государственной молодежной политики способствует устойчивому росту числа молодых людей, мотивированных на позитивные действия, разделяющих общечеловеческие и национальные духовные ценности, обладающих хорошим физическим здоровьем, культурой безопасности, занимающихся физической культурой и спортом, не имеющих вредных привычек и способных противостоять антисоциальным искушениям, работающих над своим личностным и профессиональным развитием, любящих своё Отечество и готовых защищать его интересы, прилагающих усилия для динамичного развития сильной и независимой Российской Федерации с высоким качеством жизни.

В настоящее время заинтересованными федеральными органами испол-

нительной власти осуществляется разработка Плана реализации Основ государственной молодежной политики Российской Федерации.

Литература

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р. Он-лайн, доступ 15.09.2015 через <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/90356/>
2. Сайт Росстата http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/
3. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. Он-лайн, доступ 15.09.2015 через vmo.rgub.ru/files/report-937-2.pdf.
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 № 2403-р. Он-лайн, доступ 15.09.2015 <http://www.rg.ru/2014/12/08/molodej-site-dok.html>.

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF THE THEORY OF SOCIAL WORK

Л.И. Савинов

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева

L.I. Savinov

Mordovian state University named after N.P. Ogarev

Рассматриваются основные направления развития теории социальной работы как науки. Отмечены противоречия и преграды, связанные с развитием теории социальной работы.

The article discusses the main directions of development of the theory of social work as a science. Contradictions and obstacles associated with the development of the theory of social work.

Ключевые слова: теория социальной работы, наука, практика, противоречия, интеграция наук, созидание.

Keywords: social work theory, science and practice, contradictions, integration of science, creation.

В современных условиях теория социальной работы развивается в условиях постоянных дискуссий. Многие ученые относят ее к группе прикладных наук, при этом не забывая отметить, что статус теории социальной

работы фактически еще не конституцирован. Нельзя не согласиться с выводом о том, что «практическая суть социальной работы определяет и ее содержание как науки» [1; 66]. Мы также разделяем позицию о исторической обусловленности социальной работы как науки признанием социальной работы как профессии. По мнению М.В. Фирсова и Е.Г. Студеновой, дальнейшее развитие теории социальной работы должно идти по четырем направлениям: теория индивидуальной работы, теория групповой работы, теория общинной работы и теория социального администрирования и планирования. Исследователи выделили две научные альтернативы концепции теоретического обоснования социальной работы: «социально интегративного типа (функция приспособления) и эмансипаторного типа (функция изменения)» [2; 41].

Сегодня все более общепринятым мнением является то, что социальная работа становится феноменом цивилизованного общества. Широко известно, что в цивилизованных странах созданы более благоприятные условия для развития социальной работы по сравнению с отсталыми странами, да и вся социокультура в этих странах не только способствует деятельности социальных работников, но очень важно и то, что разнообразная деятельность социальных работников социально востребована обществом. С одной стороны, социальная работа сегодня — это свойство цивилизованных стран, оно внутренне и системно связано с обществом, а с другой стороны, социальная работа способствует развитию цивилизации в целом.

Нерешенность и дискуссионность методологических проблем теории социальной работы как науки обусловлена целым рядом современных противоречий. На это указывают ряд авторов. Так, в учебном пособии «Социальная работа: теория и практика» под ред. Е.И. Холостовой и А.С. Сорвиной отмечается: «Социальная работа внутренне противоречива: с одной стороны, она призвана экзистенциально помочь личности стать субъектом общественного бытия, способствовать ее индивидуализации, задействовав личностные и общественные ресурсы, а с другой стороны, как социальный институт должна выполнять социальный заказ государства, поддерживать социальный порядок в обществе» [1; 388].

Понятно, что список проблем и противоречий которые прямо влияют на развитие социальной работы как науки можно и нужно расширить. Мы выражаем уверенность, что сегодня будет более разумно и более рационально, если мы направим свои помыслы и интересы на поиск ответа на вопрос о том, каким образом теория социальной работы как наука может выйти за пределы межпредметных взаимосвязей, за пределы ее интегрального характера, которые в то же время органически ей свойственны.

Сегодня недостаточно только опираться на методологию и методику других наук – это интересно и важно, но уже это прошлое. Для социальной работы одним из важнейших вопросов является разработка новых способов и приемов познания. На данную проблему обратил внимание В.А. Никитин, отмечая, что «социальная работа представляет особый вид социально-гуманитарной деятельности, который требует необычных форм и способов познания, не укладывающихся в рамки классического понимания науки. Сложность ее содержания не всегда позволяет получить единственно верную интерпретацию, обладающую обязательностью научной истины. Нередко ценность социальной работы (той или иной технологии, средства или метода) определяется не строгостью научного обоснования, а эффективностью реализации, практической пользой для человека, социума» [3; 12-13].

Мы выделяем две стратегических задачи, которые обязана в ближайшее время разрешить теория социальной работы как наука: 1) Социальные работники обязаны объединиться вокруг концепции сущностной рациональности – работая в этом направлении мы более эффективно, с наименьшими затратами можем реализовать наши конечные цели, которые состоят: в защите и поддержке нуждающихся, в оказании им помощи для оптимального процесса социализации в современную культуру, в познании исторических альтернатив, направленных на сохранение существования человечества в условиях совместимости политики и морали. 2) В процессе реализации первой задачи социальная работа как наука одновременно должна решать и вторую задачу, сущность которой связана с органическим воссоединением общественных наук.

Сегодня для выполнения данных двух задач, стоящих перед теорией социальной работы как наукой, есть ряд препятствий [4; 27-36]. Одно из таких препятствий, с которым имеет прямое отношение современная социальная работа в целом, заключается в том, что существует преувеличение важности теоретического мышления, в России много внимания наука уделяла социальному мифотворчеству. Теории работают, если они подтверждаются эмпирическими данными, дают ожидаемые знания и приводят к новым практическим и теоретическим работам. Для общественных наук особое значение имеет дискуссионно-публичный характер обсуждаемых результатов. Специфика социальной работы во многом предопределена повседневной жизнью клиентов. Исследование реалий повседневной жизни служит основным источником научных данных. А реалии повседневной жизни таковы, где теоретические знания являются небольшой и часто не единственной частью знания.

Еще одно препятствие, стоящее перед развитием теории социальной работы как науки, связано с целым рядом моделей социальной защиты населения. Мы не то чтобы против моделей и идеологий социальной защиты, хотя, конечно, ясно, что все это временно, изменчиво, а зачастую задано политиками. Основная проблема состоит в том, что в России сегодня в реальности нет никакой модели социальной защиты, которая бы воплотила в себя историческое прошлое, современные проблемы, имеющиеся настроения и ресурсы, эффективность которой определялась бы целерациональной деятельностью. Особо вероятно не стоит указывать на то, что «подходящую модель» нельзя найти ни в нашей истории, ни в нашей современной культуре; модель социальной помощи – это не полезное ископаемое, она не изначально заложена в социальный мир. Теория социальной работы как наука несомненно будет иметь возможности для того, чтобы дать свои предложения по данной модели для России, это может произойти только в том случае, если мы будем исследовать необходимость и конструкционные схемы данной модели, выдерживая с ней диалектически подвижный процесс познания. Причем основная задача ученых – не предлагать те или иные конструкции, их задача состоит в том, чтобы найти их в постоянно изменяющейся исторической системе. «Поиск закономерностей социальных систем с ускорением изменений социального опыта становится все более актуальной задачей для социальной работы» [5, 80]. Как бы ни казалось парадоксальным, данный «научный поиск» все больше и больше должен заполняться такой культурологической мыслью, где антиномичность и амбивалентность становятся все более заметными характеристиками.

Любые модели социального предназначения следует оценивать по самооценности существования человечества независимо от каких бы то ни было условий. Для России это особенно актуально, так как для нас депопуляция стала уже многолетним элементом нашей культуры. В России особенно, да и в мире в целом, специализация по «прополке и выкорчевыванию» жизни более эффективна по сравнению с ее «прорастанием» и защитой.

В современных российских условиях, когда одни вознесены, а другие не привлечены, и одним трудно быть справедливыми по причине того, что у них есть все, а другим по причине того, что у них нет необходимого, вести серьезные научные дискуссии о моделях социальной помощи – мало продуктивное занятие, оно скорее вынужденное. Но и этот период жизни необходимо достойно пережить, при этом не потеряв изначально заложенное социальное зерно, состоящее из антропо- и эгоцентризма. Теория социальной работы безусловно за приоритет личности, за реализацию индивидуального

потенциала, но при наличии необходимых условий для всех. Концептуальная идея «Всем поровну, но каждому свое» несомненно является социально практическим направлением развития теории социальной работы. Однако в условиях разнообразного дефицита трудно сохранить любовь и милосердие к ближнему. В какой-то степени данные противоречия и рассматриваемую преграду смиряют быстро растущие группы взаимопомощи и иные общественные организации, занимающиеся благотворительностью, однако сложно представить, что их деятельность будет сущностно рациональной и вокруг них могут собраться духовно здоровые структуры. В то же время для научных изысканий увеличение числа и деятельность разного рода субъектов института помощи имеет несомненно особый интерес.

Наконец, уделите внимание еще одной преграде, которую необходимо преодолеть теории социальной работы как науке для обретения полноправного статуса самостоятельности. Когда мы говорим о том, что настало время взглянуть на социальную работу с иных позиций, когда мы полагаем, что она будет способствовать на данном историческом промежутке объединению всех общественных наук и они примут метод сущностной рациональности, который в большей степени, по сравнению с другими методами, отвечает современным социальным потребностям в целом, все это в совокупности указывает на нашу уверенность в том, что уже имеющиеся возможности социальной работы гораздо богаче, чем ее реально значимые. Преодолеть данное противоречие, создать условия для того, чтобы имеющиеся возможности получили статус «наличествующих», одна из актуальнейших задач современной науки.

Литература

1. Социальная работа: теория и практика. Учеб. пособие / Отв. ред. Е.И. Холостова, А.С. Сорвина. М.: ИНФРА-М, 2001. 427 с.
2. Фирсов М.В. Теория социальной работы: Учеб. пособие / М.В. Фирсов, Е.Г. Студенова. М.: ВЛАДОС, 2000. 432 с.
3. Никитин В.А. Социальная работа: проблемы теории и подготовки специалистов: Учеб. пособие / В.А. Никитин. М.: Норма, 2002. 298 с.
4. Савинов Л.И. Теория социальной работы: современное состояние и пути развития новой науки / Социальная работа: история, теория, технологии (научная школа проф. Е.И. Холостовой). М.: Изд-во МГУС, 2004. С. 27-36.
5. Савинов Л.И. Социология закономерностей социальных систем // Регионология. № 4, 2012. С. 80-83.

МЕЖСЕКТОРАЛЬНЫЙ КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ВОЗМОЖНОСТИ И СТРАХИ В МНОГОКОМПОНЕНТНОЙ СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ГЕРМАНИИ
INTERSECTORAL CASE MANAGEMENT AND SOCIAL WORK: OPPORTUNITIES AND FEARS IN THE MULTI COMPLEX GERMAN HEALTH SYSTEM

Э. Штекмайер

Консультант компании «Integrated Healthcare Impact Mapping» (Германия)

E. Stegmeier

Integrated Healthcare Impact Mapping (Germany)

Кейс-менеджмент рассматривался как угроза для социальных работников в Германии. В то же время кейс-менеджмент может обеспечить значительные дополнительные преимущества в сфере социальной работы и повысить эффективность и расширить возможности больницы. Модель сотрудничества между кейс-менеджментом и социальной работой должна быть определена в будущем.

Case management had been seen as a threat for social workers in Germany. But case management can provide a clear added value to the services of the social work and can increase efficiency far in excess of hospital opportunities. A cooperation model between both has to be defined for the future.

Ключевые слова: Кейс-менеджмент, интегрированное здравоохранение, система здравоохранения Германии, социальная работа.

Keywords: Case Management, Integrated Healthcare, German Health System, Social Work.

1. Definitions and Explanations

Social Work is in Germany both a designation of a scientific discipline, as well as a designation of a professional group. The professional group, which is considered here, works with different specialisations in different areas. All of these areas is common, that they represent a complex problematic situation for people or groups of people. Examples of areas are in the care of delinquent people, drug and alcohol addicts, unemployed or sick people. The social service for sick people is used primarily in acute care hospitals and rehabilitation facilities. In Germany, this group includes about 7500 employees [1].

Integrated care is the name for a form of a multisectoral healthcare, which promotes networking between disciplines (general practitioners, specialists, hospitals) and sectors (acute care, rehabilitation, aftercare) and thus improve the quality of patient care while also reduce health care costs. In Germany, different models of this

integrated care are used, such as disease management programs (DMP) or multisectoral case management programs.

Case Management is a form of supportive patient monitoring and coordination and monitoring of standards of care and treatment pathways in an integrated healthcare system. The person who works in the case management is the *case manager*. A case manager may be a nurse, a social worker or an employee of a health insurance company with additional training.

2. *Introduction and problem definition*

The German health care system has a budget of 314.9 milliard Euro [2] for 81 million inhabitants [3]. The demographic trend towards an aging society and a large number of new, innovative, high-technology medical products result in a cost increase. As around 20% of life health expenditures are consumed in the last five years of life, a longer life expectancy leads to significantly increased spending per se. At the same time the number of multi-morbid patients is increasing, that leads to increasing costs for the health system. The resulting cost pressure leads to a necessity of changes in the financing structure.

The German legislature implemented various legislative and structural reforms in the past ten years. In recent decades, it has been customary in Germany that all medical services, regardless of whether they were provided by practitioners or hospitals, mainly had been reimbursed to 100% to the patient. Changes in this field had been for example in a new co-payment for drugs by the patient, as well as public tenders for different groups of drugs.

In the hospital sector, the billing of hospital services into the settlement of case groups, the so-called Diagnosis Related Groups (DRG) has been a new change. This settlement is based on ICD (international classification of diseases) and OPS (classification of operation and procedure) classifications whose reunification ("grouping") leads to a settlement value at the end.

This has a consequence on the length of stay of the patient in the hospital, just a defined number of days will be reimbursed for the hospital by the insurance company. Thus, hospitals come into a pressure to perform and a pressure to optimize processes. The goal of hospitals and the health care system is, that treatments remain profitable and the quality of treatments can be detected at the same time. Thus, among others, the length of stay could be reduced and the number of cases increased [4].

Another problem is the sectoral treatment of patients in the German health system, which is divided into acute care, rehabilitation and aftercare. This leads to negative effects, both on the quality of care, as well as on health costs. Especially the challenge at the interfaces lead to a loss of treatment benefits and information.

In the outpatient sector, patients are in a multi-complex situation again, because there are so many involved parties, for example general practitioners, therapists, pharmacies, medical supply stores. The challenge for the patient is to find the specialized suppliers for the individual indication. Goal is to supply services and products to the patient fast and at the adequate time in the after care.

The different insurance systems, which are divided into health insurance, care insurance and professional associations, are another interface in the system. Patients with chronic disorders or long recovery time, will receive the reimbursement of different insurance companies, depending of sector of treatment or cause of disorder.

An optimization in this field would achieve savings, while improving the quality of care. Thus, the legislature supports the implementation of integrated care models.

3. *Social work in German hospitals*

In hospitals of acute care and rehabilitation in Germany various professions are working: doctors, nurses/carers, social workers and administrative staff. The respective professions are assigned different tasks, so that the patient goes through a standardized process from admission to discharge. The task of the social work is supporting patients who are actively seeking for help or who are in a disease-related problem situation. The social workers assist the patients to mobilize own forces, give advice and help them in applying for assistance. The last point is the outwardly most visible. Here the social workers in the acute hospitals organize to apply for rehabilitation or the patients and organize the discharge management of the hospital. A social worker should both be a generalist, on the other hand a specialist in rehabilitation process and application issues.

4. *Effect of Case Management to Social Work*

The social work had been affected by various actions in recent years. This can be stated in various places:

a) Internal hospital processes:

Some hospitals in Germany have changed their internal processes particularly in two places. On the one hand, tasks of social work care were allocated, on the other hand, the discharge management had been outsourced to external companies. This meant a fear, that the social services will be reduced. This fear was justified by the development of employment figures in the past few years. In 2002 there had been 8769 employees[5], drop by 2008 to 6935 [6], a slight recovery in 2011 to 7579 [1].

b) Introduction of Diagnosis Related Groups:

The introduction of Diagnosis Related Groups (DRG) had been leading to an increase of the number of cases. This means for the social work an increase of work and an additional burden for the work [7].

c) Implementation of case management model

Case Management Models as part of an integrated care are not yet in widespread use in Germany and mostly focused on a special indication. The aim of case management models is giving assistance for the patient from acute care to rehabilitation on to after care for up to two years. Simultaneously, the case manager also supports the medical processes and pathways in the sectors and in the follow-up and knows all the structures and stakeholders in the after-care. This leads to an overlap between the activities of social workers and the activities of the case managers at least in the hospitals.

Based on the experience of the past decade by changes in the task areas of social service and outsourcing of services, there is a fear that implementing case managers lead to a risk for the jobs.

5. *Outlook and discussion*

All case management models in Germany do not intervene in the services that are provided by the different groups in the health care. Rather, the case manager should be guided to the special services of the different suppliers. For example, these are the social service in the hospital or care center in the municipalities that support in aftercare. The case management aim is therefore not to adopt a performance, but to open up services to the patient. Thus, the activities of the case manager is not in contradiction to the activities of social service. To optimize the work of the social services and the work of the case manager, a very close cooperation is necessary between the two professional groups.

Seen for the future, the duties of the social service could be taken over by a case manager or the tasks of a cross-sectoral working case manager could be taken over by the social work. It is prerequisite that the two professional groups would have to acquire additional skills.

For the case managers this would particularly mean to have more knowledge in the field of social law and application process understanding. For social services it would mean to have more medical and nursing knowledge and to be able to know the processes and treatment pathways and evaluate the quality. At the same time the social work would be given the opportunity to be able to act outside the hospital, to visit patients at home, for example.

In the current situation due to the case numbers in many hospitals, this seems to be difficult to implement for the social work. However, the current development of case management models is still an open process and the social work can place their needs, if it is necessary. At the same time it seems the current system makes sense. The social services offer support for all patients in the hospitals and the case managers offer their services only for patients with severe and chronic indications, but then across

sectors and from the start of treatment on until the follow-up into the after-care. This should be useful for all participants and for the healthcare system affordable as well. However, the very close cooperation between social services and case managers is absolutely necessary for the performance of social service. With the help of the case management the services of the social work can be rolled out and extended to the after care.

Bibliography

1. Statistisches Bundesamt, «7579 Sozialarbeitern im Jahr 2011 in deutschen Krankenhäusern», 2013, S. 56.
2. Statistisches Bundesamt «314,9 Milliarden Euro in 2013», 2015.
3. Statistisches Bundesamt «81,084 Mio. Einwohner in Deutschland zum 30. September 2014», 2015.
4. Statistisches Bundesamt, Wirtschaft und Statistik, «20 Jahre Krankenhausstatistik», S.112-114, Februar 2012.
5. Statistisches Bundesamt, 2005. S. 36.
6. Statistisches Bundesamt, 2010. S. 50.
7. Gödecker-Geenen, Norbert, Dtsch Arztebl, 2000. S. 97(41).

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ THE TIME POLICY IN SYSTEM OF SOCIAL MANAGEMENT

П.А. Амбарова
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина
P.A. Ambarova
Ural Federal University named after B.N. Yeltsin

Проанализировано соотношение понятий социального управления и социальной политики сквозь призму времени социальных общностей. Управление временем представлено как специфический вид социального управления, а политика временем как разновидность социальной политики. Рассматривается узкая и расширительная трактовки политики времени.

Analyzed the interconnection between the concepts of social management and social policy in the light of time of social communities. Time management is presented as a specific form of social management, and the time politic is presented as a kind

of social policy. We consider the narrow and broad interpretation of the time policy. The necessity of the formation of time policy as a way of solving various social problems of Russian society.

Ключевые слова: социальное время, социальная политика, управление временем, политика времени, социальные общности.

Keywords: social time, social policy, time management, time policy, social communities.

Управление временем социальных общностей является разновидностью социального управления. Несмотря на разнообразие дефиниций социального управления в социологии, можно говорить о двух концептуально различных подходах к определению его сущности: первый определяет социальное управление через понятие «воздействие», второй – через «взаимодействие».

В рамках второго подхода социальное управление рассматривается как рефлексивное, учитывающее ответные реакции индивидов, социальных общностей, общества в целом, реагирующее на них. А.В. Тихонов отмечает, что современное управление представляет собой новую форму синкретизма, объединяющего управление и самоуправление, организацию и самоорганизацию. По его мнению, социальное управление, в котором не участвуют те люди, для решения проблем которых оно создано, перестает быть управлением и превращается в манипуляцию людьми, способом отчуждения этих людей от общих задач и интересов. [1, с. 5]

Для понимания сущности и особенностей управления временем социальных общностей такой подход представляется важным, поскольку темпоральные процессы и явления трудно поддаются прямому регулированию и контролю, а их развитие – прогнозированию, в связи с чем возникает проблема управляемости этими процессами. Для ее решения необходима разработка и реализации концепции «интеллектуального управления» временем и темпоральными стратегиями поведения социальных общностей, благодаря которой возможно планирование и проектирование будущего, конструирование новой социальной реальности.

Управлять временем – значит, управлять темпоральным поведением социальных субъектов, формируя у них определенный тип темпорального сознания и эмоционального отношения к времени, а на основе этого – темпоральные потребности и модели темпорального поведения. Управление временем социальной общности, с точки зрения социологии, равнозначно регулированию ее жизнедеятельности посредством конструирования представлений членов этой

общности о времени, его «вписывания» в систему их ценностных ориентаций, формирования поведенческой культуры времени на фоне установления конкретных темпоральных условий жизнедеятельности.

Управление временем социальных общностей вписано в систему управления их жизненными стратегиями, что позволяет рассматривать этот вид управления как универсальный инструмент решения широкого спектра проблемных ситуаций – от повышения производительности труда до поддержания социального порядка и гармонизации общественных отношений.

Важным понятием и инструментом социального управления становится политика времени, которая вошла составной частью в теорию социальной работы [2, 3, 4], но, к сожалению, не получила развитие в практике социального управления. *Политика времени* представляет собой *систему методологических установок и принципов практической деятельности, реализуемой управленческими структурами в различных сферах общественной жизни и на различных уровнях* (федеральном, региональном или городском, организационном) для достижения социально значимых целей.

В традиционной трактовке политика времени представляет собой управление общественными отношениями посредством планирования и регулирования бюджетов времени различных социальных групп и общностей. Такое понимание складывалось исторически, в связи с той борьбой, которая разворачивалась (и в общем-то продолжается по сей день) по поводу сокращения рабочего времени без потерь его денежного эквивалента (заработной платы) и роста свободного времени [5]. По сути, это повышение валидности (стоимости, ценности) времени по отношению к деньгам. Борьба разворачивалась вокруг попыток одних социальных общностей или слоев приобретать и использовать при минимальных денежных затратах время представителей других общностей или слоев. Деятельность последних, в свою очередь, была направлена на сохранение своего права на время.

Результаты такой исторической «борьбы за время» закреплялись законодательно. Вспомним такие факты, как сокращение 14–16 часового рабочего дня в условиях развития капитализма в первой половине – середине XIX в. до 8-часового спустя 100 лет и, соответственно, законодательное закрепление данной нормы (40-часовая рабочая неделя); переход в СССР на 5-дневную неделю в 1960–1970 гг.; введение нормы неполного рабочего дня для некоторых льготных категорий граждан (например, работников вредного производства, матерей с малолетними детьми, студентов и школьников). Кроме того, это целый комплекс законодательных норм, касающихся длительности различных видов отпусков (ежегодного, учебного, по беременности и послеродового), дополни-

тельных выходных дней (например, для матерей, имеющих несовершеннолетних детей) и т.д.

На наш взгляд, содержание этого понятия требует расширения за счет включения в него компонентов, имеющих не только количественное измерение, но и качественные характеристики. Прежде всего это касается целей управления социальным временем. Мы можем говорить о двух типах политики времени, выделяемых по характеру целей – *инструментальной* и *ценностно-ориентированной*.

Инструментальная политика времени направлена на использование времени социальной общности для достижения целей, лежащих за границами ее интересов. Такими целями могут быть модернизация или оптимизация финансирования тех сфер, в которых разворачиваются жизнедеятельность общности, установление или усиление контроля за поведением, социальной активностью социальной общности, использование ресурсов времени общности для компенсации дефицита ресурсов в интересах реализации социальной политики (как это происходит в ситуации с волонтерством) и др. Не всегда названные цели противоречат интересам общности: в одном случае они могут совпадать с ними, в другом – пересекаться, в третьем – кардинально расходиться.

Ценностно-ориентированная политика времени ставит своей целью реализацию интересов самой общности и в качестве ключевого механизма рассматривает управление временем этой общности. Конкретными целями ценностно-ориентированного управления могут быть снижение уровня социального неравенства (выраженного, в частности, в темпоральном гендерном неравенстве) [6, 7, 8], достижение счастья [9, 10], обеспечение целостности и стабильных, гармоничных отношений как внутри социальной общности, так и с обществом [11].

Литература

1. Тихонов А.В. Философские проблемы социологии. Очерки // Приложение к журналу «Философские науки» (Библиотечка молодого ученого). Специальный выпуск «Основания социологии управления». М.: Гуманитарий, 2013.
2. Чикалова И.Р. У истоков социальной политики государств Западной Европы // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 4.
3. Невлева И.М., Соловьева Л.В. Теория социальной работы. Белгород: Кооперативное образование, 2005.
4. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001.

5. Зинн Х.-В. О рабочем времени и политике на рынках труда в странах Европы // Молодежь Эстонии. 2005. 29 марта.
6. Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. К.: Центр учебной литературы, 2011.
7. Иванов Д.В. Пространственные и темпоральные структуры неравенства в суперурбанизированном мире // Новые измерения социального пространства и социальные неравенства: матер. Всероссийской научно-практической конференции «VIII Ковалевские чтения». СПб.: СПбГУ, 2013.
8. Амбарова П.А. Темпоральная мобильность как основа социального неравенства // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития: международная научно-практическая конференция (Екатеринбург, 27–28 ноября 2013 г.: в 2 ч. Екатеринбург: Уральский ин-т – фил. РАНХиГС, 2013. Ч. 1.
9. Veenhoven R. Correlates of Happiness. RISBO, Erasmus University Rotterdam, 1994.
10. Инглхарт Р. Модернизация, счастье и благополучие: Россия в сравнительной перспективе: Лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.liberal.ru/videos/show40> (дата обращения 04.05.2015).
11. Амбарова П.А. Темпоральные концепции как теоретико-методологическое основание межкультурных исследований // Известия УрГУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95).

**ОБЩЕСТВЕННАЯ АТМОСФЕРА КАК ДУХОВНО-ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ
ФОН СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**
**SOCIAL ATMOSPHERE AS A MENTAL AND EMOTIONAL BACKGROUND
OF SOCIAL WORK**

В.Н. Аргунова
Вятский государственный гуманитарный университет
С.В. Бояринцева
Врач-психолог, Самара
V.N. Argunova
Vyatka State Humanities University, professor
S.V. Boyarinceva
Psychologist, Samara

Описывается содержание и структура понятия «общественная атмосфера», определяется ее роль в жизнедеятельности общества. Диагностируется состояние современной общественной атмосферы российского общества, устанавливается ее значение для работников социальных служб.

The content and structure of the concept of "social atmosphere" is described. Also its role in society function is defined. The condition of the social atmosphere of modern Russian society is analyzed, its importance for social workers is ascertained.

Ключевые слова: общественная атмосфера, социальная справедливость, работники социальной службы.

Keywords: social atmosphere, social justice, social workers.

В публицистике и научных публикациях достаточно часто употребляется понятие «общественная атмосфера». Термин интуитивно вполне понятный, однако научного толкования этого термина пока не существует. Для характеристики духовно-эмоционального состояния общества в западной и отечественной науке больше используются термины: «социально-психологический климат», «эмоциональная атмосфера общества», «социальное самочувствие», «социальное настроение» и другие. Понятие «общественная атмосфера» употребляется чаще как синоним или как дополнительное к ним. Мы же считаем, что понятие «общественная атмосфера» имеет более широкий смысл и заслуживает более глубокого рассмотрения.

Когда идет речь о социально-психологическом климате, особенно в западной науке, имеется в виду, прежде всего, коллектив, какая-то небольшая группа людей, организация, и рассматриваются, в основном, отношения внутри коллектива, с учетом психологических особенностей каждого отдельного ее члена. Что касается общественной атмосферы — это более общее понятие, которое может характеризовать состояние общего фона города и отдельной страны в целом. Тот факт, что понятие общественная атмосфера шире, стабильнее и глубже, нежели социальный климат, можно обнаружить уже даже в простом толковании составных элементов данных понятий — «атмосфера» и «климат». По аналогии — атмосфера Земли — более емкое и постоянное понятие, нежели климат или сезонные колебания погоды. Не будет атмосферы, исчезнет и климат. Изменится атмосфера, изменится и климат.

Общественная атмосфера, следуя за толкованием термина «атмосфера Земли», является одним из главных условий существования общества как такового, является носителем смыслов и ценностей, жизненных целей и задач, регулирует реакцию общества на те или иные происходящие в нем процессы. По аналогии с земной атмосферой, общественная атмосфера выполняет защитную функцию, включая в себя историческую память и менталитет народа, защищает от разрушения общество извне. Общественная атмосфера является более постоянным и глубоким явлением, чем социальный климат или общественное настроение.

Итак, общественная атмосфера – это общий ментально-эмоциональный фон, который формируется из различных общественных настроений и мыслей, охватывающий все сферы жизни общества, оказывающий непосредственное влияние на качество жизни общества в целом и каждого его индивидуума, в частности. Общественная атмосфера свойственна большим группам людей, таким как государства, республики, сообщества, в которых есть исторические корни, сложившаяся культура, социальные отношения, ценностно-нормативная система. Ее формирует каждый индивид своим настроением, отношением к жизни, а также социальные группы, институты, государство как основной организатор экономической, социальной политики и всех общественно-значимых целей.

Индивиды не могут ее ощутить с помощью органов чувств, как например, существование атмосферы Земли. Ее реальность носит другой, нематериальный характер. Часто присутствие общественной атмосферы воспринимается бессознательно, как, например, «душа народа», «социальный характер», «здоровый смысл». Большую роль в общественной атмосфере играют эмоции, обладающие способностью к заразительности, способностью одновременно овладевать тысячами людей.

Таким образом, в структуре общественной атмосферы можно выделить объективные и субъективные элементы. Объективными являются ментальные структуры эпохи, национальный менталитет, стереотипы сознания, паттерны поведения. Эти структуры повседневного сознания носят долговременный характер, складываются и функционируют веками, а то и тысячелетиями. Кроме них, объективными элементами общественной атмосферы являются существующие в настоящий момент политические идеологии, длительность которых более короткая. Тем не менее, они оказывают значительное влияние на состояние общественной атмосферы в силу большой значимости политической жизни. Объективные ментальные структуры и идеология могут иметь сходные или различные ценностные приоритеты. В том случае, если ментальные ценности и идеологические ценности совпадают, общий фон общественной атмосферы будет гармоничным, если же не совпадают, фон общественной атмосферы будет противоречивым, дисгармоничным, что повлечет за собой выход общества из психологически комфортного состояния. Это в свою очередь не может не повлиять на жизнь каждого его члена.

Субъективными элементами общественной атмосферы являются эмоциональные реакции людей, чувства и настроения. Эмоциональный компонент общественных представлений, по мнению социологов, оказывается решающим в оценке людьми как своего положения в обществе, так и происходящих событий

[2]. Таким образом, в общественной атмосфере есть несколько «пластов», различающихся по длительности своего существования и способам формирования. Ее состояние может быть благоприятным и гармоничным для общества или же, наоборот, дисгармоничным, вызывать противоречивые мысли и чувства.

Состояние общественной атмосферы изменяется под влиянием больших стрессовых событий и других социальных «настройщиков», таких как войны, эпидемии, государственные перевороты, идеологическая пропаганда СМИ, появления новых лидеров и т. д. Эти явления изменяют эмоциональный фон общества, общественные настроения, формируют новую ментальную и эмоциональную доминанту.

Одним из способов «диагностики» общественной атмосферы является совпадение/несовпадение «официальных» ценностей, которые провозглашает государственное политическое руководство страны и ценностей населения на уровне повседневного сознания. К числу базовых ценностей любого общества относится социальная справедливость. В настоящее время в общественной атмосфере России место социальной справедливости противоречиво. С одной стороны, в государственной политике фактически нет места социальной справедливости. Об этом говорят масштабы социального неравенства, низкое качество жизни основной массы населения страны, отстраненность государства от решения социальных проблем, коммерциализация системы социальной защиты и пр. В то же время, как свидетельствуют научные исследования, социальная справедливость продолжает занимать главное место в общественном сознании. Россияне стремятся к модели справедливо устроенного общества, хотят жить в атмосфере общественной справедливости, т.к. стремление к справедливости – одна из отличительных черт российского народа, однако устройство современной России не отвечает их представлениям в силу нелегитимного распределения в нем частной собственности и доходов. Модель, к которой стремятся россияне, не заключается в желании «все отнять и поделить» – она предполагает равные возможности для всех добиваться улучшений своей жизни и допускает существование неравенств, возникших на справедливых, по их оценкам, основаниях, к числу которых относится эффективность работы и уровень образования. Среди населения существуют разные точки зрения на то, кому должна оказываться социальная поддержка в рамках социальной защиты, однако все считают, что актором этой защиты должно быть государство. Запрос на активную роль государства в системе социальной защиты характерен не только для тех, кто ощущает себя ее потенциальным объектом. Он является определенной культурной нормой для всех россиян, отражая их представления о справедливо устроенном обществе и о роли в нем государства [2].

Такое расхождение между ценностными ориентациями официальных административных структур и социокультурным кодом российского общества формирует атмосферу недоверия к государственным структурам. Особенно остро это ощущают работники социальных служб. С одной стороны, они, являясь агентами государства, воспроизводят официальные политические нормы и ценности. С другой стороны, на уровне повседневной коммуникации они руководствуются теми же ценностями, что и население страны. Более того, население часто возлагает надежды на решение своих личных проблем именно на социальных работников. Социальные работники, непосредственно взаимодействующие с людьми, оказываются в непростой социальной и личностной ситуации, т.к. не в состоянии справиться со всеми проблемами людей, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, не могут совладать с целым спектром социальных проблем, которые требуют своего разрешения.

Таким образом, социальная атмосфера пронизывает все сферы общества и весьма ощутимо для каждого индивида влияет на его жизнь. Индивид, выражая свое ментально-эмоциональное отношение к происходящему, влияет на формирование общественной атмосферы.

Литература

1. Давыдова Е.В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. М.: Ин-т социол. РАН, 1993, 52 с.
2. Мареева С.В. Справедливость и неравенство в общественном сознании россиян // Журнал институциональных исследований. 2015. №2. С. 109-119.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОБЩИНЫ В МУСУЛЬМАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ COMMUNITY'S SOCIAL POLICY IN MUSLIM MEDIEVAL POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

Э.Э. Ахвердиев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.E. Akhverdiev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируется ряд вопросов социальной политики мусульманской общины, отраженных в средневековой государственно-правовой мысли. Выявляются наиболее эффективные мероприятия по обеспечению благополучия членов мусульманских общин. Автор обосновывает мнение, что залогом успешного раз-

вития сообщества является качественное взаимодействие всех его участников, оказание помощи нуждающимся и развитие частной собственности.

The article analyzes certain problems of social policy of a Muslim community, reflected in medieval political and legal thought. It elicits the most efficient activities of ensuring the welfare of Muslim community's members. The author grounds the opinion about the proper interaction of all the association participants, delivery of assistance to those in need and progression of private property institution guarantying successful development of a union.

Ключевые слова: закят, Священные тексты, община, социальная политика.

Keywords: zakat, Sacred texts, community, social policy.

Современный межконфессиональный дискурс, направленный на поиск политических компромиссов между религиозными учениями, побуждает исследователей к выявлению наиболее привлекательных идей в той или иной религии, обеспечивших широкое распространение и массовое признание. Существуют, тем не менее, характерные для любого духовного учения черты, связанные, в первую очередь, с общиной как сложившейся общности индивидов и определенным механизмом социального регулирования.

Согласно мусульманскому мировоззрению, человек рождается благоверным, сохраняя в своей душе отпечаток предвечного ее завета с Всевышним. Путь к духовному совершенству и вечному блаженству открыт через деяния индивидов и осознание их места в общественной жизни.

Особой формой социально-религиозной активности можно считать закят – налог, выплачиваемый мусульманином в пользу нуждающихся членов общины и на необходимые мероприятия сообщества.

Писанием предусмотрено наказание за уклонение от уплаты закята: «А тех, которые собирают золото и серебро и не расходуют его на пути Аллаха, обрадуй мучительным наказанием. В тот День [их золото и серебро] будет разожжено в огне геенны и им будут заклеены лбы их, бока, и спины. Это – то, что вы сберегали для самих себя. Вкусите же то, что вы сберегали!"[1, стр.178].

Имущество, облагаемое закятом: 1) ценности: золото, серебро и бумажные деньги (облагаемый закятом минимум равен 85 граммам золота, или 595 граммам серебра, или эквивалентной этим количествам золота или серебра сумме денег); 2) зерновые и плоды; 3) товары, являющиеся предметами торговли и получения доходов: недвижимость, скот, продукты, напитки и другое имущество; 4) скот: верблюды, коровы, овцы, козы.

Распределение средств, собранных в рамках закята. «Милостыня (то есть обязательный закят) предназначена для нищих, бедных, тех, кто занимается [сбором и раздачей закята], и тех, чьи сердца хотят завоевать, [проповедуя им ислам], на выкуп рабов, [несостоятельным] должникам, на дела во имя Аллаха и путникам. Так предписано Аллахом, Аллах – знающий, мудрый!» [1, стр.181]

В данном положении указаны восемь категорий людей, имеющих право на поддержку общины за счет средств закята: 1) нищие (нуждающиеся люди, способные обеспечить себя лишь на половину собственных потребностей или менее того); 2) бедняки (нуждающиеся люди, способные самостоятельно обеспечить осуществление своих потребностей на 70-80%); 3) те, кто занимается сбором и раздачей закята (сборщики, кладовщики, секретари, бухгалтера, охранники, разносчики и др.); 4) «те, чьи сердца хотят завоевать» (пользующиеся авторитетом старейшины, которых хотят обратить в ислам, или укрепить в них веру, или обратить в ислам их близких); (Кулиев Э.Р. поясняет: «Этой категории людей выплачивается определённая доля из средств закята для того, чтобы они благожелательно относились к Исламу, оказывали мусульманам помощь и защищали их. Эти средства могут выплачиваться как неверным, так как Пророк передал часть трофеев, добытых в битве при Хунейне, Сафвану ибн Умеййе, так и мусульманам, поскольку Пророк передал по сто верблюдов Абу Суфйану ибн Харбу, Ибн Хабису и Уйейне ибн Хисну» [2]); 5) рабы и пленные мусульмане; 6) должники; 7) добровольцы, выполняющие миссию во имя Аллаха; 8) путники (те, кто остались в чужой стране без средств. Из закята им могут быть предоставлены средства, необходимые для возвращения домой. «При этом, поясняет Э.Р. Кулиев, – необходимо, чтобы цель совершаемого путешествия не была греховной; эта поездка может быть обязательной, желательной или хотя бы не поощряемой, но и незапрещённой шариатом. Условием предоставления помощи является также отсутствие кого-либо, кто мог бы дать путнику деньги в долг» [2]).

Общественный строй, отраженный в традиционном исламе, не предполагает отделения религиозного управленческого аппарата от общества. «Люди религии» (*улемы*), сравнимы с духовными лидерами раннехристианских общин, чей авторитет зиждется исключительно на их знании Божественного закона. По утверждению Т.К. Ибрагима, улемы старались самоустраниться от власти, не приемля для себя роли государственных служащих (Абу-Ханифа). «Лишь отчасти увенчались успехом попытки Аббасидов после XI в. (с учреждением колледжей-*мадраса*), а позже Оттоманов вовлечь улемов в государственную власть, иерархизировать их, чтобы через них укрепить официальную ортодоксию» [3, стр. 21].

Мусульманские ученые настаивают на том, что ислам проповедует равенство всех верующих перед Всевышним, независимо от их социальной или этнической принадлежности. Тем не менее, мусульманскому обществу было известно рабство, а также деление индивидов по происхождению относительно территории и относительно конфессиональной принадлежности.

На особом положении находились *зиммии*, к которым относились иудеи и христиане. Они признавали верховенство мусульманского государства, символизируемое оплатой подушного налога – *джизьи*. Периодически, например, в период действия Пакта Омара, их статус претерпевал ряд социальных ограничений. В целом же, признавая определенную связь теории ислама с учениями иудаизма и христианства, а также лояльность, проявленную представителями категории *зиммии* в отношении местных обычаев и установлений властей, мусульманская община относилась к данной группе иноверцев весьма терпимо. Им позволялось производить свои религиозные обряды, используя действующие храмы (возводить новые зиммиям, однако, запрещалось). Их даже принимали на государственную службу.

Средневековые авторы упоминали деление индивидов на две группы: «люди пера» и «люди меча». Несложно догадаться, что средневековая научная мусульманская мысль предпочтение отдавала «людям пера» как носителям знаний, мудрости, пропагандирующим ценность образования.

Аль-Фараби в «Афоризмах государственного деятеля» выделил следующие необходимые пять составляющих сообщества: «наиболее достойные лица, ораторы, измерители, воины и богачи. К наиболее достойным относятся мудрецы, люди, обладающие рассудительностью, и те, кто пользуется авторитетом в важных делах. Далее – служители религии и ораторы, а именно проповедники, риторики, поэты, музыканты, писари [...] Измерители – это счетоводы, геометры, врачи, астрологи и им подобные. Воины – это ратники, стражники и те, кто им подобен и причисляется к ним. Богачи – это те, кто приобретает богатства в городе, вроде земледельцев, скотоводов, купцов и им подобных»[4, стр.88].

Весьма характерно, что ни в канонических источниках, ни в трактатах средневековых мусульманских мыслителей не содержится критики института частной собственности и призывов к обобществлению имущества. Наличие у индивидов частной собственности предоставляет им определенный выбор действий, а именно: оказывать ли материальную помощь нуждающимся ближним или же «замкнуться» на собственном процветании и благоденствии. Результат такого выбора одновременно является итогом проверки индивидов на предмет следования духовному учению, определением уровня нравственного самосовершенствования и осознания себя частью религиозного сообщества.

Литература

1. Коран. Перевод с арабского и комментариев. М.Н. Османова – Спб.6 «Издательство «Диля», 2010. 576 с.
2. Кулиев Э.Р. Закят и его место в исламе – islam-book.info/zakon-obryadi/zakyat-osobiy-nalog/zakyat-i-ego-mesto-v-islame.
3. Ибрагим Т.К. Классическая мусульманская цивилизация (ценности и институты) // Исламская цивилизация в глобализирующемся мире / По материалам конференции. / Отв. ред. В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 21.
4. Аль Фараби Афоризмы государственного деятеля. Цитируется по: Хрестоматия по истории политических и правовых учений/ Сост.: Е.В. Калинина, А.М. Белякова. Н.Новгород: ООО «Издательство «Пламя»», 2009 г., 264 с. С. 88.

**ПРОЦЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО
ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ
СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ**
**THE PROCESS OF INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION AND ITS
IMPACT ON PROFESSIONAL TRAINING OF SPECIALISTS
OF SOCIAL SPHERE**

Т.Н. Гурьянова, Ю.А. Мирошниченко
Казанский технологический университет
T.N. Guryanova, J.A. Miroshnichenko
Kazan Technological University

Статья посвящена проблемам интернационализации и интеграции отечественных учебных заведений в международное образовательное пространство в контексте влияния этого процесса на качество обучения и конкурентоспособность выпускников российских вузов, в том числе и применительно к подготовке специалистов социальной сферы.

The article is devoted to the problems of internationalization and integration of domestic institutions in international educational space in the context of its impact on the quality of education and competitiveness of graduates of Russian universities, including with regard to the training of specialists of social sphere.

Ключевые слова: интернационализация образования, международная интеграция профессионального образования, Болонский процесс, социальная сфера.

Keywords: internationalization of education, international integration of professional education, the Bologna process, the social sphere.

Переход мирового сообщества в XXI веке в постиндустриальную эру, развитие процессов глобализации, построение экономики, основанной на знаниях, увеличение информационных потоков неизбежно привели к трансформации различных сторон жизни общества, в том числе и системы высшего образования.

Российское образование переживает сейчас особенно ответственный период. Реформирование системы образования в нашей стране стало частью государственной политики, в которой образование является одним из национальных приоритетов. Сложность данной проблемы заключается в том, что отечественная система образования должна не только адаптироваться к новым социально-экономическим условиям, сохранить свою конкурентоспособность (к большому сожалению, переход к рыночным отношениям, коммерциализация высшего образования привели к значительному снижению качества обучения, вследствие чего на рынке труда появились специалисты с низкими профессиональными компетенциями), но и интегрироваться в общемировую систему, где давно уже сложились свои стандарты, отношения и «правила игры» [1].

Несомненными достоинствами российской системы высшего образования всегда считались доступность, высокое качество, фундаментальность и системность обучения [2]. Как очень точно подметил ректор МГУ В.А. Садовничий, «образование становится схоластикой, если оно оторвано от науки ... именно фундаментальные научные исследования обеспечивают прорыв к принципиально новым знаниям, ... фундаментальные исследования ориентированы на проблемы будущего и определяют, в конечном счете, стратегию развития общества» [3, с. 14.]. Уникальность, специфика национальной российской системы образования, ее ценность заключается еще и в том, что отечественные вузы всегда выполняли не столько социальную функцию, сколько являлись источниками распространения культуры, ментальности, прогресса.

Вместе с тем, сохраняя все лучшее, что есть в нашей отечественной системе образования, российские образовательные учреждения для более успешной интеграции в международное образовательное пространство должны сегодня более активно сотрудничать с ведущими университетами мира, в чем-то использовать их опыт. Международное сотрудничество существенно влияет на развитие образовательной среды учебного заведения, повышая его возможности при подготовке конкурентного, способного к восприятию и реализации инноваций специалиста. С этой целью Россия в 2003 г. присоединилась к Болонскому процессу и перешла на двухуровневую систему подготовки (бакалавриат и магистратура), основанную на компетентностной модели образования, т.е. «на такой проект системы целеполагания, планирования, организации и оценки

учебного процесса, в котором основным образовательным результатом выступает профессиональная компетентность» [4, с. 5]. Поэтому в настоящее время одна из основных задач высшей школы – подготовка компетентного специалиста, в том числе и специалиста социальной сферы.

Характер профессиональной подготовки требует от социальных работников овладения широким кругом компетенций, начиная с организации системы социального обеспечения в целом и соответствующего законодательства, элементов социологии, экономики и права, и заканчивая конкретными, предполагающими знание прикладной психологии, приемами работы с «клиентами» [5]. Например, специалист социальной сферы с учетом специфики социальной работы как профессиональной деятельности в области социальной помощи, защиты, поддержки, коррекции, реабилитации и реадaptации людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, должен владеть общепрофессиональными и специальными компетенциями [4, с. 96].

К числу несомненных преимуществ интернационализации образования можно отнести экспорт образовательных услуг, развитие сетевого сотрудничества вузов на различных уровнях (институциональном, региональном, национальном и международном), академическую мобильность, введение системы перевода и накопления кредитов для оценки результатов обучения, а также перспективы в области создания международных совместных образовательных программ с выдачей двух и более дипломов. Интернационализация углубляет базу знаний институтов и участников образовательного процесса, раздвигает рамки научного поиска, обогащает учебные программы. Присутствие в вузе студентов и ученых из разных стран расширяет культурные горизонты как студентов, так и преподавательского состава страны [6, с. 394].

Однако при всех положительных тенденциях процесс интернационализации, в частности, реализация у нас Болонской системы образования содержит в себе и ряд серьезных недостатков для отечественной системы профессионального образования. Например, в России возникло много вопросов, связанных с сопоставлением введенных степеней «бакалавра» и «магистра» с уже имеющимися на рынке труда квалификациями. До сих пор в России к бакалаврам относятся как к недоученным специалистам. Возникают проблемы и с международным признанием степеней, полученных в условиях Российской системы образования, что не дает возможности отечественным специалистам (в том числе и специалистам социальной сферы) быть конкурентоспособными на международном рынке труда. Кроме того, в условиях российской системы образования из-за отсутствия правовых оснований для индивидуального учета и накопления кредитов обучающиеся не имеют возможности накапливать их в течение жизни

и учитывать при дальнейшем обучении, поэтому все существующие формы дополнительного образования не содержат в себе целостности и представляют собой фрагментарные разрозненные элементы. Одним из положений Болонского процесса считается система обучения, основанная на двух циклах, с возможностью получения разных профильных образований. Однако у большинства отечественных специалистов возникает большая неуверенность в том, что студент, окончивший бакалавриат по одной специальности, в достаточной мере овладеет новым направлением подготовки в магистратуре по другой специальности [1, с. 70-73]. И наконец, реализация Болонского соглашения без учета специфики и традиций отечественной системы образования (о чем речь шла выше) может привести не только к утрате имеющихся достижений, но и иметь разрушительные последствия для будущего страны в целом.

В настоящее время можно смело утверждать, что, с одной стороны, процессы глобализации и интернационализации способствуют движению в направлении единого исследовательского, образовательного и культурного пространства. Надо признать, что процесс интернационализации системы высшего образования сегодня практически неизбежен, поэтому российские вузы должны активно сотрудничать с ведущими университетами мира, отсутствие подобного сотрудничества в современных условиях может привести к быстрому и резкому отставанию не только в сфере образования и науки. Но с другой стороны, процесс интеграции в европейскую систему высшего образования, ввиду отсутствия четко прописанных норм, правил и процедур реализации, замедляет модернизацию российского образования и разрушает национальные особенности подготовки специалистов, в том числе и специалистов социальной сферы, имеющие свои преимущества. Надо признать, что Болонская система имеет ряд серьезных недостатков, ее необходимо скорректировать с учетом национальных особенностей Российской высшей школы. Российские вузы обладают высокими потенциальными возможностями для развития отечественной системы образования, способной составить достойную конкуренцию другим странам на международной арене.

Литература

1. Куприянов Р.В. Система профессионального образования социальных работников: историко-педагогический анализ и перспективы развития / Р.В. Куприянов. Казань: Казан. гос. технол. ун-т, 2014. 129 с.
2. Садовничий В.А. Доступность, фундаментальность, качество / В.А. Садовничий. Консенсус Президиума РАН и представителей ВШ. Экономика и образование сегодня, 2008. <http://www.edu.ru/opinions/ol5-ll.html>, свободный. (Дата обращения 15.11.2014).

3. Об образовании. Евразийское пространство: К 20-летию Евразийской ассоциации университетов / В.А. Садовничий [и др.]. М.: Изд-во МГУ; МАКС Пресс, 2009. 404 с.
4. Валеева Н.Ш. Профессионализм специалиста социальной работы: компетентностный подход / Н.Ш. Валеева, Г.Б. Хасанова. Казань: Изд-во Казан.технол.ун-та, 2008. 232 с.
5. Кочеткова Е.А. Содержание и методика психосоциальной работы в системе социальной работы. [Электронный ресурс] / Е.А. Кочетков. Владивосток, 2012. Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/psihsocrab_p/default.asp, свободный.
6. Гурьянова Т.Н. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг / Гурьянова Т.Н., Фатхуллина Л.З. // Вестник КНИТУ, 2014. Т. 17, №15. С. 391-395.

**НАСТРОЕНИЯ МОЛОДЁЖИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
(ПРОФИЛАКТИКА ЭКСТРЕМИЗМА)
THE MOODS OF THE YOUTH AS A SUBJECT OF SOCIAL WORK
(PREVENTION OF EXTREMISM)**

В.А. Жалнин

Российский Университет Дружбы Народов (Москва)

V.A. Zhalnin

Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Вопрос профилактики экстремизма среди молодёжи зависит от решения теоретических вопросов, которые определяют способ анализа такого понятия, как «настроения». Необходимо исследовать связь между настроением, потенциальным и реальным действием. Требуется подробно изучить само понятие экстремизм с правовой и философской точки зрения. После этого возможно говорить о социальной работе в этом направлении.

The issue of prevention of extremism among young people depends on the solution of theoretical issues that define the methods of analysis such concepts as "moods". It is necessary to investigate the relationship between moods and potential and actual efforts. It is necessary to examine in detail the concept of extremism from the legal and philosophical point of view. Then can talk about social work in this direction.

Ключевые слова: молодёжь, экстремизм, настроения, профилактика, социальная работа.

Keywords: youth, extremism, moods, prevention, social work.

Без анализа настроений молодёжи не обходится ни одно социологическое исследование данной социальной группы. Идет ли речь о качестве жизни молодых граждан или об образовании, о состоянии здоровья или об отношении к культуре и морали, везде это связано с описанием настроений, отношения и оценки. Констатация и обобщение выводов – достаточно отработанный способ оценки настроений. Сложнее дело обстоит с прогнозированием изменений в настроениях, с прогнозированием внешних и внутренних факторов, способных оказать заметное влияние на эти настроения. Еще сложнее дать оценку этих настроений и их изменениям.

Вообще, следует заметить, что понятие *настроение* не обладает своей предметностью, а приобретает его лишь в контексте, например, *настроения граждан, населения* и т.п. Вместе с тем, *настроения и процесс их изменений* не являются объектом социальной поддержки, чаще опираясь на области, связанные с идеологическим воздействием и влиянием. Социальная поддержка идеологии проявляется в формализованной поддержке средств и социальных институтов, отвечающих за идеологию – медиа, образование, культура. И, если можно говорить о социальной поддержке применительно к настроениям, то она осуществляется через упомянутые средства и институты опосредствованно.

Еще один вопрос, требующий ответа, – кто персонально должен осуществлять поддержку настроений молодёжи. С точки зрения профессиональных компетенций, это роль педагогов, психологов и философов, прогнозами могут заниматься социологи. А раз так, то речь уже идет о поддержке этих профессиональных сообществ, причем такой, чтобы это не выглядело банальной финансовой или методической поддержкой идеологических установок или предпочтительных правил поведения, которые должны транслироваться молодёжи. Прежде всего, поддержка здесь должна заключаться в увеличении объема финансирования исследований и разработки технологий и методик формирования позитивного мировидения у молодых людей. Реального ответа о сути, объективности оценки и качестве настроений сегодня нет, поэтому изменения в настроениях могут быть и относительно прогнозируемым вызовом вследствие анализа реальных условий и процессов, и полной неожиданностью.

И наконец, само понятие «экстремистские настроения у молодёжи». Странно, но сегодня день нет окончательно убедительных определений, которые бы подтверждали сам факт существования данного явления. Подростковая агрессивность, нигилизм, даже альтернативный романтизм – все может быть подведено под экстремистские настроения. Действия экстремистского характера (кстати, тоже достаточно субъективное понятие) хотя бы могут быть оценены с точки зрения права и нанесения ущерба безопасности. Причем, уже нане-

сенного ущерба и праву, и безопасности. Настроения – еще не являются полноценным действием. Нет точных указаний, что внешнее проявление настроения не является лишь индивидуальным или групповым проявлением эмоций, краткосрочных идеологических взглядов, реакцией на какую-либо ситуацию. В контексте такого понимания профилактика экстремизма в молодежной среде представляется делом научного познания и организации на основе полученных данных мер социальной поддержки мероприятий, по возможности исключающих, во-первых, ошибки в определении наличия проблемы, а во-вторых, обеспечивающих формирование среды, препятствующей неременному переходу от настроения к действию.

В 2015 г. Федеральным агентством по делам молодежи осуществлена программа поддержки исследований молодых ученых. Автор статьи является участником данной программы и проводит исследование указанной проблемы.

Литература

1. Жалнин В.А., Макиевская Н.М. Современное информационное пространство и работа с молодежью в России // Теодицея. Альманах №5, Пятигорск, 2014. С. 21-24.
2. Макиевская Н.М., Лымарь А.Б., Жалнин В.А. Проведение исследований положения молодежи на общероссийском и региональном уровне // Молодежь в современном обществе: проблемы и перспективы: коллективная монография, Москва, РУДН, 2014. С. 16-23.
3. Александров М.Ф., Буланова О.Е., Прудникова М.С. Профилактическая развивающая программа «Тренинг безопасности подростка» // Вестник практической психологии образования. 2009, № 2,4. 2010, № 1, 2.
4. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Русское слово, 2009. С. 45.
5. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) // Наша молодежь. 2011. № 6.
6. Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков. Под редакцией И. Соковни. М.: 2002.
7. ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ФЗ № 120 от 24.06.1999, в редакции от 03.12.2011 № 378-ФЗ); ФЗ РФ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. ФЗ от 29.04.2008 № 54-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями); ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. ФЗ от 27.07.2006 № 153-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями) и др.; Национальная стратегия действия в интересах детей на 2012-2017 гг., (утвер-

ждена Указом Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 года No 761); Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации / Российская газета – No 5022 от 20 октября 2009 г.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ ПО
ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕННОСТИ СЕМЬИ**
**THE MAIN DIRECTIONS OF FAMILY POLICY IN THE RUSSIAN
FEDERATION ON THE FORMATION OF FAMILY VALUES**

Д.Н. Кармышев, Т.В. Соловьева
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
T.V. Solov'eva, D.N. Karbyshev
Mordovian state University named after N.P. Ogarev

Проанализированы основные направления семейной политики по формированию семейных ценностей, рассматриваются основные мероприятия субъектов социальной помощи в рамках данной проблемы.

The article analyzes the main directions of family policy on the formation of family values, discusses the main activities of the subjects of social assistance in the framework of this problem.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, семейная политика.

Keywords: family, family values, family policy.

В настоящее время, как никогда, остро ощущается необходимость семейной политики, направленной на укрепление ценности семьи.

Обозначим ценностные аспекты семейной политики:

- проблемы семейного воспитания;
- подготовка молодежи к семейной жизни;
- организация и содержание социальной работы с семьей;
- формы помощи семье, предусматривающие обучение родителей, выпуск необходимых пособий, организацию консультаций, проведение лекториев;
- просвещение молодежи в сфере брачно-семейных отношений;
- реформирование преподавания этики и психологии семейной жизни в средней школе, его научно-методическое обеспечение, создание новых учебников, видеофильмов;
- организация подготовки и повышения квалификации учителей по соответствующей дисциплине.

Повышение в общественном сознании ценности ответственного родительства является важнейшим условием эффективной семейной политики. Семейное воспитание как основа социализации детей имеет исключительно важное значение в духовно-нравственном и социальном формировании подрастающего поколения.

В рамках Федеральной целевой программы развития образования на 2011-2015 гг. ежегодно проводится Всероссийский конкурс художественного творчества «Ассамблея замещающих семей» (далее – Ассамблея). Ассамблея направлена на повышение авторитета семьи в обществе и распространение положительного опыта семейных отношений в семьях, воспитывающих детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, укрепление традиций совместного творчества детей и родителей, распространение опыта семейного воспитания, организация досуга, совершенствование взаимоотношений взрослых и детей.

В ноябре 2012 г. Минобрнауки России совместно с Центром развития социальных проектов проведен финал Ассамблеи, в котором приняли участие 150 приемных родителей и детей из 21 региона страны (Псковской области, Республики Карелия, Республики Бурятия, Новосибирской и Томской области, Белгородской и Владимирской области, Краснодарского край, Ростовской области и др.).

Всероссийская семейная ассамблея вносит свой вклад в популяризацию семейных ценностей, способствует укреплению традиций семейного воспитания, передаваемых в нашей стране из поколения в поколение.

Решению этого вопроса посвящена специальная программа «Ответственное родительство» Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Эта программа направлена на пропаганду семейных ценностей, повышение статуса родительства, формирование в обществе позитивного образа семьи с детьми, повышение ценности ответственного родительства, пропаганду воспитания детей без применения насилия.

Обеспечивается деятельность интернет-портала Фонда «Я – родитель» (www.ya-roditel.ru) как основного ресурса проведения информационно-просветительской и консультативной работы с родителями и специалистами. За 2012 г. портал посетило около 510 тыс. человек. На портале опубликовано около 1,5 тыс. ответов психологов на вопросы родителей, около 100 статей на тему воспитания детей, проведены конкурсы для детей и родителей по теме противодействия жестокому обращению с детьми и продвижения ценностей ответственного родительства. Для продвижения идеологии ответственного родительства изготовлена сувенирная продукция с тематической символикой и настоль-

ный календарь на 2013 г., которые распространялись на мероприятиях и акциях Фонда [1].

Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1688 «О некоторых мерах по реализации государственной политики в сфере защиты детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» Фонду поручена разработка Комплекса мер, направленных на формирование в обществе ценностей семьи, ребенка, ответственного родительства, в том числе на позитивное восприятие института устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семью, а также предусматривающих расширение доступа граждан к информации об этой категории детей. Реализация указанного комплекса мер начата в 2013 г. и направлена на решение вопросов укрепления института семьи, духовно-нравственных традиций семейных отношений. Печатные издания для детей и юношества, а также детское телевидение воздействуют на формирование ценностных установок детей, их этических и эстетических принципов, мировоззренческих позиций.

В связи с этим ежегодно на конкурсной основе оказывается государственная поддержка из средств федерального бюджета на выпуск, распространение и тиражирование социально значимых проектов в области печатных средств массовой информации, в том числе опубликованных на страницах изданий для детей, подростков и молодежи. В 2012 г. государственные субсидии получили 42 детских периодических издания и 9 изданий для подростков и молодежи (в том числе 11 изданий на национальных языках народов России) на общую сумму 26 087,4 тыс. рублей, что составило 20 % от общего объема выделенных средств (11 газет – 2 967,4 тыс. рублей и 40 журналов – 23 120,0 тыс. рублей) [2].

В то же время необходимо отметить, что 1 сентября 2012 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (далее – Федеральный закон № 436-ФЗ).

В Федеральном законе № 436-ФЗ определены виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, категории информационной продукции, дополнительные требования к ее распространению посредством теле- и радиовещания, сети Интернет и др. Разработана вся необходимая нормативная правовая база для реализации Федерального закона № 436-ФЗ. В частности, утверждено Положение о порядке аккредитации экспертов и экспертных организаций на право проведения экспертизы информационной продукции и Порядок демонстрации знака информационной продукции в начале трансляции телепрограммы, телепередачи, а также при каждом возобновлении их трансля-

ции (после прерывания рекламой и (или) иной информацией), Порядок проведения экспертизы информационной продукции в целях обеспечения информационной безопасности детей, Порядок сопровождения информационной продукции, распространяемой посредством радиовещания, сообщением об ограничении распространения информационной продукции среди детей в начале трансляции радиопередач.

Федеральным законом № 436-ФЗ детская аудитория защищена от аудиовизуального восприятия ненадлежащей информации. В начале каждой программы (или при возобновлении её трансляции после рекламы) появляется специальный знак возрастной маркировки. Родители располагают возможностью самостоятельно определять целесообразность или нецелесообразность просмотра ребёнком телепрограммы[3]. Роскомнадзор организовал проведение профилактических и разъяснительных бесед с представителями средств массовой информации для нейтрализации негативных последствий правоприменения Федерального закона № 436-ФЗ.

Таким образом, важнейшим элементом деятельности специалистов социальной сферы должно являться формирование установки на семейные ценности среди всех членов семьи, с особым акцентом на подрастающее поколение.

Литература

1. Зелинская Д.И. Приоритетные направления деятельности Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, на 2008-2010 годы / Д.И. Зелинская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sirotstvo.ru/comments/report/>. Загл. с экрана.
2. Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2012 год.
3. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федер. закон Рос. Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Консультант-Плюс: [справочно-правовая система]. [М., 2015]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/#utm_medium=menu

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФАКТОР В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ЭПОХИ «GLOBAL SOCIETY»
ETHNOCULTURAL FACTOR IN CITY SPACE OF THE ERA OF "GLOBAL
SOCIETY"**

Т.А. Криворотова

Нижегородский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

T.A. Krivorotova

Nizhny Novgorod Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Рассматриваются особенности трансформации этнокультурной составляющей городского пространства под влиянием глобальных процессов. Автор затрагивает роль миграции в «глобальной» городской среде и связанные с этим социальные изменения.

In article features of transformation of an ethnocultural component of city space under the influence of global processes are considered. The author mentions a migration role in a "global" urban environment and the social changes connected with it.

Ключевые слова: этнокультурный фактор, миграция, городское пространство.

Keywords: ethnocultural factor, migration, city space.

Феномен развития городской среды в последние годы неразрывно связан с актуализацией этнокультурной составляющей среды обитания горожан. Взрыв привычного уклада городской жизни, вызванный естественным стремлением приобщиться к благам цивилизации эры «global society», изменил культурный облик среды взаимодействия горожан, что многими исследователями воспринималось как «трагедия культуры», средство её вырождения и исчезновения [1, с. 80].

Противники этой точки зрения утверждают, что новый зарождающийся мир несет в себе идею освобождения человека от этнокультурных ограничений. Акценты развития человека в новом пространстве глобальной культуры лежат в плоскости индивидуального развития, самостоятельного выбора и свободы, возводимой порой в абсолют. Таким образом, этнокультурная составляющая социума – рудиментарна и её присутствие в пространстве города – временное явление с точки зрения глобальной эволюции.

Позволим себе проанализировать статику и динамику текущих состояний городской среды г. Нижнего Новгорода с точки зрения значимости её этнокуль-

турной составляющей и привести аргументы в пользу неоднозначности происходящих социальных процессов [2].

Как известно, общество «в корнях своих – это феномен этнический» [3, с. 43], культура которого отражает самобытный уклад, а также специфику поведения представителей этнических групп в любых пространственно-социальных формах.

Современное воплощение в жизнь модели «global society» трансформировало привычную городскую среду. На одной чаше весов оказались развитие городской инфраструктуры, расширение сети учреждений досуга, быта, культуры, всевозрастающая анонимность социальных отношений, высокая плотность населения и неблагоприятная атмосфера здоровья. Необходимость обретения информационного баланса за счет поворота к «универсальному технологизму» постепенно вытесняет самобытный уклад этнической культуры. Понятие «этническая культура» обретает статус продаваемого товара (услуги), не имеющей ничего общего с этнической культурой, присущей населению данной местности.

Иллюстрацией сказанного могут быть данные анализа досуговых центров г. Н. Новгорода, размещенных в структуре Интернет-ресурса «Life-NN» [4], имеющий закладку «культура – этно» (таблица 1). Представленные на сайте организационные формы не отражают специфику этнокультурной составляющей Нижегородского региона и позиционируют себя в социальном пространстве не более как среду «социального релакса».

Т а б л и ц а 1

Сравнительные особенности этнокультурных досуговых центров на территории г. Н. Новгорода

№	Организация/форма	Направление деятельности	Цель
1.	Буто-студия «ABRACADABRA»	Студия пластического действия	Растворение себя, открытие тотальному доверию через практику Буто-танца; постижение философии прекрасного через постижение Духа природы
2.	«Матэ»	Клуб для просвещенных	«Отключение» от внешнего мира и оздоровление
3.	«Дом Шамана»	Этнический магазин	Познание культуры национального(!?) Сибирского чаепития, знакомство с литературой
4.	«Магазин правильного чая»	Чайный клуб- магазин	Знакомство со знаменитыми сортами китайского чая и церемонией чаепития
5.	«Школа ритма «Drumming Boss»	Клуб этнической музыки	Обучение игре на барабанах народов мира- дарбука, джембе

6.	Клуб традиций Китая	Клуб изучения элементов восточной культуры	Знакомство с восточной философией и образом жизни на примере культурных традиций Китая
----	---------------------	--	--

Понятие этноисторического образа социального пространства проживания постепенно вытесняется и из разряда доминирующего переходит в разряд дополняющего образ современного динамически развивающегося города. В этих условиях этнокультурная составляющая городского пространства постепенно обретает индекс нейтральности и становится уязвимой для культурных новообразований, вызванных миграционными процессами.

Миграцию можно рассматривать побочным эффектом глобализационной эры. Мигрантов отличает более мощное, чем у представителей принимающей стороны, стремление обрести собственную нишу в новой социокультурной среде. Казалось бы, абсолютным фактором успеха для них в данном случае может стать отрицание своего этнического «Я» или, по крайней мере, его нейтрализация. Однако, данные социологического опроса, проведенного среди представителей этнических групп, проживающих на территории г. Нижнего Новгорода в течение пяти и менее лет, позволяют утверждать обратное.

Более 50% опрошенных считают необходимым сохранение языка и языковой культуры на вновь осваиваемой территории. Как известно, язык выступает гарантом сохранения этнокультурной принадлежности и базовым фактором в трансляции традиций этнической общности. 58% считают важнейшими в своей жизни вопросы, связанные с этнической принадлежностью, остальные 42% в этом вопросе полагаются на обстоятельства, не сбрасывая со счетов значимость этнической принадлежности к своей группе.

1. Ощущение комфортности среди других этносов, желание взаимодействовать без ограничений присуща 43% опрошиваемых. Большинство (53%) предпочитают сохранять некую дистанцию; при определенных неблагоприятных обстоятельствах рассматривают возможность ограничения контактов. Только 7% опрошенных высказались за самый комфортный способ существования, когда тебя окружают представители исключительно своей этнической группы.

2. При ответе на вопрос о возможном выборе соседей для проживания преимущества остались у представителей своего этноса (56% от общего числа опрошенных). Однако, при рассмотрении результатов опроса отдельных этнических групп эта цифра колебалась от 52% до 60%. Среди предложенного списка т.н. «соседей» чаще других (95% случаев) фигурировали «русские». Лишь 20% опрошенных высказались безразлично по отношению к этнической при-

надлежности своих соседей. Для более 70% респондентов важным остается сохранение этнокультурных традиций и обычаев внутри семьи независимо от территории проживания.

Таким образом, этнокультурная составляющая городского пространства обретает глубоко социальный смысл, представляя собой значимый фактор трансформации культуuroобразующей детерминанты жизни современного города в контексте:

- усиления (ослабления) пространственной конфликтности;
- открытости (латентности) процессов социального взаимодействия и культурного обмена;
- повышения (понижения) показателей социальной безопасности горожан.

Литература

1. Кутырев В.А. Глобальный мир: от культуры к технологии, от истории к «дискурсу памяти» // Диалог мировоззрений-коллективная социально-историческая память и вызовы современности: Программные материалы X Международного симпозиума 27-29 мая 2009 / Под ред. А.В. Дахина. Н. Новгород: Изд. ВВАГС, 2009. С. 80-82.
2. Криворотова Т.А. Этносоциальная динамика в эволюции современных обществ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 38-44.
3. Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2014. 844 с.
4. Life-NN [Электронный ресурс].-Режим доступа <http://www.life-nn.ru>-, свободный. Загл. с экрана. Дата обращения 23.04.2015; Life-NN//Культура//Этно [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://www.life-nn.ru/all/kultura/ethno.html>-, свободный. Загл. с экрана. (Дата обращения 23.04.2015).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ **NATIONAL MINORITIES IN THE CONTEXT OF CULTURAL SAFETY**

М. Крылович
Высшая школа безопасности в Познани (Польша)
M. Kryłowicz
School Safety in Poznan (Poland)

Основная цель этой статьи – привлечь внимание к культурной безопасности Республики Польша как важному фактору в функционировании государ-

ства. О культурной безопасности в Польше мало говорится (см Czajkowska-Ziobrowska D., 2008, стр. 201-208, J. Beutlich, M. Kryłowicz, Poznań 2013, стр. 29-54). Большинство исследователей не видит проблемы мультикультурализма, обычно думая, что польское общество после Второй мировой войны является монолитным.

The main aim of this article is to draw attention to the security of the Republic of Poland culture, as an important factor in the functioning of the State. On cultural safety in Poland little is said (see Czajkowska-Ziobrowska D., 2008, p. 201-208, J. Beutlich, M. Kryłowicz, Poznań 2013, p. 29-54). Most researchers do not see a problem of multiculturalism, commonly thinking that Polish society since World War II is monolithic.

Ключевые слова: безопасность культурная, мультикультурализм, монолитное общество, национальные меньшинства.

Keywords: cultural security, multiculturalism, monolithic society, national minorities.

Introduction

The autonomy of a country can be attacked from the outside in several ways. Using dynamic threats (hard) or creeping (soft). As hard threats we define armed attack associated with military security. Another threat of the state well being is an infringement of its energetical security. The first mentioned threat is painful for the people of the country concerned, it strikes life and human freedom, while in the case of the latter, in addition to the economy, affects just quality of life of the citizen. Dynamic threats wreak havoc not only in the number of citizens, but also in material goods of infested state. Seemingly these are the worst in area of defense against the enemy. Seemingly, because they are easy to read - they allow you to quickly identify the enemy and plan security strategy of the entity and tactical operations. However, the worst among other threats are those count as so-called soft threats, where the hazard identification is neither simple nor straightforward. To this group of soft threats we can include, an attack on state management structures, involving offering media and financial assistance in coming to power, using democratic parliamentary system. However, the worst consequences include an attack on the culture of the nation. Cultural safety is the most important link in the power of each state. It is also often used by the aggressor, which prolongs the attack, "struggles" while in the shade, and the party attacked very often neglects these threats. The fight against these threats is difficult, but can be effective if taken appropriate tactics based on prevention.

The concept of minorities was founded in the nineteenth century with the

emergence of national consciousness and the emergence of nations. A national minority is a community of citizens of the state who are different in terms of national consciousness (Tomaszewski, 1991, p.8). Minorities in contrast to the ethnic possess or have their own state.

Typology of national minorities

National minorities in Poland are divided by the following criteria: size of the group, external homeland, relationship with the country of residence of minorities, origin, distribution in the country, the level of cultural distance. In the paper reference is made to the typology presented by Małgorzata Judyta-Budzyńska (2010). The article will refer to only examples of criteria appearing in Poland. By making the distribution by the criterion of the size of the group, we can point: a small, medium or large group. Small groups represent a small proportion in the country which they reside. In Poland an example of a small minority is Lithuanian population of 5.8 thousand people, according to the census in 2002. The medium group comprises of the German minority numbering, according to census, 153.2 thousand people. Germans are also the largest national minority in Poland. Large groups, namely the national minority constituting a considerable part of the population of the Polish state does not exist.

We can make the division due to the external homeland by: having it or not. Minorities with external homeland are German, Belarussian, Ukrainian and others. In Poland, there is lack of a national minority, which would not have an external homeland.

Division by criterion of relationship with the country of residence: autonomous, indigenous. Autonomous or historical minorities are sedentary and old eg. German minority, Belarussian and others. Indigenous minority is non-historical, immigrant, new and young, which is not present in Poland.

The division by origin criterion: change of borders, colonialism, migration (economic, political, social, as a result of religious persecution), deportation action, the termination of the nation-building process. The best example of the creation of a national minority as a result of border changes is the German minority. It was created as a result of changes in Polish-German border after World War II. The phenomenon of formation of national minorities as a result of colonialism, action settlement and termination of nation-building process, social, economic and political migration conditions do not exist in Poland. As a result of religious persecution Czech minority was founded in Żelów near Bełchatów, who settled in Poland as a result of the persecution of the Brethren in the Habsburg country.

The division by distribution criterion of national minorities in the country: compact, diffuse, borderline, minorities existing within the country. Compact minori-

ties exist in large groups, eg. The Belarusian minority in Białostoczczyzna. A diffuse minority are Jews living mainly in large cities, such as Warsaw, Lodz. Borderline minorities are Lithuanians living in the Suwalki region.

The division by level of cultural distance criterion: minorities slightly different from the dominant nation, radically different from the dominant nation. An example of minority slightly different from the Polish nation is Slovak minority, radically different minorities do not exist in Poland.

National minorities in Poland after World War II

As a result of World War II the Polish border changed, and the displacement and migration have changed the ethnic composition of nation.

In the People's Republic of Poland a lot of mistakes were committed. It proved to be necessary to expulse Germans from Poland. "Operation Vistula", during which not only the members of the Ukrainian Insurgent Army were displaced, Ukrainians, for which the principle of collective responsibility was used, also fell victim to deportations. Black card in the Polish history was the rout of Jews in Kielce. The reason for emigration of Jews were the political games among the governing communists in 1963. Errors in ethnic politics led to the emigration of Polish autochthons of Warmia and Mazury. Manifestation of prejudice against the Roma was a rout in Mława.

After 1970, the idea of the uniform ethnic origin of People's Republic of Poland was promoted. Although officially preached internationalism, the Polish Communists led to the withdrawal of representatives of national minorities from social life (J. Tomaszewski, 1985).

The situation has improved after Poland regained its independence in 1989. Polish Constitution, international and bilateral agreements regarding national minorities ensure that they maintain full national identity (Article 35 of the Polish Constitution).

Currently, national minorities in Poland account for 1.23%, or 471.5 thousand people of the total population of the country (Statistical Yearbook, 2001). However, there are areas of large concentrations of people of other nationalities than Polish.

Act of 5 January 2011 exempts the election committees, whose members include representatives of national minorities, the requirement to exceed the 5% threshold to the Sejm. So far, this threshold could only be exceed by the representatives of German minority (Election Code, Journal of Laws of 2011 No. 21, item 112). This bill will allow Polish citizens of other nationalities to represent their interests in Polish parliament. This will contribute to better meeting the specific needs and interests of the various ethnic groups. Having its own representation in the highest body of legislative power will contribute to the identification of non-Polish citizens of the Republic and strengthen its security.

This is where it is worth to come back to the problem posed at the beginning of the article about the state's role as defender of the interests of the Polish nation and guardian of national minorities. The introduction of democracy has contributed to the activation of national minorities. In particular, activity of the German minority in Silesia increased, which is the largest in Poland. Those who considered themselves as Poles began to define themselves as Germans. Many of these people often do not know German language, and their declarations were associated with the desire to find a job in Germany (W. Roszkowski, 2007, p. 240).

The attitude of *the German minority* in Poland is now fully loyal and friendly. German MPs in our parliament represent the interests of their constituents with full respect for the Polish d'etat raison. In the area of Polish-German relations regarding national minorities there is an asymmetry. Poland accepts the German national minority.

But the historical problem associated with the term 'Silesian nationality' remains. The turbulent history of germanisation and fight of Polish nation left the Silesian part of the population without a specific nationality on the sideline. This led to the emergence of this problem, along with regaining independence in 1989 by our homeland. This group of people originating from the mining community is isolated from external influences.

The second largest national minority living in Poland are the *Belarusians*. The area of settlement is mainly Białostoczczyzna. Identification of the Belarusian minority in Poland with Belarus is small. They feel more like Poles with Orthodox faith. A rapid process of assimilation of the Belarusian minority proceeds. This is due to the migration of rural population to urban areas. In large cities there is a loss of contact with family culture, tradition and language. Belarusian dialect is stigmatized by the Polish language. The only barrier to full assimilation is adherence to the Orthodox religion by Belarusians. Currently Belarusians in Poland seem more like an Orthodox religious group than a national minority. Social activists appeal to literary Belarusian language, which is significantly different from the dialect spoken by Polish Belarusians. This all is not conducive to the development of the social life of the Belarusian minority (E. Mironowicz, 2010, p. 26). Willingness to act as Belarussian community disappears. The biggest organization is the Belarusian Social and Cultural Association.

The Ukrainian minority in Poland lives scattered throughout the country. The main cluster of residence is Masuria, Warmia, Western and Gdansk Pomerania, Lower Silesia, Podkarpacie and Podlasie. The main organizations of the Ukrainian minority in Poland include: Association of Ukrainians in Poland, the Ukrainian Association of Podlasie, the Foundation of St. Vladimir the Baptist for Kievan Russia and the

Association "Carpathian Minorities Heritage". Major press titles include: weekly "Our Word" and "Nad Buhom i Nawoju" (Over the Narew and Bug). Ukrainian Radio broadcasts are aired by Białystok, in a television broadcast, "Ukrainian News" by TVP Olsztyn and "Overview of the Ukraine" by TVP Białystok. An example of cultural events can be "Ukrainian Spring" in Poznań.

The Russian minority in Poland decreased after World War II. This was not only due to the border changes, but also fears of reprisals by the Soviet authorities. The main settlement is the Augustów and its vicinity. Russians in Poland can be divided into descendants that arrived during the partitions, post-revolutionary emigration and the Old Believers settled in the seventeenth century. Currently, the polonization of minority occurs. The only distinguishing feature is to belong to the Polish Autocephalous Orthodox Church or the Old Orthodox Church of Pomeranian Poland. An association representing Russians in Poland is the Russian Cultural and Educational Association organizing the Days of Russian Culture. The only newspaper in the Russian language in Poland is a monthly magazine under the title "Russian Warsaw Courier". TVP Białystok broadcasts "Russian voice" once a month at Friday.

Lithuanian national minority lives mainly in the Suwałki region in the municipality Pieńsk where Lithuanians prevail. They are the majority in the local government. They are also represented in the public authority in Sejny. The majority of Polish Lithuanians are Catholics. Education with Lithuanian language develops in all subjects. Association of Lithuanians in Poland, Lithuanian Community in Poland and others are working. Radio and television broadcasts Białystok airs auditions for Lithuanians.

The Slovak minority in Poland lives mainly in Małopolska, having their own schools with Slovak as the language of instruction. Slovaks are mostly Catholics. The main organization is the Association of Slovaks in Poland issuing monthly magazine „Život”.

Very interesting it is the story of the *Jewish minority* in Poland. It consists primarily of long periods of religious tolerance and prosperity of Jews in Poland, but unfortunately expressions of intolerance and anti-Semitism. The end of this stage of history is put by the holocaust, extermination of the Jews carried out by the Third Reich. The period of People's Republic of Poland is also not conducive to the development of minorities and fueled further emigration. After Poland regained independence in 1989 a new period of revival of religious and cultural life of the Jewish minority began. In 1993, Union of Jewish Religious Communities in Poland was formed. The rabbinate of Poland exists, education develops, the summer camps are organized, periodicals and publications are issued. At the Jagiellonian, Warsaw and Wrocław University Jewish academic programs were created. Judaica Foundation operates in Kra-

kow. The Museum of the History of Polish Jews is being built. Religious life develops. Thousands of Hasidic Jews are visiting the graves of tzaddikims buried on Polish territory. Polish-Jewish relations thrive. High positions in the Polish state are occupied by politicians with Jewish roots, eg. late Bronislaw Gieremek. The number of events related to the Holocaust are organized eg. March of the Living. The Festivals of Jewish Culture are organized.

The Romane minority living in Poland is scattered throughout the country. It originates in middle east and is in advanced process of assimilation. Armenian settlement has a long tradition in Poland. Their attachment to Poland over the centuries have been paid with significant losses. Currently Romane Cultural Association is located in Kraków. Romani are in majority part of Armenian rite of the Catholic Church. On the initiative of the Primate Józef Glemp the Foundation for Culture and Heritage of Polish Romani was established. Armenian education is growing. Currently, many Armenians arrive from the East in search of work.

Czech minority in Poland is concentrated in Lower Silesia in the western part of the Kłodzka valley in the vicinity of Kudowa Zdrój. They are descendants of religious immigrants – Czech Brethren who came to the Poland as a result of repression in the country of Habsburg. After World War II they lived in „Český koutek”. Some of them went to Czechoslovakia or Germany. The rest was assimilated. Most of them are Protestants. They work in the Bohemian Club in Gęsinię, by the Society of Slovaks in Poland. Also Information Centre of the Czech minority works in Poland.

Summary

Employees of institutions dealing with national security, should know the history of minorities and Polish state policy against them at different times. The conditions that currently the Polish state creates favors the strengthening of friendly relations with neighboring countries. This reduces the possibilities of strengthening the security of ethnic conflicts on the outside and inside our country. However, those involved in security must remain vigilant, demanding full loyalty to our homeland by the citizens of our country of non-Polish origin. The staff responsible for national security, must – alongside their professional qualifications – have knowledge of all areas of social life under their control.

Bibliography

1. Beutlich J., Kryłowicz M., Problem mniejszości narodowych w kontekście bezpieczeństwa kulturowego Polski, [in:] Paradygmaty badań nad bezpieczeństwem. Zarządzanie kryzysowe w teorii i praktyce, M. Kopczewski, I. Grzelczak-Miłoś, M. Dalachowska (ed.), Wydawnictwo Wyższej Szkoły Bezpieczeństwa, Poznań 2013.

2. Budyta-Budzyńska M., Socjologia narodu i konfliktów etnicznych, Wydawnictwo Naukowe PWN Warszawa 2010.
3. Czajkowska-Ziobrowska D., Wartość dialogu dla poczucia bezpieczeństwa kulturowego, [in:] Pedagogika Dialogu. Dialog warunkiem rozwoju osobowego i społecznego, E. Dąbrowa, D. Jankowska (ed.), Warszawa 2008.
4. Kodeks wyborczy Dz.U. z 2011r nr 21 poz 112.
5. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z 2 kwietnia 1997 roku artykuł 35.
6. Mironowicz E., Białorusini w Polsce 1919-2009, Białorusini, Warszawa 2010.
7. Rocznik statystyczny 2001.
8. Roszkowski W., Najnowsza historia Polski 1980-2006, Świat Książki, Warszawa 2007.
9. Tomaszewski J., Mniejszości narodowe w Polsce w XX w., Editions Spotkanie Warszawa 1991.
10. Tomaszewski J., Ojczyzna nie tylko Polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918-1939, Warszawa 1985.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ.
ВОПРОСЫ ПАРТНЕРСТВА И ПРОФИЛАКТИКИ
ENSURING THE SAFETY OF LOCAL COMMUNITIES. ISSUES OF
COOPERATION AND PREVENTION**

А.Б. Лымарь
Российский Университет Дружбы Народов, г. Москва
A.B. Lymar
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Обеспечение безопасности локальных сообществ – задача, в ходе решения которой необходимо провести анализ реально существующих внутренних отношений, изучить внешнее пространство и его влияние на сообщество, рассмотреть ресурсы партнерства с государством и другими сообществами, выделить приоритеты в профилактической деятельности на основе предварительного анализа возможной угрозы.

To ensure the safety of local communities include: analysis of the actual internal relations, exploring external space and its impact on the community, take into consideration the resources of cooperation with state and other communities, determine the priorities for preventive action based on a preliminary analysis of possible threats.

Ключевые слова: локальные сообщества, безопасность, партнерство, профилактика.

Keywords: local community, safety, partnership, prevention.

Безопасность локальных сообществ является предметом заботы со стороны государственных и общественных институтов в большинстве регионов мира, особенно в тех, которые считаются развитыми, еще больше в тех, которые относят себя к так называемым социально ориентированным государствам с соответствующей внутренней политикой и экономикой. Локальная безопасность связана с такими понятиями, как безопасная среда и безопасное пространство. Для создания такой среды и пространства выделяются государственные средства, разрабатываются специальные программы и проекты, проводится комплекс различных мероприятий. В некоторых регионах мира даже можно говорить о наличии успехов в данном направлении деятельности. Однако, можно ли сегодня утверждать, что где-то вопросы безопасности хотя бы частично решены. Естественно, никто не возьмет на себя такую ответственность.

Для начала следует определить, что представляет собой современное локальное сообщество. С точки зрения истории толкования понятия, локальное сообщество – *community* – можно было бы рассматривать лишь по признакам территориальному, экономико-институциональному и управленческому. При таком подходе локальное сообщество – это некая локальная группировка, опирающаяся на природу человека. Эта природа формирует суть социальных отношений, которые указывают на общность интересов, солидарность и сплоченность, идентичность. Такие отношения, прежде всего, характеризуются качественными показателями населенного пункта (вне зависимости от его размеров и количества жителей). В научных анализах и прогнозах принято оперировать понятием социальной группы, мыслить категориями население или жители. Далее эти объекты исследований рассматриваются в уже окружающем их пространстве, в уже сформированных условиях жизни. Здесь, например, мы традиционно останавливаемся на уровне и качестве жизни, изучаем социальные патологии, различные девиации, способные наносить вред безопасности.

Можно вспомнить, что в пирамиде потребностей Абрахама Маслоу (при любом отношении к этой теории) потребность в безопасности находится на втором фундаментальном уровне, но все же на предпоследнем от высшей точки. Практической реализацией «работы с локальными сообществами» принято считать организацию управленческого влияния на отдельные социальные группы в населенных пунктах. Для создания предпосылок формирования безопасной среды или ощущения таковой. Прежде всего, в этом процессе принимают участие органы управления и правопорядка, иногда привлекаются специалисты в области социальной работы, психологи и педагоги. Они не только констати-

руют состояние дел, но и задают предпочтительный тон отношений, определяют приоритеты, разрабатывают специальные программы и проекты. Они же, являясь репрезентантами государства, формируют повестку потребностей. В связи с этим, в первую очередь, необходимы ответы на следующие вопросы: Как рассматривает эту условную пирамиду потребностей локальное сообщество – снизу вверх или наоборот? На каком уровне этой пирамиды выстраиваются приоритеты в отношениях государства и общества?

Логика подобной постановки вопросов довольно проста. Во-первых, современное локальное сообщество обладает достаточной осведомленностью в области потребностей (речь не идет о качестве этой осведомленности или об источниках знания). Развитие образования, культурное обобщение и влияние медиа-пространства подготовили «квалифицированного эксперта» в области потребностей практически из каждого. В сообществе происходит постоянный обмен сведениями и «знаниями», отражающими восприятие мира потребностей. Собственно, этот обмен – это способ непрерывного подтверждения укоренившихся в этом сообществе убеждений (часто – традиций, стереотипов, интерпретаций, норм). Между тем, в результате такого знания фундаментальная потребность в безопасности постепенно уходит на уровень отдаленной потребности, осознаваемой как нечто данное природой, а потому не требующей концентрации усилий и размышлений. Мало того, часть сообщества (даже в относительно однородном сообществе) считает оскорбительным для себя опускаться на этот уровень потребностей. Правда, только до того момента, пока нет реальной угрозы для безопасности. При возникновении угрозы чаще всего апелляция о защите обращена к государству, которое не всегда способно найти ожидаемое от него решение. Полная или частичная неспособность решить вопрос безопасности государством объясняется тем, что само государство состоит из сегментов – локальных сообществ, особенно с точки зрения отношения к потребностям. Чем более относительно развито государство (или менее примитивно в сравнении с другими), тем более оно ориентировано на верхние уровни пирамиды Маслоу, тем более оно склонно представлять себя именно на высшем уровне, требуя того же от граждан. Так проявляются взгляды на моральность, интеллект и духовность, презентующие образ государства и общества как *«развитых и современных»*.

Во-вторых, долгое время остаются невыясненными партнерские отношения государства и общества в контексте решения задач безопасности. Ни один из участников партнерства не в состоянии определиться с функциями, разделить компетенции, определить первоочередные задачи, разработать механизм их решения. Характер таких отношений зависит от способности к партнерству

и определенности принципов такого партнерства. Здесь часто негативное влияние оказывает стремление к доминированию одной из сторон либо полное отсутствие интереса к партнерству. Меж тем, на этом фоне присутствуют определенные ожидания и взаимные претензии. Обеспечение безопасности может быть полностью передано в руки государства, которое, как показывают многочисленные примеры, может понять решение данной задачи как один из делегированных ему способов влияния на общество, как повод для доминирования со всеми последствиями. Наиболее негативное воздействие здесь может быть оказано на формирование в обществе равнодушного и безответственного отношения к безопасности. Эта фундаментальная потребность становится активной лишь в случае, когда государство указывает на необходимость такой реакции, даже если существует реальная угроза безопасности, которую общество способно ощутить самостоятельно. Например, уже сегодня это можно проследить на уровне угроз информационных, интеллектуальных, нравственных, культурных. Приходится констатировать, что большинство локальных сообществ никак не реагируют на эти угрозы, тем более что государство не делает акцента на возникающей опасности, а иногда может стать главным производителем таковой, решая свои задачи или имитируя деятельность. Учитывая выше сказанное трудно говорить о наличии равноправного партнерства в деле обеспечения безопасности. Вопрос остается в состоянии неопределенности, ожидает своего рассмотрения и решения.

И наконец. Профилактика традиционно подразумевает особый род активности, опирающийся на традиции, теорию и практику. Большинство профилактических мероприятий являются предметом деятельности институтов государства, направленных на сообщества и индивидуумов. Традиционно – это информирование (с элементами описания угрозы и её возможных последствий), предостережение и запрещение возможного нежелательного действия. На этом основана вся известная профилактическая деятельность. Меж тем, почти не уделяется внимания такому феномену, как воспитание потребности в безопасности, актуализация этой потребности, формирование в обществе культуры безопасности. Именно *культура безопасности* может быть идеологией профилактической работы на уровне локальных сообществ. Это выгодно отличается и от поиска общей идеологии государства, и от общественных догм.

Литература

1. "Community" // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. NY., Oxford: Oxford University Press, 1996.

2. Lymar A. Aktualny stan wiedzy w kontekście bezpieczeństwa ludzi, społeczeństwa i państwa. Problem współczesnego dyskursu//Образ безопасности социального человека XXI века. Red. D Czakowska-Zibrowska, Piotr Zibrowski. Wyd. Altus, Poznan, 2011. S. 133-142.

**ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ?
ГАРМОНИЗАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ И ФИЗИЧЕСКИХ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА МОСКВЫ)
EDUCATION FOR HEALTH?
HARMONIZATION OF INTELLECTUAL AND PHYSICAL POSSIBILITIES
(BY THE EXAMPLE OF MOSCOW)**

Н.А. Лымарь
Московский государственный областной университет
Н.А. Лымарь
Moscow Region State University

Диссонанс, который возникает между процессом постановки задач перед современной школой и отрицательным влиянием на здоровье ученика, заставляет переосмыслить суть этих задач и возможность их реализации. Современные рейтинги школ мало учитывают состояние здоровья учеников, мало ориентируются на изменения в объеме информации, организации учебного процесса, развитии материальных и технических ресурсов.

Dissonance that arises between the process of setting goals before modern schools and the negative impact on the health of the student, forced to rethink the nature of these objectives and their feasibility. The current assessment-ratings of schools do not consider the health of pupils, do not focus on changes in the amount of information the learning process, development of material and technical resources.

Ключевые слова: образование, интеллект, здоровье, рейтинг школ.
Keywords: education, intelligence, health, schools rating.

В последние годы в результате реорганизации в системе среднего образования города Москвы изменилась инфраструктура школьного образования: уменьшилось количество гимназий, лицеев. Наметилась тенденция к расширению в общеобразовательных учебных учреждениях открытия классов с углубленным изучением тех или иных дисциплин, введение новых учебных предметов, связанная с профилизацией образования на III ступени обучения. За последние четыре года произошли заметные изменения в укреплении и развитии

материальной базы и финансировании образовательных организаций.

Позиция Департамента образования города Москвы предполагает решения одной из социально-культурных проблем – формирование всесторонне развитой личности. Ежегодный Рейтинг образовательных организаций столицы составляется на основе данных о результатах деятельности школ, содержащихся в информационных системах Департамента образования города Москвы. Критерии рейтинга ежегодно утверждаются Экспертным советом по Государственной программе города Москвы на среднесрочный период (2012-2016гг.) «Развитие образование города Москвы («Столичное образование»)» [1]. Школы ранжируются по убыванию рейтингового балла. Техническое обеспечение расчета рейтинга осуществляется через учебные результаты учащихся и воспитанников образовательных учреждений: ЕГЭ, ОГЭ, Всероссийская и Московская олимпиады школьников, результаты общегородских независимых диагностических работ, а также других результатов работы школ. Таким образом, основной задачей школы становится максимально высокая успеваемость. Возникает вопрос: за счет чего, за счет каких ресурсов достигаются успехи школьников? Как связана статистическая демонстрация более глубокого усвоения учебного материала, отражающая высокий уровень обученности школьников, и состояние их здоровья? Почему наряду с показателями эффективности работы школы по работе с обучающимися, имеющими особые образовательные потребности (где суммарный рейтинговый балл школы умножается на коэффициент в зависимости от количества детей-инвалидов в учреждении), такой параметр, как состояние здоровья всех обучающихся не вошел в рейтинг школ? Какой социально-психологической ценой достигается более высокий уровень образования (и рейтинг)?

Меж тем, сохранение физического, психического и нравственного здоровья является первостепенной задачей любого образовательного учреждения, поэтому функция сохранения и укрепления здоровья учащихся имеет основополагающее значение еще и потому, что в ней обучаются дети самых разных способностей и возможностей, включая различное состояние здоровья детей. Сыграло определенную роль в ухудшении здоровья проводимое в последние годы реформирование системы образования. Часто не учитываются функциональные возможности современных школьников, специфика представления молодого поколения о самоопределении в социальном пространстве [2], особенности образовательной среды учебного заведения [3].

Инновация, интенсификация процесса обучения, постоянное изменение требований к сдаче государственных экзаменов, а в связи с этим и программ обучения, введение предпрофильной и профильной подготовки школьников без

учета их психофизических возможностей приводит к росту психоэмоционального напряжения, психосоматических отклонений в состоянии здоровья. По данным Института возрастной физиологии РАО, Центра здоровья детей и подростков АМН и других ведомств, примерно 90% детей имеют отклонения в физическом и психическом здоровье; 30-35% детей поступают в школу уже с хроническими заболеваниями; за годы обучения в школе в 5 раз возрастает число нарушений зрения и осанки, в 4 раза увеличивается количество нарушений психического здоровья, в 3 раза увеличивается число детей с заболеваниями органов пищеварения [4]. 20% факторов, влияющих на состояние здоровья детей, относятся к внутришкольной среде. Школьниками не осознается ценность нравственного и психофизического здоровья: из 186 респондентов только 15% поставили ценность здоровья на второе место. Итоги социального опроса «Комфортность образовательной среды» отражают, что подавляющее большинство старшеклассников от 13-16 лет не ставят здоровье на первое место в системе жизненных ценностей и воспринимают его как безусловную ценность. Повышенная учебная нагрузка не воспринимается ими как параметр, негативно влияющий на состояние здоровья, несмотря на то что 78% респондентов знают, что в подростковом возрасте идут интенсивное развитие и перестройка всех органов и систем. Отмечается рост числа детей, страдающих хроническими заболеваниями, количество детей, постоянно освобожденных от занятий физкультурой: согласно проведенным исследованиям только в одной московской школе за период с 2000 до 2013 года эта цифра увеличилась от 18% до 42%, резко увеличилось число часто болеющих учащихся (от 38% до 67%). Одним из отрицательных факторов, влияющих на здоровье школьников, являются вредные привычки: более чем в 60% семей курят родители, с 4-го класса по 11-ый класс увеличивается и количество курящих учащихся. Условия воспитания и обучения сопровождаются ростом психоэмоциональных и интеллектуальных нагрузок на фоне уменьшения времени пребывания на свежем воздухе, снижения двигательной активности, сокращения времени, используемого для полноценного сна и отдыха. По разным данным, от 40 до 75% современных школьников имеют учебные трудности, переходящие порой в стойкую академическую неуспеваемость. Департамент образования города Москвы декларирует, что критерии Рейтинга разработаны с учетом того, что ни один из них не должен провоцировать школы «избавляться от не успешных учеников» ради более высокой позиции в рейтинге [1].

Школа вместила проблемы здоровья и образования, разделив их с семьей ученика. Образовательный процесс, продолжая наращивать объем и интенсивность информации, уходит от создания комфортной образовательной среды [5].

Поэтому сегодня, принимая решения в области развития и трансформаций в образовании, нельзя отталкиваться от привычных догм и норм, пренебрегать научно-исследовательской работой, способной решить вопрос упомянутого выше диссонанса. Изменения в финансировании и техническом оснащении образовательного процесса не могут подменить философию образования личности ученика, развивающегося духовно и интеллектуально, при сохранении его физического и эмоционально-психологического здоровья.

Литература

1. Развитие рейтинга школ Москвы (2014-2015 уч.г.)
<http://dogm.mos.ru/presscenter/news/detail/1220998.html>
2. Лымарь А.Б. «Молодежь и культура в контексте трансформаций государства и общества», М: МАТИ, 2013.
3. Ясвин В.А. «Образовательная среда. От моделирования к проектированию», М., 2001.
4. Пащенко Л.Г. Гармонизация физического и умственного развития младших школьников в процессе физкультурного образования. Монография, Издательство Нижневартовского государственного гуманитарного университета, 2010. [Электронный ресурс]
<http://nvsu.ru/ru/Intellekt/1115/Pashchenko%20L.G.%20Garmonizatsiya%20fizicheskogo%20i%20umstvennogo%20razvitiya%20-%20Monografiya%20-%202010.pdf> (Дата обращения 21.08.2-15 г.)
5. Савина Л.Н. К вопросу о состоянии здоровья современных российских школьников // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 14 (18). С. 88-91.

ОБ ОДНОМ МЕТОДЕ ОЦЕНКИ МАСШТАБОВ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ABOUT ONE METHOD OF EVALUATION OF THE EXTENT OF DEVIANT BEHAVIOR

А.Ю. Мягков
Ивановский государственный энергетический университет
A.Yu. Myagkov
Ivanovo State Power University

Дается описание методики М. Сиркена, предназначенной для повышения надежности социологических данных о масштабах распространения социальных девиаций. Рассматриваются методологические основания и процедура ре-

лизации данной техники. Излагается опыт ее применения в зарубежной и отечественной исследовательской практике.

The work describes the methodology of M. Sirken intended to improve the reliability of sociological data on the incidence of social deviance. Discusses the methodological grounds and procedures for the implementation of this technique. Describes the experience of its application in foreign and domestic research practice.

Ключевые слова: методика М. Сиркена, девиантное поведение, употребление наркотиков, коррупция, суициды, гомосексуальный опыт, молодежный экстремизм, достоверность ответов респондентов.

Keywords: M. Sirken's technique, deviant behavior, drug use, corruption, suicides, homosexual experience, youth extremism, the reliability of respondents' answers.

Одним из исходных пунктов при разработке государственных и региональных программ по преодолению или минимизации социальных девиаций (наркомании, коррупции, молодежного экстремизма и т.п.) является социологическая оценка степени их распространения в обществе и идентификация социальных групп, склонных к контрнормативному поведению. Между тем решение этой задачи на практике часто оказывается делом крайне сложным в силу латентности измеряемых феноменов, их крайней стигматизированности и проблематичности использования прямых методов опроса для сбора эмпирической информации.

В начале 1970-х г. американский социолог М. Сиркен предложил оригинальный и весьма эффективный метод, призванный способствовать повышению качества опросных данных и предполагавший постановку вопроса о «трех близких друзьях» респондентов. Он предназначался для получения более достоверных сведений о масштабах социально неодобряемого и/или нравственно несанкционированного поведения. В западной специальной литературе его нередко называют «номинативной техникой» [1, p. 86-89].

Суть метода состоит в следующем. Испытуемых просят ответить на вопрос: «Вспомните трех своих самых близких друзей, не называя их фамилий. Сколько из них, по Вашему мнению, когда-либо курили марихуану?». По результатам исследования оценочная доля девиантов вычисляется с учетом утроенного объема выборки [2].

Предположение о большей эффективности данного метода базировалось на двух априорных допущениях. *Во-первых*, автор полагал, что респонденты будут отвечать на этот вопрос с предельной откровенностью, не опасаясь навре-

дуть своим друзьям в силу абсолютной анонимности фигурирующих в беседе людей и полной невозможности их идентификации. Это обстоятельство должно способствовать максимальному снижению числа «недосообщений» (преуменьшений) и получению истинных оценок масштабов сенситивного поведения. *Во-вторых*, считалось, что опрашиваемые вполне в состоянии быть «достоверными информантами», поскольку им многое доподлинно известно об образе жизни и привычках своих друзей.

Между тем сведения об эффективности методики М. Сиркена и опыте ее практического применения, имеющиеся в зарубежной литературе, весьма ограничены. Известно лишь, что первые испытания нового метода, предпринятые самим автором в рамках Мичиганского исследования по проблемам наркопотребления (1974), не увенчались большим успехом. Они не дали убедительных свидетельств о преимуществах тестируемого подхода по сравнению с традиционными личными вопросами. Сопоставление ответов на два различающихся по форме, но одинаковых по содержанию вопроса (о себе и о друзьях) не выявило заметного приращения сенситивной информации. В своих самоотчетах респонденты иногда даже чаще, чем в сообщениях о поведении друзей, давали утвердительные ответы об употреблении марихуаны (21,6% vs 19,7%). В тех же случаях, когда обнаруженные различия свидетельствовали в пользу нового метода, они были крайне незначительными и варьировали от 3,1% до 3,9% (см.: [3, р. 148; 4, р. 4]). Аналогичные данные были получены и в работе Н. Брэдберна и С. Садмана [3, р. 149]. Между тем опыт применения этой методики в докторском исследовании П. Фишберн оказался, судя по данным автора, более удачным [5, р. 71–73].

В российской исследовательской практике техника М. Сиркена в последние годы неоднократно использовалась и продемонстрировала хорошие результаты при оценке степени распространения наркомании среди молодежи [6], бытовой и деловой коррупции в российских регионах [7], проявлений молодежного экстремизма [8] и др.

В нашем исследовании, посвященном изучению социальных девиаций в молодежной среде (2002 г., $N = 500$), возможности методики М. Сиркена тестировались трижды, применительно к разным типам социально неодобряемого поведения (употребление наркотиков, попытки самоубийств и гомосексуальный опыт). Анкетные вопросы формулировались следующим образом: «Представьте себе на минуту лица трех своих самых близких друзей или хороших знакомых. О скольких из них Вам доподлинно известно, что они... [когда-либо совершали попытку самоубийства; употребляют наркотики; имеют гомосексуальный опыт]?» (варианты ответов: «ни одного», «один», «двое», «трое»). Оценочная

доля лиц с девиантным поведением среди молодежи Ивановской области рассчитывалась по формуле [9, с. 206]:

$$\hat{\pi}_s = \frac{\sum x_i \cdot n_i}{3 \sum n_i},$$

где x_i – значения измеряемого признака (от 0 до 3);

n_i – соответствующие частоты.

Полученные в ходе исследования статистические оценки сравнивались с ответами респондентов на личные вопросы интервью. Результаты этих сравнений представлены в табл.

Т а б л и ц а

Показатели девиантности, полученные посредством разных методов, %

Виды девиаций	Личные вопросы	Методика М. Сиркена	Разность показателей
Употребление наркотиков	4,1	17,6	+13,5
Попытки самоубийств	6,0	11,3	+5,3
Гомосексуальный опыт	4,4	6,6	+2,2

Из этих данных следует, что применение техники М. Сиркена способствовало существенному улучшению оценочных значений степени распространенности трех указанных видов девиаций в молодежной среде. По наркомании оценки увеличились в 4,3 раза, по латентным формам суицидальности – в 1,9 раза, по гомосексуальному поведению – в 1,5 раза. Вместе с тем следует заметить, что исследуемый метод имеет серьезный недостаток: он не позволяет увязывать получаемые в результате расчетов показатели с индивидуальными характеристиками отвечающих и тем самым полностью исключает возможность проведения межгруппового анализа.

Таким образом, методика М. Сиркена, опирающаяся на мнения информантов, работает более успешно при оценке масштабов девиантного поведения, чем методы прямого интервью, использующие вербальные отчеты самих респондентов. Оценки распространенности социальных девиаций, получаемые с помощью техники «трех самых близких друзей респондентов», оказываются существенно выше и более соответствуют мнениям экспертов, чем при использовании прямых самоотчетов опрашиваемых [10, р. 3267]. Данный метод эффективен и может быть с успехом использован исследователями в области социологии и социальной работы.

Литература

1. Lee R.M. Doing Research on Sensitive Topics. L.: SAGE Publications, 1993.
2. Sirken M. Evaluation and Critique of Household Surveys of Substance Use // Alcohol and Other Drugs Use and Abuse in the State of Michigan. Lansing: Michigan Department of Public Health, 1975. P. 1–35.
3. Bradburn N.M., Sudman S. Improving Interview Method and Questionnaire Design. San Francisco: Jossey-Bass, 1979.
4. Sirken M.G. A Short History of Network Sampling. P. 1–6. URL: http://www.amstat.org/sections/SRMS/proceedings/papers/1998_001.pdf (дата обращения: 17.04.2015).
5. Fishburne P.M. Survey Technique for Studying Threatening Topics: A Case Study on the Use of Heroin. Doctoral Dissertation. N.Y.: New York University, 1980.
6. Киселева Т.В. Девиантное поведение молодежи: Анализ масштабов распространения // Гуманитарии в XXI веке / Под общ. ред. Проф. З.Х. Саралиевой: В 2 т. Т. 2. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2013. С. 47–49.
7. Отчет о научно-исследовательской работе на тему: «Проведение исследования коррупции в Мурманской области социологическими методами в рамках регионального антикоррупционного мониторинга. Иваново, 2012. URL: http://minjust.gov-murman.ru/areas-of-activity/antikor/protivodeistvie/mon_ak/-analit_otch.pdf (дата обращения: 17.04.2015).
8. Отчет по результатам социологического исследования «Экстремизм в молодежной среде г. Иваново». Апрель-май 2007 г. Аналитическое агентство Имидж-фактор. URL: <http://migha.ru/otchet-po-rezuletatam-sociologicheskogo-issledovaniya-ekst.html> (дата обращения: 17.04.2015).
9. Мягков А.Ю. Искренность респондентов в сенситивных опросах: Методы диагностики и стимулирования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ООО «Вариант», 2012.
10. Sirken M.G. Questionnaire Biases of Illicit Drug Use Survey Estimates That Depend on Reports of Close Friends // Proceedings of Joint Statistical Meetings – Section on Survey Research. P. 3264–3267. URL: <https://www.amstat.org/sections/SRMS/Proceedings/y2002/Files/JSM2002-000631.pdf> (дата обращения: 17.04.2015).

**ВКЛАД ЛЕОНА ДЮГИ В РАЗВИТИЕ ИДЕИ СОЦИАЛЬНОГО ПРАВА
И ГОСУДАРСТВА**
**LÉON DUGUIT'S CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE
IDEA OF SOCIAL LAW AND STATE**

В.В. Пужаев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.V. Puzhaev

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University

Исследуются вопросы развития представлений о социальном праве и государстве в теории правового солидаризма французского юриста Леона Дюги. Рассмотрены взгляды Дюги на сущность и характер объективного права, обусловленного принципом социальной солидарности, а также на особенности государства как средоточия общественной службы (*service public*). Приведены конкретные примеры французских нормативно-правовых актов, принятых под значительным влиянием доктрин социальной солидарности.

The author of the article examines the questions of the development of ideas about social law and state in the theory of legal solidarism of French jurist Léon Duguit. Moreover, the author gives some concrete examples of French legal acts which were adopted under the influence of the doctrines of social solidarity.

Ключевые слова: социальное право и государство, солидарность, социологическая юриспруденция, объективное право.

Keywords: social law and state, solidarity, sociological jurisprudence, objective law.

Одним из аспектов, раскрывающих вопрос социальности государства, в современной научной литературе принято считать концепт его «справедливости и гуманности, отражающий системный комплекс социальных прав и детерминирующий определенные приоритеты, направления и динамику перманентно реализуемой социальной политики, включая определенный уровень развития государственных услуг» [1, с. 73]. В свою очередь, социальная идея права исходит из того, что основным фактом социальной жизни признается человеческое сотрудничество и взаимозависимость, вследствие чего констатируется необходимое понятие права применительно к данному факту.

В конце XIX – начале XX вв. в Западной Европе именно Франция стала местом, где «живительная» идея социальной солидарности вылилась в форму фундаментального принципа целого ряда политических, экономических и пра-

вовых доктрин. Обусловленные вызовами времени солидаристские теории были призваны, в первую очередь, сгладить нараставшие во Франции на рубеже веков глубокие социальные противоречия. Несомненно, большая часть из них была следствием диспропорций в самой социально-политической структуре французского общества, характеризующихся: с одной стороны, широким вовлечением рабочего класса в политическую жизнь государства, увеличением удельного политического веса рабочего движения, а с другой стороны, явным экономическим «бесправием» последнего.

Популярность идей солидарности во Франции в этот период была настолько велика, что они громкозвучали не только во множестве официальных выступлений политиков, юристов, докладов по общественным вопросам, призывах к «начатию стачек или к развязыванию кошелев», но и в разнообразных научных трактатах по этике, педагогике, праву, экономике и другим дисциплинам. Как подчеркивал в свое время известный французский мыслитель Шарль Жид, законы о призрении (как раскрытие социальности государства и права – *Прим. В.П.*) представляют самое замечательное практическое проявление солидаристского движения. Они установили новое явление во Франции, поскольку до тех пор призрение со стороны государства, департаментов и коммун было только факультативным (кроме нескольких исключительных случаев, касающихся покинутых детей и сумасшедших) [2, с. 480].

Приведем несколько вполне иллюстративных примеров практического влияния солидаризма на область законодательного регулирования социальной сферы во Франции конца XIX – начала XX вв. Так, закон от 15 июля 1893 г. сделал обязательной медицинскую помощь в коммунах для всех больных, относящихся к бедным слоям населения. Законом от 14 июля 1905 г. расширялись рамки обязательного призрения путем распространения социальной поддержки в форме пенсий инвалидам и старикам в возрасте 70 лет, сумма которых варьировалась в зависимости от местности (от минимума 60 франков до максимума в 240 франков в год – на территории Франции; 360 франков – в Париже). Ещё один принятый закон от 5 апреля 1910 г. обеспечил всем рабочим пенсию в возрасте 60 лет (при этом пенсии рабочих составлялись из взносов как самих рабочих, так и работодателей и государства).

Течение правового солидаризма, как правило, отождествляется с учением бордоского профессора, а впоследствии и декана юридического факультета Леона Дюги (1859-1928). В основании всей его теоретической программы лежат идеи выдающихся французских ученых-основоположников социологии О. Конта и Э. Дюркгейма. Прежде всего, Дюги категорически отвергал представления об изолированном человеке как субъекте права. «В действительности –

писал Дюги, – человек рождается членом коллективного целого, он всегда жил в обществе и не может жить иначе, как в обществе» [3, с. 8]. Люди вследствие того, что они являются частью какой-либо социальной группы и даже всего человечества, подчинены обязательному для них правилу поведения (социальной норме, которая есть и норма правовая, поскольку затрагивает внешние проявления человеческой воли). Эта социальная норма есть прямое отражение факта социальной взаимозависимости людей, а потому всякий индивидуальный акт, нарушающий эту норму, непременно вызывает социальную реакцию в различных формах и всякий социальный акт, согласующийся с содержанием этой нормы, получает социальную санкцию, также неодинаковую сообразно эпохе и стране.

В противоположность марксизму, говорившему о борьбе классов как основе всей диалектики функционирования и развития государства и права, Дюги выдвинул концепцию (в немалой степени реакционную) солидарности классов, в силу которой каждый класс выполняет свою социальную миссию, свой долг, свою социальную функцию по обеспечению гармонии общества.

Предпринимая попытку прояснить подлинный характер общественной жизни, социологическая школа права в лице бордоского мэтра выступила против наделения «метафизического государства» качествами суверенного правообразующего субъекта. Используя различные доводы, Дюги стремился показать, что так называемая «юридическая личность» государства была гипостазирована равным счетом «из ничего» с единственной целью «легитимации государства как системы социального господства» [4, с. 164]. Для самого Дюги государство представлялось всего лишь как объективный факт господства обладателей наибольшей силы над подчиненными такой силе членами политически организованного общества («государство – это фактические обладатели власти, правители» [5, с. 19-20]).

В провозглашении основных постулатов своей доктрины, касающихся вопросов социального обеспечения, Дюги отталкивается от критики ещё господствовавших в то время правовоззрений. Он утверждает, что, опираясь на «метафизику» идеи о суверенитете государства и мнимые положения индивидуалистической доктрины, «невозможно обосновать обязанность правящих лиц обеспечить всем безвозмездно минимум образования, предоставить работу всякому, кто её ищет, и дать средства к существованию всем тем, кто неспособен добывать их своим трудом» [5, с. 26]. Индивидуалистическая доктрина способна лишь к отрицательному ограничению всевластия государства, выражаемого в запрете устанавливать законы, причиняющие ущерб естественным правам человека. Но она оказывается совершенно бессильной, чтобы обязывать государ-

ство к совершению неких положительных действий в интересах незащищенных групп населения.

Объективное право, по мысли Дюги, в силу того обстоятельства, что основной его выступает наблюдаемый факт социальной солидарности, возводит вспоможение, обучение, страхование от безработицы и иные социальные действия в ранг прямых обязанностей правящих лиц. Со страстным усердием доказывалась необходимость «конструирования такого законодательства, которое бы должным образом учитывало не только интересы отдельных членов общества, но и общества в целом», и что «социальной защитой могут обладать только такие действия членов общества, которые предназначены для достижения социальной цели или цели, признаваемой за социальную» [6, с. 32].

Чтобы кассировать схоластическое и метафизическое понятие государства и утвердить верховенствующее положение объективного права, Дюги разработал концепцию, по которой государство мыслилось не как организация принуждения, диктующая индивидам «свою собственную волю», но как средоточие общественной службы (*service public*). Французский правовед утверждал, что «роль правящих должна была неизбежно уменьшаться с каждым днем» и в итоге свестись исключительно к контролю и надзору, поскольку «все экономические и социальные функции мало-помалу распределятся между различными социальными классами, получающими благодаря развитию синдикализма определенную юридическую структуру и имеющими таким образом возможность, под контролем правящих, дать импульс и направление выпавшей на их долю части общественного труда» [5, с. 19]. Иными словами, обосновывалась идея эволюционного преобразования, в ходе которого происходила бы децентрализации политической власти, ведущая к политическому и правовому плюрализму.

Научное наследие Леона Дюги оказало значительное и долговременное влияние на весь последующий ход развития политико-правовой теории и практики, удивительно быстро преодолев пространственные рамки французской правовой системы и получив свое признание за пределами континентальной правовой традиции (страны Латинской Америки, США). Как следствие этого влияния, тезисы, близкие дюгистским (например, о социальной функции права собственности), были закреплены в Конституции Германии 1919 г., Гражданском кодексе Мексики 1932 г., японской Конституции 1947 г., Основном законе ФРГ 1949 г. и т.д. Не обошлось и без отрицательных моментов, связанных с известным приспособлением ключевых положений солидаризма к тоталитарным проявлениям европейской политико-правовой жизни первой половины XX века (и хотя сам Дюги был противником подобных программ, выдвинутая им кон-

цепция имманентно содержала в себе некоторые предпосылки авторитарности). Вместе с тем и сегодня многие идеи французского правоведа остаются актуальными и востребованными, выступая неотъемлемой частью теории социального государства и права.

Литература

1. Аристов Е.В. Франция как социальное государство: конституционно-правовое исследование // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. №9 (64). С. 73-75.
2. Жид Ш. История экономических учений / Авториз. пер. с фр. В. Сережников; Под ред. В.Ф. Тотомианца. М.: Труд, 1914. 512 с.
3. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М.: Тип-я т-ва И.Д. Сытина, 1908. 957 с.
4. Кучеренко П.А. Представительная и исполнительная власть: проблема соотношения в современном государстве (сравнительно-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 426 с.
5. Дюги Л. Общество, личность и государство. (Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства) / Пер. А. Бэтта. СПб.: Вестн. знания, 1914. 54 с.
6. Богданов С.В. Влияние научных взглядов Леона Дюги на развитие гражданского права // Журнал российского права. 2008. №6 (138). С. 32-38.

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ BUILDING A CULTURE OF SAFETY AS A PROBLEM OF SOCIAL WORK

В.Н. Пушина

Ивановский государственный университет

Л.Ю. Пушина

Ивановский государственный политехнический университет

V.N. Pushina

Ivanovo State University

L.Yu. Pushina

Ivanovo State Polytechnic University

На основе социологического исследования выявляется уровень информированности населения Ивановской области в вопросах безопасности жизнедеятельности; освещается деятельность ивановской «Школы безопасности для пожилых людей».

On the basis of sociological study reveals the awareness of the population of the Ivanovo region in matters of life safety; covers the activities of the Ivanovo "School safety for the elderly".

Ключевые слова: культура безопасности жизнедеятельности, правила поведения в опасных и чрезвычайных ситуациях, Школа безопасности для пожилых людей.

Keywords: culture of safety, rules of conduct in dangerous and emergency situations, School safety for the elderly.

Культурой безопасности жизнедеятельности (КБЖ) называют уровень развития индивида и общества, характеризуемый значимостью задачи обеспечения безопасности жизнедеятельности, распространенностью стереотипов безопасного поведения в повседневной жизни и в условиях опасных и чрезвычайных ситуаций. При этом под безопасностью подразумевают состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, под безопасной жизнедеятельностью – жизнедеятельность по законам безопасности, предполагающая профилактику, минимизацию, преодоление, устранение последствий вредных и опасных факторов [1].

С учетом того, что в современном мире существуют разные виды опасностей (угроз), можно выделить различные аспекты КБЖ:

— *морально-психологический* – духовно-нравственные, моральные и психологические качества личности, способствующие формированию ответственного отношения к вопросам обеспечения безопасности жизнедеятельности;

— *физический* – физическая готовность к опасным и чрезвычайным ситуациям;

— *медицинский* – нормы здорового образа жизни, знания о факторах, способствующих укреплению здоровья и негативно на него влияющих, умения и навыки оказания первой медицинской помощи;

— *экологический* – знания об окружающей среде, ее состоянии, природных опасностях и угрозах;

— *информационный* – способность противостоять влиянию деструктивной информации;

— *технический* – система знаний о законах функционирования и эксплуатации техники;

— *военный* – знания, умения и навыки обеспечения безопасности в период ведения боевых действий;

— *культура безопасности в условиях ЧС* – знания об источниках ЧС природного и антропогенного происхождения, характере и способах защиты от поражающих факторов;

— *правовой* – знания о правовых нормах в области безопасности жизнедеятельности, готовность к правовой оценке опасных событий, поведению в соответствии с отечественным законодательством и нормами международного права;

— *социальный* – интериоризация норм безопасного поведения.

С целью выявления того, насколько сформированы в наших гражданах различные аспекты КБЖ, в апреле 2015 г. мы провели опрос среди жителей г. Иваново. Всего было опрошено 315 человек, среди которых мужчины составили 40,3%, женщины – 59,7%. 12,3% респондентов представляли учащуюся молодежь (в возрасте 16 – 24 лет), 61% – трудоспособное население (25 – 59 лет), 26,7% – пенсионеров (60 лет и старше).

Данные опроса позволили сделать вывод о том, что в целом информированность ивановцев о правилах безопасной жизнедеятельности нельзя считать хорошей.

Они продемонстрировали, в частности, что несколько лучше, чем другие нормы БЖД, наши граждане знают правила дорожного движения (на что указали практически все респонденты) и правила поведения при пожаре (об этом сообщили 63,5% респондентов по выборке в целом). Однако, по данным опроса, следовать этим правилам всегда стали бы лишь 62% опрошенных, т. е. даже не все те, кто их знает. В этой связи можно утверждать, что нормы безопасной жизнедеятельности не являются интериоризованными большинством ивановцев, и, следовательно, социальный аспект КБЖ в должной мере у них не сформирован.

Исследование выявило, что хуже всего ивановцам знакомы правила поведения в опасных и чрезвычайных ситуациях.

Так, почти пятая часть всех опрошенных (17%), по их собственному признанию, практически не владеет информацией о правилах поведения в ЧС, причем, с возрастом доля лиц, незнакомых с этой информацией, увеличивается. Еще 17% всех респондентов черпают соответствующие знания из такого «надежного» источника, как «сарафанное радио» (рассказы родственников, друзей). Большинство респондентов в целом по выборке (60,4%) в качестве источника знаний о поведении в ЧС назвали преподававшие в учебных заведениях дисциплины («основы безопасности жизнедеятельности», «основы медицины и ГО» и др.); причем этот источник, что естественно, указали 91,7% респондентов из самой молодой группы, 52,9% из группы 25-59-летних и всего 8,3% предста-

вителей старшей группы. Для 39,6% всех опрошенных источником соответствующей информации является Интернет, что отметили 50% молодых респондентов, 47,1% представителей средней возрастной группы и 8,3% – старшей. Обучающие игры и радиопередачи являются источником знаний лишь для 25-59-летних (для 11,8% и 5,9% из них соответственно); обучающие фильмы – источник информации только для самых молодых (для 20,8% из них). Самым распространенным среди всех категорий опрошенных источником знаний о правилах БЖД является телевидение: его назвали 37,5% респондентов из младшей группы, 35,3% – из средней, 33,3% – из старшей (всего по выборке – 35,8%). 18,9% всех опрошенных отмечают, что получают знания о поведении в ЧС из наглядной агитации.

Согласно данным опроса, доля ничего не знающих о сигналах оповещения в чрезвычайных ситуациях среди людей старше 60 лет составляет 58,3%, среди представителей средней возрастной группы – 37,5%, среди молодежи – 17,4%. Эти сигналы знакомы довольно хорошо 39,1% самых молодых респондентов, 31,3% респондентов в средней возрастной группе, среди представителей старшей группы хорошо осведомленных об этих сигналах нет. Наибольшая осведомленность в этом вопросе представителей группы 16–24-летних, по видимому, объясняется тем, что в рамках дисциплин, посвященных БЖД, учащимся рассказывают и о сигналах оповещения.

В том, что не знают, как необходимо поступить, услышав сигнал сирены «Внимание всем!», откровенно сознались 41,7% пожилых респондентов, 23,5% опрошенных трудоспособного возраста, 8,3% представителей самой молодой группы. В действительности о том, что в этой ситуации необходимо включить телевизор или радио и ждать информации от органов управления ГО и ЧС, знают меньше половины респондентов – 45,3% по выборке в целом (в старшей возрастной группе – 33,3%, в средней – 58,8%, в младшей – 41,7%).

Большинство всех опрошенных (73,6%) ничего не знают о местах расположения убежищ, в которых можно было бы укрыться в случае ЧС. Чаще, нежели в других группах, осведомленные в этом вопросе встречаются среди 16-24-летних (41,7%).

Наибольшее количество ошибок в ответах на вопросы о том, как следует себя вести в случае утечки газа или захвата в заложники, допущено пожилыми людьми, наименьшее – самыми молодыми из респондентов; а вообще неверные ответы на эти вопросы дает почти 1/5 часть респондентов по выборке в целом.

Таким образом, не только субъективные оценки респондентов, но и объективные данные свидетельствуют о снижении с возрастом уровня информированности людей в вопросах БЖД. При этом с возрастом уменьшается и разно-

образии используемых источников информации; а источниками, одинаково доступными для всех возрастных групп ивановцев, являются телевидение и наглядная агитация.

Культура безопасности жизнедеятельности является частью общей культуры, но ее специфика проявляется в том, что общая культура складывается, как правило, стихийно, деятельность же по формированию КБЖ должна носить *целенаправленный, регулируемый* характер и быть ориентированной на достижение конкретных ожидаемых результатов.

В этой связи с целью формирования КБЖ у наименее осведомленной о правилах безопасной жизнедеятельности категории ивановцев – у граждан пожилого возраста – в Бюджетном учреждении социального обслуживания Ивановской области «Ивановский комплексный центр социального обслуживания населения» с июля 2013 года организована работа «Школы безопасности для пожилых людей». Деятельность Школы ориентирована на формирование у пожилых ивановцев различных аспектов КБЖ. Вот лишь некоторые из тем занятий Школы: «Правила самообороны для пожилых людей», «Меры срочной доврачебной помощи», «Лекарственная безопасность», «Пищевая безопасность», «Правила безопасного поведения в лесу», «Психологическая безопасность: методы саморегуляции и снятия нервно-психологического напряжения», «Предупреждение возникновения несчастных случаев при пользовании бытовым газом», «Юридическая безопасность», «Потребительская безопасность: психологические и маркетинговые уловки в супермаркетах». В декабре 2014 года состоялась презентация нового направления работы Школы — «Повышение финансовой грамотности». Необходимость выделить подобное направление была выявлена в ходе анализа обращений граждан и обусловлена существенным усложнением финансовой системы, появлением широкого спектра финансовых продуктов и услуг, что ставит перед пожилыми людьми довольно сложные задачи, к решению которых они зачастую не готовы.

Однако, понятно, что усилиями одной лишь Школы решить проблему формирования КБЖ у населения региона в целом невозможно. Как уже отмечалось, пожилые люди – наименее информированная о правилах безопасной жизнедеятельности категории ивановцев. Но в повышении грамотности в вопросах БЖД нуждаются не только они, но и безработные, матери, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком, неработающие многодетные родители (с работающими гражданами регулярно проводятся инструктажи по вопросам БЖД по месту работы). Поэтому одной из проблем социальной работы сегодня становится деятельность по формированию культуры безопасности жизнедеятельности у различных категорий социально незащищенных граждан.

Литература

1. Дурнев Р. А. Культура безопасности жизнедеятельности: дефиниция и уровни формирования / Р. А. Дурнев. URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-12/Durnev.pdf> (дата обращения: 15.08.2015).

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ВЕДИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ КОНТЕКСТ) SOCIAL PARTNERSHIP IN THE VEDIC SOCIETY (HISTORICAL AND LAW CONTEXT)

В.Б. Романовская, Я.В. Безносова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.B. Romanovskaya, Y.V. Beznosova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Предлагается авторская интерпретация понятия «социальное партнерство» применительно к отношениям, складывающимся между членами общества в Древней Индии. Делается вывод о том, что идеальная модель социального партнерства в ведическом обществе заключалась в равномерном распределении социальных обязанностей внутри общества в соответствии с возможностями и предрасположенностями каждого его члена, что способствовало консолидации общества и его прогрессу.

The article is devoted to new interpretation of «social partnership» in relation to Ancient India. In the opinion of the authors «social partnership» contains relations between members of the Vedic society based on proportional division of responsibilities between them.

Ключевые слова: Веды, Бхагават-Гита, Законы Ману, варны, дхарма, брахманы, кшатрии, вайшьи, шудры, социальное партнерство.

Keywords: Vedas, Bhagavad Gita, Manu-smṛti, varnas, dharmas, brahmins, vaisyas, sudras, social partnership.

В современной социально-правовой терминологии под социальным партнерством понимается система институтов и механизмов согласования интересов участников производственного процесса. Если расширить и углубить смысловое содержание данного понятия, наполнить его философским и духовным компонентом, то можно говорить о социальном партнерстве всех групп населения, проживающих на определенной территории, вносящих свой посильный вклад в создание материальных и духовных ценностей общества с целью его

развития и процветания. Для современной европейской цивилизации такое понимание социального партнерства будет по многим соображениям неприемлемо. Однако для общества ведической цивилизации и постведических древних государств, таких как древняя Индия, древний Египет, древняя Иудея, древний Израиль, такое понимание вполне может быть уместно.

Прежде чем анализировать идеологию и формы такого партнерства, кратко охарактеризуем те источники, на которые будем опираться в процессе исследования. Эти источники легли в основу всей древнеиндийской государственности и социального устройства.

В самом широком смысле под источником индусского права мы понимаем все те явления, которые повлияли на формирование правовых предписаний древней, средневековой и современной Индии. Источник права в идеологическом смысле – это правовая культура как элемент общей культуры населения и правосознание как часть мировоззрения общества.

Комплекс древнеарийских ритуалов, религиозно-правовых и мифологических представлений нашел отражение в Ведах (Риг, Сама, Яджур, Атхарва) – священных книгах, содержащих знания, предписания, формулы, магические обряды, молитвы, мантры, гимны и многое другое, что сформировало особый облик индусского общества. Веды являются всеобъемлющим источником знаний об универсальных законах Вселенной, а также о том, как жить в гармонии с самим собой и окружающим миром.

Мнения историков, религиоведов и археологов по датировке ранних источников очень разнятся, однако в контексте нашего эссе это обстоятельство не является значимым. Когда бы это ни случилось, но задолго до новой эры индусское общество имело разветвленную систему религиозно-нравственных и правовых предписаний, регулирующих все сферы его жизни и даже внутреннюю жизнь его членов.

Изучение литературы, посвященной толкованию Вед, составляло важнейшую часть традиционного образования ритуально полноценных индусов. Понять социальную и духовную жизнь ведического общества невозможно без изучения важнейшего священного писания индуизма, (особенно вайшнавизма), – «Бхагават-Гиты» или «Божественной Песни». Этот текст, состоящий из восемнадцати глав и 700 стихов, является основой индуистской философии. На протяжении вот уже многих веков «Бхагават-Гита» является одним из самых почитаемых священных текстов и оказывает большое влияние на мировоззрение, культуру и правосознание индийского общества. Идеи, изложенные в «Гите», признаются всеми конфессиональными ответвлениями индуизма и философскими школами [1, с. 171-172].

Веды утверждают, что прототип идеального общества – это общество духовного мира, где чистые души с бескорыстной любовью и в полном знании вечно служат Верховному Господу. Бог, будучи источником всего, является центром этого вечного царства любви. Богоцентричная модель общества была перенесена из высшей реальности в материальный мир и являлась изначальной формой социального устройства в Ведическую эпоху. Центральным, стержневым положением являлось понимание вопроса о том, для чего человек живет на Земле, для чего люди объединяются в общества, кем на самом деле является человек, что с ним происходит после физической смерти, в чем его главная цель. Четкое представление об этом формировало правила практической, ежедневной жизни каждого человека и общественных институтов.

Таким образом, устройство ведического общества соответствовало цели человеческой жизни. При этом человек осознавался не как физическое тело, не как разумное животное, а как воплощение духа в материи, как вечная душа, временно пребывающая в физическом теле для выполнения определенных задач. Признавалось, что у воплощенной души есть материальная и духовная цели, причем первая подчинена второй. Общество, соответственно, тоже имеет цели: материальные и духовные. Но самой главной целью такого общества являлось не материальное процветание, а коллективный духовный прогресс. Именно на это были направлены все институты общества, и именно это обстоятельство повлияло на формирование его модели.

«Занимаясь деятельностью, соответствующей его природе, и при этом поклоняясь всепроникающему Господу, каждый человек может достичь совершенства», – говорилось в Бхагават-Гите (БГ, 18. 45) [2].

Ведическая модель общества представлена концепцией «варна – ашрама – дхарма». Термин «варна» у нас знаком многим, правда его часто путают с кастой [3], он означает социальный слой, к которому люди относились по своим реальным качествам, а не по рождению (как это стало в постведический период).

Ашрама – это социальный уклад жизни, связанный с возрастом человека. Жизнь каждого дваждырожденного [4] индуса проходила четыре ашрамы (четыре этапа жизни). С того момента, как на него возлагался священный шнур, арий считался вышедшим из детского возраста и становился брахмачарином, после чего он обязан был вести целомудренную и полную воздержаний жизнь ученика в доме своего наставника. Затем, постигнув смысл Вед, он возвращался в родительский дом и вступал в брак, то есть становился «домохозяином». Достигнув преклонного возраста, увидев своих внуков и, таким образом, надёжно обеспечив продление рода, он покидал дом, удалялся в леса и становился «от-

шельником». Медитацией и покаянием он очищал душу от привязанности к материальным благам и, наконец, в глубокой старости уходил из лесной обители и становился бездомным «странником», порвавшим все земные узы [5, с. 152].

И, наконец, третьей составляющей модели ведического общества являлась дхарма – это предписанные Богом обязанности человека. Законы Яджнавалкьи гласят: «Непричинение вреда, правдивость, нестяжательство, чистота, обуздание чувств, щедрость, самообладание, сострадание и терпение – дхармы, исполняемые всеми людьми» (ЗЯ, I. 123) [6, с. 37]. Таким образом, мы видим, что существовала общая для всех варн и ашрам дхарма – та норма поведения, которой должны были следовать все члены общества без исключения на протяжении всей своей жизни. Вместе с тем, древнеиндийские источники каждой варне предписывают следование особому, только ей предписанному долгу (дхарме) и жизненному пути. Следовательно, помимо общей дхармы, существовала и особая дхарма для каждой варны и для каждого периода жизни того или иного индивидуума.

Таким образом, ведическое общество представляло собой общество, в котором люди исполняют свои обязанности согласно своим склонностям и умениям и с учетом возраста и уклада. Это общество было объединено духовными скрепами, общими представлениями о смысле жизни, о правильном отношении человека к человеку и об общем служении Богу. Система духовного образования, которая включала в себя знания не только о запредельном, но и о вполне прагматичных вещах, обеспечивала прогресс этого общества.

В чем же заключалась система социального партнерства в такой социальной модели? Прежде чем ответить на этот вопрос, рассмотрим структуру общества предметно и попытаемся охарактеризовать его элементы, опираясь на имеющиеся источники. В Бхагават-Гите (БГ, 4.13) говорится о том, что Бог разделил человеческое общество на четыре сословия: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. [2] Значительно более поздний источник дхармашаstra Ману подробно излагает обязанности каждой варны перед всем обществом и описывает качества людей, принадлежащих этим сословиям. Особо хочется обратить внимание на отсутствие упоминаний о правах личности, акцент делается на обязанностях, на служении, на осознанной коллективной ответственности за судьбу каждого. Если чьи-то интересы нарушаются, значит, кто-то не выполняет свои обязанности. Равномерное распределение социальных обязанностей соответственно с возможностями и предрасположенностями людей, их личная ответственность перед Богом представляли идеальную модель социального партнерства. Строго говоря, отсылка к Законам Ману, может быть не совсем корректна, поскольку этот источник относится ко второму веку до нашей эры, и от

ведического общества его отделяют тысячелетия. Однако, если иметь в виду, что авторами Законов Ману были брахманы, а именно они являлись хранителями ведических традиций и наследниками древних текстов и ритуалов, то вполне можно предположить, что они не сильно исказили первоначальный текст. Во всяком случае, эти нормы, в целом, не противоречат ведическому канону.

Итак, как мы упоминали ранее, структура ведического общества состояла из четырех варн, каждая из которых объединяла людей по их качествам, способностям, предрасположенностям, наличию знаний, занятию духовными или иными практиками. Подчеркнем еще раз, не факт рождения в определенной семье, а именно личные качества, очевидные уже с детского возраста (для этого существовали специальные «тесты»), позволяли определить принадлежность человека к определенной варне. В течение предшествующих жизней душа накапливала определенные качества, наработывала карму, в соответствии с которой приходила в новую жизнь в новом теле. Именно об этом говорят Законы Ману в 135 шлоке II книги, отмечая, что десятилетний брахман мудрее столетнего кшатрия: «Десятилетнего брахмана и столетнего царя следует считать отцом и сыном, но из них двоих отец – брахман» [7, с. 63].

Высшей варной являлись брахманы. Сравняя общество с живым организмом, законы Ману аллегорически сравнивают эту варну с головой или «устаами Пуруши» (ЗМ, I, 31) [7, с. 9]. Говоря современным языком, это была духовная элита общества. К ней относились люди, обладавшие такими качествами, как самообладание, честность, спокойствие, мудрость, терпение, образованность и религиозность (БГ, 18. 42) [2]. Люди, ведущие чистый образ жизни, были способны наилучшим образом выполнять функции священнослужителя, учителя, врача, судьи, астролога, наставника – гуру. Брахманы практиковали бхакти-йогу – йогу преданного служения Верховному Богу. Через духовные технологии, через определенные ритуалы они практически демонстрировали существование высшей реальности. Их авторитет в обществе был велик. Образу говоря, брахманы были законодательной властью государства.

Кшатрии обладали такими качествами, как героизм, отвага, сила, находчивость, решимость, щедрость, умение защищать, способность к руководству людьми (БГ, 18. 43) [2]. Эти люди играли роль администраторов, руководителей, военных, организаторов. Они практиковали раджа-йогу – йогу решимости и действия. Их личные качества способствовали наилучшей реализации дхармы кшатрия. Можно сказать, что кшатрии были исполнительной властью государства. Они охраняли границы, собирали налоги, следили за порядком. Раджа, царь, относился к этой варне. Они должны были действовать в соответствии с

Божественным законом и своей дхармой, в противном случае брахманы могли и должны были их вразумить (ЗМ, VII. 111) [7, с. 98]. Кшатрии признавали мистическое и духовное могущество. В крайних случаях брахманы могли своим коллективным проклятием убить неисправимого тирана (ЗМ, IX. 313) [7, с. 124].

Люди, имевшие склонность к земледелию, торговле, финансовой деятельности, к ремеслу, к организации своего дела, относились в варне вайшьев (БГ, 18. 44) [2]. Это был единственный слой общества, который подлежал налогообложению, поскольку только они занимались экономической деятельностью, приносящей прибыль.

Варна шудр включала в себя тех людей, кто не был готов к описанной выше духовной, организаторской или экономической деятельности, но мог трудиться физически и служить другим членам общества, работая по найму (БГ, 18. 44) [2]. Это слуги или как сейчас говорят – служащие.

Как видно из источников, изучение Вед как сложный духовно-интеллектуальный процесс был доступен не всем и не в равной мере. Для брахманов это было дхармой, долгом, а кшатрии и вайшьи получали ведические знания только под руководством брахманов. Что касается шудр, то эти знания для них были недоступны в силу их духовной неподготовленности, незрелости.

В целом же, говоря о ведической культурной традиции, отметим, что именно принцип общего служения лежал в основе ведического общества. Взаимные обязательства между варнами, освященные совместными ритуалами, угощением друг друга просадом (освященной пищей), киртанами (молитвенными воспеваниями святых имен Бога), яджнами (ягья – технология привнесения мира в индивидуальную жизнь, очищения кармы, получения поддержки), обязательное духовное образование или просвещение способствовали прогрессу и консолидации ведического общества. Именно в этом смысле ведическое общество было обществом социального партнерства.

Литература

1. Семенцов В.С. Бхагават-Гита в традиции и современной научной критике. М., 1991 г. 236 с.
2. Бхагават-Гита [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bhagavatgita.ru/> (дата обращения: 21.03.2014)
3. Каста – социальный институт, отличающийся строгой эндогамностью, связью с определенной, наследственно закрепленной профессией.
4. Дважды рожденными считались первые три варны: брахманы, кшатрии,

вайши. Предполагалось, что второе рождение они получали при обряде посвящения (упанаяна), когда на них возлагался священный шнур и они считались принятыми в арийское общество. Над шудрами не исполняли обряда посвящения, часто их вообще не признавали ариями.

5. Бэшем А. Чудо, которым была Индия. М.: Восточная литература, 2000. 616 с.
6. Самозванцев А.М. Книга мудреца Яджнавалкьи. М.: Восточная литература, 1994. 376 с.
7. Законы Ману. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2002. 496 с.

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В
СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**
**INSTITUTIONALIZATION OF POLITICAL PARTIES IN MODERN
RUSSIAN SOCIETY**

Л.Р. Романовская
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Даётся обзор и критическое осмысление результатов партийной реформы 2012 г., которая привела к резкому росту числа политических партий в России.

The author analyzes and critically evaluates the results of the reform of legislation on political parties of 2012, which led to a sharp increase in the number of political parties in Russia.

Ключевые слова: политическая система общества, политическая партия, партийная реформа.

Keywords: the political system of society, political party, party reform.

В социальной структуре современного общества партии занимают важное место. Они призваны выполнять роль посредника между обществом и государством. Партии способствуют формированию общественного мнения по политическим вопросам, привлекают население к участию в политических процессах, способствуют повышению гражданской активности, участвуют в выборах путем выдвижения кандидатов. Без многопартийности немыслима современная демократия.

В последние годы российское общество претерпело значительные изменения. Страна находится в кардинально новой политической, социально-экономической и духовно-нравственной ситуации. Изменения произошли и в

отечественной политической системе. Прежде всего, речь здесь пойдет о партийном строительстве и результатах партийной реформы.

В начале XXI века в России оформилась тенденция к росту влияния «партии власти». Существенно укрепившиеся к 2008 г. политические позиции «партии власти» позволили многим исследователям говорить о том, что в стране начинается очередной виток монополизации политического пространства и что в России формируется партийная система с одной доминирующей партией.

Рост протестных настроений и активная критика партийной системы поставили перед государством задачу либерализации партийного законодательства. Так, М.В. Иванова пишет: «после масштабных акций протеста против фальсификаций на выборах, прошедших в декабре 2011 г. в крупных российских городах, руководители страны публично заявили о необходимости масштабных политических реформ».[1; с. 139]

Напомним, что курс на постепенное снижение требований по количеству членов партии был взят еще в 2009 г. В соответствии с изменениями, принятыми 24 августа 2009 г., в политической партии должно было состоять:

до 1 января 2010 г. – не менее пятидесяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не могла составлять менее двухсот пятидесяти членов политической партии;

с 1 января 2010 г. до 1 января 2012 г. – не менее сорока пяти тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее четырехсот пятидесяти членов. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не могла составлять менее двухсот членов политической партии;

с 1 января 2012 г. – не менее сорока тысяч членов политической партии, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна была иметь региональные отделения численностью не менее четырехсот членов политической партии. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не могла составлять менее ста пятидесяти членов.

Однако, 2 апреля 2012 г. был принят Федеральный закон № 28 «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» [2], который определил нижнюю планку численности партий в 500 человек.

Снижение минимальной численности членов партии явилось причиной стремительного роста количества политических партий. Так, если к началу 2012 г. в России было всего 7 политических партий, то к настоящему времени это число увеличилось до 78 [3].

После вступления в силу изменений в закон «О политических партиях» процесс регистрации новых партий (май–июль 2012 г.) поражал своей скоростью. За три месяца было зарегистрировано 29 партий. Всего за 2012 г. их число составило 42. Затем интенсивность партотгенеза снизилась: за 2013 г. регистрацию получили 19 партий, за 2014 – 5. В 2015 г. были зарегистрированы только четыре политические партии: «Возрождение аграрной России», «Партия поддержки», «Партия родителей будущего», «Партия профессионалов» (данные на октябрь 2015 г.).

Исследователи, однако, отмечают, что большая часть новых партий еще не институционализировалась, то есть не приобрела устойчивого места в политической системе. Новые партии, как правило, не слишком активно участвуют в выборах и еще реже добиваются на них успехов. [4, с. 131–132] Не вполне ясны их социальная база и идеологическая ориентация. Российские граждане не проявляют серьезной политической активности и не спешат вступать в новообразованные партии. Можно сказать, что предложение на политическом «рынке» заметно превысило спрос.

Многие из партий, появившихся в 2012–2015 гг., не имеют внятной идеологии. В связи с этим новые партии сложно классифицировать по традиционному, идеологическому, критерию. А.Е. Любарев и М.В. Вольхина предложили разделить их на три типа: идеологические, корпоративно-лоббистские и политтехнологические, используя при классификации такие параметры, как название партии, программа, лидеры, происхождение, наличие и содержательность интернет-сайта, участие в выборах. [5, с. 72]

Идеологические партии – те, у которых все-таки можно определить политическую направленность: консервативно-патриотические, левые, либеральные и «проблемные» партии, акцентирующие внимание на какой-либо одной проблеме (например, Российская экологическая партия «Зеленые», «Народ против коррупции», «Партия налогоплательщиков России»).

Корпоративно-лоббистские партии ориентируются на защиту интересов определенных социальных слоев, например, ветеранов и пенсионеров («Партия пенсионеров России», «Партия ветеранов России»), аграриев («Аграрная партия России», «Партия возрождения села»), автомобилистов и др.

Политтехнологические партии создаются, прежде всего, в коммерческих целях, это так называемые «искусственные» партии, созданные как политический проект (зачастую профессиональными политтехнологами) – например, «Демократическая партия России», «Народная партия России», «Социал-демократическая партия России», «Союз горожан» и др.

В заключении нашего краткого обзора хотелось бы поставить вопрос о целесообразности существования в политическом пространстве России такого огромного количества политических партий, значительная часть которых не способна обрести широкую социальную поддержку.

На наш взгляд, следовало бы поднять планку минимального числа членов партий как минимум до 10000 (как и было первоначально в законе «О политических партиях» в 2001 г.). Необходимо найти «золотую середину» между партийным плюрализмом и реальным народным представительством. Ведь гораздо важнее не то, сколько у нас в стране будет политических партий, а каковы перспективы превращения этих партий в серьезную политическую силу.

Можно предположить, что в недалеком будущем нас ждет новый виток укрупнения политических партий и уменьшение их численности.

Литература

1. Иванова М.В. «Либерализация» партийного законодательства после декабря 2011 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра. / Под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012.
2. Федеральный закон от 02.04.2012 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ – 9 апреля 2012 г. № 15. Ст. 1721.
3. Список зарегистрированных политических партий // Официальный сайт Министерства юстиции РФ <http://minjust.ru/nko/gosreg/partii/spisok> (Дата обращения 15.09.2015 г.).
4. Любарев А.Е. Перспективы развития партийной системы в свете политических реформ 2012 г. // Партии и выборы: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Ю.Г. Коргунюка и Г.М. Михалевой. М.: КМК, 2012.
5. Партийная реформа и контрреформа 2012–2014 гг.: предпосылки, предварительные итоги, тенденции. / Под ред. Н.А. Борисова, Ю.Г. Коргунюка, А.Е. Любарева, Г.М. Михалевой. М., 2015.

ТРУДНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ DIFFICULTIES AT WORK IN SOCIAL WORKERS

Д. Сикорска
Университет социальных наук (Лодзь, Польша)
D. Sikorska
University of Social Sciences in Lodz (Poland)

В профессиональной деятельности социальных работников существует множество различных факторов, вызывающих стресс и трудности в работе. Со-

трудник может одновременно подвергаться воздействию как физических, так и психологических стрессоров. Среди прочих рабочих мест, профессиональная деятельность социального работника одна из самых энергозатратных. Функционирование социального работника является напряженным из-за эмоционального напряжения, поскольку работа связана с постоянным контактом с лицами с ограниченными физическими возможностями, с умственно отсталыми, алкоголиками, беспомощными людьми, а также с теми, кто страдает патологических заболеваний.

Целью данного исследования является представление некоторых трудностей, возникающих в работе социального работника.

In many workplaces occur a number of various factors which bring about difficulties at work and stress. One may be exposed to simultaneous influence of both physical and mental stressors. Among many jobs, that of a social worker is particularly stressful. The functioning of a social worker is stressful and mentally straining. This is because of constant contact with the disabled, mentally challenged, alcoholics, helpless people as well as those from pathological environments.

The aim of this study is to present some of the difficulties occurring in the work of a social worker.

Ключевые слова: социальная работа, социальный работник, трудности в работе, стресс.

Keywords: social work, social worker, difficulties at work, stress.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В ХОДЕ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

THE SPECIAL ASPECTS OF THE SOCIAL COMPETENCE FORMATION OF FUTURE SOCIAL WORK BACHELORS IN WORK EXPERIENCE

Е.Е. Смирнова

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова

E.E. Smirnova

Nekrasov State University of Kostroma

Освещены особенности реализации компетентного подхода в процессе профессиональной подготовки будущих бакалавров социальной работы. Раскрываются особенности формирования социальной компетентности в ходе организации учебной практики.

The article is devoted to realizing the competence-based approach in the course of vocational training of future social work bachelors. The features of social competence formation in work experience are also described.

Ключевые слова: компетентностный подход, социальная компетентность, учебная практика.

Keywords: competence-based approach, social competence, work experience.

Решение проблем качественного профессионального обучения и воспитания в учреждениях высшего образования в настоящее время в государственных документах связывается с реализацией компетентностного подхода, с формированием у обучающихся компетенций или компетентностей [3].

Объективная необходимость поиска более эффективных методов обучения в высшей школе диктуется изменениями в науке, производстве и трудовой деятельности человека. Обострились противоречия традиционной системы обучения между усвоением студентами разобобщенных по учебным дисциплинам знаний и необходимостью их комплексного применения в практической деятельности человека. Эти противоречия особенно ярко проявляются в тех сферах профессиональной подготовки, где от специалиста требуется установление социальных контактов, понимание ситуаций межличностного взаимодействия, то есть высокий уровень социальной компетентности.

Вопрос о содержании и структуре данного понятия в современной психолого-педагогической литературе является дискуссионным, что определяется сложностью однозначного обобщения особенностей различных видов человеческой активности. Тем не менее, анализ источников по проблеме исследования данного феномена позволил нам сделать вывод о том, что социальная компетентность представляет собой интегральную систему личностных качеств, социальных знаний и умений, опыта принятия решений в жизненных ситуациях, взаимодействия с другими людьми и культурами, обеспечивающих способность человека действовать в социуме с учетом позиций других людей. Структура социальной компетентности – многоуровневая, строится с учетом жизненного опыта личности и включает: знания и умения, обеспечивающие эффективную социальную деятельность индивида; личностные качества, позволяющие индивиду действовать самостоятельно и ответственно; готовность к установлению и развитию социальных контактов, самосовершенствованию [1; 2]. Социальная компетентность имеет важное значение во всех без исключения сферах человеческой активности, где осуществляются различные взаимодействия с другими людьми, социальными институтами и т.п.

Ее развитие у будущих бакалавров социальной работы предполагает расширение социальной грамотности обучающихся, обогащение их социального опыта, наращивание социальных умений и навыков, углубление социального интеллекта, обеспечивающих социальную и профессиональную успешность личности.

Анализ содержания основной образовательной программы по направлению подготовки «Социальная работа», разработанной на кафедре социальной работы КГУ им. Н.А. Некрасова, показывает, что организация учебной деятельности будущих бакалавров социальной работы в рамках реализации компетентностного подхода ориентирована на усиление прикладного, практического характера предметного обучения.

Составной частью образовательного процесса будущих бакалавров социальной работы является учебная практика, направленная на приобретение студентами опыта осуществления профессиональной деятельности, активизацию, апробацию и интеграцию полученных знаний, умений и навыков.

Учебная практика в КГУ имени Н.А. Некрасова организуется по специально разработанной в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования программе. Структура учебной практики состоит из трех взаимосвязанных этапов, каждый из которых направлен на решение определенного круга задач образовательного процесса. На подготовительном этапе со студентами проводится организационно-мотивационный сбор, установочная конференция, в ходе которых осуществляется: знакомство с программой практики, усвоение целей и задач, знакомство с нормативно-правовой базой деятельности учреждений социального обслуживания населения, инструктаж по технике безопасности. Собственно экспериментальный этап посвящен участию в профессиональной деятельности по социальному обслуживанию населения, а также ведению различных типов отчетной документации: составлению индивидуального плана прохождения практик, дневника практики, «портрета учреждения», характеристики клиента и итогового отчета по практике. На заключительном этапе подводятся итоги практики в форме конференции, которая способствует развитию у студентов способностей к рефлексивной оценке планируемых и достигнутых результатов, анализу собственной профессиональной деятельности.

При организации и сопровождении студентов в ходе учебной практики особое значение уделяется применению развивающих технологий и методов.

Использование коллективных форм работы позволяет увеличить количество социальных и межличностных связей между студентами, повысить сплоченность, взаимопонимание и взаимопомощь, развить навыки работы в группе,

научить объяснять, слушать и понимать собеседника, учитывать мнение других. Стимуляция профессионального и делового общения студентов при выполнении задания развивает коммуникативную компетенцию студентов и повышает их ответственность за формирование межличностных связей в коллективе.

Обеспечение междисциплинарных связей при выполнении информационно-поисковых и творческих заданий обучает студентов интегрировать знания и умения, полученные при изучении различных дисциплин, собирать, анализировать и классифицировать информацию, позволяет преодолевать разрыв между разными дисциплинами. Решение профессионально ориентированных задач, составление отчетов о проделанной работе на персональном компьютере повышает профессиональную направленность образовательного процесса и развивает информационную компетенцию студентов.

Социальная компетентность является одним из ключевых показателей качества образовательного процесса по направлению подготовки «Социальная работа», а также определяет профессиональную успешность будущего бакалавра в этой сфере. Учебная практика является одним из ключевых элементов данного процесса, так как способствует глубокому погружению будущих бакалавров социальной работы в практическую профессиональную деятельность.

Литература

1. Басова В.М. Теория и практика формирования социальной компетентности личности. Кострома, 2004. 206 с.
2. Глушкова Е.О. Педагогическое сопровождение развития социальной компетентности студентов вузов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т.18. №1. Часть 1. С. 225-228.
3. ФГОС ВПО по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр») от 8 декабря 2009г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm709-1.pdf.

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
**METHODS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN SOCIAL WORK:
THEORY AND PRACTICE**

А.В. Соболева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Soboleva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Анализируется значимость и актуальность методов социологических исследований в социальной работе. Методы сбора социологической информации широко используются в социальном поле для установления и обобщения социальных фактов с целью выявления закономерностей их развития.

The importance and relevance of methods of sociological researches in social work is analyzed. Methods of collecting sociological information are widely used in a social field for establishment and generalization of the social facts for the purpose of detection of regularities of their development.

Ключевые слова: социологические исследования, методы исследования, социальная работа.

Keywords: social researches, social work, methods of research.

Социология в социальной работе рассматривается с точки зрения социологического обеспечения деятельности организаций и учреждений социальной сферы. На уровне социальной работы как науки применение находит теоретическая социология, которая раскрывает универсальные закономерности и принципы построения различных социальных систем, обобщает и структурирует эмпирические данные в пределах отдельных отраслей социологического знания. На уровне практики социальной работы используется эмпирическая социология, которая помогает устанавливать и обобщать социальные факты.

Социологическое исследование служит своего рода связующим звеном между теоретическими знаниями и реальной действительностью. Оно помогает устанавливать новые закономерности развития общества в целом или каких-либо его структурных элементов в частности.

Методы сбора социологической информации используются в социальной работе для исследования различных процессов и проблемных ситуаций на разных уровнях.

Если рассматривать более детально, то круг анализируемых вопросов можно разделить на ряд направлений, среди которых:

- социальное взаимодействие и социальные связи индивидов и социальных групп в рамках соответствующих социальных институтов;
- социальные изменения и социальные процессы, источником которых являются социальные движения, которые могут стать источником напряженности и конфликтов в обществе, а с другой стороны, быть средством и инструментом их преодоления;
- особенности функционирования социальных институтов общества, а также социальных организаций, тесно связанных с социальной работой: семья, школа, социальные службы, реабилитационные центры, управления социальной защиты населения, учреждения культуры, социальные фонды и др.;
- личность в системе социальных связей: потребности, ценностные ориентации, мотивы, социальные установки, социализация личности, социальный статус, социальные роли, социальная активность и т.д.;
- гендерные аспекты: изучение дифференциации мужских и женских ролей, половых различий, функционирования супружеских пар;
- социальная мобильность и маргинальность, изменение социального статуса;
- девиации и социальные группы риска;
- общественное мнение относительно социального положения граждан, их интересов, запросов, потребностей в социальных услугах;
- конкретные социальные проблемы разных целевых групп клиентов и категорий населения.

Значимость использования методов социологии в практике социальной работы очевидна. Методы социологического исследования позволяют не просто зарегистрировать события, но произвести попытку выявить скрытые причины наступления события. Чем шире будет используемый спектр социологических методов, тем глубже специалисты смогут проанализировать проблему, выявить причины и сформулировать возможные способы профилактики.

Социальная практика последних лет требует, чтобы методы социологии обеспечивали всё большую конкретность и объективность решения проблемных ситуаций в практической деятельности. Если обратиться к практике использования социологических методов исследования в социальной работе, то мы увидим, что применение находят как количественные (сбор статистических данных), так и качественные методы.

Многие специалисты говорят о преимуществах качественных исследований, которые позволяют в большей степени ориентироваться на субъект (соци-

ального работника и клиента) [1, с. 309.] Безусловно, такие методы сбора данных, как глубинное интервью, фокус-группы, проекционные методики позволяют не просто зарегистрировать событие, но и помогают выявить скрытые мотивы, иногда не осознаваемые самими клиентами, установки, оценки жизненной ситуации и своей роли в ней. Эта группа методов приобретает особое значение с появлением относительно новых групп–клиентов социальной работы и ряда проблем, связанных с ними. Например, работа с беженцами и их семьями, вопросы их адаптации на всех уровнях социального взаимодействия.

Количественные методы, в свою очередь, должны стать базой для обобщения, систематизации и последующего анализа выявленных проблем. Одну из главных ролей здесь играет анкетирование и те виды интервью, которые позволяют исследователю собрать статические данные. Не менее важен и анализ документов, при помощи которого мы получаем эмпирические данные фактически без участия клиента, но, при этом, имеем возможность зарегистрировать и обобщить конкретные факты жизнедеятельности интересующих социальных групп.

Как мы видим, социологические исследования способствуют глубокому и всестороннему анализу проблемной ситуации, в рамках которой и для целей которой оно проводится. Результаты подобных исследований позволяют выявить проблемные зоны, отражают достижения и недостатки в социальной работе, а также подсказывают пути решения тех или иных проблем.

Литература

1. Саралиева З.Х. Категории социологии и социологические исследования в социальной работе. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2007, №2. С. 305-309.
2. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. // Под ред. И. Штейнберга. Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. 356 с.
3. Толстова Ю.Н., Масленников Е.В. Качественная и количественная социология: взгляд сквозь призму понимания эмпирического исследования как измерения // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 101-109.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ, МАЛОГО БИЗНЕСА И МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ
В РАЗВИТИИ ТЕРРИТОРИЙ**
**ISSUES OF COOPERATION OF MUNICIPAL AUTHORITIES, SMALL
BUSINESSES, AND LOCAL COMMUNITIES
IN TERRITORIAL DEVELOPMENT**

А.Е. Солдаткин
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
А.-М. Сэтре
Университет Упсалы (Швеция)
Л. Гранберг
Александровский институт, университет Хельсинки (Финляндия)
А.Е. Soldatkin
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)
А.-М. Sätre
Uppsala University (Sweden)
L. Granberg
Aleksanteri Institute, University of Helsinki (Finland)

Обсуждаются проблемы взаимодействия различных акторов на муниципальном уровне в контексте преодоления бедности, социально-экономического развития и развития предпринимательства.

The paper discusses issues of interaction and cooperation of actors of different kind on a municipal level in the context of poverty reduction, socio-economic development, and development of entrepreneurship.

Ключевые слова: муниципальный уровень, социально-экономическое развитие, преодоление бедности, развитие предпринимательства, конкуренция.

Keywords: municipal level, socio-economic development, poverty overcoming, development of entrepreneurship, competition.

В современных российских условиях, осложняющихся экономическим кризисом, одним из важнейших факторов сохранения социально-экономического благополучия на местном уровне становится взаимодействие органов местного самоуправления, малого бизнеса и местных сообществ. Такое партнерство потенциально позволяет органам власти делегировать ответственность, а предпринимателям и местным сообществам более эффективно доносить свои нужды и запросы до муниципальных властей.

Вместе с тем, взаимодействие между указанными акторами складывается в ходе достаточно сложных процессов, для анализа которых выдвинут ряд моделей.

Одна из моделей (так называемая модель тройной спирали, triple helix model) [1] предусматривает равноправные отношения между тремя типами акторов, а именно академическими научно-исследовательскими структурами, администрацией и бизнесом. Между этими акторами устанавливаются тесные взаимовыгодные отношения, направленные на производство и внедрение инноваций, прежде всего, в области высоких технологий.

Однако применимость такой модели для описания ситуации в малых городах вызывает сомнения. Прежде всего, это касается масштаба акторов. Как правило, речь в этом случае не идет ни о крупных академических структурах, ни о крупном бизнесе. Кроме того, в распоряжении местных администраций находятся довольно скромные ресурсы. Далее, в условиях малых городов чаще всего складывается модель, основанная не на высокотехнологичном производстве, а на средне- и низкоуровневых технологиях.

В таких условиях не работает традиционное в рамках модели тройной спирали понимание содержания связи между академическими структурами и производством, то есть разработка инноваций, так как нет пространства для их внедрения. Основное содержание отношений между академическими структурами и органами власти – аналитическое сопровождение принятия стратегических решений, проявляется весьма ограниченно.

Таким образом, наиболее интенсивные отношения складываются между местными администрациями и бизнесом. Особенности взаимоотношений бизнеса и администрации в малых городах состоят в следующем:

- складывающееся в некоторых случаях партнерство для ограничения проникновения крупных сетевых бизнес-структур (прежде всего розничной торговли);
- противоположная тенденция – усиление влияния крупного бизнеса через проникновение в представительные органы муниципалитетов и лоббирование;
- малые бизнесы вытесняются в сферы низкоприбыльных услуг, они не в силах конкурировать с крупными предприятиями.

Контекстом для формирования взаимодействия муниципалитетов и предпринимательских структур выступает социальная среда малых городов в целом с ее культурными особенностями и спецификой социальных связей. Рыночные конкурентные отношения имеют меньшую поддержку среди населения в малых городах и сельской местности, отношение к предпринимательству остается противоречивым. С одной стороны, люди, проявляющие инициативу, активность, много работающие, пользуются уважением. С другой стороны, ассоциации со смысловым рядом «предпринимательство, бизнес» остаются во многом

негативными, связаны с нечестностью, обманом. Ситуация с негативным восприятием предпринимательства меняется медленно, однако положительная динамика очевидна.

Текущая экономическая ситуация с закрытием рынков для импортных продовольственных товаров дает возможность малым и средним местным предпринимателям занимать образующиеся рыночные ниши. Эта возможность подкрепляется общественным мнением, ориентированным на приобретение «своего», местных продуктов.

Перспективы усовершенствования взаимодействия местных акторов в целях социально-экономического развития малых городов лежат, как нам представляется, в расширении состава акторов, участвующих во взаимодействии, а также в экспертном размыкании ситуации, привнесении недостающего по причине ресурсной ограниченности влияния академических структур.

Состав акторов может быть расширен за счет вовлечение в обсуждение и принятие решений на местном уровне местных жителей, причем не только организованных в сколько-нибудь институализированные структуры гражданского общества, но и организующихся в такие объединения непосредственно в процессе консультирования и обсуждения.

Примером такого подхода может служить пилотный проект проведения социологических исследований с использованием партисипаторных (соучастующих) технологий, реализованный в 2011-2013 гг. в Нижегородской области [2]. Проект был посвящен исследованию механизмов социального взаимодействия в целях преодоления бедности. Однако именно недостаточный уровень институционализации такого рода практик является определенным препятствием к их долгосрочному, устойчивому воспроизводству.

Привнесение экспертного знания в ситуацию на местном уровне возможно, в частности, с привлечением управленческих структур, внешних по отношению к муниципальному уровню, но заинтересованных в получении высококачественной обратной связи от муниципалитетов. Примером здесь может служить внедрение стандарта развития конкуренции на муниципальном уровне, реализуемое Управлением Федеральной антимонопольной службы по Нижегородской области с 2014 г. В рамках проекта проводятся экспертные опросы, консультации с предпринимателями и представителями власти, а также опросы населения. Целью проекта является внедрение стандартов развития конкуренции, отражающих условия и особенности предпринимательства на уровне конкретных муниципалитетов. Активную роль в исследовательском и консультативном обеспечении проекта играет кафедра экономической социологии ФСН ННГУ им. Н.И. Лобачевского с привлечением зарубежных партнеров-экспертов.

Литература

1. Loet Leydesdorff The Knowledge-Based Economy and the Triple Helix Model// University of Amsterdam, Amsterdam School of Communications Research (ASCoR) <http://www.leydesdorff.net/arist09/arist09.pdf>
2. «Партисипатронный подход в повышении качества жизни населения». Монография. Под общей редакцией М.Н. Римашевской, Н.Н. Иващенко. Н.Н., Москва, Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013 г. 268 стр. <http://www.isespras.ru/publications/monograph/>

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ СВЯЗИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ВУЗОВ INTERNATIONAL LEGAL RELATIONSHIP OF THE SOCIAL INSTITUTIONS, HIGH SCHOOL

М.Т. Фазлеев, В.Д. Паначев
*Пермский национальный исследовательский
политехнический университет*
M.T. Fazleev, V.D. Panachev
Perm national exploratory polytechnic university

Проанализированы международные связи социальных учреждений, вузов по проблемам отношения к людям с ограниченными возможностями здоровья.

In given article are analyzed international relationship of the social institutions, high school on problem relations to people with limited possibility of health.

Ключевые слова: социальная работа, международные связи, здоровье, физическая культура, спорт.

Keywords: social work, international relationship, health, physical culture, sport.

Социальная работа с лицами с ограниченными возможностями здоровья является очень важным и необходимым элементом заботы о людях нашей страны. Дело в том, что от травм и увечий никто не застрахован, даже олимпийские чемпионы. После выдающегося выступления российских спортсменов на Олимпиаде в Сочи ярко высветились системные негативные явления в развитии всего социума, особенно в отношении людей с физическими недостатками. У них двигательная активность существенно зависит от вида заболевания и не находит выхода в естественных играх, которыми с раннего детства занимаются

обычные дети. Это влечет за собой гиподинамию, а также недостаток знаний о своем организме и его возможностях. На протяжении веков доказывалось, что именно определенные физические упражнения способствуют развитию функциональных систем организма, повышают общий уровень здоровья, иммунитет, способность к адаптации, стимулируют умственную деятельность. Также нельзя не отметить положительное влияние занятий физкультурой и спортом на развитие личности, что ярко проявляется среди людей с ограниченными возможностями здоровья. Чтобы их физическая форма была на высоком уровне в течение всей жизни, необходимы систематические занятия с детства. Наши многолетние социологические исследования подтверждают, что физический потенциал человека формируется, прежде всего, в первые два десятилетия. Именно в этот период нужно достичь возможно более высокого для каждого человека уровня развития физических качеств. Несомненно, что выявление новых оздоровительных эффектов использования средств физической культуры в других странах повысит качество внутреннего потенциала, заложенного природой у людей с ограниченными возможностями здоровья. Так, например, систематическое применение нами статических упражнений на тренировочных занятиях по дартс в группе людей с ограниченными возможностями здоровья способствовало развитию статической выносливости, координации движения, точности попадания. Отмечался более выраженный прирост результатов, повышение адаптивных возможностей сердечнососудистой и дыхательной систем, развитие волевых качеств, работоспособности, координации движений на основе тонких дифференцировок кинестезического чувства, расширение своих физических возможностей, что в целом создает благоприятный психологический климат у людей с ограниченными возможностями здоровья.

Особую роль в реабилитационных воздействиях на них оказывают комплексные методы социально-педагогической направленности с индивидуальным бережливым подходом к каждому. Занятия со студентами с ограниченными возможностями здоровья проводились преподавателями физкультуры, методистами-инструкторами ЛФК, массажистами по методикам западных специалистов, с которыми мы познакомились в Сочи. Участники эксперимента находились под наблюдением врачей: невропатолога, психиатра, врача ЛФК, педиатра, ортопеда. Тренировочные нагрузки в «экспериментальной» группе давались с учетом физической подготовленности, индивидуальных особенностей и поддержания интереса к занятиям. В начале эксперимента уровень физического развития экспериментальной и контрольной групп был значительно ниже, чем у их сверстников из «основной» группы. Также надо отметить, что исходные данные свидетельствовали о неравномерности развития двигательных качеств. По ходу экс-

перимента за месяцы наблюдения отдельные показатели во всех трех группах оставались прежними, а в некоторых случаях снижались. В результате проведенного эксперимента выявлено также, что режим со спортивной направленностью способствует повышению функциональных возможностей организма людей с ограниченными возможностями здоровья, улучшению их соматического здоровья. Они справлялись с тренировочными заданиями, что способствовало их успешному выступлению в городских и краевых соревнованиях, несмотря на устойчивые отклонения, имеются резервные возможности организма и способность к спортивной деятельности. Преобладание прироста показателей в экспериментальной группе наблюдалось на втором году эксперимента, что свидетельствует о компенсаторных механизмах организма людей с ограниченными возможностями здоровья, которые проявились в результате тренировочных занятий. Итогом работы стали среднегрупповые показатели прироста динамики физической подготовленности. Помимо этого прямого эффекта занятия адаптивным спортом имеют большое социально-психологическое значение. Предложенный и используемый в нашем исследовании рационально организованный режим двигательной активности как естественного стимула жизнедеятельности позволил получить всестороннюю объективную информацию о психофизических возможностях студентов со сложным сочетанием дефекта. Установлено, что у студентов с отклонениями в физическом развитии и тенденция на устойчивые отклонения имеются резервные возможности организма и способность к спортивной деятельности. Таким образом, именно комплексное физическое воспитание является действенным средством предупреждения и устранения у людей с ограниченными возможностями здоровья недостатков в их физическом развитии, возникших в раннем возрасте, обеспечивает его последующую коррекцию и служит важным средством компенсации нарушений и социальную адаптацию. Необходимо координировать свои исследования в этом направлении с новыми научными и правовыми достижениями наших зарубежных коллег.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК – КЛИЕНТ

ДОКЛАДЫ

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОКОВ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СССР:
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПОРТИВНЫХ ЭНТУЗИАСТОВ**
**SOCIOLOGICAL ANALYSIS ORIGINS OF SOCIAL WORK IN USSR:
ACTIVITIES SPORTS ENTHUSIASTS**

А.А. Иудин, Д.С. Тарасов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.A. Iudin, D.S. Tarasov

Nizhny Novgorod Lobachevsky State University

Анализируются возможности использования спортивных лидеров в реальной социальной работе с подростками, имеющими проблемы с социальным окружением. Подробно рассматриваются возможности отвлечения подростков от бесцельного уличного времяпрепровождения с помощью футбола, дворовых команд, спортивных турниров, спортивных сборов, соревнований. Особенностью любительского велоспорта, являющегося индивидуальным видом спорта, являются групповые мероприятия (бреветы, турпоходы, покатушки), способствующие интеграции молодых людей в большие спортивные сообщества.

The article analyzes the possibilities of using sports leaders in actual social work with adolescents who have problems with the social environment. Considered in detail the possibility of diverting teenagers from aimless street pastime through football, amateur teams, sports tournaments, training camps and competitions. A feature of the amateur cycling is an individual sport, are group activities (brevets, hiking, pokatushki) promoting the integration of young people in the great sports community.

Ключевые слова: спортивные лидеры, трудные подростки, футбол, велоспорт, спортивные сообщества.

Keywords: sports leaders, troubled teens, soccer, cycling, sports community.

Социальная работа в ее современном понимании как профессиональная деятельность, направленная на помощь целевым социальным группам в пре-

одолении жизненных трудностей и проблем, появляется в России в 1991 г., когда в перечне профессий появилось наименование: специалист по социальной работе. Однако социальная работа как специфический феномен, связанный с социальной защитой населения, как важный элемент социального управления, направленный на формирование политики в отношении социально уязвимых групп населения, возникает в Советской России (а позднее в Советском Союзе) с первых лет их существования. В дореволюционной России институт заботы о социально ущемленных слоях и группах населения возник ещё во второй половине XVIII века в виде системы государственного призрения. Эта система существовала как одна из форм сострадания, хотя и осуществлялась в виде государственной организации и за казенный счет. В 1917 г. был создан Наркомат Государственного призрения, который вскоре (в начале 1918 г.) был преобразован в Наркомат социального обеспечения (НКСО). Это означало, что вопросы социального обеспечения трудящегося населения становились стержнем государственной политики в области социальной помощи.

В числе наиболее известных и успешных проектов в области советской социальной работы следует отметить борьбу с детской беспризорностью, осуществлявшуюся в 1920-1930 гг. Успешность этого проекта заключается не столько в том, что в короткие сроки в стране удалось преодолеть детскую беспризорность, сколько в том, что люди, прошедшие через эту систему, в полной мере влились в ряды социабельных граждан и осуществили успешный жизненный путь. Позднее аналогичный государственный проект, также не имеющий аналогов в мировой истории, был осуществлен в отношении сирот Великой Отечественной Войны, для которых, в частности, были созданы суворовские и нахимовские училища.

Меньшую известность получили другие проекты работы с детьми и молодежью, существовавшие в СССР. В этой связи необходимо отметить деятельность спортивных энтузиастов, осуществлявших и продолжающих осуществлять безвозмездную социальную работу с трудными подростками. Правда, большинство этих энтузиастов, по сути осуществляя социальную работу, ставят перед собой иные цели – главным образом спортивные и организационные. Спортивные лидеры – это добровольные социальные работники, и хотя они не имеют соответствующего образования и не получают зарплату за свою деятельность, многие из них успешно занимаются социальной работой. Специфической чертой является то, что многие из них занимаются спортом как любители, но хотели бы быть профессионалами в области тех видов спорта, которыми они занимаются. Они существуют в специфической социальной среде, изменяющей характер, привычки, цели, жизненные ценности человека. Этот процесс начина-

ется с момента прихода человека в спортивное сообщество. Чем глубже он входит в сообщество, тем сильнее изменяется его личность. Меняется круг общения. Спортивная среда вынуждает его отказаться от вредных привычек. Спортивные лидеры, энтузиасты предъявляют серьезные требования к себе и к людям, которые приходят в их сообщества.

Данный материал основан на серии глубинных интервью со спортивными лидерами, в том числе с пятью лидерами команд и клубов велоспорта и с девятью футбольными лидерами. Средняя продолжительность интервью составила 45 минут, однако интервью двух лидеров-велосипедистов продолжались в течение трех часов: они охотно делились своими взглядами на социальное содержание их деятельности. В центре внимания интервью оказывались проблемы любительского спорта и гражданские инициативы по его развитию. В число респондентов попали люди, создавшие спортивные клубы и сообщества, организовавшие крупные спортивные мероприятия, нередко на регулярной основе, в том числе получившие зарубежное признание. В большинстве своем эти люди нашли свое рабочее место в системе местного спорта, однако их деятельность выходит далеко за пределы служебных обязанностей.

Важным аспектом деятельности респондентов явилось то, что у них, увлеченных спортом, друзья также спортсмены и вне спортивного круга у них, как правило, нет контактов. Если до увлечения спортом у них и были друзья с разнообразными интересами, то после того, как спорт стал основным интересом человека, связи со старыми друзьями, не существующими в области данного вида спорта, обрываются. Они не понимают увлечения спортсмена, не способны разделить с ним его переживания, радость победы или горечь поражения, они не знают, что он чувствует на тренировках. Личная жизнь спортивных лидеров ограничивается спортивной сферой, что является показателем огромной увлеченности, и на другие интересы у этих людей не остается времени. Если это футболист, то он хочет большую часть времени заниматься футболом или обсуждать его проблемы. Соответственно общение у таких людей протекает в определенных рамках – тренажерный зал, футбол, спортивные тусовки и праздники. Тот же круг интересов преобладает и у тех, кто под влиянием этих лидеров всерьез приобщается к спорту.

На первых этапах молодые люди, вовлекаемые лидерами в область своей деятельности, по-разному вливаются в спорт. Некоторые из них стремятся к достижениям – личным и спортивным. Для других огромную роль играет коллектив – доброжелательная атмосфера, интересные люди, и им хочется остаться в этой среде, стать одним из них. На этом этапе важным является выбранный вид спорта – индивидуальный или командный. В футболе важны командные отно-

шения, отношения товарищества, командного равенства, которые довольно быстро переходят из игры в обыденную жизнь. В игре каждый находит свое место и каждый по-своему важен для команды. Важно, что молодые люди, существовавшие в пространстве уличных группировок, находят более тесные и более мотивированные отношения в недрах футбольных команд и спортивных сообществ.

Кстати, практическая социальная работа в Германии нередко базируется на вовлечении молодежи в футбольные команды, о чем рассказывал на конференции практический социальный работник из г. Эссен (ФРГ) Томас Рют: «...в Рурской области люди просто сходят с ума по футболу. Вы можете появиться в Катенберге с мячом в руках, и меньше чем через минуту вокруг вас соберется множество детей. Именно это мы проделали на улице Шальке, где наш работник появился с мячом, в футбольной форме. Достаточно быстро и без особых затруднений собралась группа детей и подростков, которые регулярно играли в футбол с нашим сотрудником. Через контакт с детьми наш работник также стал общаться и с их родителями, которые восприняли как большое облегчение, что милый молодой человек возится с их детьми на улице и дает родителям возможность немножко отдохнуть» [1, с. 141]. В устном докладе Т. Рют объяснил эту ситуацию подробнее, отметив, что когда на улице в каком-либо районе появляются молодые люди с гитарами, явно не знающие куда деть свое время, жители данной городской коммуны обращаются в полицию с жалобой на шум, исходящий от не всегда трезвых молодых людей. Полиция, в свою очередь, привлекает для решения проблемы социальную службу. Социальные работники решают эту проблему, чаще всего создавая местную футбольную команду. Примерно то же самое делают спортивные лидеры, правда цели у них иные: их деятельность базируется прежде всего на массовом спорте.

В велоспорте отношения складываются по-иному: начинается все с совместных поездок за город, с постепенным увеличением дистанций, и кому-то надоедает кататься. Но другие настолько увлекаются, что начинают совершенствоваться дальше, ставят перед собой новые цели: проехать не 50 км до Дзержинска, а уже принять участие в бревете 200 км, потом поехать на велогонку.

Важно, что до того, как влиться в спортивное сообщество, многие молодые люди вели нездоровый образ жизни: в школе курили, выпивали. Но когда для кого-то из них спорт становится стабильным увлечением, личность начинает меняться. Меняется круг общения: человек забывает про старых друзей, которые любят пить пиво на лавочке; у него меняются привычки: он бросает курить и пить, ведь в спортивных командах и клубах все это запрещено: *«На данный момент пить и курить в команде запрещено, это правило действует уже*

два года и таких игроков нет, т.к. можно вылететь и надолго. Сам я трезвенник уже четвертый год. Все мое общение на 70% состоит из общения со спортсменами. Я считаю, что круг общения в большей степени определяет твои привычки». Спорт является своего рода агрессивной средой, втягивающей в себя людей, имеющих потенциал для позитивного изменения. Особенно агрессивны коллективные, командные виды спорта.

Исследование показало, что вся деятельность, осуществляемая в сфере любительского спорта, социально значима, причем эта значимость не всегда совпадает с целями, которые ставит перед собой спортивный лидер. Цели спортивных лидеров связаны, прежде всего, с развитием данного вида спорта, с проведением соревнований, строительством спортивных объектов. Они ставят перед собой честолюбивые цели, например, развивать женский американский футбол в России и довести его до уровня мужского. Выиграть чемпионат России и Европы. Покорять Европу. Очень часто целью является победа на крупных соревнованиях – чемпионатах России, Европы. Но в силу того, что достичь этих целей можно только через увеличение массовости спорта, вовлечение все новых молодых людей в орбиту деятельности команд, спортивные лидеры фактически оказывают помощь детям из неблагополучных семей. Им нужны люди, имеющие много свободного времени, которое они могли бы посвящать спорту, а такими людьми (имеющими избыток свободного времени) как раз и являются дети, которых надо выводить из опасной среды, чтобы они не курили, не шлялись по улице, а нашли любимое дело и достигали в нем хороших результатов. А для этого необходимо ставить промежуточные цели – развитие молодых людей, причем не только физически. *«Развивать физически – раз, развивать умственно – два. Повышать уровень образования с точки зрения знания самого себя, знания техники, знания достопримечательностей, людей в конце концов интересных. Вот этот объем информации и есть желание, так сказать, дать».*

Деятельность в сфере спорта осуществляется в двух основных формах: тренерская деятельность и проведение спортивных мероприятий. Футбольные лидеры начинают развитие футбола с организации турнира по пляжному футболу и чемпионат Нижнего Новгорода среди юниорских команд (молодежь младше 14 лет). Для организации турниров необходима Лига, которая начинается с четырех команд. Сегодня это сообщество переросло в большую футбольную семью, что позволяет выходить на федеральный уровень. Массовый футбол хорошо развит в Сочи, и футбольные лидеры рассматривают это как образец для подражания. Там один из турниров проводится каждое воскресенье на территории школы, и туда съезжается молодежь со всего большого Сочи, при-

чем возрастное ограничение очень широкое – 14-35 лет. Стартовый взнос составляет символические 5 рублей. После каждого турнира возникают новые команды, и этот турнир выполняет функцию социализации молодежи. Люди общаются и регулярно встречаются. Сама молодежь начинает организовывать свои собственные любительские турниры.

В Нижнем Новгороде существует молодежное движение «Спортивный Нижний». В это движение входят все любители спорта Нижнего Новгорода – индивидуально и командами. Организация любительских турниров не требует больших ресурсов. Нужно просто собраться и организовать соревнование. Необходимо разграничение турниров: детские турниры, молодежные, любительские. Это необходимо для того, чтобы у футболистов был стимул для участия в соревнованиях. Они должны соревноваться с равными соперниками, а не с заведомо более сильными, которых у них нет шансов победить. Для популяризации футбола нужно, чтобы победители получали интересные призы и подарки. Однако общественным организациям не хватает финансирования. Организаторам приходится самим собирать деньги с участников – стартовые взносы. Некоторые футбольные лидеры считают, что следовало бы совсем отменить стартовые взносы, чтобы расширить доступность соревнований, *«... потому что многие участники участвуют в соревнованиях не для того, чтобы победить, а для того, чтобы просто поучаствовать. Они не претендуют на победу, так что зачем же им тоже платить за призы?»* Стоит отметить, футбольные федерации, которые обычно проводят турниры, не заинтересованы в турнирах для дворовых команд. Эта работа целиком ложится на плечи спортивных энтузиастов.

Существуют различные организационные формы, в рамках которых функционирует спортивное сообщество. В футболе, как американском, так и европейском, это футбольные клубы и футбольные команды (как любительские, так и профессиональные), футбольные секции, клубы футбольных фанатов. Численность футбольной команды обычно составляет 30-50 человек. Для игры в футбол необходима специальная инфраструктура и как минимум футбольное поле. Футбольный клуб либо имеет свой стадион, либо его арендует. Команды по американскому футболу в связи со спецификой их вида спорта (в нем важна физическая сила и мышечная масса) нуждаются в тренажерных залах. Клубы стремятся создать свои клубные тренажерные залы, которые были бы предназначены именно для футболистов. Значительная часть проблем в развитии футбола связана со спортивной инфраструктурой – с ее отсутствием или труднодоступностью для спортсменов (например, высокая стоимость аренды). Небогатым спортивным клубам приходится арендовать только поле без душа и прочего

и при этом договариваться через своих знакомых. Такие проблемы существуют не только в нашем городе. Так, на территориях школ в Сочи строятся бесплатные тренажеры, футбольные площадки, однако директора разрешают на них играть только школьникам. Ребята старше 18 лет, которые даже окончили эту школу, не могут там играть. И им тоже приходится арендовать футбольные поля.

Спорт как воспитательная стратегия нередко осознается и родителями, стремящимися приобщить ребенка к спорту. Но некоторые родители не понимают пользы спорта в воспитательном процессе. *«У нас есть мальчишка, которому его дедушка поставил в гараже самодельные футбольные ворота, так этот пацан сейчас так играет – загляденье! А с другой стороны, есть талантливые дети, которые бросают футбол из-за проблем в семье, и ничего с этим не поделаешь».* Следует отметить, что спортивные лидеры не ставят себе специальных воспитательных целей и достигают их попутно, организуя спортивную деятельность команд. А уже сама эта деятельность оказывает позитивное воздействие на подростков, которые волей-неволей должны выполнять правила поведения в команде – быть сильными, волевыми, оказывать взаимопомощь и поддержку, причем не только во время игры и на тренировках, но и в повседневной жизни.

Аналогичные цели и похожие проблемы имеют велосипедисты, все люди, которым интересен этот вид спорта. Они хотят достичь максимального результата, раскрыть свой потенциал, а участие в соревнованиях – это для них второстепенная цель. Спортивные лидеры проводят соревнования, потому что никто другой не берется их проводить. *«Мне нравится участвовать в таких мероприятиях. Но поскольку никто и никогда не брался и не возьмется их проводить (ну разве что какой-нибудь очередной междусобойчик), пришлось этим заниматься самому».* Интересно, что эти лидеры нередко организуют соревнования в совсем другой сфере. Так, один из велосипедных лидеров купил лыжи и начал кататься, а так как подходящих лыжных гонок не было, решил организовать свою – на Щелковском хуторе.

Основными форматами, в рамках которых осуществляется велосипедная деятельность в Нижнем Новгороде, являются бреветы, походы выходного дня (ПВД), велогонки, велопробеги, турпоходы и покатушки. Покатушка – это обычно загородная велопоездка туристического характера, на целый день или на несколько дней. В ее основе лежит возможность активного общения людей, сидящих на велосипеде. Многих в велоспорте привлекает как раз эти здоровые формы общения. Другое дело бревет – веломарафон от 200 км до 1200 км, проводимый по правилам Парижского клуба, – это самоистязание, испытание

на выносливость, истязание организма, проверка себя. Люди участвуют в таких мероприятиях, чтобы самоутвердиться. Однако бревет можно сделать интереснее, если добавить в него культурную программу, например, составлять такие маршруты, которые проходили бы через достопримечательности. Чаще всего человек, принявший участие в бревете, остается в велоспорте надолго.

Велогонки, по мнению лидеров спорта, лучше всего проводить в центре города. В этом случае есть зрители, а значит реклама и популяризация велосипеда. Участникам легко добраться до старта – это повышает массовость гонки. Кроме того, это отличная возможность напомнить власти города о том, что в городе есть велосипедисты. Главная задача любительских велогонки состоит в приобщении к велоспорту как можно больше людей. Соответственно, нужно, чтобы было им интересно участвовать. Трасса не должна быть слишком сложной. Эти соревнования не предназначены для профессиональных спортсменов. Все эти мероприятия проводятся в Нижнем Новгороде и характеризуются своей массовостью, и, конечно, они не исчерпывают все многообразие доступных велосипедистам мероприятий. Но они выполняют свое главное предназначение – привлекают новых участников велоспорта.

Официальный велоспорт существует в виде велошкол и велосекций. Любительский велоспорт его последователи называют велосипедизмом: часто лидеры и участники таких объединений не считают, что занимаются спортом, их деятельность осуществляется в рамках велоклубов – официально зарегистрированных в органах власти и существующих неофициально. В Нижнем Новгороде есть только два официально зарегистрированных велоклуба – Автономная некоммерческая организация «Велоклуб-НН» и Первый Студенческий Велоклуб ННГАСУ. Кроме того успешно функционирует неоформленная официально организация – рандоннерский клуб «Буревестник», зарегистрированный в Парижском Клубе Отчаянных (Audax Parisien Club). Протоколы бреветов, организуемых этим клубом, с именами и фамилиями участников отправляют в Париж. Человек, проехавший в течение сезона все квалификационные дистанции (200, 300, 400 и 600 км), получает медаль суперрандоннера и получает право принять участие в самом престижном бревете Париж-Брест-Париж.

Велосипедисты закалены в длительных поездках, они привыкли бороться с непогодой, плохими дорогами, усталостью и неудобствами. Все это закаливает характер, готовность помочь и прибегнуть к помощи друзей. *«... отсюда и взаимовыручка. Ты знаешь, что чувствует тот парень, когда едет под дождем. Ты на своей шкуре это тоже испытывал».* Чувство коллективизма в велоспорте создает и факт его массовости. Человек, принявший участие в бревете, следит за сообщениями о таких мероприятиях в интернете. Анонсы любых

спортивных мероприятий размещаются на профильных форумах и, например, организатор шоссейных велогонок рассказал, что, кроме нижегородского форума разместил анонс одной гонки на владимирском форуме. *«В результате к нам на гонку приехали не только из Владимира, но и из Иваново, и из Москвы. Вероятно, сработал эффект сарафанного радио. Теперь будем дублировать анонсы на московском форуме «Веломания»»*. Такой коллективизм, даже сам факт принадлежности к велообществу, создает особую атмосферу, способствующую становлению человека. Следует отметить, что ветераны велоспорта в массе своей демонстрируют активное движение вверх по социальным лифтам. Нередко молодые люди принимают решение о получении высшего образования как необходимого признака принадлежности к данному сообществу. Во всяком случае люди, не имеющие высшего образования, но начавшие заниматься в Студенческом Велоклубе ННГАСУ, стремятся поступить в вуз, причем чаще всего именно в этот вуз.

Профессионально поставленный любительский спорт способен решать серьезные и подчас неожиданные социальные задачи. *«Что означает велопробег «Дорога Минина» для Нижнего Новгорода? А для России? Это дорога ополчения. Смутное время. Освобождение России от польских захватчиков. Словом, это важная дата в истории нашей страны. Было бы здорово расширить этот велопробег до федерального уровня: Нижний Новгород – Москва. Проводить каждый год. Сделать это мероприятие традиционным. С большим количеством участников. Это пропаганда велосипеда и здорового образа жизни»*. И, добавим, пропаганда патриотизма.

Эта сторона любительского спорта явно недооценивается в нашей стране. Так, серьезной проблемой вовлечения трудных подростков в спорт является недостаток профессиональных тренеров в детском спорте. Выше отмечалось, что важным моментом втягивания детей в спортивные коллективы является престиж команды, который зависит от ее уровня. А большинство экспертов, участвовавших в данном исследовании, отмечали, что команды сразу же поднимались на новый уровень игры после того, как с ними начинали заниматься тренеры из команд, уже добившихся успеха в спорте. Для существенного скачка вперед требовался лишь небольшой период тренировок с приглашенными тренерами. У ребят появлялись новые цели, мотивация. Тренеры руководили ими, направляли, поддерживали дисциплину. И главное – внушали веру в себя, ведь свои команды они смогли привести к успеху. Труд детского тренера недооценен, и тренерам приходится набирать несколько тренировочных групп по многу детей, чтобы хотя бы немного поднять себе зарплату. Когда талантливых футболистов забирают в команды более высокого уровня, это ослабляет команду, которую

он тренирует, также он теряет в зарплате. Сегодня реальной является опасность, что опытные тренеры уйдут из детского спорта.

Литература

1. Рют Т. Гибкая амбулаторная помощь во взаимодействии превентивных мер, сетей и открытого для процесса контакта как методический прием // Комплексная и гибкая помощь семье и детям социальными учреждениями России и Германии: сравнительный анализ и обмен опытом. Сб. материалов международной конференции / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород, изд. НИСОЦ, 2007. 269 с. С. 126-142.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ **SOCIAL WORK AS A FACTOR IN THE PREVENTION OF SOCIAL EXCLUSION OF THE ELDERLY**

Т.З. Козлова

Институт социологии РАН, г. Москва

T.Z. Kozlova

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

В старшем возрасте у некоторых индивидов нарушаются социальные связи, и они переживают состояние эксклюзии (исключение из социума). Задача социальных работников – предложить меры перехода из таких состояний в состояние инклюзии, т.е. включения индивидов в социум.

In older age some of people have a problem with social connections. They feel the social exclusion (exception from society). This aim of social workers is to propose measures of transition exclusion to inclusion.

Ключевые слова: старший возраст, эксклюзия, социальная работа.

Keywords: old age, exclusion, social work.

В старшем возрасте у индивида нарушаются социальные связи, он может переживать социальную эксклюзию, т.е. исключение его из активной общественной жизни.

Одним из методологических подходов к исследованию социальной эксклюзии пожилых людей является понимание процесса старения. В этот период (в пожилом и преклонном возрасте) происходит сужение сферы потребностей, а вместе с ней и сферы мотивации. Ухудшается здоровье, люди становятся ме-

нее энергичными и начинают «перемещаться» от более успешных ролей к менее значительным и успешным. Если в молодые годы для психологического равновесия личности необходима активная деятельность, то в старом возрасте у большинства людей это равновесие сопровождается пассивностью, мотивацией «к отставке», которая является средством избежать страха или социального отвержения. Наряду с изменением сферы мотивации меняется и вторая группа психических свойств индивида – способности.

С уходом на пенсию у человека меняется образ жизни. Главное для него сейчас стабильность, т.е. сохранение того, что есть: материальное положение и здоровье.

Для людей старшего возраста очень важно осознание, что они достойно прожили свою жизнь. Они хотят иметь опору в своём прошлом, что очень важно для их адаптации в настоящем, для психологического самочувствия. Известно, что пожилые люди могут сохранять высокую самооценку и нормальное психическое равновесие благодаря сознанию, что они много и хорошо потрудились в активный период жизни, заслужили уважение окружающих и возможность безбедно жить.

Негативный вклад в эксклюзию старшего поколения вносят некоторые СМИ. Они мало говорят о заслугах старшего поколения, об их пользе в воспитании младшего и среднего поколений. Зато именно с их подачи в обществе возникает дискриминация старшего поколения, складываются определённые стереотипы в отношении пожилых людей: «они занимают наши рабочие места», «они, как правило, больны», «они не приносят пользу».

Одной из острых проблем для людей старшего поколения является одиночество. Последнее связано с тем, что с возрастом люди уходят из жизни. В нашей стране женщины живут на 12 лет дольше мужчин, поэтому известна фраза «у старости женское лицо». Однако женщины намного легче справляются с одиночеством. Они или ухаживают за внуками, или находят себе какое-то занятие (участвуют в самодеятельности, занимаются рукоделием и т.д.) Для мужчин одиночество – непереносимое состояние, поэтому социальные службы должны направлять своё внимание на то, чтобы включить одиноких мужчин в социальные сети.

Процесс, противоположный эксклюзии (разъединению людей) – инклюзия (объединение граждан). В случае, если люди старшего возраста живут в семье своих детей, занимаются с внуками, у них нет, как правило, эксклюзии. Однако, почти половина людей старшего возраста – это одиноко проживающие люди. В этом случае им на помощь приходит социальная служба.

Центры социальной работы (например, в Москве) являются местом, где

собираются люди старшего поколения. Подобные Центры функционируют в каждом районе по месту жительства граждан. В этих Центрах работают кружки по интересам, причём их достаточно много. Так, в одном Центре пенсионеры могли изучать три языка (английский, китайский, французский). Некоторые люди, которые посещали эти кружки, говорили, что им не столь важно изучать язык, сколько важно общение с другими участниками кружка, с преподавателем. В Центрах работают хоровые, танцевальные кружки. Пожилые люди так увлекаются участием в этих кружках, что потом долго рассказывают, как у них слаженно поёт хор, что их приглашали петь в одно из посольств в Москве. Одним словом, жизнь для пенсионеров приобретает новые краски, новый смысл. Это всё вклад в инклюзию старшего поколения.

В праздники пенсионеров отдельных районов г. Москвы приглашают в большие концертные залы (например, в «Космос»). Перед ними выступают участники кружков (хорового, танцевального). Концерт длится в течение трёх часов, в двух отделениях. Сколько номеров нужно было подготовить участникам самодеятельности? А участники – пенсионеры.

Надо заметить, какую большую работу с пенсионерами проводят приглашённые в Центры социальной работы преподаватели. Некоторые из них ведут занятия на общественных началах.

Остановимся на нововведении социальной работы – «Система Забота» которая внедряется как инновационная технология помощи пожилым людям и инвалидам в Санкт-Петербурге с 2003 г. «Система Забота» – круглосуточная социально-медицинская помощь гражданам пожилого возраста. Это первая отечественная разработка, реализованная на базе сотовой связи и ориентированная на предоставление качественных не только медицинских, но и социальных услуг пожилым людям и инвалидам.

«Система Забота» способствует активному долголетию и достойной старости, вовлечению пожилых людей в общественную жизнь, преодолению состояния эксклюзии.

Важным этапом развития системы стал её выход в 2013 г. на новый федеральный уровень, что должно обеспечить значимыми социальными и медицинскими услугами население разных регионов России [1, 92-95].

Литература

1. Лобанцева И.В. «Система Забота» – эффективный механизм социальной адаптации пожилых людей и инвалидов в современном обществе // Материалы Конгресса «Старшее поколение» (Санкт-Петербург, 2014). Санкт-Петербург, Ленэкспо, 2014.

**ОКАЗАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСЛУГИ ПО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОМУ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ ЖЕНЩИН,
НАХОДЯЩИХСЯ В ОТПУСКЕ ПО УХОДУ ЗА РЕБЁНКОМ ДО
ДОСТИЖЕНИЯ ИМ ВОЗРАСТА ТРЕХ ЛЕТ
THE PROVISION OF PUBLIC SERVICES IN PROFESSIONAL
EDUCATION AND ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION OF
WOMEN WHO TAKE CARE OF CHILD BEFORE
THREE YEARS OLD**

М.Н. Максимова, Л.Р. Михайлова
Казанский государственный медицинский университет
M.N. Maksimova, L.R. Mikhaylova
Kazan State Medical University

Рассмотрены предоставление государственной услуги по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в г. Казань, определен спрос на государственную услугу, приведены результаты анкетирования получателей услуги, анализируются статистические данные.

The article discusses the provision of public services in professional education and additional professional education of women on leave to care for a child up to the age of three years in Kazan, the demand for public services, the results of the survey of recipients of services, analyzed the statistics.

Ключевые слова: государственная услуга, женщина, профессиональное образование, профессиональное обучение, профессия, услуга.

Keywords: public service, woman, professional education, professional training, occupation, service.

В связи с ростом официальной и незарегистрированной безработицы, застоем и упадком в народном хозяйстве первыми жертвами увольнений становятся женщины, так как право на декретный отпуск и на льготы, гарантированные женщине законодательством, потенциально делает их менее выгодными работниками.

Одна из технологий социальной работы, осуществляемых Центром занятости населения, переобучение женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком.

Данную услугу начали оказывать в России в связи с необходимостью принятия мер, направленных на создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью, а также на организацию профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 606 «О мерах по реализации демографической политики РФ».

Цели проведения профессионального обучения женщин:

- трудоустройство на другое рабочее место и (или) на другую работу, то есть с изменениями или без изменения трудовой функции в той же организации или у того же индивидуального предпринимателя либо обеспечения соответствия профессионально-квалификационного уровня женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до трех лет, после завершения указанного отпуска и возобновления трудовой деятельности на прежнем рабочем месте требованиям занимаемого рабочего места для его сохранения за указанной женщиной;
- самостоятельное трудоустройство на рабочее место в другой организации или у другого индивидуального предпринимателя;
- последующая организация собственного дела, организация малого и среднего бизнеса.

Участниками мероприятия по профессиональному обучению являются женщины в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, состоящие в трудовых отношениях с юридическим лицом независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, физическим лицом, зарегистрированным в качестве индивидуального предпринимателя, либо крестьянским (фермерским) хозяйством, обратившиеся в центр занятости населения по месту жительства, при условии представления соответствующих документов.

Все расходы за обучение берет на себя региональный бюджет.

Профессиональное обучение должно носить интенсивный и краткосрочный характер. Его продолжительность не должна превышать 270-дневной срок.

Министерство труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан (МТЗ и СЗ РТ) ежегодно утверждает перечень основных программ для обучения данной категории женщин, планирующих возвращение к трудовой деятельности.

Профессиональное обучение может проводиться в организациях, осуществляющих образовательную деятельность, независимо от их организационно-правовой формы, имеющих лицензию, в соответствии с которой организациям, осуществляющим образовательную деятельность, предоставлено право

осуществления образовательной деятельности по образовательным программам, которые указаны в государственном контракте на предоставление услуг по профессиональному обучению.

Профессиональное обучение заканчивается аттестацией лиц, завершивших обучение. Женщинам, прошедшим обучение в полном объеме и аттестацию после обучения, выдаются документы установленного образца.

В соответствии с показателями деятельности всех центров занятости населения г. Казани с 2012 по 2014 гг. государственную услугу по профессиональному обучению женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, получили 1 246 женщин. В 2012 г. данную государственную услугу получили 428 женщин, в 2013 г. – 403 женщины, в 2014 г. – 415 женщин.

Например, в Ново-Савинском районе г. Казани в 2012 г. обучались 38 женщин, затрачено – 470000 рублей, в 2013 г. – 20 женщин, затрачено 180000 рублей, в 2014 г. – 35 женщин, затрачено 299000 рублей. Проведенный в 2014 г. сотрудниками ЦЗН Ново-Савиновского района маркетинговый анализ показал, что средняя стоимость одного курса – 10000 рублей.

Причины обращения женщин в ЦЗН за данной государственной услугой следующие:

- желание изменить профессию, специальность, род занятий;
- обновление имеющихся и получение новых знаний, умений и навыков в связи с требованием повышения квалификации;
- желание повысить профессиональное мастерство, свою конкурентоспособность;
- потребность приступить к трудовой деятельности в этой же организации на другой должности;
- желание в дальнейшем самостоятельно трудоустроиться в других организациях;
- желание заняться предпринимательской деятельностью, открыть собственное дело.

Специалисты считают, что причины обращения женщин за этой услугой: бесплатность курсов; женщинам скучно, они устают сидеть дома.

Большим спросом среди женщин в Казани пользуются такие специальности, как бухгалтер с изучением программы 1С, менеджер по персоналу, компьютерный дизайн, дизайн интерьера, ландшафтный дизайнер, сметное дело. Это обусловлено тем, что владение данными программами позволяет женщине изменить профессию, специальность, род занятий, трудоустроиться в другой организации, дает возможность получить новые знания, умения, навыки. Например, частые обновления, изменения бухгалтерских программ могут вызвать у

женщин затруднения после трехлетнего перерыва, а возможность пройти обучение позволяет им легче адаптироваться на работе после декретного отпуска. В последнее время среди женщин особенно актуальными стали такие профессии, как маникюрша и парикмахер. Это обусловлено тем, что эти виды сервиса востребованы населением, что дает возможность женщинам заняться предпринимательской деятельностью, открыть собственное дело.

Нами было проведено анкетирование по оценке удовлетворенности профессиональным обучением и дополнительным профессиональным образованием 35 женщин, обратившихся в ЦЗН Ново-Савинского района и получивших профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование в учебном центре «Бинк» г. Казани в 2014 г.

Женщин обучали таким специальностям, как бухгалтер с изучением программы 1С, парикмахер и ландшафтный дизайнер. Обучение длилось 3 месяца.

Проведённое анкетирование женщин позволило получить следующие результаты и сделать следующие выводы.

1. Оценка качества содержания образовательных услуг по 5-ти балльной шкале: 5 баллов – 28 женщин; 4 балла – 3 женщины; 3 балла – 4 женщины.

Оценка удобства режима обучения по 5-ти балльной шкале: 5 баллов – 27 женщин; 4 балла – 3 женщины; 3 балла – 2 женщины.

Пожелания женщин по улучшению содержания образовательных курсов:

- увеличить практические занятия – 5 женщин;
- увеличить количество продолжительности бухгалтерских курсов – 5 женщин;
- продолжительность обучения сделать 4 часа в день – 3 женщины;
- проводить обучение или после обеда, или в вечернее время, когда есть, с кем оставить ребенка – 1 женщина.

Все женщины, приступившие к профессиональному обучению, успешно завершили курсы. Как отметили специалисты ЦЗН, женщины активно посещают курсы и стараются не допускать пропусков. Основная причина пропуска занятий – отсутствие возможности оставить ребенка.

Данная государственная услуга пользуется спросом и позволяет женщинам повысить профессиональные навыки, изменить специальность, род занятий во время декретного отпуска, что делает их конкурентоспособными на рынке труда. Однако эффективность данной социальной услуги никто не определяет. Никто не прослеживает, применяют ли в дальнейшем женщины полученное образование, поменялась ли их профессиональная жизнь, стали ли они предпринимателями.

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЗАНЯТОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ SOCIAL FACTORS THE EMPLOYMENT OF OLDER WORKERS

И.М. Фадеева, В.В. Крылова

Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск

I.M. Fadeeva, V.V. Krylova

Mordovian state University named after N.P. Ogarev

Рассматриваются основные социальные факторы, которые влияют на занятость пожилых людей в современном обществе. Анализируется участие населения старше трудоспособного возраста в трудовой деятельности различных стран мира. Выделены мотивы занятости пожилых людей в России.

The article examines the main social factors that affect the employment of older people in modern society. Analyzed the participation of the population above working age in the labor force in different countries of the world. Selected motifs employment of older people in Russia.

Ключевые слова: пожилые люди, социальные факторы, занятость населения, рынок труда.

Keywords: elderly people, social factors, employment, the labor market.

Общественные тенденции последних лет свидетельствуют об изменении возрастной структуры российского общества, а, именно, об увеличении числа людей старше трудоспособного возраста. По данным Росстата, доля таких лиц в структуре населения России в 2014 г. составила 23,5%, в 2030 г. ожидается ее увеличение до 28,6% [1]. В условиях значительных демографических сдвигов все актуальней становится проблема использования трудового потенциала, социального капитала старших возрастных групп не только как задача продления жизни и отдаления возраста выхода на пенсию, но и улучшения социально-психологического климата, здоровья населения в целом.

По данным социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в 2009 г. с целью выявления мнения россиян о пожилых людях, соблюдении их прав, повышении пенсионного возраста, большинство соотечественников испытывают уважение пожилого человека (57%). Чаще об этом сообщают респонденты моложе 44 лет (61-63%). Кроме того, люди пожилого возраста вызывают жалость (38%) и желание оказать им помощь (35%). Последний показатель выше у молодежи в возрасте 18-24 лет (42%) [2].

Медико-социальные исследования выявляют закономерность влияния активности мыслительной деятельности человека и его жизненных успехов на

продолжительность жизни. Например, чем интенсивнее человек работает творчески и превосходит других по интеллектуальным возможностям, тем дольше его ум сохраняет ясность и активность. Жизненные успехи в большей мере продлевают жизнь, чем физическая активность и здоровый образ жизни, поэтому особенно актуальным является создание благоприятной психоэмоциональной сферы средствами культуры, образования, общения в процессе ресоциализации [3, с. 120].

Следует признать, что изучение повседневных практик пожилых граждан не получает должного внимания ученых, они редко отражаются в средствах массовой информации и практически не выступают темой социально-политических дискуссий. Общественные стереотипы все чаще фокусируют внимание на области социальной помощи и поддержки данной группы населения. В научном сообществе недостаточно обсуждаются вопросы цивилизованного старения и обслуживания старости, переориентации некоторых сегментов рынка труда и сферы оказания услуг на запросы пожилых. Выход на пенсию часто ассоциируется не только с окончанием трудовой деятельности, но и прекращением социальной активности.

В последнее время в связи с социально-экономическим кризисом, обострением демографической проблемы и необходимостью поиска дополнительных источников пополнения государственного бюджета поднимается вопрос об увеличении трудоспособного возраста и продлении срока выхода на пенсию. Решение данной проблемы связано с внедрением приемлемых форм занятости пожилых, ее гендерного состава, определения уровней их участия в составе рабочей силы, а также повышения мотивации пожилых людей к участию в социальной жизни общества.

Трудовая деятельность занимает особое место в жизни индивида, поскольку позволяет человеку не только идентифицировать себя с той или иной социально-профессиональной группой, определять его социальный статус, но и осваивать социальные роли, обогащать себя духовно и повышать уровень своего материального благосостояния. Как указывают исследователи, в кризисных обществах наименее конкурентные группы (старики, инвалиды) дискриминируются, вытесняются на периферию, поскольку в пожилых перестают видеть полноправных членов общества, ограничивают их социальную поддержку и нередко ставят на грань выживания [4, с. 61]. На наш взгляд, проблема пролонгированной трудовой занятости требует иных форм взаимодействия служб занятости и социальной поддержки населения, создания координационных органов управления трудовой деятельностью и социальной поддержки лиц пожилого возраста.

Особенности рынка труда и рыночных отношений в России обозначили юнизацию многих профессиональных позиций и должностей, когда востребованными становятся не столько профессиональные знания и опыт, сколько молодой возраст с его особым статусом и способностями (энергичность, обучаемость, внешняя презентабельность, мобильность и др.). В данном контексте возникает ситуация возрастной сегрегации на рынке труда и сокращения жизненных перспектив у старших поколений. Существующий стереотип относительно развития общества исключительно за счет потенциала молодежи имеет неблагоприятные социальные последствия и не всегда является оправданным даже с экономической точки зрения.

С одной стороны, молодежь обладает качествами, востребованными в инновационном обществе (восприимчивость к новому, гибкость, прагматизм). Однако ее ориентация на высокий доход и высокую мобильность создают на рынке труда кадровую нестабильность, неблагоприятно сказываются на производственных процессах. Кроме того, ориентация работодателей преимущественно на молодежь выступает дискриминационным фоном относительно других возрастных групп. С другой стороны, возрастная сегрегация формирует у молодежи иждивенческие настроения и эгоцентричное поведение. Данную тенденцию усиливает культурная особенность россиян, выражающаяся в чрезмерной заботе старших о молодом поколении, отказе поколения «отцов» от собственных притязаний в пользу «детей». Все это в совокупности создает возрастную дистанцию, деформирует морально-этические нормы и создает в обществе новые социальные проблемы.

Согласно Международной конференции труда, существует взаимосвязь между уровнем участия населения в составе рабочей силы и его охватом системами социального обеспечения, от которых зависит уровень доходов пожилых граждан. Уровни участия пожилых людей в составе рабочей силы снижаются в тех странах, где объемы социальных расходов выше. Примечательно, что уровни участия мужчин в большей степени зависят от изменений в объемах расходов, чем уровни участия женщин. Ученые это объясняют тем, что размеры пособий (пенсий), выплачиваемых мужчинам, как правило, выше размеров пособий, выплачиваемых женщинам [5, с. 29].

В развивающихся странах отмечаются самые высокие уровни участия в составе рабочей силы пожилого населения главным образом по причине низкого уровня социального обеспечения, отсутствия или низкого уровня пособий по старости. Пожилые люди продолжают работать, чтобы заработать себе на жизнь, включаясь, в том числе, в неформальный сектор экономики. Одним из регионов с самым высоким уровнем участия пожилых работников в составе ра-

бочей силы является Африка.

Коэффициент участия в составе рабочей силы пожилых женщин весьма высок в развивающихся странах, за исключением стран Ближнего Востока и Северной Африки. Страны Юго-Восточной Азии подают пример особенно высоких уровней участия в составе рабочей силы женщин в возрастной группе 65+ лет (20% и более). В Латинской Америке возрастает доля женщин от 55 до 64 лет, занятых на рынке труда, причем этот показатель повысился более чем на 16,5% после периода 1990-2005 гг. и, предположительно, будет и впредь возрастать. Коэффициенты участия в составе рабочей силы пожилых женщин в наибеднейших странах Африки к югу от Сахары также весьма высоки (более 70% для возрастной группы от 55 до 64 лет, например, в Восточной Африке). Такие факторы, как состояние бедности женщин в преклонном возрасте или вдовство на поздних этапах жизни, заставляют женщин продолжать свою трудовую деятельность, и это происходит, как правило, в неформальном секторе экономики [5, с. 30].

В развитых странах, например, в Японии, Швеции и США наблюдается тенденция увеличения числа пожилых людей, работающих неполный день. В Германии государство стимулирует неполную занятость пожилых людей: согласно Закону о неполной трудовой занятости пожилых лиц, наемные работники 55-летнего возраста, работавшие в течение предшествующих 5 лет, имеют право на сокращение полного рабочего времени вдвое при сохранении 70% прежнего заработка (83% для государственных служащих). Кроме того, в Германии предусмотрено регулирование трудоустройства длительно безработных (не менее года в течение последних полутора лет) граждан старше 50 лет. Работодатель, принявший в свою организацию таких работников, получает для оплаты их труда дотацию в размере 50–70% заработной платы, а в некоторых случаях дотации осуществляются в полном объеме [6].

По прогнозам комиссии Европейского фонда «За улучшение условий жизни и труда», уровень занятости среди пожилых работников достигнет 59% в 2025 г. против расчетного уровня в 47% по состоянию на 2010 г. Уровень осознания проблемы дефицита трудовых ресурсов в пределах Европейского союза колеблется. В странах с низким уровнем безработицы эта проблема быстро приобретает резонанс. В Нидерландах, например, за счет спроса к 2015 г. можно было бы создать 600000 новых рабочих мест, однако, исходя из демографических возможностей, рынок труда может принять только 225 000 работников [7].

В настоящее время нормативно-правовая база, закрепляющая права, статус и положение пожилых россиян, представлена законодательством как обще-

го характера, так и специального. Система законодательного обеспечения прав пожилых людей представлена двумя видами норм: закрепляющие права всех граждан независимо от возраста, в том числе особо значимые для пожилых людей; непосредственно касающиеся прав пожилых людей и их отдельных категорий. В целом российское законодательство, регулирующее обеспечение прав граждан, не содержит дискриминационных норм, затрагивающих права пожилых людей. В то же время отсутствуют преференционные нормы и механизмы, учитывающие особый статус пожилых людей, им не обеспечивается необходимый уровень поддержки в сферах социальной и трудовой активности [8].

Проблема занятости пожилых людей в России, несмотря на свой латентный характер, требует незамедлительного решения. Для этого изначально необходимо иметь ответы на вопросы: что дает современному российскому пенсионеру экономическая активность, как влияет включенность пенсионера в профессионально-деловую среду на различные сферы его жизнедеятельности? Однако какой бы аспект проблемы занятости старшего поколения ни был рассмотрен, ведущим мотивом все же является продолжение трудовой деятельности. Согласно российским исследованиям лиц пенсионного возраста (автор Т.В. Смирнова, n=415, опрос проведен в г. Саратове в 2007 г.), в качестве мотива продолжения своей трудовой деятельности работающие пенсионеры указали на материальную заинтересованность – 59%; желание быть в коллективе – 25%; получение морального удовлетворения от труда – 19%; желание быть нужным, востребованным – 41%; сохранение положения в обществе – 6% [6]. Таким образом, пенсионеры посредством продолжения трудовой деятельности стремятся оставаться включенными в социум, хотя ведущей причиной считают материальную сторону. Действительно, работающие пенсионеры в значительно большей степени (41%), чем их неработающие ровесники (25%), фиксируют внимание на материальном благополучии как условии, необходимом для счастливой старости. Данный факт подтверждает приоритет материальной заинтересованности среди мотивов продолжения трудовой деятельности в пожилом возрасте из-за относительно невысоких пособий по старости (пенсий) в России.

Как известно, трудовые ценности у людей старших возрастных групп формировались в период послевоенной мобилизации, связанной с восстановлением страны и освоением новых территорий. В ходе исследования выявлялась взаимосвязь между мнением пожилых людей о старшем поколении и его месте в обществе, ее занятостью. Оказалось, что те представители третьего возраста, которые продолжали трудиться, более благожелательно настроены и гораздо лучшего мнения о своих ровесниках, чем пенсионеры, прекратившие работать. Так, среди последних более чем в четыре раза чаще (42%) встречается мнение о

том, что пожилые люди обычно озлоблены, в два раза больше (67%) среди неработающих респондентов тех, кто полагает, что с возрастом память и умственные способности человека ухудшаются. О влиянии прекращения трудовой деятельности на усиление чувства отчуждения пожилых людей свидетельствует тот факт, что 58% неработающих пенсионеров согласились с довольно категоричным утверждением о том, что отдых пожилых людей на курортах следует организовывать отдельно от других возрастных групп. Среди респондентов, продолжающих трудовую деятельность, таких ответов значительно меньше (25%). Эту тенденцию подтверждает выявленное мнение большинства неработающих пенсионеров (75%) о том, что «лучше, чтобы пожилые родственники проживали отдельно, подальше от молодых», аналогичным образом рассуждают в более чем в два раза меньше пожилых, продолжающих работать (33%).

Таким образом, уход пожилого человека с рынка труда способствует развитию негативного отношения к собственной жизни как к процессу доживания, усиливает тенденции социального отчуждения и дезинтеграции. Ситуацию усугубляет тот факт, что для большинства прекращение трудовой деятельности означает «пассивное пенсионерство». Так, среди ответов на вопрос, «В каких формах Вы хотели бы принимать участие в общественной жизни?», 92% неработающих пенсионеров выбрали вариант «Не хочу участвовать», причем среди работающих этот вариант выбрали почти в два раза меньше – 53% (среди занятых пенсионеров 19% хотели бы участвовать в работе общественных организаций, 16% – в ветеранских организациях, 6% – в политических партиях, 44% положительно отнеслись к созданию клубов для людей пожилого возраста). Социальное отчуждение проявляется в форме безразличия к социальной активности: среди неработающих оно встречается в два раза чаще (52%), чем в среде работающих (22%). 96% пожилых людей, оставивших трудовую деятельность, признались, что испытывают чувство одиночества и низкой востребованности, несмотря на то, что степень удовлетворения жизненных потребностей у неработающих пенсионеров в целом несколько выше. Однако у работающих пенсионеров выше потребность в самореализации и творчестве (15% против 2%) [6, с. 131].

Трудовая деятельность в пожилом возрасте оказывает положительное влияние на отношение человека к позднему периоду жизни, содействует оптимистичному восприятию ее перспектив и улучшению самочувствия в целом. Напротив, отказ от трудовой деятельности часто порождает не только «пассивное пенсионерство», но и открывает пути к дезинтеграции и социальному отчуждению.

Занятость пожилых людей становится все более актуальным вопросом

из-за постоянного увеличения численности представителей третьего возраста и роста среди них доли лиц, обладающих высокой квалификацией и образованием. Решению проблемы с учетом особенностей социально-демографической группы пожилых и зарубежного опыта может способствовать введение практик плавного выхода на пенсию через постепенное сокращение рабочего времени, а также переобучение пожилых работников, приобщение их к консультационной и наставнической деятельности. При условии открытости рынка труда для трудоустройства пожилых у них могут быть увеличены материальные ресурсы (доходы) за счет участия в трудовой деятельности либо возрасти социальные активы благодаря их вовлечению в общественно-полезные практики.

Литература

1. Росстат. Старшее поколение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/#
2. Пожилая Россия: чем живет 30-миллионное поколение? Исследование ВЦИОМ. Москва, 2009.
3. Киселева Т.Г. Гуманизация жизни старшего поколения средствами культуры / Т.Г. Киселева, Ю.Д. Красильников // Пожилые люди: социальная политика и развитие социальных услуг / сост. Н.С. Дегаева, Г.В. Сабитова. Вып. 4. М., 2003.
4. Интегрированная старость: практики социального участия: монография / М.Э. Елютина, П. Тейн, П.П. Великий [и др.]; под ред. М.Э. Елютиной. Саратов, 2007. 254 с.
5. Занятость и социальная защита в новом демографическом контексте. Материалы Международной конференции труда, 102-сессия, 2013 г. Доклад IV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---relconf/documents/meetingdocument/wcms_210127.pdf
6. Смирнова Т.В. Перспективы занятости пожилых в условиях демографического старения / Т.В. Смирнова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Том X. № 2. С. 123-133.
7. Демографические изменения и работа в Европе. Eurofound [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurofound.europa.eu/ewco/surveyreports/EU0902019D/EU0902019D_2.htm
8. Пожилые люди в современном обществе: модернизация региональной политики. Политика и социальная практика в отношении пожилых. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

**МОНИТОРИНГ ГОРОДСКИХ УЛИЦ КАК ТЕХНОЛОГИЯ УЛИЧНОЙ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ**
**MONITORING OF MUNICIPAL STREETS AS TECHNOLOGY OF STREET
SOCIAL WORK WITH CHILDREN**

А.Г. Филипова

Дальневосточный федеральный университет

Н.Э. Ракитина

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

A.G. Filipova

Far Eastern Federal University

N.E. Rakitina

Komsomolsk-on-Amur State Technical University

Улица является публичным, открытым, внеинституциональным пространством повседневности детства. Она играет важную роль в формировании социальных навыков детей, вхождении детей во взрослый мир. Однако распространение социального неблагополучия, девиаций среди взрослых и детей приводят к переопределению этого значимого пространства детской повседневности как опасного для жизни и здоровья, лишённого социального контроля со стороны ответственных взрослых, среды, в которой часто нарушаются социальные правила и законы.

Повышенная рискогенность этих городских зон приводит к тому, что дети улицы оказываются в фокусе социологических, психолого-педагогических, юридических и прочих исследований, вытесняя другой не менее значимый объект изучения – детей на улице. Впрочем, «благополучные» родители стремятся поместить детство в защищенные пространства, в частности, семейное, вызывая «одомашнивание» детства.

Мы также обращаемся к концепту «ребенок улицы», актуализация которого связана с массовым распространением семейного неблагополучия, падением престижа школы как института социализации, сокращением числа культурно-досуговых учреждений для детей и подростков. В таких условиях традиционные формы социализации вытесняются стихийным, зачастую асоциальным, уличным влиянием. Необходимость «выведения» технологий социальной работы на просторы улиц также вызвана распространением дорожно-транспортных происшествий с участием детей и подростков, вовлечением по-

следних в противоправную деятельность, их приобщением к алкоголю и наркотикам.

Особенно развиты технологии уличной социальной работы, что не удивительно, в отечественных мегаполисах – гг. Москва и Санкт-Петербург. Например, в Москве для системной работы с детьми и подростками социального неблагополучия созданы городские и межрайонные центры «Дети улиц», действует межведомственная программа с аналогичным названием [1]. Сотрудники центров взаимодействуют с подростками группы риска на «их территории».

К уличным детям, согласно классификации ЮНИСЕФ, относятся дети, которые проводят большую часть времени на улице либо начинают жить на улице, полностью выпадая из семейной и школьной сред, а также дети, которые работают на улице, сохраняя связь с семьей. То есть и в первом, и во втором случае несовершеннолетние проводят много времени на улице, что говорит о необходимости форматирования (переформатирования) физического и социального пространства улиц с учетом нужд детей. В связи с этим можно вспомнить инициативу ЮНИСЕФ по созданию городов, «доброжелательных к детям». В качестве индикаторов «доброжелательности» предлагаются следующие: ориентация на нужды и потребности детей; формирование муниципального бюджета в соответствии с потребностями детей; участие детей и молодежи в разработке политики и принятия решений, их интересы; преодоление факторов социального неравенства детей («все дети, независимо от состояния здоровья, возраста, национальности и социальной принадлежности, могут жить полноценной и счастливой жизнью») [2].

Для эффективной социальной работы с уличными детьми требуется как можно более раннее подключение специалиста к решению социальных проблем детей. Мониторинг городской среды как раз является технологией социальной работы, обеспечивающей работу на начальном этапе отчуждения ребенка от развивающих и поддерживающих социальных влияний семьи и школы.

Мониторинг – это постоянное наблюдение за процессом, состоянием объекта, развитием явления в течение достаточно длительного времени по одинаковой системе показателей и методике. [3]. Применение мониторинговых исследований в социальной сфере обусловлено, во-первых, динамикой социальных процессов, некоторые из которых приняли угрожающий характер (безработица, сиротство, преступность среди несовершеннолетних и др.), во-вторых, разработкой и реализацией социальных программ по преодолению негативных явлений, в-третьих, функционированием системы прогнозирования дальнейшего развития социальной ситуации.

О мониторинге городских улиц можно говорить как о технологии, позволяющей реагировать на массовое распространение детской беспризорности и безнадзорности, аддиктивного поведения детей и подростков посредством разработки социальных программ, построения социальных прогнозов. Мы определяем мониторинг городской среды как начальный этап уличной социальной работы с детьми. Рассмотрим перспективы внедрения мониторинговых исследований в практику работы служб профилактики детской безнадзорности и беспризорности. Для этого обратимся к опыту одного региона РФ – Хабаровскому краю.

В данном субъекте РФ, как и в других регионах, действует закон «О мерах по предупреждению причинения вреда здоровью и развитию детей» (от 23.12.2009 № 298). Этот нормативно-правовой акт делит опасные для несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет, места на две группы: опасные всегда и опасные в ночное время (с 23.00 до 6.00). Пребывание детей в первой группе мест не допускается ни при каких условиях, а во второй дети могут находиться в сопровождении родителей (лиц их заменяющих). К первой группе отнесены места, нахождение в которых может причинить вред здоровью детей, их физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию – места реализации товаров только сексуального характера, только алкогольной продукции, пива и напитков, изготавливаемых на его основе, проведения зрелищных мероприятий эротического характера, букмекерские конторы и тотализаторы. Общественные места, где несовершеннолетние не могут находиться без сопровождения родителей, включают территории общественного доступа к сети Интернет, реализации услуг в сфере торговли и общественного питания, для развлечений и досуга, транспортные средства общего пользования, объекты транспортной инфраструктуры (вокзалы, аэропорты), улицы, стадионы, парки, набережные и пр. [4, с. 112-113].

Выделение городских «мест», опасных для детства, является ключевым индикатором для построения программы мониторинга. Другим индикатором становится определение криминогенных районов города; здесь учитывается как уровень взрослой, так и уровень детской преступности, а также потенциальная преступность несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете в КДН, уголовно-исполнительных инспекциях. Третий индикатор – выявление излюбленных мест «обитания» детей группы риска – это могут быть как места, обеспечивающие возможность подзаработать (автостоянки, автозаправки, рынки, торговые центры), так и разные укромные уголки для того, чтобы переночевать, «тусануться» (заброшенные стройки, овощные базы, подвалы домов, теплотрассы и пр.).

Использование трех означенных индикаторов позволяет построить карту преимущественной дислокации уличных детей, которая может быть использована на следующем рейдовом этапе уличной социальной работы. В Хабаровском крае рейдовые мероприятия реализуются в рамках комплексной профилактической операции «Подросток», включающей пять подпрограмм: «Подросток – игла», «Подросток – лето», «Контингент», «Подросток – семья», «Подросток – досуг».

Еще одну важную группу индикаторов для осуществления мониторинга городских улиц можно определить как насыщенность районов города культурно-досуговыми и социальными учреждениями для детей и подростков. Наличие данных учреждений выступает средством профилактики ухода детей на улицу, их вовлечения в противоправную деятельность. В некоторых случаях социальные учреждения (приюты, гостиницы, реабилитационные центры) представляют альтернативу нахождению ребенка в среде семейного неблагополучия.

Таким образом, три группы индикаторов мониторинга городской среды характеризуют опасность/безопасность и комфортность/некомфортность улиц для детей. Итогом мониторинга городских улиц может стать построение социальных карт города с обозначением ключевых мест для проведения мероприятий уличной социальной работы (например, вовлечения детей улиц в социальные акции).

Литература

1. Режим доступа: <http://mosopen.ru/document>. Дата обращения 29.05.2015.
2. Режим доступа: <https://www.krd.ru/uploads/2013/09/05/3036-buklet.pdf>. Дата обращения 25.05.2015.
3. Добренков В.В., Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2008. 768 с.
4. Филипова А.Г. Социальная защита детства в современной России. Монография. Спб.: Астерион, 2013. 247 с.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ РАБОТЫ С СЕТЬЮ СОЦИАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ РЕБЕНКА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE WORK WITH A SOCIAL CONTACTS NETWORK OF A CHILD IN A SOCIO-REHABILITATION CENTER

Н.В. Вараева

Нижегородский филиал «Гуманитарного института» (г. Москва)

N.V. Varava

The Nizhniy Novgorod branch of Humanitarian institute (Moscow)

Обсуждается проблема использования в социальной работе метода «Сеть социальных контактов» как инструмента активизации социальной сети ребенка в трудной жизненной ситуации. Выделены алгоритм и условия успешной работы с семьей.

In article discussed the problem of the social work method of "social relations" as a tool for enhancing social network of a child in difficult situations. The algorithm and the conditions of successful work with the family are selected.

Ключевые слова: семья в трудной жизненной ситуации, системный подход, сеть социальных контактов.

Keywords: a family in a difficult life situation, a systematic approach, social networks.

В мировой практике признано, что наиболее эффективной является социальная работа, основанная на ресурсах самого благополучателя. Задача социального работника – помочь человеку максимально экологично войти, адаптироваться и научиться жить в той социальной среде, которая его окружает. Когда мы говорим о ребенке, мы рассматриваем ресурсы его семьи и ближайшего социального окружения.

Практика такой работы отражена в методе Сеть социальных контактов. Суть метода заключается в том, что социальная ситуация ребенка рассматривается как система систем, в которые включен он сам и его родители. Согласно социально-экологической модели развития Юрия Бронфенбреннера, положенной в основу метода, каждый человек включен в несколько микросистем (семья, школа, компания друзей и т.д.), различные экзосистемы (работа отца, управление школами, семьи друзей) и макросистемы (государство, социум в целом) [1]. Задача специалистов, оказывающих помощь, правильно определить

ресурсы и риски, заложенные в этих системах, и перенаправить механизм самоуничтожения семьи на восстановление своих ресурсов за счет распределения и перераспределения ответственности. Первым шагом к этому процессу, по сути, является осознание членами семьи самого существования системы, так как в проблемных семьях системные связи нарушены, и члены семьи не признают своей ответственности за поддержание жизнеспособности своей семейной системы.

Восьмилетний опыт внедрения метода Сеть социальных контактов и соответствующих ему новых форм работы с семьей в Нижегородской области показал, что:

- В ходе сетевой встречи в 90% случаев инициатива в решении обозначенной проблемы передается семье и ее ближайшему окружению;
- Интенсивная и плотная работа с семьей и ее социальным окружением посредством организации сетевых встреч ускоряет процессы в отношениях между членами семьи, и социальная ситуация разрешается быстрее;
- Наблюдается сплочение и снижение взаимной агрессии членов семьи и родственников, пришедших на сетевую встречу, восстанавливаются разорванные ранее контакты;
- Отношение внешних специалистов к семье становится более принимающим и включенным, налаживаются контакты между специалистами и нуждающимися в их помощи членами семьи.

Все это доказывает эффективность сетевой работы.

В процессе подготовки и проведения сетевой встречи восприятие сложившейся ситуации всеми членами системы может неоднократно меняться, проблема поворачивается разными гранями, открывая все новые психологические и социальные причины возникновения кризиса. Трудности, отмечаемые специалистами, работающими сетевым методом, в основном сводятся к следующим:

- Родственная сеть многих семей, обращающихся за помощью в социальную защиту, разорвана настолько, что ее невозможно собрать;
- Члены семьи не видят своих ресурсов и ждут помощи от специалистов, а специалисты не могут предоставить семье то, что она видит как условие своего нормального существования (например, жилье);
- Социальная инертность семей (вызванная алкоголизмом или другими причинами) мешает развитию новых социальных навыков и связей, появившихся в ходе сетевой встречи;
- Быстрая смена одних семей в учреждении другими не позволяет провести достаточную диагностику проблемы до встречи и вести семью после встречи.

По результатам мониторинга, специалисты отмечают трудоемкость пред-

варительной работы, что не позволяет охватить все нуждающиеся семьи, в результате чего работа сводится к проведению диагностики, а дальше строится в форме традиционных бесед с родителями и отдельными сотрудниками учреждений, что приводит к «замораживанию» кризиса и постепенной деградации семьи под патронажем специалистов.

Дополнительное исследование [2] показало, что специалисты воспринимают родителей, обратившихся в социальную защиту за помощью в воспитании своих детей, негативно и обвиняют их в сложившейся ситуации.

Анализ отчетов учреждений по проведенным сетевым встречам показывает, что существует ряд обстоятельств, не учитываемых в учреждениях при сетевой работе с семьей.

Во-первых, на время работы с семьей искусственно создается новая терапевтическая мезосистема, образуемая участниками сетевой встречи, и задача учреждения – обеспечивать и поддерживать деятельность этой системы.

Во-вторых, если ребенок находится в стационаре, учреждение является дополнительной системой, которая либо исчезает потом, либо наоборот, продолжает оставаться в сознании семьи как вариант решения проблемы. Задача ведущих встречи – четко обозначить функции и границы деятельности учреждения. В противном случае помещение ребенка в стационар будет считаться решением проблемы на данный момент, и мотивация на поиск другого решения будет сильно снижена.

В-третьих, очень слабо используется несемейный сетевой ресурс: соседи, учителя школы, друзья ребенка и родителей. Если мы посмотрим на социальные связи обычного человека, они не только гораздо шире семейных, но часто и ближе связей с кровными родственниками. Этот ресурс почти всегда остается незадействованным.

По правилам метода, ведущие сетевой встречи не должны предлагать своих собственных решений, их вопросы и реплики являются катализаторами процесса. Поэтому лучше, если специалисты, подробно разбиравшиеся в ситуации семьи и знакомые со всеми подробностями и нюансами проблемы, сядут в круг и станут участниками сетевой встречи и членами новой терапевтической системы, а роль ведущих отдадут другим сетевым терапевтам. Это позволит разным специалистам параллельно готовить несколько сетевых встреч и создаст условия для развития кураторства над семьями. Осуществляющий подготовку сетевой встречи специалист автоматически становится куратором этой семьи.

Таким образом, работа с семьей в учреждении выстраивается по следующему алгоритму:

1. Общая диагностика семьи и ребенка.
2. Сетевая диагностика семьи и ребенка. Принятие решения о проведении сетевой встречи.

3. Подготовка сетевой встречи кем-то из специалистов, владеющих методом. Беседы с родственниками, соседями, учителями и т.д.

4. Проведение сетевой встречи. Составление индивидуальной программы социальной реабилитации семьи (ИПСР).

5. Курирование семьи специалистом осуществляется в сроки, обозначенные в решении сетевой встречи и ИПСР).

Очень простая схема, но она требует кардинальных изменений установленного порядка работы учреждения, так как сегодня в сознании большинства специалистов на первом месте стоит работа с ребенком, его развитие и реабилитация, а семья рассматривается как дополнительное условие благополучия.

Необходима дополнительная подготовка специалистов учреждений, предполагающая изменение взгляда на проблему и ее решение. Необходимо понимание созависимости элементов различных систем, в которые включен ребенок. Индивидуальная программа социальной реабилитации в этом случае становится перечнем мероприятий, организуемых не только ведущим учреждением, но и родственниками, учителями школы, где учится ребенок, и всеми остальными членами созданной в процессе работы терапевтической системы.

Литература

1. Сеть социальных контактов: мобилизация социального окружения детей и семей в кризисной ситуации / Под ред. Н. Власовой, Б. Хольмберг, Н. Снурниковой. М., 2005. 192 с.
2. Вараева Н.В. Особенности образа взрослого в сознании педагогов социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних // Психология и педагогика в инновационных процессах современного образования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Изд-во РГПУ им.А.И. Герцена, 2008. С. 54-58.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В АРМЕЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ **SOCIAL WORK IN ARMY ORGANISATIONS**

В.Ю. Власкин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.Y. Vlaskin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются содержательные аспекты социальной работы как одного из направлений социализационной деятельности в условиях военной службы.

Показаны служебные практики должностных лиц воинской части, обязанности которых предусматривают непосредственную реализацию целей и задач социального взаимодействия с военнослужащими в армейских организациях.

The author considers containing aspects of social work as one of the areas of social activity in the conditions of military service. Officials' practices of a military unit are shown whose duties include direct realization of aims and tasks of social interaction with military men in army organizations.

Ключевые слова: военно-социальная работа, направления деятельности, должностные лица, права военнослужащих, профилактика правонарушений.

Keywords: military social work, activities, officials, rights of military person, crime prevention.

Социальная работа в условиях военной службы как самостоятельное направление социализационной деятельности – сравнительно новое явление для Вооруженных Сил Российской Федерации. В официальных документах в начале 90-х гг. прошлого века она получила наименование «социально-правовой». В период с 1993 по 1995 гг. проходил процесс поиска оптимальных форм и методов работы по реализации прав и льгот военнослужащих, членов их семей и гражданского персонала ВС РФ. С июля 1995 г. этот вид деятельности стал называться «военно-социальная работа». Непосредственное должностное лицо, реализующее эти служебные функции в воинской части, – старший офицер по социальной работе и профилактике правонарушений (далее – СР и ППН).

Руководящими документами воспитательной армейской тематики, основными из которых являются действующие в настоящее время приказы МО РФ № 70 от 11.03.2004 года и № 79 от 28.02.2005 года, предусмотрены «...единство и согласованность действий всех субъектов воспитания» воинской части [1,2]; долевое же участие старшего офицера по социальной работе определялось, в первую очередь, проведением мероприятий по стабилизации состояния дисциплины и правопорядка в подразделениях. Должностными обязанностями ему было предписано решение, во взаимодействии с инструктором по работе с членами семей военнослужащих, социальных проблем солдат и офицеров, оценка состояния воинской дисциплины в подразделениях; совместно с помощником командира части по правовой работе предусмотрена работа по рассмотрению и реализации жалоб, заявлений и предложений военнослужащих [3, с. 215-216]. В перечень должностных обязанностей входили выработка и подача предложений, участие в реализации решений командира части по своевременному разрешению социально-бытовых проблем, предупреждению негативных социальных явлений. В качестве практического инструментария решения возникающих повседневных задач вышеуказанными нормативными актами предусматрива-

лось создание нештатных справочно-консультационных пунктов из расчета один на часть.

Итоговая оценка состояния военно-социальной работы в системе армейского воспитания нормативно скоррелирована с уровнем реализации установленных законодательством прав и льгот военнослужащих, состояние же дисциплины и правопорядка рассматривалось при определении уровня морально-психологического состояния части, представляющего собой результаты специализированного социологического опроса. В свою очередь, это оценивание предполагает коллегиальное в ней участие заместителя по работе с личным составом и офицера по общественно-государственной подготовке – организаторов и исполнителей социологического аспекта воспитательной деятельности.

Успешному решению социальных проблем, согласно требованию приказа Министра обороны № 79, должно способствовать также создание «...в органах военного управления, объединениях, соединениях, воинских частях и организациях социальных комиссий и групп, работу которых предписано реализовывать в соответствии с Положением о социальных комиссиях в Вооруженных Силах Российской Федерации...» [2]. Деятельность социальных комиссий (3-7 человек в зависимости от численности военнослужащих) сориентирована на обеспечение скоординированной деятельности органов военного управления по социальному развитию войск, реализацию принципов социальной справедливости в военно-служебных отношениях; итогом ее работы считалось поддержание здорового морально-психологического климата в воинских коллективах.

Таким образом, к субъектам структуры социальной работы войсковой части ВС РФ, в той или иной степени долевого участия, до недавнего времени можно было отнести следующий ряд должностных лиц:

- непосредственно офицер по СР и ППН;
- заместители командира части и подразделений по работе с личным составом;
- помощник командира части по правовой работе;
- психолог части и психологи подразделений;
- инструктор по работе с членами семей военнослужащих;
- военнослужащие из состава социальной комиссии части (подразделений).

К объектам военно-социальной работы руководящими документами отнесены все военнослужащие части и члены их семей, гражданский персонал, ветераны военной службы, участники боевых действий, черномыльцы и др. [4].

Успешная профессиональная деятельность военно-социального работника предусматривает достаточные знания специалиста в социологии, общей и семейной психологии. Он, согласно своим функциональным обязанностям, должен ориентироваться в нормах семейного, трудового и жилищного законодательства, знать основы уголовного и гражданского процессуального права.

Структурное содержание профессиограммы войскового социального работника, применительно ко времени его введения в военные органы воспитательной работы армейских организаций, можно проиллюстрировать схемой-рисунком 1.

Компоненты профессиограммы	Содержание компонентов профессиограммы
1. Содержание труда:	Социальная работа в условиях воинской деятельности
2. Профессионально важные качества работника	
2.1 Психофизиологические параметры:	Устойчивость и концентрация внимания; высокая работоспособность; хорошие показатели кратковременной и долговременной памяти.
2.2 Личностные качества:	Развитая эмпатия, организованность, добросовестность, эмоциональная устойчивость, социальная адаптивность. Высокий уровень коммуникативной способности. Выраженная экстраверсия (в типологии Айзенка). Желательный тип темперамента – сангвиник. Оптimalен социальный тип личности специалиста (в типологии Шпрангера).
2.3 Интеллектуальные качества	Логическое мышление, вербальный интеллект
3. Знания, умения, навыки	Должен знать принципы построения армейской организации, нормативные документы в объеме, обеспечивающем эффективную консультативную помощь, периодичность и порядок составления отчетности о результатах социальной деятельности. Знания юриспруденции, социологии, общей и социальной психологии
4. Условия работы	Большей частью в помещении информативно-консультативного пункта, рабочая оргтехника: персональный компьютер, копировально-множительная техника. Вероятность привлечения к работе в выходные и праздничные дни.
5. Медицинские противопоказания:	Заболевания ЦНС и ВНС; пограничные нарушения психики.
6. Требования к профессиональной подготовке	
6.1 Требования к предварительной профессиональной подготовке:	Хорошая подготовка по следующим предметам обучения: русский язык, математика, биология. В ходе профессиональной деятельности – основы математической статистики.
6.2. Обучение и квалификационные требования:	Категория старшего офицера, Военный университет г. Москва, факультеты социальных наук гражданских ВУЗов (для офицеров запаса – т.н. «двухгодичников»).
7. Занимаемый сегмент на рынке труда	
7.1 Родственные профессии	Войсковой психолог, инструктор по работе с членами семей военнослужащих
7.2 Диапазон должностей	Вертикальная иерархия: офицер по СР и ППН в звене полк-дивизия - армия
7.3 Возможность предпринимательской и индивидуальной трудовой деятельности	Вне рамок армейской организации маловероятна вследствие своей специфичности
7.4 Востребованность профессии на рынке труда	Востребованность ситуативная, в основном требуются специалисты с опытом внеармейской деятельности

Рис. 1. Профессиограмма войскового социального работника

Отдельным абзацем, содержание которого имеет особую значимость в свете рассматриваемой проблемы, следует отметить немаловажное уточнение, связанное с изменением принципов подхода к организации воспитательной работы при реорганизации ВС РФ в 2008-2009 гг. В это время в Вооруженных силах были проведены мероприятия организационно-штатного характера, затронувшие категориальные принципы комплектования армейских воспитательных структур. Применительно к сфере социальной деятельности изменения состояли в следующем: произошли численные сокращения офицеров-воспитателей низового звена и категориальное перемещение всех специалистов, в т.ч. военно-социальной работы, психологов, военных юристов, из состава офицеров в гражданский персонал ВС РФ. Как отмечают исследователи: «...начавшаяся в 2008 г. реорганизация привела к парадоксальной ситуации ... если сравнить с Советской армией 1980-х годов, то один офицер-политработник приходился на 100 курсантов в военном училище, 100 солдат в воинской части, 50–75 матросов на боевых кораблях, а в настоящее время один офицер-воспитатель или социальный работник на 500 военнослужащих [Цит. по 7].

Позднее из штатов армейских воспитателей были выведены инструктора по работе с членами семей военнослужащих, но примерно в это же время в войсках, что необходимо отнести к позитивным организационным изменениям, появилась должность помощника командира части (далее – ПК) по работе с верующими военнослужащими. В таблице 1 приведены данные по штатной численности специалистов воспитательных структур из числа гражданского персонала нескольких войсковых частей различной численности, территориально входящих в состав одного из гарнизонов Нижегородской области: двух общевойсковых, учебной и дисциплинарной. Автор посчитал нецелесообразным внесение в графы представленной таблицы данных об имеющихся в их штатных расписаниях специалистах культурно-досуговой работы, т.к. воинские части, территориально расположенные в пределах относительной близости, имеют возможность использования соответствующих ресурсов гарнизонных домов офицеров.

Т а б л и ц а 1

Данные штатной численности специалистов органов по работе с военнослужащими

№ пп	Категория части	Наименование должности				
		Инструктор по СР и ППН	Психолог*	Инструктор по ОГП и инф-ю	Юриискон- сульт	ПК по работе с верующими
1	ОВЧ - 1	1	6	1	1	1**
2	ОВЧ - 2	1	3	1	1	-
3	УВЧ	1	3	1	1	-

4	ДВЧ	-	2	1	1	-
---	-----	---	---	---	---	---

В таблице 1: * - штатная численность войсковых психологов определяется из расчета 1 специалист на 500 военнослужащих; ** - духовное окормление по православному чину осуществляется в масштабе гарнизона.

Методическая подготовка указанных в таблице специалистов, прямо или опосредованно участвующих в мероприятиях социальной работы, также претерпела значительные изменения: до реорганизации она, в основном, осуществлялась в стенах Военного университета согласно расчету штатной потребности в них войск и сил. В настоящее время квалификационные требования соответствия этим специальностям предусматривают обязательность базового высшего образования применительно к войсковым психологам и юрисконсультам войсковых частей, в отношении же специалистов социальной работы профильность образования особой значимости не имеет. Необходимо отметить, что такое положение дел не противоречит положениям действующего государственного стандарта профессии социального работника, нормативные основы которого продекларированы в приказе Минтруда России от 18.11.2013 N 677н «Об утверждении профессионального стандарта «Социальный работник» (Зарегистрирован в Минюсте России 18.12.2013 N 30627). В частности, требования к образованию и обучению предписывают наличие «...среднего профессионального образования – по программам подготовки рабочих, служащих либо среднего общего образования и профессиональной подготовки (стажировки) на рабочем месте». К особым условиям допуска к работе отнесены ограничения для лиц, имеющих или имевших судимость за преступления, состав и виды которых установлены законодательством Российской Федерации [5].

В этой связи кажется целесообразным сравнение такого подхода к аналогичным образцам организации социальной работы в армиях других государств, в частности, ФРГ и США. Определенный интерес представляют кадровые принципы существования социальных агентств в частях бундесвера, где возникающие проблемы военнослужащих разрешаются силами социальных работников из числа офицеров запаса, получивших по увольнении второе высшее профильное образование за счет Министерства обороны. Необходимо отметить, что они, имея опыт армейских взаимодействий, как гражданские лица подчинены не командованию части [6, с. 84], а лишь своему руководству. Можно предположить, что такое положение дел предполагает рост определенного кредита доверия к ним со стороны объектов их воздействия и, как следствие, способствует успешности социальной работы.

Особенностью организации социальной работы в армии США является универсальность категориального подхода к отбору социальных работников в

Пентагоне, где их деятельность как специалистов отдельной рабочей категории получила свое официальное признание в ноябре 1943 г. (был принят «кодекс специальности» психиатрической социальной работы). В январе 1946 г. социальным работникам было разрешено присваивать офицерские звания. В настоящее время в Вооружённых силах США служат более тысячи социальных работников, – как гражданских, так и военных. При этом военные социальные работники назначаются на должности в составе медицинских отделений соответствующих родов войск. Гражданский персонал социальных служб в армии, кроме медицинского отделения, может выполнять свои функции в любых тыловых учреждениях, нуждающихся в его услугах, причем, по желанию, сотрудники могут быть переведены на другие участки работы [7, с. 279-302]. Такое положение дел свидетельствует о значимости деятельности социального работника для американской армии, возможности карьерного роста специалиста за счет совершенствования его профессиональных компетенций.

Анализируя повседневную деятельность специалистов социальной работы применительно к российским армейским организациям, можно отметить ряд базовых моментов, характеризующих условия и характер их деятельности. Во-первых, отмечается некоторая неопределенность распределения социальных функций среди субъектов – инструктора по социальной работе и профилактике правонарушений, войскового психолога, юрисконсульта и инструктора по общественно-государственной подготовке там, где эти специалисты полностью или частично, в большем или меньшем количестве предусмотрены штатным расписанием; не вполне понятен и принцип расчета потребности в специалистах относительно общей численности военнослужащих в части. Во-вторых, смещение акцента служебной деятельности социальных работников в сторону пенитенциарных превенций, что армейским командованием принято считать профилактикой правонарушений. Очевидно, что такая «встроенность» военно-социальной работы в иерархию системы воспитания может быть успешной лишь при выполнении двух непреложных условий: высокой значимости деятельности такого рода непосредственно для командира части и его заместителя по работе с личным составом, а также обоснованной уверенности в том, что уровень профессиональных компетенций специалиста-соцработника позволит ему перенацелить вектор пенитенциарно-профилактической направленности нормативной работы в русло социализационного континуума личностных изменений военнослужащих по образу и подобию социального педагога.

Отсутствие единого подхода к предназначению и сути социальной работы в условиях военной службы, функциональная разобщенность и неопределенность границ компетентностной ответственности всех субъектов социализации,

– все это, на наш взгляд, нарушает принципы корпоративной социальной ответственности армии перед государством, создает предпосылки для укоренения в обществе мнения о живучести армейских противоправных действий, детерминированных бездушностью и безразличием должностных лиц, работающих с личным составом. В качестве примера не совсем позитивного образца социальной отчетности [6, с. 62] можно привести ряд тезисов выступлений участников IV Конгресса солдатских матерей «За жизнь и свободу»: «...если офицеры что-то не понимают, просим содействия у военного прокурора... нелегкие четверть века в борьбе за права военнослужащих ...год жизни у солдата сейчас отбирается» [8, с. 76-91].

Безусловно, комитет солдатских матерей выполняет определенные функции гражданского контроля и имеет реальные заслуги в деле оказания реальной социально-правовой помощи солдатам, призванным для прохождения службы. Более же ресурсным в данной ситуации способен стать активный и целенаправленный поиск путей эффективного повседневного, а не форс-мажорного, сотрудничества армии и гражданского общества в реорганизации принципов подхода к решению социальных задач. Даже признав достаточно объективную необходимость комплектования войск только по добровольному принципу, необходимо помнить о немаловажных обстоятельствах – перевод всех Вооруженных сил на контрактную основу, действительно способствующий снятию значительной части проблем социального характера и выделенный в настоящее время в одну из приоритетных задач военного строительства, не может состояться одномоментно; реализация такого подхода связана со значительными материальными затратами.

Выводы

1. В настоящее время профессия войскового социального работника находится в стадии своей идентификации как для органов военного управления и командования частей в целом, так и для субъектов такого рода деятельности, в частности. Изменение принципов комплектования армейских воспитательных структур способствовало увеличению уже существующей к началу реформ функциональной неопределенности специалистов социальной работы [7, с. 304-305] и значительно усилило неопределенность границ зон служебной ответственности всех субъектов социального воздействия, которыми располагает часть.

2. С целью минимизации организационной зависимости специалистов от командования части представляется целесообразным выведение системы социальной работы, если не из компетенции военного ведомства полностью, то помещение ее в зону контроля органа военного управления, иерархически распо-

ложенного выше, чем войсковая часть – по аналогии с надзорными органами военной прокуратуры или комиссиями по правам человека. Такое перемещение позволит осуществить более независимое оценивание состояния военно-социальной работы в части и само по себе имеет определенный административный ресурс решения социальных проблем подчиненных.

3. Повышение эффективности работы войскового социального работника может достигаться посредством подготовки специалистов как в стенах гражданских вузов, так и на кафедрах профессиональной переподготовки и повышения квалификации при Военном университете; необходимым же условием является обучение специальности, обозначенной как «Социальный работник силовых структур». К особенностям данного рода подготовки можно отнести усиление компетентностных составляющих, обеспечивающих перевод реализации профессиональной деятельности на уровень конкретных технологий в сфере оказания социальной помощи военнослужащим.

Литература

1. Приказ Министра обороны РФ от 28.02.2005 № 79 «О совершенствовании воспитательной работы в вооруженных силах РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base321/text321v674i288.htm> (Дата обращения: 08.02.2014 г).
2. Приказ Министра обороны РФ от 11.3.2004 г. № 70 «Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.innovbusiness.ru.html> (дата обращения: 18.6.2015 г).
3. Краткий справочник офицера по законодательству / Под ред. Г.А. Золотухина. М.: Управление делами МО РФ. 2002. 785 с.
4. <http://armyus.ru/forums/viewtopic.php?t=481> (дата обращения: 20.08.2015).
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156368/?frame=1 (дата обращения: 20.08.2015).
6. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общей ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2011. 299 с.
7. Суркова И.Ю. Социальная политика в системе гражданско-военных отношений. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2013. 376 с.
8. 8. Защита социальных прав военнослужащих по призыву. Практика Союза комитетов солдатских матерей России. М.: Р. Валент, 2014. 268 с.

**ИНКЛЮЗИВНЫЙ КОНЦЕРТ КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ**
**INCLUSIVE CONCERT AS INNOVATIVE TECHNOLOGY SOCIAL
REHABILITATION OF YOUNG DISABLED**

И.Е. Воробьев

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

I.E. Vorobev

Nekrasov State University of Kostroma

Анализируется опыт проведения ежегодного инклюзивного концерта молодых инвалидов в Костромской области как инновационной технологии их социальной реабилитации, заключающейся в объединении в творческой программе молодых людей с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников. Рассматриваются теоретические аспекты данной технологии, показатели её инновационности, а также полученные результаты реализации этого направления реабилитационной деятельности.

The article analyzes the experience of the annual concert inclusive of disabled youth in the Kostroma region, as an innovative technology for their social rehabilitation, is to combine in a creative program of young people with disabilities and their peers. The theoretical aspects of this technology, its innovation performance, as well as the implementation of the results of this trend rehabilitation activities.

Ключевые слова: инклюзия, социальная реабилитация, молодые инвалиды, социально-культурная реабилитация, инновации.

Keywords: inclusion, social rehabilitation, young people with disabilities, social and cultural rehabilitation, innovations.

Существование ряда серьезных проблем у молодых людей с ограниченными возможностями здоровья (социально-культурная изоляция, ограниченность возможности реализации права на участие в культурной деятельности, отсутствие полноценной культурной среды) диктует необходимость поиска новых современных путей их реабилитации путем внедрения инновационных технологий. Немаловажную роль в этой деятельности играет социально-культурная реабилитация. Мы предлагаем ее рассматривать как целостный комплекс мероприятий, имеющих целью оказание помощи инвалиду в достижении и поддержке оптимальной степени участия в социальных взаимосвязях, реализации культурных интересов и запросов для обеспечения позитивных изменений в образе жизни и наиболее полной интеграции в общество за счет

расширения рамок его независимости. [1, с. 255]. Социально-культурная реабилитация инвалида осуществляется посредством передаваемых ему в творческой форме духовных ценностей. [2, с. 209].

Говоря об инновационных технологиях, необходимо отметить, что они направлены на создание и материализацию нововведений в обществе, реализацию инициатив, которые вызывают качественные изменения в разных сферах социальной жизни, приводят к рациональному использованию материальных и других ресурсов в обществе [3, с. 439]. В этом их главное отличие от традиционных социальных технологий, представляющих собой известные, апробированные формы социальной деятельности, ориентированные на устоявшиеся традиции. Примером традиционной технологии социальной реабилитации может являться концерт или театральная постановка для инвалидов, где они выступают лишь в качестве зрителей, пассивно наблюдающих за происходящим.

С помощью инклюзии происходит включение инвалидов в активную общественную и культурную жизнь, что для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья является весьма важным фактором, обеспечивающим повышение их социального статуса как результата социальной реабилитации. Этот результат достигается с помощью объединения в одной творческой программе молодых людей с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников.

Формой социальной реабилитации молодых инвалидов является инклюзивный концерт, который организуется в Костромской области традиционно с 2012 г. по настоящее время. Эта форма социальной реабилитации имеет следующие признаки инновационности: *региональная новизна* (на общероссийском уровне подобного рода технология реализовывалась в Москве, Воронеже, Самаре, Томске и других городах, в г. Костроме она проводится сравнительно недавно). Имеются также *новые подходы к практическому партнерству* (привлечение глав администраций районов Костромской области для смены столицы проведения концерта в целях большего охвата аудитории и участников). Особенно необходимо обратить внимание на такой признак, как *применение новых подходов к совместной творческой деятельности* молодых людей с ограниченными возможностями здоровья и их здоровых сверстников. На стадии освоения технологии выступления проходили отдельно, каждый коллектив готовил свой номер, затем появился опыт объединения творчества молодых инвалидов и здоровых ребят внутри номеров. А в концерте, который состоялся в г. Нерехте в этом году, опробован интересный опыт объединения выступления коллективов и сольных исполнителей различных форм заболеваний. Прозвучали стихи и песни в исполнении сводных коллективов молодых инвалидов с

нарушениями слуха и зрения. Ребята, имеющие проблемы с опорно-двигательным аппаратом, выступали совместно с воспитанниками психоневрологического интерната. Эта модель позволила преодолеть барьеры, стереотипы и предрассудки у самих инвалидов по отношению друг к другу. В ходе репетиций и концерта появились новые дружеские контакты и интересные творческие союзы.

Исходя из выделенных признаков, можно сделать обоснованный вывод об инновационности рассмотренной технологии. Подход, связанный с постоянным её совершенствованием, вариативностью работы с молодыми инвалидами, позволит эту новизну сохранить и, возможно, трансформировать в новую форму социальной реабилитации, которая обретет новые признаки инновационности.

Результаты проведенного нами интервью со специалистами, работающими с молодыми инвалидами и членами их семей, а также законными представителями, позволили сделать вывод об успешности реализации этой новой формы социальной реабилитации молодых инвалидов. Отмечено снижение эмоциональной напряженности, повышение интереса к созидательной творческой деятельности, улучшение общего психологического тонуса участников концерта.

К результатам социальной реабилитации молодых инвалидов можно отнести создание условий для реализации потребностей молодых людей с инвалидностью в полноценном творческом становлении (личностная успешность) и в участии в жизни общества (социальная успешность). К результатам можно отнести и обеспечение социально-реабилитационного сопровождения инклюзивных процессов при подготовке к инклюзивному концерту, оказание организационно-методической помощи специалистам, осуществляющим работу с инклюзивными группами инвалидов, внедрение в деятельность учреждений социальной защиты населения Костромской области инновационных форм работы.

Литература

1. Социальная работа с инвалидами: Учебное пособие / Н.Ф. Басов [и др.]; Под ред. Н.Ф. Басова. М.: КНОРУС, 2012. 400 с.
2. Социальная работа с различными группами населения. Учебное пособие / коллектив авторов / Н.Ф. Басов [и др.]. Под ред. Н.Ф. Басова. М.: КНОРУС, 2012. 528 с.
3. Холостова Е.И. Социальная работа: Учебное пособие. / Е.И. Холостова. М.: Дашков и К, 2010, 800 с.

**ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА И КЛИЕНТА В УСЛОВИЯХ
ПАТРОНАЖА (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**
**CHARACTERS OF THE SOCIAL INTERACTION BETWEEN SOCIAL
WORKERS AND PATRONAGE CLIENTS (A REGIONAL ASPECT)**

Е.В. Глушкова
Ивановский государственный университет
E.V. Glushkova
Ivanovo State University

Рассматриваются некоторые особенности взаимодействия социальных работников с клиентами надомного патронажа в условиях одного из учреждений социального обслуживания населения Ивановской области.

The article deals with some characters of the interaction between social workers and patronage clients at one of the social services at Ivanovo Region.

Ключевые слова: социальные работники, патронажные клиенты социальных служб, взаимодействие.

Keywords: social workers, patronage clients of social services, an interaction.

Одной из центральных проблем социальной работы, несомненно, остается проблема ее профессионализации, поскольку уровень обеспеченности социальных служб квалифицированными кадрами не достиг пока должного уровня. Важнейшим аспектом профессионализации социальной работы является взаимодействие социального работника и клиента, в процессе которого осуществляется решение проблемы клиента или изменение социальной ситуации.

В социальном обслуживании пожилых людей в Ивановской области приоритетная роль принадлежит нестационарным учреждениям, а именно, комплексным центрам социального обслуживания населения (КЦСОН). Самой востребованной и экономически выгодной в современных условиях формой социальной помощи пожилым людям в нестационарных условиях является предоставление социальных услуг на дому. В этой связи профессиональная деятельность в условиях патронажа требует от работников высокоразвитой коммуникативной способности, овладения культурой и техникой эффективного общения.

В связи с вышесказанным актуальным представляется проведение исследования, целью которого является изучение особенностей взаимодействия социальных работников и клиентов в условиях патронажа и определение совокупности факторов, способствующих оптимизации практической деятельности

сотрудников социальных служб. Объектом нашего исследования стали социальные работники и клиенты отделения социального обслуживания на дому одного из комплексных центров социального обслуживания населения Ивановской области.

В задачи исследования входило составление социально-демографического портрета социальных работников и их клиентов. Мы выявили, что 100% сотрудников – женщины, 60% из них относятся к возрастной группе от 41 до 50 лет, половина респондентов замужем и имеет 2 детей. Большинство работников имеет среднее профессиональное или высшее профессиональное образование. Стаж трудовой деятельности в сфере социальной работы у 39% респондентов составляет 6-10 лет, у 23% – свыше 10 лет, его продолжительность прямо зависит от возраста сотрудников.

Социально-демографический портрет клиентов патронажной службы КЦСОН выглядит следующим образом: среди респондентов преобладают женщины в возрасте от 75 до 89 лет со средним уровнем образования, до выхода на пенсию опрошенные были преимущественно служащими и рабочими. Основную часть клиентов составляет группа, находящаяся на социальном обслуживании свыше 6 лет (38%). Ведущие причины обращения в социальную службу весьма типичны для пожилого возраста, ими являются ухудшение состояния здоровья и потеря близких, одиночество.

Удовлетворенность работой – одно из наиболее значимых условий в профессиональной деятельности, важный фактор ее успешности. 56% сотрудников патронажа удовлетворены своим местом работы, 16% – не удовлетворены, а 28% – затруднились с ответом. Далее логично рассмотреть причины удовлетворенности/неудовлетворенности сотрудников трудом. В структуре причин удовлетворенности работника осуществляемой деятельностью можно выделить наличие общения (60%), отношения с коллегами (50%) и условия труда (40%), а причинами неудовлетворенности являются небольшая заработная плата (90%), большая морально-психологическая и физическая нагрузка (соответственно 50% и 40%), низкий статус профессии в обществе (44%).

Значим в контексте исследования такой показатель, как степень удовлетворенности клиента социальным обслуживанием, оказалось, что более 90% пожилых им удовлетворены. Чем выше уровень образования и профессиональный статус клиентов до выхода на пенсию, тем ниже показатели удовлетворенности социальным обслуживанием. Среди причин неудовлетворенности клиенты отметили недостаточное внимание со стороны сотрудника к проблемам подопечного, отношение социального работника к клиенту, манера ведения сотрудником беседы и неудовлетворенность деятельностью службы в целом.

Фактор общения является определяющим во взаимодействии социальных работников и клиентов, он оказывает влияние на удовлетворенность сотрудников трудом, клиентов – социальным обслуживанием. Мы выявили представления обеих групп респондентов о качествах, способствующих и препятствующих общению работников с обслуживаемыми. Мнения практически совпали: к первой группе относятся доброжелательность, умение слушать, терпимость, внимание к клиенту, способность к сопереживанию; ко второй – недоброжелательность, невнимание, нетерпимость к клиенту, негативное отношение к пожилым. Также к первой группе характеристик респонденты отнесли особенности характера социального работника (по мнению сотрудников), а ко второй – особенности характера клиента (по мнению сотрудников), неаккуратный внешний вид (по мнению обслуживаемых).

Анализ проблемы взаимодействия в контексте «социальный работник – клиент» включает изучение такого важного показателя, как конфликтность. В процессе профессиональной деятельности у 56% сотрудников иногда и редко происходят конфликты с клиентами.

Несколько иначе воспринимают конфликтные ситуации клиенты: 79% пожилых указали, что никогда не вступали в конфликты с сотрудниками КЦСОН. Характер довольно редко возникающих конфликтов между подопечными и работниками преимущественно обусловлен организацией социального обслуживания (стоимостью услуг, назначением нового сотрудника или недостаточным размером материальной помощи, а также временем доставки, стоимостью и качеством покупки).

В ходе исследования выявлено, что 50% респондентов удовлетворяет установленная нормативными актами частота посещений их социальным работником (3 раза в неделю), а у второй половины обслуживаемых данный показатель варьируется от меньше нормативного к большему.

Немаловажным является такой аспект взаимодействия, как мнение клиентов патронажной службы об отношении, проявляемым к ним со стороны социального работника и заведующей отделением социального обслуживания: преобладающее число клиентов охарактеризовало его как хорошее (91% и 94% соответственно).

Изучение чувств клиентов в ситуации, когда они обидели социального работника, показало, что 62% пожилых переживают, 14% – волнуются, а 20% – стараются не обижать или не обижают ни в коем случае, только 3% воспринимают ситуацию нейтрально.

Среди изучаемых аспектов взаимодействия значимо наличие обратной связи. Под ней мы подразумевали факты обращений клиентов в адрес социаль-

ного работника с благодарностями и формы её выражения. В адрес сотрудника с благодарностями за выполненный труд обращались 66% обслуживаемых, наиболее распространенным способом является написание письма-благодарности руководителю (62%).

Мы выявили сложившийся у сотрудников патронажного отделения КЦСОН и их подопечных стереотип личностных качеств, необходимых социальному работнику. Ядро стереотипа у респондентов из обеих групп составляют: ответственность, исполнительность и терпимость социальных работников. Клиенты также высоко поставили профессионализм и деловитость. Сотрудники социальной службы полагают, что они обладают вышеперечисленными качествами.

Наличие профессиональной подготовки социальных работников – значимый фактор, определяющий успешность их взаимодействия с клиентами, на необходимость специальной подготовки указали 76% сотрудников (чаще 41-50 лет и стажем работы 5-10 лет).

Следующей группой факторов, влияющих на взаимодействие социального работника и клиента, являются критерии и оценка сотрудниками патронажного отделения КЦСОН эффективности работы. Основная масса достаточно высоко оценивает свою профессиональную деятельность, выделяя при этом в качестве наиболее значимого критерия эффективности взаимодействия улучшение психического и физического здоровья клиента, а также установление/восстановление контакта с близкими.

Социальная работа предъявляет высокие профессиональные и личностные требования к своим кадрам, поэтому в задачи исследования входило выявление путей оптимизации взаимодействия в контексте «социальный работник – клиент». Основной формой такой работы, осуществляемой в КЦСОН для 86% сотрудников, является программа «Профессиональная подготовка и переподготовка кадров».

В заключение следует отметить, что затронутая нами проблематика требует постоянного и тщательного изучения.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТА ПО
ТРУДОУСТРОЙСТВУ В ПРОЦЕССЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО
СОПРОВОЖДЕНИЯ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ**
**INDIVIDUAL SUPPORT IN THE RECRUITMENT PROCESS FOR THE
DEAF AND VISUALLY IMPAIRED: PROBLEMS OF INTERACTION**

И.Г. Голубева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.G. Golubeva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

В данной статье рассматриваются проблемы при взаимодействии с соискателями, имеющими инвалидность по слуху и зрению в процессе трудоустройства.

The article considered problems of people with disabilities in employment and operation specialist in working with job seekers.

Ключевые слова: люди с инвалидностью, специалист по трудоустройству, индивидуальное сопровождение, проблемы трудоустройства.

Keywords: people with disabilities, recruiter, individual support, problems of employment.

Люди с инвалидностью испытывают затруднения на открытом рынке труда. Причины имеют двусторонний характер: работодатели подвержены стереотипам в отношении соискателей с инвалидностью, а соискатели – психологическим комплексам. Поиск подходящего места работы осложняется тем, что многие не имеют опыта в поиске вакансий [1, с. 5], имеют высокий уровень притязаний, несоответствующий реальным возможностям, в том числе образованию. Выпускники, например, получившие среднее профессиональное образование в Нижнем Новгороде на оператора ЭВМ, нуждаются в дополнительных курсах по программированию для возможности трудоустройства по специальности.

Людям с инвалидностью необходима поддержка со стороны как государственных учреждений, например, центров занятости, так и некоммерческих организаций (НКО), выражающаяся в индивидуальном сопровождении при оказании содействия трудоустройству. Для создания эффективных программ по сопровождению соискателей с инвалидностью требуется и трехстороннее развитое сотрудничество как со стороны государства и НКО, так и со стороны коммерческого сектора.

В 2014 г. НРООИ «Инватур» в ходе конкурсного отбора получила грант в рамках Благотворительной программы «Создавая возможности» на реализацию социального проекта «Перезагрузка», направленный на помощь в трудоустройстве слабовидящих и слабослышащих. К реализации данного проекта были привлечены общественные деятели, волонтеры, а также студенты Факультета социальных наук ННГУ, обучающиеся по направлениям «Социальная работа» и «Социология». Реализуемый НРООИ «Инватур» социальный проект пытается создать систему по трудоустройству людей с ограниченными возможностями в Нижнем Новгороде и Нижегородской области.

В процессе реализации проекта НРООИ «Инватур» возникали трудности с первых этапов: при поиске соискателей, соответствующих вакансий, при телефонных переговорах с потенциальными работодателями, кадровыми службами, а также с центрами занятости.

Индивидуальное сопровождение по содействию трудоустройству – это программа трудоустройства для людей с инвалидностью, подразумевающая индивидуальную работу куратора с клиентом по его трудоустройству и удержанию на рабочем месте [1, с. 5].

Основные этапы:

1. Первичное консультирование: сбор информации;
2. Составление индивидуального плана;
3. Профориентация;
4. Выбор вариантов поиска работы;
5. Телефонные переговоры с работодателем;
6. Прохождение собеседований;
7. Адаптация на рабочем месте;
8. Подведение итогов индивидуального сопровождения: обратная связь [1, с. 12].

При обучении специалистов для проекта были подняты вопросы, связанные с изучением этической стороны общения с людьми с инвалидностью, правильной терминологии, понятия «индивидуальное сопровождение», сферой деятельности специалиста по трудоустройству. В процессе взаимодействия со слабовидящими это принесло положительный результат. При первой встрече клиентов были известны нюансы, связанные с контактом при передвижении, манере общения, не ставился вопрос о формах общения. Взаимодействие с соискателем специалист по трудоустройству мог создать при помощи программы Skype при наличии компьютера у соискателя, чтобы сэкономить время на передвижение в офис «Инватура» и обсудить вакансии и предложения сайтов по поиску работы.

Необходимость помощи в поиске работы не слышащим связана с проблемой отклика соискателей на вакансии, телефонными переговорами с работодателями, но могут переписываться, читать по губам, разговаривать, по возможности. При прохождении собеседования учитывается, какова роль специалиста, какая помощь может потребоваться. При взаимодействии со слабослышащими необходима особая тактика работы: если не владеешь жестовым языком, то используешь форму переписки, в том числе формат sms-сообщений, если у клиента нет Интернета. В связи с этим специалист может испытывать трудности при работе с соискателем, если в тексте присутствуют не только орфографические, но и грамматические ошибки, смысл приходится переспрашивать. Сам соискатель может не понять правильно или уйти от темы, настаивать на своем, не пытаясь понять собеседника.

При работе с людьми с инвалидностью важно на первых этапах выявить мотивацию и понять как специалисту, так и клиенту, чего он хочет достичь, какую работу и на каких условиях (график, заработную плату и др.) предпочитает. Если сразу четко не обозначить, поиск вакансий может затянуться, выбранные места работы будут отклоняться клиентом, собеседования не приносить пользу.

Особенности соискателя, связанные с социально-демографическими характеристиками, обуславливают и специфику работы с ними. Отсутствие опыта работы для молодого специалиста может быть восполнено с помощью стажировок, но здесь проблема возникает с работодателями: не все готовы «взять ответственность».

Специалист по трудоустройству ведет несколько соискателей сразу, важен индивидуальный подход к каждому. Важно научиться переключаться, точно распределять время на каждого и в равной степени осуществлять сопровождение, осваивать новые способы решения проблем, как с клиентом, так и с работодателем, фиксируя успехи и недочеты.

Литература

1. Новиков М.Л. Технологии трудоустройства людей с инвалидностью / М.Л. Новиков, Е.П. Маслова, С.В. Коновалов. ООО «Типография Гарант», 2012. 52 с.
2. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 №181-ФЗ (ред. от 21.07.2014).
3. Трудоустройство инвалидов на оснащенные рабочие места // Сайт Службы занятости населения Нижегородской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.czn.nnov.ru/main/264/770/> (Дата обращения 20.09.2015).

**РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
ЖЕНЩИН-ИНВАЛИДОВ КАК КОМПОНЕНТ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ**
**THE SOLUTION OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF
WOMEN WITH DISABILITIES AS A COMPONENT
OF SOCIAL REHABILITATION**

О.Л. Гончарова
*Казанский государственный медицинский университет,
ГАУСО Центр реабилитации инвалидов «Восхождение»*
O.L. Goncharova
*Kazan State Medical University
Rehabilitation Centre for Disabilities «Voshozdenie»*

В силу сложившихся стереотипов, женщины-инвалиды не рассматриваются обществом как потенциальные жены и матери. Для достижения социальной адаптации в решении реабилитационных задач необходимо учитывать специальные проблемы женской инвалидности.

Women's invalidity unites two potential beginnings for discrimination – by sex and by invalidity. Our society doesn't consider women invalids as potential wives and mothers that leads to social passiveness and negatively influence women invalids' quality of life.

Ключевые слова: инвалидность, гендерный аспект, социальная адаптация.
Keywords: disability, the gender dimension, social adaptation.

В реализации мер социальной защиты в отношении инвалидов не принято выделять гендерный аспект. Женская инвалидность сочетает в себе две потенциальные основы для дискриминации: по признакам пола и инвалидности. Мы разделяем мнение Е.Р. Ярской-Смирновой и Э.К. Наберушкиной, что представление о женщинах-инвалидах как о больных является главным препятствием полноценной независимой жизни [1].

Ратификация Конвенции о правах инвалидов требует от государства в отношении к инвалидам брать за основу не систему дополнительных льгот, а концепцию равных возможностей для всех. При реализации данной концепции необходимо учитывать специфические проблемы женщин, оказавшихся в ситуации инвалидности.

Мы рассматривает реабилитацию как процесс целостный и комплексный и делаем особый акцент на социальной адаптации инвалида, восстановлении навыков к самообслуживанию, трудовых навыков, предпрофессиональной подготовке.

С целью изучения проблем женщин-инвалидов и повышения эффективности реабилитационных программ в центре «Восхождение» было проведено социологическое исследование с участием 200 женщин (девушек), имеющих двигательные нарушения: 105 из них – в возрасте от 18 до 35 лет, 95 – в возрасте от 36 до 55 лет. 76% – инвалиды с детства, 24% получили статус инвалида, будучи взрослыми. Анализ полученных результатов показал, что лишь 10% опрошенных женщин имеют высшее образование; работают 15%, из них 5% работают на дому; оценивают свой уровень жизни как высокий 1%, средний 6%, ниже среднего 35%, низкий 58%. Женщины-инвалиды на рынке труда выступают как самая «непривлекательная» рабочая сила, чаще всего им предлагается работа на дому, это, как правило, низкоквалифицированный труд, зачастую сопряженный с нарушениями прав работников. Отвечая на вопрос, «Что нужно сделать, чтобы увеличить число работающих женщин, имеющих инвалидность?», большинство респондентов (75%) ответило, что необходимо «создавать специальные рабочие места для женщин-инвалидов».

Отношение к браку опрошенных женщин и девушек показало, что в браке состоят 10%, планируют выйти замуж – 2%, хотели бы выйти замуж – 20%, считают брак невозможным – 41%, затрудняются ответить – 27%. Родили детей в статусе инвалидности 5%, хотели бы родить ребенка – 17%, считают это невозможным – 36%, затрудняются ответить – 42%. При этом 45% респондентов, выделяя проблемы, которые может вызвать в браке инвалидность одного или обоих супругов, называют «низкий материальный уровень», 32% в качестве проблемы отмечают «невозможность иметь детей». Отношение к браку и деторождению, на наш взгляд, может быть индикатором социализации женщины и отношения общества к женщинам-инвалидам. К сожалению, в обществе сформировано негативное отношение к браку и материнству женщин-инвалидов. Это отношение проявляется не только на обывательском уровне, но и со стороны специалистов.

В силу сложившихся стереотипов женщины-инвалиды не рассматриваются обществом как потенциальные жены и матери. Девочки-инвалиды, растущие в ситуации плотной родительской опеки, часто воспитываются без учета их гендерных потребностей и потребностей в самоактуализации, в результате формируется вторичная социальная инвалидизация, проявляющаяся в низкой самооценке, слаборазвитой рефлексии, в отсутствии мотивации достижения, социальной пассивности. Результаты проведенного исследования показывают, что высоко оценивают свои внешние данные лишь 7% женщин и девушек-инвалидов, средне – 29%, ниже среднего – 44%.

Полученные результаты исследования нацеливают нас для достижения главной цели реабилитации – социальной адаптации в решении реабилитационных задач учитывать специальные проблемы женской инвалидности.

В Центре реабилитации инвалидов «Восхождение» для взрослых девушек и женщин-инвалидов реализуется программа «Формирование позитивного самовосприятия у девушек и молодых женщин-инвалидов», направленная на развитие рефлексии, повышение самооценки, включающая тренинги уверенного поведения, личностного роста и компетентности. Для оценки эффективности программы был подобран пакет методик, в качестве мониторируемых параметров были выделены: уровень эмоциональной устойчивости, уровень тревожности и мотивация к достижению успеха. Обследование проводилось на аппаратно-программном психодиагностическом комплексе «Мультиспихометр-05». Уровень эмоциональной устойчивости и самооценки оценивался при помощи «16-факторного личностного опросника Р. Кэттелла», для диагностики уровня тревожности использовался «Тест цветовых выборов Люшера», эта методика кроме тревожности выявляла у тестируемой отрицаемые или подавляемые ею потребности, провоцирующие тревогу. Мотивация к достижению успеха оценивалась в ходе индивидуальных бесед-консультаций и с использованием проективных методик (анализировались рисунки и сказки-метафоры, представленные участницами программы), а также с помощью теста «Мотивация достижения успеха». На основе тестирования получены следующие результаты: у 99,8% женщин-участниц программы отмечена положительная динамика в эмоциональном статусе и в потребностно-мотивационных характеристиках: тестирование с использованием «16-факторного личностного опросника Р. Кэттелла» показало, что все женщины имеют положительную динамику в эмоциональном статусе, у 97,8% женщин отмечалась положительная динамика в самооценке. Оценка уровня тревожности по «Тесту Люшера» показала, что уровень тревожности снизился до оптимального у всех испытуемых женщин.

Для усиления социально-адаптивной направленности как дополнительное социально-педагогическое воздействие в программу были введены «Уроки красоты», которые проводятся совместно с учащимися профессионального лицея № 41, где учатся парикмахеры и визажисты. Студенты лицея делают женщинам прически и макияж, обучают их приемам ухода за своей внешностью.

Безусловно, женщина-инвалид способна выразиться как полноценная личность посредством различных аспектов: профессиональных достижений, творчества, любви. На наш взгляд, в современных условиях адаптации системы социального обслуживания к требованиям Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» № 442 гендер-

ный подход в дифференциации социальных услуг может стать механизмом расширения возможностей в реализации прав женщин-инвалидов.

Литература

1. Ярская-Смирнова Е.Р., Наберушкина Э.К. Женщины и инвалидность: испытание на прочность // Социологические исследования, № 5, 2009. С. 70-76.

НОВОЕ ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С СЕМЬЕЙ THE NEW PROBLEM FIELD OF SOCIAL WORK IN COLLABORATION WITH THE FAMILY

Н.Ю. Егорова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

N.U. Egorova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

В рамках трансформационных процессов семейно-брачной сферы анализируются проблемные аспекты, связанные с распространением новых семейных (супружеских, родительских) практик.

Problematic aspects associated with the distribution of new family (marital, parental) practices are analyzed as a part of the transformation processes of family and marriage sphere.

Ключевые слова. Трансформации семьи, семейные практики, послеразводное родительство, незарегистрированные отношения, повторная семья.

Keywords. Transformations of the family, family practice, parenthood after divorce, cohabitation, remarriage family.

В настоящее время много говорят о трудностях российской семьи, указывая на широкое проблемное поле функционирования этого института. Значительная часть проблем уже давно рассматривается как «стандартный» набор критериев для определения дисфункциональности семейной группы (инвалидность, асоциальное поведение, насилие, бедность и т.д.) и, соответственно, находится в сфере внимания социальной политики и социальной работы. Другие же, новые проблемные аспекты, все еще остаются в тени или обсуждаются с позиции кризиса семьи и семейных отношений, временного и связанного, в первую очередь, с экономическими трудностями российского общества. Речь

идет о преобразованиях в сфере семьи и брака, которые серьезно изменили облик современной семьи.

Во-первых, анализ динамики демографических показателей позволяет говорить об изменениях в структурных характеристиках семьи [1]. Семейная группа становится меньше вследствие, как минимум, двух процессов: нуклеаризации и низкой рождаемости, ее границы оказываются нестабильными, подвижными, плохо очерчиваемыми уже не в результате естественных процессов, составляющих суть семейной динамики (например, рождения детей, их отделения от родителей, распада семьи по причине смерти одного из супругов), а под влиянием распространения альтернативных траекторий семейного поведения (развод, повторное создание семьи и т.д.). Кроме того, семью не всегда достаточно рассматривать только в контексте зарегистрированного брака из-за распространения союзов без официального оформления отношений.

Другим направлением трансформаций в рамках института семьи является процесс размывания системы поведенческих норм, регулирующих семейно-брачные отношения, представления о содержании семейных ролей [2], что позволяет сделать выводы о перестройке структуры внутрисемейных отношений, в конечном итоге, затрагивающей все семейные подсистемы взаимодействия: супружескую, родительско-детскую, родственную. Общая тенденция может рассматриваться как движение к эгалитаризации отношений по всем направлениям: справедливое/симметричное распределение власти, родительских и домашних обязанностей в семье, стремление к установлению партнерских/демократических отношений с детьми, учитывающих потребности и направленность их интересов. На деле трансформация межличностных отношений происходит сложнее и медленнее, очень неравномерно и с разной силой касаясь отдельных аспектов взаимодействия супругов, родителей, детей, с одной стороны, вызывая неоднозначную реакцию общества, с другой стороны, увеличивая конфликтность в рамках отдельной семьи, заставляя молодых в отсутствие жестких норм в спорах и ссорах выработать свою стратегию поведения в семье, часто расходящуюся с общепринятым мнением.

Помимо вышеуказанных моментов отмеченные изменения приводят к многообразию семейных (супружеских, родительских) практик, провоцируя новые проблемные ситуации, которые уже сегодня становятся вызовом и для социальной работы, и для семейной политики.

Одной из таких ситуаций, например, становится послеразводное родительство. По данным последней переписи населения, пятая часть семейных домохозяйств представлена монородительскими семьями [3], значительная доля которых – результат развода. В качестве основных проблем такого варианта от-

ношений указываются: материальные трудности; проблемы и особенности в сфере воспитания и социализации ребенка; ограниченные возможности в осуществлении контроля за поведением детей; сложность налаживания общения с нерезидентным родителем (согласно, например, исследованиям Т.А. Гурко [4, с. 228, 235], лишь треть разведенных матерей, не состоящих в новом браке, получали алименты на детей; четверть детей-подростков не виделись с отцами после развода), выделяются и психологические особенности детей развода и т.д. В конечном итоге, это определяет ситуацию ребенка как неблагоприятную, хотя и не имеющую четкого институционального статуса. Возможности минимизации этих проблем могут лежать в разработке и внедрении программ «благополучного» развода (например, технологии медиации на этапе развода), где и мужчина, и женщина осознают последствия исключения из процесса социализации одного из взрослых, и нерезидентный родитель сохраняет связь с детьми, несмотря на прекращение супружеских отношений.

Еще одним направлением может стать профилактическая работа, направленная на активное вовлечение мужчин в процесс воспитания, формирование восприятия отца как значимого участника воспитательного процесса. Следует отметить, что есть категории женщин, которые сами отказываются получать алименты от мужа. По результатам исследования Л. Ржаницыной и В. Архангельского, в общем числе разведенных москвичек таких 9,6%, среди молодых – 12%. Скорее всего, как считают авторы, это связано с материальными возможностями женщины самостоятельно обеспечивать ребенка и нежеланием продолжать какие-либо отношения с отцом [5, с. 31].

Еще одна ситуация, требующая внимания исследователей и практиков, – распространение незарегистрированных отношений. По данным микропереписи 1994 г., доля сожительства в общем числе супружеских союзов составляла 7%. К 2002 г. она увеличилась до 10%, в 2010 г. – достигла 13% [6]. Результаты выборочных социологических исследований фиксируют дальнейший рост неформальных союзов. Интересны данные, полученные в результате Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (2012), согласно которым большинство респондентов старше 18-ти лет имеют брачный статус, официально подтверждающий наличие супружеских отношений – 52%. Остальные же формально считаются одинокими, не имея штампа в паспорте о регистрации семьи. На деле же, каждый пятый из них живет вместе с партнером/партнершей, при этом либо считая себя мужем и женой (19%), либо нет (2,9%). В общем числе супружеских союзов доля незарегистрированных составляла уже 17,5%, в 68% из них воспитывались дети [7].

Для европейских стран характерно предположение, что длительное сожи-

тельство, особенно с детьми, в основном, встречается среди малообеспеченных слоев населения, доходы которых сильно зависят от различного рода пособий. Пары не регистрируют свои отношения, чтобы сохранить дотации, льготы и другие виды государственной материальной поддержки [8, с. 17]. Социологические исследования, проведенные в нашей стране, может быть, даже в большей степени демонстрируют обусловленность выбора между сожительством и браком проблемами материального характера. Отказ от регистрации отношений, по материалам исследований А.Р. Михеевой, часто объясняется экономической несостоятельностью [9, с. 51-61]. Таким образом, материальный фактор может быть существенным при выборе формы семейных отношений, хотя, безусловно, не единственным. В целом, тенденцию роста сожительствующих отношений трудно оценить однозначно. Выбор и распространение вышеуказанной стратегии во многом обуславливает формирование новых социальных и индивидуальных последствий и проблем.

В данном контексте, распространение сожительств, где есть дети, означает усиленную нагрузку на бюджет государства, которое вынуждено содержать фактически полные семьи с помощью специальных пособий и лишать тем самым материальной поддержки другие, возможно, и брачные семьи, которые в этом нуждаются. Среди населения это ведет к распространению иждивенческих настроений, когда с помощью не регистрации отношений существует возможность получения дополнительного дохода, и пока это никак не отслеживается. Таким образом, увеличение числа детей, рожденных и воспитываемых в незарегистрированных союзах, ведет к необходимости регуляции подобных отношений. В ряде европейских стран (например, Швеции, Нидерландах, Норвегии и др.) подобные отношения регламентируются отдельными документами [10]. В России пока, кроме такой специфической процедуры, как официальное «признание отцовства», ничего нет.

Следующая ситуация – повторная семья. По данным уже упоминавшегося мониторинга ВШЭ, доля повторных союзов в общем числе супружеств в 2012 г. составляла 14%, а брачный статус 9% родителей был повторным. На протяжении достаточно длительного времени считалось, что такая семья в силу схожести структуры с первобрачной семьей мало чем от нее отличается. Но сегодня можно говорить, что различия существенны. Самое основное отличие, во многом определяющее особенность социальной работы с такой семьей, – это отсутствие четких границ (число лиц, включаемых в состав семьи, может быть у разных ее членов неодинаковым; не ясно, заканчивается ли семья актуальными родственниками или границы расширены до бывшего родителя и его родственников [11]). Специфика, по результатам американских и немногочислен-

ных отечественных исследований, фиксируется как в супружеских, так и в родительско-детских отношениях, отмечается также более высокий уровень физического и психологического насилия в сводных семьях, в частности, сексуального насилия со стороны отчимов [12]. Зарубежные исследования указывают и на сильные стороны сводных семей. Если преодолевается первичный стресс интеграции нового члена, в дальнейшем отношения могут быть вполне успешными. Дети имеют больше образцов для подражания и идентификации, дополнительных родственников, более высокий материальный уровень в сравнении с неполной и незарегистрированной семьями, счастливых родителей. Но сделать это достаточно трудно, и, естественно, семье нужна поддержка. Положение, в том числе социального работника, осложняется еще и тем, что в России отсутствуют четкие как социокультурные, так и юридические нормы в отношении повторного брака, связанные, в первую очередь, с функциями воспитательного характера. Какова роль небιологического родителя, где границы его прав и обязанностей? Ответ на этот вопрос пока остается неясным.

Также надо иметь в виду, что вариативность семейных практик не исчерпывается указанными ситуациями, что увеличивает палитру существующих и в России моделей отношений. Они вполне могут выходить и за рамки моногамии (например, конкубинат), и гетеросексуальности. В нашей стране даже самые прогрессивные исследователи не рассматривают в качестве возможного варианта семьи гомосексуальное партнерство. Исключение таких союзов из диапазона социальной политики и, как следствие, социальной работы не означает, что подобных вариантов у нас нет. Но отношение общества, государства, церкви к таким парам не позволяет им существовать легитимно.

Таким образом, для российской семьи конца 20-го-начала 21-го столетий характерны серьезные преобразования, связанные с изменениями ее внешней и внутренней структур. Современная семейно-брачная система характеризуется гибкостью норм, размыванием системы представлений о содержании семейных ролей и, как следствие, многообразием форм семейно-брачного общежития, что во многом осложняет как межинституциональное взаимодействие (например, семьи и государства), так и межгрупповые варианты коммуникации (например, семьи и социального работника), заставляя по-новому взглянуть на задачи социальной семейной политики и практику социальной работы.

Литература

1. Егорова Н.Ю. Благополучие детей в фокусе трансформаций форм // Дети и общество: социальная реальность и новации. Сборник докладов на Всерос-

сийской конференции с международным участием "Дети и общество: социальная реальность и новации": РОС, 2014 г. 1366 с. 1 CD ROM eISBN 978-5-904804-15-2. 2014. С. 901-908.

2. Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Современная российская семья: основные тенденции / Н.Ю. Егорова, А.В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С. 115-118.
3. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. Серия Социальные науки. Выпуск 2(34). 2014. С.42-46.
4. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
5. Архангельский В., Ржаницына Л. 1000 москвичек – о разводе и алиментах на детей // Человек и труд. 2008. №6. С. 29-32.
6. Рассчитано по информации официального сайта Федеральной службы государственной статистики <http://www.gks.ru/>.
7. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)». Рассчитано автором по результатам мониторинга 2012 года (21-ая волна, репрезентативная выборка «индивиды»).
8. McRae S. Introduction: family and household change in Britain // *Changding Britain: families and households in the 1990s.* – ed. By S. McRae. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1-34.
9. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / А.Р. Михеева. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.
10. Косарева И.А. Статус фактических сожителей в России и за рубежом // *Вестник БДУ. Серия 3.* 2009. №3. С. 95-98.
11. Cobia D.C. Structure and characteristics of the stepfamily: implications for counseling / D.C. Cobia // *Family Journal.* 1996. Jan, Vol. 4. Issue 1. P. 37-43.
12. См., например, *Stepfamilies face special problems* / USA Today Magazine. 1992. Dec, Vol. 121, Issue 2571. P. 4-5; Гурко, Т.А. Брак и родительство в России / Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 219-220.

**ВЗГЛЯД СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ И КЛИЕНТОВ НА ПРОЦЕСС
ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**
**OPINION OF SOCIAL WORKERS AND CLIENTS IN THE
PROCESSINTERACTION: A COMPARATIVE ANALYSIS**

А.В. Ермилова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Ermilova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Представлен сравнительный анализ восприятия процесса взаимодействия социальными работниками и их клиентами; выявляются аспекты, затрудняющие коммуникативное взаимодействие.

Presents a comparative analysis of perception of the process of interaction between social workers and their clients; identify the complicating aspects of communicative interaction.

Ключевые слова: клиент, пожилые люди, социальный работник, взаимодействие, процесс.

Keywords: the client, the elderly, social worker, interaction, process.

Системный кризис российской экономики в последние годы выводит некоторые слои населения за рамки цивилизованного состояния. Сложнее всего в таких условиях осуществления жизнедеятельности приходится пожилым людям, значительная часть которых в силу одиночества, потери социальных связей и низкого уровня материальной обеспеченности не готовы самостоятельно находить решения возникающих проблем. К тому же с каждым годом в России увеличивается количество семей, неспособных или нежелающих взять на себя заботу о беспомощных старых родственниках. Такая ситуация ведет к тому, что все бремя ответственности и тяжесть по уходу за пожилыми людьми все чаще ложится на государственные социальные службы, а также на органы здравоохранения.

Современная система социального обслуживания ориентирована на активизацию потенциала самозащиты индивида/группы, т.е. в ее основе лежат субъект-субъектные отношения клиента и социального работника. Однако значительную долю пожилых людей (чаще всего это немощные старики и лица пожилого возраста с ограниченными возможностями) составляют неспособные самостоятельно, без посторонней помощи осуществлять свою жизнедеятельность (объект-субъектный подход взаимодействия специалиста и клиента). Как

отмечает проф. З.Х. Саралиева, общество обязано обеспечить социальный сервис немощным старикам, глубоким инвалидам, малолетним детям [1]. Социальный сервис пожилых людей включает в себя, прежде всего, обслуживание пожилых людей на дому, что предполагает эффективную и квалифицированную помощь с реализацией индивидуализированного подхода к каждому пожилому человеку.

Различные аспекты социальной защиты пожилых людей и основ их социального обслуживания были рассмотрены в работах И.Г. Зайнышева, П.Д. Павленка, М.В. Фирсова, З.Х. Саралиевой, В.Н. Пушиной, Г.В. Морозова, Н.А. Птицыной и других авторов.

Исследовательский интерес был направлен на изучение процесса взаимодействия социальных работников и клиентов в ходе оказания социальных услуг на дому. Под взаимодействием социального работника и клиента понимается форма социальной коммуникации, или общения, в которой систематически осуществляется их воздействие друг на друга, реализуется действие каждого и достигается приспособление одного к действиям другого, общность в понимании ситуации, смысла действий, направленных на решение проблемы клиента или изменение социальной ситуации [2].

Выше перечисленным аспектам взаимодействия специалиста и клиента посвящено социологическое исследование на базе Заволжского центра социального обслуживания пожилых людей, в ходе которого было опрошено анкетным методом 121 клиент и 53 сотрудника центра. Цель исследования – оценка процесса взаимодействия клиентами и специалистами для выявления проблем, затрудняющих процесс социальной коммуникации.

Среди респондентов 73,3% составили женщины и 26,7% – мужчины. Преобладающими возрастными группами являются: 61-75, 76-85 лет (соответственно: 28,0%; 48,0%). Основной части опрошенных социальная помощь оказывается от 1 до 3 лет (25,7%), от 4 до 7 лет (23,8%) и от 8 до 10 лет (24,0%). Большинство клиентов центра являются вдовами или вдовцами (52,9%). При этом основная масса пожилых людей (79,3%) имеют детей, следовательно, наличие или отсутствие детей не является решающим фактором при обращении престарелых граждан за помощью к сотрудникам центра.

Среди 53 сотрудников Заволжского центра социального обслуживания преобладают женщины (84,9%), для большинства которых характерен возраст 31-50 лет, тогда как большинство мужчин, обслуживающих пожилых людей, либо еще достаточно молодых (31-35 лет – 50,0%), либо относятся к возрастной категории старше 46 лет (37,5%). В целом по выборке 93,0% респондентов не имеют профильного образования. У основной части сотрудников доминирует

среднее специальное образование (52,8%) и среднее техническое образования (26,4%), что объясняется большей доступностью для заволжцев техникумов, училищ, колледжей по сравнению с высшими учебными заведениями.

Следует отметить, что самыми опытными социальными работниками, имеющими стаж более 10 лет, являются специалисты двух возрастных групп: 41-45 лет и 56 лет и старше, тогда как для всех остальных возрастных категорий в большей степени характерен стаж трудовой деятельности от 1 до 3 лет.

Анализируя процесс взаимодействия социальных работников и клиентов, необходимо начать с того, что сами сотрудники центра (59,5%) указывают на осложнения в процессе взаимодействия со своими клиентами и воспринимают их как лиц, неудовлетворенных социальным обслуживанием на дому (57,6%). Неудовлетворенность клиентов социальным обслуживанием, с точки зрения самих социальных работников, проявляется в низком качестве уборки в доме, несвоевременной доставке топлива для дома (дров) и воды, а также недостаточной частоте гигиенических процедур. В основе перечисленных проблем лежит территориальный аспект, а именно проживание большинства клиентов в сельской местности. Среди причин, затрудняющих процесс установления контакта между субъектами, доминируют следующие: возрастное изменение характера, старческое слабоумие, одиночество пожилых людей. Следует отметить, что на причину «Завышенные требования к обслуживанию» указала незначительная часть опрошенных (9,0%): во-первых, это специалисты преимущественно самой молодой возрастной категории до 25 лет, которые имеют стаж трудовой деятельности до 1 года и, скорее всего, сами еще не адаптировались к новой для них работе; во-вторых, сотрудники центра в возрасте старше 56 лет, в большей степени работающие около 10 лет в организации и обслуживающие в день более 8 клиентов. Естественно, возраст самих социальных работников, а также их большая загруженность не способствуют адекватному восприятию клиентов пожилого возраста [3].

Иное мнение по поводу проблем взаимодействия специалистов и клиентов выражают пожилые люди, значительная часть которых считает своего социального работника не совсем компетентным сотрудником центра, а также указывает на отсутствие знаний комплекса дисциплин и на низкий уровень владения технологиями, которые необходимо уметь применять в ходе обслуживания клиентов пожилого возраста, что, в свою очередь, осложняет процесс взаимодействия. В основе данной ситуации, скорее всего, лежит проблема отсутствия у специалистов образования по профилю своей деятельности (социальная защита населения, социальное обслуживание лиц, которые находятся в трудной жизненной ситуации). К тому же, достаточно большая группа пожилых людей

(14,9%) указывают на отсутствие у социального работника желания помочь человеку, который оказался в трудной жизненной ситуации. Клиенты-мужчины отмечают, что отсутствие таких моральных качеств, как терпение и милосердие осложняет процесс взаимодействия специалистами (в штате центра социальными работниками работают 45 женщин и 8 мужчин).

Важным компонентом коммуникативного взаимодействия являются профессиональные умения и навыки социального работника. Однако именно здесь мы можем наблюдать некоторые проблемы, связанные с коммуникативным процессом, в частности, пожилые люди указывают: во-первых, социальным работникам не хватает тактичности в общении с пожилыми людьми (м – 25,6%; ж – 28,3%), при этом клиенты-мужчины указывают на неумение социальных работников-женщин, выслушивать своих клиентов (5,9%); во-вторых, не все сотрудники центра способны выстраивать диалог с лицами пожилого возраста (м – 12,1%; ж – 14,7%); в-третьих, в большей степени женщины озабочены неумением социальных работников стимулировать в человеке внутренние резервы (14,8% против 9,5%) [4].

Итак, процесс взаимодействия социальных работников и клиентов воспринимается субъектами неодинаково, что осложняет процесс приспособления их друг к другу. Сотрудники центра считают, что затрудняют процесс взаимодействия между акторами такие факторы, как количество обслуживаемых клиентов, возраст клиентов, возраст и уровень образования самих социальных работников, территориальный аспект (место проживания клиентов), физическое и психическое здоровье клиентов, одиночество пожилых людей. Пожилые люди причинами, затрудняющими коммуникативное взаимодействие называют следующие: недостаточный уровень знаний технологий социальной работы с пожилыми людьми; недостаточно высокий уровень коммуникативных качеств социальных работников (тактичность, умение строить диалог с клиентом, способность поддержать человека) и организаторских способностей. Перечисленные аспекты взаимодействия фиксируют некоторую разобщенность в понимании субъектами данного процесса и указывают на невысокий уровень приспособления акторов.

Литература

1. Саралиева З.Х. Семья – клиент социальной работы: Учебное пособие. Нижний Новгород, 2003. 287 с.
2. Теория социальной работы: учебник для бакалавров / М.В. Фирсов, Е.Г. Студенова. М.: Юрайт, 2014. 455 с.

3. Ермилова А.В. Особенности восприятия сотрудниками центра социального обслуживания клиентов пожилого возраста: региональный аспект // Опыт организации деятельности социальных служб: состояние, региональные особенности, перспективы развития. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции / Под ред. М.В. Воронцовой, В.Е. Макарова. г. Таганрог, 29.05.2015 г. Ч.1. Таганрог: РГСУ, 2015. 368 с. 2015. С. 290-294.
4. Ермилова А.В. Оценка социально-профессиональных качеств социальных работников клиентами заволжского центра социального обслуживания: социологический аспект // Материалы международной научно-практической конференции "Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке"/ Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: издательство НИСОЦ, 2014. Т. 1. № 1. С. 801-804.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И КЛИЕНТА

THE INTERACTION OF THE SOCIAL WORK SPECIALIST AND CLIENT

Г.А. Закамскова

*Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,
Межрайонный территориальный отдел социальной защиты населения,
опеки и попечительства Костромской области №1*

G.A. Zakamskova

*Kostroma State University. N.A. Nekrasov
Interregional territorial Department of social protection, custody and guardianship of the Kostroma region No. 1*

Рассматривается процесс социального взаимодействия специалиста по социальной работе и клиента.

The article examines the process of social interaction the social work specialist and the client.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, профессионализм, коллеги, клиент.

Keywords: social interaction, professionalism, colleagues, client.

Одна из важнейших проблем профессионализма в социальной работе – это взаимодействия социального работника и клиента, а также, рост социальных аномалий, увеличение перечня трудных жизненных ситуаций, возрастание дезадаптированности различных категорий населения, которые не могут не вызывать изменения характера общения социальных работников и различных ка-

тегорий клиентов. Суть общения и взаимодействия социального работника и клиента можно определить в процессе информационно-инструментального, прежде всего речевого, общения.

Социальное взаимодействие – это процесс воздействия социальных работников, клиентов, других граждан или семей различных типов, общин, социальных групп друг на друга в процессе реализации их социальных интересов и потребностей. Технология взаимодействия социального работника и клиента призвана своевременно разрешать трудности клиента, преодолевать возникающие социальные противоречия с целью гармонизации общественных отношений, снижения социальной напряженности, коррекции личных или социальных проблем.

Характер взаимодействия, как правило, зависит от профессионализма и нравственных качеств специалистов, возможностей системы социальной защиты населения, социально-экономических возможностей государства и местного самоуправления.

Вместе с тем социальный работник должен иметь в виду те трудности, которые могут встретиться в его работе с социальным окружением клиента. Не следует забывать, что для окружения деятельность по оказанию помощи клиенту не является неизбежной и должной, она для них – лишь возможная сфера приложения сил. Кроме того, окружение клиента, видя в социальном работнике представителя официального института, обязанного на основании действующего законодательства выполнять свои функции в отношении клиента, может сознательно устраниваться от совместной деятельности, целиком положившись на специалиста. Специалист не имеет права упрекать родных и близких клиента в невмешательстве в его судьбу, равнодушии, делать категоричные, скоропалительные заключения. В интересах социального работника доказать окружению клиента объективную необходимость и полезность его участия в решении проблем клиента, преодолеть возникшее противоречие во взглядах и мнениях людей, а также отчуждение их друг от друга, пробудить в них интерес к совместным действиям, тактично разъяснить их роли в отношении клиента, согласовать интересы с целью организации плодотворного сотрудничества на благо клиента и добиться добровольного участия в совместной деятельности.

По мере развития личности социального работника у человека вырабатывается специфическая потребность в получении высокой оценки своей профессиональной деятельности, своей личности и поведения, завоевании авторитета. Эта потребность в целом может быть выражена как потребность в уважении и признании со стороны социального окружения специалиста. Однако оценка качеств специалиста и завоевание им уважения и признания производится в соот-

ветствии с качеством его работы и во многом зависит от того, насколько полно социальный работник выполняет свой профессиональный и нравственный долг по отношению к клиентам, коллегам, обществу.

Честь и достоинство социального работника – это признание клиентами, коллегами, обществом его высоких качеств и ценности как специалиста и личности, социальное одобрение его деятельности и поведения, а также высокая объективная оценка самим специалистом своих профессиональных и личностных качеств. Помимо этого, честь и достоинство как качества личности являются отражением потребности социального работника в высокой самооценке и оценке его со стороны окружающих и являются стимулом и мотивом профессионально нравственного поведения, основой для дальнейшего совершенствования как специалиста и личности.

Таким образом, при решении проблем, которые возникают при взаимодействии между специалистом и клиентом, специалист ответственен в первую очередь перед самим собой как перед профессионалом. Следовательно, действовать специалист должен грамотно, руководствуясь своими морально-этическими и профессиональными принципами.

Литература

1. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы. М., 2007.
2. Доброштанов В.М Теория социальной работы. 2008.

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ПОЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ **HEALTHY LIFESTYLE AS A FIELD SOCIAL WORK**

Д.В. Зернов, Я.В. Ушакова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

D.V. Zernov, Y.V. Ushakova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Представлены результаты социологических исследований, проведенных среди учащихся старших классов школ Нижнего Новгорода (2010 г., 2015 г.). Описывается ситуация с распространенностью среди школьников табакокурения и употребления спиртных напитков.

The results of sociological surveys conducted among high school students of Nizhny Novgorod (2010, 2015). It describes the situation with the prevalence of smoking among schoolchildren and drinking.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, алкоголь, вредные привычки, курение, общеобразовательное учреждение, старшеклассники.

Keywords: addictive behavior, alcohol, bad habits, smoking, educational institution, school students.

Проблема сохранения и укрепления здоровья, приобщения молодежи к здоровому образу жизни занимает важное место в российской государственной политике. Как показывают результаты проведенных социологических исследований, большинство представителей молодежи, в частности, школьников, не воспринимают свое здоровье как ценность и относятся к нему крайне попустительски. Табакокурение и употребление алкоголя в школьной среде – весьма распространенные явления. Опыт курения сигарет имеют свыше трети школьников. Признаются, что курят в настоящее время 17% учащихся. Ещё больше школьников говорят о том, что они раньше курили, а теперь нет (20%). Выявленный процент курильщиков примерно соответствует данным других исследований. Например, по данным Мониторинга распространения табакокурения (октябрь 2014 г., г. Тула), среди похожей возрастной группы с той или иной степенью регулярности курит около 30% [1]. В социологическом исследовании, проведенном в г. Кирове (март 2014 г.), было выявлено, что среди старшеклассников и студентов вредные привычки имеют 35% [2, с. 189]. В социологическом исследовании, проведенном среди школьников г. Нижнего Новгорода весной 2015 г., доля курильщиков составляет от 18% до 25%, если учитывать и тех, кто заявляет, что лишь попробовал курить. Причем можно говорить о том, что в реальности курят ещё больше школьников старших классов. Об этом косвенно свидетельствует распределение ответов о распространенности вредных привычек среди ближайшего окружения подростка. В частности сказали, что среди их друзей совсем нет тех, кто курит, лишь 17%. Примерно треть подростков признались, что среди их друзей – половина и более курящих.

Динамика увеличения числа курящих школьников в зависимости от класса весьма наглядна. Опыт табакокурения в 7 классе имеют 23%, в 8 классе – 29%, затем наблюдается резкий прирост до 40% в 9 классе и небольшое увеличение числа курильщиков в 10 и 11 классах. В выпускных классах особенно заметно увеличение числа тех, кто открыто заявляет, что курит в настоящее время. Если в 7-8 классе в этом признавалось менее десятой части учащихся, то среди десятиклассников открытых курильщиков уже 23%, среди одиннадцатиклассников – 28%.

Конечно, большинство курильщиков – это юноши. Заявляют, что курят в настоящее время 22%, курили раньше, а теперь нет – ещё 30%, т.е. опыт курения имеют свыше половины учащихся 7-8 классов мужского пола. Однако, если девушки и отстают от юношей по числу курильщиков, то не очень сильно. Говорят, что курят 13% девушек, и что курили раньше ещё 14%. Скачок увеличения числа лиц, имеющих опыт курения, у юношей происходит примерно между 7-м и 8-м классами (с 20% до 46%), у девушек между 8-м и 9-м классами (с 12% до 27%). Открыто заявляют, что сейчас курят около 40% юношей выпускных классов и около 20% девушек. Пик возраста начала курения и у юношей, и у девушек приходится на 14 лет. Однако среди девушек немало тех, кто курить попробовал или начал в 15-16 лет.

Если говорить о регулярности курения, то две трети юношей заявляют, что делают это регулярно, тогда как среди девушек тех, кто курит регулярно – менее половины. Наблюдается разница и в интенсивности курения. Около 60% курящих в настоящее время юношей выкуривают в день пять и более сигарет (в том числе 18% из них – пачку и более). Девушки курят менее интенсивно. Примерно треть из них в день выкуривает лишь 1-2 сигареты, примерно пятая часть – 3-5 сигарет. Девушек, выкуривающих в день до 10 сигарет, – 26%, более 10 сигарет – 11%. Предпринимали попытки бросить курить 59% девушек и 51% юношей. Здесь же отметим, что 41% юношей и 49% девушек считают, что в любой момент могут бросить курить.

Чаще всего юноши курят с друзьями за компанию (57% курильщиков отмечают, что курят в такой ситуации часто или всегда), а также в процессе употребления алкоголя (61% – соответственно). Девушки же чаще курят, когда у них плохое настроение (51%) или когда нервничают (52%). Высокая степень интенсивности курения у юношей приводит к тому, что они активно отмечают все ситуации употребления табака, предложенные для оценки. Однако основные различия заключаются в том, что их курение в большей степени, чем курение девушек, связано с общением. Так, юноши гораздо чаще девушек, курят на переменах в школе, когда нечем заняться, когда употребляют алкоголь, и, собственно, с друзьями за компанию. Отметим, что именно компания является ведущим фактором приобщения подростков к курению. [3, с. 7] Для девушек так же, как и для юношей, характерна тесная связь курения с употреблением алкоголя. Почти треть курящих девушек отметила, что всегда курят, когда употребляют алкоголь, среди курящих юношей таковых уже свыше 40%. Подобная связь характерна и в более старших возрастных группах. Например, среди студентов свыше половины юношей и девушек тоже всегда курят, когда употребляют алкоголь [4, с. 47].

Курение юношей в большей степени, чем курение девушек, носит характер привычки, которую они стараются продемонстрировать окружающим. Они реже девушек скрывают своё пристрастие к сигаретам от своих родителей. Отметим, что их родители об этом не знают 28% юношей и 54% девушек. Юноши чаще предпочитают одну марку сигарет. Многие девушки говорят о том, что курят так мало, что это и курением назвать нельзя (43%). Важным отличием отношения к курению юношей и девушек является акцентирование внимания последними на негативных аспектах курения. Даже курящие девушки, в отличие от курящих юношей, чаще говорят о том, что курильщики губят не только свое здоровье, но и здоровье других людей, и что находиться рядом с курящим человеком, так же вредно, как курить самому. Но в то же время девушки отстаивают своё право курить наравне с юношами. Так, почти половина юношей считают, что курение – это чисто мужское занятие, девушки курить не должны, тогда как свыше половины курящих девушек с этим не согласны.

Опыт употребления алкоголя имеют около 80% учащихся 7-10 классов. Приобщение к употреблению алкоголя у школьников происходит и раньше, и интенсивнее, чем приобщение к курению. Так, среди семиклассников опыт употребления алкоголя имеют почти 60%, тогда, как курят или пробовали курить менее четверти. К 8 классу происходит резкое увеличение числа имеющих алкогольный опыт (до 74%), а затем плавный рост до 90% среди учащихся 11 классов. Причем с опытом употребления алкоголя девушки не отстают от юношей. В седьмом классе опыт употребления алкоголя имеют 52% юношей и 59% девушек, в восьмом – соответственно 78% и 69%, в одиннадцатом – 93% и 88%. Возраст первого опыта употребления алкоголя примерно соответствует возрасту первого опыта табакокурения. Разница лишь в том, что с алкоголем наблюдается смещение в младшие возрастные группы. Особенно это характерно для девушек. Например, юношей, попробовавших алкоголь до 12 лет, вдвое больше попробовавших в этом возрасте курить (24% и 12% – соответственно), тогда как девушек, попробовавших алкоголь, почти втрое больше попробовавших сигареты (13% и 4%). А вот среди приобретших аналогичный опыт до 14 лет (сюда входят и те, о которых речь шла ранее), разрыв между опытом употребления алкоголя и опытом употребления табака у юношей сокращается (алкоголь уже пробовали 52%, а табак – 33%), а у девушек, напротив, увеличивается (40% и 11% соответственно). Отметим, что начали более или менее регулярно употреблять алкоголь до 12 лет 5% юношей и 1% девушек, до 14 лет – уже 21% юношей и 13% девушек. К ним можно прибавить ещё 14% юношей и 12% девушек, отметивших, что начали регулярно употреблять алкоголь в 14-летнем возрасте. И юноши, и девушки чаще всего говорят, что их первый опыт

употребления алкоголя состоялся в кругу семьи и в присутствии родителей (42% юношей и 51% девушек). Среди юношей немного больше, чем среди девушек, тех, кто попробовал алкоголь в компании знакомых (36% и 30% соответственно). Подростки, как правило, воспроизводят алкогольные традиции, распространенные в их семьях [5]. Обязательным считают выпить на Новый год 39% школьников, в собственный день рождения – 22%, в дни рождения друзей и знакомых – 16%, на тусовке с друзьями – 14%. Обязательно выпить по случаю какого-либо праздника считает десятая часть школьников, а ещё 62% допускают, что алкоголь в праздник лишним не будет. В исследовании, проведенном среди студентов, поводы распития алкоголя оказались практически те же самые: Новый год (47%), свадьба (38%), собственный день рождения (34%) и дни рождения друзей и знакомых (20%).

Ситуация с употреблением алкоголя школьниками довольно напряженная. Наряду с пивом, которое употребляют примерно половина школьников (регулярно – примерно треть), распространено и употребление крепких спиртных напитков. Признались в их употреблении четвертая часть школьников, причем 5% говорит, что пьют крепкие спиртные напитки несколько раз в месяц. По данным замера 2015 г., водку часто пьют 3% школьников и иногда за компанию – ещё 5%. Здесь, как и в случае с табакокурением, наблюдается умолчание наличия у себя данной вредной привычки. Ответы на другие вопросы, связанные с отношением к употреблению алкоголя, говорят о том, что данное явление имеет среди учащихся среднеобразовательных учреждений более широкое распространение, нежели признания школьниками факта собственного потребления алкогольных напитков. Например, отвечая на вопрос об алкогольных опьянениях за последний месяц, почти 40% школьников сказали, что испытывали опьянение в лёгкой форме. Опьянение средней силы за последний месяц испытали на себе 19% школьников, сильное алкогольное опьянение – 10%. Причем многие испытывали алкогольное опьянение не единожды.

Важно отметить, что употребление крепких спиртных напитков – это увлечение, свойственное не только мужскому полу. Время от времени крепкий алкоголь употребляют не менее пятой части девушек. Из них 9% – не менее раза в месяц. Для сравнения отметим, что юношей, употребляющих крепкие спиртные напитки – 32%, раз в месяц и чаще – 15%, т.е. совсем не на много больше. Легкое алкогольное опьянение за последний месяц испытали 36% девушек и 44% юношей, опьянение средней силы 17% и 23% соответственно. В состоянии сильного алкогольного опьянения за последний месяц побывали 7% девушек и 13% юношей.

Не редкостью для школьников оказываются факты неадекватных и асоциальных поступков, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения. Так, в состоянии алкогольного опьянения, ссорились с близким человеком – 24% школьников, ввязывались в драки – 22% (15% из них – неоднократно), ненамеренно засыпали вне дома – 19%, вступали в половые контакты – 18% (13% – неоднократно), приходили на занятия – 15%, ругались с родителями – 15%, получали побои – 13%, а 8% даже попадали в полицию, неоднократно – 5%. Хотя юноши и чаще девушек попадают в состоянии алкогольного опьянения в различные неприятные ситуации, для последних такие ситуации тоже имеют место. Ссорились с близким человеком 24% девушек, ненамеренно засыпали вне дома – 17%, вступали в половые контакты – 12% (8% – неоднократно), попадали в полицию – 6%. Юноши втрое чаще, чем девушки, в состоянии алкогольного опьянения ввязывались в драки (35%), однако почти для десятой части девушек драки в пьяном виде являются неоднократным опытом.

Результаты проведенных социологических исследований подробно характеризуют отношение к курению и употреблению алкоголя в среде старшеклассников. Приобщение к этим привычкам начинается в раннем подростковом возрасте, однако пик приходится на старшие классы. Приобщение к употреблению алкоголя чаще происходит в присутствии родителей. Первый опыт, как правило, связан с семейными праздничными застольями, тогда как продолжение – с компанией сверстников. Компания сверстников занимает ведущее положение в процессе приобщения подростка и к курению.

Проблема сохранения и укрепления здоровья, формирование навыков здорового образа жизни в школьной среде стоит достаточно остро. Несмотря на принимаемые государством меры, например, по ограничению курения табака, ситуация радикально не меняется. Скорее всего, эту проблему возможно решить, объединив усилия педагогов, врачей, социальных работников и социологов.

Литература

1. Аналитическая справка по результатам мониторинга распространения табакокурения. URL: <http://cvmr-stechkina.tula-zdrav.ru/аналитическая-справка-по-результата/> (дата обращения 2.09.2015 г.).
2. Загребин В.В. Отношение учащейся молодежи к табакокурению (на примере г. Кирова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 4 (36). С. 188-193.

3. Зернов Д.В., Иудин А.А., Ушакова Я.В., Шпилев Д.А. Курение: личный выбор и национальная проблема. Н. Новгород: НИСОЦ, 2010. 71 с.
4. Зернов Д.В. Поведение студентов-медиков, представляющее опасность для здоровья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 3(27). С. 46-53.
5. Зернов Д.В. К вопросу изучения семейных алкогольных традиций // Инновационная экономика XXI века. Материалы Девятой Международной научно-практической конференции. Том II. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2013. С. 782-784.

**ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ОПЕКИ И
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА С ПОТЕНЦИАЛЬНЫМИ ПРИЕМНЫМИ
РОДИТЕЛЯМИ ДЕТЕЙ-СИРОТ С ОГРАНИЧЕННЫМИ
ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**
**PRACTICE OF INTERACTION OF SPECIALISTS OF CUSTODY
AND GUARDIANSHIP WITH PROSPECTIVE ADOPTIVE PARENTS
ORPHANS WITH DISABILITIES**

Ю.К. Зимова

Московский городской университет управления Правительства Москвы

U.K. Zimova

Moscow Metropolitan Governance University

Представлены направления взаимодействия специалистов органов опеки и попечительства с потенциальными приемными родителями; раскрыты практики устройства в семьи детей с ограниченными возможностями здоровья на районном уровне.

This article presented directions of interaction guardianship authorities specialists with potential adoptive parents; revealed practices of family placement of orphans with disabilities at the district level.

Ключевые слова: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети с ограниченными возможностями здоровья, семейное устройство детей-сирот, потенциальные приемные родители, специалисты органов опеки и попечительства

Keywords: orphans and children left without parental care, children with disabilities, family placement of orphans, prospective adoptive parents, specialists of the guardianship

Положение детей в современном российском обществе отражает остроту духовно-нравственных и материально-экономических проблем и трудностей,

которые привели значительную часть семей к серьезным социальным деформациям. В этой связи семейное неблагополучие зачастую проявляется в детском неблагополучии в виде риска или факта социального сиротства.

По данным Министерства образования и науки России, на начало 2015 г. в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на учете состоит 87,3 тысячи детей [1]. Большая часть детей, нуждающихся в семейном устройстве, – это дети подросткового возраста и дети с ограниченными возможностями здоровья. В то же время анализ различных данных показывает, что число российских граждан, желающих принять на воспитание в свою семью приемного ребенка, превышает двадцать тысяч. При этом общепризнанным является факт, что большинство потенциальных приемных родителей хотят принять в семью здоровых детей в возрасте от 0 до 3 лет.

Несмотря на активизацию государственных мер по семейному устройству детей-сирот, число нерешенных вопросов остается значительным. Так, особого внимания требуют технологии и практики работы с потенциальными приемными родителями, эффективность которых смогла бы обеспечить снижение числа возвратов детей в учреждения для детей-сирот, которые травмируют личность ребенка, а также лишают его возможности полноценной жизни в семье в будущем.

Практик, способствующих «зарождению и формированию» у взрослого человека мыслей о принятии в свою семью особенных детей, в настоящее время не так много, но они есть. Если «зарождение» мыслей о возможности создания приемной семьи происходит под влиянием индивидуально-личностных факторов, то «формирование» осуществляется, в том числе, при непосредственном участии специалистов органов опеки и попечительства по месту жительства.

Рассматриваемая социальная структура регулирует отношения по установлению, осуществлению и прекращению опеки или попечительства. Указанную группу отношений объединяет общая цель – «осуществление на временной основе индивидуального устройства лиц, нуждающихся в получении социальной заботы» [2]. В этой связи важнейшим аспектом профессиональной деятельности органов опеки и попечительства является подбор лиц, изъявивших желание и удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к выполнению обязанностей опекуна (попечителя), подготовка материалов, необходимых для назначения опекуна (попечителя) и т.д. [3].

Реальная социальная практика показывает достаточно противоречивую ситуацию, которая складывается в области взаимодействия органов опеки и попечительства с потенциальными приемными родителями ребенка-сироты. Так, в органах опеки и попечительства до сих пор есть специалисты, опасющиеся

передачи в семьи детей с ограниченными возможностями здоровья (далее по тексту – дети с ОВЗ), чтобы избежать в дальнейшем их возвратов и вторичного сиротства. Вместе с тем неуклонно повышается число специалистов, которые используют многие способы и технологии для того, чтобы найти ребенку с ОВЗ семью на территории их района.

Раскроем более детально направления взаимодействия органов опеки и попечительства с потенциальными родителями ребенка-сироты с ОВЗ, которые уже нашли применение в социальных практиках, так как они реально помогают сформировать у взрослого человека мотивацию осознанного родительства на воспитание «особенного» ребенка – ребенка с ОВЗ.

Информирование потенциального приемного родителя о работе служб сопровождения замещающих семей на территории района или региона, в том числе для детей с теми или иными особенностями здоровья.

Несомненно, в первую очередь любой потенциальный родитель думает о том, что будет после того, как он примет на воспитание в семью ребенка с ОВЗ. Наиболее «болезненными» для потенциальных родителей становятся следующие вопросы: «Будет ли государство помогать моей семье?», «Как мы будем восстанавливать или поддерживать здоровье ребенка?», «Сможет ли помочь психолог, если возникнут конфликты и непонимание?», «Как наладить общение с другими семьями, воспитывающими «особенных» детей?» и др.

Для предупреждения или снятия остроты вопросов потенциальных родителей, специалисту органа опеки и попечительства важно подготовить понятную и подробную Памятку по сопровождению замещающих семей в районе или регионе. Памятка может включать не только рекомендации, но подробную программу действий родителей в той или иной затруднительной или просто жизненной ситуации. Важно включить в Памятку детализированную информацию о мерах государственной поддержки со ссылками на электронные ресурсы соответствующих органов государственной власти региона или района. Если на территории есть детское учреждение, в котором воспитываются дети с определенными диагнозами, то необходимо сделать акцент на сопровождении детей с заболеваниями данной группы в районе или регионе. Алгоритм работы с подобной Памяткой может быть различным. Например, во время первичной беседы можно просто предложить ознакомиться самостоятельно с Памяткой дома, а в процессе второй и третьей встречи проконсультировать потенциальных приемных родителей по наиболее актуальным вопросам, включенным в ее содержание.

Консультирование потенциального приемного родителя по отбору, просмотру, чтению соответствующих фильмов, книг, брошюр и статей.

В настоящее время подготовлено значительное количество доступных фильмов, а также книг, и статей по теме принятия в семью ребенка-сироты, а также ориентированных на «особенных» детей – детей с ОВЗ. Список информационных данных с подробными аннотациями важно рекомендовать потенциальным приемным родителям. При этом акцент делается на достоверных источниках, которые повышают уровень подготовленности родителя к воспитанию ребенка с ОВЗ.

Акцентирование потенциального приемного родителя не только на материальных, но и на эмоциональных, нравственных, интеллектуальных, коммуникативных ресурсах, которые может дать ребенку данная семья.

При общении с потенциальным приемным родителем, составлении акта обследования жилищных условий специалисту органов опеки и попечительства важно обратить внимание на то, какими специфическими ресурсами располагает семья именно для воспитания ребенка с ОВЗ. Например, в семье сложились интересные традиции организации досуга, которые позволят ребенку быстрее адаптироваться к новой системе отношений и др.

Совместный анализ с потенциальным приемным родителем текущей ситуации по поиску ребенка.

Поиск ребенка для потенциальной приемной семьи – это не только длительный, но и постоянно изменяющийся процесс. Потенциальные родители достаточно часто меняют свои пожелания, а после нескольких месяцев поиска ребенка могут кардинально изменить свои первоначальные взгляды. Специалистам органов опеки и попечительства необходимо регулярно связываться с семьей, обсуждать полученный ими в процессе поиска ребенка опыт, предлагать различные варианты помощи и поддержки.

Создание и распространение среди потенциальных приемных родителей брошюры с производной информацией о детях, подлежащих семейному устройству.

Безусловно, интернет-ресурсы являются важнейшей поисковой технологией, в том числе и для создания приемной семьи. Однако, не все потенциальные родители могут заниматься подбором анкет детей в интернете. В этой связи разработка, печать и распространение сборников с анкетами детей – необходимая часть работы специалистов органов опеки и попечительства. Практика показывает, что красочные, информативные сборники с анкетами детей очень востребованы среди потенциальных приемных родителей.

Выступления специалистов органов опеки и попечительства на родительских собраниях в школах, в детских садах, детских поликлиниках, социальных центрах, досуговых структурах, трудовых коллективах и пр.

Развеять мифы о сложности сбора документов, о повышенных требованиях к квадратным метрам жилой площади, о необходимом втором усыновителе, а также о деятельности органов опеки могут специалисты, выступающие с небольшими лекциями и презентациями перед целевой аудиторией на территории района.

Освещение в СМИ района информации о детях, нуждающихся в семейном устройстве, мероприятиях и программах по данной теме («День Аиста», «Порядок сбора документов при помощи электронных ресурсов» т.д.).

Оптимальный вариант для специалистов органов опеки и попечительства – ведение специальной колонки в изданиях местной прессы. Там можно не только публиковать анкеты детей, нуждающихся в семейном устройстве, но и рассказывать о нововведениях в законодательстве, о мероприятиях с приемными семьями, с детьми-сиротами, организуемых на территории района или региона.

Анализ практик взаимодействия показывает, что ключевым аспектом во всех этих практиках является информирование. Именно полноценное и своевременное предоставление той или иной информации позволяет человеку принимать осмысленные решения, которые касаются жизни его семьи.

С целью популяризации данных идей группой экспертов проекта «Ванечка.рф» и Общественной палаты России была создана презентация «Особенности устройства особенных детей» с комплектом памяток. Данные материалы были презентованы в марте 2015 г. в рамках интернет-совещания с Общественными палатами субъектов России и представителями ведомств, отвечающих за устройство детей-сирот в семьи. В апреле 2015 г. информация разослана по представителям органов опеки и попечительства большинства регионов России, а также в ведомства, отвечающие за семейное устройство детей сирот в регионе.

Дополнительно планируется предложить специализирующимся на этой теме фондам разработать памятки по сопровождению семей, воспитывающих детей с конкретными диагнозами. Такие памятки по каждому заболеванию (что делать, куда обращаться, что читать, какие НКО работают в этой сфере и пр.) будут важны не только потенциальным приемным и действующим родителям, но и семьям, в которых родились дети с ОВЗ.

Литература

1. Численность детей, состоящих на учете в государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, на начало 2015 года. <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/2/>

2. Михеева Л.Ю. Опекa и попечительство: Теория и практика / Под ред. Р.П. Мананковой. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 233.
3. Карпунина Е.В. Как усыновить ребенка? М.: Эксмо, 2011. С. 91.

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛЮДЕЙ
ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА**
**THE ROLE OF SOCIAL WORKER IN SOCIAL ADAPTATION
OF ELDERLY PEOPLE**

В.С. Ивашевская

*Бюджетное учреждение социального обслуживания Ивановской области
«Ивановский комплексный центр социального обслуживания населения»*

V.S. Ivashevskaya

*Budgetary Social Services Center of Ivanovo Region
«Ivanovo Comprehensive Social Services Center»*

Рассматривается роль социального работника в процессе социализации людей пожилого возраста. Показано, что одной из задач деятельности сотрудников учреждений социального обслуживания является создание комплекса условий для повышения качества жизни граждан старших возрастных групп.

The article makes a review of social worker's role in social adaptation of elderly people. It shows one of the objectives of social workers is creating a set of conditions for elderly citizens' life quality improvement.

Ключевые слова: социализация, пожилые люди, социальный работник, повышение качества жизни.

Keywords: social adaptation, elderly, social worker, life quality improvement.

Значительное увеличение доли лиц старших возрастных групп в социальной структуре российского общества обуславливает интерес научного мира к проблемам социализации людей на завершающем этапе жизненного пути.

Традиционно под социализацией понимается освоение людьми знаний, навыков, стереотипов поведения, ценностных ориентаций, нормативов, обеспечивающих их полное участие в общепринятых формах социального взаимодействия. Процесс социализации пожилых отличается от социализации на более ранних этапах жизни человека тем, что он сопряжен с очередным кризисом возрастного развития, изменением социального статуса и социальных ролей. Формальные роли пожилых людей в обществе уже утрачены, а в процессе освоения новых неформальных ролей возникают трудности, связанные с психовозрастными и характерологическими особенностями личности.

Проблема социализации в пожилом возрасте является одной из наиболее важных общественных задач, призванных утвердить категорию пожилых людей в роли активного социального субъекта. В роли агентов и институтов социализации выступают семья, друзья, группы по интересам и общественные объединения. Но у пожилых в силу обстоятельств (ухудшение состояния здоровья, смерть родственников и друзей, переезды и др.) сужается круг людей, с которыми они общались в течение жизни. Пожилые люди, оказавшись в трудной жизненной ситуации, зачастую вынуждены обращаться за помощью в учреждения социального обслуживания. В связи с этим социальный работник выступает в роли посредника в системе отношений «пожилой человек – общество», создавая комплекс условий, способствующих повышению качества жизни представителей старших возрастных групп, включающий в себя различные аспекты (социально-бытовой, социально-медицинский, социально-психологический, социально-педагогический). Рассмотрим их подробнее.

Социально-бытовой аспект предполагает преобразование условий жизнедеятельности пожилого человека, создание комфортной обстановки (покупка и доставка на дом продуктов питания, промышленных товаров первой необходимости и др.), помощь в приготовлении пищи; кормление лиц, не способных к самостоятельному употреблению пищи; оплата жилищно-коммунальных услуг; сдача вещей в стирку, химчистку, ремонт; организация помощи в проведении ремонта жилых помещений; предоставление гигиенических услуг лицам, не способным по состоянию здоровья самостоятельно выполнять их и др. В процессе предоставления социально-бытовых услуг социальному работнику необходимо соблюдать принципы взаимодействия с пожилыми людьми, учитывая индивидуальные особенности и потребности конкретного человека; поощрять их независимость (давая возможность быть самостоятельными); стараться помочь пожилому человеку принять участие в общественной жизни.

В пожилом возрасте анатомо-физиологические системы человека претерпевают значительные изменения, возрастает риск приобретения заболеваний. Социально-медицинский аспект деятельности социального работника включает в себя следующие компоненты: приобретение и доставка на дом лекарственных препаратов и медицинских изделий; вызов на дом сотрудников учреждений здравоохранения, выполнение процедур, связанных с сохранением здоровья пожилых людей (измерение температуры тела, артериального давления и др.); систематическое наблюдение для выявления отклонений в состоянии их здоровья; содействие в обеспечении техническими средствами реабилитации.

Особое значение для улучшения качества жизни пожилых людей приобретает социально-психологический аспект. Социально-психологические осо-

бенности пожилых детерминированы изменениями физических возможностей, утратой общественного положения, связанного с выполнявшейся работой, изменениями функций в семье, смертью или угрозой утраты близких людей, ухудшением экономических условий жизни, необходимостью приспособляться к быстрым культурным и бытовым изменениям. Более того, окончание профессиональной деятельности у многих из них вызывает радикальное изменение стиля жизни. Происходят специфические изменения и в эмоциональной сфере личности: неконтролируемое усиление аффективных реакций, склонность к беспричинной грусти, страх смерти и болезни, ипохондрическая фиксация на собственных болезненных ощущениях, тенденция к вымыслам, свидетельствующим о своей особой значимости, эксцентричность, уменьшение чуткости, снижение способности справляться со сложными ситуациями. Основная задача деятельности социального работника в данном направлении – «не избавить пожилого человека от проблемы», а научить жить, максимально используя компенсаторные возможности психики и особенности личности. Несмотря на некоторое снижение скорости психических процессов, у пожилых людей сохраняется способность к ее восстановлению при тренировке, а также способность к возмещению потери скорости за счет опыта. Познавательные возможности во многом зависят от самооценки, внутреннего настроения пожилого человека и его желания к саморазвитию. Эмоционально человек становится более ранимым, требует более внимательного отношения, особенно со стороны близких, родственников, работников медицинских и социальных учреждений. Вместе с тем, при выборе жизненной стратегии пожилой человек может чувствовать себя эмоционально благополучным практически в любых жизненных обстоятельствах. В связи с этим в круг задач социального работника должно быть включено оказание помощи пожилым людям в выработке позитивной стратегии эмоционального старения. Наибольшее влияние на этот выбор оказывает осмысление пожилым человеком своего жизненного пути. Необходимо оглянуться назад и пересмотреть свои достижения и неудачи, соответственно, фокус внимания должен сдвинуться от будущего к прошлому. Достижение чувства психологической гармонии позволит пожилому человеку успешно адаптироваться в окружающей среде, обрести морально-психологическое равновесие, уверенность в себе, устранить психологический дискомфорт, зажить полноценной активной жизнью.

Не менее важен в деятельности социального работника педагогический аспект, заключающийся в формировании у пожилых людей нового социального опыта, позитивной мотивации и активизации потенциальных возможностей личности в решении собственных проблем. Комплексное решение указанных

проблем возможно путем внедрения в практику социально-педагогической деятельности учреждений социального обслуживания эффективных форм, методов, механизмов комплексной социально-педагогической реабилитации пожилых людей, способствующих их адаптации к новой социальной роли и позитивной социализации.

В настоящее время в организациях социального обслуживания постепенно внедряются инновационные информационно-обучающие социальные технологии, в том числе обучение пожилых людей навыкам пользования персональным компьютером и сетью Интернет, цифровым фотоаппаратом, изучение основ безопасности жизнедеятельности, финансовой грамотности, освоение практик активного долголетия. Процесс обучения благоприятно влияет на личность пожилого человека: активизируются когнитивные процессы, формируется внутренняя установка, характеризующаяся осмысленностью позиции в обучении, определением задач, которые участник обучения сам ставит перед собой.

Обучение пожилых людей часто предполагает творческий подход социального работника к процессу приобретения новых знаний, использование на занятиях игровых и интерактивных методов обучения. Причастность к творчеству помогает пожилым людям гибко и нестандартно решать бытовые и материальные проблемы. Творчество в групповой работе способствует приобретению особого опыта общения с другими людьми, в котором воплощаются переживания, уникальный жизненный опыт человека. Это и продуктивный путь осмысления своего прошлого, и способ освобождения от психологических проблем, стрессов и травм. Творческая деятельность помогает пожилым освободиться от стереотипов и шаблонов, создавать положительный эмоциональный фон общения со сверстниками и представителями других поколений, способствует взаимному обогащению. Созданный на занятиях позитивный настрой переносится на отношение к миру в целом.

Таким образом, успешная социализация пожилых людей — одно из основных условий поддержания высокого качества их жизни. Роль социального работника в данном процессе очень важна, поскольку его деятельность способствует оптимальному функционированию личности пожилого человека, оказывая сдерживающее влияние на процесс старения.

**МОДЕЛЬ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ,
СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА**
**A MODEL OF INTERAGENCY COOPERATION ON PROFILAKTIKA
FAMILY PROBLEMS, SOCIAL ORPHANHOOD**

Е.В. Ключева
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
E.V. Klycheva
Nekrasov Kostroma state University

Анализируется опыт проектирования и реализации модели профилактики семейного неблагополучия на примере Нерехтского района Костромской области.

The article presents the experience of designing and implementing model prevention of family problems on the example of Nerekhta district, Kostroma region.

Ключевые слова: социальная профилактика, моделирование в социальной работе, социальная защита детства.

Keywords: social prevention, simulation in social work, social protection of the childhood.

Система защиты детства начинается с защиты семьи, матери, ребенка, определение места ребенка и отношения к нему в семье, обществе. Правовое обеспечение этой социальной сферы России сегодня является одним из самых разработанных, что позволяет, опираясь на субъекты семейных правоотношений, построить схему социальной работы в органах и учреждениях, призванных содействовать реализации семьей и ребенком своих прав и охраняемых законом интересов. Эффективность практической социальной работы с семьей и детьми, а именно оказание своевременной квалифицированной помощи во многом зависит от организационных факторов. На современном этапе, несмотря на довольно развитую и продолжающуюся развиваться структуру органов и учреждений системы, существует ряд объективных и субъективных трудностей, не позволяющих в максимальном объеме решать задачи социальной и государственно-правовой защиты.

Для предотвращения такого явления, как рост социального сиротства необходимо взаимодействие всех учреждений и ведомств системы профилактики, деятельность которых основывается на Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». В нем обозначены все субъекты, которые в той или иной форме занима-

ются детьми и семьями, находящимися в трудной или опасной жизненной ситуации, и определены их основные функции.

Для более эффективной работы с данной категорией несовершеннолетних требуется не только действия каждого из субъектов системы профилактики, но и их взаимодействие.

Важно, чтобы социально дезадаптированный ребенок, выбитый из жизненной колеи, утративший доверие к миру взрослых, а потому в наибольшей степени нуждающийся в особой защите и помощи, поддержки со стороны всех участников взаимодействия, а именно: органов и учреждений социальной защиты населения, образования, здравоохранения, правопорядка и т.д., получал ее своевременно. Для осуществления действия этих организаций должны быть согласованы, взвешены и скоординированы – именно при этих условиях процесс реабилитации несовершеннолетних будет эффективен.

Для внедрения в практику работы принципа взаимодействия во всех регионах страны Костромская область ведет экспериментальную работу в данном направлении. Так, муниципальный район г. Нерехта и Нерехтский район стали пилотной площадкой по созданию муниципальной модели межведомственного взаимодействия по профилактике семейного неблагополучия, социального сиротства в рамках реализации региональной программы «Семья для каждого ребенка».

В целях внедрения инновационных форм и методов работы для профилактики семейного неблагополучия используются следующие социальные технологии: алгоритм работы со случаем, специалист-куратор конкретного случая, «Ранняя профилактика социального сиротства», Междисциплинарная команда специалистов, Мобильная бригада по проверке сигналов о случаях семейного неблагополучия, электронный паспорт семьи, «Группа оперативного реагирования».

Таким образом, в рамках реализации пилотной площадки создана модель межведомственного взаимодействия, разработана система мониторинга, внедрены в практику инновационные социальные технологии, сформирован единый муниципальный банк данных семей, находящихся в социально опасном положении, семей группы риска, привлечено внимание общественности к проблеме семейного неблагополучия.

**ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С КЛИЕНТАМИ В ПРОЦЕССЕ
КАНИСТЕРАПИИ**
**FEATURES OF INTERACTION OF SOCIAL WORK SPECIALISTS WITH
THE CLIENT IN CANISTHERAPY PROCESS**

А.С. Когаловская
Ивановский государственный университет
A.S. Kogalovskaya
Ivanovo State University

Проясняется понятие анималотерапии и канистерапии. Речь идет о системе взаимоотношений, складывающихся в процессе канистерапии, и их влиянии на процессы терапии и реабилитации.

Concept of an animalotherapy and kanistherapy is clears up. It is about system of the relationship developing in the course of a kanistherapy and their influence on processes of therapy and rehabilitation.

Ключевые слова: анималотерапия, канистерапия, реабилитация.

Keywords: animalotherapy, kanistherapy, rehabilitation.

Общение человека с животными оживляет и оздоравливает особенно городского человека, оторванного от естественных, природных условий жизни. В связи с этим появились термины *анималотерапия* и, в частности, *канистерапия*, связанная с терапевтической ролью собаки.

Когда мы используем эти понятия в бытовом общении, часто подразумеваем любое позитивное воздействие животного, в том числе в результате простого общения с ним. Однако в науке и в практической работе важно более четко очертить эти понятия.

Общение с животными может быть подчинено самым разным целям (для охоты, охраны, общения и др.) При этом возможны и попутные эффекты, когда в процессе общения с животным человек чувствует себя лучше, повышается настроение, увеличиваются жизненные силы, происходит осознание смысла жизни, легче выстраиваются социальные взаимосвязи.

Эти цели, являющиеся случайными, попутно достигаемыми в повседневном общении с животными, становятся стратегическими в анималотерапии, которая понимается как терапевтическое и реабилитационное направления, в которых общение с животными становится средством коррекции эмоциональных нарушений, двигательных и речевых расстройств, отклонений в поведении,

коммуникативных проблем, а также для облегчения состояния при различных соматических и психосоматических заболеваниях.

Дети и взрослые, с заболеваниями и без них, которым с трудом даются многие вещи, хорошо откликаются на контакт с живым существом. Общение с животными пробуждает эмоции и чувства, усиливает интерес к происходящему.

Речь пойдет о канистерапии, т.е. терапии и реабилитации с участием собак. Этот метод получает все большее развитие и в России, и за рубежом. Ключевым моментом в канистерапии, как и при любом другом виде психотерапии (и реабилитации), являются терапевтические отношения.

На занятиях, проводимых нами, участвуют дети с инвалидностью и их родители. Система отношений в канистерапии усложняется и включает в себя следующие подструктуры: специалист – ребенок, специалист – родитель, специалист – собака, собака – ребенок, собака – родитель, родитель–ребенок.

От того, сложатся ли отношения у ребенка с собакой, зависит, будут ли достигнуты терапевтические (или реабилитационные) цели. Если контакт с собакой плохо налажен, то и эффект от занятий будет незначительный.

Оказывается, адаптация ребенка к занятиям, к отношениям с собакой и, в конечном счете, эффективность реабилитации сильно зависят от отношения родителей к собакам и от характера детско-родительских взаимоотношений.

Мы изучали отношение родителей детей с ОВЗ, занимающихся в группах, к собакам. Преобладают те, кто позитивно относится к животным и в частности, к собакам, иначе они не дали бы свое согласие на участие в подобных занятиях. Но встречается небольшой процент тех, кто испытывают отрицательное отношение к ним. Они или равнодушны, или чувствуют по отношению к ним страх и тревогу. Во время занятий последние не только не могли помочь ребенку адаптироваться, но в ряде случаев даже затрудняли адаптацию, так как не могли справиться с собственными чувствами.

Таким родителям трудно увидеть позитивные эффекты этих занятий. Опрашиваемые нами родители, положительно относящиеся к общению с собакой, отмечали положительные эффекты у своих детей, а родители, отрицательно настроенные, затруднялись ответить.

Таким образом, отношение к собакам порождает соответствующее отношение родителей детей с ОВЗ и к занятиям с участием собак и влияет на способность видеть позитивные эффекты, связанные с ними.

Эмоции родителей во время занятий в детско-родительских группах влияют на эффективность канистерапии. Родители, которые испытывают радость, интерес и спокойствие во время занятий, считают, что участие собак в реабилитации отражается на их ребенке положительно, а родители, которые испытывают безразличие, затруднились с ответом.

Не только отношение родителей к занятиям, но и их поведение влияют на эффективность занятий для их детей. В ситуациях, когда ребенок в той или иной степени испытывает страх собак, ему требуется некоторое время на адаптацию. В этой ситуации ему может помочь внимание и уважение к его чувствам. Стратегия поведения родителей влияет на то, как ребенок справляется со страхом собак, с тревожностью и неуверенностью. Позиции родителей при этом можно выделить следующие:

1. Негативно влияет на адаптацию ребенка к собаке и к занятию поведение родителя, когда он излишне тревожится сам и одергивает ребенка, мешая ему приспособиться к новым для него условиям.

2. Родители любят животных, готовы общаться с ними, делают это с удовольствием, но при этом слишком сильно хотят, чтобы у ребенка все скорее получилось, и начинают настаивать, давить на ребенка, торопить события, забывая, что ребенку нужно дать время. Они проявляют недостаточно внимания к чувствам ребенка, а порою и вовсе их игнорируют. Такое давление обычно дает обратный эффект.

3. Оптимальная позиция состоит в том, что родители проявляют терпение и считаются с чувствами ребенка, дают ему время на адаптацию, проговаривают чувства, которые испытывает ребенок. Они сами показывают пример позитивного общения с собакой, объясняя при этом свои действия, способствующие безопасному общению. Родители или ведущий могут вербализовать действия собаки, объяснять их значение.

Если родители приходят в плохом настроении или отрицательно настроенными к занятию, их негативное состояние передается ребенку, отсюда отказ выполнять упражнения, нарушение правил, плохое поведение.

Положительно влияет на адаптацию вера родителей в возможности своего ребенка, их терпеливое поведение, когда они приглашают ребенка к действию, но не давят на него, показывают пример выполнения упражнения и при этом, общаясь с собакой, сами получают удовольствие и демонстрируют это.

Таким образом, взаимоотношения родитель–ребенок, поведение родителей в высокой степени влияют на эффективность канистерапии.

Например, мама Светы с ДЦП (12 лет) всегда улыбается и ненавязчиво помогает своему ребенку наладить доверительные отношения с собакой. Это довольно скоро привело к положительным результатам: девочка стала справляться со страхом и научилась правильно выполнять задания.

Папа Олега (гиперактивность, задержки в развитии, 6 лет) сначала безуспешно побуждал сына подойти к собаке и выполнить упражнения. Он не заметил, что ребенок, с одной стороны тянется к собаке, но, вместе с тем, побаивается ее. Папе было предложено самому подойти к собаке и показать пример,

как можно выполнить задание. В результате ребенок стал чаще инициировать общение с собакой.

Для того, чтобы семьи лучше адаптировались к занятиям, специалисту необходимо выстраивать систему отношений:

1) Во-первых, отношения с ребенком, чтоб мотивировать его к занятиям, лучше понимать его, к чему он уже готов, а к чему – еще нет, что он уже способен освоить, а что – еще нет.

2) Во-вторых, отношения с родителем, помогая выстраивать им взаимоотношения с детьми в условиях канистерапии.

3) В-третьих, у специалиста должен быть хорошо отлаженный контакт с собакой, так как вместе они составляют терапевтическую команду.

Наконец, собака, будучи включенной в терапевтический процесс, выстраивает собственные отношения и с родителем, и с ребенком. Она по-своему может чувствовать ситуацию, некоторые специалисты видят немалый ресурс в том, как собака импровизирует. Она может облегчать или затруднять ребенку выполнение задания. Так, играя, она может не отдавать сразу ребенку мячик, заставляя его применить усилие.

Участие собак дополнительно мотивирует и детей, и их родителей к выполнению действий, важных для процесса реабилитации. Но само по себе привлечение собак не может заменить подбора подходящей программы реабилитации, обоснованной деятельности специалиста, соблюдения условий, необходимых для достижения реабилитационного эффекта. Однако в канистерапии появляется дополнительный терапевтический ресурс – отношения клиентов с собакой, контролируемые специалистом.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЛИЦАМИ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА В ПОСТИНСУЛЬТНОМ СОСТОЯНИИ

SOCIAL PRACTICIANs OF INTERACTION WITH PERSONS OF WORKING-AGE IN THE POSTINSULTNY STATE

М.Е. Кокорева

Московский государственный гуманитарный университет

им. М.А. Шолохова

M.E. Kokoreva

Sholokhov Moscow State University for the humanities

Рассматриваются актуальные социальные практики взаимодействия с лицами, перенесшими инсульт головного мозга, находящимися в трудоспособном

возрасте; проведен анализ проблем, возникающих у лиц в постинсультном состоянии, роли социальной реабилитации и практических аспектов реабилитационных мероприятий, обеспечивающих повышение качества жизнедеятельности лиц трудоспособного возраста.

Discusses the current social practices of interaction with persons who have suffered a stroke brain in working age; analyzed the problems of persons in post-stroke condition, the role of social rehabilitation and the practical aspects of the rehabilitation activities that enhance the quality of life of persons of working age.

Ключевые слова: инсульт, социальные практики, трудоспособный возраст, индивидуальный подход, реабилитация.

Keywords: stroke, social practices, working age, individual approach, rehabilitation.

Люди, перенесшие инсульт головного мозга, существенно меняют свой социальный статус в зависимости от его тяжести. Особенно сложным становится функционирование человека трудоспособного возраста, который не только теряет возможность полноценной самореализации, но и качество жизни.

Анализ актуального состояния темы позволил установить, что комплекс проблем, с которыми сталкивается человек, перенесший инсульт головного мозга, может быть представлен в виде их групп: физиологических, когнитивных, социально-психологических, бытовых и материальных.

Среди физиологических выделяются проблемы: двигательных функций (снижение координации в движениях, невозможность совершения многих двигательных действий); зрительного восприятия (существенное ухудшение зрения вплоть до его полной потери); чувствительного восприятия (дезориентация, снижение обонятельных функций) [1].

В состав группы когнитивных входят проблемы: нарушения памяти (возможна как полная, так и частичная потеря памяти); нарушения концентрации внимания (человек не может сосредоточиться на нужном объекте, не воспринимает должным образом информацию) [2].

Среди социально-психологических наблюдаются проблемы: эмоциональная лабильность, безнадежность и отчаяние; страх, враждебность, агрессивность, вызванные неадекватным восприятием окружающих людей и объектов; растерянность, замешательство, смущение; удаление от окружающих, уединение, изоляция; снижение коммуникационной активности вследствие физиологических нарушений речевого аппарата (человек не может полноценно высказывать собственные мысли, вести конструктивный диалог с собеседником) [3].

Группа бытовых включает проблемы: затрудненное перемещение в пространстве (из-за нарушений координации человеку трудно самостоятельно передвигаться даже по дому); сложности в гигиеническом самообслуживании (физиологические нарушения не позволяют самостоятельно совершать элементарные гигиенические процедуры); неспособность самостоятельно организовывать свой социальный досуг, включая домашние условия [4].

Материальные проблемы связаны главным образом с потерей человеком возможностей выполнять нормальную трудовую деятельность. Достаточно часто происходит существенное снижение материального достатка, усугубленное регулярными затратами на покупку лекарственных средств, оплату услуг медицинских учреждений и т.п.

Определив наиболее существенные виды проблем, с которыми сталкивается человек в постинсультном состоянии, можно охарактеризовать актуальные аспекты взаимодействия, необходимые для восстановления его трудовой социализации при непосредственном участии специализированных учреждений.

Во-первых, физиологические проблемы, являющиеся основным препятствием для осуществления трудовой деятельности, решаются посредством взаимодействия инвалида с соответствующими медицинскими учреждениями. Субъектами взаимодействия в таком случае выступают специалисты лечебных и реабилитационных центров, в которых человек проходит лечение. Суть подобного взаимодействия заключается в минимизации физиологических проблем, результатом чего может являться либо полный возврат трудоспособности человека (в случае некардинальных физиологических последствий), либо восстановление физиологических функций организма для осуществления нормальной бытовой жизнедеятельности [5]. По нашему мнению, основным принципом такого взаимодействия должна стать ориентация лечения на сохранение жизненно важных физиологических навыков, и уже во вторую очередь тех навыков, которые требуются инвалиду для продолжения трудовой деятельности.

Во-вторых, следующая группа постинсультных проблем, имея когнитивный характер, наносят наиболее существенный урон трудоспособности человека в постинсультном состоянии. Практически в каждой профессии важны память, концентрация внимания, сосредоточенность, которые могут быть частично повреждены или полностью потеряны вследствие инсульта. Для решения указанных проблем необходимо тесное взаимодействие лиц трудоспособного возраста со специалистами реабилитационных центров. Важно отметить, что решение когнитивных проблем может быть таким же длительным, как и в случае преодоления физиологических трудностей. Следовательно, основным

принципом взаимодействия в данном случае должно стать усиление внимания к постепенному возвращению основных когнитивных функций, которые в первую очередь требуются инвалиду для осуществления трудовой деятельности в соответствующей сфере.

В-третьих, для решения социально-психологических проблем с лицом трудоспособного возраста в постинсультном состоянии особое значение приобретает взаимодействие с ним специалистов социальной работы и психологов. Ключевой принцип взаимодействия – это профилактика или преодоление социальной изоляции инвалида, недопущение возникновения чувства безысходности и отчаяния. Именно эти проблемные аспекты должны прорабатываться в первую очередь, поскольку они выступают «катализаторами» возвращения к нормальной трудовой деятельности [6]. В этом случае лицам трудоспособного возраста наиболее остро требуется специализированная медико-социальная и социально-психологическая виды помощи, направленные на снижение их эмоциональной лабильности, повышения коммуникативной активности и восстановления чувства собственной полноценности в различных сферах жизнедеятельности.

В-четвертых, следующая группа проблем, с которыми сталкиваются лица трудоспособного возраста в постинсультном состоянии, имеет бытовой характер. Для их решения требуется организация взаимодействия с двумя группами социальных субъектов. Прежде всего, с членами семьи, которые должны способствовать минимизации бытовых проблем в условиях бытовой жизнедеятельности. С другой стороны, со специалистами медико-социальной службы, помощь которых необходима не только на первых стадиях реабилитации (для обучения членов семьи инвалида правильному уходу), но и, возможно, регулярно, если у инвалида отсутствуют родственники, способные осуществлять постоянный уход. Принципиально важным в последнем случае является формирование у человека с инвалидностью возможностей к самостоятельному уходу за собой.

В-пятых, группа материальных проблем является наиболее сложной. Для их решения требуется комплексная поддержка не только со стороны семьи, но и государства (пенсия, пособия, льготы и т.п.). В рамках лечебных и реабилитационных центров человеку требуется получение услуг на бесплатной основе. Вместе с тем важно заключить, что преодоление или минимизация выше рассмотренных проблем способствуют сохранению трудоспособности человека в постинсультном состоянии, а также приводят к решению значительного числа его материальных проблем в случае частичного или полного возврата к трудовой деятельности.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются лица трудоспособного возраста в постинсультном состоянии, имеют физиологический, когнитивный, социально-психологический, бытовой и материальный характер. Для анализа сущности социальных практик взаимодействия с лицами трудоспособного возраста в постинсультном состоянии мы классифицировали субъектов взаимодействия по группам проблем, поскольку каждая из групп имеет специфические особенности, требующие внимания соответствующих специалистов. В частности, для реабилитации лиц трудоспособного возраста необходимо взаимодействие с лечебными учреждениями, реабилитационными центрами, медико-социальной службой, психологами и членами семьи, совместные силы которых способны вернуть инвалида к нормальной трудовой деятельности или, по крайней мере, обеспечить приемлемый уровень качества жизни.

Литература

1. Алексеева В.М., Шавловская О.А. Медико-социальная адаптация больных, перенесших инсульт, и качество жизни родственников, совместно проживающих с больными, как один из показателей общественного здоровья // Проблемы управления здравоохранением. 2006. № 1. С. 76-80.
2. Петрова М.М., Прокопенко С.В. Когнитивные нарушения после инсульта: происхождение, выявление, лечение // Медицинский консилиум. 2014. № 5. С. 100-104.
3. Ким Л.М. Социально-психологический анализ ситуации пациентов с элементарными двигательными нарушениями вследствие болезни мозга // Здоровье семьи – XXI век. 2008. № 4. С. 1-15.
4. Гусев А.О., Ковальчук В.В. Условия повышения уровня социально-бытовой адаптации пациентов, перенесших инсульт // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. 2010. № 17. С. 23-27.
5. Рытов А.Г. Социальная реабилитация инвалидов трудоспособного возраста в ракурсе стратегий адаптации к инвалидности // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2008. № 3. С. 29-32.
6. Бубнова Е.В., Гусева Н.К. Вопросы медико-социальной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины // 2008. № 3. С.14-17.

**РОЛЬ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В ПРОЦЕССЕ
РЕЛИГИОЗНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЦ
С ЗАВИСИМЫМ ПОВЕДЕНИЕМ**
**THE ROLE OF SOCIAL WORK SPECIALIST IN THE RELIGIOUS
REHABILITATION PROCESS OF PERSONS
WITH DEPENDENT BEHAVIOR**

С.С. Колесников

Социологический институт РАН,

СПб ГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья»

S.S. Kolesnikov

*The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg state
budgetary institution «City information and methodological center «Semya»*

Процесс реабилитации в религиозном центре принципиально отличается от светских реабилитационных программ. Рассматривается роль специалиста по социальной работе в контексте постреабилитационного сопровождения с учетом существенных особенностей религиозных реабилитационных программ.

The process of rehabilitation in the religious center vary from secular rehabilitation programs. The present work reviews the role of the social work specialist in the context of post-rehabilitation support taking into account the essential features of religious rehabilitation programs.

Ключевые слова. Реабилитация, реабилитационная карьера, социальный конструктивизм, специалист по социальной работе, религиозные реабилитационные программы.

Keywords. Rehabilitation, rehabilitation career, social constructivism, social work specialist, a religious rehabilitation program.

В фокусе данной работы находится «воссоздание мира» человеком и человека «миром» в процессе реабилитации и роль двух заинтересованных сторон (светской и религиозной).

В основе предлагаемых тезисов лежит социально-конструктивистский подход в интерпретации Питера Бергера и Томаса Лукмана. В своей книге «Социальное конструирование реальности» [1] они предлагают схему «преображения человека», которая описывается на примере «религиозного обращения» или вступления неопита в культ. Для обозначения этого процесса авторы используют понятие «альтернативы».

Чем же, с точки зрения Бергера и Лукмана, является альтернатива? Для того чтобы рассмотреть этот вопрос, необходимо углубиться в ту концепцию, в рамках которых возникло понятие. В короткой форме её основание может быть

выражено цитатой: «Общество – человеческий продукт. Общество — объективная реальность. Человек – социальный продукт» [1, с. 102]. Соответственно, человек живет в двух реальностях, которые никогда полностью не совпадают и аутопоэтически порождают друг друга: в объективированной социальной реальности и в субъективной реальности. В нашем случае, при рассмотрении феномена альтернации, речь идет о субъективной реальности отдельно взятого индивида – человека с зависимостью. Начиная свою «реабилитационную карьеру» [2] и находясь еще на «точке входа», человек сталкивается с перспективой «тотального» изменения, которое осуществляется через ресоциализацию. Подобные крупные трансформации и называются альтернациями [1, с. 253], и механизмы их схожи с первичной социализацией.

Процессы альтернации «должны радикально по-новому расставить акценты реальности, а потому должны в значительной степени воспроизвести сильную эмоциональную идентификацию с персоналом социализации, которая характерна для раннего детства» [1, с. 253-254]. Впрочем, есть «но»! Если при первичной социализации человек не сталкивается с необходимостью пересмотра собственного «жизненного багажа», то при альтернации такая необходимость возникает. Неизбежность этого пересмотра имеет множество последствий – об этом ниже.

Именно на этом этапе рассуждений появляются персонажи священника и специалиста по социальной работе. Так исторически сложилось, что механизм альтернации уже давно используется в религиозных традициях: это инициационная практика посвящения в культ, сопровождающаяся уходом из «мира» и переходом в качественно «другой мир». Очевидно, что подобная работа с успехом может выполняться священником, предположим, в условиях религиозного реабилитационного центра. Что общество и реабилитант получают в результате подобной «альтернации»?

Результат подобного воздействия зачастую поражает и часто выразим в словосочетании «другой человек». Изменения личности реабилитанта в процессе «ресоциализации» зачастую воспринимаются сторонними наблюдателями как чудо.

Кардинальные изменения имеют несколько значимых атрибутов, непосредственно связанных с особенностями механизма альтернации. Во-первых, это переосмысление реабилитантом собственного прошлого («жизненного багажа») и дистанцирование от него, зачастую через «радикальную реинтерпретацию значения прошлых событий или лиц в собственной биографии» [1, с. 259], что затрудняет терапию и возврат в общество. Во-вторых, использование аппарата абсолютной легитимации даёт возможность «перетолкования» всей предыдущей жизни (как «позитива», так и «негатива») в качестве процесса подготовки к новому состоянию клиента. И, в-третьих, в результате смены референтной группы (с «собутыльников» на «единоверцев») возникает потреб-

ность пребывать в новой среде, подтверждая тем самым новое своё состояние: «следует систематически избегать тех лиц и идей, которые расходятся с новыми дефинициями реальности» [1, с. 257].

Эти три атрибута, помещенные в контекст религиозной реабилитации, демонстрируют высокие степени риска, который проявляется в «выпадении» человека из «широкого общества» [3], а ведь именно возврат человека к жизни в этом обществе в новом (трезвом) качестве подразумевается под реабилитацией и ресоциализацией [4].

Роль светского специалиста по социальной работе, вероятно, может стать определяющей для судьбы клиентов, прошедших религиозную реабилитацию. Подобная возможность видится при сочетании религиозных реабилитационных программ со светскими. Так, привлечение светских специалистов к постреабилитационному сопровождению в рамках программ по принципу «дома на полпути» или мониторингу состояния выпускника может повысить шансы клиента на возврат в общество. Однако подобная работа требует особой подготовки специалиста по социальной работе и ревизии существующих религиозных реабилитационных программ, которые исключительно медикализированны.

Признавая за аддикцией, например, наркозависимостью, био-психосоциодуховную природу, религиозные реабилитационные программы фокусируются на двух аспектах: психологическом и духовном, оставляя биологическую составляющую медикам и сводя социальное воздействие к императивным представлениям о социальной реальности, которые легитимированы Абсолютом и зачастую неприменимы вне среды данного сообщества. Это значит, переводя на язык социологии, что социально исключённые наркопотребители, проходя реабилитацию, включаются в религиозную субкультуру (альтернативный субуниверсум), тем самым усиливая или изменяя свой статус исключённости, но не избавляясь от него. Ведь именно из выпускников подобных программ формируется коллектив реабилитационных центров и то, что в антропологии называется «прихрамовой средой» [5].

Особенность подобного видения роли специалиста по социальной работе заключается в «социальной ориентации» антинаркотических программ, которая сегодня только формируется в связи с принятием Государственной программы Российской Федерации "Противодействие незаконному обороту наркотиков" [6]. Остается надеяться, что в практике реабилитации лиц с зависимым поведением наметится тенденция интеграции религиозных и светских реабилитационных программ через выделение специалиста по социальной работе как ключевого элемента постреабилитационного процесса в противовес существующему сегодня пониманию его роли [7].

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 324 с.
2. Колесников С.С. Реализация концепта «реабилитационной карьеры» в контексте социально конструктивистского подхода // Вестник орловского // Вестник орловского гос. ун-та, № 1, 2015. С. 333-307.
3. Лечение наркомании и реабилитация: практическое руководство по планированию и осуществлению [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.unodc.org/docs/treatment/Guide_R.pdf. Дата обращения: 24.04.2015.
4. Колесников С.С. Конструирование понятия «социальная реабилитация» в контексте современной наркопрофилактики // Вестник орловского гос. ун-та, № 5, 2014. С. 303-306.
5. Ахметова М.В. Конец света в одной отдельно взятой стране: Религиозные сообщества постсоветской России и их эсхатологический миф. М.: ОГИ, 2011. 336 с.
6. Государственная программа Российской Федерации "Противодействие незаконному обороту наркотиков" [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.fskn.gov.ru/pages/main/info/official_information/22132/index.shtml. Дата обращения: 24.04.2015.
7. Склярова Т.В. Специфика профессиональной деятельности социальных педагогов в религиозных общинах // Вестник Православного Свято-Тихоновского гум-го ун-та. Серия 4: Педагогика. Психология, № 4, 2007. С. 58-86.

ЗАНЯТОСТЬ МОСКОВСКИХ ПОДРОСТКОВ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ **MOSCOW TEENAGERS EMPLOYMENT IN THE CONTEXT OF SOCIAL NEGLECT AND DOMESTIC VIOLENCE**

Е.М. Колесникова
Центр прикладных психолого-педагогических исследований Московского городского психолого-педагогического университета, г. Москва
Е.М. Kolesnicova
Center for applied psycho-pedagogical research of the Moscow City Psychological-Pedagogical University

Представлены результаты исследования зависимости поведения подростков от вовлеченности родителей в жизнь ребенка.

The article shows the research result of dependency teenager's behavior and parent's involvement in child's life.

Ключевые слова: подростки, безнадзорность, насилие в семье, психолого-педагогическая компетентность родителей, занятость.

Keywords: teenagers, neglect, domestic violence, psycho-pedagogical competence of parents, employment.

Данная тема является частью «Социологического мониторинга занятости московских подростков в контексте профилактики и обеспечения безопасности», проведенного Центром психолого-педагогических исследований МГППУ в мае-июне 2015 г. в школах г. Москвы. Материалом данного текста являются результаты фокус-групп, проведенных с родителями учащихся 7-10 классов, с социальными психологами и социальными педагогами московских школ.

Проблематика социальной безнадзорности и насилия в семье перекликается с вопросами занятости подростков, включения их в продуктивную, в частности, образовательную деятельность. В нашем исследовании под насилием мы понимали не только физическое, но и психологическое насилие, а также такой аспект, как оставление нужд ребенка (не только биологических, но и социальных и психологических) без должного внимания. В данном контексте невнимание родителей к нуждам ребенка стимулирует сокращение продуктивной занятости и максимизирует социальные риски взросления подростка. Социальная безнадзорность понималась нами не в узкой, «социально клинической» трактовке (сиротство, изъятие из семьи и т.п.), а как отсутствие должного внимания со стороны родителей (в силу различных причин) к процессам взросления и социализации детей.

Максимальным фактором риска, основой, которая прокладывает дорожку в мир небезопасного поведения и вредных привычек, зачастую именно и являются родительско-детские отношения. Когда возникает какое-то недопонимание, которому не придано должного значения. А потом это недопонимание достигает размера грубости и дальше (социальный педагог).

Совмещение трудовой деятельности и родительских обязанностей

Социальная политика современного российского государства в аспекте регламентации времени родителей на выполнение семейных обязанностей в отношении детей достаточно специфична. Стоит отметить, что она ориентирована на определенные возрастные периоды ребенка, которые характеризуются максимальной «медицинской» зависимостью от исполнения родителями своих обязанностей по уходу и воспитанию детей. Она ориентирована на детей до-

школьного возраста и наиболее масштабно представлена декретными отпусками и отпусками по уходу за ребенком. В дальнейшем, по мере взросления ребенка, свои обязательства по регламентированию временного режима родителя и одновременно работника, а также исполнителя прочих социальных ролей государство зачастую перелагает на самих родителей. Теперь уже они сами (одновременно родители, граждане, работники и т.д.) вынуждены регулировать соотношение своей трудовой и «родительской» занятости. Все родители встают перед необходимостью их совмещения, с различной возможностью и желанием в расстановке приоритетов.

В своих высказываниях как родители, так в эксперты педагогического профессионального поля говорили о значимости занятости родителей для реализации ими своих родительских обязанностей, организации занятости ребенка и таким образом снижении рискованного режима и окружения подростков. Сама категория «занятой родитель» связывалась ими именно с невозможностью полноценного исполнения своих семейных, «воспитательных» обязанностей, невозможностью организовывать время ребенка в соответствии с его интересами и потребностями. Вынужденная концентрация исключительно на витальных потребностях детей и невозможность полноценной заботы о воспитании и образовании детей характерны, с точки зрения экспертов, для определенной категории родителей и нередко совмещаются с низким социальным статусом семьи.

У нас есть как бы друг сына, мальчик ... он всё время один, ну сколько я его знаю (с рождения). Не то, чтобы мама его не любит, просто она работает реально с утра до вечера ... не то, что желания нет, просто реально нет сил (у матери) (родитель ученика).

Когда приходит мать, у нее двое детей и она одна. Она говорит, понимаете, мне их надо кормить. И она с утра до вечера надрывается на нескольких работах. Старший в 7-ом, младший в 3-ем. ... Она говорит: я все понимаю, но я раньше 11 не возвращаюсь, иначе меня просто выгонят с работы. И таких, к сожалению, очень много семей (социальный педагог).

Замечательно, когда родители дома или есть бабушки, которые следят. Но, к сожалению, основная задача родителей – это решить житейские проблемы, накормить, одеть, обуть, поэтому зачастую многие дети предоставлены сами себе, причем даже с 1-го класса (школьный психолог).

Понятно, когда мама одиночка и она на трех работах, с утра до ночи ... То есть мама говорит о том, что мне уже не до ребенка, а как бы мне себя реабилитировать в выходной день.

Психолого-педагогическая компетентность родителей

Психолого-педагогическая компетентность родителей отмечалась участниками фокус-групп как важный фактор, определяющий конструктивную занятость, снижение рискованного окружения и комфортные условия взросления в целом. В ситуации высокой зависимости ребенка от родителей большое значение приобретает наличие у родителей необходимого набора знаний, навыков, соответствующих актуальным представлениям о психологии ребенка и нормах воспитания. В актуальной ситуации мы можем говорить скорее об отсутствии каких-то общепринятых критериев достаточности экспертного знания родителей. С одной стороны, это оставляет простор для индивидуализации родительско-детских отношений, учета культурных предпочтений различных социальных групп. С другой стороны, делает оценку эффективности родительско-детских отношений в семье крайне ситуативной и оставляет возможность игнорирования даже общепринятых в рамках педагогических и психологических научных экспертиз норм поведения, действия.

Интересно отметить, что в данном случае участники-эксперты не проводили никакой зависимости состоятельности, «компетентности» родителей с их материальным и социальным положением. В данном аспекте крайне интересна также позиция государства и ориентированность государственной политики по защите интересов детей на «бедные» семьи. С точки зрения экспертов, материальная обеспеченность родителей не может считаться залогом эффективного исполнения родительских обязанностей, перераспределения трудового и семейного режимов.

Мне кажется, дети, предоставленные сами себе, это... те дети, на которых родителям наплевать. Чьи родители заняты какими-то делами, либо на работе, либо личной жизнью. Такие родители не уделяют времени ребенку, не интересуется его делами, учебой, отношениями. Ребенок остается со своими проблемами (родитель ученика).

... ребенок, предоставленный сам себе, это ребенок, рядом с которым нет человека, который бы ему объяснил, что такое хорошо, что такое плохо, который бы позаботился о нем, направил бы его... (родитель ученика).

У нас часто родители вполне состоятельные. У них есть шофер, гувернантки. Но, если поговорить с ребенком: что ты ел на завтрак? Пакетик чипсов нашел в машине, пока меня шофер вез. А мама что? А мама спала (школьный психолог).

...к вопросу о детях, предоставленных самим себе: первый ребенок, о котором я подумал, это ребенок той категории, который не может построить отношения в семье по тем или иным причинам. ... формально родитель участ-

вует в происходящих процессах, а так у родителей своя жизнь, работа, любовь, все что угодно. Пересекаются только на выходных. Ребенка стараются в выходные чем-то занять, отдать в школу на дополнительные занятия, которые проводят учителя, сходить с друзьями, или куда-то еще для того, чтобы по времени с ребенком просто не пересекаться. И сказать детям, чтобы ложились спать раньше, чем родители с работы приходят. Для того, чтобы не пересекаться. Потому что так выстроены отношения с ребенком (школьный психолог).

Полномочия и ответственность участников образовательного и воспитательного процесса

Определенным аспектом родительской компетентности в контексте социальной безнадзорности подростков можно рассматривать и проблематику теорий «социальной ответственности родителей». Соотношения социальной и психологической зависимости детей от семьи родителей и разделения ответственности в ситуациях выбора, столь типичных для воспитательного и образовательного процесса, представляется крайне интересным. Распределение полномочий и ответственности за границы социальной ответственности родителей во взаимоотношениях с детьми весьма актуальны. С одной стороны, представления о родительских обязанностях и психолого-педагогической компетентности родителей включают учет интересов и мнений ребенка, тем более, что в нашем исследовании речь идет о родителях подростков и выпускников школы. С другой стороны, сложно провести грань между «учетом интересов» и «отказом от ответственного исполнения родительских обязанностей».

...у нас есть мамы ... немного, но есть ... они сказали в 11 классе: знаете, наши дети уже взрослые и мы все предоставляем им. Как они считают нужным, пусть так и решают. ... Такие есть, где родители просто самоустранились. Они живут своею жизнью. Я ему все дала, а теперь пусть решает сам, что ему делать, чего не делать, он достаточно взрослый. И больше мне, пожалуйста, не звоните (школьный психолог).

Определенный вклад в данную проблематику вносит и включение в эту ситуацию психолого-педагогического состава школы. Изменение процессов взаимодействия «учитель – родитель – ученик» усложняет данный вопрос. Можно говорить о смене парадигмы взаимной социальной ответственности родителя и школьных специалистов на разделение ответственности. При этом большой вклад в этот вопрос вносит и коммерциализация отношений «родитель – школьные специалисты – ученик». Если для советского периода разделение полномочий и обязанностей было скорее вопросами государственной, общественной, профессиональной идеологии и культуры, то сегодня речь идет об

исполнении оплачиваемых трудовых обязанностей со стороны школьных специалистов и «неоплачиваемых» обязательствах родителей.

Есть такие мамы, кто считает, что: вы – учителя, вы и занимайтесь. Дети откровенно говорят: вам за нас деньги платят, вот вы и работайте. И такое тоже есть. ... Вам за него платят деньги – вот и занимайтесь ребенком. Он у меня дома прекрасный. А какой он у вас – это ваши проблемы (школьный психолог).

Данное исследование является первоначальным этапом исследовательского проекта. Результаты, безусловно, будут корректироваться и разрабатываться по мере его реализации.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ МОЛОДЫХ И СТУДЕНЧЕСКИХ СЕМЕЙ **SOME ASPECTS OF SOCIAL POLICY FOR YOUNG AND STUDENTS FAMILIES**

Е.А. Кривко

Российский университет дружбы народов, Москва

E.A. Krivko

Peoples' Friendship University of Russia, Москва

Проблемы молодых семей и студенческих семей традиционно являются предметом социальной политики. Однако сегодня учитываются не все параметры, которые могут сделать такую политику реально эффективной и востребованной.

The problems of young families and families of students are traditionally the subject of social policy. Today, however, not all parameters are taken into account. It should answer the question: what to do for such a policy to be effective and appropriate.

Ключевые слова: молодая семья, студенческая семья, социальная политика, социальная поддержка.

Keywords: a young family, student's family, social policy, social support.

Последние десять-пятнадцать лет связаны с активными размышлениями в обществе и действиями государства в отношении семьи. Семья сегодня – это и предмет исторического и культурного наследия, и ресурс общественного развития, и решение проблем демографии. С другой стороны, семья – это комплекс проблем, которые приходится решать, обеспечивая семье условия для жизни, комфорт, перспективы.

В огромном массиве исследований «*семейной проблематики*», образовавшемся за последние десятилетия, обращает на себя внимание, то, что чем больше внимания со стороны научного сообщества уделяется данному вопросу, чем активнее государство декларирует свою приверженность семейным ценностям и поддержку института семьи, тем больше неопределенности возникает. Например, возможно ли в принципе решить проблемы семьи, и мало того, существуют ли эти проблемы отдельно от любого другого вопроса социального бытия, социального института или социальной группы.

Традиционно решение проблем молодой семьи происходит в контексте политики в отношении молодёжи. Это обосновано лишь тем, что и там, и там присутствует понятие *молодость*. Реальность подтверждает, что понятие *молодая семья* не обязательно относится к молодости супругов (или одного из них), а указывает лишь на стаж семейных отношений. Проблемы и задачи у каждой *молодой семьи* разные, как разные у них возможности, потребности и жизненные планы (учитывая опыт, возраст, доход и т.п.). Таким образом, говоря о социальной поддержке молодой семьи, мы говорим уже о нескольких типах молодых семей. Кто-то, безусловно, нуждается в таковой, кто-то, возможно, и нет. Причем, присутствие или возникновение проблем возможно в любой семье. Речь, конечно, о социальных, материальных проблемах.

Наиболее *подходящей* под государственную молодёжную политику может считаться *студенческая семья* (та, где оба супруга студенты или аспиранты). Между тем, по данным исследований, именно эти семейные союзы оказываются менее долговременными. Причин этого несколько. Во-первых, создание студенческой семьи не обязательно связано с наличием у супругов необходимого дохода, постоянного места проживания (общежитие таковым считаться не может), практической помощи со стороны старших родственников (если студенты т.н. иногородние). Можно заключить, что такие семьи вообще не рассматриваются как объект внимания и ресурс. Устроить ребенка в дошкольное учреждение или в школу часто нереально, так как в ряде регионов приняты свои ограничения. Во-вторых, такие семьи могут создаваться молодыми людьми как *социальный эксперимент*, обеспечивающий либо новый социальный статус, либо комфорт, либо возможность преодоления одиночества. Понятно, что речи о желании брать на себя длительную ответственность за другого человека здесь нет, поэтому нет мотива и для того, чтобы такой семье была оказана социальная поддержка со стороны государства, так как последнее ничего не получит взамен (например, человеческих ресурсов).

В контексте рассмотренных выше обстоятельств может сложиться мнение, что такое явление, как молодая семья вообще должно находиться вне лю-

бого известного сегодня толкования социальной политики. Это, конечно, не может быть принято за основу. Скорее всего, следует подумать о том, чтобы социальная политика в отношении молодых и студенческих семей стала более гибкой. Во-первых, приоритет должен быть отдан не понятиям *молодость* или *студенчество*, а понятию *семья*. Во-вторых, «*молодая семья*» как объект социальной поддержки должен опираться на данные оценки перспективности каждого семейного союза, его вероятной продолжительности, ресурсного потенциала, а также реальных потребностей. Здесь речь идет лишь о том, что при принятии конкретных решений должны учитываться реальные исходные (в т.ч. результаты предварительных исследований). И, конечно, нет речи о том, чтобы лишать какие-либо группы населения помощи, их просто не всегда следует рассматривать в контексте социальной политики в отношении *молодых и студенческих семей*.

Примерные типы *молодых и студенческих семей*:

- молодые семьи, где оба супруга в возрасте 16-30 лет;
- молодые семьи, где один из супругов в возрасте 16-30 лет;
- молодые семьи, где оба супруга старше 30 лет;
- студенческие семьи, где оба супруга являются студентами или аспирантами;
- «*условно студенческие семьи*», где лишь один является студентом или аспирантом.

Параметры, которые должны учитываться при принятии решений о социальной поддержке (каждому типу):

- 1) наличие/отсутствие стабильного источника доходов (у обоих или у одного из супругов),
- 2) постоянное жильё (собственное, съемное),
- 3) рожденные в браке дети,
- 4) дети от прежних браков (включая сведения об алиментах и т.п.),
- 5) уровень образования и профессиональной подготовки супругов.

Литература

1. Васильев Е.П. Статус молодой семьи в современном российском обществе Автореф. Канд дисс... 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Казань, 2007.
2. Осохеева Б.Р. Современная молодая семья: процессы трансформации и факторы стабилизации 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы, Улан-Удэ, 2007.
3. Результаты научных исследований положения молодёжи в Российской Федерации 2009-2012 годы (РУДН), 2013-2014 гг. (РУДН).

**ОТНОШЕНИЕ СЕМЕЙ-КЛИЕНТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ К
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
CLIENTS OF SOCIAL PROTECTION SERVICES:
PERCEPTION OF STATE FINANCIAL SUPPORT**

М. Кулмала

Александровский институт Университета Хельсинки, Финляндия

А.А. Варызгина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

M. Kulmala

Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland

A.A. Varyzgina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Исследуются вопросы государственной финансовой поддержки семей с детьми. Пособия сегодня не выполняют, по мнению получающих их семей с несовершеннолетними детьми, своих основных функций – содействие выходу семьи из трудной жизненной ситуации. В этих обстоятельствах семьи могут рассчитывать только на собственные усилия и на сети поддержки.

The paper presents issues of state financial support of families with children. Benefits fail to serve their main function to help families to get out of poverty. In that circumstance families count only on their own labour activity and social networks.

Ключевые слова: бедность, семьи с детьми, социальная политика, государство благосостояния, социальная защита населения, пособия.

Keywords: poverty, families with children, social policy, welfare state, social protection, benefits.

Вопросы, связанные с государственной финансовой поддержкой малоимущего населения, степени ее необходимости и объема, изучаются на протяжении долгого времени в разных странах как в качестве отдельного предмета изучения, так и как часть государственной социальной политики [1-7]. Согласно статистике [8], семьи с детьми составляют основную часть малоимущего населения, самая уязвимая часть из них – семьи с маленькими детьми до 3 лет. Появление ребенка в семье приводит к повышению иждивенческой нагрузки на работающих членов семьи и повышению расходов. Мать, как правило, вынуждена на время оставить работу, что приводит к сокращению доходов семьи. Довольно остро стоит вопрос детской бедности [9,10]. Бедные семьи, семьи с высоким риском бедности не могут в должной мере обеспечить всестороннее развитие детей, т.к. часто не могут оплатить расходы, связанные с их образованием, здоровьем; как следствие снижается будущий человеческий потенциал

страны. Все это делает вопрос финансовой поддержки бедных семей исключительно важным и актуальным в современной России. Целенаправленная политика финансовой поддержки бедных семей с детьми снижает риск бедности и способствует увеличению числа благополучных семей, обеспечивающих расширенное воспроизводство населения.

Одной из форм социальной защиты малообеспеченных и бедных семей с несовершеннолетними детьми (наряду с социальным обслуживанием, государственным социальным страхованием) является финансовая поддержка государства: обеспечение социальными выплатами, субсидиями, компенсациями и льготами. Мы рассмотрим более подробно вопрос социальных выплат, предоставляемых бедным семьям, имеющим несовершеннолетних детей, а также отношение по отношению к ним получающих их семей на примере Нижегородской области¹.

Вопрос о необходимости государственной финансовой поддержки сложный и неоднозначный. С одной стороны, она необходима как мера социальной политики страны. С другой стороны, многие исследователи [11-14] говорят о формировании иждивенческих позиций у населения (*welfare dependency*) в государстве благосостояния как следствии социальной политики, т.к. финансовая поддержка «подрывает мотивацию людей содержать себя самостоятельно», «медленно, но верно делает людей зависимыми» [15].

В России существует широкий спектр пособий, на которые может рассчитывать семья с детьми, чьи доходы не превышают прожиточного минимума. Однако, как показали данные исследования, бедные семьи с детьми, имеющие право на пособия по уровню дохода, не часто обращаются за государственной финансовой поддержкой в департаменты соцзащиты (только 20%), хотя они более активны в этом по сравнению с прочими домохозяйствами (8%). Согласно данным министерства социальной политики Нижегородской области [16], размер регионального пособия малообеспеченным семьям с несовершеннолетними детьми старше 3 лет небольшой и колеблется в диапазоне от 100 до 1500 руб., причем среднее значение не превышает 600 руб. За последние несколько лет ситуация с низким размером пособий малообеспеченным семьям и детям принципиально не изменилась, а многие пособия не индексируются на протяжении последних 5 лет, несмотря на уровень инфляции и увеличение прожиточного минимума. Такая финансовая поддержка, даже регулярная, конечно, не покрывает необходимые потребности семьи и не может способствовать выходу семьи из состояния бедности. Этим объясняется довольно низкий процент бедных семей, обращающихся в отделения социальной защиты за выплатами пособий, полагающимися им по уровню дохода. Кроме того, большинство выплат и

льгот, положенных семье по факту рождения ребенка, прекращается по достижении ребенком возраста полутора и трех лет. Семьи с детьми старшего возраста могут рассчитывать на материальную поддержку в случае, если их совокупный уровень дохода не превышает прожиточного минимума, установленного в регионе (в случае получения адресной поддержки семья может иметь доход, немного превышающий эту границу). По мнению большинства семей с детьми, оказываемая им со сторон государства материальная поддержка не существенна («копейки»). Специалисты, занимающиеся изучением проблем бедности, также говорят о том, что совокупный вклад программ, имеющихся в системе социальной защиты населения, в доходы населения меньше (иногда существенно меньше), чем помощь родственников. [17]. Многие из родителей, обратившихся в СЗН, в процессе беседы даже немного смущаются, говоря о том, что вынуждены обращаться за подобной помощью и принимать ее. В то же время никто из них не отказывается от нее («хоть что-то получить от государства», «если есть возможность, то почему бы нет?», «деньги лишними не бывают»). Наиболее частый повод обращения в органы социальной защиты молодых семей с детьми – получение бесплатного детского питания на молочной кухне, детских пособий, реже – субсидии на оплату жилья (в основном многодетные семьи) [18].

Низкий уровень обращения бедных семей с детьми в органы социальной защиты обусловлен не пассивностью семей, а несущественностью поддержки, не решающей проблемы бедности семей. Пособия сегодня не выполняют, по мнению получающих их семей с несовершеннолетними детьми, своих основных функций – содействие выходу семьи из трудной жизненной ситуации. Вместе с тем, семьи с детьми четко разделяют государственный механизм поддержки и конкретных исполнителей, клиенты социальной защиты в большинстве своем положительно оценивают работу самих служб, отношение к клиентам, готовность помочь, искреннее стремление найти лучший вариант. Семьи с детьми не могут рассчитывать на значимую финансовую поддержку государства и опираются на свои собственные силы, на повышение собственных заработков [19] и на социальные сети поддержки, что откладывает пока вопрос о формировании иждивенческих позиций у населения по отношению к государству.

Примечание

1. Исследовательский проект «Партисипаторный подход к снижению бедности: механизм общественного участия», проведенный в 2010г. объеди-

ненным международным коллективом с участием сотрудников кафедры экономической социологии факультета социальных наук ННГУ под руководством проф. Н.Н. Иващенко. В рамках исследовательского проекта была проведена серия интервью с представителями служб социальной защиты населения каждого района г. Нижнего Новгорода и 30 гражданами, обратившимися за помощью в службы соцзащиты.

Литература

1. Rowntree S. Poverty: A Study of Town Life, Macmillan, London, 1901.
2. Townsend P. Poverty in the United Kingdom / P. Townsend. Harmondsworth: Penguin, 1979.
3. Sen A. Poverty and Famines, OUP Oxford, 1981. Business & Economics. 257 p.
4. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения: Монография. Под общ. ред. Н.М. Римашевской Н.М., Иващенко Н.Н. Нижний Новгород-Москва: Изд-во Нижегородского госуниверситета. 2013. 268 с.
5. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Мир России. 2012. №2. С. 3-26.
6. Теодорович М.Л. Бедность как социальная проблема: стратегический подход. Монография. Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009, 480 с.
7. Иващенко Н.Н. Диагностика потенциала внедрения механизма общественного участия для преодоления бедности: модели и реальность // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 1(21) Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2011. С. 23-32.
8. Овчарова Л.Н., Римашевская Н.М. Предложения к стратегии содействия сокращения бедности в России: анализ и рекомендации, Москва, 2001. С. 9. URL: www.ilo.org/public/russian/region/eurpro/moscow/info/.../rep_ru_edit.pdf. (Дата обращения 20.08.2015).
9. Jensen L. Child Poverty in Comparative Perspective // Contemporary Sociology, Vol. 27, No. 6 (Nov., 1998), pp. 561-564.
10. Римашевская Н.М, Бочкарёва В.К., Мигранова Л.А., Молчанова Е.В., Токсанбаева М.С. Человеческий потенциал российских регионов // Народонаселение. №3. 2013. С. 82-132.
11. Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 102.
12. Blunden A. Welfare Dependency: The Need for a Historical Critique // Arena Magazine. Nbr. 2004, June 2004. электронный источник <http://home.mira.net/~andy/works/dependency.htm>, дата обращения 5/06/2015).

13. Besharov D.J. Social Welfare Twin Dilemmas: Universalism vs. Targeting and Support vs. Dependency. 1998. P. 1-25, электронный источник, режим доступа http://www.umdcipe.org/Journal_Articles/twindil.pdf (Дата обращения 25.07.2015).
14. Fraser N., Gordon L. A Genealogy of Dependency: Tracing a Keyword of the U.S. Welfare State // *Signs*. 1994. Vol. 19. No. 2. P. 309-336.
15. Сидорина Т., Тимченко О. Социальное иждивенчество – обратная сторона благоденствия // «Отечественные записки» 2012, №5(50) электронный ресурс <http://magazines.russ.ru/oz/2012/5/> (Дата обращения 20.06.2015).
16. Министерство социальной политики Нижегородской области, официальный сайт. Раздел: Пособия и выплаты семье и детям <http://www.minsocium.ru/index.php/vyplaty/family> (Дата обращения 20.05.2015).
17. Овчарова Л.Н. Профиль российской бедности <http://demoscope.ru/weekly/2005/0195/tema02.php> (Дата обращения 13.05.15).
18. Варызгина А.А. Стратегии преодоления бедности семьями с детьми: взаимодействие с службами социальной защиты населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 2 (26) Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 15-21.
19. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России // Народонаселение. №1. 2013. С. 30-41.

**ПЕРЕСЕЧЕНИЕ МИРА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СПОРТА И
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**
CROSSING THE WORLD PROFESSIONAL SPORTS AND SOCIAL WORK

Н.В. Ларшина
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
N.V. Larshina
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Целью представленных тезисов является изложение мнения профессиональных спортсменов о социальных программах адаптации после завершения карьеры.

The main idea these theses are exposition opinion of professional sportsmen by social programs of adaptation after completion of career.

Ключевые слова: профессиональный спорт, законодательство, социальная адаптация, социальные программы.

Keywords: professional sport, legislation, social adaptation, social programs.

В нашей стране профессия «спортсмен-инструктор» официально была утверждена Постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 2 августа 1988 года № 945 "О совершенствовании управления футболом, другими игровыми видами спорта и дополнительных мерах по упорядочению содержания команд и спортсменов по основным видам спорта" [1]. Безусловно, профессиональный спорт (здесь в значении спорт как профессия) де-факто существовал в нашей стране задолго до указанной даты, но юридического статуса он не имел, т.к. в СССР согласно идеологии построения социалистического общества мог существовать только любительский спорт как досуговое времяпрепровождение советских граждан, а профессиональный спорт был заклеимён как признак капиталистического общества, основанного на эксплуататорском труде: «Профессионализм в спорте, выражающий собою закономерное явление гнивающей буржуазной культуры, является особо утончённой функцией эксплуатации человека человеком, ...полнейшая зависимость спортсмена от предпринимателя» [2].

Законодательно закрепив профессию «спортсмен-инструктор», Постановление от 2 августа 1988 года № 945 не внесло ясности в вопрос: какими отраслями права регулируется деятельность спортсменов? Последующий этап перестройки, становление правового государства актуализировали вопросы правового регулирования сферы спорта. Данная дискуссия развернулась в двух направлениях: одни юристы считали оптимальным вариантом регулирование деятельности профессии «спортсмен» гражданским правом, иные – трудовым правом. В результате принятия Федерального закона Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. № 13-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" завершилась ситуация «перетягивания каната» в правовом поле: государственными нормативными правовыми актами было установлено, что деятельность российских спортсменов регулируется трудовым правом [3]. Таким образом спортсмены получили право на законных основаниях получать пенсию и быть защищёнными всем комплексом трудового права. Государственная законодательная инициатива является весьма важной для спортсменов, особенно для категории тех, кто завершают свою профессиональную карьеру, поскольку по объективным причинам спортсмены вынуждены завершать свою карьеру в 30-35 лет. Дело в том, что к этому возрасту физиологически организм спортсмена уже исчерпывает свои резервы, данные ему природой, и не может выполнять на должном уровне квалификационные требования и, соответственно, добиваться высоких спортивных результатов. Если среднестати-

стический работающий человек в возрасте 30-35 лет продолжает активно совершенствовать свои профессиональные навыки, то для спортсмена этот возраст является рубежом завершения профессиональной карьеры. Именно возраст в 30-35 лет официально является первой возрастной границей, когда спортсмен может принимать участие во Всемирных Играх ветеранов спорта (World Masters Games) [4].

Одной из социологических парадигм является институциональный подход, предполагающий возможность проведения анализа социальных проблем на трёх уровнях: макро-, мезо-, микроуровне [5]. Государственная законодательная инициатива относится к макроуровню. Отрадно, что государство осознало важность поддержки отечественных спортсменов, которые полностью посвящают себя выступлениям на международной спортивной арене под флагом России, тем самым прославляя своими победами страну.

Нами было проведено социологическое исследование методом полуструктуризованного интервью с целью изучения проблем ресоциализации профессиональных спортсменов; акцент был сделан на анализе заявленной проблематики с точки зрения микроуровня: исследование мнений, судеб самих спортсменов в заданных институциональных условиях. Респондентами опроса были 38 спортсменов г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, в числе которых 6 участников Олимпийских игр, 6 мастеров спорта международного класса, 7 заслуженных мастеров спорта, 15 мастеров спорта, 9 кандидатов в мастера спорта, 1 разрядник.

Среди вопросов интервью был следующий: *«Нужна ли помощь спортсмену при завершении его профессиональной карьеры, помощь в адаптации к жизни после ухода из спорта?»*, заданный специально в открытой и косвенной форме, чтобы мнение респондентов не ограничивалось своим опытом, личными знаниями или незнанием программ социальной поддержки людей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Поначалу вопрос воспринимался «в штыки»: первая реакция была с негативным возмущением, даже с проявлением эмоциональных порывов негодования: *«Бомжам нужно помогать, алкоголикам», «Когда человек служил в армии или человек 10 лет отсидел в тюрьме, то таким людям нужна помощь, нужна адаптация», «Но стыдно для спортсмена в первую очередь, если он еще здоровый мужик, имеет образование», «Самому нужно захотеть», «Да какая помощь! Деньги надо ему».*

Но постепенно спортсмены, проговаривая и размышляя вслух о сложном для них этапе жизни ухода из спорта, меняли свой гнев на милость при ответе на заданный вопрос и начинали смягчаться в своих оценках, говоря: *«Почему бы нет», «Его нужно просто направить, дать глоток свежего воздуха, чтобы*

он воспрямл», «Помощь нужна от тренера. Это нужно тренеру взять за правило», «Помогать им надо не потом, когда он закончил выступление, а когда он занимается, выступает», «Наверное, друзья, знакомые могут руку помощи подать».

Затем в процессе интервью спортсмены рассказывали о своем жизненном опыте прохождения «рубикона» в своей профессиональной карьере, вспоминали поэтапно события и эмоции, которые им приходилось испытывать, уходя из спорта. Некоторые описывали свой уход из спорта метафорично, как «падение горы с плеч», т.е. окончание постоянных, изнурительных тренировок, переездов и т.п. Но для большинства уход из спорта вызывал сожаление, ностальгию. Несмотря на всю глубину эмоциональных переживаний, объективно перед человеком возникал насущный жизненный вопрос: куда идти дальше? чем заниматься после спорта? Ставя перед самими собой вопросы выбора дальнейшего жизненного пути, вариантов своей будущей профессии, спортсмены *ни напрямую, ни косвенно* не упоминали о каких-либо социальных службах, способных оказать им помощь, дать совет. В их ответах не фигурировали возможные варианты обращения – *даже гипотетически* – в какие-либо социальные службы за консультацией: ни в профориентационные центры, ни в центры занятости, ни в иные социальные службы. Этот аспект в мнениях спортсменов вообще отсутствовал, не нашёл своего отражения ни в одном из интервью. Суммарно ответы 38 нижегородских спортсменов на вопрос: *«Нужна ли помощь спортсмену при завершении его профессиональной карьеры, помощь в адаптации к жизни после ухода из спорта?»* сгруппировались, условно говоря, в четыре мнения на букву «Н»:

- «не нужно»
- «не знаю»
- «не думал об этом»
- «ну, может быть».

По сути, спортсмены высказали своё нейтральное отношение к оказанию какой-либо помощи, а присущий поначалу негатив в их ответах по отношению к какой-либо форме социальной поддержки нивелировался сам собой в процессе хода интервью, в результате личного самоанализа момента их ухода из спорта. Важно подчеркнуть, что высказанный диапазон мнений спортсменов от негативного восприятия до нейтрального относительно насущности оказания помощи связан не с деятельностью самих социальных служб и оценки их деятельности, а из-за элементарного отсутствия информации. Прорыв информационного вакуума между миром профессионального спорта и деятельностью социальных служб мог бы привести к позитивным шагам на пути оказания ком-

плексной поддержки спортсменов как завершающих, так и завершивших свою профессиональную карьеру.

Высказывания спортсменов, условно сгруппированные в четыре мнения на букву «Н», являются не экспертной оценкой деятельности социальных служб, а фоном того отношения спортсменов к какой-либо помощи со стороны социальных служб, сложившегося не из-за фактов их совместной деятельности, а наоборот, из-за полного отсутствия информации у спортсменов об их существовании, профиле их деятельности.

Мир профессионального спорта и социальной работы находятся, образно говоря, в параллельных плоскостях относительно друг друга: ни один из этих миров ничего не знает о существовании друг друга. Подчеркнём, что этот вывод относится к вопросу рассмотрения социальной адаптации, ресоциализации профессиональных спортсменов на микроуровне, т.е. с позиции личного мнения спортсменов.

Любые государственные социальные программы, направленные на поддержку, постспортивную адаптацию спортсменов и т.п. будут эффективными, если при их разработке будет учитываться мнение главного субъекта социального института спорта – самих спортсменов.

Начало этого процесса положено деятельностью общественной Комиссии спортсменов, созданной при Олимпийском комитете России (далее – ОКР) в 2009 г. В результате активной деятельности Комиссии спортсменов в направлении социальной адаптации, защиты спортсменов был образован в 2013 г. в ОКР Сектор социальной адаптации спортсменов.

Будем надеяться на оптимизацию данного процесса, и в итоге параллельные прямые мира профессионального спорта и социальной работы всё же пересекутся.

Литература

1. Постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 2 августа 1988 года № 945 "О совершенствовании управления футболом, другими игровыми видами спорта и дополнительных мерах по упорядочению содержания команд и спортсменов по основным видам спорта" [online] / [Обращение к документу: 25 марта 2015]. Доступ через <http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_14941.htm>.
2. Пономарев Н.И. Классовая сущность профессионализма и «любительства» в буржуазном спорте: автореф. дис... канд. пед. наук: 13.00.04 / Н.И. Пономарев. Москва, 1951. С. 3.
3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 февраля 2008 г. N 13-ФЗ

"О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации" // Российская газета. 2008. 5 марта.

4. Всемирные Игры ветеранов спорта (World Masters Games) [online] / [Обращение к документу: 25 июня 2015]. Доступ через <<http://www.2009worldmasters.com>>.
5. Заславская Т.И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации / Т.И. Заславская. М.: Дело, 2004. 400 с.

**АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ БЕЗРАБОТНЫХ ЖЕНЩИН,
ВОСПИТЫВАЮЩИХ МАЛОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ,
К УСЛОВИЯМ РЫНКА ТРУДА**
**ANALYSIS OF ADAPTATION TO LABOR MARKET CONDITIONS
OF UNEMPLOYED WOMEN WHO BRING UP YOUNG CHILDREN**

А.Н. Лахова
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
A.N. Lahova
Nekrasov State University of Nizhny Novgorod

Исследуется проблема адаптации безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, на рынке труда, выявляются потребности, которые надо учитывать при разработке программы социальной поддержки данной категории безработных граждан. Изучение проблем безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, и выработка программы адаптации данной категории граждан на рынке труда и составляет содержание исследования.

The work is devoted to the adaptation of unemployed women raising young children in the labor market. Identifying those needs, which should be considered when developing a program of social support for this category of the unemployed. Study of the problems of unemployed women raising young children and developing a program of adaptation of this category of citizens in the labor market is the content of the study.

Ключевые слова: безработные женщины, дети, адаптация, трудоустройство, рынок труда.

Keywords: unemployed women, children, adaptation, employment, labor market.

Особая позиция государства сложилась в отношении безработных женщин, воспитывающих малолетних детей. Это связано, прежде всего, с тем, что

эта категория является наиболее уязвимой в условиях рыночной экономики. Государству необходим комплексный подход для помощи в трудоустройстве данной категории населения.

Социальным службам нужно учитывать их особенности, накапливать информацию о формах и методах работы с женщинами, воспитывающими малолетних детей, овладевать средствами, с помощью которых осуществлять трудоустройство. Несмотря на остроту проблемы, эта отрасль социальной деятельности находится пока в стадии формирования, а недостаток материальных средств явно мешает действительно эффективной работе службы.

Решение проблем трудоустройства безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, имеет большое значение в социальном плане, ибо в Костромской области среднегодовая численность женщин, имеющих малолетних детей в возрасте до 3-х лет, составляет 22077 человек. Ежегодно в службу занятости населения Костромской области за содействием в трудоустройстве обращаются почти 500 женщин, имеющих детей до 3-х лет. Программа помощи в адаптации безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, становится необходимой, так же, как и разработка методических рекомендаций для специалистов социальных служб, которые непосредственно ведут работу с данной категорией безработных граждан. Женщины, воспитывающие малолетних детей, являются социально незащищенной категорией граждан. Социальным службам нужно учитывать их особенности, накапливать информацию о формах и методах работы с данной категорией безработных для повышения их адаптации на рынке труда.

Необходимо совершенствование способов осуществления поэтапных шагов по расширению деятельности органов служб занятости для поддержки данной категории безработных граждан и увеличения их конкурентоспособности на рынке труда. Для выявления сложностей, с которыми сталкиваются безработные женщины при трудоустройстве нами было проведено социологическое исследование. Анализируя анкеты, мы получили следующие результаты.

Женщины активно участвовали в анкетировании и были заинтересованы в ходе исследования. Они внимательно изучали все вопросы и спрашивали, если им что-то было неясно. На вопрос: «Трудности в трудоустройстве вызваны нехваткой профессиональных навыков?» большинство ответили положительно (72%). Это показывает, что основная причина трудности при устройстве на работу – это нехватка или отсутствие профессиональных навыков, поэтому центром занятости нужно большое внимание уделять вопросу подготовки, переподготовки или получения смежной специальности.

Многие безработные женщины испытывают проблемы личностного ха-

рактера при трудоустройстве на работу, что требует индивидуального подхода к содействию занятости и выявлению их предпочтений при поиске работы.

В большинстве случаев (60%) безработные не испытывают негативного отношения работодателей. Это показывает, что женщины, воспитывающие детей, не ущемляются в своих правах на трудоустройство. Но, с другой стороны, необходимо подчеркнуть что 40% женщин сталкиваются при трудоустройстве на работу с дискриминацией со стороны работодателей и коллектива.

Субъективный характер дискриминации женщин связан с предубеждением работодателей – «женщина – худший работник», причем эта оценка не имеет ничего общего с профессиональными характеристиками конкретной женщины. Предпочтение при приеме на работу отдают мужчине, при увольнении первой уходит женщина, карьерный рост для нее также ограничен. Неравенство в оплате труда проявляется в большей степени через гендерную сегрегацию на рынке труда и в меньшей степени через прямую дискриминацию, когда женщине просто платят меньше, чем мужчинам, за одну и ту же работу.

На вопрос о влиянии двойной занятости на трудоустройство почти все женщин ответили, что испытывают по этому поводу очень большие трудности, поэтому женщинам необходимо найти работу с гибким графиком работы, желательно без командировок, достойной оплатой. Часто это становится почти невыполнимо, так как набор вакансий с такими условиями невелик.

Опрашиваемые отметили малую информированность об имеющихся вакансиях (60%), трудности в получении новой и достоверной информации об имеющихся вакансиях на рынке труда, что снижает шансы на трудоустройство.

На вопрос, «Какие меры необходимы для конкурентоспособности безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, на рынке труда?» большинство опрошенных ответили, что в первую очередь женщинам необходима материальная помощь (50%), профессиональная подготовка и переподготовка, получение новой специальности (40%) и повышение информированности об имеющихся специальностях (30%).

Анализ ответов на показал, что необходим комплексный подход к решению проблем трудоустройства данной категории безработных граждан. В программу помощи необходимо включить пункты о материальной помощи, подготовке и переподготовке и получении смежной профессии, а также повышении информированности об имеющихся вакансиях на рынке труда, разработки форм присмотра за детьми, психологической помощи и индивидуальной работе с женщинами по выбору профессии, содействию самозанятости. Эти меры помогут данной категории безработных граждан стать более конкурентно способными на рынке труда. Необходим комплексный подход в помощи адаптации

безработных женщин, воспитывающих малолетних детей, к условиям рынка труда. Наиболее эффективный метод помощи в адаптации на рынке труда данной категории безработных – это разработка программы адаптации, которая включает в себя основные направления работы с безработными женщинами. Те меры, которые сейчас принимают по решению этой проблемы, недостаточны, что подтверждает и наше исследование.

Литература

1. <http://dfgszn.kostroma.ru>
2. Ведомственная целевая программа «Содействие занятости населения Костромской области на 2015-2020 годы». От 30 декабря 2014 г. № 246.
3. Комплекс мер, направленных на создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью, а также на организацию профессионального обучения (переобучения) женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, в Костромской области в 2013-2015 гг.

**ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С РОДИТЕЛЯМИ, ЛИШЕННЫМИ
ИЛИ ОГРАНИЧЕННЫМИ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ, С ЦЕЛЮ
ВОЗВРАЩЕНИЯ РЕБЕНКА В СЕМЬЮ**
**FORMS OF SOCIAL WORK WITH PARENTS WHO DEPRIVED OF THEIR
PARENTAL RIGHTS IN ORDER TO RETURN THE CHILD IN THE
FAMILY**

Е.Е. Макарова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.E. Makarova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Раскрывается значимость воспитания ребенка в кровной семье, необходимость проведения активной социальной работы с родителями, решившими восстановиться в родительских правах; приводятся основные формы социальной работы с данной категорией клиентов.

This article describes the importance of bringing up children in biological family, the need of active social work with parents, who decided to restore their parent's right. This article shows a basic forms of social work with this category of clients.

Ключевые слова: семья, социальная работа, социализация ребенка, индивидуальная и групповая работа с семьей.

Keywords: family, social work, socialization, individual and group work with family.

Воспитание ребенка в семье закладывает основу для успешной социализации и представляет собой одно из основных требований всех международных и российских законодательных документов. Данное требование лежит в основе современной социальной политики в отношении семьи. Только в семье ребенок получает все необходимые жизненные навыки, усваивает первоначальные нормы и правила общества. В семье формируются такие важные качества, как привязанность и доверие.

Однако в повседневной жизни любая семья сталкивается с рядом трудностей, и далеко не каждая способна справиться с возникающими проблемами самостоятельно. Невозможность выйти из кризиса разрушает существующее семейное благополучие. В результате одним из наиболее распространенных последствий неблагополучия в семье становится социальное сиротство.

Социальными сиротами признаются дети, родители которых лишены родительских прав и семейное окружение которых не взяло на себя ответственность за их воспитание, в результате чего они оказались на попечении государства [1, с. 24-45]. Ежегодно в России социальными сиротами становятся 120 тысяч детей [2]. К основным причинам распространения социального сиротства можно отнести:

- Трансформацию семейной структуры (рост числа разводов, увеличение количества неполных семей, отсутствие тесных связей со старшим поколением);
- Распространение жестокого обращения с детьми (разные виды насилия над детьми, различные депривации);
- Злоупотребление родителями психоактивными веществами (алкоголизация, наркотизация родителей);
- Экономические проблемы в семье (нестабильное материальное положение, безработица родителей, отсутствие собственного жилья);
- Незрелые социальные ресурсы (в том числе слабая сеть социальных контактов или ее полное отсутствие);
- Психологические проблемы (постоянные конфликты, эмоциональная напряженность, агрессивное поведение как родителей, так и детей);
- Физиологические недуги (инвалидность, психические заболевания) [3, с. 1-12].

Наличие или усугубление данных проблем, боязнь родителей обратиться за помощью к специалистам приводит к серьезным последствиям и вынуждает сотрудников сферы защиты детства прибегать к кардинальным мерам, а именно, к лишению или ограничению родителей в их правах.

Поскольку в основе социальной политики лежит сохранение семьи, особое внимание сейчас уделяется ее реабилитации и восстановлению родительских прав. Специалисты по охране и защите детства активно участвуют в социальных программах, действуют с целью восстановления и стабилизации кровнородственных связей детей и родителей. Основными целями деятельности специалистов по социальной работе, оказывающих помощь родителям в процессе возвращения детей в кровные семьи являются:

- 1) обеспечение права ребенка жить и воспитываться в семье;
- 2) создание системы межведомственного взаимодействия органов и учреждений всех организационно-правовых форм, вовлеченных в сферу защиты детства по выявлению, учету и сопровождению детей и семей с высоким риском социального неблагополучия;
- 3) создание механизма поддержки и реабилитации родителей, лишенных родительских прав или ограниченных в родительских правах и стремящихся к их восстановлению, стабилизации и оптимизации их жизнедеятельности;
- 4) повышение эффективности профилактической, правозащитной и реабилитационной деятельности государства в сфере предупреждения семейного неблагополучия и защиты прав семей с несовершеннолетними детьми, с привлечением к участию в этой деятельности некоммерческих организаций;
- 5) укрепление социального статуса семьи [4, с. 54-67].

В процессе планирования деятельности и осуществления социальных программ, направленных на поддержку родителей, лишенных или ограниченных в родительских правах и стремящихся к их восстановлению, в первую очередь, необходимо выявлять и учитывать особенности личностного статуса родителей, степени их готовности, ресурсности к выполнению родительских функций при принятии решения о возвращении ребенка.

Первоначальной задачей специалиста по социальной работе становится диагностика кровнородственной семьи, включающая в себя комплексную оценку возможности обеспечивать реализацию потребностей ребенка. Специалисты изучают, насколько обоюдно желание родителей вернуть ребенка в семью, какие изменения внесены во внутрисемейную ситуацию, чтобы решение было принято в их пользу, разрешены ли существующие конфликты. Итогом диагностики должно стать выявление положительной мотивации родителей и ребенка к воссоединению.

Следующий этап работы с родителями – это психолого-педагогическая подготовка родителей к возвращению ребенка в семью. Действия, направленные на реабилитацию родителей, связаны с повышением их сознательности, компетентности, оказанием им соответствующей психологической, педагогической, социально-медицинской и правовой помощи. На данном этапе основной формой социальной работы могут стать индивидуальные консультации [5]. Специалист по социальной работе совместно с родителями ребенка обговаривает, какие проблемные точки он видит, рассматривает пути решения сложившейся ситуации, а также составляет индивидуальный план реабилитации семьи, в рамках которого особое место занимает поддержание постоянного контакта родителей и ребенка. Ребенок не должен чувствовать отчужденность от семьи. Родителям следует постоянно навещать ребенка в установленные дни, посещать детские праздники и мероприятия, участвовать в совместной общественно полезной деятельности (посадка деревьев, субботник, сбор макулатуры и пр.). Проведение совместного досуга позволит семье оставаться сплоченной и вовлеченной в обыденную жизнь друг друга.

Важное значение при восстановлении родительских прав и возвращении ребенка в кровнородственную семью имеет обследование материально-бытовых условий, в которые вернется ребенок. Данное обследование включает в себя проверку материального положения родителей (наличие постоянной работы, оформленные пособия) и жилищных условий (ремонт, отдельное спальное место для ребенка, уборка, чистая одежда и др.). Соблюдение всех требований и санитарных норм подтверждает твердость намерений родителей вернуть ребенка в семью и дает возможность специалистам вынести положительную оценку проведенного обследования.

Одним из показателей ресурсности семьи является наличие тесных социальных связей, а одной из задач социального работника в ходе работы с семьей становится налаживание, поддержание взаимоотношений родителей с родственниками. Необходимо узнать, как ближайшее окружение относится к сложившейся ситуации: выражает поддержку или отрицает необходимость восстановления родительских прав. Если родственники поддерживают родителей, сохранение родственных связей позволит улучшить обстановку, укрепит веру родителей в положительный исход и даст возможность проявлять полноценную заботу о ребенке.

Важной составляющей социальной работы с родителями, восстановившимися в родительских правах, является сопровождение семьи после возвращения ребенка [5]. Необходимо постоянно проверять, насколько ребенку комфортно в новых условиях, справляются ли родители со своими обязанностями,

какие трудности у них возникают и какая помощь им нужна. Специалист по социальной работе должен удостовериться, что семья может решить свои проблемы самостоятельно и обеспечить ребенку необходимые условия.

Особое внимание нужно обратить на проведение профилактической работы – своевременному выявлению детей, проживающих и находящихся в ситуации, угрожающей их жизни и здоровью. В основе профилактических действий должна быть активизация мер по укреплению института семьи через осуществление просветительских и общепрофилактических мероприятий, направленных на формирование семейных ценностей, вовлечение гражданского сообщества в обеспечение права ребенка жить и воспитываться в семье. Для эффективной работы специалистов необходимо создавать систему научно-методического обобщения и оформления эффективных моделей и технологий организации работы по возврату детей в кровные семьи, в том числе в виде разработки стандартов услуги, образовательных программ и учебно-методических комплексов, выпуск методической литературы, совместных тренингов специалистов различных областей. Обмен опытом также должен лечь в основу эффективной профилактической работы [4].

Проведение социальной работы с родителями, лишенными родительских прав, – сложный и комплексный процесс. Инициирование вопроса о лишении родительских прав должно рассматриваться в качестве крайней меры воздействия на родителей, применяемой только в тех случаях, когда все другие меры не дали результата, поэтому сохранение и реабилитация семьи становится первоначальной задачей специалистов, работающих в сфере защиты детства. Основная цель всей реабилитационной работы состоит в создании благоприятных условий для социализации и полноценного развития ребенка. Нужно помнить, что ни один воспитатель в детском доме не заменит родительской заботы и любви. Организация комплексного социально-психологического сопровождения семьи и ребенка в целях оказания помощи семье в воспитании и осуществления эффективного контроля за условиями его жизни и воспитания – основное направление деятельности специалиста по социальной работе.

Литература

1. Осипова И.И. Социальное сиротство: теоретический анализ и практика преодоления: Монография. Н.Новгород: НИСОЦ, 2009. С. 24-45.
2. Фонд помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации. Доступ через: < <http://ya-roditel.ru/professionals/research/> >

3. Искрин Н.С. Социальное сиротство в России: актуальность комплексного подхода к проблеме // Интернет-журнал «Науковедение», М.: Изд-во Научный центр «Науковедение». 2014. С. 1-12. Доступ через <http://elibrary.ru/download/72413003.pdf>
4. Бабочкин П.И. Воссоединение родителей с отчужденными от них детьми // Управление мегаполисом. 2008. №2. С. 57-64. URL: <http://um-mag.ru/?p=291> (Дата обращения 21.07.2015)
5. Рындина Е.Н. Педагогические условия возвращения воспитанника детского дома в кровную семью: дис...канд.пед.наук: 13.00.01: защищена 22.10.07 Москва, 2007.

**ПЛАТНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ
ГРАЖДНАМ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА НА ДОМУ**
PAID SOCIAL SERVICES, PROVIDED TO SENIOR CITIZENS AT HOME

Д.С. Максимов, А.Н. Сиразетдинова
Казанский государственный медицинский университет
D.S. Maksimov, A.N. Sirazetdinova
Kazan State Medical University

Проанализированы показатели оценки качества платных социальных услуг гражданам пожилого возраста, оказываемых отделением надомного социального обслуживания; выявлены проблемы и перспективные направления развития оказания платных социальных услуг гражданам пожилого возраста.

This article analyzes the performance evaluation of the quality of paid social services to senior citizens provided by the department of home-based social services; identified problems and prospects for development of paid social services for senior citizens.

Ключевые слова: платные услуги в сфере социального обслуживания; граждане пожилого возраста; показатели оценки качества платных социальных услуг.

Keywords: paid services in the field of social services; senior citizens; indicators to measure the quality of paid social services.

Актуальность выбранной темы исследования: 1) социальное обслуживание оказалось почти единственным фрагментом нерыночных отношений в рыночной экономике; 2) вопросы экономической эффективности в течение долгого времени практически не затрагивались; 3) государство признавалось единственным донором бесплатных благ и услуг, а граждане были их получателями

вне зависимости от уровня материальной обеспеченности получателей. Последнее многих людей приучило к иждивенчеству. В их мировоззрении сформировался принцип «мне государство обязано дать» [1; 2].

Объект исследования – платные услуги в сфере социального обслуживания.

Предмет исследования – платные услуги в сфере социального обслуживания граждан пожилого возраста.

Цель исследования – проанализировать платные услуги в сфере социального обслуживания, предоставляемые гражданам пожилого возраста в отделении надомного социального обслуживания комплексного центра социального обслуживания населения (ОНСО КЦСОН).

Исследование включает:

1) Анализ показателей оценки качества платных социальных услуг гражданам пожилого возраста, оказываемых ОНСО.

2) Проблемы и перспективные направления развития оказания платных социальных услуг гражданам пожилого возраста.

Проанализированы показатели оценки качества платных социальных услуг гражданам пожилого возраста, оказываемых ОНСО Вахитовского района ГАУСО «КЦСОН в городском округе «город Казань»; ОНСО Советского района ГАУСО «КЦСОН в городском округе «город Казань»; ОСОД ГАУСО «КЦСОН «Эмет» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в Высокогорском муниципальном районе».

По результатам исследования были получены следующие данные.

Для оценки качества платных социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста на дому, были использованы показатели оценки качества работы организаций социального обслуживания.

Показатель 1. Клиенты хорошо информированы о работе ОНСО, о платных социальных услугах, о порядке и условиях предоставления платных социальных услуг 59 чел. (68,8%), слабо информированы 27 чел. (36,7%), не информированы 4 чел. (4,4%).

Показатель 2. Сайт ГАУСО КЦСОН в городском округе «город Казань» (www.cson-kazan.ru), где прописана информация обо всех ОНСО г. Казани, в том числе ОНСО Вахитовского и Советского районов и сайт «КЦСОН «Эмет» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в Высокогорском муниципальном районе» (ОСОД в Высокогорском муниципальном районе), полностью соответствуют второму показателю (полнота, актуальность и понятность информации об организации социального обслуживания).

ния на дому, о платных социальных услугах, порядке и условиях их предоставления, размещаемой на официальном сайте).

Показатель 3. Способы обратной связи с получателями платных социальных услуг присутствуют и доступны на двух сайтах.

Показатель 4. На вопрос, «Как Вы оцениваете период ожидания получения платных социальных услуг», граждане пожилого возраста, получающие платные социальные услуги, ответили:

- 85 чел. – 94,4% «очередь на получение услуг отсутствует»;
- 3 чел. – 3,3% «незначительный период пребывал (а) в очереди»;
- 2 чел. – 2,2% «период ожидания в очереди длительный».

Показатель 5, 6. Все граждане пожилого возраста (90 чел. – 100%) высоко оценивают доброжелательность, вежливость, внимательность и компетентность социальных и иных категорий работников организаций социального обслуживания.

Показатель 7. Из 90 чел. (100%) опрошенных клиентов удовлетворены качеством предоставленных платных социальных услуг 80 чел. (86,6%), частично удовлетворены – 9 чел. (13,3%).

Показатель 8. Все 90 чел. (100%) получателей готовы рекомендовать обращаться в эти организации друзьям, родственникам, знакомым для получения платных услуг.

Показатель 9. По результатам опроса никто из клиентов не обращался с жалобами в ОНСО своего района.

С помощью анкетирования мы получили следующие результаты. 77 чел. – 86,2% опрошенных респондентов оценили доступность всех видов платных социальных услуг. 11 чел. (9%) из числа опрошенных оценили доступность отдельных видов платных социальных услуг. 2 чел. (3%) – испытывали трудности в получении платных социальных услуг. В основном, это связано с высокими тарифами на платные услуги.

Многих граждан пожилого возраста 86 чел. (91,3%) не удовлетворяют цены на платные социальные услуги.

После предоставления платных социальных услуг у граждан пожилого возраста изменилась жизненная ситуация:

- а) улучшилось социальное положение («знаю, что всегда помогут») – 68 чел. (79%);
- б) решились полностью (частично) проблемы жилья и улучшилось здоровье – 13 чел. (14,2%);
- в) появилось желание жить – 7 чел. (6%);
- г) улучшилось настроение – 2 чел. (1%).

По мнению респондентов, чтобы повысить уровень качества платных социальных услуг, необходимо снизить цены – 81 чел. (89,8%); расширить перечень социальных услуг – 9 чел. (10,2%).

Только 3 чел. (4,8%) опрошенных хотят оплачивать платные социальные услуги через «Интернет». 87 чел. (95,2%) не хотят оплачивать платные социальные услуги через «Интернет».

В результате проведенного исследования выявлены проблемы, возникающие при предоставлении платных социальных услуг:

1). Высокие тарифы на платные социальные услуги для граждан пожилого возраста, обслуживаемых на дому.

2). Сократился перечень гарантированных государством социальных услуг.

3). Отсутствие групп клиентов, определяющих степень ограничения возможности самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности из-за ограничения способности к самообслуживанию и (или) самостоятельному передвижению получателя социальной услуги.

4). Недостаточное информирование граждан пожилого возраста.

Разработаны следующие рекомендации:

– предлагаем ОНСО Вахитовского и Советского районов г. Казани заняться предпринимательской деятельностью, как это успешно практикует ОСОД ГАУСО «КЦСОН «Эмет» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в Высокогорском муниципальном районе»;

– Министерству труда, занятости и социальной защиты РТ предлагаем рассмотреть вопрос о дифференциации клиентов по группам, чтобы заработная плата социальных работников распределялась в зависимости от степени ограничения возможности самостоятельно удовлетворять свои основные жизненные потребности из-за ограничения способности к самообслуживанию и (или) самостоятельному передвижению получателя социальной услуги;

– для повышения уровня информативности граждан пожилого возраста предложили создать информационные буклеты и раздаточные листы для клиентов ОНСО. Предложили заведующим ОНСО и специалистам по социальной работе распространять информацию через инфографику, разработанную нами;

– необходимо внедрить метод бригадного социального обслуживания. Цель этого метода в том, чтобы предоставлять платные социальные услуги, требующие больших физических затрат, трудоемкие по времени и объему работ, определенной бригадой – группой, состоящей из 2–3 социальных работников.

Литература

1. Грачева О.Е. Надомное социальное обслуживание в условиях оптимизации / О.Е. Грачева // Социальная работа. 2014. № 4. С. 46-49.
2. Максимова М.Н. Экономический механизм ресурсобеспечения системы социального обслуживания: Монография. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2006. 308 с.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПЛЕКСНЫХ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ PERFORMANCE ASSESSMENT OF THE COMPLEX CENTERS OF SOCIAL SERVICE FOR CITIZENS

М.Н. Максимова, Я.А. Султанова
Казанский государственный медицинский университет
I.A. Sultanova, M.N. Maksimova
Kazan State Medical University

Проведен анализ показателей оценки эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения, социальной эффективности деятельности данных центров с точки зрения получателей услуг, выявлены проблемы и сформулированы рекомендации по их решению.

This article analyzes the indicators of estimation the effectiveness of the comprehensive social service centers, as well as analysis of the social efficiency of the data center to the point of view of consumers, identify problems and formulate recommendations to address them.

Ключевые слова: эффективность, эффективность социальных служб, критерии эффективности деятельности центров социального обслуживания населения, показатели эффективности деятельности центров социального обслуживания населения, социальная эффективность деятельности центров социального обслуживания населения.

Keywords: the efficiency, the effectiveness of social services, the criteria for the effectiveness of the social services centers, performance of the centers of social services, the social effectiveness of the social services centers.

Актуальность выбранной темы исследования обусловлена тем, что в связи с существующей экономической ситуацией особое внимание уделяется поиску путей оптимизации социального обслуживания, повышению его эффек-

тивности. Одним из наиболее важных вопросов является предоставление социальных услуг в более эффективных формах на основе государственных стандартов социального обслуживания, разработка системы оценки эффективности деятельности учреждений социального обслуживания [1].

Объект исследования – комплексные центры социального обслуживания населения.

Предмет исследования – эффективность деятельности комплексных центров социального обслуживания населения.

Цель исследования – анализ и оценка эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения.

Задачи исследования:

1. Проанализировать библиографические источники, нормативно-правовые документы об эффективности деятельности социальных служб.

2. Изучить сущность понятий «эффективность социальной работы», «эффективность деятельности учреждений социального обслуживания».

3. Изучить критерии оценки эффективности деятельности учреждений социального обслуживания.

4. Провести анализ показателей оценки эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения.

5. Провести анализ социальной эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения с точки зрения получателей услуг.

6. Сформулировать выводы и рекомендации по работе.

Исследование включает:

1. Анализ показателей оценки эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения.

2. Анализ социальной эффективности деятельности комплексных центров социального обслуживания населения с точки зрения получателей услуг.

С целью изучения оценки эффективности деятельности учреждений социального обслуживания нами были проанализированы показатели эффективности деятельности руководителей, утвержденные приказом Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ от 12 июля 2012 г. № 572 «Об утверждении критериев оценки эффективности деятельности руководителей учреждений социального обслуживания населения» [2]: 1) ГАУСО «КСЦОН в городском округе «г. Казань» (далее КЦСОН г. Казани); 2) ГАУСО «КСЦОН «Доверие» в городском округе «город Набережные Челны» (далее КЦСОН г. Набережные Челны); 3) ГАУСО «КЦСОН «Радость» Министерства труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в Заинском муници-

пальном районе (далее КЦСОН Заинского муниципального района).

Были получены следующие результаты.

Согласно показателям оценки эффективности руководителей КЦСОН г. Казани, г. Набережные Челны, Заинского муниципального района:

- объем государственного задания выполняется на 100%;
- обоснованных жалоб на объем и качество оказываемых услуг со стороны клиентов нет. Одна жалоба у всех – высокие тарифы;
- очереди среди потенциальных клиентов отделений надомного социального обслуживания (ОНСО) нет;
- отделения социальной помощи семье и детям (ОСПСиД) имеют высокие показатели по снятию семей с патронажа с положительной реабилитацией, по предоставлению услуг безнадзорным несовершеннолетним;
- аттестация сотрудников в учреждениях выполняется на 100%;
- учреждения к отопительному сезону всегда готовы (есть акт);
- учреждения внедряют все технологии, рекомендованные Министерством труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан.

С целью оценки социальной эффективности деятельности КЦСОН нами было проведено анкетирование клиентов. Для своего исследования мы использовали показатели оценки качества услуг, утвержденные приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания» [3].

Были получены следующие результаты:

- клиенты положительно оценивают информационно-разъяснительную работу учреждения: 80% (ОНСО – 25 чел.; ОСПСиД – 15 чел.) клиентов КЦСОН г. Набережные Челны и 84% (ОНСО – 24 чел.; ОСПСиД – 18 чел.) обслуживаемых КЦСОН Заинского муниципального района считают, что информирование о деятельности учреждения, о порядке и условиях предоставления услуг организовано в достаточной мере. Остальные клиенты затрудняются ответить. В ОНСО Вахитовского района г. Казани уровнем организации информирования удовлетворены все респонденты (100%);
- абсолютное большинство получателей услуг удовлетворены доброжелательностью, вежливостью и внимательностью персонала учреждения: КЦСОН г. Набережные Челны – 96% (ОНСО – 25 чел.; ОСПСиД – 23 чел.), КЦСОН Заинского муниципального района и ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани – 100%;
- обслуживаемые высоко оценивают компетентность персонала Центров: 90% (ОНСО – 25 чел.; ОСПСиД – 20 чел.) клиентов КЦСОН г. Набережные

Челны, 90% (ОНСО – 24 чел.; ОСПСиД – 21 чел.) клиентов КЦСОН Заинского района и 100% (30 чел.) клиентов ОНСО КЦСОН Вахитовского района г. Казани – удовлетворены;

– объемом оказываемых услуг (полнотой набора) в КЦСОН г. Набережные Челны удовлетворены 94% (ОНСО – 25 чел., ОСПСиД – 22 чел.) клиентов, в КЦСОН Заинского муниципального района – 96% (ОНСО – 25 чел., ОСПСиД – 23 чел.), в ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани – 97% (29 чел.); остальные респонденты удовлетворены частично;

– большинство клиентов полностью удовлетворены качеством выполнения услуг сотрудниками: в КЦСОН г. Набережные Челны: удовлетворены – 88% (ОНСО – 24 чел., ОСПСиД – 20 чел.), в КЦСОН Заинского муниципального района – 90% (ОНСО – 25 чел., ОСПСиД – 20 чел.), в ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани – 100% (30 чел.);

– результатом оказания услуг удовлетворены 86% (ОНСО – 25 чел.; ОСПСиД – 18 чел.) – КЦСОН г. Набережные Челны, 90% (ОНСО – 25 чел., ОСПСиД – 20 чел.) – КЦСОН Заинского муниципального района и 100% (30 чел.) – ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани;

– периодичностью прихода социальных работников довольны все граждане пожилого возраста и инвалиды, состоящие на обслуживании в ОНСО;

– график посещения социальных работников ОНСО КЦСОН Заинского муниципального района не нарушался, в КЦСОН г. Набережные Челны 8%, (2 чел.) клиентов и в ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани 10% (3 чел.) клиентов отметили, что нарушения бывали, но редко;

– 88% (22 чел.) клиентов ОНСО КЦСОН г. Набережные Челны, 76% (19 чел.) клиентов ОНСО КЦСОН Заинского муниципального района и 83% (20 чел.) клиентов ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани считают, что очередь в Центр отсутствует. Есть обслуживаемые, которые отметили наличие незначительной очереди: 4% (КЦСОН г. Набережные Челны), 24% (КЦСОН Заинского муниципального района) и 20% (ОНСО Вахитовского района КЦСОН г. Казани). 8% (2 чел.) обслуживаемых КЦСОН г. Набережные Челны находят очередь длительной, что не совсем соответствует показателям эффективности, указываемым в отчетах;

– изменения жизненной ситуации в лучшую сторону после получения услуг Центра отметили: 68% клиентов КЦСОН г. Набережные Челны (ОНСО – 19 чел., ОСПСиД – 15 чел.), 80% обслуживаемых КЦСОН Заинского муниципального района (ОНСО – 25 чел., ОСПСиД – 15 чел.) и 100% КЦСОН г. Казани (30 чел.). Есть клиенты, которые считают, что ситуация не изменилась: 10% обслуживаемых КЦСОН г. Набережные Челны (ОНСО – 3 чел., ОСПСиД –

2 чел.) и 6 % (ОСПСиД – 3 чел.) обслуживаемых КЦСОН Заинского муниципального района;

– жалоб на деятельность Центров со стороны клиентов нет, что соответствует показателям эффективности деятельности Центров по отчетам;

– со стороны получателей услуг есть рекомендации: увеличить количество культурно-массовых мероприятий, предоставить транспорт Центру, снизить тарифы на услуги.

В результате исследования были выявлены следующие проблемы:

- критерии, по которым считается, что семья снята с учета без достижения положительных результатов реабилитации (в случаях: переезда семьи в другой район, достижения детьми восемнадцати лет, лишения родительских прав, осуждения ребенка) не совсем справедливы при оценке эффективности отделений социальной помощи семье и детям. Данные события семьи не зависят от работников Центра;

- по результатам опроса, клиенты ОСПСиД нуждаются в повышении внимания к вопросам информирования о порядке и условиях предоставления услуг;

- выявлены определенные несоответствия между показателями, указываемыми в отчетах Центров, и мнением граждан (график посещения, наличие очереди, информирование).

Разработаны следующие рекомендации:

- предлагаем Министерству труда, занятости и социальной защиты РТ: – уточнить показатель «доля семей с детьми, снятых с социального патронажа с положительной реабилитацией»: а именно, не включать такие критерии, как переезд за пределы РТ либо в пределах РТ, достижение детьми восемнадцати лет в число тех, по которым семья считается снятой с учета без достижения положительных результатов реабилитации;

– ввести критерий «удовлетворенность граждан качеством оказания услуг» для оценки эффективности деятельности руководителей Центров. Он может оцениваться по результатам опроса граждан о качестве услуг, которые проводятся самими Центрами (раз в квартал) и по результатам независимой оценки качества предоставления социальных услуг;

- предлагаем специалистам ОСПСиД еженедельно проводить клубные занятия, а не один раз в месяц, для получателей услуг по информированию о порядке и условиях предоставления социальных услуг.

Литература

1. Романычев И.С. Оценка эффективности деятельности учреждений социального обслуживания / И.С. Романычев // Социальное обслуживание. 2014. № 3. С. 111–115.

2. Приказ Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ от 12 июля 2012 г. № 572 «Об утверждении критериев оценки эффективности деятельности руководителей учреждений социального обслуживания населения» [электронный ресурс] // Министерство труда, занятости и социальной защиты РТ. URL: <http://mtsz.tatarstan.ru> (/Дата обращения 15.08.2015 г.)
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 8 декабря 2014 г. № 995н «Об утверждении показателей, характеризующих общие критерии оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания» [электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Консультант плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 15.08.2015 г.)

УЧАСТНИКИ РЫНКА СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ПОЖИЛЫМ THE PARTICIPANTS IN SOCIAL SERVICES MARKET FOR OLDER PERSONS

А.В. Мигунова, Ю.Н. Белянцева
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
A.V. Migunova, Y.N. Belyantseva
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются участники рынка социальных услуг пожилым. Отмечаются основные проблемы в получении социальных услуг пожилыми людьми в г. Н. Новгород.

It is reviewed the participants in social services market for older persons. It is shown main problems of achieving social services by older persons in Nizhniy Novgorod.

Ключевые слова: рынок, социальные услуги, пожилые.

Keywords: market, social services, older persons.

Одной из тенденций современного российского общества является старение населения. Старение населения ставит перед обществом необходимость решения многих и сложных социальных проблем. Они связаны с необходимостью продления активного долголетия и обеспечения социальными услугами пожилых людей. Для этого необходимо постоянно совершенствовать и расширять рынок социальных услуг для пожилых граждан.

«Рынок – это система отношений между продавцом (производителем) и покупателем (потребителем услуг/товаров). Рынок услуг – это рынок, в основе которого лежат товарно-денежные отношения по поводу реализации услуг различного характера» [1].

Как указывает В.Н. Казаков, «в условиях рыночной экономики общепризнанным является деление услуг на рыночные (платные) и нерыночные (бесплатные)» [2]. Предоставление платных и бесплатных социальных услуг осуществляется в настоящее время в системе как государственного, так и негосударственного обслуживания населения.

По мнению Ф.А. Сычевой и О.А. Дурандиной, «под рынком социальных услуг в сфере муниципальных образований понимается целостная и взаимосвязанная система экономических отношений, возникающих по поводу формирования и распределения доходов муниципалитета, взаимоотношений получателей этих средств, коммерческих и некоммерческих хозяйствующих субъектов, органов исполнительной и представительной власти и других участников рынка, связанных с производством и движением социально значимых товаров, работ, услуг, а также денежных средств, обеспечивающих их обмен для удовлетворения потребностей потребителей в форме платёжеспособного спроса, трансфертов и бюджетного финансирования» [3; с. 33-34]. Опираясь на это определение в понимании рынка социальных услуг, внесем пометку, что согласно ФЗ РФ № 442-ФЗ финансовое обеспечение региональных программ социального обслуживания относится к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации [4].

Определим участников рынка социальных услуг:

1. Потребители социальных услуг (индивиды, семьи, сообщества).

Поскольку от потребностей пожилых в социальных услугах зависит спрос на те или иные услуги, рассмотрим их более подробно.

Потребность в различных социальных услугах у пожилых обусловлена наличием самых разнообразных проблем. Их можно объединить в следующие группы:

а) медико-социальные проблемы. К ним относится целый ряд заболеваний, преимущественно хронического течения с частыми обострениями. Это хронические заболевания, ортопедические проблемы, понижение зрения, слуха, дезадаптация. К этой группе проблем можно отнести и затруднения в проведении гигиенических процедур самостоятельно.

б) проблема одиночества и утраты социальных связей. Для многих пожилых людей важной проблемой является одиночество – социально-психологическое состояние, характеризующееся узостью или отсутствием социальных контактов, поведенческой отчужденностью и эмоциональной невовлеченностью индивида. Основными причинами одиночества в пожилом и старом возрасте являются разрушение деловых связей, длительная болезнь, смерть близких, друзей, супруга, родственников.

в) социально-бытовые проблемы. Этот круг проблем чаще всего возникает из-за потери физической силы и способности к самообслуживанию у пожилых людей, а также рядом заболеваний. В связи с этим возникает потребность в помощи по дому, доставке продуктов, перемещению пожилого человека (например, в поликлинику или на прогулку), оплате коммунальных или иных услуг, чтении и написании писем или корреспонденции и т.д.

г) материальные проблемы. Пожилые люди часто бывают обеспокоены своим материальным положением, уровнем инфляции, высокой стоимостью лекарственных средств. Рост цен на продукты питания и непродовольственные товары приводит к ухудшению рациона питания пожилых людей. Нередко пенсионеры испытывают затруднения в приобретении одежды и обуви, уменьшаются расходы на социально-культурные нужды. Все это оказывает негативное влияние на здоровье пожилых людей, рождает неуверенность в завтрашнем дне.

Можно отметить, что в настоящее время часть потребностей пожилых успешно удовлетворяются, в то время как сохраняется высокий спрос на другие услуги. Например, спрос на стационарные и надомные формы обслуживания остаётся достаточно высоким.

2. Производители социальных услуг (государство, НКО, частный сектор).

Для государственных учреждений социального обслуживания существует определённый законодательством РФ перечень гарантированных социальных услуг, предоставляемых населению, в котором обозначены все социальные услуги, какие пожилой гражданин может получить в государственном учреждении социального обслуживания бесплатно, на условиях частичной или полной оплаты.

Кроме гарантированных услуг в подобных учреждениях предоставляются дополнительные платные услуги, например, социальное такси или прокат средств реабилитации (это могут быть инвалидные коляски, костыли, трости, ходунки). Цены на данные услуги определяются законодательством субъектов РФ и являются доступными для всех нуждающихся.

В связи с «разгосударствлением» сферы оказания социальных услуг появляются коммерческие организации, которые за отдельную плату готовы помочь всем нуждающимся. Однако, это доступно не всем пожилым ввиду их материального положения.

НКО и волонтерские организации, которые в настоящее время активно развиваются, также занимаются оказанием социальных услуг населению.

Стоит заметить, что несмотря на разнообразие учреждений и услуг, они не всегда могут в полной мере удовлетворить потребности нуждающихся. Это может произойти по ряду причин. Возьмём, например, БФ «Еврейский центр «Хэсэд Сара» г. Н. Новгород. Социальная программа фонда позволяет воспользоваться услугами центра как на безвозмездной основе, так и за небольшую плату, но услуги предоставляются только отдельным категориям граждан, например, жертвам нацизма или родившимся в эвакуации. Другим примером может стать ЦСО «Близкие люди» г. Н. Новгород. Услугами центра может воспользоваться любая категория нуждающихся, но цены данного учреждения так же значительно сужают круг тех, кто может себе это позволить, так как являются довольно высокими. Что касается государственных учреждений социального обслуживания пожилых, то, несмотря на наличие такого учреждения в каждом районе города, всех существующих потребностей в социальных услугах для пожилых они удовлетворить не могут. Это обусловлено рядом проблем, таких как нехватка специалистов (например, по перечню предоставляемых услуг сиделка в учреждении есть, а при обращении выясняется, что специалиста нет), недостаточное количество инвентаря (например, в прокате мало средств реабилитации – инвалидных колясок, ходунков, костылей и т.д.), недостаточное финансирование для покупки более современного оборудования и т.д.

Из этого следует, что существуют определённые сложности для клиентов при запросе на интересующие их социальные услуги, выбор учреждения для пожилого человека есть, но он ограничен рядом факторов.

Итак, в настоящее время большую роль в предоставлении социальных услуг пожилым играет государство, но оно создаёт благоприятные условия для развития негосударственного сектора в данной сфере, в частности, на конкурсной основе осуществляется госзаказ НКО и коммерческим организациям на предоставление услуг. Из этого следует, что социальные услуги для пожилых могут стать доступнее и разнообразнее, а за счёт повышения конкуренции и борьбы за госзаказ качество услуг должно стать выше.

Литература

1. Энциклопедия инвестора. Доступ через <<http://investments.academic.ru/1370>>. Дата обращения: 20.04.2015.
2. Казаков В.Н. Соотношение бюджетного и рыночного механизма в сфере услуг// Теоретический журнал «Credonew». Доступ через <<http://credonew.ru/content/view/1278/68/>>. Дата обращения: 20.04.2015.

3. Сычева Ф.А. Региональные особенности развития рынка социальных услуг в системе социального маркетинга (муниципальный аспект) / Ф.А. Сычева, О.А. Дурандина // Аграрный вестник Урала. ФГБОУ ВПО УрГСА, 2009 г. №5 (59). С. 31-36.
4. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс], URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ Дата обращения: 20.04.2015.

**НАРКОЗАВИСИМОСТЬ ПОДРОСТКОВ, ОСОБЕННОСТИ
ФОРМИРОВАНИЯ И ПРИЧИНЫ
ADDICTION OF ADOLESCENTS, PARTICULARLY
THE FORMATION AND REASONS**

И.И. Осипова
Национальная Ассоциация Реабилитационных Центров, г. Москва
I.I. Osipova
National Association of rehabilitation center (Moscow)

Рассмотрены основные причины вовлечения подростков в потребление психоактивных веществ, последствия употребления ими наркотиков. Автором описаны обязательные условия медико-психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних.

The author considers the main reasons for the involvement of adolescents in addiction and the impact of their drug abuse. The author describes the conditions required medical, psychological and educational rehabilitation of juveniles.

Ключевые слова: наркозависимость, несовершеннолетние, реабилитация.

Keywords: addiction, adolescents, rehabilitation.

По результатам социологических опросов в рамках мониторинга нарко-ситуации, проведенного в 2011-2014 гг., общее число лиц, потребляющих наркотики как регулярно, так и эпизодически, оценочно составляет около 8 миллионов человек, из которых до 3 млн. человек потребляют наркотики регулярно.

Учитывая то, что в России всего 146.000.000 жителей, включая младенцев и стариков, то каждый пятый житель нашей страны в возрасте от 14-40 лет пробовал или употребляет наркотики.

На смену "традиционным наркотикам" приходят синтетические наркотики и прежде всего это Spice (курительная смесь). Употребление данного нарко-

тика часто вызывает паранойю, галлюцинации, раздвоение личности. Иногда однократного употребления достаточно, чтобы человек в измененном сознании покончил жизнь самоубийством или выпрыгнул из окна в состоянии психоза. Но самое удивительное, что это вещество не является наркотиком, а по стоимости в 300 рублей за дозу, доступно каждому.

Из истории данного наркотика известно, что впервые на рынке он появился в 2000 г. С 2004 г. о нем уже стали говорить в прессе и профессиональных кругах психиатров-наркологов.

Медицинскими последствия употребления курительных смесей являются:

– тяжёлые нервные расстройства по типу депрессивного синдрома, суицидальных попыток;

– развитие психической и физической зависимостей таких же, как и при употреблении других видов наркотических веществ: героина, амфетаминов, марихуаны и др.;

– поражение центральной нервной системы: снижение памяти, внимания, интеллектуальных способностей; нарушение речи, мыслительной деятельности (понимания); координации движений, режима сна, потеря эмоционального контроля (резкие перепады настроения);

– психозы, психические нарушения различной степени тяжести вплоть до полного распада личности (подобные при шизофрении).

Ежегодно от передозировок и соматических заболеваний, связанных с потреблением наркотических средств и психотропных веществ, несчастных случаев и самоубийств, совершенных в состоянии наркотического опьянения, погибает до 70 тысяч человек, подавляющее большинство из которых – молодые люди в возрасте от 15 до 35 лет.

Кроме того, по итогам 2013 г., количество несовершеннолетних потребителей наркотиков выросло с 58,3 до 108,7 на 100 тыс. населения соответствующего возраста (на 86,4%).

Все лечебно-диагностические учреждения работают по факту, т.е. по обращении либо доставке наркозависимого на лечение. 100% наркозависимых соглашаются на лечение из-за страха, 70% вынуждены из-за конфликтов с законом или родителями, 30% в связи с серьезными проблемами со здоровьем. Но в результате, до конца курса лечения «доходят» единицы.

За последний год самыми распространенными наркотиками в нашей стране являются:

1. Опиаты,
2. Спайсы,
3. Марихуана,

4. Стимуляторы: метамфетамин, амфетамин.
5. Галлюциногены.

В 90 годы прошлого столетия для профилактики и реабилитации распространения потребления несовершеннолетними ПАВ (алкоголь, ацетонсодержащие вещества и др.) в 50 регионах нашей страны были созданы реабилитационные центры для несовершеннолетних, которые впоследствии были закрыты и практически утрачены опыт, технологии реабилитации, специалисты. Сегодня в России имеют опыт реабилитации подростков несколько учреждений: центр «Ариадна» Московская область, центр «Возрождение» Москва, работающие более 10 лет. Система учреждений начала возрождаться, но не успевает за развитием наркоситуации, не соответствует потребностям, не имеет законодательной базы, позволяющей выявлять подростков на ранних стадиях потребления и осуществлять реабилитацию, не доводя ситуацию до крайности: смерти, инвалидности, психиатрической больницы, поражения в правах.

С разрушением системы воспитания молодежи советского периода другой системы ценностей молодому поколению предложено не было, опыт родителей перестал быть актуальным для детей, что повлекло нарастание необратимых процессов в развитии, воспитании, социализации подрастающего поколения, заменившего общечеловеческие, семейные ценности, советские традиции на западную моду, сточные каналы интернет, фильмы и мультфильмы с западной враждебной идеологией.

Причины вовлечения детей, подростков в потребление психоактивных веществ:

- ✓ Реакция подражания;
- ✓ Реакция протеста;
- ✓ Коммуникативный допинг.

Сегодня в группе риска находятся все дети из всех типов семей, дети из благополучных семей как потенциальные потребители, дети из неблагополучных семей как потребители и распространители.

В ряде регионов нашей страны проводится эксперимент, в ходе которого врачи пытаются с помощью анализов определить в образовательной среде начинающих потребителей наркотиков. Но ситуация уже изменилась, определить по анализам мочи можно лишь опиаты, героин, а синтетические наркотики (спайсы – курительные смеси, соли) определить таким образом нельзя. Многие родители активно противодействуют раннему выявлению потребителей наркотиков, будучи свято уверенными, что их дети никогда ни при каких обстоятельствах не будут употреблять наркотики и ничего о них не знают, и, как правило, заблуждаются. Жизненно необходимы сегодня и профилактика потребления

(запугивание детей профилактикой не является по определению), методы реального выявления детей и подростков на ранних стадиях потребления, консультативные центры для родителей и детей, реабилитационные центры (стационары) для подростков и молодежи, система постреабилитационного сопровождения семьи и подростков для повышения эффективности реабилитационных процессов.

Отличия реабилитации взрослых от реабилитации подростков:

- ❖ Расстройство поведения на базе гедонистических ощущений;
- ❖ Отсутствие опыта потери, утраты, психологической травмы у подростков, которые зачастую попадают на реабилитацию по настоянию родителей (родственников), правоохранительных органов, т.е. не собственного решения, потреблять вещества им нравится, зависимости не признают, уверены, что потреблять – это круто, весело.

- ❖ Расстройство внимания (грубо конкретное мышление, отсутствие образности)

- ❖ Причина наркотизации – душевные дефициты, дефицит внимания, понимания глубинных процессов становления личности подростков;

- ❖ Стремление к подражанию, необходимость формирования среды, которая отвечает на глубокие потребности личности (принятие, уважение, самоценность и др.);

- ❖ Для подростков важно понимать иерархию в отношениях взрослый–подросток, поэтому очень важна личность взрослого, образца для подражания.

Обязательные условия медико-психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних:

1. Концепция реабилитации (болезнь – выздоровление);
2. Терапевтическая среда (отсутствие насилия, психологическая поддержка, социальное служение, воспитание высших чувств, духовное развитие и т.д.);

3. Система поддержки специалистов реабилитационных центров (подготовка-обучение, профессиональные супервизии, консилиумы, программы профилактики профессионального выгорания и т.д.);

4. Коллегиальность, межведомственный, мультидисциплинарный подходы (единство понятий, понимание зон компетентности и универсальность понимания целей);

5. Подлинность (отношений, чувств, целей и т.д.);

6. Мотивирование и стимулирование реабилитантов и созависимых взрослых;

7. Объект лечения: семья;
8. Образовательный процесс в рамках реабилитации;
9. Социальная адаптация (театры, музеи и т.д.);
10. Ориентирование помогающих специалистов на качественный результат реабилитации: возврат полноценного человека обществу, а не количество оказанных услуг (стандарты, технологии, дорожные карты, помогающие достигнуть такого результата).

Одним из ключевых компонентов государственной антинаркотической политики в данном направлении должно стать развитие системы комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества без назначения врача, позволяющей целенаправленно и системно осуществлять полноценный возврат в социум граждан, отказавшихся от потребления наркотиков и от участия в их незаконном обороте.

МИГРАНТЫ И ИХ СЕМЬИ КАК КЛИЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СТРАНАХ-ДОНОРАХ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

MIGRANTS AND THEIR FAMILIES AS CLIENTS OF SOCIAL WORK IN DONOR COUNTRIES WORKFORCE

А.Н. Оставная
Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Молдавская Республика, Тирасполь)
A.N. Ostavnaya
Shevchenko Transnistria State University (Moldavian Republic, Tiraspol)

В статье рассматривается вопрос институционализации социальной работы с мигрантами и членами их семей в странах-донорах миграции. На основе изучения опыта социальной политики в отношении мигрантов, а также на материалах социологического исследования приднестровских мигрантов обоснована необходимость внедрения системы социальной работы с мигрантами в Приднестровской Молдавской Республике.

The article discusses the institutionalization of social work with migrants and their families in the donor countries of migration. On the basis of the experience of social policy for migrant, as well as on the materials of sociological research Pridnestrovian migrants necessity of implementation of the system of social work with migrants in the Pridnestrovian Moldavian Republic.

Ключевые слова: социальная работа с мигрантами, страны-доноры миграции, трудовая миграция, Приднестровье.

Keywords: social work with migrants, the donor countries of migration, labor migration, Pridnestrovie.

Современный мир насчитывает сотни миллионов мигрантов. Миграционное движение населения между регионами не сбалансированно – одни страны становятся донорами мигрантов, другие их реципиентами.

На постсоветском пространстве распространена трудовая миграция. Потоки трудовых мигрантов формируются в тех республиках, в которых высокий уровень безработицы, низкие заработные платы. Это Армения, Республика Молдова, Таджикистан, Украина, Киргизская Республика. Центром притяжения этой категории мигрантов как правило становится Россия.

Жизнь в условиях миграции сопряжена с множеством проблем (бытовыми, трудоустройства, интеграции, правовой обеспеченности), поэтому мигранты как социальная группа выделяются в качестве клиентов социальной работы. [1] В странах-реципиентах социальная работа с мигрантами имеет институциональный характер: создается правовая база, регулирующая миграционное поведение, функционируют государственные и негосударственные институты, издаются тематическая научная и учебная литература, курс «Социальная работа с мигрантами» входит в план подготовки специалистов в области социальной работы.

В странах-донорах рабочей силы тоже актуален вопрос социальной защиты, помощи и поддержки мигрантов (включая самих мигрантов и членов их семей). На этом поприще социальной работы значительный опыт накоплен в странах с высоким уровнем миграции населения, например, в Мексике, на Филиппинах. [2, 3] На постсоветском пространстве программы поддержки мигрантов проводятся различными международными организациями и фондами. Так например, в Армении при поддержке МОМ реализуются ряд мероприятий по информированию широкой общественности по вопросам миграции – издаются руководства по временной миграции в более чем в двух десятках стран; советы молодежи по снижению миграционных рисков; пособия для родителей, преподавателей, студентов, консулов по вопросам траффикинга; руководства по реинтеграции возвращающихся в Армении и др. [4].

В Приднестровской Молдавской Республике (ПМР) в трудовую миграцию вовлечено 20-33% населения. Согласно результатам социологических опросов, проводимых среди приднестровских мигрантов, процесс миграции сопровождается как выгодами, так и издержками. Среди характерных проблем приднестровских мигрантов выделяются следующие:

- качество жизни мигрантов – 52% респондентов оценивают бытовые

условия проживания за рубежом ниже, чем на родине; 29,3% указывают, что на заработках качество питания хуже, чем на Родине;

– самочувствие мигрантов за рубежом – 57,9% указывают на «удовлетворительное» и «плохое» самочувствие. Эта проблема усугубляется еще и тем, что у 56,9% мигрантов отсутствует возможность пользоваться бесплатной медицинской помощью;

– занятость мигрантов – 38,6% трудоустроены нелегально; 34,3% оценивают свой труд «на износ»; 32,4% отмечают разницу в зарплате местных сотрудников и мигрантов; по 29,4% – нарушения при установлении режима рабочего времени, а также выходных дней и отпусков; 16,7% из-за статуса мигранта ощущают угрозу увольнения; 5,9% на работе стали жертвами применения различных форм психологического насилия (угрозы, обман);

– правовая защита мигрантов – по отношению к каждому второму мигранту применялись какие-либо меры со стороны властей (52,1% подвергались проверке документов, 7,2% – штрафам за нелегальную работу, 11,4% – штрафам за нелегальное проживание (отсутствие регистрации), 3% – депортации); при нарушении трудовых прав 27,6% не знают, куда обратиться; 7,1% во время пребывания на заработках становились жертвой преступлений; при обращении в правоохранительные органы 12,4% не удалось отстоять интересы, добиться решения вопроса;

– содержание семейных отношений – 13,1% признают, что миграция привела к ухудшению семейных отношений; 35,1% отмечают, что не хватает времени на воспитание детей. [5]

На наш взгляд, система социальной защиты, помощи и поддержки мигрантов в Приднестровье должна стать частью социальной политики государства. В перспективе разработка данного направления социальной работы могла бы охватить выполнение следующих задач:

1. правовое обеспечение социальной работы с мигрантами;
2. учреждение государственных и негосударственных структур по работе с мигрантами;
3. создание теоретико-методологической основы для подготовки социальных работников по профилю «Социальная работа с мигрантами»;
4. разработка и реализация социальных технологий по работе с мигрантами.

Опыт стран-доноров мигрантов показывает, что социальная работа с мигрантами должна сопровождать все этапы процесса миграции.

Предмиграционная подготовка потенциальных мигрантов должна быть направлена на:

- информирование потенциальных мигрантов о деятельности институтов, курирующих вопросы миграции;
- проведение инструктажа по необходимым навыкам и правилам пребывания в принимающей стране;
- переквалификации в зависимости от потребностей рынка труда страны назначения;
- посредничество с принимающей стороной (миграционными органами, работодателями).

Социальная поддержка мигрантов за рубежом предполагает:

- регистрацию всех трудовых мигрантов, создание коммуникационной сети между мигрантами;
- мониторинг положения мигрантов за рубежом;
- оказание различных социальных услуг (правовая поддержка, помощь в чрезвычайных ситуациях, услуги по денежным переводам и др.).

Этап реинтеграции мигрантов мог бы предусматривать:

- содействие в возвращении на родину;
- социальную реабилитацию и интеграцию мигрантов;
- социально-психологическую поддержку жертв торговли людьми.

В категорию клиентов социальной работы с мигрантами могли бы войти также члены семьи трудовых мигрантов (в частности, дети мигрантов). Работа в этом направлении должна исходить из следующих задач:

1. профилактика беспризорности;
2. консультации по воспитанию;
3. контроль за получением образования;
4. профилактика девиантного поведения [1-3].

Социальная работа с мигрантами могла бы стать одним из направлений работы Министерства труда и социальной защиты ПМР. Решение проблем мигрантов возможно при участии Министерства иностранных дел, юстиции, просвещения. Определенный потенциал реализации социальной работы с мигрантами возможен при частно-государственном партнерстве, когда ряд выше обозначенных задач могли бы быть выполнены при содействии бизнес структур, общественных организаций (локальных и международных).

Литература

1. Акмалова А.А., Капицын В.М. Социальная работа с мигрантами и беженцами: Учеб. пособие / Отв. Ред. П.Д. Павленок. М.: ИНФРА-М, 2011. 220 с.

2. Políticas Puplicas sobre Migracion Laboral. Herramientas y buenas practicas // México: OIM, 2010. 313 p.
3. Исаков Э.К., Исакова Н.К. Международный опыт стран в организации трудовой миграции // Вестник КРСУ. 2014. Том 14. № 2. С. 21-24.
4. Публикации МОМ [Электронный ресурс] // <http://publications.iom.int/bookstore/> (Дата обращения 1.05.2015).
5. Волкова О.А., Оставная А.Н. Приднестровская трудовая миграция: штрихи к потенциальной социальной политике // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2014. №1 (1). С. 96-103.

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ
СОПРОВОЖДЕНИЯ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ
PROBLEMS OF SOCIAL WORK IN THE SUPPORT
OF FOSTER FAMILIES**

Т.Н. Отделкина
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Т.N. Otdelkina
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Одним из важных аспектов создания замещающей семьи является не только психолого-педагогическая и правовая подготовка будущих принимающих родителей, но и дальнейшее сопровождение подобных семей квалифицированными специалистами для предотвращения кризисов семьи и обеспечения безболезненной адаптации и дальнейшей успешной социализации приемного ребенка в замещающей семье. Материалы посвящены особенностям социальной работы системе сопровождения замещающих семей, а также практическим вопросам, возникающим в процессе работы с замещающими семьями.

One of the important aspects in the creation of substitute family is not only a psychological-pedagogical and legal training of the future parents, but also further support the families of such qualified personnel to prevent family crisis and ensure a smooth adaptation and further successful socialization foster child in substitute family. This article is devoted to the peculiarities of social work within the support foster families, as well as the practical issues that arise in the process of working with substitute families.

Ключевые слова: сопровождения замещающих семей, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, замещающая семья, социальная работа.

Keywords: support of foster families, orphans, children without parental care, substitute family, social work.

Замещающая семья является особым институтом, сформировавшимся в результате распространения такого явления, как социальное сиротство и увеличения числа семей, которые не смогли преодолеть ситуацию неблагополучия и перешли в категорию семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Причины подобных социальных явлений могут быть различны: невозможность семьи справиться с проблемами вследствие снижения ее ресурсности; снижение качества детско-родительских отношений вне зависимости от статуса семьи, увеличение количества рождений несовершеннолетними. Все эти тенденции являются следствием необратимого процесса, в рамках которого семья не может приспособиться к трансформирующимся условиям общества, новым стандартам и параметрам жизни. Дети попадают под основной удар, который наносит свой неблагоприятный отпечаток на их психическое, социальное, а иногда и физическое развитие, мешая их благополучной социализации. Стоит отметить, что до сих пор немаловажным фактором снижения ресурсности семьи является наличие социальных болезней, развитие которых не позволяет родителям в полной мере выполнять свои обязанности по воспитанию и обеспечению жизнедеятельности ребенка, и являются причиной для ограничения или лишения родителей их прав. В этом случае для успешной социализации детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо помещение их в замещающую семью, где они смогут получить не только необходимые социальные навыки и знания для жизни в обществе, но и заботу, поддержку, ласку, семейное воспитание, важные для нормального развития ребенка.

Чтобы стать замещающими родителями, необходимо не только желание принять ребенка на воспитание в свою семью, но и подготовиться к этому важному решению. Для реализации данной подготовки в субъектах Российской Федерации на базе социальных учреждений помощи семье и детям существуют школы принимающих родителей, осуществляющих психолого-педагогическую помощь. Именно в этих школах определяется воспитательный потенциал семьи, истинная мотивация и степень готовности будущих приемных родителей стать для ребенка настоящей семьей, способной помочь преодолеть негативный семейный жизненный опыт, полученный в результате отказа от ребенка родителями или его изъятия из семьи. Далеко не всегда партнеры, прошедшие школу принимающих родителей, остаются верны первоначальному решению о принятии ребенка-сироты. С одной стороны, это может быть связано с выявлением деструктивной мотивации у партнеров, с другой стороны, происходит глубокая комплексная оценка ресурсности семьи, результат которой может дать основания для размышлений. Все это может стать веским основани-

ем для родителей отказаться от идеи создания замещающей семьи либо более основательно подойти к данному вопросу.

Успешное прохождение школы принимающих родителей с последующим созданием замещающей семьи не может гарантировать беспрепятственной взаимной адаптации приемной семьи и ребенка-сироты, которую можно представить как сложную динамику образования новой семейной системы, в которой выделяются свои этапы и кризисы [1]. В связи с этим возникает необходимость в предоставлении адресной помощи, направленной на преодоление возникающих на разных этапах проблем и кризисных ситуаций. А.Б. Холмогорова и В.Н. Ослон провели исследование, в рамках которого опросили 40 замещающих семей для выделения и описания этапов развития семейной системы после приема ребенка. Было определено, что лишь часть семей проходила психологическую подготовку, а также была обеспечена психологическим сопровождением. В результате сравнительного анализа семей, прошедших психологическую подготовку к патронажу, и созданных стихийно, было выявлено, что последние уже на этапе первичной адаптации переживают серьезный кризис и нередко внутренне, а иногда и внешне отторгают ребенка. В семьях с психологической подготовкой данный этап проходит менее болезненно, длится около двух месяцев, и по ряду признаков его можно назвать ориентировочным. Семьи достаточно позитивно оценивают поведение нового члена, они склонны видеть приемного ребенка как вполне нормального по таким характеристикам поведения, как агрессивность, асоциальность, страхи, депрессия [2]. Можно утверждать, что система сопровождения замещающей семьи, особенно на начальном этапе, является крайне важной и необходимой.

В Нижегородской области система сопровождения замещающих родителей, закреплённая на законодательном уровне, отсутствует. Сопровождение таких семей осуществляется на базе центров помощи семье и детям. Методические пособия и рекомендации для специалистов, а также программа сопровождения замещающих семей разрабатываются в каждом субъекте Российской Федерации самостоятельно, учитывая региональные особенности. На основе данных рекомендаций реализуется сопровождение замещающих семей и на уровне районов области. Как правило, родители в подобных семьях ранее являлись слушателями школы принимающих родителей, поэтому наладить взаимоотношения и войти в доверие со специалистами системы сопровождения им проще, нежели семьям, которые обратились за помощью впервые.

На базе Нижегородского областного центра социальной помощи семье и детям «Журавушка» ежегодно проходят методические собрания для психологов и специалистов подобных центров в районах области, осуществляющих подго-

товку принимающих родителей и их сопровождение на этапе взятия ребенка и его дальнейшей адаптации в этой семье. Последнее подобное собрание прошло в апреле 2015 г., на котором присутствовали специалисты из Арзамасского, Шатковского, Выксунского районов, города Сарова. Формат собрания носил семинарский характер, в рамках которого специалисты делились существующими в их районах проблемами в этой сфере деятельности и совместно с администрацией Нижегородского областного центра пытались ответить на интересующие их вопросы.

Выявленные вопросы участников методического собрания можно разделить на три группы: касающиеся школы принимающих родителей; связанные с сопровождением замещающих семей; законодательных основ школ принимающих родителей. В первой группе выделялись проблемы, связанные с набором кандидатов в приемные родители. Списки участников школы формируются согласно заявлениям будущих принимающих родителей. Однако все чаще возникают ситуации, когда кандидаты пишут заявления на прохождение школы, на основании которого его зачисляют, но не приходят на занятия, хотя их решение о взятии приемного ребенка не изменилось. К сожалению, достоверно определить причины подобного поведения не представляется возможным. Помимо этого, поднимался вопрос о необходимости подготовки специалистов для школы принимающих родителей, которая пока не ведется.

Вторая группа вопросов касается и ситуации повторных отказов, согласно которой родители, прошедшие школу принимающих родителей и взявшие приемного ребенка, отказываются от него, не справившись с кризисными ситуациями на этапе его адаптации. Через некоторое время они вновь изъявляют желание взять ребенка в семью на воспитание и, имея сертификат об окончании школы принимающих родителей, отправляются в органы опеки и попечительства. Именно поэтому необходимо обоснование определения категории детей-сирот (в рамках школы принимающих родителей) как заведомо травмированных детей, нуждающихся не только в заботе и ласке семьи, но и психолого-воспитательного воздействия в ходе их дальнейшей социализации.

Отмечалась на методическом собрании незаинтересованность замещающих семей в посещении профилактических мероприятий на базе центров помощи семье и детям для предотвращения кризисных ситуаций и острых проблем, с которыми они могут столкнуться, в коммуникативном взаимодействии замещающих семей. Специалисты отмечают, что чаще всего в подобных мероприятиях участвуют замещающие семьи, успешно справляющиеся с проблемами, а семьи, которым это действительно необходимо, предпочитают «не выносить ссор из избы».

В рамках третьей группы обсуждалось несовершенство законодательной базы в отношении обязательной подготовки (обучения) принимающих родителей.

Таким образом, следует отметить, что наиболее остро стоит вопрос об отсутствии единой системы сопровождения замещающих семей и закрепления ее на Федеральном законодательном уровне. Проблемы, возникающие на начальных этапах адаптации приемных детей в семьях, имеют свои истоки в неких упущениях, как родителей, так и специалистов в рамках школы принимающих родителей из-за отсутствия единой системы подготовки психологов и повышения их профессиональной квалификации.

Литература

1. Ослон В.Н. Приемная семья – кризисы первого года // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе / Под ред. В.Н. Стегния. Т. 2. Пермь, 2000. С. 245-246.
2. Ослон В.Н. Психологическое сопровождение замещающей профессиональной семьи / В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова/ <http://hr-portal.ru/article/psihologicheskoe-soprovozhdenie-zameshchayushchey-professionalnoy-semi>.

ОБРАЗОВАНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ – НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ EDUCATION IN OLD AGE – SELECTED ASPECTS

В. Пиесчиньски
Университет Безопасности в Познани, Польша
W. Piestrzyński
University of Security in Poznań, Poland

Пожилые люди – динамичное сообщество, которое будет увеличиваться, и, соответственно, его роль и значение. Мы должны стремиться к самому широкому изучению проблем, связанных с этой фазой человеческой жизни, противодействовать негативным стереотипам, связанным с восприятием старости и оказывать помощь этим людям с использованием всех видов общественной деятельности.

Цель данного материала – привлечь внимание к созданию условий для приобретения новых знаний, межличностных отношений и возможности дальнейшего развития пожилых.

The population of the elderly is a dynamic collectivity which will increase, and thus, its role and importance will increase. Therefore, we must endeavor for the widest possible dissemination of issues related to this phase of human life, act against negative stereotypes associated with perception of old age and assist these individuals in entering in all sorts of social activities.

The aim of this article is to point out the need for creation of, in contemporary social reality, the possibilities for further activity, especially in terms of acquiring new knowledge, interpersonal relations and opportunities for further development for older people.

Ключевые слова: старший возраст, активация, общество, образование.

Keywords: old age, activation, society, education.

Old age does not appear suddenly, it is the result of a physiological process which is long and irreversible. The human metabolism also plays an important role here. Aging has genetic, biological and finally environmental predisposition, moreover, at various stages of life, in the various areas this process may be subject to acceleration or slowing down. On the other hand, men and women entering the aging process are not a homogeneous group. This applies to both, their health and the baggage of life experience. Without a doubt, the end of old age is death. In contrast, it is difficult to indicate the beginning of old age, for some researchers, the beginning of old age appears at the age of 55, and for others it may be a phenomenon associated with exceeding even the age of 70 years [3].

Currently, the old age is pictured in a certain way which is characterized by lethargy, passivity, withdrawal, lack of feeling of satisfaction from any accomplishments. It is an image of old age unwanted by the interested parties themselves and the society as such. Therefore, it cannot be surprising that, there is a fear of old age among many people. On the contrary, if old age is synonymous with the gift and the ability to be creative in their own way, then you should assume that it will increase the level of respect for old age and the elderly [2].

Older age is characterized by the fact that a person is faced with the realization of new tasks, the need to redesign his approach to life, in order to best prepare for death. That person also struggles with various diseases. Despite these aspects he should remain responsible for his own fate until the end. Old age does not count itself to the age of stagnation and dying, instead it is the last period of human development.

Each period of human life is associated with some new adaptive challenges and organism capability in the physical and mental dimensions.

The most visible signs of aging are: systematically decrease in interpersonal interactions, the reduction or cessation of work, weakness or even complete loss of so-

cial contacts and a withdrawal from participation in social life. One of the characteristics of the aging process is gradual narrowing the field of what is close to someone's heart. Older people limit their contacts with others and gradually withdraw from social life. At the age of late adulthood a process of expiration of certain social roles previously performed, can be observed. Older people usually stop their economic activity, which involves not only the cessation of being a worker, but very often also the employer. At this stage, they reduce at the same time many other activities, like social contacts associated with their professional life. The importance of parental roles is being also lessened, due to the fact that the children move out of the house and set up their own families.

Aging is an inevitable and irreversible process. We usually talk about age in a context, for example, a desire to stop time, its manifestations or to prevent its effects or even minimize them. Old age is called the late adulthood or the third age, and it is unavoidable [4, p.1]. It is the, final stage in human life starting with the reaching of conventionally determined "threshold of old age." Old age is a dynamic and synergistic relationship of biological and psychological processes and changes in the social activity of the individual" [9, p. 33-34].

Very often the only space of functioning of an elderly person becomes their own home and close to home environment. Usually in this area, an older man realizes almost all of his needs, takes on various forms of activities depending on his current capabilities. Let us note, however, that the contemporary reality creates more and more opportunities for further development of older people, allows them to acquire new knowledge and active leisure. The old age when put to good use to realize ambitions, may give a sense of accomplishment and self-confidence. A chance of more interesting, and thus "healthier" old age is primarily posed by meeting with others, openness to the world, the realization of one's own interests and plans, contacts with the natural world [8, pp. 93-103].

A man as a social being, very rarely by choice, wants to spend the autumn of his life in solitude. The sense of isolation is often caused by of one's own disease or diseases of people close, death of a spouse or social ostracism [6].

But there are a lot of problems encountered by an elderly person. These include, among others:

- The problem with acceptance of one's situation, a sense of loneliness, family conflicts and the neighboring and related to that insecurity, growing fears and frustrations

- Difficulties faced by the elderly person while trying to acquire new skills or move into new environment. Worth mentioning are problems, such as the inability to use a mobile phone, PC, Internet, to perform banking transactions at a distance and

using ATMs. Older people also have problems with changing or adapting houses for the physical disabilities that worsen with age in this period of life.

- Not dealing with one's own emotions – self-injury and aggression, lack of feeling of closeness and support from loved ones, the abandonment of the attitude of tolerance towards others.

- Facing a set of difficult experiences – death of spouse and other relatives, one's own disability and chronic illness.

- The need to cope with difficult situations. They may be of economic nature, but they are also difficulties in moving around, running a household, and finally difficulties in managing one's intellect [11].

The process of adaptation to old age is fostered by the family ties because they are the most important pillar of social life. The society and the family shape each other. Mutual interpenetration of value systems, and thus, the development of new social and family models decide on the location and position of the elderly in the family and society [10].

In the current socio – family transformations, it may be noted, that older people are discriminated when it comes to the financial sphere and health, the job market or media space and even education. It is dangerous, because an older man must be active to keep his vital strengths, to take up new challenges and even to compete. The self-realization of older people becomes possible in this way [12].

The task of gerontology is not only to give legitimate diagnosis, but the skilful work with and for the elderly people to relieve their suffering seems to be more important. Hence the modern gerontology has varied dimensions, ranging from purely medical, wandering through psychological, sociological and ending with the educational dimension. Older people have a lot of free time, of which they should make good use and the specialists – gerontologists can help them with it [7].

It is important to create conditions for older people's further social activity and to motivate them to take action. All kinds of formal and informal institutions which aim is to help in the active experience of old age can play an important role in this regard.

The participation in organized activities requires a multi-activity of seniors. First and foremost, it becomes easier for them to adapt to changes in both biological – related to age, cultural – related to technology development and the society. The particular attention should be paid to the so-called Universities of the Third Age which functions are “not focused” on the deficits of old age, but it is primarily concentrated on the preserved potential of seniors in terms of mental, physical, artistic, and social activity [1, p. 93]. In addition to providing education, these universities offer opportunities for environmental integration, shaping and deepening student's own

interests, as well as the intellectual and physical contribution [5, pp. 49-55]. Participation in the activities of the University of the Third Age allows the elderly to maintain a long and dignified life and perform social activities.

Setting oneself challenges and facing them in every developmental period allow for better understanding oneself and building more authentic relationships with others, because self-knowledge leads to an adequate self-esteem, which in turn contributes to increased levels of self-acceptance, which leads to the resignation of assuming different masks in social relations.

Summary

The analysis leads to the conclusion that the activation of older people allows to recognize old age as a natural period in human development, in which they still may use their own potential and integrate in the social dimension. A man tries to adapting to old age through all his life. Thus, education becomes important – education to old age. The task of education of the elderly also seems to be shaping social attitudes that would be open to the problem of old age.

Bibliography

1. Błachnio A. Starość nonprofit. Wolontariat na Uniwersytetach Trzeciego Wieku w Polsce i na świecie / A. Błachnio. Bydgoszcz: Pub. Kazimierz Wielki University Press, 2012.
2. Dzięgielewska M. Przestrzeń życiowa i społeczna ludzi starszych / M. Dzięgielewska. Łódź 2001.
3. Harwas – Napierała B. Trempała J. Psychologia rozwoju człowieka. Charakterystyka okresów życia człowieka / B. Harwas – Napierała J. Trempała // tom II, Warszawa 2006.
4. Kępiński A. Rytm życia / A. Kępiński. – Kraków: Pub. Literackie Press, 2001.
5. Kurowska K. Aktywizacja osób w starszym wieku w aspekcie działalności Uniwersytetów Trzeciego Wieku oraz innych instytucji i organizacji pozarządowych / Kędziora-Kornatowska K., Muszalik M. // Kompendium pielęgnowania pacjentów w starszym wieku. Lublin: Pub. Czelej Press, 2007.
6. Leśna A. Samotność – błogosławieństwo czy przekleństwo?, Być dla innych. // Kwartalnik o wychowaniu i przywództwie. № 4 (55) 2013. P. 16-19.
7. Nowicka A. Błążewicz K. Preferowane formy wykorzystania czasu wolnego przez uczestników klubu seniora w Nowym Tomysłu / A. Nowicka // Wybrane problemy osób starszych, Kraków 2006; Dziuban A. Społeczny obraz starości i postrzegania własnego ciała w procesie starzenia się // Gerontologia Polska. № 3, 2010.

8. Sarzała D. Kształtowanie kultury ekologicznej a integralny rozwój osobowy. / M. Dołęga Podstawy kultury ekologicznej. // Zeszyty Naukowe PAN № 32., Człowiek i Środowisko” Warszawa 2002. PP. 93-103.
9. Szatur-Jaworska B. Ludzie starzy i starość w polityce społecznej / Szatur-Jaworska B. Warszawa: Pub. ASPRA-JR Press, 2000
10. Uzar K. Wychowanie w perspektywie starości. Personalistyczne podstawy geragogiki / K. Uzar. Lublin 2011.
11. Wnuk W. Sytuacje trudne osób starszych w pespektywie geragogiki / M. Marczuk // Starzenie się a satysfakcja z życia. Lublin 2006.
12. Ziębińska B. Uniwersytety Trzeciego Wieku jako instytucje przeciwdziałające marginalizacji osób starszych / B. Ziębińska. Katowice 2010.

**СОЦИАЛЬНЫЕ РОБОТЫ В ПРОГРАММАХ ТЕРАПИИ РАССТРОЙСТВ
АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА**
**SOCIAL ROBOTS THERAPY PROGRAMS AUTISM SPECTRUM
DISORDERS**

И.Э. Петрова, П.А. Демидов, А.А. Еремеева
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.E. Petrova, P.A. Demidov, A.A. Eremeeva
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

На базе Нижегородского государственного Университета им. Н.И. Лобачевского уже более года ведется проект по Социальной робототехнике. Под проектом подразумевается научно-исследовательская работа команды студентов и их научных руководителей в нескольких основных направлениях. Это изучение общественного мнения как о робототехнике в целом, так и о социальной робототехнике и о роботе Оно в частности; проведение семинаров и учебных классов по направлению; проведение экспериментов Робота Оно на базе специализированных учреждений города Нижнего Новгорода. В рамках серии экспериментов было решено попробовать включить занятия с Роботом в программу терапии.

On the basis of the Nizhny Novgorod State University of Nizhny Novgorod State University for more than a year, the project is conducted by the Social Robotics. Under the project involves research work of the team of students and their scientific leaders in several major ways. This study of public opinion, as robotics in general and on social robotics and robot Ono in particular; seminars and training classes in the direction; Robot Ono experiments based on the specialized agencies of the city of Nizhny Novgorod. In a series of experiments, it was decided to try to include sessions with robots in the therapy program.

Ключевые слова: робот, социальная робототехника, дети, терапия, расстройства аутистического спектра.

Keywords: robot, social robotics, children therapy, autism spectrum disorders.

Исследованием взаимодействия робота и детей с расстройствами аутистического спектра занимаются ученые США, стран Европы и Азии. Показателен такой результат анализа взаимодействия, что ребенок изначально устанавливает связь с роботом как наиболее привлекательным актором, а уже потом использует робота в качестве инструмента налаживания взаимодействия с человеком. Авторы предлагают использовать социальных роботов во взаимодействии с аутичными детьми: в качестве диагностического агента, приятеля, посредника, социального актора, а также в качестве личного врача.

В настоящее время изучение применения робототехники в терапии расстройств аутистического спектра в России находится в самом начале развития, в то время как в западных странах уже проводятся сравнительные исследования использования роботов на разных платформах для работы с детьми с диагнозом аутизм. Практически не встречаются публикации, освещающие применение робототехники для терапии аутизма ни в практике российских психотерапевтов, ни в качестве адаптации зарубежного опыта работы с детьми, имеющими такой диагноз.

Роботы внедрены во многие методики работы с аутичными детьми, в играх, стимулировании желаемого поведения, для привлечения внимания и придания нового смысла ситуации взаимодействия с терапевтом. Социально интерактивные, помогающие роботы используются для общения, выражения эмоций, поддержания социальных отношений [1].

Авторы сравнительного исследования 40 роботов на различных платформах, использующихся в терапии аутизма, обобщили материал значительного количества экспериментов с больными детьми и опроса 159 нормально развивающихся детей. Основными параметрами, повергшимися исследованию, были конструктивные особенности, внешний вид робота, возможность автономного поведения и другие. По мнению исследователей, дизайн и функциональные возможности робота могут оказать существенное влияние на его эффективность в терапии.

Робот должен быть визуально привлекательным для ребенка с аутизмом, так как эти дети демонстрируют короткие промежутки концентрации. Различные части конструкции робота могут быть окрашены по-разному для акцента, но следует избегать утомляюще ярких цветов и опасных деталей.

Робот не должен быть сравнимым по сложности восприятия с человеком, поэтому привлекательными оказываются роботы в виде животных, а также антропоморфные, но использующие ограниченное количество деталей для формирования выражения.

Терапевты нашли, что наиболее подходящий размер для робота – это примерно размер ребенка, который проходит курс лечения [1]. Этот робот может быть менее пугающим, и ребенку легче будет осуществить контакт глаз.

Многие дети в исследовании демонстрировали значимость сенсорных стимулов – звукового или светового сопровождения взаимодействия с роботом. Движение робота или его частей привлекает внимание ребенка с аутическим диагнозом, и может быть расценено положительно. Дети с аутизмом могут быть импульсивными время от времени. Следовательно, они склонны трогать робота и плохо обращаться с ним, поэтому робот должен быть прочным, преимущественно антивандальным и не содержать потенциально опасных деталей, способных поранить детей. Присутствие человека в контуре эксперимента имеет жизненно важное значение.

Известно, что дети с аутизмом очень трудно распознают выражения лица и язык тела [2]. Представленные в исследовании роботы используют простой набор и ограниченные выражения лица [1]. Проанализировав двухстороннее взаимодействие робота с ребенком и трехстороннее робота, ребенка и терапевта, группа ученых пришла к выводу о подтверждении гипотезы, что ребенок изначально устанавливает связь с роботом как наиболее привлекательным актером, а уже потом использует робота в качестве инструмента налаживания взаимодействия с человеком [3, 4]. Продолжительность и сроки роботизированного воздействия имеют решающее значение, чтобы не создавать предпочтения контакта с роботом по сравнению с взаимодействием с людьми [5]. Гуманоидные роботы могли бы помочь более быстрому обобщению навыков [6].

Авторы предлагают использовать социальных роботов во взаимодействии с аутичными детьми: в качестве диагностического агента, приятеля, посредника, социального актора, а также в качестве личного врача [1].

Летом на базе в ГБУ «ОЦСПСД «Журавушка» проходил мастер-класс с использованием робота Оно для детей из неблагополучных семей с нарушениями в развитии коммуникационного потенциала. Программа мастер-класса состояла из 5 тематических занятий длительностью 35-40 минут. Основная часть занятий была направлена на определение и изучение эмоций, которые выражает робот. Спектр эмоций различался на каждом занятии. На каждом занятии у робота было разное амплуа и соответствующий облик с ярко выраженными деталями для привлечения внимания у детей.

С разрешения родителей на занятиях велась фото и видеосъемка, позволяющая в дальнейшем проанализировать реакцию детей.

Реакция детей положительная. У них появляется стремление потрогать робота, детям хотелось, чтобы робот мог шевелить руками, ходить и разговаривать. Дети считали, что для того, чтобы подружиться с роботом, нужно чтобы он обязательно говорил.

Первые контакты с роботом были наиболее увлекательными. Они старались изучить робота более внимательно, присматривались. На последнем занятии дети мало проявляли интерес к разгадке эмоций. Дети 10-12 лет высказывались, что им становилось скучно в некоторые моменты. Но получив управление в свои руки, дети оживлялись.

Дети с нарушениями в развитии коммуникационного потенциала часто не могут работать в команде. В случае с роботом наблюдались моменты недопонимания, нежелания идти на контакт у некоторых детей, преимущественно у детей 4-5 лет. Робот сплывал детей, работая с ним, они старались работать лучше.

Основным выводом из всех ранее проведенных занятий можно считать большой потенциал использования робота в работе с детьми. Фокус исследования будет смещен с общего представления о робототехнике к возможностям реального применения робототерапии в конкретных кейсах. Основной целью должна стать также разработка полноценной схемы взаимодействия с потенциальными потребителями услуги робототерапии (представители специальных центров) и спектра возможных вариаций мастер-классов с учетом специфики учреждения.

Литература

1. Cabibihan J.-J., Javed H., Ang M. and Aljunied S.M. "Why Robots? A Survey on the Roles and Benefits of Social Robots for the Therapy of Children with Autism" // International Journal of Social Robotics, 2013, 5(4), 593-618, doi 10.1007/s12369-013-0202-2.
2. Wong C., Odom S.L., Hume K., Cox A.W., Fettig A., Kucharczyk S., Brock M.E., Plavnick J.B., Fleury V.P., Schultz T.R. Evidence-Based Practices for Children, Youth, and Young Adults with Autism Spectrum Disorder, URL: <http://autismpdc.fpg.unc.edu/sites/autismpdc.fpg.unc.edu/files/2014-EBP-Report.pdf>.
3. Ricks D. J., Colton M. B. Trends and Considerations in Robot-Assisted Autism Therapy URL:

https://asknao.aldebaran.com/sites/default/files/publications/rickscolton_2010_trendsandconsiderationsrobotassistedautismtherapy.pdf

4. Boucenna S., Narzisi A., Tilmont E., Muratori F., Pioggia G., Cohen D., Chetouani M. / “Interactive Technology for Autistic Children: A Review”, in *Cognitive Computation*, Springer, 2014.
5. Giannopulu I., Pradel G. / From child-robot interaction to child-robot-therapist interaction // *Applied Bionics and Biomechanics* 9 (2012), 173–179 doi 10.3233/JAD-2011-0042.
6. Costa S., Soares F., Santos C., Ferreira M.J., Pereira A.P., Moreira F., Cunha F. Robots and Autism Disorder: Promoting competence generalization, URL: [https://repositorium.sdum.uminho.pt/.../ C. 59-52.](https://repositorium.sdum.uminho.pt/.../C.59-52)
7. Feil-Seifer D., Mataric M. Robot assisted therapy for children with Autism Spectrum Disorders, URL: <http://robotics.usc.edu/publications/media/uploads/pubs/588.pdf>.
8. Kim E.S., Paul R., Shic F., Scassellati B. Bridging the Research Gap: Making HRI Useful to Individuals with Autism URL: sczlab.yale.edu/.../EKim%20Bridging%20the.
9. Scassellati B., Admoni H., Mataric M. Robots for Use in Autism Research URL: <http://www.scazlab.com/papers/Scaz-Admoni-ARBE-12.pdf>.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С МНОГОДЕТНОЙ СЕМЬЕЙ

SPECIFIC OF SOCIAL WORK WITH MULTICHILD FAMILIES

Т.Ю. Петрова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

T.Y. Petrova

Lobachevsky State University of Nizny Novgorod

Затронута проблема трудностей, с которыми сталкиваются многодетные семьи при оформлении своего статуса и пособий.

The theses of the main issues faced by multichild families in the social work organisations in Russia.

Ключевые слова: многодетные семьи, социальная работа.

Keywords: multichild family, social work.

В последние годы мы наблюдаем достаточно быстрый рост количества многодетных семей. В Нижегородской области только за 2014 г. увеличилось

число таких семей на 1787 и составило на 1 января 2015 г. 17277 [1]. Такая же картина наблюдается и во всех регионах России. С одной стороны, это положительная тенденция, которая позволяет восстановить население России, потерянное в результате резкого спада рождаемости и роста смертности в 90-е годы, а с другой стороны, многодетная семья является очень уязвимой категорией семей. Ее члены сталкиваются как с естественными проблемами, характерными для каждой семьи, так и специфическими, свойственными только данной категории семей.

В соответствии с Указом Президента РФ от 5 мая 1992 года № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» в редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.02.2003 года №250 момент определения категории семей, которые можно считать многодетными, отнесен к ведению субъектов Российской Федерации [2]. В соответствии с Законом Нижегородской области от 28 декабря 2004 года № 158-З «О мерах социальной поддержки многодетных семей» (с изменениями на 30 июня 2015 г.) многодетной семьей признается семья, имеющая на содержании и воспитании троих и более детей в возрасте до 18 лет [3].

На современном этапе государство придает большое значение социальной работе с многодетными семьями. Но многодетность – очень разноплановое явление, внутри этой категории семьи могут отличаться друг от друга (и отличаются) очень сильно.

Можно выделить следующие типы многодетных семей:

1. семьи, где одна пара родителей и их родные дети;
2. семьи, образовавшиеся в результате второго и последующих браков одного из родителей, где воспитываются дети от предыдущих браков и\ или общие дети;
3. семьи, ставшие многодетными в результате усыновления ребенка/ детей.

Для каждого типа семьи характерны как свои специфические проблемы, для решения которых им может потребоваться помощь социальных работников, так и общие проблемы. Мы затронем одну из проблем, характерную для любой многодетной семьи – проблему получения статуса многодетной семьи и оформления льгот и пособий, предоставляемых многодетным семьям.

Часть многодетных семей, зачастую нуждающаяся, не может воспользоваться положенными льготами и выплатами из-за несоответствия формальным критериям. Достаточно часто встречается ситуация, когда родители или дети имеют регистрацию в разных субъектах РФ, в результате семья, по факту являющаяся многодетной, не может оформить свой статус официально. Например,

по современному Жилищному кодексу, супруг не имеет права оформить регистрацию другому супругу без согласия всех собственников жилого помещения, поэтому мать и дети оказываются зарегистрированными в разных регионах РФ. Характерна ситуация, когда после развода ребенок\дети зарегистрированы по месту жительства отца, проживают с матерью, отчимом и другими детьми в другом регионе, семья, фактически воспитывающая троих и более детей, также не может получить статус многодетной.

Второй серьезной проблемой, с которой сталкиваются многодетные семьи при оформлении льгот и выплат, – это необходимость подтверждать официальный доход семьи. По данным Национального обследования благосостояния и участия населения в социальных программах [4], 31% многодетных семей имеют в своем составе членов семьи в трудоспособном возрасте, которые не работают и не ищут работу. Чаще всего это многодетные матери, что связано с невозможностью совмещать уход за детьми и оплачиваемую занятость из-за отсутствия гибких форм занятости на современном российском рынке труда. В этом случае многодетная семья также не имеет возможности оформить льготы и выплаты, хотя может нуждаться в них.

Литература

1. За год количество многодетных семей увеличилось на 1787. Опубликованы данные социального паспорта региона на 1 января 2015 года // <http://www.minsocium.ru/index.php/news/item/1434-778> (Дата обращения 14.09.2015).
2. Указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. N 431 "О мерах по социальной поддержке многодетных семей" от 25 февраля 2003 г. N 250 // Система ГАРАНТ:<http://base.garant.ru/10100845/> (Дата обращения 14.09.2015).
3. Закон Нижегородской области от 28 декабря 2004 года № 158-З «О мерах социальной поддержки многодетных семей» (с изменениями на 30 июня 2015 года) // <http://docs.cntd.ru/document/944922052> (Дата обращения 14.09.2015).
4. Национальное обследования благосостояния и участия населения в социальных программах, Росстат, 2003 г. 44 тыс. домохозяйств. Цит. По: Многодетная семья в России// Население и общество № 373-374. 13-30 апреля 2009 // <http://www.demoscope.ru/weekly/2009/0373/tema03.php> (Дата обращения 14.09.2015).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ШКОЛЬНОЙ СЛУЖБЕ МЕДИАЦИИ

ROLE OF THE SOCIAL WORKER IN SCHOOL SERVICE OF MEDIATION

Е.С. Плотникова
Нижегородский институт развития образования
E.S. Plotnikova
Nizhny Novgorod Institute of a Development of Education

Рассматривается вопрос внедрения школьных служб медиации. Особое внимание уделяется анализу профессионального потенциала социального работника в качестве медиатора в образовательной организации.

The question of introduction of school services of mediation is considered. Special attention is given to the analysis of professional potential of the social worker as a mediator in the educational organization.

Ключевые слова: медиация, школьные службы медиации, образовательные организации, социальный работник.

Keywords: mediation, school services of mediation, educational organizations, social worker.

Медиация – чрезвычайно важная технология для современной образовательной организации. Широкое поле для применения данной технологии – организация школьных служб медиации.

Развитие школьных служб медиации в России регламентируется новыми нормативно-правовыми актами (Закон о медиации, Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг., Концепция развития до 2017 г.) [1; 2; 3]. В данных документах отмечена важность межведомственного взаимодействия в вопросах восстановительной медиации, сертификации деятельности и необходимость организации сети таких служб.

В Методических рекомендациях Министерства образования и науки РФ школьная служба медиации определяется «как инновационный метод, который применяется для разрешения споров и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками образовательного процесса в качестве современного альтернативного способа разрешения споров» [4].

В связи с перспективой внедрения медиации в образовательных организациях в декабре 2014 г. было проведено пилотажное социологическое исследование, были опрошены слушатели квалификационных курсов ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», работающие в образова-

тельных организациях г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области (N=200). Цель опроса – выявить основные противоречия, сопровождающие внедрение служб школьной медиации.

Согласно данным анонимного анкетирования, 49% респондентов чаще всего сталкиваются с конфликтными ситуациями на работе, т.е. в образовательной организации (18% – дома, 24% – на улице, транспорте).

Почти половина опрошенных специалистов сферы воспитания никогда не слышали и не имели представления о технологии медиации (47%). По словам остальных респондентов (53%), они знакомы с данным понятием.

Однако, чуть больше половины опрошенных респондентов (53%) не знают о Законе о медиации. Лишь 16% владеют данной информацией, и 29% педагогов что-то слышали об этом нормативном документе. В качестве основных источников информирования о новых нормативных актах они указывают СМИ и интернет (5%), знакомых (12%).

Педагоги не владеют информацией и о профильных документах в системе образования. Только 59 человек из всех опрошенных указали, что знают или что-то слышали о методических рекомендациях Министерства образования и науки РФ по организации служб медиации в школе.

Как показало наше исследование, в Нижегородской области школьные службы медиации отсутствуют либо находятся в зачаточном состоянии. Лишь 14% слушателей указали, что в их образовательной организации есть подобные практики. Однако есть вероятность, что респонденты могли перепутать их с Советами профилактики, так как не всегда понимают отличия этих двух служб и не видят необходимости внедрять медиативные технологии.

В вопросах, связанных с медиацией учителя и другие специалисты, как показало исследование, не владеют какой-либо информацией. В чем заключается работа медиатора, в основном знают социальные педагоги и заместители директора по воспитательной работе (44 человека ответили положительно на данный вопрос).

32% от общего числа педагогов указали, что помогают другим людям выходить из конфликтов. И только 7% респондентов не видят в этом необходимости.

Сегодня предлагается модель школьной службы медиации, где есть команда, в состав которой входят учащиеся школы и педагоги-кураторы, родители [5, с. 34].

В нормативных документах основная роль в школьной службе медиации отводится педагогу-куратору (социальный педагог, психолог, учитель). Однако, по данным нашего исследования, 73 человека (почти треть опрошенных) не хо-

тят быть медиаторами в школе. Скорее всего школьную службу медиации рассматривают прежде всего как дополнительную нагрузку и ответственность, что в настоящее время вызывает недовольство, а порой и раздражение у практиков.

Только 4 социальных педагога из 49 опрошенных видят себя в роли медиатора и готовы взять на себя обязанности по реализации технологии медиации.

Кроме того, педагоги не мотивированы проходить дополнительное обучение, о чем свидетельствуют данные нашего исследования. На курсах по медиации обучались всего 3 социальных педагога из всех 200 опрошенных нами учителей. И лишь 12 человек планируют обучаться на курсах по медиации.

В Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» закреплено, что «медиатор, медиаторы – независимое физическое лицо, независимые физические лица, привлекаемые сторонами в качестве посредников в урегулировании спора для содействия в выработке сторонами решения по существу спора» [1]. 37% респондентов высказали предположение, что обученный специалист, работающий вне системы образования, компетентен выполнять данные обязанности.

На наш взгляд, в образовательной организации необходим именно специалист по социальной работе (с соответствующей подготовкой). В России нет практики привлечения специалиста по социальной работе в школу, однако данный специалист обладает необходимыми компетенциями для работы в службах школьной медиации. Он будет разбираться в работе школы, знать педагогов, детей и родителей, традиции образовательной организации, а также все «подводные камни», с которыми, как правило, не знакомы приглашенные медиаторы. Специалист по социальной работе компетентен проанализировать ситуацию независимо и объективно, что поможет в разрешении конфликтной ситуации.

Предполагаем, что основные воспитательные эффекты в реализации данной технологии в образовательных организациях заключаются в следующем:

- повышение культуры конструктивного решения конфликтных ситуаций участников учебно-воспитательного процесса;
- применение альтернативной формы разрешения конфликтов, что соответствует идеи реальной гуманизации и демократизации учебно-воспитательного процесса;
- повышение эффективности профилактических программ и сокращение количества правонарушений среди несовершеннолетних.

Однако, для успешной реализации школьных служб медиации необходимо выполнения ряда условий:

- популяризация идеи медиации среди участников воспитательного процесса (руководителей, педагогов, учащихся, родителей, в том числе специалистов социальной сферы);
- обучение специалистов образовательных организаций и методическое сопровождение внедрения технологии в межведомственное воспитательное пространство;
- межведомственное и межпрофессиональное партнерство в реализации технологии медиации в образовательной организации;
- введение ставки специалиста по социальной работе в школе.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148723/. (Дата обращения 09.09.2014).
2. Указ «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы» № 761 от 01.06.2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d3f27d00fa8152b3f1.pdf> (Дата обращения 09.09.2014).
3. Концепция развития до 2017 г. сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации утверждена распоряжением Правительством РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р. [Электронный ресурс]. Режим доступа: government.ru/media/files/41d4f737efc862673fa1.pdf (Дата обращения 20.09.2014).
4. Методические рекомендации по организации служб школьной медиации в образовательных организациях № ВК-54/07вн от 18 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: ourpush.omr.obr55.ru/files/2013/12/Информация.pdf. (Дата обращения 20.09.2014).
5. Коновалов А.Ю. Школьная служба примирения и восстановительная культура взаимоотношений: практическое руководство. / Под общей редакцией Карнозовой Л.М. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2012. 256 с.

КОУЧИНГ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ COACHING IN SOCIAL WORK

М.В. Придатченко

Нижегородский государственный университет Н.И. Лобачевского

M.V. Pridatchenko

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается коучинг как метод социальной работы, направленный на активизацию потенциала клиента и решение его задач. В условиях динамичного, многообразного и сложного социального пространства коучинг становится актуальным и эффективным методом поддержки и развития человека.

The article deals with coaching as a method of social work aims at strengthening the capacity of the client and the solutions to its problems. It becomes topical and effective method of support and human development in the dynamic, multiform and complex social space.

Ключевые слова: сложное социальное пространство, самореализация, трудная жизненная ситуация, коучинг.

Keywords: complex social space, self-realization, difficult life situation, coaching.

Современное социальное пространство характеризуется процессами нарастающей сложности и неоднозначности. В обществе в целом и в жизни отдельных индивидов наблюдается парадоксальное соседство явлений традиционной культуры и современной, сосуществование разнонаправленных тенденций, прогрессивные научные технологии успешно развиваются при общем снижении уровня образования. Социокультурные практики субъектов становятся все более разнообразными, растет относительность социального знания. Скорость и вариативность социальных процессов постоянно увеличиваются. Знания, навыки, опыт другого часто не отвечают задачам в индивидуальной ситуации. Снижается эффективность и результативность таких методов развития, как обучение, консультирование, тренинги.

Дифференциация социума увеличивает индивидуальные возможности самоосуществления и самореализации субъекта, расширяет пространство выбора жизненных стратегий. Эти тенденции делают социальную жизнь более содержательной, напряженной и динамичной, но предъявляют к человеку высокие требования. Успешная реализация субъекта в обществе требует от него активности, осознанности, ответственности и синхронности с актуальным секто-

ром социальной практики. Важной характеристикой социальной деятельности становится креативность. Творческий, гибкий, игровой подход к социальному взаимодействию повышают его результативность и эмоциональную удовлетворенность от него.

В условиях экономической, социальной, культурной нестабильности вероятность возникновения трудных жизненных ситуаций у индивидов возрастает. В стадии глубокого кризиса человек нуждается в помощи, консультировании, направлении его деятельности со стороны экспертов по данным проблемам. В стадии выхода из кризиса представляется наиболее важным активизировать самостоятельную деятельность и ответственность клиента в преодолении своих трудностей, освободить от ожиданий помощи и руководства со стороны третьих лиц. Эффективным методом для решения поставленных задач является коучинг.

Коучинг – метод работы с индивидом или группой лиц, призванный раскрыть и мобилизовать потенциал клиента для эффективного и динамичного достижения поставленных им целей.

Буквальный перевод слова “coach” говорит о том, что прародителем этого направления в социальных технологиях является тренерство в спорте. Как профессиональная деятельность коучинг появился двадцать лет назад в США в сфере бизнеса. Динамичность и увеличивающееся разнообразие процессов сформировали потребность в специалисте, который поможет клиенту в универсальном проблемном поле поставить индивидуальные задачи и найти их уникальное решение.

Основная задача коуча состоит в поддержке клиента в его саморазвитии и продвижении. Коуч не ставит диагнозов и не дает советов, он задает клиенту вопросы о его желаниях, их взаимосвязи с его ценностями и долгосрочными целями. Продуманная, грамотно сформулированная цель имеет больше шансов на достижение, чем облачное желание.

Коучинг исходит из того, что единственным и лучшим экспертом в своей жизни является сам человек. В процессе коучинга клиент при поддержке коуча исследует свою индивидуальную ситуацию, осознает свои сильные стороны, осуществляет ревизию доступных ресурсов.

Профессиональные компетенции и специальные методики коучинга помогают клиенту преодолеть границы Я1, перейти в состояние т.н. потока, стимулируют креативную мыслительную деятельность и поиск решения поставленной задачи.

Важной компетенцией коуча является управление ответственностью клиента. Отношения доверия, абсолютного принятия, искреннего интереса к кли-

енту, процедурное разделение ответственности за форму и содержание коучинга между коучем и клиентом формируют ответственность клиента в процессе работы. Итоговая стадия каждой коуч-сессии состоит в фиксации первого шага в реализации найденного решения и обязательстве клиента сделать его в определенный временной период. Здесь формируется ответственность клиента за результат работы.

Широкое распространение и признание коучинг получил в Великобритании. Решение задач в сфере бизнеса формировало запросы не только на деловые темы, но и на организацию жизненного процесса индивида в целом. Например, выстраивание гармоничного соотношения всех сфер жизни – работа, отношения с партнером и детьми, здоровье, отдых, увлечения, друзья, стратегия личного и карьерного развития, изменение отношения к определенным людям и ситуациям, осознанность. В настоящее время коучинг активно применяется в образовательной и социальной сферах, что значительно повышает эффективность их работы. Коучинг используют для работы с детьми от трех лет для формирования навыков; с подростками для преодоления коммуникативных и социальных трудностей, определения образовательной стратегии; со взрослыми людьми в трудной жизненной ситуации – в ситуации созависимости, насилия, с бездомными, безработными, в процессе реабилитации лиц с девиантным поведением и зависимостями.

Люди, потерявшие работу, или оказавшиеся в трудной финансовой ситуации, могут быть заинтересованы в коучинге как методе перевода проблем в задачное русло, осознания своих сильных сторон, ресурсов и достижений, поиска альтернативных вариантов решений, их ценностный и процедурный анализ.

Клиентам, пережившим насилие, коучинг поможет осознать себя, свои ценности, поменять отношение к некоторым вещам и ситуациям, увидеть перспективы собственного развития.

В процессе реабилитации зависимых коучинг может выступать одним из методов поддержки в период выхода человека из закрытого учреждения. Коуч окажет поддержку и продемонстрирует веру в клиента, поможет прояснить ценности и осознать важность данного этапа в жизни, его связь с долгосрочными целями, осуществить поиск ресурсов для самостоятельной здоровой жизни.

В нашей стране коучинг малоизвестен и применяется в основном в сфере крупного бизнеса и власти. В странах Европы он уже перестал быть продуктом категории «luxury» и появился в повседневной жизни обычных людей. Это эффективный метод достижения целей, отвечающий требованиям современного мира.

**ИССЛЕДОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЭРГОТЕРАПИИ КАК МЕТОДА
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ В УСЛОВИЯХ
ДЕЙСТВИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 28 ДЕКАБРЯ 2013 Г. № 442–
ФЗ «ОБ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**STUDY OF THE IMPLEMENTATION OF ERGOTHERAPY AS A METHOD
OF SOCIAL REHABILITATION OF DISABLED PEOPLE IN THE
FEDERAL LAW «THE BASIS OF SOCIAL SERVICES TO CITIZENS IN
THE RUSSIAN FEDERATION» (28.12.2013)**

М.С. Протасова

Казанский государственный медицинский университет

M.S. Protasova

Kazan State Medical University

Анализируется взаимосвязь понятий: эрготерапии, социальной реабилитации, социальной адаптации, нормализации жизни, независимой жизни и социальной интеграции.

Представлено исследование эффективности реализации в отечественной социальной практике эрготерапии как метода социальной реабилитации.

The paper examines the relationship concepts of occupational therapy, rehabilitation, social adjustment, normalization of life, independent living and social integration.

Presented study the effectiveness of implementation of the national social practice of occupational therapy as a method of rehabilitation.

Ключевые слова: эрготерапия, социальная реабилитация, социальная адаптация, инвалиды, независимая жизнь.

Keywords: occupational therapy, social rehabilitation, social integration, people with disabilities, independent life.

Внедрение в практику социальной работы современных моделей реабилитации инвалидов, изменения нормативно-правовых основ, связанные с вступлением в силу нового закона о социальном обслуживании нацеливают учреждения, оказывающие реабилитационные услуги, на поиск дополнительных ресурсов как в организационно-кадровом потенциале, так и в новых методиках. Известно, что реабилитация как процесс социальной адаптации инвалида, прежде всего, направлена на формирование внешних условий и качеств у человека с ограничениями жизнедеятельности, позволяющих ему быть максимально независимым от социального окружения. Независимость в повседнев-

ной жизни дает человеку возможность жить так, как хочет он, и быть независимым от помощи других людей.

Актуальность выбранной темы обусловлена, с одной стороны, тем, что с каждым годом число инвалидов увеличивается, с другой стороны, происходящие изменения в социальной политике в отношении инвалидов обуславливают необходимость внедрения новых технологий социальной реабилитации инвалидов, направленных на социальную адаптацию, повышение качества и уровня жизни. Одной из таких технологий является эрготерапия.

Объект исследования – социальная реабилитация инвалидов.

Цель исследования – исследование эффективности реализации эрготерапии как метода социальной реабилитации в отечественной социальной практике в условиях нового федерального закона о социальном обслуживании.

Рассматривая реабилитацию инвалидов как процесс, целью которого является достижение социальной адаптации, а эрготерапию как метод реабилитации, направленный на формирование социальной активности и бытовой компетентности, на снижение зависимости, повышение качества жизни, максимально возможное восстановление способности человека к независимой жизни, мы можем утверждать, что эрготерапия способствует социальной адаптации.

Раздел реабилитации, предусматривающий активизацию и оптимизацию деятельности по облегчению ухода за собой, проведения досуга и выполнения трудовых обязанностей, называется эрготерапией [1]. Эрготерапия ставит целью достижение независимой жизни человека с ограниченными возможностями.

Проведенный методологический анализ позволяет сделать вывод, что эрготерапия – это сложный комплекс реабилитационных мероприятий, который направлен на улучшение качества жизни инвалидов, на восстановление полноценной жизнедеятельности людей, имеющих функциональные нарушения, способствует социальной адаптации и достижению «нормализации жизни» [2; 3].

Стратегия эрготерапевтического вмешательства базируется на научных фактах о том, что целенаправленная, имеющая для человека смысл, активность помогает улучшить его функциональные возможности, при этом нормативно-правовыми рамками реализации данной социальной технологии являются как федеральное законодательство, так и региональные нормативно-правовые акты, в том числе и стандарт предоставления социальных услуг, очерчивающие мероприятия, направленные на социальную адаптацию инвалидов.

Принятый новый Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442–ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»:

– смещает полюс социальной реабилитации с предоставления меди-

цинских услуг на социальные технологии, направленные на «поддержание жизнедеятельности получателей социальных услуг», на «развитие личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга)», «направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией»[4];

– детализирует социальные услуги, направленные на социальную адаптацию с учетом индивидуальных потребностей инвалида. Данные услуги эффективно могут быть реализованы на основе целостного подхода, а, значит, с использованием метода эрготерапии.

Проведенный анализ материалов сайтов центров реабилитации инвалидов Республики Татарстан показал, что в практической работе эрготерапия как технология социальной реабилитации активно используется в двух центрах: ГАУСО «Центр реабилитации инвалидов «Изгелек» в Набережных Челнах и ГАУСО «Центр реабилитации инвалидов «Восхождение» г. Казань. При этом методологическую проработку данная технология получила в условиях «ЦРИ «Восхождение».

В настоящее время в существующей номенклатуре профессий отсутствует профессия эрготерапевт, практически нет специально подготовленных специалистов в данной области. В ГАУСО «ЦРИ «Восхождение» разработана и в текущей социальной практике отрабатывается эрготерапевтическая модель мультидисциплинарной команды, включающей специалистов по социальной работе (социальный педагог), психолога, инструктора ЛФК, инструктора по труду [1].

С целью изучения эффективности эрготерапии как метода социальной реабилитации, механизма реализации социальных услуг инвалидам было проведено исследование на основе анализа отчетно-статистических данных ГАУСО «Центр реабилитации инвалидов «Восхождение» и ГАУСО «Центр реабилитации инвалидов «Изгелек» за период 2013–2014 гг.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что эрготерапевтические методы: обучение самообслуживанию и прикладное творчество содействуют социальной адаптации инвалидов, позволяют сформировать навыки «независимой жизни». Наблюдается в результате реабилитации положительная динамика в овладении инвалидами навыками самообслуживания и прикладного творчества. Так, в «ЦРИ «Восхождение» гигиеническими навыками в результате реабилитации в 2013 и 2014 г. овладели 97% и 98%, в «ЦРИ «Изгелек» 81% и 90% инвалидов соответственно. Навык бытовой деятельности был сформирован в 2013 и 2014 г. в «ЦРИ «Восхождение» у 94% и 98%, в «ЦРИ «Изгелек» у 90% и 86% инвалидов соответственно. Анализ отчетных

данных показал, что «навык рукоделья» в 2013 и 2014 г. был достигнут в «ЦРИ «Восхождение» у 86% и 95%, в «ЦРИ «Изгелек» у 97% и 94% инвалидов соответственно.

Все выше изложенные результаты указывают на эффективность эрготерапии как метода социальной реабилитации. Использование данного метода позволяет учреждениям социального обслуживания, реализующим социальную реабилитацию инвалидов, достигать результатов, превышающих пороговое значение (80%) одного из основных критериев качества и оценки результатов предоставления социальной услуги: «доля получателей социальных услуг с положительными результатами реабилитации».

Результаты исследования позволяют сделать вывод, что эрготерапия является эффективным методом социальной реабилитации инвалидов, позволяющим достигать социальной адаптации, максимально формировать способности к независимой жизни.

Эрготерапия является эффективным методом социальной реабилитации, который позволяет инвалидам освоить навыки независимой жизни.

Мы считаем, что эрготерапия как метод социальной реабилитации может быть эффективно использована в отечественной социальной практике.

Литература

1. Гончарова О.Л., Янонис В.В. Социальная реабилитация инвалидов: эрготерапия / О.Л. Гончарова, В.В. Янонис. Казань, 2012. С. 6.
2. Словарь по комплексной реабилитации инвалидов: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / В.А. Бронников, Т.В. Зозуля, Ю.И. Кравцов, М.С. Надымова; под науч. ред. В.А. Бронникова; Пермь. гос. ун-т. Пермь, 2009. С. 518.
3. Сухова Л.Г. Оккупационная терапия: современные методы и принципы [электронный ресурс] // Режим доступа: http://shemshur.narod.ru/Portfolio/Sv_Dim_school/Suchova-2003_1.pdf.
4. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442–ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [электронный ресурс] // Информационно – правовой портал «Консультант плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ МОЛОДЫХ ИНВАЛИДОВ
В ПОЛУСТАЦИОНАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL SERVICES
FOR YOUNG PEOPLE WITH DISABILITIES
IN THE SEMI SOCIAL SERVICE**

О.М. Румянцева
Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова
О.М. Rumyantseva
Nekrasov Kostroma State University

Рассматриваются инновационные технологии социального обслуживания молодых инвалидов в полустационарных учреждениях.

The article discusses the national specificity of innovative technologies of social services young people with disabilities in semi-permanent facilities.

Ключевые слова: инновационные технологии социальной работы с молодыми инвалидами, полустационарное социальное обслуживание, гостиница выходного дня, «комната» отделения дневного пребывания, дом быта.

Keywords: innovative technologies of social work with young people with disabilities, semi-permanent social service, hotel weekend, «room» units of day care, home life.

С 90-х годов в Российской Федерации социальная работа признается особым видом профессиональной деятельности, появляются такие профессии, как социальный работник, социальный педагог. Кроме того, происходит институционализация данной профессии, внедряются инновационные технологии зарубежных стран и разрабатываются собственные.

По мере развития российской модели социальной работы в трактовке можно заметить не только такие аспекты, как социальная помощь и социальная защита, но и создание условия для нормального функционирования, особенно заметно это проявляется в ориентации на социальную работу с инвалидами.

В настоящее время важно выявить, как изменяются институты социальной работы, какие инновации появляются в этой области. Рассмотрим данный вопрос на примере полустационарного социального обслуживания молодых инвалидов.

Инновационные технологии социального обслуживания молодых инвалидов в полустационарных учреждениях не стоят на месте, да и идеи людей но-

сят практически неисчерпаемый характер. Прежде чем говорить о национальных технологиях социальной работы, характерных для нашего государства, следует сказать, что отечественные технологии много позаимствовали у западных, и рассматривая российские технологии, мы коснемся и западных, потому что у них много общего.

Так, например, сравнительно недавно на базе отделений дневного пребывания для инвалидов внедряется социальная разовая услуга «Гостиница выходного дня», которая дает возможность освободить родителей (членов семьи) в выходной день от ухода за молодым инвалидом на определенный период времени в целях предоставления им возможности для восстановления сил, решения социально-бытовых вопросов. Для инвалидов здесь есть все необходимое, начиная с творческих кружков и современного тренажерного зала до компьютерного класса с доступом в интернет.

Данная услуга полностью бесплатна и рассчитана в первую очередь на семьи, где есть дети-инвалиды, достигшие 14-летнего возраста. Кроме того, ориентируются также на молодых инвалидов, которым от 18 до 31 года.

Такая услуга очень необходима. Все-таки законные представители молодых ребят целыми днями работают, а свободное время в субботу – это хорошая возможность попасть к доктору или спокойно заняться другими своими делами. При этом родители будут знать, что молодой инвалид занят интересным делом под руководством специалистов отделения. Работа в данном направлении очень актуальна, необходимо продолжать развивать и внедрять в практику инновационные технологии, в том числе «Гостиницу выходного дня», так как данная форма социального обслуживания позволяет решить проблемы семьи, где есть инвалиды, и обеспечить общение и организацию досуга молодых инвалидов.

В качестве примера инновации в сфере социального обслуживания молодых инвалидов можно привести «комнату» отделений дневного пребывания граждан пожилого возраста и инвалидов для жителей сельской местности Селивановского центра социального обслуживания населения, где эта услуга ранее была недоступна. Цель ее – предоставление возможности общения, организация культурного досуга, оказание консультативной помощи. Один раз в месяц специалисты отделения выезжают в отдаленные населенные пункты. В процессе встреч оформляется необходимая документация на всех клиентов. Вокальная группа клиентов отделения участвует в выездах автопоезда «Сотвори добро». В центре большое внимание уделяется развитию телекоммуникативных форм предоставления социальных услуг (телемосты, компьютерные курсы).

В социальной комнате оборудовано рабочее место для обучения навыкам работы на компьютере. Занятия проводятся согласно графику в зависимости от

уровня имеющихся знаний в области компьютерной грамотности. В центре установлена вебкамера, благодаря которой клиенты отделения общаются с клиентами учреждений социального обслуживания других районов. Данная форма работы впервые была опробована по направлению «Селивано – Вязники» в День инвалидов. Имеется опыт общения участников клубов по интересам. Виртуальные встречи проходят очень интересно, являются востребованными и оставляют о себе много положительных отзывов. В районе появилась уникальная возможность для общения инвалидов [1].

Еще одной интересной технологией социальной работы с молодыми инвалидами является дом быта – это инклюзивный комплексный центр социально-бытового обслуживания населения, использующий труд инвалидов, обучающий их профессиям и предоставляющий выпускникам на своей базе рабочие места, адаптированные для реализации профессионального потенциала инвалидов различных категорий. В состав Дома быта входят два основных подразделения: учебный центр и отдел обслуживания населения. В состав учебного центра входит психологическая служба профессиональной ориентации. Работники службы проводят консультирование молодых инвалидов и их родителей по вопросам профессиональной занятости. Делают подбор возможных профессий, совместимых с имеющейся у клиента инвалидностью. Аналитический отдел учебного центра проводит анализ рынка труда, выявляя потенциальный список доступных инвалидам различных категорий видов трудовой занятости.

Одним из ключевых качеств Дома быта как инновационной технологии профессиональной реабилитации является замкнутость цикла: обучение-производство-трудоустройство-сбыт продукции и услуг. Социальная миссия сети подобных учреждений заключается в создании потребности во взаимной коммуникации между социальными группами здоровых людей и людей с ограниченными возможностями здоровья [2; 127].

Анализ отечественного опыта применения инновационных технологий социального обслуживания молодых инвалидов дает основание говорить о том, что бесспорно развитие данной сферы социальной защиты и поддержки развивается стремительными темпами, что способствует развитию социального государства. Главная идея инновационных технологий заключается в том, чтобы молодые инвалиды могли в будущем самообеспечить себе достойный уровень жизни.

Литература

1. Дроздова М.Н. Инновационные подходы к организации полустационарного социального обслуживания населения и работы отделения дневного пребы-

вания граждан пожилого возраста и инвалидов по профильным сменам / М.Н. Дроздова // *Работник социальной службы*. 2014. № 10. С. 47-92.

2. Социальная работа: проблемы и перспективы: материалы VII Межвузовской научно-практической конференции, 22 марта 2013 г. СПб.: СПбГУП, 2013. 176 с.

СОЦИАЛЬНОЕ СИРОТСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ

SOCIAL ORPHANHOOD IN MODERN RUSSIA: THE STATE OF THE PROBLEM AND ITS SOLUTIONS

Д.Р. Сагдиева

*Казанский Национальный Исследовательский
Технологический Университет*

D.R. Sagdieva

Kazan National Research Technological University

Описывается состояние и динамика проблемы социального сиротства в России, а также рассматриваются пути ее решения. Уделяется внимание причинам появления социального сиротства и его распространения.

The article describes the state and dynamics of the problem of the social orphanhood in Russia and also the ways to solve it. Attention is paid to the causes of social orphanhood and its extension.

Ключевые слова: социальное сиротство; причины социального сиротства; профилактика; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей.

Keywords: social orphanhood; causes of social orphanhood; prevention; orphaned children; parentless children.

В любом государстве и любом обществе всегда были и будут дети-сироты и дети, которые по различным причинам остаются без попечения родителей. В обыденной речи и теоретических исследованиях мы часто встречаемся с такими понятиями, как сиротство и социальное сиротство. Определение сиротства подразумевает детей-сирот в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель. Понятие «социальное сиротство» определяет целое социальное явление, обусловленное наличием в обществе детей, имеющих родителей, но оставшиеся без их попечения [1, с. 307].

По данным Росстата, в 2014 г. было выявлено 61621 ребенок, что меньше на 10,4% по сравнению с 2013 г. В 2013 г. – 68770 детей (меньше на 8% по

сравнению с предыдущим годом). В 2012 г. было выявлено 74724 ребенка (меньше на 9% по сравнению с предыдущим годом).

В течение последних двух лет органами власти всех уровней были приняты решения, которые позволили поддержать различные формы семейного устройства детей-сирот, сократить их численность в интернатных учреждениях. На семейные формы устройства в 2014 г. в семьи российских граждан было передано 62972 детей, из них 6616 детей – на усыновление, 56356 детей – под опеку (попечительство), в том числе 23464 детей – на возмездную форму опеки (попечительства). Под предварительную опеку было передано 20176 детей в течение 2014 г.; на конец 2014 г. под предварительной опекой находилось 6914 детей. Всего устроено в семьи 1666 ребенка-инвалида. (В 2013-м г. – 1533 ребенка). В учреждениях остается около 20000 детей-инвалидов. На конец 2014 г. в замещающих семьях состоит 407486 детей (из них в приемных семьях – 134290), а также 112256 – на усыновлении [2]. Численность детей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот, на конец 2014 г. составляет 72151 детей. Численность детей, которые находятся в бегах, учреждениях закрытого типа системы образования, учреждениях исполнения наказания – 4576. Численность детей без попечения родителей, поступивших на обучение в учреждения начального, среднего и высшего профессионального образования – 13434.

В 2014 г. сохранилась тенденция сокращения усыновления детей иностранными гражданами. Это связано со вступлением в силу Федерального закона «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ, более известного как «Закон Димы Яковлева». Закон запрещает передачу детей, являющихся гражданами Российской Федерации. Общее количество детей, усыновленных иностранными гражданами, составило 1038000 человек на 2014 г. (1488 на 2013 г., 2604 на 2012 г.) [3]. Общее количество детей, усыновляемых иностранными гражданами, по сравнению с 2012 г. снизилось более чем в 2 раза.

Основная причина социального сиротства сегодня – добровольный отказ родителей, чаще всего матери, от своего несовершеннолетнего ребенка. Численность детей, от которых матери отказались при рождении – 4983 в 2014-м г. (в 2013 г. – 5757). В основном отказ происходит от новорожденного в родильном доме. Отказ от ребенка подтверждается специальным юридическим документом. В течение трех месяцев родители могут изменить решение, и ребенка возвратят в семью. Однако до сих пор остаётся непонятной природа этой аномальной формы материнского поведения. Практика работы с такими женщинами, анализ немногочисленной литературы по проблеме свидетельствуют о

чрезвычайной сложности взаимодействия социальных, психологических и патологических факторов, нарушающих важнейшую форму социального поведения женщин – материнство.

В 1972 г. Бельгийский комитет по социальным проблемам женщин, исследовав аспекты отказа от ребёнка, описал три основные категории бросающих матерей, которые остаются актуальными и сегодня. Первая, наиболее распространенная – отец ребёнка бросил беременной будущую мать. Вторая – женщина рождает ребёнка от внебрачной связи. Третья категория – женщины с низкой социальной и моральной приспособляемостью и с низкой ответственностью [4, с. 559].

В России существует сильная региональная специфика причин добровольных отказов от детей. Устойчивый миф, что от детей отказываются только люди, которые страдают от алкогольной и наркотической зависимости, не подтверждается практикой. Если для Москвы и области одна из основных причин – это трудовая миграция, то, например, в Томске очень большой процент отказов среди молодых студенток, не готовых к материнству. В среднем, независимо от региона, количество мам, которые действительно страдают от серьезных зависимостей и не в состоянии заботиться о своих детях, примерно 30%. Здесь присутствуют два фактора – трудная ситуация женщины, которая осталась одна, ее психологическое состояние и отсутствие социальной поддержки. Случается принудительное изъятие ребенка из семьи, когда родителей лишают родительских прав, чтобы защитить жизнь и интересы ребенка. Часто это происходит с неблагополучными семьями, в которых родители страдают алкоголизмом, наркоманией, ведут асоциальный образ жизни или недееспособны и т.д.

Исследования показали, что основные причины социального сиротства кроются в психической и социальной деградации, низких зарплатах и безработице граждан, вызванных экономическим кризисом и социальной деградацией. Кроме того, институт семьи постепенно утрачивает свою ценность в современном обществе, о чем свидетельствуют многочисленные разводы.

Последствия социального сиротства бывают разные, но все они оставляют неизгладимый след в душе человека. Эмоциональная связь ребенка с окружающей социальной средой, с миром взрослых и сверстников разрушается. До 60% воспитанников детских домов составляют дети с тяжелой хронической патологией. Почти 55% детей отстают в физическом развитии. Такие дети чаще подвержены различным заболеваниям. Лишь 4,7% детей-сирот практически здоровы [5].

Хотя в 2014 г. сохранилась тенденция уменьшения числа детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных в течение года, социальное сиротство является острой социальной и нравственной проблемой.

Решение проблемы сиротства берет на себя государство, которое добивается стабилизации социальных и экономических процессов в обществе, социальной поддержки семьи, материнства и детства. К этой проблеме должна быть привлечена вся общественность, которая способна создать комфортные условия для жизни детей-сирот в обществе. Поскольку одной из основных причин социального сиротства является добровольный отказ от детей, представляется целесообразным создание комплексной системы профилактики отказов от детей, помощи брошенному ребенку, помещения его в нормальную среду – семью.

Литература

1. Гулина М.А. Словарь-справочник по социальной работе / М.А. Гулина. СПб.: Питер, 2010. 400 с.
2. Устройство детей и подростков, оставшихся без попечения родителей // 1999-2014 гг. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/i-obr2.htm (Дата обращения: 22.04.2015 г.)
3. Семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/3/> (Дата обращения: 27.04.2015 г.)
4. Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.
5. Профилактика социального сиротства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.novorossia.org/uvi/2187-profilaktika-socialnogo-sirotstva.html> (Дата обращения: 27.04.2015 г.)

ПРОБЛЕМА РАССТРОЙСТВА ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭТИОЛОГИИ И ПРОФИЛАКТИКИ THE PROBLEM OF EATING DISORDERS IN THE CONTEXT OF THE ETIOLOGY AND PREVENTION

Д. Саржала
Университет Вармии и Мазур в Ольштыне, Польша
D. Sarżala
The University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland

В последние годы наблюдается увеличение числа диагнозов расстройств пищевого поведения, особенно среди молодых людей, но и у взрослых. Соот-

ответственно, расстройства начинают рассматривать в качестве серьезной социальной проблемы, растет информированность общественности об этой проблеме. Нарушениями в питании стали интересоваться многие дисциплины, в частности, медицина, психология, социология. Этот материал призван привлечь внимание к этиологии расстройств пищевого поведения и необходимости развития адекватной профилактики и образования в этой области.

In the last years we have seen a marked increase in the number of diagnoses of eating disorders, especially among teenagers and those in early adulthood, which makes this group of disorders is perceived as an increasingly serious social problem. Thus, public awareness of the importance of this type of disorder, which is reflected in the growing interest in them on the basis of a wide variety of scientific disciplines including medicine, psychology and sociology, started to increase. The aim of the study is to draw attention to the etiology of such disorders and to indicate the need for proper prevention and education in this field.

Ключевые слова: расстройства пищевого поведения, профилактика, терапия, образование.

Keywords: eating disorders, prophylactics, therapy, education.

Among the currently most common eating disorders, one should pay attention to such as anorexia nervosa, bulimia nervosa and compulsive overeating (BED – Binge Eating Disorder), which were distinguished in qualifications: ICD-10 and DSM-5. It should be noted that these disorders are associated with a significant deterioration of one's mental and somatic states. Countering these disorders must therefore be preceded by a thorough analysis of their causes.

For all eating disorders, the causes are complex. The prevailing view among scientists that the etiology of these disorders is multifactorial. One can indicate three main groups of risk factors (causes) influencing the development of eating disorders, such as: biological, psychological mechanisms and personality traits, sociocultural factors.

Biological factors relate to genetic predisposition, damages to the system of central regulation of appetite – mainly the center of satiety or they concern the neurochemical disorders (i.e. excessive secretion of cortisol in response to stress) [2].

In contrast, the psychological factors are associated with indirect and direct factors (stimulate eating bouts). Among the first group of mentioned indirect factors are: early childhood obesity, occurring in other family members overeating or BED, family conflicts, excessive demands of parents, early separation of parents, parents' mood disorders and their abuse of psychoactive substances [9, p. 305], as well as dis-

satisfaction with one's own body and depression [12, p. 778]. In the second group of factors – including direct ones, like: irregular eating which impairs sensitivity to hunger and satiety, and makes it difficult to match the amount of food eaten to the anticipated time until the next meal [11], bad mood, lethargy, low self-control over eating, craving for sweets [3, p. 95].

In turn, the sociocultural factors are related to the pattern of the attractiveness of contemporary western culture, which prefers, as the most attractive pattern, young and slender body, which in particular affects women [4]. The existence of this pattern results in widespread drive for thinness through starvation, the use of drastic diets, intense physical exercise, medicines and parapharmaceutical products; inappropriate dieting often leads to secondary weight gain, which has a destructive influence on psychological well-being and overall functioning of the person [10]. As indicated by some researchers, idealization of thinness and fear of gaining weight are primary risk factors for eating disorders [8]. The quest for specifically conceived ideal of beauty, idealization of thinness "by many people understood as a manifestation of perfectionism, which plays an important role in systems of norms and values of Western culture. In a special way it affects people in adolescence and early adulthood.

As indicated by some researchers idealization of thinness and fear of gaining weight is a primary risk factor for eating disorders [5 p. 335]. The proposed model figure makes the pursuit of thinness through starvation, the use of drastic diets, intense physical exercise, medicines and para-pharmaceutical products; inappropriate dieting often leads to secondary weight gain, which has a destructive influence on mental health and overall functioning of the unit [10, p. 421]. Young people who have been affected by nutritional disorders, it is often difficult to accept the changes and adapt to a situation in which appearance and physique are subject to review and depart from the dominant ideal.

Signalized area causes the abnormality in the diet does not cover all conditions of this phenomenon, but merely indicate the main sources and require further research and analysis in order to create a basis for constructing effective prevention program. The impact on eating disorders has also the environment in which man everyday functioning and applicable standards and social expectations. An important role is also played by relationships established peer group and performed social roles, such as a school, college, workplace and other social environments.

The treatment of people with eating disorders takes all sorts of forms which are dominated by pharmacotherapy and psychotherapy [1]. However, in the psychotherapeutic influence, the most desirable is the behavioral therapy, cognitive behavioral, interpersonal, and self-help strategies (i.e. in the form of CDs, guides).

The results of the study show that psychotherapy combined with pharmacotherapy bring better results than administering drugs to patients only [6, p. 154-161]. It should be noted, however, that the effectiveness of the therapy depends on the patient relative to the treatment process. In turn, the duration of treatment depends on a number of objective and subjective factors and thus in each case may be different [1 catch p. 452].

It should also develop the ability to constructively cope with difficult situations, the ability to direct expression of needs and emotions, and learn the proper ways to meet their needs. In the therapeutic process also it plays an important role to realize that the continuation of the disease will become a secondary source of health and social problems.

In the prevention of eating disorders, however, it is necessary to conduct appropriate prophylaxis focused not only on actions to mitigate risks (both, internal and external). Positive personal resources (i.e. such as shaping an appropriate relationship to one's own body and appearance, proper nutrition positive self-esteem), as well as environmental resources (including helping in the development of proper relations within the family, in the peer group, initiating attractive ways of spending leisure time) should also be reinforced.

Preventive actions in the field of eating disorders are particularly important, especially among children and adolescents, because the consequences of any risky behaviors affect them faster and those consequences are much more severe than among adults. Let us note, however, that education and raising of another human being is a difficult and demanding task, as it needs planning and systematic actions [8, p. 108].

In the sphere of prevention of eating disorders a special task is in front of family and school, as environments that exert the greatest influence on personality development, shaping one's own identity and self-image [7, p. 361]. In addition to the family and school, an important role in the prevention of eating disorders play the media. Therefore, it is important that the media, in place of increased advertising of food products and the development of negative eating habits leading to obesity, consider the need to issue programs on proper nutrition and promoting healthy lifestyles. Also, in this kind of prevention should be involved other centers and entities involved in not only working with young people but also organizing the activities for people of all ages.

Conclusion

To conclude, it should be noted that the problem of eating disorders, especially their causes, and diagnosis must be the object of widespread interest not only on the basis of medicine and psychology, but also pedagogy, in other words education. In

addition, the issue should be the subject of constant pedagogical analyzes focused on the development of an optimal model of educational and preventive actions shaping the right attitude to the problem of eating. There is also a need to raise awareness about these disorders, which requires further detailed research on the causes, course and opportunities for diagnosis, treatment and prevention conduct in this regard.

Bibliography

1. Bąk-Sosnowska M. Interwencja psychologiczna w zespole kompulsywnego jedzenia / Bąk-Sosnowska M. // *Psychiatria Polska*. 2009. № 4.
2. Bulik C.M Sullivan P.F. Kendler KS. Genetic and environmental contributions to obesity and binge eating / Bulik C.M. Sullivan P.F. Kendler KS. // *International Journal of Eating Disorders*. 2003. № 33. P. 293-298; Branson R. Potoczna N. Kral JG. Lentos KU. Hoehe MR. Horber FF. / Binge eating as a major phenotype of melanocortin 4 receptor gene mutations. / Branson R., Potoczna N. Kral JG. Lentos KU. Hoehe MR. Horber FF. // *New England Journal of Medicine*. 2003. № 348 (12). P. 1096–1103; Gluck ME. Stress response and binge eating disorder. / Gluck ME. // *Appetite*. 2006. № 46 (1). P. 26-30.
3. Greeno C. Wing R. Shiffman S. Binge antecedents in obese women with and without binge eating disorder. / Greeno C, Wing R, Shiffman S. // *J. Cons. Clin. Psychiatry*. 2000. № 68. P. 95-102.
4. Kashak E. Nowa psychologia kobiety. Podejście feministyczne. / Kashak E. // GWP, Gdańsk. 2001.
5. Massey-Stokes M.S. Prevention of Disordered Eating among Adolescents / Massey-Stokes M. S. // *The Clearing House*. 2000. № 73, 6. P. 335-340.
6. Molinari E., Baruffi M., Croci M., Marchi S., Patroni ML., Binge eating disorder In obesity: comparison of different therapeutic strategies. / Molinari E, Baruffi M, Croci M, Marchi S, Patroni ML. // *Eating and Weight Disorder*. 2005. № 10(3). P. 154-161.
7. Piestrzyński W. Wybrane stany emocjonalne, jakie towarzyszą nauczycielom w trakcie wykonywania pracy w szkole. / *Edukacja dla bezpieczeństwa*. // Piotrowski A. Ilnicki M. Człowiek wobec problemów bezpieczeństwa w XXI wieku. Wyzwania dla nauk społecznych wynikające z zagrożeń współczesnego świata. Poznań 2012.
8. Piestrzyński W. Zajęcia – Wychowanie do życia w rodzinie w percepcji młodzieży / Borkowski M., Stańczyk – Minkiewicz M., Ziemkiewicz – Gawlik I. // *Edukacja dla bezpieczeństwa. Wyzwania i zagrożenia w XXI wieku. Prawo i edukacja jako gwarant bezpieczeństwa jednostki*. Poznań 2013.
9. Striegel-Moore R.H. Franko D.L. Should binge eating disorder be included in the DSM-V? A critical review of the state of the evidence/ Striegel-Moore R.H., Franko D.L. // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2007. №4. P. 305-324.

10. Wardle J. Cooke L. The impact of obesity on psychological well-being. / Wardle J, Cooke L. // Best Practice & Research Clinical Endocrinology & Metabolism. 2005. № 9. 19(3). P. 421-440.
11. Wardle J. Rapoport L., Cognitive-behavioural treatment of obesity / Kopelman PG. Stock M.J. Obesity // Blackwell Science Ltd. London. 1988. P. 409-428.
12. Wardle J. Waller J. Rapoport L. Body dissatisfaction and binge eating in obese women: the role of restraint and depression. / Wardle J., Waller J., Rapoport L. // Obesity Research. 2001. № 9. P. 778-787.

**СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПОСОБИЙ СЕМЬЯМ,
ИМЕЮЩИМ ДЕТЕЙ В РФ**
**THE SYSTEM OF STATE BENEFITS TO FAMILIES
WITH CHILDREN IN RUSSIA**

Т.В. Соловьева, А.Ю. Жарова
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
T.V. Solov'eva, A.Yu. Zharova
Mordovian state University named after N.P. Ogarev

Проанализированы основные виды государственных пособий семьям, имеющим детей, установленные законодательством РФ.

The article analyzes the main types of state allowances to families with children, established by the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: семья, дети, материальная помощь.

Keywords: family, children, financial assistance.

Законодательство Российской Федерации о государственных пособиях гражданам, имеющим детей, основывается на Конституции Российской Федерации и Федеральном законе «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», других федеральных законах, а также законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. В соответствии с указанными актами устанавливаются следующие виды государственных пособий:

пособие по беременности и родам;

единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских организациях в ранние сроки беременности;

единовременное пособие при рождении ребенка;

ежемесячное пособие по уходу за ребенком;

ежемесячное пособие на ребенка;

единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью;
единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву;
ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву [1].

Ежегодная индексация государственных пособий предусмотрена начиная с 2008 г. и осуществлена в 2012 г. на 6 % (2010 году – на 10 %; в 2011 г. – на 6,5 %).

В 2012 г. обеспечена выплата государственных пособий в связи с рождением и воспитанием детей в соответствии с Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», в следующих размерах:

единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности и пособие по беременности и родам гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организаций – 465,2 рублей (2011 г. – 438,87 рублей; 2010 г. – 412 рублей), с 1 января 2013 г. – 490,79 рублей;

единовременное пособие при рождении ребенка – 12 405,32 рублей (2011 г. – 11 703,2 рублей; 2010 г. – 10 988,9 рублей), с 1 января 2013 г. – 13 087,61 рублей;

единовременное пособие беременной жене военнослужащего, проходящего военную службу по призыву – 19 645,12 рублей (2011 г. – 18 533,1 рублей; 2010 г. – 17 402 рубля), с 1 января 2013 г. – 20 725,6 рублей;

ежемесячное пособие на ребенка военнослужащего, проходящего военную службу по призыву – 8 419,34 рублей (2011 г. – 7 942,8 рублей; 2010 г. – 7 458 рублей), с 1 января 2013 г. – 8 882,40 рублей;

единовременное пособие при передаче ребенка на воспитание в семью – 12 405,32 рублей (2011 г. – 11 703,2 рублей; 2010 г. – 10 988,9 рублей), с 1 января 2013 г. – 13 087,61 рублей [2].

Пособие по беременности и родам и ежемесячное пособие по уходу за ребенком исчисляются из среднего заработка застрахованного лица, рассчитанного за два календарных года, предшествующих году наступления страхового случая. Средний заработок учитывается за каждый календарный год в сумме, не превышающей на соответствующий календарный год предельную величину базы для начисления страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством (в 2011 г. предельная база составляла 463 000 рублей; в 2010 г. – 415 000 рублей).

Пособие по беременности и родам выплачивается в размере 100% средне-

го заработка работающей женщины (застрахованного лица), на который начисляются страховые взносы в Фонд социального страхования Российской Федерации на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

Продолжительность выплаты пособия по беременности и родам составляет 140 календарных дней, в случае осложненных родов – 156 календарных дней, при многоплодной беременности и при рождении двух и более детей – 194 календарных дня.

Дополнительно к пособию по беременности и родам выплачивается единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до двенадцати недель). В 2011 г. размер указанного пособия составлял 465,2 рублей, с 1 января 2013 г. – 490,79 рублей.

После окончания отпуска по беременности и родам работающим женщинам предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста 3-х лет. За период такого отпуска и до достижения ребенком возраста 1,5 лет выплачивается ежемесячное пособие по уходу за ребенком в размере 40% среднего заработка застрахованного лица, на который начисляются страховые взносы в Фонд социального страхования Российской Федерации на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, но не менее 2 326 рублей по уходу за первым ребенком и 4 651,99 рублей по уходу за вторым ребенком и последующими детьми в 2012 г., (с 1 января 2013 г. – по уходу за первым ребенком 2 453,93 рублей, по уходу за вторым ребенком и последующими детьми – 4907,85 рублей).

Максимальная сумма ежемесячного пособия по уходу за ребенком в 2012 г. составляла 14 625 рублей в месяц (в 2011 г. – 13 833 рубля), с 1 января 2013 г. – 16 241,14 рублей).

Одному из родителей либо лицу, его заменяющему, выплачивается единовременное пособие при рождении ребенка. В случае рождения двух или более детей указанное пособие выплачивается на каждого ребенка. Размер единовременного пособия при рождении ребенка в 2012 г. составлял 12 405,32 рублей, с 1 января 2013 г. – 13 087,61 рублей.

Ежемесячное пособие по уходу за ребенком выплачивалось 3,87 млн. получателей, в том числе почти 1,595 млн. граждан, не подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [2].

Дополнительно к мерам государственной поддержки, оказываемой семьям с детьми на федеральном уровне, в рамках своих полномочий, установленных Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принци-

пах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», согласно статье 16 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» органами государственной власти субъектов Российской Федерации установлено право граждан, имеющих детей, на ежемесячное пособие на ребенка; пособие на ребенка одинокой матери; ежемесячное пособие на детей из многодетных семей; пособие на детей-инвалидов, а также семьям, в которых родители являются инвалидами; пособие на детей военнослужащих по призыву, пособие на детей, родители которых уклоняются от уплаты алиментов, и другим категориям детей.

Таким образом, в последние годы меры государственной поддержки семей с детьми стали более системными: введены новые виды пособий, ежегодно с учетом инфляции индексируются их размеры.

Литература

1. Федеральный Закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 № 85-ФЗ. [Электронный ресурс], URL: <http://base.garant.ru/10101162/>
2. Постановление Правительства РФ от 28 марта 2012 №248 «О государственном докладе о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации» [Электронный ресурс], URL: <http://base.garant.ru/70154842/>

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В ЭФФЕКТИВНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С КЛИЕНТОМ THE ROLE OF THE INDIVIDUAL SOCIAL WORKER IN THE EFFECTIVE INTERACTION WITH THE CLIENT

Р.Р. Халилова

*Казанский национальный исследовательский
технологический университет*

R.R. Khalilova

Kazan National Research Technological University

Рассмотрены вопросы взаимодействия социального работника с клиентом. Особо подчеркивается важность учета личностных качеств социального работника как решающего компонента налаживания эффективного взаимодействия. Предложено проведение критериального отбора социальных работников при приеме на работу с последующей аттестацией.

The interaction of social worker with the client is reviewed. Emphasizes the importance of considering the personal qualities of a social worker, as a crucial component of establishing effective interaction. Criterion of selection of social workers when hiring with subsequent certification is proposed.

Ключевые слова: социальный работник, взаимодействие с клиентом, воздействие на клиента.

Keywords: social worker, customer interaction, the impact on the client.

Социальный работник служит людям и служит государству, помогая справиться с конкретной проблемой через оказание помощи его гражданам, тем самым снижая в обществе уровень социальной напряжённости. Сама профессия по своей природе является помогающей. При этом социальный работник поставлен в очень не простую позицию. В силу своего долга – человеческого и профессионального – он помогает клиенту и одновременно выполняет общественную задачу сохранения равновесия в обществе. В то же время он работает в тех рамках, которые ему задаёт государство.

Социальный работник – это специалист, который оказывает помощь в быту, а также моральную и правовую поддержку незащищенным слоям населения. Более того, социальные работники оказывают психологическую поддержку лицам, находящимся в состоянии психической нестабильности, вызванной как объективными, так и субъективными факторами.

Профессия социального работника в первую очередь требует высокого уровня гуманности, развитую интуицию, умение сопереживать чужому горю, а также способности вникнуть в каждую конкретную сложившуюся ситуацию и, исходя из обстоятельств, заниматься индивидуальным оказанием необходимых видов социальной помощи. Личностные качества должны также включать порядочность, честность, бескорыстие. Для получения желаемых результатов работник должен быть целеустремлённым, трудолюбивым и ответственным. Вместе с этим эмоциональная устойчивость, спокойствие и приятный голос помогут добиться доверия нуждающихся в помощи людей [1, с. 13].

В процессе взаимодействия социального работника и клиента важное значение имеет вербальное и невербальное поведение. Чтобы оказать психологическое воздействие на клиента, социальному работнику необходимо владеть обоими этими средствами общения. Наблюдая за вербальным и невербальным поведением клиента, социальный работник понимает, как его воспринимает клиент [2, с. 236].

Система отношений «социальный работник – клиент» и «социальный работник – окружение клиента» играет в социальной работе важнейшую роль.

Эти отношения до некоторой степени детерминированы социальными обстоятельствами: клиент нуждается в содействии социального работника, а социальный работник обязан оказывать ему помощь. Социальный работник по сути дела не имеет возможности выбрать клиента, а тем более его окружение; клиент же вправе требовать замены социального работника, если для этого есть основания.

В зависимости от характера, отношений работника с клиентом система социальной защиты может или укрепляться, или разрушаться. Несмотря на то, что между социальным работником и его клиентом устанавливаются партнерские отношения, по силе влияния на партнера более активной стороной является социальный работник, поскольку его действия и поступки имеют решающее значение для клиента и решения его проблем. В силу своего профессионального долга специалист заинтересован в укреплении и совершенствовании отношений с клиентом и его близкими. Однако формирование благоприятных для работы отношений с клиентом не всегда зависит от социального работника, поскольку субъективные характеристики клиента также оказывают существенное воздействие на их взаимоотношения. Объективно клиент заинтересован в установлении прочных, доброжелательных отношений с социальным работником, однако в меньшей степени, чем специалист: он знает, что как бы он ни относился к социальному работнику, тот все равно обязан будет выполнить свой профессиональный долг. Основными требованиями профессионального долга социального работника в отношении клиента являются такие требования, как уважение клиента как личности, поддержание и развитие наиболее значимых его положительных качеств, разумная требовательность к нему, установление не только деловых, официальных, но и человеческих отношений, создание у клиента оптимистического настроения, поддержание его достоинства и самоуважения, помощь в приобретении уважения со стороны социального окружения [2, с. 239].

Особо следует подчеркнуть требование изучения внутреннего, духовного мира клиента. Приступая к профессиональной деятельности, знакомясь с клиентом и его проблемами, решая (или способствуя решению) этих проблем, социальный работник неизбежно вторгается в личную жизнь индивида, соприкасается с его духовным миром. Поскольку одна из целей социальной работы заключается в содействии полному раскрытию потенциала личности, ее самореализации, обретению ею самой себя, социальный работник обязан пытаться понять внутренний мир своего клиента и умело на него влиять. Однако, поскольку духовный мир человека – наиболее тонкая, деликатная сфера, грубое, бесцеремонное вторжение в нее может привести к непоправимым негативным по-

следствиям. Внимательное, доброжелательное и чуткое отношение к мыслям, идеям, интересам клиента, его эмоциям и переживаниям, основанное на уважении личности, поможет социальному работнику выполнить этот его профессиональный долг по отношению к клиенту.

Социальная работа относится к тем видам профессиональной деятельности, где наиболее часто происходит столкновение с несправедливостью, унижением и болью. Далеко не все виды услуг, оказываемых социальным работником клиенту, отличаются эстетичностью – большей частью, это работа неимоверно трудная, а порой даже грязная. Неверным было бы в этом случае требовать, чтобы социальный работник выполнял свои обязанности с неизменным восхищением по поводу избранного им вида профессиональной деятельности и содержания конкретной услуги. Как любой человек, он в определенных случаях может чувствовать нежелание делать что-либо, отвращение, брезгливость. Однако, руководствуясь профессиональным и моральным долгом, осознавая важность и необходимость определенных действий, умея управлять своими эмоциями, ответственный работник эффективно выполняет свои обязанности, преодолевая негативные чувства и не демонстрируя их своему клиенту.

На практике нередко бывают случаи разочарования в профессии, эмоциональные и психологические срывы и, что самое важное, недостаточная эффективность профессиональных взаимоотношений социальных работников с клиентами. В связи с этим возникает необходимость формирования у работников социальной сферы навыков эффективного взаимодействия с клиентами. Одним из условий такого эффективного взаимодействия является установление положительного отношения между социальным работником и клиентом. Речь идет о формировании у социальных работников умения устанавливать оптимальный уровень идентификации с клиентами.

Итак, социальная работа – это сложный процесс, требующий прочных знаний в области теории управления, экономики, психологии, социологии, педагогики, медицины, правоведения и т.д. Ее эффективность во многом зависит от самого социального работника, его умений, опыта, личностных особенностей и качеств.

Одним из способов повышения эффективности социальной работы как системы оказания профессиональной помощи является продуманная, комплексная система отбора социальных работников на этапе приема на работу, с последующим проведением аттестации работников по истечении испытательного срока. Аттестацию в этом случае следует проводить в целях выработки обоснованных рекомендаций по использованию аттестуемого работника на основе результатов его трудовой адаптации на новом рабочем месте. Аттестация

должна способствовать выявлению оптимального набора личностных качеств, необходимых социальному работнику, таких как ответственность, принципиальность, наблюдательность, коммуникабельность, корректность (тактичность), интуиция, личностная адекватность по самооценке и оценке других, способность к самообразованию, оптимистичность, мобильность, гибкость, гуманистическая направленность личности, сочувствие к проблемам других людей, терпимость. К «противопоказаниям» можно отнести: отсутствие интереса к другим людям (эгоизм), вспыльчивость, резкость суждений, категоричность, несобранность, неумение вести диалог с оппонентом, конфликтность, агрессивность, неумение воспринимать чужую точку зрения.

Стиль поведения социального работника, обусловленный совокупностью его личностных качеств, его ценностными ориентациями и интересами, оказывает решающее воздействие на систему отношений, которую он формирует не только с клиентом, но и со своими коллегами, подчиненными и начальством.

Литература

1. Бойко Ж.В. Этические основы социальной работы: учеб. пособие / Ж.В. Бойко. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. 94 с.
2. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛА ДОС, 2001. 432 с.

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ INTERNATIONAL ADOPTION: TRENDS AND PROBLEMS

Е.Б. Ходырева
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E.B. Khodyreva
Nizhny Novgorod state university after N.I. Lobachevsky

Даётся анализ статистических данных по международному усыновлению за период с 1999 г. по 2012 г. На основе большого статистического материала анализируются мировые тенденции в сфере международного усыновления, в частности, возможность усыновления детей однополыми союзами и трансформация форм семейной организации, акцентируется внимание на проблемах, влияющих на интенсивность усыновлений в основной группе стран. Вывод, к которому приходит автор, заключается в том, что наряду с общей тенденцией к

сокращению количества международных усыновлений в мире наиболее серьезной проблемой является отсутствие единого органа по контролю за судьбами усыновленных за рубежом детей и международного законодательства в этой сфере.

The article is devoted to a detailed analysis of statistical data on international adoption in the period from 1999 to 2012. Based on a large statistical material global trends in the field of international adoption are analyzed, in particular, the possibility of adoption of children by same-sex unions and the transformation of forms of family organization, and the article also focuses on the problems affecting the intensity of adoptions in the main group of countries. The conclusion to which the author has come, is that along with the general trend of decreasing of international adoptions in the world the most serious problem is the lack of a single authority to control the fate of children adopted abroad and international legislation in this area.

Ключевые слова: международное усыновление, трансформация форм брака, детерминанты и последствия процесса усыновления, интенсивность, внутренние усыновления, страны-доноры, страны-рецепторы, региональные потоки.

Keywords: International adoption, transformation of forms of marriages, determinants and consequences of adoption, intensity, internal adoptions, donor countries, recipient countries, regional flows.

План действий, принятый в 1974 г. на Всемирной конференции ООН по проблемам народонаселения [1], призвал страны упростить процедуры усыновления с тем, чтобы все супружеские пары, включая бесплодные, могли достичь желаемого числа детей. За сорок лет, прошедших с момента конференции, демографические тенденции – откладывание вступления в брак и рождение ребенка в более позднем возрасте, рост уровня бездетности, разводов и широкого распространения новых форм семей, включая сожительствующие пары и однополые союзы, привели к росту числа людей, которые прибегают к альтернативным способам стать родителями, одним из которых является усыновление.

В 1989 г. вступила в силу Конвенция ООН по правам ребенка [2], благодаря которой соблюдение интересов ребенка и обеспечение его благополучия стало краеугольным принципом при решении всех вопросов, связанных с усыновлением. Конвенция устанавливает гарантии интересов ребёнка и его прав, систему взаимодействия между государствами для предотвращения похищения, продажи или торговли детьми, а также обеспечивает в подписавших государствах признание усыновлений, проведённых в соответствии с Конвенцией [3]. Во многих странах были внесены изменения в действующее законодательство,

учитывая возникшие новые формы усыновления, куда входят как само усыновление/удочерение, патронатная семья, так и возмездная и безвозмездная опека/попечительство наряду с необходимостью расширения круга лиц, которые могут стать усыновителями. В настоящее время усыновлять ребенка могут бездетные семейные пары, семьи с уже имеющимися кровными детьми, не состоящие в браке одинокие граждане, а также отчим или мачеха в случае повторного вступления в брак одного из родителей.

Одной из последних тенденций являются всё более острые споры о возможности усыновления детей однополыми союзами. Усыновление и воспитание детей в однополых парах регламентируется законами некоторых стран. Социологические исследования показывают, что такие пары намного чаще разнополых пар выражают желание усыновлять и воспитывать детей-инвалидов, инфицированных ВИЧ или «трудных» (неблагополучных) детей старшего возраста. В результате многолетних научных изысканий также выявлено, что дети в таких семьях не становятся гомосексуально ориентированными чаще, чем в разнополых, [4] а также, что они демонстрируют не менее высокие показатели социальной адаптации, успеваемости и общего развития, чем их сверстники от разнополых браков.

В то же время демографический контекст, определяющий тенденции усыновления, да и сами эти тенденции до сих пор остаются мало исследованными. Не вполне ясно, как влияют тенденции рождаемости и брачности на процесс усыновления, и какую роль могли бы сыграть усыновления в процессе социализации миллионов детей, теряющих родителей в результате их болезней или вооруженных конфликтов. Однако следует отметить общую тенденцию, касающуюся трансформации форм семейной организации, распространения сожителств, смены семейных ценностных установок. К ним в последние десятилетия добавились снижение возраста начала сексуальной жизни, растущий разрыв между сексуальной и социальной зрелостью (включая готовность к выполнению родительских ролей), плюрализация допустимых форм брака и сексуального партнерства (сегодня в более чем двадцати странах мира признаются однополые союзы), гиперэмансипация женщин и феминизация мужчин, движение «childfree» (свободные от детей). В результате этих процессов ранее медленно протекавшие изменения сейчас достигли опасного состояния, угрожающего устойчивости института семьи и ведущего к размыванию этого понятия, к утере его социального смысла. Неизбежным следствием этого процесса является рост числа социальных сирот.

Одним из первых масштабных исследований в области международного усыновления стал доклад «Усыновления: тенденции и политика», опублико-

ванный на сайте ООН в 2010 г. [5]. Сфокусированный на политике в области усыновления и тенденциях усыновлений в 195 странах, он позволяет оценить масштабы и особенности этого явления.

Одной из *гипотез*, объясняющих падение числа усыновлений внутри развитых стран, служит широкое распространение эффективных, безопасных и дешевых средств контрацепции, а также возможность медицинского аборта, позволяющих избежать рождения нежеланного ребенка, что снижает численность детей, которых можно усыновить. В этом же направлении действует тенденция все большего признания в качестве нормы рождения вне зарегистрированного брака и государственной поддержки одиноких родителей. Стремление усыновить здорового ребенка возможно более раннего возраста побуждает потенциальных усыновителей более развитых стран искать детей для усыновления в менее развитых странах.

В России число усыновлений иностранными гражданами регистрируется с 1993 г. Число усыновлений российских детей иностранными гражданами росло до 2004 г., увеличившись с 1485 в 1993 г. до 9419 в 2000 г. В последние пять лет оно устойчиво снижалось, составив в 2009 г. 3815, а в целом за 1993-2009 г. было усыновлено более 88 423 детей [6].

Однако в большинстве стран, отдающих детей на усыновление иностранцам, международные усыновления составляют относительно небольшую часть от общего числа усыновлений. Только в 18 из 70 стран, по которым имеется соответствующая информация, международные усыновления преобладают. В 4 из них – в Эфиопии, Гватемале, Мали и Таиланде международные усыновления составляют более 90% от общего числа усыновлений, в Грузии и Гаити – более 75% [5, с. 69].

Тем не менее, мировая статистика в области международного усыновления неуклонно свидетельствует о стабильном падении количества усыновленных за рубежом детей. Международное усыновление в США, которые усыновляли подавляющее большинство российских детей, неуклонно снижается. В 2012 г. число усыновлений было самым низким за последние 15 лет. Одна из причин этого феномена заключается в том, что международное усыновление стало более регулируемым. Оказалось, что многие страны и организации попросту не соответствуют стандартам Гагской конвенции. Тем не менее, из-за ужесточения международных правил количество фирм по усыновлению сокращается, большие агентства проглатывают маленькие, бизнес консолидируется и в скором времени может стать уделом нескольких громадных корпораций. Наблюдается также вхождение в бизнес по усыновлению венчурного капитала, что тоже не обещает, что интересы ребёнка останутся приоритетными. Многие

специалисты уверены, что в интересах детей, в первую очередь, попытаться найти возможность усыновления и воспитания в стране рождения и в своей культуре, несмотря на то, что иностранные усыновители порой располагают куда большими средствами, чем местные [6].

Самой *острой проблемой*, связанной с международным усыновлением, является отсутствие единого органа по контролю за судьбами усыновленных за рубежом детей и международного законодательства в этой сфере. Именно по этой причине отмечается большое количество случаев насилия над детьми в семьях усыновителей, где лидирующее место принадлежит США. Проблемы, с которыми сталкиваются усыновленные в США дети, носят системный характер и затрагивают не только детей из России. Россия – не единственная страна в мире, которая пошла на подобные меры. Казахстан, например, приостановил вступление в силу соглашения об усыновлении с США, то же самое сделали Вьетнам и Гватемала. Это системная проблема внутри США, и привлечение внимания общественности к этой ситуации поможет американским властям в корне изменить ситуацию. Таким образом, для уменьшения количества отказов от детей усыновителями и для пресечения недопустимых насильственных действий по отношению к приемным детям необходимо разработать действенный механизм контроля над судьбой усыновленных детей на территории иностранного государства, что требует проведения конкретных мероприятий на международном уровне. В частности, государствам предлагается заключать двусторонние договоры между собой либо ратифицировать Гаагскую конвенцию от 29 мая 1993 г. «О защите детей и сотрудничестве в области международного усыновления». Даже если будут созданы условия для принятия решения о ратификации данной Конвенции, усыновление должно осуществляться с учетом основополагающего принципа, закрепленного в этом документе, а именно: «Иностранное усыновление может предоставить ребенку преимущества, связанные с наличием постоянной семьи, если подходящая семья не может быть найдена для него в стране происхождения» [7]. Таким образом, усыновление иностранцами должно рассматриваться только в качестве альтернативного способа устройства ребенка.

Литература

1. Report of the United Nations World Population Conference, Bucharest, 19-30 August 1974 // United Nations publications, 1974, Sales No. E. 75. XIII. 3. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.un.org/en/development/devagenda/population.shtml> (Дата обращения: 17.02.2014 г.).

2. United Nations, 1990 // Treaty Series, 1990, vol.1577, No. 27531, p. 3. [Электронный ресурс] – URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%201578/v1578.pdf> (Дата обращения: 17.02.2014 г.)
3. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 год. [Электронный ресурс] – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (Дата обращения: 18.02.2014 г.).
4. Michael J. Rosenfeld. Non-traditional Families and Childhood Progress Through School. Demography, 2010 August [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3000058/> (дата обращения: 20.02.2014 г.).
5. Child adoption: trends and policies. [Электронный ресурс] – URL: http://www.crin.org/docs/child_adoption.pdf (Дата обращения: 18.02.2014 г.).
6. Михаэль Дорфман. Не только Путин отказывает американцам в усыновлении. Что хорошо и что плохо с международным усыновлением в США? [Электронный ресурс] – URL: <http://maxpark.com/community/politic/content/1771680> (Дата обращения: 19.02.2014 г.).
7. Гаагская конвенция о сотрудничестве в области международного усыновления [Электронный ресурс] – URL: <http://base.consultant.ru/> (Дата обращения: 19.02.2014 г.).

**ЛОГОТЕРАПИЯ КАК ВАРИАНТ ОПТИМИЗАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
«СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК – КЛИЕНТ»
LOGOTHERAPY AS A VARIANT OF OPTIMIZATION OF THE «SOCIAL
WORKER -CUSTOMER» INTERACTION**

Б.Л. Цветкова
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
B.L. Tsvetkova
Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Обсуждаются направления и преимущества логотерапии как основы взаимодействия с клиентом в социальной работе.

The article discusses directions and advantages of logotherapy as a basis for customer interaction in the social work.

Ключевые слова: арт-терапия, смысл, нарративная терапия, сказкотерапия, библиотерапия.

Keywords: Art Therapy, meaning, narrative therapy, therapyby story, bibliotherapy.

Очень часто проблемы низкой эффективности технологий социальной работы связаны с тем, что профессионалы, представляющие сторону социальной работы, вооруженные, казалось бы, знаниями, подходами, методиками работы, оказываются сами по себе, а их клиенты со своими проблемами, неуверенностью, фрустрацией – сами по себе. Необходимо универсальное средство, которое, прежде всего, помогло бы выстроить отношения, связанные с надеждой и доверием. В этом смысле логотерапия – оптимальная основа для конструктивного и доверительного взаимодействия между профессионалами и их клиентами.

Логотерапия как подход разработан на основе психолого-антропологической модели психиатром и неврологом Виктором Эмилем Франклом (1905-1997 гг.). Греческое слово «логос» используется в данном контексте в своём значении «смысл». В частности, логотерапевты не стараются убедить в чём-то клиента при помощи рациональных доводов, они помогают ему в определении его собственного индивидуального, особенного смысла. История логотерапии восходит к 30-м гг. XX века. Отталкиваясь от таких направлений, как психоанализ Зигмунда Фрейда и индивидуальная психология Альфреда Адлера, В. Франкл разработал основы нового оригинального подхода, которые были им впервые опубликованы в 1938 г. [1, с. 54]. Реорганизация западной психиатрической службы в 50-60 гг., связанная с закрытием многих психиатрических клиник и развитием сети амбулаторных и полустационарных услуг, привела к тому, что логотерапевты стали работать в более тесном контакте с социальными работниками, педагогами и другими специалистами, что в свою очередь расширило эмпирическую базу для логотерапии. В последние два-три десятилетия логотерапия оформляется в самостоятельный метод с собственной методологией и разнообразным инструментарием, пользуясь большой популярностью среди социальных работников в странах Западной Европы и США [2].

Технология логотерапия (терапия при помощи слова) основана на анализе смыслов существования. Согласно подходу, лежащему в основе логотерапии, движущей силой для каждого человека является стремление найти и реализовать свой собственный смысл. Каждый человек независимо от пола, возраста, социального статуса, профессии, религиозных убеждений и т.д. ответственен за реализацию своего уникального смысла жизни, которому нельзя обучить, но который можно осознать. Доминирует положение о том, что для человека гораздо важнее не то, что с ним случилось, а его отношение к этому. Основная задача логотерапии – помочь человеку обрести смысл и цель жизни, что поможет ему преодолеть сомнения и отчаяние. Логотерапия обращает внимание

клиента главным образом на будущее, на задачи, которые ему предстоит осуществить. В то же время использование технологии логотерапии приводит к расширению мировоззрения и ценностного кругозора клиента. Это помогает ему настроиться на верный путь и предпринимать активные действия для решения своих проблем, для изменения ситуации.

Сегодня логотерапия, будучи частью арт-терапии, представляет собой целый комплекс методов и приемов, использующий слово в качестве основного инструмента работы специалиста, включает в себя все формы работы с использованием литературных произведений, театрализованных постановок, нарративную терапию. В европейских странах логотерапия (и арт-терапия в целом) давно являются важной составляющей арсенала практических навыков социальных работников, не сомневающих в ее действенности [3, с. 182]. Логотерапия успешно применяется в качестве отдельного независимого подхода и в сочетании с другими направлениями как в индивидуальной, так и в групповой психотерапевтической работе, а также в педагогике. Она доказала свою эффективность в кризисной превенции, интервенции и поственции, при профилактике агрессивного поведения и депрессии, а также суицидального поведения, при работе со всеми видами неврозов, в частности, с тревожно-фобическими расстройствами и сексуальными неврозами, при сопровождении психиатрических больных (в сотрудничестве с врачом-психиатром). Особое место занимает логотерапия в системе паллиативной помощи. Хороших успехов удастся достичь при логотерапевтической работе с заключёнными.

Таким образом, основное преимущество технологии – ее универсальность: нет ограничения по возрасту, она ориентирована как на людей с нормальным интеллектуальным и физическим развитием, так и на людей с ограниченными возможностями. Кроме того, существует широкий спектр направлений в рамках логотерапии. Например, театрализованная терапия эффективна для работы с детьми и подростками, пережившими травму, с беженцами и вынужденными переселенцами – для освоения чужого культурного опыта. Акцент здесь делается на побуждении к личной активности, свободному самовыражению и самостоятельному творческому процессу. Большая роль в такой терапии отводится импровизации, спонтанности. Участие в постановке позволяет клиентам выразить себя, отвлечься от проблем, которые их волнуют в данный момент, кроме того, совместная работа с другими людьми, регулярные репетиции позволяют почувствовать свою важность, ответственность за успех общего дела. Для постановок выбираются такие сюжеты, которые связаны с проблемами клиентов, с которыми в данный момент ведется работа, поэтому «проигрывание» своей проблемной ситуации на сцене (возможно даже противоположной

роли) помогает человеку справиться со своей ситуацией.

К другой подгруппе относятся методики, реабилитирующее действие которых основано на беседе, например, нарративная терапия. «Нарратив» – «рассказ», «повествование». Нарративная терапия – беседа, в процессе которой клиенты «пересказывают», то есть рассказывают по-новому истории своей жизни. Рассказывая, клиент, как правило, упоминает лишь те события, которые укладываются в единую картину жизни, и «забывает» те, которые считает мимолетными и нехарактерными для него. Задача специалиста – дать понять клиенту, что все не однозначно, одна и та же история может быть пересказана с различных точек зрения, и то, как это будет сделано, повлияет на восприятие, оценку происходящего и дальнейшие действия человека.

Это относительно молодой подход, стартовой точкой считают 1990 г., основателями являются Майкл Уайт и Дэвид Эпстон. Спустя 20 лет, в 2010 г., в мире насчитывалось около 50000 специалистов, прошедших обучение нарративной практике и использующих ее в самых разнообразных контекстах: в работе с людьми, пережившими насилие и травму, с людьми, страдающими от психических болезней, и их близкими, с беженцами; в тюрьмах, в школах, в хосписах и больницах; в чрезвычайных ситуациях, в телефонном консультировании, в частной практике; с отдельными людьми (взрослыми и детьми), с семьями, группами и сообществами [4, с. 3-5].

Еще одно направление в логотерапии, основанное на использовании в работе художественных произведений, которое также является универсальным, но часто используемое в работе с детьми по причине простоты и доступности детскому пониманию – это сказкотерапия и библиотерапия. Эти методики включают большой арсенал методов работы: терапевтическое чтение, сочинение, инсценирование сказок и многое другое. Сказкотерапия – направление практической психологии, которое, используя метафорические ресурсы сказки, позволяет людям развить самосознание, стать самим собой и построить особые доверительные близкие отношения с окружающими [5, с. 66]. Сам метод довольно старый. Его давно использовали классики психологии К. Юнг, З. Фрейд и их последователи. Источниками концепции сказкотерапии стали работы Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина. Постепенно метод перестал использоваться только узким кругом психиатров и психологов. Последнее время к сказкотерапии тяготеет все больше специалистов: педагоги, специалисты по социальной работе, реабилитологи, дефектологи.

Библиотерапия – это специальное коррекционное воздействие на клиента с помощью чтения специально подобранной литературы в целях нормализации или оптимизации его состояния [6, с. 15].

Книга – мощный инструмент, которым можно воздействовать на мышление людей, на их характер, формировать их поведение, они могут помочь в решении проблем. Библиотерапия возникла в начале XX века на стыке психологии, психиатрии и библиотековедения; этот метод, на мой взгляд, важен и для социальной работы, главным образом в рамках социальной реабилитации. В одних случаях книги могут просто отвлечь от дурного влияния, настроить на поведение, которое будет способствовать успешной реабилитации человека. В других – помогают укрепить личность, выстраивая ценностные ориентиры. Библиотерапия позволяет читателям понять, что они не единственные с их проблемой. Читатель осознает свою собственную ситуацию, в том числе благодаря «взгляду на нее со стороны». То есть, привлекательность этого метода в относительной простоте и эффективности. Отличие этого метода от сказкотерапии в большем разнообразии используемых жанров, в более простой организации работы.

Данные методики активно используются специалистами по социальной работе за рубежом. В России их применение пока носит точечный характер: специалистами ряда центров реабилитации и адаптации, что, на наш взгляд, требует изменения, особенно если принять во внимание все преимущества данной технологии.

К сожалению, технология логотерапии в российской социальной работе используются недостаточно широко, учитывая то, каким потенциалом она обладает [7]. Ее реализация практически не требует материальных затрат, специального оборудования. Однако технология относительно новая, специалисты владеют ими в недостаточной мере. Значительно затрудняет развитие и распространение технологии логотерапии в практике социальной работы то, что в России только в крупных городах (Санкт-Петербург, Москва, Волгоград) существуют центры, занимающиеся ее исследованием [8, с. 64]. Соответственно, только там могут обучиться специалисты дополнительно по специальным программам, так как в рамках традиционного образования нет курсов по подробному изучению этих методик. Из этого следует, что доступ к опыту деятельности специалистов из других районов страны значительно затруднен. Даже желая расширить свои профессиональные навыки, обучиться новым методикам работы, специалисту придется проявить инициативу по поиску обучающих программ в стране и пройти эти программы за собственные средства, а такая возможность есть не у каждого. В результате полезные знания и опыт «запираются» в рамках одного-двух центров, не имея выхода на широкую аудиторию. Кроме того, существует немало людей, считающих исследуемую технологию несерьезной; у нас практически отсутствуют исследования, посвященные рас-

пространенности и эффективности логотерапии в социальной работе. Эти проблемы являются препятствием на пути развития и распространения технологии логотерапии в практике социальной работы.

Литература

1. Франкл В. Основные понятия логотерапии / В. Франкл. Спб.: «Ювента», 2004.
2. Копытин А.И. Арт-терапия / А.И. Копытин // Психологическая газета № 01(16). 1997.
3. Реабилитация и образование особого ребенка: обсуждение опыта и перспектив правовой защиты / Под ред. И.В. Лариковой. М.: «Теревинф», 2004.
4. Кутузова Д. Предисловие к книге М.Уайта «Карты нарративной практики: введение в нарративную терапию». М.: Генезис, 2010.
5. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии / Т.Д. Зинкевич-Евстигнеева. Спб.: «Златоуст», 1998.
6. Тихомирова И. Что такое библиотерапия и могут ли книги врачевать душу? / И. Тихомирова // Домашняя школьная библиотека. 2003. №1.
7. Комплексная реабилитация инвалидов [online] / Информационная служба, 2009. [Обращение к документу: 14 декабря 2009]. Доступ через <http://www.rehabin.ru/lib/_ID=33&ELEMENT_ID=2552 >.
8. Тюнина Е.И. И сказки лечат / Е.И. Тюнина // Библиотека. 2003. №10.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕКЛАМА КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ PUBLIC SERVICE ADVERTISING AS A TECHNOLOGY OF SOCIAL WORK

Н.В. Шалютина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

N.V. Shalyutina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается феномен социальной рекламы и возможности её использования социальными службами.

In article is discussed the phenomenon of public service advertising and its using in social assistance.

Ключевые слова: социальная реклама, эффективность воздействия, социальная работа.

Keywords: public service advertising, effect, social work.

Социальная реклама становится все более востребованной в России и во всем мире. На Западе этот тренд появился уже давно: социальная реклама используется как агент социальных изменений, способствуя передаче и распространению социальных норм и ценностей. Подобная тенденция появилась и в России. Если в 2004 г. социальная реклама занимала 1% рекламного рынка, то в последние годы объемы социальной рекламы достигли 2-3% от общего объема рынка рекламы [1].

Этот вид рекламы представляет общественные или государственные интересы и, как правило, ориентирован не на узкую целевую группу потребителей, а на аудиторию, объединенные преимущественно по своему социальному статусу, либо на все общество или его значительную часть. По данным исследований, 96% россиян видели социальную рекламу, посвященную тем или иным общественно значимым проблемам [2].

Основным заказчиком социальной рекламы в России является государство, так как это один из наиболее ярких и запоминающихся инструментов в ряду мер воздействия, оказываемых государством на граждан. Государственные учреждения активно пользуются этим инструментом для улучшения собственного имиджа, продвижения своих программ и информационной поддержки своей деятельности. Однако всех возможностей социальной рекламы ни российский бизнес, ни государство, ни НКО пока не используют, хотя социальная реклама государственных институтов стала занимать приоритетное место среди всего пространства социальной рекламы. Каковы возможности применения социальной рекламы в социальной работе и в деятельности социальных служб?

Прежде всего необходимо отметить, что сама деятельность социальных служб несет в себе социальную рекламу: любой сюжет о проводимой ими работе заостряет внимание аудитории на той или иной проблеме. Правда, в связи со спецификой их деятельности такая реклама вызывает как позитивные, так и негативные эмоции.

Рассматривая социальную рекламу как технологию социальной работы, необходимо затронуть три вопроса:

- зачем социальным службам нужна социальная реклама;
- какой может быть эта реклама;
- какова эффективность социальной рекламы?

Несомненно, деятельность социальных служб нуждается в рекламе. Во-первых, реклама способствует продвижению государственной социальной политики и формированию позитивного отношения к государственным структурам, которые испытывают необходимость в общественной поддержке. Во-вторых, для успешного функционирования социальных служб важно, чтобы как можно больше людей имели об их деятельности максимально точное представление. В-третьих, для их успешной деятельности необходимо привлечь внимание к актуальным проблемам общественной жизни. Для этого необходимо не только рассказать о проблеме, но и показать важность и возможные пути ее решения, создать общественный интерес к проблеме, сформировать определенное общественное мнение. В идеале – стимулировать действия по решению проблемы, то есть изменить поведенческие модели в обществе. В-четвертых, социальная реклама может решить задачу привлечения добровольных помощников через демонстрацию социальной ответственности бизнеса и укрепление социально значимых институтов гражданского общества.

В тематике социальной рекламы как технологии социальной работы можно выделить несколько направлений. Прежде всего, это реклама ценностей. Из всех видов некоммерческой рекламы реклама ценностей, пожалуй, понятнее и ближе всего широкой аудитории. Она в доступной форме пытается донести до населения информацию, касающуюся всех и каждого. С ее помощью деятельность социальных работников связывается с нормами, по которым живут или на которые ориентируются люди. Можно выделить два вида рекламы ценностей. Это так называемая «чистая социальная реклама» [3]. В ней не указываются ни заказчик, ни производитель рекламного продукта. Цель ее — распространение определенных идей и ценностей как абстрактных, философских (например, любовь к ближнему), так и конкретных принципов (призывает к борьбе с абортами). Чистая социальная реклама необходима, когда проблема затрагивает общество в целом, поэтому ее, как правило, используют государственные структуры. Реклама, не называющая заказчика, оказывается чрезвычайно эффективна в тех случаях, когда требуется привлечение внимания как можно большего числа людей или когда стоит задача «перемоделирования» определенных культурных установок.

Второй вид – реклама с указанием телефона и адреса организации. Примером такой рекламы служит ролик о семейном насилии, в конце которого сообщается телефон доверия или кризисного центра. Работая над подобной рекламой, необходимо помнить, насколько широко будет она распространена, сможет ли социальная служба отвечать за ее последствия (может случиться и так, что после показа телевизионных роликов о кризисном центре для женщин за помощью туда обратятся несколько тысяч человек).

Во-вторых, социальная реклама может информировать о какой-либо социальной проблеме. Это особенно важно, когда человек считает какую-либо ситуацию сферой своей личной заботы, не имея информации о масштабах проблемы (например, в случаях с домашним насилием). Для эффективности подобной рекламы важна эмоциональная составляющая. Единственное «но»: реклама проблемы вполне допустима в форме видеоролика, радиообращения, плаката, где информация должна быть очень короткой, однако если это буклет организации или листовка с рассказом о ней, одной информации о проблеме крайне мало – необходима информация и о путях ее решения.

В-третьих, социальные службы могут рекламировать собственные программы и проекты. Это один из самых эффективных, но и самых сложных типов рекламы социальных служб. Трудность заключается в том, что такая реклама должна быть короткой, но максимально ясной, не оставляющей у адресата никаких вопросов. Она должна представлять собой четко и грамотно построенное обращение, призванное донести всю необходимую информацию о программе: краткую формулировку цели программы, сведения о возможностях воспользоваться программой.

И, наконец, социальная реклама может быть направлена на улучшение имиджа организации. Рекламный ролик должен включать такие сведения, как миссия организации, цели, ценности, проекты, достижения. Самой приемлемой формой для подобной рекламы является буклет. Для создания положительного имиджа социальные службы могут рекламировать свои достижения. При этом решаются сразу две задачи: повышения имиджа организации и привлечения лиц, нуждающихся в помощи.

Вопрос эффективности социальной рекламы является, пожалуй, наиболее сложным, особенно если речь идет о долгосрочных эффектах, связанных с изменением ценностных и поведенческих установок. В рамках опроса, проведенного КОМКОНОм, выяснилось, что 24% опрошенных продемонстрировали скептицизм в отношении способности социальной рекламы изменить поведение людей, в то время как более половины респондентов (53%) выразили уверенность в том, что в будущем реклама может изменить ситуацию, и еще 18% опрошенных заметили, что поведение окружающих уже меняется под влиянием социальной рекламы [4].

Для сравнения: доля людей, сомневающих в возможностях социальной рекламы повлиять на их поведения, уменьшилась почти в 2 раза с 2004 г. Тогда в рамках проведенного компанией «РОМИР-Мониторинг» исследования 59% респондентов признались, что существующая социальная реклама на них не повлияла [5].

Действие социальной рекламы на себе уже ощутили 36% опрошенных, причем стоит отметить, что влиянию этого вида коммуникаций более подвержена молодая аудитория в возрасте до 35 лет – здесь эффект от социальной рекламы на себе ощутили 68% опрошенных. В частности, 40% молодых людей обратили внимание на какие-либо социальные проблемы, изменили свое поведение (12%) или сделали пожертвование (12%). Три процента опрошенных стали волонтерами.

Подводя итог, стоит еще раз подчеркнуть, что основной проблемой российского рынка социальной рекламы является его неразвитость. Российские ролики социальной рекламы зачастую разрабатываются по аналогии с рекламными сообщениями по продвижению товара. Российская социальная реклама малобюджетна и носит эпизодический характер, следствием чего, естественно выступает ее невысокая эффективность. Содержание рекламных кампаний зачастую не связано с четкими программами действий, предварительно разработанными организациями-заказчиками. Но, учитывая позитивное отношение россиян к социальной рекламе, особенно в молодежной среде, можно надеяться, что, преодолев эти недостатки, социальная реклама станет оправданной и эффективной.

Литература

1. Материалы круглого стола Комитета ТПП РФ по предпринимательству в сфере рекламы на тему «2015 год в социальной рекламе – самопиар или эффективность?» 22-ой международно-специализированной выставки «Реклама-2014» [Электронный ресурс] – URL: <http://vse-ravno.net/tag/statistika> (дата обращения 08.08.2015 г.)
2. Отношение к социальной рекламе. Опрос, проведенный компанией КОМКОН совместно с благотворительным фондом CAF Russia в рамках проекта Социально активные ме-диа, апрель 2010. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=2312> (Дата обращения 08.08.2015 г.)
3. Николайшвили Г.Г. Социальная реклама: теория и практика. Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2008. 191 с.
4. Отношение к социальной рекламе. Опрос, проведенный компанией КОМКОН совместно с благотворительным фондом CAF Russia в рамках проекта Социально активные ме-диа, апрель 2010. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.comcon-2.ru/default.asp?artID=2312> (дата обращения 08.08.2015 г.)

5. Отношение россиян к рекламе. Исследование Ромир-Мониторинг, осень 2004 г. [Электронный ресурс] – URL: http://romir.ru/analytics/46_1398715200/ (Дата обращения 08.08.2015 г.)

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
С ГРАЖДАНАМИ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА
SOCIO-CULTURAL TECHNOLOGIES IN SOCIAL WORK
WITH THE ELDERLY**

Е.И. Шаманова

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

E.I. Shamanova

Nekrasov Kostroma state University

Проведен анализ результативности социокультурных технологий в работе с пожилыми.

The article analyzes the impact of socio-cultural technologies in the work with older.

Ключевые слова: социокультурная реабилитация, социальные технологии, граждане пожилого возраста.

Keywords: socio-cultural rehabilitation, social technologies, senior citizens.

Настоящее время отмечено развитием технологий социальной работы в учреждениях социального обслуживания населения. Рассмотрим обоснование понятия «социальная технология», предложенное болгарским ученым Н. Стефановым: «Там, где человек активно и целенаправленно относится к окружающим его процессам, где он стремится сознательно и планомерно изменить природную и социальную среду, там, в принципе, возможна технология» [1].

Социальные технологии представляют собой систему знаний об оптимальных способах преобразования и регулирования социальных отношений и процессов жизнедеятельности людей, а также саму практику алгоритмического применения оптимальных способов преобразования социальных отношений и процессов. К социальным технологиям можно отнести технологию социальной работы.

Одной из общих технологий социальной работы является социальная реабилитация. Она получила в последние годы широкое признание. Социальная реабилитация – комплекс мер, направленных на восстановление человека в

правах, социальном статусе, здоровье, дееспособности. Это процесс нацелен не только на восстановление способности человека к жизнедеятельности в социальной среде, но и самой социальной среды, условий жизнедеятельности, нарушенных или ограниченных по каким-либо причинам.

Социокультурная реабилитация является составной частью социальной реабилитации, обращена к внутреннему личностному опыту пожилого человека и предполагает его творческую деятельность, выступающую инструментом межличностных и внутриличностных коммуникаций. Социокультурная реабилитации предполагает в качестве терапевтических средств различные художественные техники (вокал, пластику, мимику, стихосложение, рисование и др.), используя момент эстетического переживания для гармонизации психического состояния человека.

Под технологией социокультурной реабилитации пожилых граждан мы понимаем систему организованных приемов и методов взаимодействия средствами культурно-досуговой деятельности и (или) предоставления услуг инвалидам или пожилым гражданам, применяемых с целью оказания им помощи в восстановлении компетенции нарушенных или утраченных способностей к деятельности в соответствии с их духовными интересами, потребностями и потенциальными возможностями.

Технология социокультурной реабилитации граждан пожилого возраста включает следующие направления: просветительское, досуговое, коррекционное, познавательное, лечебно-оздоровительное, эмоционально-эстетическое. Спорт, активный отдых и туризм являются важными факторами в процессе реабилитации и адаптации пожилых людей. Социальный туризм более легок для пожилых, чем спорт, и именно туризм становится первым шагом в начале интенсивной и систематической физической активности пожилых. Он оказывает большое влияние на оздоровление пожилых людей, так как является фактором, противодействующим гипокинезии, которая отрицательно влияет на здоровье и психику. Для пожилого человека туризм предоставляет реабилитационные возможности, повышая интерес к жизни и увеличивая жизненную активность. Основными функциями туризма, с социальной точки зрения, являются: компенсаторная, восстановительная, реабилитационная. Развитие социального туризма, разработка туристских программ с учетом доступности для людей со специальными нуждами – все это создает равные возможности для осуществления права на отдых, для приобщения к культурным ценностям. Для эффективного использования туризма в социокультурной реабилитации пожилых людей необходимо соблюдать следующие правила: вид туризма подбирается в зависимости от имеющихся физических нарушений и в соответствии с индивидуальной про-

граммой реабилитации, учитывает персональный интерес, желание, финансовые возможности, место проживания, ожидаемые реабилитационные результаты; обеспечение безопасности для туристов и окружения; программа включает осмотр достопримечательностей; наличие некоторой физической подготовки, психологической готовности к трудностям; планируемые нагрузки должны быть адекватны состоянию здоровья. Зрелый возраст – это период жизни, его естественный процесс. Старость нельзя преодолеть, ее можно сделать счастливой, активной, интересной, наполненной смыслом. Именно такую задачу ставят перед собой сотрудники социально-реабилитационного отделения государственного автономного учреждения Костромской области «Мантуровский комплексный центр социального обслуживания населения».

Отделение предназначено для оказания социальных, бытовых, правовых, социокультурных услуг гражданам, сохранившим способность к самообслуживанию и активному передвижению, предоставления им медицинской помощи, реабилитационных мероприятий, привлечения к посильной трудовой деятельности и поддержанию активного образа жизни. Оптимальная численность граждан, обслуживаемых отделением, 25 человек, продолжительность смены 21 день.

Деятельность отделения социальной реабилитации направлена на активизацию образа жизни граждан пожилого возраста, повышение уровня их физического, социального и духовного самочувствия, возрастание степени адаптированности индивида к окружающему миру, углубленное миропонимание. Посещение данного отделения позволяет расширить социальные контакты пожилого человека, поправить его здоровье, расширить кругозор. Услуги, предоставляемые в отделении социальной реабилитации, условно подразделяются на физкультурно-оздоровительные, медицинские, психологические, социокультурные. Данный тип услуг направлен на повышение культурного и образовательного уровня клиентов, их приобщение к культурному наследию, возможность творческой самореализации, в целом на качественное разнообразие досуга пожилых граждан. Музыкальные занятия проводятся в виде хорового пения под аккомпанемент. Как правило, в занятиях принимают участие большинство присутствующих в этот день. Изучение закономерностей поведения клиентов при оказании данной услуги позволяет более взвешенно подходить к формированию репертуара, активизировать творческий потенциал клиентов. В рамках договорных отношений совместно с учреждениями образования и культуры реализуются социокультурные проекты, направленные на социализацию обслуживаемых пенсионеров, на укрепление межпоколенных связей, пожилые люди принимают активное участие в культурной жизни города. Совместно с районным

домом культуры, центральной районной библиотекой, советом ветеранов проводятся мероприятия к праздничным датам, большое внимание уделяется чествованию долгожителей и супружеских пар, проживших долгую совместную жизнь. При необходимости доставки пожилых людей на культурно-массовые мероприятия организуем сопровождение их социальными работниками, предоставляем транспорт. Активность участия в тех или иных мероприятиях может определяться также атмосферой доверия и непринужденности, создаваемой не столько сотрудниками отделения, сколько самими посетителями.

Во второй половине дня проводятся экскурсии по памятным местам г. Мантурово, г. Кологрив, г. Макарьев, совершают поездки на природу, паломнические поездки, организуют посещение музеев, проводят праздники, выставки народного творчества, активно участвуют в ежегодном фестивале в честь Дня пожилого человека «Очей очарование», проводят тематические встречи. «Виртуальный туризм», предполагающий путешествие по странам мира с помощью интернета, тоже пользуется большой популярностью среди получателей социальных услуг отделения реабилитации.

Литература

1. Технология социальной работы: Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. И.Г. Зайнышева. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 2002. 240 с.
2. Социальная работа с инвалидами: Учебное пособие / Н.Ф. Басов [и др.]; Под ред. Н.Ф. Басова. М.: КНОРУС, 2012. 400 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫМИ ПОСОБИЯМИ ENSURE CONVICTED SOCIAL BENEFITS

Д.Д. Шатохин
Академия ФСИН России
D.D. Shatohin
Academy of the Federal penitentiary service of Russia

Раскрываются права осужденных на обеспечение социальными пособиями и освещается содержание деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы по обеспечению социальными пособиями осужденных, имеющих право на их получение, в условиях настоящих реалий.

The article reveals the right of convicted persons to ensure social benefits and reflects the content of the staff of the penal correction system for the social benefits of convicts who are entitled to receive them under the present realities.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система (УИС), исправительные учреждения (ИУ), ресоциализация, социальные пособия для осужденных, социальная работа с осужденными.

Keywords: criminal-Executive system (MIS), corrections (PECs), resocialization, social benefits for convicted persons, social work with the convicts.

Развитие Российского государства предполагает модернизацию всех его институтов, в том числе и уголовно-исполнительной системы, которая на современном этапе, в соответствии с Концепцией развития УИС РФ до 2020 г., совершенствует социальную работу с осужденными в целях обеспечения их ресоциализации, освоения ими основных социальных функций как необходимого условия исправления и успешной адаптации в обществе после освобождения, а также внедряет современные технологии социальной помощи, защиты и поддержки в отношении социально уязвимых категорий осужденных на всех этапах отбывания наказания [1].

В связи с этим особое значение приобретают социальная работа с осужденными, в том числе обеспечение их социальными пособиями, те ее формы и методы, которые оказываются приемлемыми в современных условиях в соответствии с изменениями законодательства и нормативных правовых актов Российской Федерации.

Осужденные, отбывающие наказание в исправительных учреждениях (ИУ), имеют право на получение следующих видов социальных пособий:

1. Пособия по обязательному социальному страхованию;
2. Единовременное пособие при освобождении из исправительного учреждения.

Обеспечение пособиями осужденных, имеющих право на их получение, является результатом деятельности достаточно большого круга должностных лиц исправительного учреждения. Проблемными вопросами в данной деятельности является недостаточно полная осведомленность соответствующих работников исправительного учреждения о правах осужденных на социальные пособия и условиях, необходимых для получения осужденными этих пособий.

В соответствии с пунктом 1 статьи 98 УИК РФ, осужденные к лишению свободы, привлеченные к труду, подлежат обязательному государственному социальному страхованию, а осужденные женщины также обеспечиваются пособиями по беременности и родам.

В целях реализации этого положения УИК РФ Правительство Российской Федерации приняло Постановление 15 октября 2001 г. № 727 «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию

осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду». Согласно данному Постановлению, осужденным выплачиваются следующие пособия по обязательному государственному социальному страхованию:

а) по временной нетрудоспособности (кроме несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний);

б) по беременности и родам;

в) единовременное пособие женщинам, вставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель);

г) единовременное пособие при рождении ребенка (кроме случаев, когда дети осужденных находятся на полном государственном обеспечении);

д) ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет (в случае отбывания наказания в колониях – поселениях). (пп. «д» введен Постановлением Правительства РФ от 12.08.2002 г. № 586) [2].

Данные пособия выплачиваются осужденным за счет единого социального налога (взноса), уплачиваемого в Фонд социального страхования Российской Федерации организациями, в которых трудятся осужденные.

Ответственность за назначение, исчисление и выплату пособий по обязательному государственному социальному страхованию несут руководитель и главный бухгалтер организации, где трудятся осужденные.

Контроль за правильным назначением, исчислением и выплатой пособий по обязательному государственному социальному страхованию в организациях, где трудятся осужденные, осуществляется отделениями (филиалами) Фонда социального страхования Российской Федерации.

Осужденные имеют право на пенсионное страхование. Так, в статье 98 Уголовно-исполнительного кодекса говорится о том, что осужденные имеют право на общих основаниях на государственное пенсионное обеспечение в старости, при инвалидности, потере кормилица и в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Закрепление в Уголовно-исполнительном кодексе права осужденных на получение пенсии косвенно указывает на наличие правовых норм их пенсионного обеспечения. Не имеющие оснований на трудовую пенсию могут получать социальную пенсию в соответствии с Федеральным Законом от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» (в ред. от 9 апреля 2007 г.). Выплата пенсий осужденным осуществляется органами социальной защиты населения по месту нахождения исправительного учреждения путем перечисления пенсий на лицевые счета осужденных. Если право на пенсию наступило в период отбывания наказания, она

оформляется администрацией учреждения через местные органы социальной защиты населения.

В целях обеспечения назначения и выплаты пенсий осужденным, а также координации деятельности служб исправительного учреждения и органов, осуществляющих пенсионное обеспечение, ФСИН России утвердило «Порядок оформления документов для назначения и выплаты пенсий осужденным, содержащимся в исправительных учреждениях».

Оформление и представление документов для назначения и выплаты пенсий осужденным, содержащимся в исправительных учреждениях, а также оставленным в следственных изоляторах для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, осуществляется администрацией учреждения.

При освобождении из мест лишения свободы администрация ИУ обеспечивает осужденных, освобождаемых от отбывания наказания, проездными билетами либо деньгами для оплаты проезда к месту жительства или в дома инвалидов или престарелых, в интернаты или к попечителям. Осужденные, освобождаемые от отбывания наказания, обеспечиваются проездными билетами по кратчайшему маршруту следования [3].

Осужденные, освобождаемые из ИУ, на время, необходимое для проезда к месту жительства, обеспечиваются продуктами питания по минимальным нормам, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации.

Больные осужденные, беременные женщины, кормящие матери, несовершеннолетние на путь следования обеспечиваются продуктами по нормам, утвержденным приказом Министерства юстиции Российской Федерации [4].

Освобождаемым женщинам с детьми выдается дополнительно для детей на время, необходимое для проезда к месту жительства, сухой паек в виде набора продуктов по назначению врача-педиатра дома ребенка учреждения, исполняющего наказания, или деньги в сумме, исчисляемой от средней стоимости продуктов, входящих в норму питания детей, сложившейся в месяце, предшествующем освобождению от наказания.

При освобождении из исправительного учреждения осужденным, как правило, производится выплата единовременного денежного пособия, которое может быть выдано осужденным, освобождаемым из мест лишения свободы, в сумме, определяемой соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации.

Литература

1. Александров Б.В. Вовлечение осужденных в трудовую деятельность, как фактор их ресоциализации // NovaInfo.Ru. 2015. Т. 2. № 31. С. 203-206.
2. О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному социальному страхованию осужденных к лишению свободы лиц, привлеченных к оплачиваемому труду / Постановление Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 727 / Информационный правовой портал «Консультант-Плюс» [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 04.07.2015 г.)
3. Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы / Приказ Минюста РФ от 13 января 2006 г. № 2. / Информационный правовой портал «Гарант» [Электронный ресурс] – URL: <http://www.garant.ru/> (дата обращения 04.07.2015 г.)
4. Ресоциализация и социальная адаптация осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в воспитательных колониях (воспитательных центрах): практ. рек. / О.Г. Ананьев, В.Е. Матвеев. Рязань: Академия ФСИН России, 2014. Кн. 98. 25 с.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАТЕГОРИЙ
СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК – ШКОЛЬНИК
PROBLEMS OF INTERACTION OF CATEGORIES
THE SOCIAL WORKER – THE SCHOOL STUDENT**

Д.В. Шлыкова
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
D.V. Shlikova
Lobachevsky state University of Nizhni Novgorod

Рассматривается проблема взаимодействия категорий социальный работник – школьник на различных этапах школьного обучения. Социальный работник – один из важнейших агентов, оказывающих ребенку профессиональную помощь при возникновении трудностей в адаптации к условиям школьной среды.

The problem of the interaction of social worker categories – student at different stages of schooling. Social worker – one of the most important agents, providing professional assistance to the child in the event of difficulties in adjusting to the school environment.

Ключевые слова: социализация, адаптация, социальный работник, школьник, взаимодействие, ресоциализация.

Keywords: socialization, adaptation, social worker, student interaction, resocialization.

С первых дней обучения перед школьником возникает ряд сложностей и трудностей, которые требуют концентрации его умственных, психологических, интеллектуальных и физических сил. Для детей сложными оказываются многие стороны школьного процесса: им трудно выполнять задания учителя, сложно сконцентрировать свое внимание, трудно целый день сохранять спокойствие и концентрацию, находясь в школе.

Учебная жизнь ребенка протекает в сложно организованной разнообразной по формам и направленности среде. По своей природе эта среда является социальной, так как содержит систему различных отношений ребенка со сверстниками и школьниками другого возраста, педагогами, родителями, другими взрослыми, участвующими в школьном процессе. По своему содержанию она может быть интеллектуальной, эстетической, этической, бытовой [1, с. 73]. Попадая в школьный мир, ребенок каждый раз оказывается перед выбором во всех сферах жизни: как постигать учебный процесс, строить взаимоотношения с учителями, как обращаться со сверстниками, как относиться к требованиям, предъявляемым школой.

Социальный работник – это та категория взрослых, которая способна на профессиональном уровне помочь ребенку преодолеть сложности в адаптации и социализации в новых условиях школьной среды. Именно социальный работник способен применить такую методику работы со школьником, благодаря которой достигается состояние социального равновесия между индивидом и группой сверстников и учителей.

Успешность протекания процесса взаимодействия категорий социальный работник-ученик возможна лишь при наличии несколько условий: доверительные отношения между данными категориями, высокая квалификация социального работника как специалиста, способность школьника к взаимодействию со взрослыми. Если данные условия не будут соблюдены, взаимодействие социального работника и школьника невозможно.

Обучение отличается тем, что школьный процесс предъявляет ко всем ученикам одинаковые требования вне зависимости от эмоционального и психологического состояния ребенка. Деятельность социального работника должна быть направлена на поиск индивидуального подхода к каждому ученику. Невозможность соответствовать школьным требованиям, отклонения от них, девиантное поведение оказываются нежелательными и могут значительно осложнить жизнь школьника [2, с. 223].

Взаимодействие таких агентов, как социальный работник и ученик на разных этапах школьного обучения может протекать по-разному. Различия проявляются не только в отношении и восприятии учеником социального работника. Сама школьная атмосфера не всегда является той средой, в которой социальный работник способен помочь ребенку преодолеть возникшие трудности. Для более детального рассмотрения проблемы взаимодействия двух категорий необходимо рассмотреть основные этапы школьного обучения, которые проходит ребенок: поступление в первый класс, переход в среднее и старшее звено школы.

Социальный работник на первом этапе может стать одним из главных помощников в преодолении сложностей, возникающих у школьников. Для того чтобы не возникло трудностей взаимодействия, социальный работник и ученик должны наладить взаимоотношения друг с другом. В начале школьного обучения сделать это проще, так как вся среда, в которую попадает первоклассник, оказывается новой и незнакомой, следовательно, принять еще одного незнакомого взрослого, кроме учителя, будет гораздо проще. В начале обучения у ребенка происходит перестройка всего привычного мировоззрения, образа жизни, действий и поведения.

Для успешной адаптации и социализации первоклассника к школе необходимо наличие и взаимодействие различных взаимосвязанных факторов: физическое и психическое здоровье, положительное эмоциональное состояние, желание учиться, отсутствие боязни общения со сверстниками, умение адекватно воспринимать замечания и вести себя в обществе.

От отношения социального работника к первоклассникам на начальном этапе адаптации и социализации в школе во многом зависит, как будут складываться их взаимоотношения в дальнейшем, будут они доверительными, или, наоборот, ребенок не сможет открыться и поделиться проблемами в учебном процессе. В большинстве случаев социальный работник для ученика должен стать авторитетом, другом, которому ребенок сможет открыться и рассказать о сложностях, возникающих в школе. Для того, чтобы адаптация первоклассника была успешной и правильной, необходимо развивать у ребенка адекватное и положительное отношение к совместной деятельности с социальным работником.

Отношение специалиста к детям должно характеризоваться большой теплотой и заботой в сочетании с разумной требовательностью, так как несмотря на новый социальный статус, «первоклашки» остаются маленькими детьми. Их психологический уровень и степень адаптированности в обществе не позволяют самостоятельно решать сложные проблемы и переживать неудачи. Соци-

альный работник хорошо понимает, что фундамент развития личности закладывается на первых этапах обучения, и строят взаимодействие со школьниками так, чтобы обеспечить условия для разностороннего совершенствования личности в данный период.

Если говорит о пятиклассниках, такие дети сложнее идут на контакт с социальным работником. Они уже освоили начальное звено школы и в случае положительной адаптации и социализации в школе не нуждаются в помощи социального работника.

На данном этапе возрастает роль семьи, которая является одним из базисных социальных институтов, помогающим ребенку в преодолении трудностей в школе. Общество вмешивается в развитие семьи как непосредственно, так и более тонкими способами. По мере увеличения цены человеческого времени затраты на воспитание детей растут [3, с. 46]. Сегодня заметна тенденция к влиянию на рождаемость цен, доходов и накопления человеческого капитала в детях.

Данная тенденция имеет и ряд негативных последствий, на которые указывают, в первую очередь, авторы, склонные оценивать современное состояние семьи как кризисное. Речь идет о разрыве ценностей поколений, утрате интереса молодых к опыту старших, неприятие пожилыми людьми образа жизни молодых [2, с. 108]. Именно в такой ситуации кризиса семьи необходима помощь социального работника, который сможет адекватно и грамотно оценить эмоциональное и психологическое состояние ребенка.

Рассматривая старшее звено школы, нужно отметить отрицательное отношение учеников к помощи специалистов. Большинство школьников отказываются идти на контакт с социальным работником, считая, что сами способны справиться с трудностями.

Дети в данной возрастной группе очень болезненно воспринимают критику и помощь взрослых, обманчиво считая себя взрослыми и готовыми к самостоятельной жизни. Ни семья, ни школьные учителя не способны стать более серьезным авторитетом для школьника, таким как социальный работник, если сумеет завоевать доверие ученика.

Несмотря на это, дети данной возрастной категории находятся в очень уязвимом состоянии, так как сложность, связанная с адаптацией и социализацией личности, накладывается на переходный, гендерный кризис ребенка (13-16 лет). Помощь социального работника для таких детей крайне необходима, так как только специализированный и профессиональный подход способен помочь ребенку преодолеть сложившиеся трудности.

Взаимодействие категорий социальный работник – школьник на всех эта-

пах развития личности ребенка очень важно. Социальный работник должен мобилизовать все профессиональные навыки и умения, которые позволят ему сформировать доверительные отношения с учеником. Школьники – сложная социальная группа, которые, с одной стороны, уже имеют сформированные ценности, нормы и убеждения, а с другой стороны, остаются детьми, в какой бы возрастной категории они ни находились. От успешности взаимодействия социального работника и школьника зависит дальнейшее развитие личности ребенка и профессионализм специалиста.

Литература

1. Битянова М.Р. Организация психологической работы в школе // М.Р. Битянова. М.: Совершенство, 1997. 298 с.
2. Ясюкова Л.А. Психологическая профилактика проблем в обучении и развитии школьников. СПб., Речь, 2003. 384 с.
3. Шульц Т. Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. Женщина, мужчина, семья. 1994. № 6. С. 37-48.
4. Егорова Н.Ю. Современная российская семья: основные тенденции / Н.Ю. Егорова, А.В. Курамшев // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. С. 106-118.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА ПО УСТРАНЕНИЮ АЛЬТЕРОФОБИИ В ШКОЛЕ EFFORTS OF SOCIAL WORKER TO ELIMINATE ALTEROPHOBIC BULLYING IN SCHOOLS

Е.А. Шорыгин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.A. Shorygin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается проблема школьного буллинга на почве альтернативной субкультурной идентичности с точки зрения возможности социальной работы. Анализируется европейский и отечественный опыт применения технологий по социальной работе с акторами альтерофобии.

The present study deals with the problem of school bullying on the basis of alternative subcultural identity from the point of view of the possibility of social work in his intervention. Analyzes the European and domestic experience of technology in social work with actors alterofobic bullying.

Ключевые слова: альтерофобия, буллинг, насилие в школе, молодежные субкультуры, молодежные солидарности, стигматизация, гомофобия, гендерная солидарность.

Keywords: alterofobia, bullying, school violence, youth subcultures, youth solidarity, stigmatization, homophobia, gender solidarity.

На основе своего исследования, подтверждающего факт уязвимости альтернативных субкультур в контексте школьного буллинга, британский психолог Стивен Минтон вводит в научный оборот термин альтерофобия, под которым понимается «предвзятое отношение к членам альтернативных субкультур», в том числе к тем, кто выглядят как готы, панки, эмо, скейтеры, поклонники тяжелого металла или слушают любую альтернативную музыку». Предубеждения «основаны на отличном от мейнстрима внешнем виде, музыкальных и других интересах» [1, p. 87].

Наше исследование также показало, что феномен альтерофобии проявляется в самых различных формах, начиная от простого игнорирования и заканчивая побоями и унижением. Распространенность альтерофобии зависит от социокультурного пространства школы, как от администрации и педагогов, так и от самих школьников. Было установлено, что в некоторых школах учителя сами провоцировали насилие по отношению к андрогинным субкультурам, прибегая к публичным унижениям и порицаниям, предвзятому отношению, проявляющемуся в занижении оценок и «заваливании» у доски. Другими словами, интолерантно настроенные субъекты могут находиться на всех уровнях социокультурного пространства школы и общества вообще, в том числе и на уровне семьи. Но тем не менее, наибольший градус агрессии проявляют сверстники, особенно юноши. При этом детерминантами альтерофобного буллинга в школе являются такие личностные характеристики членов субкультурных групп, как андрогинность и нонконформный внешний вид и поведение, а также социокультурные феномены – гомофобия и сексизм.

Социальная работа по решению проблемы альтерофобии

С учетом изложенного выше, роль социальной работы как «конструктивного способа решения социальных проблем и проблем человека» [2, с. 4] выходит на передний план.

Деятельность социального работника в этой связи может быть сфокусирована на различных направлениях, *во-первых*, на профилактике и предотвращении *альтерофобного буллинга (alterophobic bullying)* в школе, *во-вторых*, на работе с членами субкультур, ставшими жертвами насилия, *в-третьих*, на коррекционной работе с «агрессорами».

К способам интервенции альтерофобии в школе можно отнести следующие шесть методов, описанных австралийским профессором Кеном Ригби:

1. Традиционный дисциплинарный подход, предполагающий применение разного рода санкций с целью наказания виновника.
2. Усиление жертвы – развитие у жертвы более позитивного отношения к себе и уверенного поведения в отношениях с другими.
3. Медиация – способ осуществления мирного урегулирования спора между конфликтующими сторонами с участием третьей нейтральной стороны.
4. Восстановительное правосудие, имеющее целью способствовать «заживлению раны» у пострадавшего от нанесенного вреда.
5. Группа поддержки – развитие у обидчика саморефлексии.
6. Метод разделенного участия предполагает подготовку кадровых ресурсов для борьбы с насилием в школах [3, с. 65-66].

Анализируя опыт европейских стран по борьбе с насилием в школе, можно обнаружить ряд методов, ориентированных, прежде всего, на отдельных учеников, относящихся к группе риска. Например, «карта позитивной отчетности» – обучение социальным знаниям и социальным навыкам, а также подготовку, направленную на поиск путей самоутверждения и повышение самоуважения школьников (программа Патвейс в Ирландии).

«Программа «Метод совместной озабоченности», основанная на принципе «не обвиняй», построена, по оценке А. Пикаса, таким образом, чтобы заставить «агрессоров» изменить свое поведение» [4, с. 214].

Для улучшения климата в школе деятельность социального работника может осуществляться на нескольких уровнях (рисунок 1):

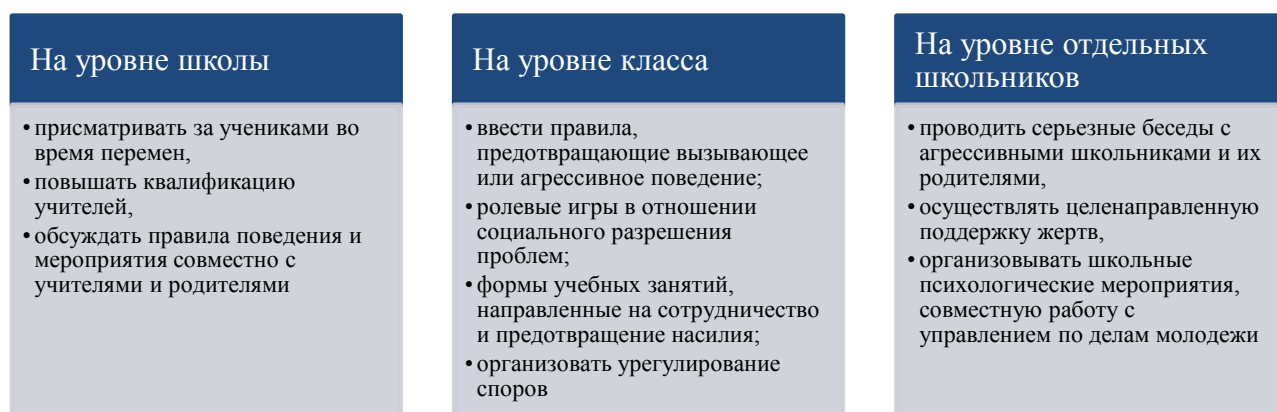

Рис. 1. Уровни деятельности социального работника в школе

Наряду с конкретными технологиями необходимо отметить важность *социальной рекламы* как инструмента превенции и снижения градуса нетерпимости посредством распространения информации о проблеме и путях ее решения

(листовки, брошюры, стенды, плакаты, баннеры в интернете, ролики в медиа пространстве).

Работа во *втором направлении* – непосредственном взаимодействии с молодежными субкультурами может осуществляться с помощью различных организаций, главными направлениями деятельности которых являются социально-профилактические, диагностические, коррекционные, профориентационные, психолого-педагогические, медико-консультационные, информационные, правовые и культурно-досуговые услуги для представителей молодежных субкультур, а также услуги, связанные с социальной адаптацией и организацией временного проживания молодых людей (социальные службы помощи для молодежи, центры социально-психологической помощи молодежи, социально-реабилитационные центры для подростков с девиантным поведением, центры социальной поддержки молодежи, департаменты по делам молодежи).

Необходимо отметить, что основное содержание деятельности социального работника с представителями молодежных субкультур – это создание атмосферы реального сотрудничества и партнерства в отношениях с ними. Специалист обязан постоянно поддерживать доверительные отношения с подростком, расширяя арсенал своих средств воздействия [5, с. 167].

При определении целей и задач социальной работы с членами субкультур основным является понятие «особые социальные потребности». Социальная диагностика при работе с молодыми людьми может быть использована в рамках методов тестирования и полифункциональных методов для выявления их психического состояния. Более широко могут применяться проективные методики в виде рисуночных тестов. Для диагностического использования рисунков очень важно, что они отражают, в первую очередь, не сознательные установки подростка, а его бессознательные импульсы и переживания. К полифункциональным методам социальной работы с «альтернативщиками» можно отнести беседу. Основные требования, которым должен соответствовать социальный работник-диагност при работе с молодым человеком – умение расположить к себе подростка, вызвать доверие и добиться искренности в ответах [5, с. 168].

Таким образом, можно сказать, что социальному работнику, взаимодействующему с представителями субкультур, необходимо знание ряда особенностей, выделяющих язык конкретной субкультуры, а также понимание того, что «через свой сленг субкультуры в процессе языкового общения задают собственные правила коммуникации (оценки и позиции), поддерживая тем самым структуру сообщества и тип межличностных связей [6, с. 91].

Третье направление – работа с «агрессорами» – может осуществляться по двум векторам – *превентивном (профилактическом) и интервенционном (кор-*

реакционном), которые должны осуществляться через совместное сопровождение – комплексную деятельность специалистов образовательных и других учреждений, направленную на развитие у детей и подростков личностных ресурсов, фундаментом которых являются ценности толерантности, гуманности, здорового образа жизни, просоциального поведения, а также формирование психологических навыков, необходимых в разрешении конфликтных ситуаций, в противостоянии влиянию асоциальных и криминальных групп.

В профилактическом направлении социальный работник должен знать и уметь применять различные *диагностические методики* (психологические, педагогические, социологические), основными из которых являются тестирование, анализ документов, наблюдение, беседа, интервью и анкетирование. На основании диагноза специалист проектирует условия, которые обеспечивают оптимальное развитие ребенка.

К приемам *коррекционного взаимодействия* социального работника и его клиента можно отнести: снижение требований к участнику взаимодействия до достижения социальной и психологической адаптации; вовлечение в коллективные виды деятельности, стимулирование развития творческого потенциала и самовыражения; организация ситуаций, в которых молодой человек может достичь успехов, разработка мер поощрения; демонстрация и разъяснение позитивных образов поведения (личный пример, художественная литература, периодика, биография и др.) [7, с. 94].

Таким образом, социальная работа по решению проблемы альтерофобии – это сложная многоаспектная деятельность, осуществляющаяся в нескольких направлениях: работа по профилактике и снижению уровня интолерантности к представителям альтернативных субкультур, превенционная и интервенционная деятельность с агрессором и жертвой, направленная на усиление личностных резервов подростка. Сама проблема альтерофобии в России мало изучена и нуждается в дальнейших исследованиях на междисциплинарном уровне.

Литература

1. Minton S.J. Alterophobic bullying and pro-conformist aggression in a survey of upper secondary school students in Ireland, *Journal of Aggression, Conflict and Peace Research*. 2013. Vol. 4 Iss: 2. Pp. 86-95.
2. Саралиева З.Х. Система социальной работы. Монография / З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2008. 315 с.
3. Мигунова А.В. Возможности социальной работы в решении школьных проблем / А.В. Мигунова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Серия Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 62-67.

4. Романова Е.Н. Опыт использования европейскими странами программ профилактики насилия в школах / Е.Н. Романова // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. Выпуск 9. С. 211-218.
5. Холостова Е.И. Социальная работа с дезадаптированными детьми: Учебное пособие / Е.И. Холостова. 3-е изд., перераб. и доп.: М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. 272 с.
6. Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры / Т.Б. Щепанская. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
7. Социальная работа с молодежью: учеб. пособие для вузов / Под ред. Е.И. Холостовой. М.: Дашков и К, 2009. 311 с.

**МОДЕЛИРОВАНИЕ АДРЕСНОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
ПОМОЩИ НЕБЛАГОПОЛУЧНЫМ СЕМЬЯМ**
**MODELLING OF THE ADDRESS PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICAL
HELP TO DYSFUNCTIONAL FAMILIES**

Н.И. Юртаева

Казанский национальный исследовательский технологический университет

N.I. Urtaeva

Kazan national research technological University

Многообразие форм помощи в профилактике социального неблагополучия семьи. Адресная психолого-педагогическая помощь проблемным семьям. Работа с различными группами проблем современной семьи. Принцип конструктивного сотрудничества как резерв деятельности в интересах семьи и детей. Моделирование как способ социальной работы с семьей в рамках семейно-ориентированного подхода.

Variety of forms of assistance in the prevention of social distress of a family. Address psychological and pedagogical assistance to problem families. Working with various groups of the problems of modern family. The principle of constructive cooperation as an activity reserve in interests of a family and children. Modeling as a way of social work with a family within the family focused approach.

Ключевые слова: социальная защита семьи, моделирование адресной помощи, преодоление семьей кризисной ситуации.

Keywords: social protection of a family, modeling of the address help, overcoming of a crisis situation by a family.

На фоне больших изменений в экономике, финансовой системе в России семья является наиболее уязвимой и нуждающейся в мерах социальной защиты.

Общество заинтересовано в активно действующей семье, способной реализовать собственную жизненную стратегию, обеспечить не только свое выживание, но и развитие. Реальная и полноценная социальная помощь нуждающимся семьям и детям может оказываться работниками социальной сферы.

Невзирая на различные трудности, такие как формирование штатов, нехватка помещений, финансовых ресурсов, недостаточное научно-методическое и информационное обеспечение, работники сети социального обслуживания помогают решению данных проблем.

«Социальное обслуживание» на первый взгляд представляется оказанием натуральной и материальной помощи. Но за всем этим необходимо видеть и повседневную социальную работу с семьей, включающую все аспекты социальной поддержки, реабилитации, адаптации, защиты, а также активизацию потенциала ее собственных возможностей выживания в условиях дестабилизации общества.

Социальная защита семьи и детей сегодня приобрела особую актуальность в связи с динамичными процессами, происходящими в обществе. Это проявляется в значительных ухудшениях материального достатка в многодетной семье, снижении уровня здоровья, повышении заболеваемости и смертности населения, нарастающих явлениях деградации и негативных изменениях генфонда нации. В практику социальной работы активно внедряются различные формы профилактических мер, но их развитие затрудняется отсутствием системного подхода, научной и практической базы [1]. Своевременная социальная защита семей приобретает принципиально значимую роль, вместе с тем ее реализация нуждается в качественно новом подходе, в трансформации содержания методов и форм социальной защиты семьи.

Задачами специализированной психолого-педагогической помощи являются: выявление причин и факторов социального неблагополучия конкретных семей и их потребности в социальной помощи; определение и предоставление конкретных видов и форм социально-экономических, психолого-социальных, социально-педагогических и иных социальных услуг семьям, нуждающимся в социальной помощи; поддержка семей в решении проблем их самообеспечения, реализации собственных возможностей по преодолению сложных жизненных ситуаций; социальный патронаж семей, нуждающихся в социальной помощи, реабилитации и поддержке; анализ уровня социального обслуживания семей, прогнозирование их потребности в социальной помощи и подготовка предложений по развитию сферы социальных услуг [2].

Исходя из традиционных подходов в работе, социальные работники все чаще обращаются к инновационной практике, которая всегда была сложной и

неоднозначной. Источниками социальных инноваций являются изменения внешней среды и возникающие социальные проблемы, которые невозможно решить традиционными методами. Неразрешенность тех или иных социальных проблем дает импульс к разработке новых средств и практик в социальной сфере. Поэтому необходимо выработать научно обоснованную концепцию социальной работы, понятные и убедительные приемы ее организации и проведения, разработать социальные технологии [3].

Сегодня традиционная деятельность государственных организаций и ведомств, включенных в работу с семьей, организована таким образом, что львиная доля усилий направляется на решение проблем, возникших в ситуации уже свершившегося факта в семье. Но в таких ситуациях недостаточно просто внедрить блок профилактических услуг. Неблагополучные семьи не мотивированы на систематическую помощь, часто за ней просто не обращаются. В этой связи требуется разработка и внедрение таких организационно-управленческих механизмов, которые обеспечат доступность профилактических услуг семьям и детям и их высокое качество.

Например, реализация семейноориентированного подхода в работе с детьми признана наиболее эффективной, так как в фокусе внимания специалистов оказывается не только ребенок, но и семья, ее окружение и среда. Этот подход обеспечивает работу с собственными ресурсами всех членов семьи и людей, ее окружающих и требует объединения усилий и совместной работы специалистов разного профиля по конкретному случаю для эффективного решения задач по реабилитации семьи.

Эффективным методом такой работы может быть моделирование. Сейчас трудно указать область человеческой деятельности, где не применялось бы моделирование. В перспективе для каждой системы могут быть созданы свои модели, в том числе и для конкретного случая, ориентированного на социальное обслуживание и поддержку семьи, находящейся в трудной жизненной ситуации. С помощью метода моделирования удастся сводить изучение невидимого к видимому, незнакомого к знакомому [4].

Проводимые практики на обучающих семинарах с социальными работниками Республики Татарстан показали, что участники, активно работая с моделями оказания помощи семьям, сами становились модераторами современных технологий социальной работы: планируя алгоритм действий, руководствуясь принципом конструктивного сотрудничества как резервом деятельности в интересах семьи и детей, описывали предполагаемый результат. Составляя модели, выявляли предполагаемые резервы и ограничения ресурсов семьи. Каждая модель была обусловлена верифицированностью по отношению к реальности.

Комплексная помощь по преодолению кризисной ситуации в семье должна быть направлена на создание таких условий, в которых постепенно приобретаются способности самой семьи к самостоятельному решению своих жизненно важных проблем и полноценному функционированию в социальной среде. Усилия направляются на профилактику социального неблагополучия, предупреждение возможных кризисов, оптимальное использование потенциально положительных резервов социального, трудового и семейного окружения клиентов.

Специалисты в социальной поддержке должны выявлять в окружении клиентов своих потенциальных союзников, оценивать имеющиеся у них созидательные возможности, приводить эти возможности в действие, опираться на поддержку родственников, друзей, коллег, знакомых клиентов, способных внести вклад в решение их жизненных проблем. Особенность социальных проблем заключается в том, что одна социальная болезнь приводит к возникновению целого букета «осложнений» [5], поэтому необходима превентивная работа по выявлению опасных тенденций в социальном нездоровье семьи.

В каждом конкретном обществе в зависимости от его потребностей и от степени осознания этих потребностей концепция социальной работы носит специфический, порой уникальный характер. Это не снижает, а скорее повышает необходимость создания новых форм и методов социальной работы, где были бы предусмотрены возможные теоретические и прикладные модификации, отражающие конкретные социальные, педагогические и психологические условия, в которых данная модель применяется.

Прежние модели "помощи нуждающимся" становятся все менее популярными, практика социальной работы отражает все более развивающуюся демократическую этику. Все социальные программы независимо от того, спроектированы ли они для нужд индивидуумов, групп или сообществ, направлены на то, чтобы освободить скрытые ресурсы и увеличить возможности каждого человека сделать свою жизнь более полной, социально полезной, которая сделает социальную самореализацию возможной для всех членов общества.

Литература

1. Зайнышева И.Г. Технология социальной работы: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Владос, 2000. 240 с.
2. Куприянов Р.В. Функциональный подход к многоуровневой подготовке работников социальной сферы / Р.В. Куприянов, И.Е. Козлова // Вестник Казанского технологического университета. 2012. Т. 15. № 14. С. 220-224.

3. Валеева Н.Ш. Повышение роли социальной работы в обществе в условиях глобального экономического кризиса / Н.Ш. Валеева, Г.Б. Хасанова, Н.М. Иралина // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 186-194.
4. Акмеология: учеб. пособие / Под ред. А.А. Деркача, В. Зазыкина. СПб.: Питер, 2004. 256 с.
5. Куприянов Р.В. К вопросу о подготовке социальных работников разного уровня / Р.В. Куприянов // Вестник Казанского технологического университета. 2010. № 3. С. 110-115.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОТЦОВСТВА И ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

THE COMMON PROBLEMS OF MODERN FATHERHOOD AND THE GENDER-SENSITIVE SOCIAL WORK PRACTICE

А.Л. Янак

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.L. Yanak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются общие проблемы современного отцовства, возникшие в результате трансформации гендерных и семейных ролей мужчины и женщины и модернизации института родительства: проблема соотношения материнства и отцовства, отцовства и маскулинности, трудности отцовско-детского взаимодействия. Автор рассматривает проблемы применения гендерного подхода в социальной работе.

The article describe the common problems of modern fatherhood, resulting from the transformation of gender and family roles and the modernization of parenting: the conflicts between the motherhood and the fatherhood, fatherhood and masculinity, the problem of father-child interaction. The author analyses the problem of applying a gender-sensitive social work practice.

Ключевые слова: институт родительства, отцовство, родительско-детские отношения, гендерные роли, маскулинность, социальная работа, гендерный подход.

Keywords: the parenting, the fatherhood, the parent-child relationships, gender roles, masculinity, social work, gender-sensitive social work practice.

Современное родительство проходит этап институционализации в качестве относительно самостоятельного элемента семейной структуры общества, а

также модернизации, в рамках которой наряду с расширением спектра традиционных материнских и отцовских практик распространение приобретают их альтернативные формы.

По результатам Всероссийской переписи населения 2010 г., наиболее распространенными альтернативными семейными вариациями являются: монородительские семьи, постразводные семьи, сожительства и др. Монородительские семьи стали одним из доминирующих типов семейных домохозяйств и составляют 21% от их общего числа [1]. Сожительства (незарегистрированные партнерские союзы) также набирают «популярность» и составляют 13% от общего количества российских семей [2]. Постразводные семьи, которые можно идентифицировать через комплекс отношений с родителями-нерезидентами, по данным 2012 г., затрагивают около 3,2 млн., или 12% детского населения страны [3].

Трансформация гендерных и семейных ролей мужчины и женщины, социокультурная эволюция отцовства постепенно меняют представление о функциональном и социальном наполнении роли отца в семье. Мужчины становятся все более включенными в приватную сферу. Однако помимо позитивных последствий данный процесс обнаруживает различного рода противоречия и конфликты, прежде всего, между отцовством и материнством, отцовством и маскулинностью, а также проблемы в реализации отношений «отец-ребенок».

Первый блок проблем можно конкретизировать как противоречие между изменением соотношения прав и обязанностей отцов и матерей, пересмотром роли и значимости мужчины в семье, увеличением его вклада в воспитание детей, с одной стороны, и сохранением ряда традиционных требований, ожиданий и паттернов поведения за отцом – с другой. В доиндустриальном и индустриальном обществе рамки соперничества мужчин и женщин были жестко социально фиксированы. Интеграция женщин в профессиональные отношения позволила им конкурировать с мужчинами на макросоциальном уровне, внести коррективы в распределение властных отношений между полами и снизить уровень гендерной поляризации [4]. Вследствие увеличения доли женщин в публичной сфере сокращаются их временные и энергетические инвестиции в воспитание детей, которые восполняются отцами и/или другими субъектами и институтами заботы. При этом, несмотря на желание и способность современных женщин прокормить семью, на тенденцию к предпочтению эгалитарной модели семьи в развитых обществах, за мужчиной сохраняется социальная конструкция «кормилец» или «первичный кормилец» семьи, семейная сегрегация по-прежнему имеет место быть, а к равноправию родителей применяется скорее ситуативный подход [5]. Тем не менее, выполняя больший по отношению к

традиционному спектр функций, современные отцы демонстрируют новые поведенческо-стилевые образы, классифицируемые как «отсутствующий отец», «ответственный отец», «новый отец» и т.д. [6, 7]. Заимствование отцами части поведенческих особенностей, свойственных матерям и составляющих основу психологизации родительско-детских отношений, а также обратный процесс передачи части мужских качеств женщинам, означают несоответствие новых форм отцовства традиционной модели маскулинности, с одной стороны, и выработку новых моделей маскулинности – с другой [8].

Третий блок трудностей в общем виде можно представить как интегральную проблему успешности реализации отцами своей родительской роли, включающую степень вовлеченности отцов в заботу о детях, мотивацию и ценностные ориентиры субъектов данных отношений, уровень удовлетворенности процессом и результатами взаимодействия и т.д.

Очевидно, что рассмотренные выше категории проблем имеют гендерную специфику, поэтому требуют использования механизмов гендерного подхода к их диагностике, анализу, планированию и реализации эффективных терапевтических мероприятий. Также важно понимать, что корректное применение данного подхода в рамках социальной работы предполагает учет гендерной идентичности не только получателей социальных услуг (в контексте нюансов поведения, форм проявления проблем, ресурсности и стратегий решения возникающих трудностей мужчин и женщин), но и сотрудников социальных служб в процессе их взаимодействия. Мужчины – редкие клиенты учреждений социального обслуживания населения, где, как правило, даже не ведется их статистический учет. Для большинства обратиться за помощью к профессионалам означает факт признания собственной слабости, мужской несостоятельности и социальной некомпетентности. Страх «навешивания ярлыков» и приобретения статуса «нуждающейся в поддержке категории» являются главными психологическими барьерами мужчин, препятствующими презентации проблем, а порой их осознанию (хотя замалчивание или игнорирование трудностей могут служить своеобразной копинг-стратегией). При этом фактором интенсификации данной проблемы служит феминизация социальной работы. Нельзя не заметить, что подавляющая часть сотрудников и клиентов социальных служб – женщины. Поэтому мужчины/отцы предпочитают справляться с возникающими трудностями самостоятельно (в том числе с участием близких) или в рамках неформальных мужских/отцовских сообществ (ассоциаций, групп самопомощи и т.д.). Групповая терапия сегодня становится актуальной, востребованной и перспективной формой работы над проблемными ситуациями современных отцов по нескольким причинам: применение субъект-субъектного подхода в ре-

шении проблем (возможность не только получать, но и оказывать помощь); личностный рост, самореализация и трансляция опыта; адекватная и комфортная самоидентификация и др.[9].

Таким образом, практические рекомендации по повышению эффективности социальной работы с отцами связаны, прежде всего, с расширением возможностей применения гендерного подхода к оказанию социальных услуг: расширение знаний об актуальных тенденциях в супружеской и родительской сферах; учет гендерных аспектов поведения, специфики трудностей и их проявления; применение особых методик и технологий работы (групповая терапия, тренинги); участие в работе и/или организации отцовских групп само- и взаимопомощи; расширение знаний и информационной базы о действующих отделениях помощи, ассоциациях и сообществах и т.д.

Литература

1. Итоги всероссийской переписи населения 2010 г. Доступ через <http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol6/pub-06-03.pdf>. Дата обращения 03.10.2015/
2. Егорова Н.Ю. Современное супружество: модели отношений / Н.Ю. Егорова// Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 4 (32). С. 20-26.
3. Ржаницына Л.С. Алименты в России: анализ проблем и стратегия в интересах детей. Проект Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2012. 231 с.
4. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 99-115.
5. Хаким К. Модели семьи в современных обществах: идеалы и реалии / Пер. с англ. А.Л. Янак // Социальные науки: Реферативный сборник / Составитель и научный редактор З.Х. Саралиева. Вып. 9. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2014. С. 165-185;
6. Клещина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе, 2009, № 3. С. 29-41.
7. Рождественская Е.Ю. Отцовство: Либеральный тренд от «отца» к «папе»?// Социологический журнал. 2010, № 3. С. 75-89.
8. Чикалова Е.А. Исследования отцовства и маскулинности: точки пересечения // Женщина в российском обществе, 2012, № 2. С. 43-53.
9. Янак А.Л. Роль социального работника в организации и проведении групповой терапии семейных кризисов (на примере отцовских семей) // Надежды: Сборник научных статей студентов. Вып. 9 / Научный редактор З.Х. Саралиева. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2015. С. 174-181.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ:
СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ,
ПРАКТИКИ И ИННОВАЦИИ

ДОКЛАДЫ

**ОБ ИННОВАЦИОННЫХ ПОДХОДАХ К ОРГАНИЗАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ И СЕРВИСОВ ДЛЯ СЕМЕЙ И ДЕТЕЙ,
НАХОДЯЩИХСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ
И СОЦИАЛЬНО ОПАСНОМ ПОЛОЖЕНИИ,
АПРОБИРУЕМЫХ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ
ПРИ УЧАСТИИ ФОНДА ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ
В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ
(УСЛУГИ ДЕТЯМ-ИНВАЛИДАМ, ДЕТЯМ, ПОСТРАДАВШИМ ОТ
НАСИЛИЯ, МОЛОДЫМ СЕМЬЯМИ)**

**INNOVATIVE APPROACHES TO THE ORGANIZATION
OF SOCIAL SERVICES FOR FAMILIES AND CHILDREN
IN DIFFICULT SITUATIONS AND SOCIAL RISK CONDITION,
TESTED IN THE NIZHNY NOVGOROD REGION
IN THE FRAMEWORK OF THE REGIONAL PROGRAMS WITH
THE PARTICIPATION OF THE FUND OF SUPPORT
FOR CHILDREN IN DIFFICULT SITUATIONS
(SERVICES FOR CHILDREN WITH DISABILITIES,
CHILDREN-VICTIMS OF VIOLENCE, YOUNG FAMILIES)**

Е.В. Барышникова

*Начальник управления социальной семейной политики министерства
социальной политики Нижегородской области*

E.V. Barushnikova

*Head of social family policy office
of the Nizhny Novgorod Region Ministry of social policy*

Хотелось бы уделить внимание тем приоритетным направлениям работы, которые позволили активизировать поддержку профессиональных сообществ специалистов, работающих с семьями, воспитывающими детей-инвалидов, с неблагополучными семьями, разработать, апробировать и внедрить в практику эффективные методики адресного предоставления новых социальных услуг, направленных на поддержку молодой семьи, сокращение семейного неблагопо-

лучия, социального сиротства, детской безнадзорности.

Pay attention to the priority areas of work which allow to intensify support for professional communities of professionals working with families with disabled children, dysfunctional families, develop, test and put into practice effective techniques address the provision of new social services aimed at supporting young families, reduction of family problems, social orphan hood, child neglect.

Ключевые слова: инновация, социальная услуга, социальный сервис, региональная программа, Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Keywords: innovation, social services, regional program, the Fund to Support Children in social risk situation.

Жизнь требует совершенствования действующей системы государственной социальной поддержки нижегородских семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Перед нами стоят две важные задачи: повысить качество их жизни и уровень социального обеспечения, чтобы вывести семью в социальную зону самообеспечения, когда семья сможет самостоятельно продолжать выполнять свои основные функции по воспитанию и развитию детей без вмешательства и помощи государства.

Приоритеты реализации государственной семейной политики региона в настоящее время и в среднесрочной перспективе – это раннее выявление семей в социально опасном положении, профилактика социального сиротства и всех форм неблагополучия семьи и ребенка, развитие ресурсности и стабильности семьи, ее самодостаточности и самообеспеченности, воспитания ребенка ненасильственными методами в комфортном семейном окружении.

Основной базой для выполнения этих задач являются как государственная программа «Социальная поддержка граждан в Нижегородской области», так и региональные программы, поддержанные и софинансируемые Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, с которым мы давно и активно сотрудничаем. Каждая региональная программа – это, по сути, специальный проект, направленный на решение конкретной задачи, помощи целевой группе семей с детьми.

Дети-инвалиды всегда были приоритетной категорией получателей социальных услуг во всех типах учреждений социального обслуживания населения. По состоянию на 01.04.2015 г. в органах социальной защиты на социальном патронаже состоят 8782 семей с детьми-инвалидами и 9517 детей-инвалидов, что составляет 75% от общего числа детей-инвалидов (12700 человек).

Социальная реабилитация в учреждениях социальной защиты населения осуществляется в рамках индивидуальной программы реабилитации ребёнка-инвалида.

Система комплексного сопровождения семей с детьми-инвалидами начала создаваться в регионе с 2009 г. в рамках региональной программы «Равные возможности» – победителя первого конкурса программ субъектов Российской Федерации Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. В ходе реализации данной региональной программы в 2009-2011 гг. проведена следующая работа: созданы службы сопровождения семей с детьми-инвалидами; формирование системы творческой и социокультурной реабилитации детей-инвалидов; развитие системы психолого-педагогической помощи детям; повышение ресурсного потенциала родителей, воспитывающих детей-инвалидов.

Совершенствование форм социальной реабилитации детей-инвалидов было продолжено в рамках региональной программы «Мы – как все» 2012-2014 гг.

Объём софинансирования Фонда по двум программам составил более 50 млн. руб.

С созданием новых сервисов – служб сопровождения семей, воспитывающих детей-инвалидов, в государственных учреждениях социального обслуживания населения возникли условия для регулярного доступного социального психолого-педагогического сопровождения семей с детьми, в том числе по месту жительства. Сегодня в каждом муниципальном образовании области работают такие службы сопровождения. Всего в 2014 г. в учреждениях социального обслуживания населения Нижегородской области получили услуги более 5000 семей, воспитывающих детей-инвалидов.

Основными направлениями работы в службах сопровождения являются: оказание помощи семьям с детьми раннего возраста; коррекционно-развивающие занятия с детьми-инвалидами, в том числе в специально-оборудованных кабинетах (лекотеках); психологическое, юридическое консультирование детей и родителей; социокультурная и творческая реабилитация; спортивно-оздоровительные мероприятия; социально-бытовая адаптация и социализация детей-инвалидов; деятельность комнат проката «В помощь семье».

В 2013-2014 гг. в реабилитационных центрах для детей и подростков с ограниченными возможностями Городецкого, Павловского районов, городов Арзамас, Дзержинск и в центре помощи семье и детям «Дом» Сормовского района г. Нижнего Новгорода были открыты лекотеки. В специализированных кабинетах для детей раннего возраста с нарушениями в развитии организованы

коррекционно-развивающие занятия и игровые сеансы, для дальнейшего обучения в дошкольных образовательных учреждениях и школах. Всего в лекотеках в 2014 г. получили услуги 489 детей.

Большое внимание уделяется психолого-педагогической поддержке детей с нарушениями в развитии, а также их родителей. Популярностью пользуются сенсорные комнаты. В 2014 г. занималось более 1000 детей, имеющих различные заболевания.

В учреждениях работают интегрированные творческие мастерские с участием детей-инвалидов и их здоровых сверстников, в том числе совместно с родителями. В год около 2000 детей посещают такие занятия. Работают швейные и гончарные мастерские, полиграфические и фото-студии, кружки по декоративно-прикладному творчеству. Совместно с учреждениями культуры организуются выставки работ, выполненных руками детей совместно с родителями. Большой популярностью пользуются театральные мастерские.

На базе 11 учреждений социального обслуживания населения оборудованы комнаты социально-бытовой адаптации для подростков с инвалидностью. Здесь дети обучаются элементарным бытовым навыкам, использованию бытовой техники, учатся готовить.

В систему спортивно-оздоровительных мероприятий включены занятия на тренажерах, ЛФК, подвижные игры на воздухе, походы, семейный туризм, спартакиады. Активно дети с инвалидностью посещают и физкультурно-оздоровительные комплексы.

За последние годы стала популярна иппотерапия. Многие учреждения начали сотрудничать с конно-спортивными школами и клубами.

С 2013 г. в учреждениях социального обслуживания населения открылось 6 комнат проката детского реабилитационного оборудования «В помощь семье». Учреждения приобретают развивающие пособия и материалы, технические средства реабилитации. Услуга предоставляется бесплатно. Воспользовались ей 198 семей.

В помощь родителям, воспитывающим ребенка-инвалида, в учреждениях министерства работают «Школы родителей с особым ребенком», где семьи изучают реабилитационные технологии, которые можно применять в домашних условиях. В 2014 г. тренинги в «школах» прошли 908 семей.

Оптимальные условия для интеграции и социализации детей-инвалидов созданы в областном центре социальной помощи семье и детям «Юный нижегородец», расположенном в городском округе Семёновский. Это учреждение работает в режиме круглогодичного загородного центра в лесной зоне, где ежегодно более 300 семей с детьми-инвалидами проходят реабилитацию: ЛФК,

психологические тренинги с родителями, игровая, творческая деятельность и организация досуга. Работает отделение иппотерапии. Социальными партнёрами в организации смен являются некоммерческие общественные организации.

Особое внимание уделяется одарённым детям-инвалидам. С 2007 г. детям-инвалидам в возрасте от 10 до 18 лет ежегодно из средств областного бюджета выплачиваются 15 стипендий по 8000 руб. в номинациях: образование и наука, культура и искусство, техническое и прикладное творчество, физкультура и спорт, общественная деятельность. За 8 лет в конкурсе приняли участие 536 человек из всех муниципальных образований Нижегородской области.

Еще одним вызовом времени, на который отвечают своей работой учреждения социального обслуживания, необходимо рассматривать профилактику насилия и жестокого обращения в отношении детей. Министерством выстроена система работы подведомственных учреждений по организации реабилитации несовершеннолетних, подвергшихся насилию и жестокому обращению. В этой работе задействованы все 56 государственных казенных и бюджетных учреждений социального обслуживания семьи и детей, на базе которых действуют междисциплинарные команды по оказанию помощи детям, пострадавшим от насилия и жестокого обращения. Ежегодно оказывается помощь более 5000 детей, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В 2014 г. стартовала региональная программа «Профилактика насилия и жестокого обращения с детьми, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Нижегородской области» на 2014-2015 гг.» (далее – Программа), утвержденная постановлением Правительства Нижегородской области 17 апреля 2014 г. № 258 и софинансируемая Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (далее – Фонд).

В рамках реализации Программы внедрена технология социально-психологического сопровождения детей, пострадавших от насилия и жестокого обращения. Открыты новые социальные службы: комнаты дознания для внедрения модели опроса несовершеннолетних и проведения следственных действий, дружественных ребенку (далее – Комната дознания), на базе трех государственных учреждений социального обслуживания семьи и детей: ГКУ «СРЦН «Улыбка» Автозаводского района г. Нижнего Новгорода», ГБУ «ЦСПСД г. Арзамаса», ГКУ «Социальный приют для детей и подростков городского округа Семеновский». За счет средств гранта Фонда в данных учреждениях приобретено необходимое оборудование для оснащения Комнат дознания, в том числе мягкая мебель, детские игрушки, анатомические куклы, а также технические средства фиксации показаний (видеоаппаратура) с целью записи информации, полученной в ходе беседы с ребенком и дальнейшего ее

использования в суде.

На базе Комнат дознания в ходе проведения следственных действий и мероприятий следователь с согласия родителей (законных представителей) привлекает к работе с ребенком психолога учреждения социального обслуживания семьи и детей, который помогает предотвратить психологическую травматизацию пострадавшего ребенка, создает условия, облегчающие дачу несовершеннолетними показаний, с помощью доверительного общения с ребенком или подростком организует комплекс социально-реабилитационных мероприятий с пострадавшим несовершеннолетним и его семьей. В 2014 г. организовано целевое обучение психологов государственных учреждений социального обслуживания семьи и детей, работающих с детьми, ставшими жертвами насилия.

В 2014 г. в рамках реализации Программы в г. Нижнем Новгороде открыта первая в регионе «кризисная квартира» – убежище для членов семей, пострадавших от домашнего насилия, находящихся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации. Государственным казенным учреждением «Областной социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Бригантина» в социальном и финансовом партнерстве с Нижегородской областной общественной организацией «Нижегородский женский кризисный центр» организована работа по социальному сопровождению клиентов «кризисной квартиры». Услугами «кризисной квартиры» в качестве временного убежища пользовались женщины и дети, пострадавшие от домашнего насилия, находящиеся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации. Клиентам «кризисной квартиры» оказывалась специализированная комплексная помощь: социально-бытовые услуги (временное проживание семьи в «кризисной квартире» с предоставлением условий для безопасной жизнедеятельности); социально-психологические услуги (экстренная психологическая помощь, психологическая диагностика, психологическое консультирование, психологическая коррекция членов семьи); социально-правовые услуги (консультирование по вопросам предоставления мер социальной поддержки семье, юридическим вопросам, оказание помощи в оформлении документов).

В 2014 г. на базе 10 государственных учреждений социального обслуживания семьи и детей открыты мобильные центры Безопасного Интернета для работы с семьями и детьми в трудной жизненной ситуации. Нижегородским областным общественным благотворительным Фондом помощи детям-сиротам при поддержке министерства социальной политики Нижегородской области проводилась работа по разработке инновационной программы социально-психологической помощи детям, находящимся в трудной жизненной ситуации, при использовании сети Интернет. Цель подготовки данной специализирован-

ной программы – снижение рисков от противоправного контента и негативного влияния информации в сети Интернет, приносящих вред физическому и духовно-нравственному развитию детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, повышение уровня их информационной безопасности и психологической защищенности в сети Интернет.

Основной акцент в инновационной программе сделан на активизации внутренних социально-психологических ресурсов ребенка, формировании у него и его ближайшего окружения активной и ответственной позиции, которая обеспечивает собственную физическую и психологическую безопасность при использовании Интернет-пространства. В ходе обучения детей использовались различные формы: интерактивные лекции, видео-презентации, тренинги с элементами фокус-групп и мозгового штурма, дискуссии, ролевые игры, мастер-классы. Основные темы занятий с детьми: знакомство с Интернет-угрозами и Интернет-рисками, самозащита и умение ребенка противостоять чужому влиянию в Интернет-пространстве, программная защита компьютера и домашних мобильных устройств, кибер-независимость подростка.

Приоритетным направлением государственной семейной политики является стратегия детствосбережения. Особым ресурсом для реализации нового этапа стратегии детствосбережения и ранней профилактики семейного неблагополучия в Нижегородской области являются молодые семьи и семьи, имеющие детей младшего возраста. Молодая семья является наиболее социально уязвимой и неустойчивой, в большинство из них не имеют родительского опыта, достаточных материальных и жилищных условий, стабильной работы и доходов, подвержена психологическим кризисам и внешнему негативному вмешательству. В то же время именно молодая семья обладает большим количеством «реабилитационного потенциала», то есть находится в ситуации, когда можно быстро и действенно исправить негативные жизненные и социальные сценарии. Экономические и социальные инвестиции в молодую семью являются более эффективными, с точки зрения результата помощи, – сохранения ребенка в кровной семье и вывода семьи в зону социальной стабильности и саморазвития. Именно молодые семьи с маленькими детьми, как правило, находятся на ранних этапах семейного неблагополучия, где эффективно можно применять поддерживающие, патронажные, консультационные и иные профилактические социальные программы и наиболее обоснованными и результативными являются меры, не связанные с изъятием ребенка из родной семьи, а направленные на восстановление способности и возможностей семьи заботиться о ребенке.

В связи с этим с 2013 г. министерством социальной политики Нижегородской области реализуется региональная программа «Социальный навигатор:

современные эффективные социальные услуги для молодых семей с детьми младшего возраста» при софинансировании Фонда поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В рамках Программы на базе учреждений социального обслуживания семьи и детей созданы новые социальные сервисы и услуги для молодых семей и семей с детьми младшего возраста, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении.

В 20 муниципальных районах Нижегородской области на базе учреждений образования, культуры и спорта созданы клубы для молодых семей с маленькими детьми. Деятельность клубов направлена на оказание поддержки и содействия молодым семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, в решении их проблем и осуществляется при поддержке министерства спорта и молодежной политики Нижегородской области, районных управлений спорта и молодежной политики, районных администраций, общественных организаций. Общественные клубные объединения входят в состав региональной общественной организации «Ассоциация молодых семей Нижегородской области». В клубах проводятся встречи молодых семей с представителями органов власти, общественными деятелями, проведены досугово-развлекательные мероприятия, консультации семей с детьми с привлечением специалистов – педагогов, психологов, юристов, семинары, тренинги по повышению уровня родительской компетенции, гармонизации детско-родительских отношений. Члены клуба активно участвуют в проведении районных и областных молодежных акций, фестивалей, конкурсов, спортивных, культурных и туристических мероприятиях. Клубы объединяют более 500 молодых семей.

На базе ГКУ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Ласточка» Нижегородского района г. Нижнего Новгорода» создана служба профилактики отказов от новорожденных. Деятельность службы направлена на сокращение числа отказов от новорождённых детей, оказание услуг по социально-медико-психологическому сопровождению женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в связи с рождением ребёнка. В работе со случаями отказов от новорожденных применяется новая технология – «работа со случаем», которая состоит из 4 основных этапов: выявление женщины с намерением или фактом отказа, оперативное реагирование на сигнал отказа, работа по изменению решения об отказе, сопровождение женщины с ребёнком, изменившей решение об отказе. Ежегодно специалистами рассматривается более 13 кризисных случаев, в 50% из них удается предотвратить отказ от новорожденного.

На базе учреждений социального обслуживания семьи и детей созданы

3 службы раннего вмешательства (ГБУ ЦСПСД г. Арзамаса, ГКУ ЦСПСД «Гармония» Балахнинского района, ГКУ СРЦН «Солнышко» Ленинского района г. Нижнего Новгорода»). Деятельность Служб направлена на предоставление квалифицированной междисциплинарной семейно-центрированной помощи ребенку с целью содействия его оптимальному развитию и адаптации в обществе, обеспечения перехода ребенка и семьи в другие структуры после окончания программы индивидуального сопровождения. Клиентами Службы ранней помощи являются дети, которые имеют отставание в развитии, проживают в условиях социального риска, подвергавшиеся насилию, входящие в группу биологического риска.

Открыт пункт бесплатного социально-правового консультирования молодых семей «Семейное право», где молодым семьям оказывается профессиональная юридическая помощь. В пунктах предоставляются молодым семьям, услуги бесплатных юридических консультаций. Ежегодно более 500 семей получают бесплатные юридические консультации.

Открыты 3 пункта социального проката специализированного оборудования для развития детей младшего возраста – «Социотека» на базе учреждений социального обслуживания семьи и детей (г. Арзамас, г. Дзержинск, г. Нижний Новгород Ленинский район). Молодым семьям с детьми, находящимся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении, предоставляется комплексная социальная услуга по временному обеспечению специализированным оборудованием для развития детей младшего возраста. Для родителей – проводится инструктаж по его эффективному и правильному использованию. Во временное пользование семьям предоставляются средства мебели, игрового оборудования и инвентаря, товары первой необходимости. Ежегодно более 150 мам с новорожденными детьми получают услуги социального проката.

Открыты 5 «Офисов семейного наставника» на базе учреждений социального обслуживания семьи и детей (Тонкинский, Городецкий, Пильнинский, Арзамасский районы Нижегородской области, Автозаводский район г. Нижнего Новгорода). Деятельность Офисов направлена на оказание комплексной социальной услуги по сопровождению молодых семей с детьми, находящихся в трудной жизненной ситуации, семейными наставниками из числа успешных женщин – руководителей предприятий и организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, лидеров общественных движений. Семейные наставники оказывают помощь и поддержку в решении семейных проблем: в получении образования, трудоустройстве, улучшении жилищных условий, лечении от алкоголизма и наркомании, оказании юридической, бытовой, материальной, психологической помощи. Подбор Семейного наставника осуществ-

ляется с учетом индивидуальных особенностей молодой семьи и его возможностей оказания содействия в решении этих проблем. В целях повышения эффективности работы с семьями созданы Советы семейных наставников. Помощь семьям оказывают 50 семейных наставников из числа женщин – руководителей предприятий, организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, руководителей некоммерческих организаций. Помощь оказана 55 молодым семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации.

Подводя итоги, следует отметить, что эта работа будет продолжаться. И продолжением ее станет, в том числе, и создание новых социальных услуг и сервисов, реализация которых будет способствовать не только помощи неблагополучным семьям, но и формированию позитивного отношения в обществе к семье, к ребёнку, к материнству.

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
РАЗЛИЧНЫМ ГРУППАМ НАСЕЛЕНИЯ**
**SOCIAL ASSISTANCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
FOR THE DIFFERENT GROUPS OF THE POPULATION**

Н.Ф. Басов, Е.Ю. Смирнова
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
N.F. Basov, E.U. Smirnova
Nekrasov Kostroma State University

Рассматриваются различные направления социальной помощи Русской православной церкви незащищенным группам населения, указываются ее основные объекты и социальные технологии. Приводятся практические примеры благотворительной деятельности РПЦ.

The article discusses the various areas of social assistance of the Russian Orthodox Church for unprotected groups, it is indicated the basic facilities and social technologies. It is provided the practical examples of charitable activities of the ROC.

Ключевые слова: благотворительность, приют, Русская православная церковь, служение, социальная помощь.

Keywords: charity, shelter, Russian Orthodox Church, service, social assistance.

Последние десятилетия были отмечены бурным развитием различных направлений социального служения Церкви. При многих храмах и монастырях возникли и успешно развивают свою деятельность благотворительные столо-

вые, детские приюты, богадельни, патронажные службы. Созданы десятки сестричеств и братств, основной целью которых является оказание продовольственной, медицинской и другой помощи наименее социально защищенным категориям населения.

Социальная деятельность, реализуемая посредством служения людям с ограниченными физическими возможностями, является одним из самых очевидных средств помощи нуждающимся, в соответствии с евангельской заповедью, предписывающей любить ближних (Мк. 12:31). Люди с ограниченными возможностями и способностями являются особым объектом внимания Русской Православной Церкви.

Приоритетные направления деятельности Русской Православной Церкви в отношении пожилых людей и инвалидов намечены патриархом Московскими всея Руси Кириллом 23.XII.2009 г. в г. Москве на епархиальном собрании. Особое внимание, по словам патриарха, следует уделить вопросу о подготовке специалистов, способных организовать на приходском уровне полноценную социальную работу. Говорилось также о необходимости введения должности социального работника в каждом приходе. В настоящее время прорабатывается возможность создания специального центра подготовки таких кадров на базе одного из вузов Москвы.

Социальная работа РПЦ с инвалидами осуществляется по ряду направлений: сотрудничество лечебно-профилактических учреждений с храмами, уход за больными, борьба с алкоголизмом, наркоманией, табакокурением, взаимодействие в решении проблем биомедицинской этики, медико-просветительская (профилактическая) деятельность, взаимодействие в сфере помощи инвалидам, терминальным больным, конференции и семинары как форма взаимодействия медицинской и православной общественности, медицинская помощь верующим, сотрудничество в сфере медицинского образования, объединение православной медицинской общественности, деятельность Церкви по реабилитации лиц, пострадавших в тоталитарных сектах (православная, святоотеческая психотерапия), подготовка священнослужителей для больничных храмов, совместное издание материалов медицинской направленности, международные программы сотрудничества.

Основными формами работы с пожилыми людьми и инвалидами Церкви являются:

1. Оказание духовной помощи (благотворительные крещения, совершение Таинств на дому, малообеспеченные прихожане могут заказать по телефону обедни, молебны, панихиды и др.).
2. Обеды в благотворительных трапезных (организация бесплатных

обедов для пожилых и инвалидов).

3. Предоставление материальной помощи (во многих Епархиях России оказывается материальная помощь малообеспеченным на погребение; инвалидам и пенсионерам на лекарство и лечение; инвалидам, освободившимся из мест лишения свободы, безработным на проезд; малообеспеченным на оформление документов; инвалидам экстренная помощь на проживание; инвалидам, одиноким пенсионерам, малообеспеченным выдаются наборы продуктов питания, разовое трудоустройство, гуманитарная помощь особо нуждающимся гражданам, приобретение продуктов питания, одежды, праздничных подарков, постельного белья).

В целях усиления организационно-методической помощи со стороны органов социальной защиты социальным службам, которыми располагают приходы, во все епархии, находящиеся на территории Российской Федерации, был направлен примерный договор между территориальным органом социальной защиты и Епархиальным управлением.

24-29 июня 2008 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви «О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви» были приняты Определения Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, касающиеся работы с детьми и молодежью. В документе отмечается необходимость уделять первостепенное внимание созданию новых и поддержке епархиями воскресник школ, православных учебных заведений, предоставляющих среднее образование (лицеев, гимназий), а также дошкольных воспитательных заведений (яслей и детских садов).

Среди приоритетов работы с молодежью Собор назвал создание православных молодежных центров, которые, наряду с непосредственным попечением о молодых людях, могли бы заниматься разработкой и реализацией миссионерских, духовно-просветительных и воспитательных программ. Было признано целесообразным усилить координацию деятельности епархиальных и общецерковных структур, занятых работой с молодежью. Собор счел важным дальнейшее развитие молодежного паломничества, а также православных молодежных и детских организаций, включая спортивные и скаутские. Организации такого рода призываются к поддержанию тесной связи с Церковью, чтобы быть более действенным инструментом воцерковления детей и молодежи.

Для создания условий эффективной воспитательной работы с детьми и молодежью на основе православных традиций в стране открываются Молодежные православные центры. Примером деятельности такого учреждения является Центр «Ковчег» в г. Костроме, который был создан еще в конце 1995 г. при Свято-Серафимовском братстве. Его целью стало создание условий для полно-

ценной и планомерной воспитательной работы с детьми и молодежью на основе православных традиций. В центре работают студии: музыкальная, глиняной игрушки, плетения из лозы, аппликации на ткани, кукольная, православной кухни и другие.

В последние годы в России создаются Православные группы в детском саду и православные детские сады. Их целью является духовно-нравственное воспитание детей, которое осуществляется путем ознакомления в доступной форме с христианским вероучением, библейской историей и богослужением, через участие в таинствах (еженедельное причащение по пятницам всей группой и по воскресеньям с родителями), посещение святых мест, чтение соответствующей художественной литературы, в посильном труде в группе, храме.

В последние годы активно возникают Православные гимназии, школы и лицеи. Это средние учебные заведения, сочетающие общеобразовательные дисциплины с православными. Их основная цель - получение детьми полноценного среднего образования и воспитание их на основе духовно-нравственных традиций православия.

Одним из учреждений, активно работающих с детьми и молодежью, является Патриарший Центр Духовного Развития Детей и Молодежи. Целью его деятельности является содействие формированию духовно развитой личности человека на основании христианских (православных) ценностей. Приоритетными категориями граждан, охваченных деятельностью Центра, являются дети, подростки, молодежь, молодые семьи до 30 лет.

В настоящее время начинается по существу новый этап в милосердно-благотворительной деятельности Русской православной церкви, который выражается в посильной заботе о детях, оставшихся без попечения родных, их воспитании и обучении через разветвленную сеть православных детских домов (приютов).

Примером эффективной работы православного приюта является опыт Ковалевского Детского Дома в Нерехтском районе Костромской области. Цель данного учреждения – воспитание гармоничной, свободной и творческой личности гражданина и патриота, которое возможно лишь в лоне православной традиции, свидетельством чего является тысячелетняя история России. В настоящее время в детском доме более 40 детей, из них 8 воспитываются в православных семьях, проживающих в городе и районе.

Таким образом, накоплен немалый опыт работы епархий Русской православной церкви по социальной поддержке инвалидов, пожилых людей и работе с детьми и молодежью. Важно отметить также многообразие форм и методов этой деятельности.

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ THE RIGHT TO HEALTH AS A SOCIAL LAW

М. Борковски

Гданьская высшая школа, Польша

M. Borkowski

Gdańska Szkoła Wyższai

Право на охрану здоровья относится к так называемому «второму поколению» прав человека и к правам «второго сорта», несмотря на то, что они имеют отношение к благополучию каждого человека. Многочисленные нормы международного права подчеркивают необходимость и потребность выделения этого права, однако деятельность государств не всегда свидетельствуют о надлежащем понимании его сути. Право на охрану здоровья как социальная правовая норма очевидно как безусловная обязанность, а не правовая основа. Сфера действия права на охрану здоровья независима от экономической или политической ситуации. Это свидетельствует об инструментальном толковании властью как самого права, так и его потребителей. В этой связи необходимы дополнительные усилия для обеспечения права на охрану здоровья как социального права, создавать фундаментальные основы для его функционирования, основываясь, прежде всего, на благополучии и интересах человека.

The right to health is included in the so-called. The second generation of human rights, despite the fact that affects the well-being of every human being is seen as the right to «second-class». Numerous regulations of international law emphasize the necessity and reasonableness of isolation that right, but action by the Member does not always indicate proper sense of the law. The right to health care as a social right is seen so «necessary obligation» and not a fundamental right. The scope of the right to health made subject to the economic and political situation, and the approach governing the treatment of instrumental demonstrates both the right and the beneficiaries. Effort must be made to the right to health as a law Subsistence create a sound basis for its functioning taking into account first of all the good and the interest of man.

Ключевые слова: социальный закон, права человека, фундаментальное право, право на охрану здоровья.

Keywords: social law, human rights, fundamental right, the right to health protection.

Social law is a term difficult to define. It does not create an independent branch

of law, but more often the topic of «social rights» is taught at numerous universities in different subjects such as labor law, administrative law, the science of public health, social policy. Changing conditions, among others, political, social and economic causes the need to stabilize the situation and affect the need to clarify this definition and even the duty to create a distinct branch of law. This is undoubtedly a very difficult task, especially if one takes into account the very wide range of subjective and objective to underpin the separation of this branch of law.

The scope of social law (Sozialrecht) in Germany includes: social security – social care, provision of supplies type of compensation and medical benefits [1]. On the other hand, in Belgium and France, the social right (droit social) has the importance of a more open and is used for determining the total labor law and social security law [2].

It should be made clear that «social law» should have a very broad and open nature and its scope should include, inter alia, selected elements: the right to work, social security, social welfare, protection of basic services related to the performance of any work, regardless of the form the employment relationship or the protection of the right to health.

Proper definition of the scope of the «social law» is further complicated by the presence of such notions as «social policy», «social policy», «social guarantees» or «social security» that in any way shape their fields of interests.

It should also be noted that even among the distinguished experts on human rights issues there is disagreement as to the single, clear allocation of rights and the use of unified terminology. In numerous studies concerning human rights are often used interchangeably the terms «social rights» and «social rights», while the other clearly states the existence of documents which distinguishes between social rights and social rights [3], which ranges, although to a large extent overlap you can see the differences in the systematization and scope of the these rights.

The issue of social rights [4] is of particular importance after the end of World War II, which was reflected in the amount of regulations relating to the issue. Undoubtedly, the most important of them include: the Universal Declaration of Human Rights of 10 December 1948., (Hereinafter UDHR), which, in Article XXII states that every person (...) has the right to social security and is entitled to implement (...) its powers economic, social and cultural rights (...). [5] Another important acts of international law, in which reference is made to the health issues are: the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights of 19 December 1966. (Hereinafter ICESCR) [6]; The European Social Charter of 19 October 1961. [7] (hereinafter: EKS) whether the Charter of Fundamental Rights of 12 December 2007. (Hereinafter: CFR) [8].

Of course, these were only the acts of fundamental importance, because in a short article it is impossible to mention all documents in the field of social law. Also omitted were the regulations contained in the Treaties establishing the European Community and later the European Union. Also dropped from the analysis of the documents of the World Health Organization, even one as important as the WHO Constitution contains a definition of health. Limitations of editorial text also prevent the exchange – even exemplary – several documents particulars relating directly to the typical social rights [9].

In each of the above-mentioned acts of fundamental social rights mentions the right to health. And so, in Article XXV UDHR it speaks of the right to adequate standard of living, consisting of (...) medical care and necessary social services, which would ensure health. In addition, in the same article emphasizes the existence of the right to security in the event of unemployment, sickness, disability. The standard of this fundamental right is definite for in Art. 12 ICESCR, which in the mouth. 1 reaffirms the right of everyone to the enjoyment of the most important attainable standard of physical and mental health. Duty «States Parties» to take action, the measures necessary to:

- «a) ensure the reduction of the stillbirth and infant mortality and for the healthy development of the child,
- b) improve environmental hygiene and industrial hygiene in all aspects,
- c) the prevention of epidemic, endemic and occupational and other treatment and eradication,
- d) the creation of conditions which would assure to all medical service and medical attention in the event of sickness». – Art. 12, paragraph 2.

As can be seen from the cited article, the scope of the right to health is extremely wide and the law should be entitled to «everyone» which should be read as a right enjoyed by every human being regardless of their origin, religion, education, skin color, place of residence etc. Just be «the man» to take advantage of the right to health. This right so it should be recognized as a fundamental right having an unbreakable bond with human dignity.

In the European system the basis for discussion on the right to health care is an art. 11 EKS. According to the wording, to ensure an effective right to health, the Contracting Parties undertake, either directly or in cooperation with public or private organizations, appropriate measures designed in particular to:

- 1) eliminate as far as possible the causes of diseases;
- 2) ensure that facilities are in counseling and education, to improve their health and the encouragement of individual responsibility in matters of health;
- 3) prevention as possible epidemic, endemic and others.

The content of this article corresponds to article 14, constituting the right to social and medical assistance. Suffice it to mention the commitment «Contracting Parties» to ensure that any person «who is without adequate resources» and «is not able to provide them itself from other sources» to grant «appropriate assistance» in case of sickness – «the necessary care due on her condition» – Art. 13 point 1 EKS.

Charter of Fundamental Rights of the European Union in Article 35 in Title IV – Solidarity – recognizes the right to health. Content of this article gives «everyone» the right of access to preventive health care and the right to benefit from medical treatment under the conditions laid down in national laws and practices. In addition, the definition and implementation of all Union policies and activities to ensure a high level of protection of human health. Indirectly, the right to health is related to Art. 34, with dignity with the content of which, the Union recognizes and respects the entitlement to social security benefits and social services providing protection in case of (...) maternity, sickness, accidents at work.

Analysis of the above-mentioned legal acts and other documents, including treaties establishing the European Communities and the European Union, clearly shows a lack coherence health issues. This is manifested, among others, diversification of the division of powers and creating a range of subject matter area of «health». There are no statutory definition of «health» tells use it in everyday, commonly used sense. This may cause discrepancies related to such categorization. Services or products which affect, affecting human health. Adversely, the scope of the legal framework and the creation of a «right to health» also affects the division of powers between the Member States of the European Union and its institutions.

So we have an unusual situation. Now, health, whose basic principles were outlined in the generally applicable legal acts, in principle belongs to the exclusive competence of the Member States. Its implementation is left to the states that both the subjective and objective scope can shape the way any, depends on many factors, socio – economic, financial possibilities of the particular country. Moreover, the content of other documents that the Union's action in regard to public health, has been limited only to improve public health, prevent illness and diseases, and obviating sources of danger to physical and mental health – art. 168 of the Treaty on the Functioning of the European Union. The wording might cause problems of interpretation and be misused by both the Member States and by the national institutions in the area of health. Undoubtedly, the wording of this article (and all other regulations contained in treaties and relating to the protection of health) highlights subsidiary, complementary nature of the Union in the area of health care. Leaving the independence of countries implementing health policy, the EU institutions knowingly agree to the existence and operation of many different health policies, thus preventing differences

between rules and level of health protection.

With this state of affairs, in the case of health or the right to health, and therefore the right which is a fundamental right of every human being do not agree. As mentioned above, the right to health is associated with human dignity, which is a source of freedom and human and civil rights, constituting a universal value, and therefore, *inter alia*, one that should be essential elements in common. The situation in which a distinction is made of the right to health a fundamental right and at the same time states that it is a social right, and therefore in principle that the law having the character of programming standards, *ie.* Those whose implementation and the realization of them depends on the state, is a denial the idea of the universality of human rights. It is therefore necessary to take all possible measures to bring about a situation in which will be created for example. Uniform range of health benefits applicable to a particular territory and for all the people, every man residing in such an area. Of course, this situation remains in the realm of «dreams and wishful thinking» but efforts must be made to unify the right to health, so that, although the basic scope was available to all people, regardless among others of their origin, skin color, education and above all of their economic status. It should also strive to this «basic range» as wide as possible and not confined to «a minimum». The scope of these basic services, services can be created by independent expert bodies guided by indications and medical needs rather than economic.

The right to health care, in its fundamental, well-defined ranges should not be dependent on any conditions or political and economic factors. Economization of the right to health and life can not, in any case, in any area have the slightest effect on the operation and implementation of these core values. Rudimentary extent of the right to protection of life should have the nature of basic standards, constitutive norms and not just software.

Bibliography

1. Muszalski W. Prawo socjalne, Wydawnictwo Prawnicze PWN, Warszawa 2010, s. 11.
2. *Op. cit.*, s. 12.
3. European Social Charter – Short guide, s.19; K. Paluch (tłumaczenie), Wydawnictwo Prawnicze LexisNexis, Warszawa 2002.
4. W dalszej części publikacji pojęcia: «prawa społeczne» i «prawa socjalne» będą stosowane zamiennie.
5. Tekst Powszechnej Deklaracji Praw Człowieka zamieszczony na stronie internetowej: www.libri.sejm.gov.pl; odczyt:23.07.2015 r. Należy też podkreślić, że występują różnice w tłumaczeniu przywołanego tekstu i w literaturze można

spotkać teksty, w których jest mowa np. o bezpieczeństwie socjalnym – H.F. Zacher, Rozwój prawa socjalnego (w) Zeszyty Naukowe Instytutu Badania Prawa Socjalnego – www.epub.ub.uni-muenchen.de; odczyt: 23.07.2015 r.

6. Dz. U z 29 grudnia 1977 r., № 38, poz. 169.
7. Dz. Urz. WE 1999.8.67.
8. Dz. Urz. UE 2007 C 303/1.
9. Więcej na temat wybranych administracyjnoprawnych aspektów ochrony zdrowia zob. m.in. M. Borkowski, Ochrona zdrowia – wybrane aspekty administracyjnoprawne (w) Zeszyty Naukowe Gdańskiej Szkoły Wyższej, Gdańsk 2013, № 13, rok 2013, s. 10 – 32 i literatura tam przytoczona; M. Borkowski, Zdrowie jako dobro osobiste, (w) Periodyk Naukowy Akademii Polonijnej nr 1/2010, Częstochowa 2010, s. 25-41; W. Lizak, A.M. Solarz (red) Ochrona zdrowia w stosunkach międzynarodowych, Warszawa 2013.

CASE-MANAGEMENT IM SOZIALRAUM КЕЙС-МЕНЕДЖМЕНТ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

H. Bossong

*University of Duisburg-Essen,
Lobachevsky State University of N. Novgorod*

Рассматриваются особенности реализации технологии кейс-менеджмента в социальном пространстве.

Conditions and features of case management in socio-spatial approaches to social work are considered.

Ключевые слова: социальная работа, кейс-менеджмент, социальное пространство, социально-пространственный подход.

Keywords: social work, case management, social space, socio-spatial approach.

Case-Management:

► Case Management ist eine Verfahrensweise in Humandiensten und ihrer Organisation zu dem Zweck, bedarfsentsprechend im Einzelfall eine nötige Unterstützung, Behandlung, Begleitung, Förderung und Versorgung von Menschen angemessen zu bewerkstelligen.

► Case Management ist ein Unterstützungs- und Steuerungsmanagement bezogen auf einen Einzelfall.

► Aufgabe ist es, ein zielgerichtetes System von Zusammenarbeit zu organisieren, zu kontrollieren und auszuwerten, das am konkreten Unterstützungsbedarf

der einzelnen Person ausgerichtet ist und an deren Herstellung die betroffene Person konkret beteiligt wird.

Quelle: <http://www.dgcc.de/case-management/>

Aufgaben:

Die Fallführung auf der „vertikalen“, individuellen Ebene:

- Beratung – Fallaufnahme und Profiling/Assessment
- Planung – was tut Not und wer ist wann am Zug?
- Monitoring – Kontrolle und Optimierung
- Evaluation – Ergebnisbewertung und Dokumentation

Im „horizontalen“, institutionellen System geht es um:

- Bedarfs- und Bestandsaufnahme
- Überblick über die Ressourcen für zielführende Hilfe
- Ausbau der Kooperationsnetze - Vernetzung
- (Prozess-)Kostenklärung

Quelle: <https://de.wikipedia.org/wiki/Fallmanagement>

Sozialraum:

- Stadt – Stadtteil (geographisch)
- (Wohn-)Umfeld/ Quartier (Ort alltäglicher Lebenswelten – Sozialer

Raum)

► Nachbarschaft (räumlich organisierte soziale Tatsache – Walter Siebel 2009).

► Menschen leben in einer Stadt, sie leben in einem Stadtteil, in denen es ein Umfeld, eine Nachbarschaft gibt, die sie als solche wahrnehmen oder auch nicht..., mit der sie klarkommen oder auch nicht...

► Sozialraum impliziert einen Zusammenhang, auch einen Zusammenhalt, der gegeben ist i.S. dass ich ihn wahr- und annehme – oder auch nicht.

Sozialraumorientierte soziale Arbeit

► Sozialraumorientierte Soziale Arbeit sucht den Zusammenhalt im Stadtteil zu stärken,

► die (Mit-)Bewohner zu aktivieren,

► die Ressourcen im Stadtteil zu heben und zu bündeln.

► sie sucht die „Versäulung“ gesundheits-, sozial- und bildungspolitischer Programme zu überwinden.

► Sie sucht zugleich, Probleme im Stadtteil zu erkennen, zu entdecken und zu beantworten.

Literatur: Budde, W./Früchtel, F./Hinte, W. (2006): Sozialraumorientierung.

Hinte, W./Metzger-Pregizer, G./Springer, W. (1999): Soziale Dienste: Vom Fall zum Feld.

► *Aber: Wenn es kein Problem gibt, verlieren die Sozialarbeiter ihren Job... Sozialraumarbeit neigt folglich dazu, den Stadtteil zum Problem zu erklären; sie trägt damit tendenziell zu Stigmatisierung und Segregation bei.*

► *Insofern ist immer auch die Stadt als Ganzes, die Stadtverwaltung gefordert.*

Wie passt das zusammen?

► Sozialraum-Arbeit und Case-Management scheinen mithin zwei verschiedene und nicht zusammengehörende Begrifflichkeiten und Kategorien zu sein:

► In einem funktionierenden Sozialraum, so die Vermutung, steuert der Raum, d.h. die Nachbarschaft, die (Mit-)Bewohnerschaft usw. = soziale Kontrolle

► Aber wo finden wir diesen Sozialraum – ist er nicht eine die Realitäten verklärende Idylle?

Doch: Wer und was ist das Problem?

► Der Raum? Was für Probleme hat er, was wäre hier der Job der Sozialarbeit?

► Die Ressourcenausstattung im Raum und individuell? Was wäre hier der Job der Sozialarbeit?

► Die institutionellen Akteure im Stadtteil (Kitas, Schulen, Ärzte, soziale Einrichtungen, Behörden, freie Initiativen)?

► Der Bewohner?

► Wer gestaltet den Raum?

► Wer sorgt für Ressourcen?

► Wer „sorgt“ für/ bewirkt die „Versäulung“?

Stadtentwicklungs-, Wirtschafts- und Sozialpolitik

► Stadtplanung – Wanderung innerhalb der Städte, Ghettoisierung; Ver-
slumung, andererseits: Gentrifizierung usw.

► Wirtschaftliche Lage, Arbeitsmarkt, (Aus-)Bildungssektor
– Akteure, Institutionen als autopoietische Systeme –

► Soziale Segregation

► Was heißt Aktivierung – Aktivierung wen, wohin und wozu?

Case-Management im Sozialraum

- Der Fall bleibt ein Fall
- Die Koordination und Steuerung durch die Helfelandschaft bleibt eine Herausforderung
 - Das Managing von Prozessen bzw. Hilfeverläufen erfordert hohe fachliche Qualifikation (Know how im Hinblick auf das *Was*, *Wer* und *Wie* der Hilfe)
 - Für das, was nicht professionell gemacht werden muss, suchen sich die Menschen ihre eigenen Wege – im Stadtteil oder auch außerhalb, in der Nachbarschaft im Sinne des Freundes-/ Kollegenkreises, d.h. im sozialen Alltag jenseits der Institutionen.

Risiken:

- Segregation des ganzen Stadtteils (ethnisch oder „social underclass“)
- Stigmatisierung als „Problemstadtteil“
- „Befriedung“ - ... wir haben dort ja Sozialarbeiter, wir geben für diesen Stadtteil so und so viel Geld aus...
- Gesamtverantwortung der kommunalen Politik und Administration muss bleiben.
- Der Gesetzgeber verordnet Kooperation der unterschiedlichen Institutionen, offen ist, ob es funktioniert...

Дается несколько определений кейс-менеджмента, фокусирующихся на помощи в индивидуальном случае, включающей в себя поддержку, содействие в решении проблем, сопровождение и уход.

Задачами кейс-менеджмента являются планирование, консультирование, мониторинг, оценка, анализ потребностей, ресурсов, расширение сети помощи, обоснование расходов и алгоритма работы.

Даны определения социального пространства: городской или сельский район (географический аспект), жилое пространство (как социальное пространство), соседские отношения (пространственно-организованный социальный факт).

Социально-пространственная социальная работа ставит своей целью укрепление солидарности в территориальных сообществах путем активизации жителей, консолидации ресурсов коммун, распознавания и раннего решения проблем городских кварталов.

Основные риски, связанные с кейс-менеджментом в пространственно-ориентированной социальной работе: сегрегация целых городских кварталов по этническому или имущественному признаку, их стигматизация как «проблем-

ных» или «неблагополучных», ложная успокоенность, связанная лишь с наличием социального работника в районе и затратой больших финансовых средств на решение проблем.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОМПЛЕКСНЫХ ЦЕНТРАХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL WORK IN THE COMPLEX CENTRES OF SOCIAL SERVICE OF THE POPULATION

М.В. Бессонова

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

M.V. Bessonova

Nekrasov State University of Kostroma

Рассматриваются инновационные технологии социальной работы с гражданами пожилого возраста в комплексных центрах социального обслуживания населения.

The article deals with innovative technologies of social work with senior citizens in the complex centres of social service of the population.

Ключевые слова: инновация, технология социальной работы.

Keywords: innovation, technology of social work.

Актуальность исследования реализации технологий социальной работы с гражданами пожилого возраста в комплексных центрах социального обслуживания населения определена следующими факторами.

Во-первых, в связи с усилением общемировой тенденции старения населения. Только в Костромской области проживает 181,3 тыс. инвалидов пожилого возраста, что составляет 26% от числа всех жителей области, при этом лиц в возрасте 80 лет и старше 22,0 тыс. человек, или 12%. Среди общего количества инвалидов пожилого возраста одиноких 10,0 тыс. человек (5,5%), одиноко проживающих 73,0 тыс. человек (40%), одиноких, нуждающихся в постороннем уходе, около 30 тыс. человек.

Во-вторых, в Костромской области, как и в целом по Российской Федерации, наблюдается устойчивый рост потребности населения в социально-

бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-правовых услугах, предоставляемых пожилым в соответствии с их состоянием здоровья и с учетом социальных показаний. На современном этапе государство придает большое значение различным аспектам работы с гражданами пожилого возраста в условиях комплексных центров социального обслуживания населения. Об общественно-государственном внимании к указанному направлению социальной деятельности свидетельствует целый ряд федеральных законов: «Об основах социального обслуживания граждан в населения Российской Федерации» от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014), «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 г. № 181-ФЗ, «О государственной социальной помощи от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ». Государство обеспечивает соблюдение всех социальных гарантий в отношении пожилых, а вышеуказанные законы подкреплены соответствующей практической деятельностью. Однако анализ массовой практики показывает, что большее внимание уделяется решению задач социально-экономического обеспечения, медицинского обслуживания, нежели вопросам всесторонней социальной реабилитации пожилых граждан.

Инновационный процесс в социальной сфере связан с созданием, распространением и использованием нового практического средства для удовлетворения потребностей пожилых людей. Инновации могут быть обусловлены, например, расширением рынка социальных услуг. Оценка потребностей в социальных услугах, различных видах социальной помощи, определение характера услуг с точки зрения их объема, номенклатуры, имеющихся социальных ресурсов государства – важные задачи, стоящие перед социальными организациями. Активизация инновационных процессов в социальной сфере современной России обусловлена следующими факторами:

- демографическими изменениями, особенно увеличением численности престарелых людей;
- миграционными процессами;
- значительным сокращением расходов государства на социальное обеспечение;
- формированием рыночных отношений и ростом безработицы;
- кардинальным изменением всех привычных жизненных устоев;
- необходимостью приспособления человека к изменяющимся обстоятельствам и необходимостью эффективной защиты его от негативного воздействия рынка.

К особенностям инновационной деятельности в социальной сфере можно отнести: отсутствие достаточных ресурсных возможностей для введения в ши-

рокую практику социальной работы организационно-управленческих, технологических, экономических нововведений;

- недостаток кадров, владеющих новыми технологиями и методами стимулирования инновационных процессов;

- наличие положительной мотивации у социальных работников к нововведениям как факторам, повышающим качество социального обслуживания;

- многосубъектный и многофакторный характер содержания и развития социальной работы, вследствие чего велик риск появления непредвиденных ситуаций, которые могут существенно деформировать предлагаемые средства и поставленные цели. Потребность в инновациях связана не только с динамикой социальной ситуации, но и с внутренней потребностью организации в повышении своих финансовых ресурсов за счет инноваций.

Идентификация потребности в инновации предполагает ее определение и адекватную формулировку, которая позволяет разрабатывать комплекс мер, повышающих эффективность деятельности социальных организаций и служб при удовлетворении потребности в инновации.

С точки зрения организации инновационной деятельности определенным преимуществом в отраслевых структурах обладают профильные программы социального развития. С точки зрения практики, чем предметнее тема и чем ближе она к человеку, тем осязаемее ее результат. В современном обществе доминантной потребностью становится комплексная потребность в безопасности как на уровне отдельной личности, так и на уровне человеческой цивилизации в целом.

По данным департамента социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области, по состоянию на 01.01.2015 г. в области насчитывается 26 комплексных центров социального обслуживания населения. Проблема внедрения инновационных технологий социальной работы с гражданами пожилого возраста в условиях комплексных центров социального обслуживания населения актуализируется и за счет своей многоаспектности. Это целый комплекс вопросов: медицинских, экономических, социальных, культурных. Для данной возрастной группы характерна нисходящая социальная мобильность, потеря многих социальных позиций. Пенсионеры часто являются наиболее бедной частью населения, находящейся в маргинальной ситуации из-за перераспределения традиционных ролей в обществе. У пожилых людей резко ухудшается состояние здоровья.

Для решения вышеперечисленных проблем граждан пожилого возраста в Костромской области в условиях комплексных центров социального обслуживания населения (КЦСОН) применяются следующие инновационные техноло-

гии социальной работы: хоспис на дому как технология обслуживания неизлечимобольных внедрена в двух учреждениях; бригадный метод социального обслуживания на дому в трех, семейная бригада социального обслуживания на дому в ОГКУ «Нерехтский КЦСОН», услуги сиделки предоставляются в 10 Центрах, в 17 – созданы социальные мобильные бригады.

Эти технологии социальной работы позволяют по месту жительства осуществлять информирование населения о видах и формах социального обслуживания и предоставлять получателям меры социальной поддержки, пенсионного обеспечения, получить консультации узких специалистов.

Литература

1. Инновации в социальной работе: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Н.М. Платонова, М.Ю. Платонов. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012.
2. Социальная работа с различными группами населения. / Под ред. Н.Ф. Басова. М.: КНОРУС, 2012.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЬЕ И ДЕТЯМ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН **THE EFFECTIVENESS OF PROVIDING MEASURES OF SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES AND CHILDREN IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Н.В. Бутаева, Ю.А. Лакеева
Казанский государственный медицинский университет
N.V. Butaeva, U.A. Lakeeva
Kazan State Medical University

В ходе исследования была оценена эффективность оказания мер социальной поддержки семье и детям путем проведения экспертного интервью с заведующими Отделений Республиканского центра материальной помощи по Советскому и Приволжскому районам г. Казани.

На основании индикаторов оценки государственной программы «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан» на 2014–2020 гг. сделаны выводы об эффективности существующей системы социальной поддержки семьи и детей на территории Республики Татарстан.

The study evaluated the efficacy of the provision of social support to families and children by conducting expert interviews with Head of Department of the Repub-

lican Center of material aid (compensation) for the Soviet and the Volga region city of Kazan.

On the basis of indicators to assess the state program «Social support of citizens of the Republic of Tatarstan» for 2014-2020. conclusions about the effectiveness of the existing system of social support for families and children in the Republic of Tatarstan.

Ключевые слова: социальная поддержка, система социальной поддержки, социальная поддержка семьи и детей, экспертное интервью, индикаторы оценки, государственная программа.

Keywords: social support, social support system, social support for families and children, expert interviews, assessment indicators, the state program.

Актуальность настоящей работы обусловлена, с одной стороны, большим интересом к вопросам темы в современной системе социальной работы, с другой стороны, широким оказанием мер социальной поддержки семье и детям в практике социальной работы.

Основной целью государственной социальной поддержки семьи и детей в Республике Татарстан является благополучие семьи. В семье должны быть удовлетворены интересы и потребности всех – мужчин и женщин всех возрастов и поколений.

Из этой основной цели вытекают другие цели государственной социальной поддержки семьи и детей в Республике Татарстан [1].

– создание условий для выполнения семьей ее системообразующих функций;

– обеспечение экономической стабильности в жизнедеятельности семьи;

– утверждение таких семейных ценностей, как уважение детей к матери и отцу, к женщине, к старшим членам семьи; любовь к детям и забота о них; взаимопомощь и помощь нетрудоспособным членам семьи; посильный вклад каждого в создание материальной основы семьи; полноценное внутрисемейное общение; совместное проведение досуга; самореализация и самораскрытие личности взрослого и ребенка;

– утверждение общечеловеческих ценностей, в числе которых здоровье, активная трудовая и общественная деятельность, познание, развитие и творчество, передача из поколения в поколение воспитательного потенциала семьи и рода, культурных традиций своего народа, включая обычаи, обряды, родной язык; национальное самоуважение и преданность своей Родине, государству.

На данном этапе социально-экономического развития в Республике Татарстан сформировалась широкая система социальных выплат. Виды выплат

отличаются многообразием категорий и адресным подходом. Общее число получателей мер социальной поддержки по состоянию на 31.12.2014 г. составило 1,72 млн. человек, что по сравнению с 2013 г. выше почти на 9%. Сумма затрат – 14 млрд. руб., в том числе за счет:

- федерального бюджета – 3,929 млрд. рублей;
- республиканского бюджета – 9,417 млрд. рублей;
- бюджета муниципальных образований – 653,5 млн. рублей[2].

Объемы финансирования за последние четыре года выросли с 9,4 до 14 млрд. рублей, что значительно сказывается на качестве материального благополучия граждан, государственной поддержке нуждающихся, социально-уязвимых слоев населения. Среди всех видов выплат лидируют по числу получателей выплаты, предоставляемые гражданам, имеющим детей:

- компенсация за посещение детских садов – 200615 получателей;
- пособие на ребенка – 92602 получателей;
- выплаты многодетным семьям и сиротам – 78931 получателей.

Государство объективно заинтересовано в поддержке семьи и детей по нескольким причинам:

1) государство, провозгласившее себя социальным, обязано, согласно Всеобщей Декларации прав человека, «обеспечить населению достойный уровень жизни» [3];

2) Российская Федерация, согласно Конституции, является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, путем обеспечения государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развития системы социальных служб, установления государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты [4];

3) социально-экономическая поддержка семьи и детей стимулирует экономическое состояние различных групп и слоев населения, тем самым, снижая социальное напряжение в обществе.

Объектом исследования выступает система социальной поддержки семьи и детей.

Предмет исследования – эффективность предоставления мер социальной поддержки семье и детям.

Цель исследования: оценить эффективность предоставления мер социальной поддержки семье и детям путем проведения экспертного интервью с заведующими Отделений Республиканского центра материальной помощи (компенсационных выплат) по Советскому и Приволжскому районам г. Казани и оценить эффективность предоставления мер социальной поддержки (на осно-

вании индикаторов оценки государственной программы «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан»).

На основании сформулированной цели были поставлены следующие задачи исследования:

1) изучить и проанализировать литературу, исследования по теории и практике оказания мер социальной поддержки семье и детям;

2) раскрыть сущность социальной поддержки семье и детям;

3) рассмотреть цели оказания, принципы предоставления социальной поддержки семье и детям;

4) проанализировать нормативно-правовые документы, регламентирующие порядок и условия предоставления социальной поддержки семье и детям в Российской Федерации;

5) оценить эффективность предоставления мер социальной поддержки семье и детям в Республике Татарстан на основании анализа экспертного интервью с заведующими отделений Советского и Приволжского районов г. Казани;

б) оценить эффективность предоставления мер социальной поддержки (на основании индикаторов оценки государственной программы «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан» на 2014–2020 гг.).

Выводы. Интервью с экспертами позволило выявить спектр мнений, касающихся вопросов предоставления социальной поддержки, узнать, возникают ли проблемы при предоставлении материальных выплат, имеются ли у отделений спонсоры, оказывающие помощь на безвозмездной основе, в чем специфика конкретно их отделения и др. Изучая эффективность системы социальной поддержки семьи и детей на примере отделений Советского и Приволжского районов г. Казани, мы сделали вывод – предоставление мер социальной поддержки семье и детям на всей территории Республики Татарстан осуществляется эффективно.

В ходе расчета индикаторов оценки конечных результатов государственной программы «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан» на 2014–2020 гг. мы сделали вывод, что меры социальной поддержки, предоставляемые семье и детям, финансируются на 100%. Система социальной поддержки, ориентированная на оказание помощи семье и детям эффективна. Она позволяет семье справиться с материальными трудностями, удовлетворить свои потребности, повысить социальный статус, а при заключении социального контракта заняться личным подсобным хозяйством, организовать предпринимательскую деятельность, освоить профессию, стать конкурентоспособными на рынке труда.

Литература

1. Постановление Кабинета Министров РТ от 23.12.2013 г. № 1023 (ред. от 08.04.2015 г.) «Об утверждении Государственной программы «Социальная поддержка граждан Республики Татарстан» на 2014–2020 годы» Гарант – информационно-правовой портал: [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/180687/2> (Дата обращения: 05.05.2015)
2. Халиков Ильдар: В сложившихся условиях необходимо защитить все базовые интересы граждан: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kzn.tv/news/>
3. Всеобщая декларация прав человека. Ст. 25. (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
4. Конституция Российской Федерации. Ст. 7. [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

СПЕЦИФИКА ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ THE SPECIFICITY OF SOCIAL WORK FORMS: CULTUROLOGICAL ASPECT

И.П. Ветюгова, М.А. Шиминова
*Московский государственный университет путей сообщения
(Нижегородский филиал)*
I.P. Vetugova, M.A. Shimina
*Moscow State University of Railway Engineering
(Branch in Nizhny Novgorod)*

Рассматриваются формы организации социальной работы на современном этапе и первые формы социальной работы на Руси, их укорененность в сознании русского человека, целесообразность их использования в современной социальной работе.

The article is about the present days forms of the social work organisation. It considers the early forms of social work in Russia, their formation in Russian consciousness, advisability of their use in the contemporary social work.

Ключевые слова: технологии социальной работы, милосердие, нищепитательство, нищелюбие, взаимопомощь.

Keywords: social work technology, charity, support, misery respect.

Качество жизни человека во многом зависит от продуманной и, следовательно, эффективной социальной политики государства. Важны не только установки и направленность социальной политики, так называемое «что делать», но и социальные технологии, т.е. «как делать», какими методами и в каких формах осуществлять социальную политику. Специфика социальной работы такова, что в каждой стране она складывается исключительно своеобразно в зависимости от исторических условий развития этой страны. Таким образом, перенесение эффективных социальных технологий соседней благополучной Европы или Америки на русскую почву дело неблагодарное. Даже между собой европейская и американские модели социальной работы значительно отличаются, хотя американское общество создавали те же европейцы. Социальная работа в Старом свете опиралась на традиционные общинные отношения, на концепцию «естественных прав человека» и теорию «общественного договора». Переселенцы, осваивающие американский континент, полагались только на себя. Во главу угла представителями Нового света была поставлена личная инициатива, опора на свои силы. Это сказалось на организации социальной работы, в которой государство вплоть до Великой Депрессии 30-х годов XX века значительной роли не играло.

Основанием формирования русского мира стало христианство. Христианская религия принесла на русскую землю институциональную структуру, посредством которой могла вестись социальная работа – монастырь. Как известно эта структура, будучи частью церкви, данью не облагалась даже во времена Орды. Достаток монастырей позволял тратить значительные средства на помощь нуждающимся. Русские князья благосклонно относились к тому, что церковь взяла на себя заботу о благотворительности. Но особо значимым для образующейся нации стало то, что христианство заложило основы ее мировоззрения, что способствовало, в частности, преобразованию обыденного понимания взаимопомощи в духовный акт деятельностной любви. В церкви этот феномен получил название диаконии (это деятельное и практическое выражение христианского милосердия и любви, заповеданной Спасителем: *«Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга. По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин. 13, 34-35). Любовь к ближнему – священное призвание и нравственный долг христианина (Ин. 13, 34), ибо на Страшном Суде Бог спросит каждого, совершал ли он дела милосердия (см. Мф. 25, 40)[1].

Поскольку Новый Завет был в начале христианской истории страны

единственным нормативным документом, он формировал светские и поведенческие основы. Кроме того, христианство придало социальной стороне жизни общинного человека личностный характер. Фигура Христа стала примером и личного подвига (для князей Бориса и Глеба), и примером личного благодеяния, что отражено в «Поучении Владимира Мономаха»: « Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господи ради.... Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу» [2, 113]. В Поучении практически обозначены основные направления социальной работы: «Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя.... Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны» [2,115]. Хотя модель поведения, декларируемая Владимиром Мономахом, отражает евангельскую систему координат, князь настойчиво подчеркивает свою причастность к закреплению ее как образца. На этой основе, преподнесенной в Поучении как формы княжеского права, вырастет впоследствии государственная система социальной защиты. В древнерусском историческом пространстве технологии социальной работы церкви и государства не противоречили друг другу, так как исходили из единой модели мироздания. Описанная в Домострое Сильвестром, она отражает изоморфность отношений между миром божьим, государством и домом, а, следовательно, привержена одним и тем же принципам поведения по отношению к обделенным – нищепитательству и нищелюбию [3]. Нищелюбие – это особая забота о бедных и убогих: «В монастыре и в больнице, в затворничестве и в темнице заключенных посещай и милостыню по силе своей возможностей подавай, что попросят; взглядишь в беду и страдания, во все их нужды, и помогай, как сможешь, и всех, кто страдает в бедности и в нужде, как нищего не презирай, пригласи в свой дом, напои, накорми, согрей, с любовью и с чистою совестью приветь»[4, 123].

Нищепитательство – это благотворительная деятельность, связанная с природными катаклизмами, вызывающими голод, мор, потерю жилья: «Если же не уродилось что и расплатиться нечем, так он не торопит. А не то так и у соседа или иного христианина не хватило зерна – на семена ли. На пищу, да и лошади или коровы нет, или налога в казну уплатить нечем, – так нужно помочь ему и ссудить, а мало у самого, так у людей подзанять, но другому по просьбе дать. И помогать им от всей души, от всяких обидчиков оберегая по правде их.

Самому господину и слугам его ни дома, ни на селе, ни на службе, ни в жалованье – ни в каких делах и отнюдь не обделять никого ни в чем: ни пашней, ни землей, ни домашним каким припасом, ни скотиной несправедного стяжания избегая»[4, 144]. Ограниченная Ордой княжеская власть в течение нескольких столетий не имела возможности в своей деятельности реализовывать эти два принципа. Социальная защита населения, о которой настойчиво писали киевские князья, осуществлялась лишь некоторыми их потомками, например, Александром Невским, Иваном Калитой. Личный пример и личное участие как основные формы социальной работы сохранялись на уровне государственной власти вплоть до XVIII века.

Социальная работа, которую фактически пришлось выполнять церкви, в свою очередь опиралась на цельную систему нравственных понятий, сложившихся в народе и укреплявшихся в каждом поколении за счет восприятия основ христианства. В течение длительного времени они стали обычаем, т.е. естественной внутренней потребностью людей и силой общественного мнения. В ряду наиважнейших нравственных ценностей русского народа исследователи называют готовность к взаимопомощи, милосердие, опору на коллектив. Значимость этих ценностей подтверждается тем, что даже при смене парадигмы поведения в проревропейском XVIII веке они не потеряли своих позиций.

Однако в конце XX века происходят события, которые основательно пошатнули веками формировавшуюся социальную систему России. Вызов был брошен обществом всеобщего благоденствия, которое со второй половины XX века строили западные государства. Они успешно воплощали «модель социальноориентированной экономики, совмещающей элементы «порядка и рынка» [5]. Привлекательным в этой модели было и то, что основной груз социальных гарантий и социальной защиты брало на себя государство. Это, казалось, совпадало с привычной социалистической социальной системой, но давало несравнимо больший эффект, так как ориентировалась на свободу рыночных отношений, позволяя построить почти «рай на Земле». Иллюзорность ожиданий скоро стала очевидна. Стартовые экономические позиции у нашего государства рубежа веков были совсем иными, нежели у западного мира после Второй мировой войны, средств для воплощения модели государства благосостояния не было. К тому же в самих западных государствах Европы и США с конца 90-х годов XX века стала явно просматриваться тенденция к свертыванию социальной деятельности государства. «В условиях сокращения социальных обязательств государства значительно вырос интерес к деятельности институтов самоорганизации граждан, которые выступают в роли партнеров государства в формировании и осуществлении программ социальной политики. Для создания

более полной системы благосостояния предлагается перейти от политики welfare state к политике welfare mix, в которой общественные организации задействованы наряду с государством, рынком и неформальной экономикой домашнего хозяйства» [5].

Нельзя не заметить, что социальная политика России сегодня строится с учетом этих обстоятельств и своих собственных ошибок. Традиционные виды помощи, которые классифицировались как рутинные, устаревшие, ушедшие в историю, опять стали популярны. Средства массовой информации прикладывают немало усилий, чтобы сподвигнуть людей на деятельностное проявление милосердия, всем миром, как принято было всегда в народе, оказать помощь тем, кто в ней нуждается. Акцент делается на духовной составляющей наших поступков. Общество с готовностью откликается на эти призывы, оно готово делать «Добро».

Литература

1. О принципах организации социальной работы в Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401894.html> (Дата обращения: 30.05.2015).
2. Литература Древней Руси: хрестоматия. Сост.: Л.А. Дмитриев; под ред.: Д.С. Лихачев. М.: Высшая школа, 1990. 544 с.
3. Гусарова М.Е. Проблемы бедности и нищенства в законодательной политике Российского государства 9-18 веков. 2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.juristlib.ru/book_6521.html (Дата обращения: 31.05.2015).
4. Домострой. Сост., вступ. ст., пер. и коммент. В.В. Колесова; Подг. Текстов В.В. Рождественской, В.В. Колесова и М.В. Пименовой. М.: Сов. Россия, 1990. 304 с.
5. Ведомственная геральдика. Государство всеобщего благосостояния. 09.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://vedomstva-uniforma.ru/politnews/d84f.html> (Дата обращения: 31.05.2015).

МОТИВАЦИЯ К РАЗВИТИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА

MOTIVATION OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF THE SOCIAL WORKER

Т.Д. Гладина

Директор Консалтинговой группы «ВН-консалтинг»

T.D. Gladina

Director of Consulting group

Рассматриваются новые подходы к развитию мотивации социальных работников в условиях рыночных отношений в России, в частности, технологии коучинга.

На основе собственных и вторичных исследований показаны разные подходы к формированию мотивации у начинающих свою деятельность социальных работников, работающих в данной сфере в настоящее время, и предпринимателей, начинающих свою деятельность в общественной организации НКО, в зависимости от социальной политики государства и развития социального партнерства.

The article discusses new approaches to the development of motivation of social workers in conditions of market relations in Russia, in particular technology counselling.

Based on proprietary and secondary research shows different approaches to the formation of motivation for starting their activities of social workers working in this area currently and entrepreneurs starting their activities in public organizations NGOs, depending on social policy and development of social partnership.

Ключевые слова: мотивация социального работника, коучинг, коучелор, социальная политика государства, сфера социального партнерства.

Keywords: the motivation of the social worker, counselling, Counsellor, social policy, social partnership.

Мотивация социальных работников – это процесс побуждения себя и других к активной деятельности, которая имеет общественную значимость для достижения поставленных целей.[1] Цели должны быть направлены на поддержание здоровья, работоспособности, позитивного настроения, достойного качества жизни тех слоев населения, которые слабо защищены по разным причинам: болезнь по возрасту или от рождения, получение увечья или травмы и др., т.е. людей с ограниченными возможностями.

Социальные работники – это особая категория людей, которые должны иметь потребность и желание заниматься такой нелегкой работой.

В условиях развития рыночных отношений в России важное значение имеет мотивация к развитию профессионально важных компетенций, т.е. знаний, умений и навыков заниматься работой, которая включает в себя заботу о тех людях, которые не могут помочь себе сами.

Современный социальный работник должен обладать технологиями каунселлинга, т.е. руководством по оказанию помощи человеку в разрешении его личных проблем.

Каунселлор (советник) помогает клиенту преодолеть жизненные препятствия, которые встретились ему на пути, которые мешали ему в прошлом и в настоящем не дают ему возможности быть уверенным в себе и испытывать минуты радости, а, возможно, и счастья. Такой социальный работник должен обладать знаниями и умениями, а также уметь использовать недерективные подходы к созданию позитивного настроения, условий для того, чтобы человек мог быть предельно открыт, откровенен и имел доверие в решении своих назревших проблем.

Каунселлор – социальный работник, который не только дает советы, но и помогает слабо защищенному человеку решать его проблемы. Это одна из новых профессиональных компетенций социального работника, которая получает свое развитие в российской рыночной действительности.

За рубежом, в частности, в Германии, городе – побратиме Нижнего Новгорода – Эссене в рабочей поездке нашей делегации довелось встретиться с людьми, которые выполняли обязанности каунселлора. Важные личные качества, которые потом перерастали в профессионально важные компетенции, были следующие: коммуникабельность, доброжелательность, открытость, желание и возможность помочь женщинам, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях. Мы видели в их работе – заботу, терпение, умение убеждать, т.е. дать нужный совет и воплотить его в реальные дела.

Место, где женщины жили и проходили социальную реабилитацию, было изумительно чистым, аккуратным, теплым и уютным. Социальные работники были заботливыми мамами (для молодых), сестрами (для более старших), они создавали атмосферу доверия и доброжелательности. Участвовали со всеми в занимательных и развивающих сознание играх, т.е. в игре они социализировали участников, приближали их к реальным ситуациям, которые могли бы транслировать далее их подопечные в реальной жизненной ситуации.

Ведь мало просто накормить, напоить социально не защищенного человека, содержать в чистоте и порядке помещение, в котором он проживает, надо еще создать для него такую среду общения, когда он мог бы получать дополнительную информацию о том, какая жизнь за пределами его дома, не только визуальная (что он видит из окна своего дома или сидя в коляске во время прогулки), но и показать возможность своему подопечному в развитии его личных способностей – быть смелее, быстрее, увереннее в приобретении им профессии,

которая могла бы приносить пользу обществу, и в то же время человек мог бы развивать в себе определенные «проблемные зоны» и получать удовлетворение.

Процесс мотивации состоит из мотива, стимула и вознаграждения. Мотивами к развитию профессионально важных компетенций (ПВК) социальных работников обычно выступают – внутреннее желание, потребности, цели и предполагаемые результаты, т.е. это побудительные причины к определенному действию. На мотив обычно влияют ценностные ориентации личности, его характер, культура, условия работы, статус в обществе, полученная квалификация [2].

Стимулы являются инструментами, которые приводят в действие мотивы, и они у всех людей разные. Стимулирование труда социальных работников предполагает создание условий, при которых он будет трудиться с наибольшей отдачей. Цель стимулов предполагает побудить работников делать свою работу лучше, чем формально обусловлено его трудовыми отношениями с работодателем.

Согласно социологическим исследованиям, одним из важных стимулов социальных работников является размер их денежного вознаграждения, далее повышение по службе, рейтинг результатов его повседневной деятельности по развитию своих подопечных, их социализации, возможности принятия ими самостоятельных правильных решений в трудных жизненных ситуациях.

Огромное значение в развитии ПВК у социальных работников имеет их собственное развитие – повышение квалификации, обмен опытом, участие в конференциях, деловых, ролевых играх, тренингах, т.е. получение дополнительных знаний, умений и навыков для дальнейшей трансляции их своим подопечным в развитии их жизненного тонуса, потенциала, эмоций, настроения и здоровья.

По исследованиям И.Ф. Албеговой – зав. кафедрой социальных технологий Ярославского государственного университета, ведущими мотивами выбора специальностей «социальная работа» респонденты-учащиеся назвали «желание помочь людям» (90%), а также «стремление общаться с людьми» (75%). Это факты позитивной мотивации, без которой невозможно становление и развитие социального работника [3].

Анализ интервью сотрудников, занимающихся социальной работой, выявил модель социопсихологической мотивации профессиональной деятельности социальных работников, в которую вошли следующие мотиваторы: профессиональные ценности, альтруистическая мотивация (мотив морального долга, сочувствия), материальные ценности, общение в коллективе (мотив аффилиции), самореализация, социальная ценность работы и гендерные стереотипы [3].

Опрос руководителей и членов НКО показал, что основным мотивом создания общественной организации являлось решение собственных проблем (в

том числе и материальных). Социальное значение своей деятельности они видят в создании основ гражданского общества, развитии демократии, расширении сферы социального партнерства, реализации социальной политики государства [3].

Итак, мотивация к развитию профессионально важных компетенций социальных работников – это многогранный последовательный процесс, имеющий свои цели, задачи, действия, результаты, мотивы, стимулы и вознаграждение в зависимости от социальной политики государства и развития социального партнерства между государством – организациями – бизнесом – социальными работниками и людьми с ограниченными возможностями.

Литература

1. Гладина Т.Д. Компетентность современного менеджера: сущность, модели, мотивация: монография / Т.Д. Гладина. Н. Новгород: НГТУ им. Р.Е. Алексеева, 2009. 140 с.
2. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией ДОС. Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ, Под ред. проф. Е.А. Климова. М.: Юнити-дана, 2004. 399 с.
3. Албегова И.Ф. Исследования мотивации социальных работников // СОЦИС. 2005, №1. 78-81 с.

СОДЕРЖАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА И КЛИЕНТА **THE CONTENT OF THE COMMUNICATIVE PROCESS OF SOCIAL WORKER AND CLIENT**

И.С. Занегина

*Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,
Нерехтский Комплексный центр социального обслуживания населения
Костромской области*

I.S. Zanegina

*Kostroma state University. N.A. Nekrasov,
Nerekhta Complex center of social service of the population
of the Kostroma region*

Характеризуются формы и методы взаимодействия социального работника и клиента.

The article explores the forms and methods of interaction between social worker and client.

Ключевые слова: коммуникативный процесс, формы и методы коммуникации, эмпатия.

Keywords: communication process, forms and methods of communication, empathy.

Социальной работе как профессиональной деятельности присущи специфические черты, одной из которых является характер отношений между специалистом по социальной работе и получателем социальных услуг. В процессе социальной работы используются в основном субъект-субъектные отношения, причем помощь ориентирована на активизацию потенциала самозащиты клиента или носит лишь вспомогательный характер.

Основная цель взаимодействия поставщика и получателя социальных услуг – оптимизация механизмов социального функционирования индивида или социальной группы. Конечная цель деятельности социального работника предполагает достижение такого результата, когда у клиента отпадает необходимость в его помощи.

Все формы и методы взаимодействия социального работника можно разделить на две группы: работа с проблемой клиента и работа по поводу этой проблемы с другими учреждениями, организациями, службами.

Важным компонентом социального взаимодействия являются профессиональные умения и навыки социального работника и, в частности, степень владения методами поддержки, социальной терапии, коррекции и реабилитации.

Этот процесс воздействия в научной терминологии получил название социальной терапии. В отличие от психотерапии она представляет собой конкретные услуги, организуя клиенту поддержку окружения, помогая справиться с социальными конфликтами и проблемами.

В процессе социально-терапевтического взаимодействия социального работника и получателя социальных услуг важное значение имеет вербальное и невербальное поведение, в ходе которого социальный работник получает информацию о том, как его воспринимает клиент, как строить с ним взаимоотношения [3].

Беседы с коллегами, родственниками, людьми из окружения клиента также помогают понять и его ситуацию, и его потребности. Информация, полученная в ходе бесед, используется при обсуждении планов оказания помощи клиенту и его родственникам.

Эффективность взаимодействия социального работника и клиента во многом зависит от эмпатического *видения* проблемы. Эмпатия – особый способ понимания другого человека, заключающийся в сопереживании его эмоцио-

нальному состоянию, постижения через проникновение, "вчувствование" в его переживания. Проявлять эмпатию – значит принимать во внимание линию поведения другого (относиться к ней сочувственно).

Степень участия социального работника в оказании практической и конкретной помощи при решении социальных проблем зависит от сферы деятельности клиента, его профессиональной роли и характера проблемы.

Несомненно, в первую очередь клиент должен использовать собственные возможности. Хотя социальный работник может выступить здесь в роли посредника, он должен быть очень внимателен, поскольку с такой ролью связан определенный риск, когда вместо того, чтобы способствовать развитию активности клиента, он делает его более пассивным. Но если человек действительно плохо справляется с ситуацией или не способен действовать, необходим социальный работник, выступающий в качестве "второго я".

Обобщая все вышесказанное, приходим к следующему выводу: взаимодействие социального работника с клиентом – это форма социальной коммуникации или общения, в процессе которой систематически осуществляется их воздействие друг на друга, реализуется действие каждого и достигается приспособление одного к действиям другого[3].

Следовательно, в общении и взаимодействии социального работника и клиента учитываются как личностный, эмоциональный, психологический, так и функционально-ролевой тип общения.

Социологический анализ социального взаимодействия работника и клиента позволяет понять, что в этом процессе, с одной стороны, происходит обмен материальными и духовными ценностями, а с другой стороны, реализуются внутренние силы клиента. Профессиональный социальный работник может персонифицировать, объединить эти два компонента и таким образом помочь клиенту решить главную для него задачу (гармонизировать его отношения, например, с членами семьи или общества в целом).

Литература

1. Фирсов М.В. Теория социальной работы: Учебное пособие/ М.В. Фирсов. М.: ВЛАДОС, 2002. 347 с.
2. Холостова Е.И. Социальная политика: Учебное пособие / Е.И. Холостова. М.: ИНФРА-М, 2001. 202 с.
3. Социология: Учебник для студентов вузов / Ю.Г. Волков, В.И. Добренев, В.Н. Нечипуренко и др.; Под ред. Ю.Г.Волкова. М.: Гардарики, 2003. 510 с.

**МОТИВАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ
ННГУ им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО
VOLUNTEERING MOTIVATING OF LOBACHEVSKY
STATE UNIVERSITY OF NIZHNI NOVGOROD STUDENTS**

И.А. Исакова, В.И. Игнатъева
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.A. Isakova, V.I. Ignateva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается отношение студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского к феномену волонтерства. Представлены результаты исследования, посвящённого изучению мотивации студентов к участию в волонтерской деятельности, проведенного в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2014 г. путем интерактивного анкетирования через сеть Интернет (n=394).

The article is devoted towards Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod students to the phenomenon of volunteering. The article presents the results of the study, which is devoted to the students motivation to participate in volunteer activities. It is held in Nizhny Novgorod State University in 2014 by an interactive online survey (n = 394).

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, волонтерская организация, мотивация, мотивация волонтерской деятельности.

Keywords: volunteer, volunteering, voluntary organizations, motivation, motivation of volunteer activities.

В XXI веке в России феномен волонтерства все чаще становится объектом исследований в различных областях научного знания. В средствах массовой информации также освещаются примеры помощи, оказываемой волонтерами, начиная с поддержки престарелых людей, заканчивая участием и содействием в проведении массовых международных спортивных мероприятий. Но, несмотря на то, что в России функционирует множество общественных волонтерских организаций, наша страна отстает от уровня развития волонтерства за рубежом.

Волонтерство в России имеет, в основном, молодежное лицо, но в действительности в этой деятельности задействована лишь незначительная часть российской молодежи. Президент В.В. Путин, подчеркивает важность изменений в этой сфере: «Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что добровольческое движение в России развивается, обогащается новыми идеями, замыслами, проектами. Ярким, убедительным подтверждением этого служит большой, поистине уникальный вклад волонтеров в успешное проведение Уни-

версиады в Казани, Олимпийских и Параолимпийских игр в Сочи» [1]; «если у нас волонтерство приобретает такие широкие масштабы и ваше направление деятельности в рамках волонтерского движения будет иметь тоже достаточно большой масштаб, то тогда можно подумать и об укреплении нормативно-правовой базы в этом направлении» [2].

Однако важно не просто увеличить количество волонтеров в среде молодежи, закрепить их правовой статус, но не забывать о принципах, отличающих работу добровольцев.

Чем же волонтерская деятельность отличается от других разновидностей помощи? В первую очередь, она представляет собой добровольную помощь, основанную на идеях гуманизма и альтруизма. Во-вторых, волонтерская деятельность не преследует целей извлечения прибыли, то есть является безвозмездной и бескорыстной. Следовательно, чаще всего такой род занятий привлекает людей, которые могут сопереживать, имеющих достаточное количество свободного времени и готовность помогать окружающим. Молодежь как особая социальная группа обладает всеми этими необходимыми качествами.

В.В. Путин отмечает: ««Государство должно поддерживать эти благородные душевные порывы», при этом подчеркнув, что волонтеры действуют по зову сердца. «В целом какие-то стимулы могут быть, и об этом надо вместе подумать», – согласился он. «Но нельзя допустить, чтобы была пройдена грань... Если мы будем организовывать эту работу за какие-то коврижки, это будет не волонтерство»» [3].

Как же можно стимулировать людей работать волонтерами? Для ответа на этот вопрос в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского было проведено исследование, посвященное изучению мотивации студентов к участию в волонтерской деятельности. Основной составляющей эмпирической базы исследования стали данные опроса, проведенного в 2014 г. путем интерактивного анкетирования через сеть Интернет. В качестве респондентов были выбраны студенты Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (n=394). Анкета включила в себя 23 вопроса разного типа – закрытые, открытые, шкальные.

Гипотеза состояла в том, что главными мотивами участия в волонтерских организациях являются стремление быть полезным людям и возможность получить опыт работы.

В результате исследования гипотеза была подтверждена лишь частично. Наибольшее количество голосов было отдано таким категориям, как «интерес, общение с разными людьми» – 65%; «стремление быть полезным людям» – 62,2% и «возможность побывать в разных городах (или странах)» – 45,7% (Рис. 1).

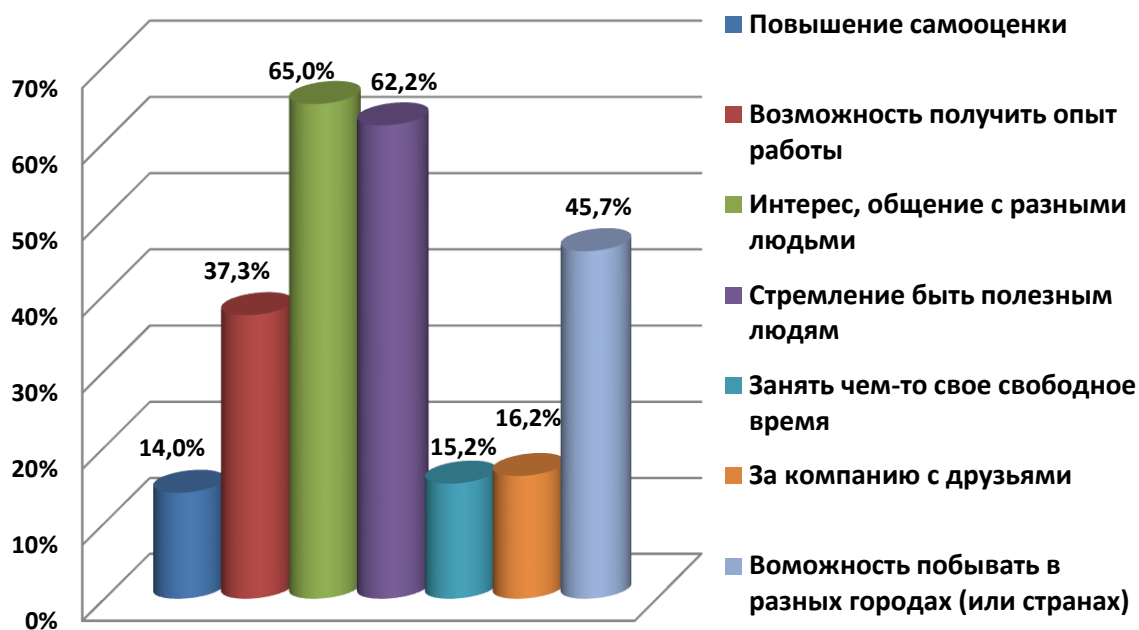

Рис. 1. Какие мотивы, по Вашему мнению, движут студентами в их стремлении заниматься волонтерской деятельностью?

Наибольшее количество ответов набрал мотив – «интерес, общение с разными людьми», поэтому при мотивации студентов необходимо, в первую очередь, учитывать их возрастные потребности: в общении, нахождении новых друзей и единомышленников. Стремление к новым знакомствам, развитие собственных талантов, увеличение жизненных возможностей – главное отличие учащихся волонтеров от взрослых.

Второй по значимости фактор мотивации – «стремление быть полезным людям». Молодежь переживает переход от зависимого детства к самостоятельной и ответственной взрослости. Студенты-волонтеры – это, прежде всего, представители молодого поколения, находящиеся в поисках самих себя, стремящиеся к саморазвитию и самосовершенствованию. Волонтерство должно давать перспективу интересной жизни, возможность удовлетворения своих интересов. Волонтер должен нести ответственность за свое дело, самостоятельно принимать решения, чтобы ощутить значимость в собственных глазах и в глазах окружающих, сформировать чувство самоуважения и уверенности в себе.

Развитие международного волонтерства способствовало тому, что возможность побывать в разных городах или даже странах, стала третьим по значимости мотивом участия в добровольческих миссиях. Например, волонтеры из разных уголков нашей страны были задействованы в XXI Олимпийских зимних играх в г. Сочи в 2014 г.

Большой процент респондентов отметили мотив – «занять чем-то свое свободное время». Это показывает одну из злободневных проблем современной молодежи – избыток свободного времени. Безусловно, в этом есть вина и самих молодых людей (так как сейчас существует много возможностей, как провести свое свободное время полезно), но и вина государственной молодежной политики, которая в России развита недостаточно. Молодежи приходится искать себя и свое место разными способами, и одно из них, как нами было выявлено, является именно волонтерская деятельность.

Учет представленных факторов позволит активизировать студентов на участие в волонтерской деятельности не только в ННГУ, но и в других вузах России.

Литература

1. Путин приветствовал участников Всероссийского форума добровольцев // МИА «Россия сегодня». РИА Новости. 13.02.2015 г. [Электронный ресурс] – URL:<http://ria.ru/society/20150213/1047464074.html#ixzz3nLac8cOf> (дата обращения 03.09.2015 г.).
2. Путин: Волонтерский опыт должен учитываться при трудоустройстве // Информационное агентство «Росбалт». 17.01.2014 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2014/01/17/1222347.html>(дата обращения 03.09.2015 г.).
3. Владимир Путин: «Волонтерство в России не должно быть ограничено возрастными рамками» // Интернет-газета «Российский стадион». 07.12.2010 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.stadium.ru/News/vladimir-putin-volonterstvo-v-rossii-ne-dolzno-bit-ogranicheno-vojrastnimi-ramkami>(дата обращения 03.09.2015 г.).

СПЕЦИФИКА РАБОТЫ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В ХОСПИСЕ (ИЗ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ) SPECIFICS OF VOLUNTEER WORK IN HOSPICES (FROM EXPERIENCE OF INTERACTION FOREIGN SCIENTISTS AND PRACTITIONERS)

Е.К. Маркова, Н.А. Птицына, О.А. Смирнова
Ивановский государственный университет
E.K. Markova, N.A. Ptitsyna, O.A. Smirnova
Ivanovo State University

Рассмотрена специфика деятельности добровольцев на примере работы Ивановской областной общественной организации «Регионкопомощь

ХОСПИС». Обозначены основные направления добровольческой деятельности, одним из которых является волонтерское хосписное движение; описан опыт работы в хосписах зарубежных организаций, с которыми поддерживают взаимодействие волонтеры из Иванова.

This study examines certain aspects of socially oriented volunteer activity (based on the work of a public organization in Ivanovo region «Regiononcopomosch HOSPICE»). We have indicated the key areas of volunteer activity, including the volunteer hospice movement, and described the experience of hospice work among overseas organizations with which Ivanovo volunteers are liaising.

Ключевые слова: добровольческая деятельность, хоспис, паллиативная помощь, социальное волонтерство, молодежное волонтерское хосписное движение.

Keywords: volunteering, hospice, palliative care, social volunteering, youth volunteer hospice movement.

В современном мире наблюдается существенное расширение сферы общественно-полезной деятельности граждан. В последние годы в нашей стране заметно повысился интерес молодых людей к реализации общественно значимых инициатив посредством участия юношей и девушек в благотворительных и добровольческих движениях. Добровольчество для молодого поколения служит особым способом получения новых знаний, развития навыков общественно полезной деятельности, формирования нравственных ценностей, активной гражданской позиции.

Научный и практический интерес представляет изучение специфики добровольчества оказании паллиативной помощи, поскольку ежегодно в мире от злокачественных опухолей умирают около 7 млн. человек (в том числе более 0,3 млн. в нашей стране). В России насчитывается более 200 организаций, помогающих неизлечимым пациентам, тогда как потребность в их услугах в 2,5 раза выше (согласно данным ВОЗ, на 400 тысяч населения должен приходиться один хоспис). На пути распространения паллиативной медицины в нашей стране встречается множество проблем, например, хосписная помощь оказывается не во всех регионах, так как во многих городах нет бесплатных учреждений для неизлечимых больных, а большая часть существующих хосписов не соответствуют принятым стандартам. В связи с этим возрастает значимость участия общества в решении проблем онкологических больных. Необходима консолидация усилий всех заинтересованных сторон по сплочению добровольцев, участвующих в оказании паллиативной помощи лежащим больным (него-

сударственных некоммерческих добровольческих организаций, средств массовой информации, вузов, а также органов власти всех уровней).

В современной отечественной научной литературе «добровольчество» определяется как «широкий спектр социально направленных действий, включающий традиционные формы взаимопомощи и самопомощи, предоставление услуг и другие формы гражданского участия, осуществляемые безвозмездно на основе осознанного выбора, с пользой для общества в целом, сообществ и самих добровольцев» [1, с. 7-8]. В настоящее время более развито добровольчество, осуществляемое в рамках проектной деятельности, одно из направлений которого нацелено на поиск субъекта (организатора) оказания помощи, второе – на оказание помощи определенным объектам (целевой группе). В структуре первого направления выделяются следующие виды добровольческой деятельности: религиозное, корпоративное, волонтерство пенсионеров, инклюзивное [2, с. 5-8], добровольчество студентов; в структуре второго направления – волонтерство по поддержке детей, оставшихся без попечения родителей, экологическое волонтерство, волонтерство в области культуры и спорта, социальное волонтерство (оказание помощи в уходе за больными, находящимися на лечении) [2, с. 5-8].

Социальное волонтерство в сфере оказания помощи неизлечимым больным – «непопулярный» вид добровольчества. Работа с такими людьми значительно менее привлекательна для волонтеров и спонсоров, чем другие виды добровольческой деятельности, в силу разных причин (например, большие психологические нагрузки и др.). Вместе с тем в последние годы в областном центре получило развитие молодежное волонтерское хосписное движение, функционирующее на базе Ивановского областного онкологического диспансера под руководством общественной организации «Региононкопомощь ХОСПИС», созданной при активном участии некоммерческой благотворительной организации из Германии «Общество друзей города Иванова».

С 2009 г. в деятельность организации включились студенты и преподаватели социолого-психологического факультета Ивановского государственного университета. Цель данной работы – оказание помощи онкобольным, состоящим на учете в онкодиспансере, а также их родственникам. Студенты, обучающиеся в университете по специальностям «Социальная работа» и «Психология», приобретают бесценный практический опыт, способствующий более успешному освоению профессиональной сферы, самоопределению в профессиональном сообществе. В свою очередь ИООО «Региононкопомощь ХОСПИС» оказывает существенную помощь в подготовке студентов – будущих психологов, социологов и социальных работников по вопросам психологического со-

проведения онкобольных. Деятельность общественной организации осуществляется в разных направлениях: материально-хозяйственная работа (добровольцы участвуют в оснащении хосписа специальным оборудованием, инвентарем и др.); оказание психологической помощи (психологическое сопровождение онкобольных), творческая деятельность (проведение благотворительных акций, концертов, поздравлений в преддверии праздников и др.); научно-исследовательское направление (изучение особенностей микроклимата и социального самочувствия сотрудников хосписной службы с целью профилактики синдрома психологического выгорания); проектная деятельность (участие волонтеров хосписного движения в проведении мероприятий различного масштаба).

В течение ряда лет, сотрудничая с хосписом, студенты и преподаватели социолого-психологического факультета ИвГУ создали библиотеку и видеотеку, приобрели стеллажи для книг и видеоплеер; регулярно оказывают помощь в проведении уборок в отделении и благоустройстве прилегающей территории. Наряду с практическими делами, студенты обучаются навыкам ухода за лежащими больными (во время студенческой практики, организованной на базе отделения), а также принимают участие в социальном проектировании (например, ежегодном областном конкурсе социальных проектов «Синергия», областной добровольческой акции «Волонтеры. Открытые объятия», Всероссийском инновационном форуме «Селигер» и др.).

Добровольцы из ИООО «Регионкопомощь ХОСПИС» активно взаимодействуют с зарубежными коллегами. Например, с «Обществом друзей г. Иванова» (Германия). В 2009 г. немецкая делегация посетила Ивановский государственный университет. В конце 2010 г. по приглашению немецких коллег инициаторы создания студенческого волонтерского хосписного движения в Иванове совершили ответный визит в Германию с целью ознакомления с опытом организации работы хосписной службы. Ивановцы побывали в таких благотворительных организациях, как «HOSPIZBEWEGUNG HERFORD e.V.» (Хосписная Ассоциация г. Ленгерих) и «Hospizbewegung Herforde.V.» (Хосписное движение г. Херфорд), входящих в «Общество друзей города Иванова» из г. Мюнстерланд.

Основная цель Хосписной Ассоциации г. Ленгерих – предоставление возможности умирающим пациентам оставаться в своих домах, создание условий для обеспечения оптимальной структуры питания и полноценного ухода, а также оказания медицинской, пасторской, психологической и других видов помощи. В настоящее время в Ассоциацию входят около 200 членов (в том числе медсестер и волонтеров), более половины из которых участвуют в практиче-

ской работе. В основном это люди зрелого и пенсионного возраста, занятые в разных профессиональных сферах. Все без исключения волонтеры прошли обучение в течение 15 месяцев на специальных курсах по сопровождению онкобольных.

Ивановские волонтеры ознакомились с работой и другого хосписного движения, действующего в г. Херфорд. Участники движения оказывают амбулаторную помощь пациентам хосписа в домашних условиях, а также осуществляет уход за умирающими людьми в больницах в целях обеспечения им условий для достойного завершения жизни. Членами данной организации являются в основном люди предпенсионного возраста, представители разных профессий, прошедшие обучение на интенсивных курсах.

Участники хосписного движения в Германии поддерживают тесное взаимодействие с представителями научно-исследовательских учреждений, что позволяет им не только обогащать запас специальных знаний, умений и навыков (обучение носит непрерывный характер), но и участвовать в научной работе.

В России хосписное добровольчество не столь развито и распространено, как в Европе, в силу ряда социально-экономических факторов. Например, в Германии мощную поддержку добровольческому хосписному движению оказывает государство, тогда как в нашей стране данное направление держится на энтузиазме его участников. В Германии занимаются добровольчеством в данной сфере в основном люди зрелого возраста и пенсионеры. Специфика Ивановского добровольческого хосписного движения состоит в том, что в его составе большинство – молодые люди, студенты (как правило, девушки), прошедшие профессиональную подготовку в сфере социальной работы по уходу за онкобольными в рамках университета.

Освоение опыта коллег из Германии, насчитывающего более 80 лет, позволяет добровольцам из ИООО «Регионкопомощь ХОСПИС» существенно расширить содержание работы с онкобольными в г. Иванове.

Литература

1. Бодренкова Г.П., Караваешников С.Е. Системное развитие молодежного добровольчества в контексте пропаганды здорового образа жизни. Методические рекомендации. Москва: 2011, 88 с.
2. Моисейчева М. Понятие волонтерства // Информационно-методический журнал ViZ–Образовательно-информационного центра в российско-немецком доме в Москве. 2011. № 4. 2-8 с.

**ГРАНТОВАЯ ПОДДЕРЖКА НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ
НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**
**GRANT SUPPORT OF NON-PROFIT ORGANIZATIONS
IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

О.Н. Морозова, Л.Э. Муртазина
Казанский государственный медицинский университет
O.N. Morozova, L.E. Murtazina
Kazan State Medical University

Рассмотрены проблемы реализации грантовой поддержки НКО в Республике Татарстан. Проанализированы теоретические аспекты грантовой поддержки НКО, приведены результаты исследования с грантодателями и грантополучателями, выявлены проблемы грантовой поддержки в Татарстане и сформулированы рекомендации по их решению.

This article describes the problems of implementation of grant support of NGOs in the Republic of Tatarstan. The theoretical aspects of the grant support of NGOs, the results of research with funders and grantees, revealed problems of grant support in Tatarstan and recommendations for addressing them are described in this article.

Ключевые слова: грант, некоммерческая организация, грантовая поддержка, субсидия, межсекторное партнерство, Республика Татарстан.

Keywords: grant, non-profit organization, grant support, subsidies, cross-sector partnership, the Republic of Tatarstan.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в своем послании Федеральному Собранию 2014 г. отметил, что «сейчас активно и конструктивно проявляют себя граждане. Они не только ставят перед властью вопросы, но и сами участвуют в их решении, в решении проблем». Президент также отметил готовность государства поддерживать социально ориентированные некоммерческие организации. По его словам, в такие НКО, как правило, объединяются люди, остро чувствующие свой гражданский долг, понимающие, как много значат милосердие, внимание, забота, доброта. Надо использовать их предложения и опыт, в том числе при реализации социальных инициатив [1].

В настоящее время значимой составляющей общественно-политического и экономического развития Республики Татарстан становятся некоммерческие организации, которые оперативно реагируют на необходимость решения актуальных социальных проблем, возникающих в процессе модернизации обще-

ства, действуют в стратегически важных направлениях социально-экономического развития Республики Татарстан.

По числу СО НКО Татарстан занимает первое место в Приволжском округе. За последние три года, по данным управления Министерства юстиции Российской Федерации по Республике Татарстан, некоммерческий сектор заметно оживился. Большая часть зарегистрированных СО НКО находится в крупных городах, районах, районных центрах. В сельских районах сосредоточены местные отделения организаций, которые за редким исключением не имеют статуса юридического лица и осуществляют деятельность без государственной регистрации.

По состоянию на 01.12.2014, в Республике Татарстан зарегистрировано 5495 некоммерческих организаций (НКО), в том числе: 2139 – общественных организаций; 1764 – религиозных организаций; 1592 – иных некоммерческих организаций (ассоциаций, автономных некоммерческих организаций и т.д.). В реестре социально ориентированных некоммерческих организаций сегодня 435 СО НКО [2].

Объект исследования – некоммерческие организации Республики Татарстан.

Предмет исследования – грантовая поддержка некоммерческих организаций Татарстана за период 2010-2015 гг.

Цель исследования – целью данной работы является рассмотрение грантов как основного источника дохода некоммерческих организаций в Республике Татарстан, проблемы при их предоставлении и реализации.

На основании сформулированной цели исследования были поставлены следующие *задачи исследования*:

1. Рассмотреть теоретические аспекты грантовой поддержки некоммерческих организаций.
2. Выявить основных грантодателей и грантополучателей в Республике Татарстан.
3. Изучить проблемы, с которыми сталкиваются грантодатели и грантополучатели при получении и реализации грантов.
4. Найти решения проблем, возникающих при получении и реализации грантовой поддержки.

Сегодня для некоммерческих организаций в Татарстане актуальны гранты:

- Конкурс СО НКО на право получения субсидии из бюджета Республики Татарстан (Конкурс Министерства экономики РТ),
- Государственная поддержка некоммерческих неправительственных

организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества и реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина,

- Республиканский конкурс на получение грантов Кабинета Министров РТ для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов (Конкурс Кабинета Министров РТ),
- Конкурсный отбор социально ориентированных некоммерческих организаций для предоставления субсидий из федерального бюджета,
- Конкурс социальных и культурных проектов ОАО «ЛУКОЙЛ», который на территории Татарстана проводит ОАО «РИТЭК».

Подробнее рассмотрим Конкурс СО НКО на право получения субсидии из бюджета Республики Татарстан (Конкурс Министерства экономики РТ) и Республиканский конкурс на получение грантов Кабинета Министров РТ для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов (Конкурс Кабинета Министров РТ).

Интервью с представителями исполнительных органов грантовой поддержки позволили выделить несколько проблем, возникающих у них в процессе реализации поддержки: несоблюдение НКО указанных в договоре сроков сдачи информационного и итогового отчетов; проблема достижения заявленной результативности реализации проекта в связи с недостаточным финансированием; отсутствие критериев оценки эффективности проектов.

Проблемы, выделенные конкурсантами, включают: произвольную форму заполнения отчетности, которая не совсем удобна для участников Конкурса, так как не понятно, что требуется от автора отчета; отсутствие типовых форм информационного и финансового отчетов; отсутствие перечня прилагаемых к отчету документов, отсутствие формы отчетности по смете расходов; отсутствие обратной связи Конкурсной Комиссии после определения победителей Конкурса.

Для решения вышеперечисленных проблем мы сформулировали следующие *рекомендации*:

1. Организаторам Конкурса СО НКО на право получения субсидии из бюджета Республики Татарстан (Конкурсу Министерства экономики РТ) и Республиканскому конкурсу на получение грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для НКО, участвующих в реализации социально значимых проектов (Конкурс Кабинета Министров РТ) внедрить систему обратной связи с НКО – участницами конкурсов, которая в данном случае предполагает предоставление членам НКО подробной и по пунктно расписанной оценки проекта, с которым они участвуют в конкурсе, чтобы члены НКО могли провести «работу

над ошибками». Система обратной связи может осуществляться в виде открытой информации на сайте. Примером подобного опыта является сайт Конкурса государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций (<https://grants.oprf.ru>), где результаты конкурса вывешены в открытом доступе и с подробной оценкой проектов.

2. Организаторам республиканского конкурса на получение грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для НКО, участвующих в реализации социально значимых проектов (Конкурс Кабинета Министров РТ), разработать типовые формы информационного и финансового отчетов на примере Конкурса СО НКО на право получения субсидии из бюджета Республики Татарстан (Конкурсу Министерства экономики РТ). Это предложение связано с проблемой произвольной отчетности у Конкурса Кабинета министров, что создает трудности как для представителей НКО, так и для работников Министерства Труда, занятости и социальной защиты населения, которые являются исполнителем звеном Конкурса.

Литература

1. Послание Президента Федеральному Собранию [электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. Режим доступа: <http://kremlin.ru/>. Дата обращения: 05.01.2015.
2. Доклад Общественной Палаты РТ 2014 г. [электронный ресурс] // Общественная Палата Республики Татарстан. Режим доступа: opr.tatarstan.ru. Дата обращения: 22.02.2015.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СИРИИ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ РИСКА SOCIAL POLICY IN SYRIA: THE CONCEPT OF SOCIAL RISK SITUATIONS

И.Э. Петрова, Н. Ибрагим

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.E. Petrova, N. Ibraheem

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Проблема рисков в исследовании развития социальной ситуации является одной из актуальнейших проблем современного социально-гуманитарного знания. Тем не менее, чаще всего она осмысливается не системно, отсутствует целостный взгляд на социальную реальность. Развитие социальной ситуации и

реализация социальной политики в условиях риска в современной Сирии предстают как предмет изучения российских и зарубежных исследователей.

The problem of risk in the study of the social situation is one of the most urgent problems of modern social-humanitarian knowledge. However, more often than not, it is interpreted systematically, in the absence of a holistic view of social reality. Development of the social situation and the implementation of social policy in the conditions of risk in modern Syria are seen as the object of study of Russian and foreign researchers.

Ключевые слова: риски, социальная ситуация, социальная политика.

Keywords: risks, social situation, social policy.

В настоящее время в Сирии и на Ближнем Востоке происходит развитие насильственных конфликтов, которые могут привести к дестабилизации национальных государств. В Сирии за время гражданской войны пострадали или были разрушены, как минимум, 290 мест культурного и исторического наследия, – сообщается в докладе Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) [1]. По данным ООН, в результате вооруженного конфликта, который начался в марте 2011 года и вскоре перерос в полноценную гражданскую войну, были убиты более 200 тысяч человек. Число сирийцев, которые были вынуждены бежать в соседние государства, превысило четыре миллиона человек, и почти 3 миллиона человек покинули страну в качестве беженцев. Только за последние 10 месяцев Сирию покинули миллион человек [1].

Конструкт социальной ситуации и развитие ее в условиях риска достаточно мало используется в социальных исследованиях российских ученых. Ю.Н. Москвина в диссертационной работе «Социальные ситуации риска» анализирует ситуационные подходы в философии и социологии, а также теории риска и формирует собственное видение проблемы. Автор полагает, что в последние десятилетия социум «поддерживает и продуцирует» все новые формы деятельности, в том числе и опасные для жизни человека в настоящее время и в будущем. Именно поэтому происходит увеличение социальных ситуаций риска. Риск исследователь определяет как «социальную деятельность, связанную с преодолением неопределённости в ситуации выбора, с возможностью оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи, отклонения от цели. Риск характеризуют как субъективные, так и объективные моменты» [2, 19].

По мнению автора, социальный субъект (Ю.Н. Москвина включает в эту категорию индивидов, коллективы, институции) проявляет черты носителя со-

циальной активности, деятельности, рефлексивности, социальной субъектности. Как подчеркивает автор, «в социальных реалиях субъект отображает интенцию «восхождения к риску» [2, 19].

Автор убедительно объясняет, что специфика деятельности субъекта социально-экономического действия с учетом влияния ситуационных факторов зависит от конкретики субъекта, области рискованной деятельности и факторов влияния на выбор рискованных альтернатив [2, 20].

Как считает Ю.Н. Москвина, в условиях возрастания риска в социально-экономическом пространстве «доверие выступает базовым принципом взаимодействия субъектов в ситуации риска, эксплицируется в качестве стабилизатора социальной ситуации риска» [2, 20].

Геополитические, социальные и экологические риски являются главными опасностями для мира в ближайшие годы. Об этом говорится в новом докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальные риски 2015» (Global Risk Report 2015). В документе также высказывается предупреждение о том, что возможности существующих систем глобального управления недостаточны для борьбы с глобальными рисками.

Доклад отражает мнения 900 экспертов, ответивших на вопросы Обзора глобальных рисков, проведенного Форумом с июля по сентябрь 2014 года, в рамках которого оценивается восприятие вероятности рисков, воздействие и взаимосвязи 28 глобальных рисков на временном горизонте в 10 лет. Риски группировались по пяти категориям: экономика, окружающая среда, мировая политика, общество и технологии.

В качестве примеров эксперты приводят ситуацию и события на Ближнем Востоке — в Сирии, где власти практически утратили возможность сдерживать экспансию «Исламского государства» на своих территориях.

Концепт социальной ситуации риска представляет множество возможностей для исследования факторов влияния на формирование социальной политики в Сирийской Арабской республике в настоящее время.

Литература

1. Доклад Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) [Он-лайн, доступ 15.09.2015 через <http://www.unhcr.org/559d648a9.html>].
2. Москвина Ю.Н. Социальные ситуации риска / Автореф. дисс. канд. филос. н., 09.00.11, Тверь, Тверской госуниверситет, 2004, 24 с.

3. Доклад Всемирного экономического форума (ВЭФ) «Глобальные риски 2015» (Global Risk Report 2015) [Он-лайн, доступ 15.09.2015 через <http://www.weforum.org/reports/global-risks-report-2015>].

**ПРИМЕНЕНИЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В ПОДГОТОВКЕ
СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
IMPLEMENTATION OF INTERNATIONAL EXPERIENCE
IN SOCIAL WORKERS' TRAINING**

Н.А. Птицына, О.К. Николаенко
Ивановский государственный университет
N.A. Ptitsyna, O.K. Nikolaenko
Ivanovo state University

Охарактеризован ряд направлений применения зарубежного опыта в процессе подготовки социальных работников. Наряду с позитивными результатами использования зарубежного опыта рассмотрены трудности и проблемы, возникшие в ходе его адаптации.

The article characterizes a number of spheres of abroad experience in the process of social workers' training. Along with positive implementation of international experience it reviews some drawbacks and problems of experience adjustment.

Ключевые слова: зарубежный опыт, международные программы, профессиональная подготовка, социальные работники.

Keywords: international experience, international programs, professional training, social workers.

Становление отечественной профессиональной социальной работы происходит в условиях постоянных перемен, что активизирует интерес исследователей и практиков не только к теоретическому осмыслению ее содержания как вида профессиональной деятельности, но и к пристальному изучению практического опыта, накопленного в данной сфере. В этой связи представляется целесообразным обращение к зарубежному опыту социальной работы, поскольку приоритет освоения профессионального пространства в данной сфере принадлежит зарубежным коллегам. Перспективным направлением совершенствования социальной практики в современных условиях является взаимодействие в области разработки и реализации международных проектов, позволяющих отечественным специалистам не только расширять профессиональную эрудицию, но и осваивать конкретные технологии социальной работы.

Специалисты Ивановского государственного университета уделяют пристальное внимание освоению зарубежного опыта, участвуя на протяжении ряда лет в реализации международных проектов и программ. Охарактеризуем некоторые направления применения зарубежного опыта в различных сферах социальной практики Ивановской области.

1. Обучение социальных работников уходу за пожилыми людьми и организация полевой работы с молодежью посредством реализации программ профессиональной подготовки, созданных на основе изучения опыта коллег графства Стаффордшир в рамках Международной программы «Партнерства в сфере здравоохранения и социальной помощи» (Великобритания, 2002).

Участие в реализации проекта «Обучение уходу за престарелыми в городе Иваново», осуществляемого администрацией г. Иваново, Ивановским государственным университетом, Советом графства Стаффордшир (Великобритания), позволило разработать систему индивидуальной профессиональной подготовки социальных работников, в основу которой положено освоение комплекса специфических знаний, умений и навыков, необходимых для работы с пожилыми людьми и инвалидами. В рамках реализации проекта в 2003 г. на базе учреждения открыто организационно-методическое отделение, сотрудники которого успешно осуществляют подготовку социальных работников и по сей день (причем в настоящее время костяк отделения составляют наши выпускники). Курс обучения рассчитан на один год. Инновационная особенность программы подготовки состоит в том, что полученные знания, умения и навыки можно применять непосредственно в практической деятельности. Индивидуально ориентированная организация учебного процесса дает возможность социальным работникам свободно определить последовательность освоения разделов теоретического материала, самостоятельно составить график учебных занятий. Организационно-методическое единство обучения и практической деятельности заключается в наличии индивидуальной образовательной траектории обучающегося социального работника, отражающей, с одной стороны, уровень его знаний, интересов и возможностей, а с другой – обеспечивающей ему возможность самостоятельно выступать активным участником организации собственной познавательной деятельности.

Программа предполагает поэтапное обучение социальных работников. Основная цель первого этапа – формирование основы для эффективной деятельности новых сотрудников в рамках учреждения, а также предоставление новым членам коллектива возможности освоить свою профессиональную роль и быстрее адаптироваться к условиям работы. Применяются различные методы обучения: групповой тренинг (в основе которого общая информация о работе

учреждения, профессиональных стандартах, системе обучения в рамках данной программы), самоподготовка (самостоятельное ознакомление кандидатов с материалами информационно-правового блока), индивидуальное обучение кандидатов под руководством специалистов по обучению.

На втором этапе (в ходе базового курса обучения) предполагается освоение обучающимися набора основных практических профессиональных знаний, умений и навыков. Применяются индивидуальные и групповые методы подготовки сотрудников; практическое обучение кандидатов осуществляется на рабочем месте под руководством куратора. Индивидуально ориентированная методика обучения позволяет работнику патронажа, в зависимости от имеющегося у него уровня квалификации, самостоятельно выбрать один из подходов к изучению материала (например, углубленное, ознакомительное, выборочное или расширенное усвоение той или иной темы).

На третьем этапе осуществляется оценка теоретических знаний и навыков профессиональной деятельности работников патронажа на практике. В ходе обучения используются ряд методов (проверка теоретических знаний, выполнение письменных упражнений, заполнение специальных форм-опросников в ходе тренингов, анализ практических ситуаций, прямое наблюдение за деятельностью сотрудника на рабочем месте, сбор и анализ свидетельств окружающих взаимодействующих с обучающимся в процессе исполнения им должностных обязанностей). Дополнительно изучаются образовательные потребности сотрудников, которые учитываются при определении направлений изучения теоретического материала и организации групповых тренингов. Групповые занятия позволяют обобщить имеющийся у работников практический опыт, способствуют выявлению типичных затруднений в процессе предоставления ухода, а также разработке алгоритмов разрешения рабочих проблем.

По окончании курса, основываясь на анализе отзывов обучающихся сотрудников, вносятся коррективы в программу обучения и разрабатываются рекомендации для обучающего персонала. Профильная подготовка, осуществляемая на основе дифференциации и индивидуализации обучения, позволяет учитывать способности и профессиональные интересы обучающихся, развивать мотивацию в получении практикоориентированных знаний, необходимых для более эффективного осуществления в профессиональной деятельности.

Проект «Обучение полевых работников г. Иваново» (Ivanovo Detached Worker Training), осуществляемый администрацией г. Иваново, Ивановским государственным университетом, Советом графства Стафффордшир (Великобритания), был направлен на оказание поддержки социально незащищенным группам детей и молодежи, содействие их интеграции в общество. Анализ опы-

та работы с молодежью по месту жительства в графстве Стаффордшир позволил заключить, что данная технология имеет высокую социальную значимость и может быть применена в условиях г. Иваново. Использование, например, такого метода, как работа на улице (*detached youth work*) предоставляла возможность создать отсутствовавший в регионе механизм осуществления социальной поддержки уязвимых групп детей и молодежи. В ходе реализации проекта был обучен персонал для работы с молодежью, организована работа по месту жительства; созданы условия для реализации инициативы участников данного проекта, скоординированы усилия различных организаций, работающих с молодежью, наконец, привлечено внимание общественности к проблемам молодежи города.

Однако практика совместной работы по осуществлению проекта показала, что эффективность его реализации непосредственно зависит от потребности в сотрудничестве каждой из сторон. Инициатива внедрения этой технологии принадлежала администрации города, что позволило обеспечить наличие ряда условий, например, выделение дополнительных ресурсов (финансовое и организационное обеспечение реализации программы обучения добровольцев методу полевой работы, представление помещений и оборудования, возможность организации семинаров выходного дня и др.). Вместе с тем мы столкнулись с определенными трудностями: настороженным отношением руководителей и специалистов сферы образования к этой технологии, низким уровнем готовности представителей общественных и политических организаций к участию в практической работе с молодежью; доминированием у руководителей проекта функции текущего контроля за его реализацией в ущерб аналитико-прогностической, суть которой в разработке стратегии организации работы с молодежью в городе Иваново на долгосрочную перспективу.

К сожалению, отсутствие четкой позиции у администрации города в определении перспектив внедрения инновационной технологии в сочетании с рядом объективных причин (неопределенность статуса как молодежного работника, так и молодежной службы; трудности соблюдения условий личной и профессиональной безопасности; отсутствие представления об условиях и системе оплаты труда сотрудников молодежной службы и др.) не позволило применить метод полевой работы в масштабах всей области. Сегодня эта социальная технология реализуется лишь в одном муниципальном районе (Вичугском) и зиждется на энтузиазме специалистов социально-реабилитационного центра.

2. Профилактика аддиктивного поведения молодежи – на основе опыта коллег из университета г. Клемсон (США, 2005) в рамках Международной образовательной программы «Открытый мир». Участие преподавателей универ-

ситета в данной программе послужило началом организации работы по пропаганде здорового образа жизни и профилактике аддиктивного поведения в молодежной среде.

Важными результатами международного сотрудничества с Национальным Фондом Мира (США) мы считаем не только организацию и проведение V Международного семинара «Профилактика и реабилитация наркозависимости в молодежной среде» и VI Международного семинара «Профилактика наркозависимости в молодежной среде»: «Инновационные социальные проекты в области формирования моделей здорового образа жизни и профилактики аддиктивного поведения в молодежной среде» (г. Иваново, 2006), но и создание добровольческого объединения преподавателей и студентов «Университет за жизнь» («УЖ»), действующего на социолого-психологическом факультете по настоящее время. Члены объединения активно участвуют в социально полезной общественной деятельности как университета, так и областного центра (руководители – Н.А. Птицына, Е.К. Маркова). Цели объединения – создание условий для формирования модели здорового образа жизни, а также профилактика девиантного поведения молодежи.

Кроме того, на базе санатория-профилактория ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет» создан Центр психологической помощи студентам «Стиль жизни», деятельность которого направлена на пропаганду здорового образа жизни учащихся и поддержку их соматического, психического и нравственного здоровья. Сотрудники центра оказывают студентам психологическую и психотерапевтическую помощь. Начиная с 2006 года на базе центра, а также на социолого-психологическом факультете проводится комплексная работа по здоровьесбережению.

Структура классического университета позволяет осуществлять здоровьесберегающую деятельность посредством интеграции образовательного процесса и лечебно-профилактического звена. Вместе с тем существует ряд проблем, затрудняющих эту работу (например, далеко не все преподаватели университета готовы расстаться с табакокурением и активно сотрудничать в этом направлении со специалистами центра; не совершенен инструментарий оценки эффективности деятельности по здоровьесбережению участников образовательного процесса и др.)

3. Организация волонтерского хосписного движения. Начиная с 2009 г. студенты и преподаватели социолого-психологического факультета ИвГУ, включились в работу волонтерского хосписного движения, функционирующего на базе Ивановского областного онкологического диспансера под руководством общественной организации «Регионкопомощь ХОСПИС», созданной

при активном участии некоммерческой благотворительной организации из Германии «Общество друзей города Иваново». Знакомство с опытом работы хосписного движения в Германии (насчитывающим более 80 лет) способствовало развитию этого вида добровольчества в нашем городе. В настоящее время в рамках деятельности хосписного движения волонтеры оказывают посильную помощь онкобольным, состоящим на учете в онкодиспансере, а также их родственникам. Добровольцы участвуют в оснащении хосписа специальным оборудованием, инвентарем, организуют и проводят благотворительные акции и концерты в преддверии праздников, осуществляют психологическое сопровождение онкобольных и др. Безусловно, студенты, обучающиеся в университете по специальностям «Социальная работа» и «Психология», приобретают практический опыт, способствующий более успешному освоению профессионального пространства, самоопределению в профессиональном сообществе. Существенную помощь в подготовке студентов-будущих психологов, социологов и социальных работников по вопросам психологического сопровождения онкобольных оказывают сотрудники ИООО «Регионкопомощь ХОСПИС». Вместе с тем, несмотря на социальную значимость этой работы, желающих пополнить ряды волонтеров не так много, поскольку многие юноши и девушки не готовы к большим психологическим нагрузкам. К тому же, в отличие от Германии, Франции и ряда других европейских стран, в России поддержка со стороны государства, к сожалению, в основном, носит декларативный характер.

Очевидно, что в условиях ограничения ресурсов повышается необходимость применения нестандартных социальных технологий (экономичных и результативных). При этом следует учитывать, что реальные изменения в социальной сфере возможны не только путем активизации усилий профессиональных социальных работников, но и путем вложения инвестиций в инфраструктуру (физических, интеллектуальных, социальных, финансовых и др.).

**СОЦИАЛЬНЫЙ РАБОТНИК В СИСТЕМЕ ПСИХИАТРИЧЕСКОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ ГЕРМАНИИ: СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ И
ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ**
**SOCIAL WORKER AS A PART OF THE PSYCHIATRIC SERVICES IN
GERMANY: SOCIAL ROLE AND ORGANIZATIONAL ASPECTS**

С.А. Судьин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

S.A. Sudjin

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается структура и функции социально-психиатрического центра как базового института социальной реабилитации психиатрических пациентов в Германии и роль социального работника в нем.

Structure and functions of social-psychiatric center as a basic institute of mental health patients' social rehabilitation in Germany and the role of social worker are analyzed.

Ключевые слова: социальная работа в психиатрии, психосоциальная работа, международный опыт социальной работы, социально-психиатрический центр, социальная реабилитация психиатрических пациентов.

Keywords: social work in psychiatry, psychosocial work, international experience of social work, social-psychiatric centre, social rehabilitation of mental ill patients.

Специфика психических заболеваний такова, что терапевтическое воздействие в широком смысле этого слова требует активного включения не только медикаментозного воздействия, но и обширного спектра технологий социальной работы на всех этапах и во всех социальных группах. Другими словами, если медицинское воздействие касается только клиента, технологии социальной работы распространяются еще и на его семью, профессиональное окружение, друзей и т.д. Психически больные на постстационарном этапе не всегда и далеко не сразу готовы вернуться к прежней жизни, фактически сломанной психотическим эпизодом. Они, как правило, глубоко ранимы, потеряли работу, кто-то остался без жилья, страдают от страхов и одиночества.

Бесспорным положительным результатом деятельности антипсихиатров, борющихся за изменение подхода к пониманию и терапии ментальных расстройств в 60-е годы XX века, является господствующая ныне, в том числе, в отечественной психиатрии идея о перенесении основного акцента медицинской помощи во внестационарные звенья, привлечение к этой работе немедицинского персонала из числа социальных работников, психологов, юристов. Основной

структурой, интегрировавшей эти звенья, стали социально-психиатрические центры.

Первые формы адаптационной работы в виде временных общежитий и терапевтических сожительств для психиатрических пациентов возникли в 70-е годы XX века. В качестве учредителей выступили общественные организации и фонды; в условиях нестабильного финансирования контактно-консультационные пункты первоначально возникали на территории психиатрических клиник или в непосредственной близости от них. Из подобных клубов для пациентов и волонтерских инициатив возникли структуры, ставшие спасательным кругом для многих психически больных. Из контактно-консультационных пунктов впоследствии выросли многопрофильные социально-психиатрические центры, интегрирующие в себе всевозможные формы вне-стационарной работы с психически больными, сотрудничающие с врачами, психиатрическими больницами, территориальными сообществами.

Как правило, один социально-психиатрический центр обслуживает территорию в 150000-250000 жителей и от 200 до 500 клиентов ежегодно. Учреждение социально-психиатрических центров является своеобразной инвестицией, выгода от которой проявляется в двух аспектах. Во-первых, они идут на пользу непосредственно психически больным, которые получают доступ к широкому спектру внестационарных и полустационарных услуг, а не лежат в стационаре. Во-вторых, позволяет экономить финансы за счет привлечения к социально-психиатрической работе ресурсы территориальных сообществ. Для сравнения: стоимость оснащенного социально-психиатрического центра, обслуживающего 200 клиентов, равна годовой стоимости стационарного лечения четырех пациентов.

Структура типового социально-психиатрического центра

1. Контактно-консультационный пункт (ККП) – стержневой элемент социально-психиатрического центра. Именно здесь большинство пациентов знакомится с предложениями Центра, происходят встречи с сотрудниками, которые в доступной манере могут объяснить клиентам, какие варианты помощи оптимальны в каждом конкретном случае.

Как правило, ККП организован в виде кафе с непринужденной обстановкой, что облегчает обращение клиента к сервисам Центра: можно просто прийти, не выполняя никаких формальностей, что комфортно для неконтактных и аутичных пациентов, которые не ищут помощи и недоступны для специалистов.

Многие клиенты ограничиваются однократным посещением, но в случае повторных визитов начинает формироваться доверие к сотрудникам, и больные

ищут дополнительную помощь, чтобы справиться с симптоматическими проявлениями или трудными жизненными ситуациями.

Помимо индивидуальных консультаций сотрудниками проводится групповая работа, клиенты при поддержке специалистов могут сами организовывать свой досуг.

Среди сотрудников Центра, помимо дипломированных социальных работников и социальных педагогов немало волонтеров, часто имеющих в своем прошлом успешный опыт психиатрического лечения.

Если в процессе консультаций выясняется, что возможностей одного лишь ККП недостаточно, с клиентом обсуждают возможность использования других вариантов: амбулаторное медицинское обслуживание, проживание в опекаемом социальными работниками жилье или пребывание в частично стационарном учреждении, например, отделении дневного пребывания.

2. Отделение дневного пребывания.

Отделения дневного пребывания (ОДП) – неотъемлемая часть Центра, предоставляющая различные варианты проведения времени – от простейших форм трудовой деятельности до тренировки бытовых навыков. Как правило, ОДП открыты пять дней в неделю с раннего утра до 17-18 часов, что позволяет освободить членов семьи от необходимости заботы о больном в рабочее время. Активность внутри ОДП предполагает выполнение несложной работы, позволяющей вернуть мотивацию на труд, решение бытовых вопросов, таких как приготовление пищи или мытье посуды, различные экскурсии и выезды.

Одной из важнейших задач ОДП является развитие коммуникативных и кооперативных навыков у больных; в процессе общения пациенты должны совместно организовывать свою деятельность со всеми правами и обязанностями. Результаты показывают, что после посещения ОДП клиенты получают возможность трудиться не только в специальных мастерских, но и находят работу, пусть несложную и низкооплачиваемую, на обычном рынке труда.

3. Квартиры, опекаемые социальными работниками (жильё с поддержкой).

Многие психически больные после успешного лечения нуждаются в помощи на начальном этапе постстационарной жизни. Квартиры, опекаемые социальными работниками, – весьма дорогостоящая форма, предлагаемая, однако, большинством Центров за счет спонсорских средств.

Опеку осуществляют социальные работники и социальные педагоги. В их задачи входит содействие в решении бытовых проблем, таких как ведение домашнего хозяйства, решение проблем с чиновниками и властями, походы к врачу, выстраивание распорядка дня. Совместное проживание группы пациен-

тов мотивирует каждого и обеспечивает им взаимную поддержку.

Для тех, кто неуютно чувствует себя в среде товарищей по несчастью, предусмотрены отдельные квартиры, также опекаемые социальными работниками. Поскольку возможности для опеки естественным образом ограничены, то от пациентов в данном случае ожидается большая инициатива и самостоятельность в преодолении трудностей повседневной жизни.

Цель данной формы помощи – развитие способностей психически больных до уровня самостоятельного функционирования в своей привычной среде.

4. Отделение трудовой терапии.

Большинство психически больных в силу своего состояния не могут заниматься трудовой деятельностью в привычном всем смысле. Работа на предприятии или фирме была бы для них слишком сложна, их возможности ниже даже самого щадящего режима. Однако, определенные возможности в их случае все же присутствуют, и есть смысл их поддерживать и развивать. Научно доказанным является тот факт, что отсутствие даже минимальной занятости потенцирует воздействие симптомов и, напротив, осознанная трудовая деятельность повышает субъективную удовлетворенность от жизни и положительно влияет на динамику болезни.

Варианты занятости в рамках Центра должны быть весьма разнообразными по содержанию и гибко организованы, чтобы максимально соответствовать возможностям и потребностям клиентов. Это могут быть творческие задания, изготовление несложных товаров, игрушек из дерева или глины. Другой вариант – это предоставление услуг, например, несложные строительные работы, освобождение помещений от хлама или мусора, транспортировка мебели, погрузочные работы и т.д. Также клиенты могут помогать сотрудникам в других отделениях Центра – например, кафетерии ККП или ОДП.

При выполнении возмездных работ пациенты/клиенты также получают процент от продаж, что тоже приближает их к реальности, а пусть и небольшой, доход пробуждает мотивацию.

К сожалению, в условиях растущей безработицы и автоматизации производства, позволяющей удешевлять стоимость товаров, не все социально-психиатрические центры располагают большим выбором трудовых альтернатив для своих клиентов, но примерный список вариантов занятости понятен.

5. Отделение психосоциальной работы.

Интеграция психически больных в общество включает в себя также трудовую реабилитацию. Сопровождение психически нездоровых работников – важная задача, решение которой является одной из функций социально-психиатрического центра. Психически больные особенно восприимчивы к кон-

фликтам на рабочем месте, не умеют адекватно реагировать на интриги и критику, в общении с ними часто возникает непонимание, а любая сложная ситуация грозит длительным обострением заболевания. Психосоциальная служба помогает решать проблемы, возникающие на рабочем месте, такие как:

- Больному грозит увольнение, и об этом намерении уже открыто заявлено;
- Психически больной не справляется с работой и ищет совета;
- У работника конфликт с руководством или коллегами;
- Больной возвращается на работу после длительного перерыва, вызванного болезнью;
- Проблемы в связи с частыми и долгими отсутствиями на рабочем месте;
- Больной считает, что его работа слишком сложна или слишком проста;
- У больного нарушена концентрация или внимание;
- Больного переводят на другую работу или рабочее место переносится на другую территорию и т.д.

Вмешательство психосоциальной службы помогает часто избежать увольнения, что сделало ее неотъемлемым элементом внестационарной помощи психически больным клиентам.

**АНАЛИЗ УЧАСТИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН В
РЕСПУБЛИКАНСКИХ ГРАНТОВЫХ КОНКУРСАХ ДЛЯ
НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ**
**ANALYSIS OF THE PARTICIPATION OF SOCIALLY ORIENTED NON-
PROFIT ORGANIZATIONS OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN IN THE
REPUBLICAN GRANT COMPETITIONS FOR NON-PROFIT
ORGANIZATIONS**

В.П. Сысоева, М.Н. Максимова
Казанский государственный медицинский университет
V.P. Sysoeva, M.N. Maximova
Kazan State Medical University

Рассматривается участие социально ориентированных некоммерческих организаций Республики Татарстан в Республиканских конкурсах, учреждаемых Кабинетом Министров Республики Татарстан и Министерством труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан. Проанализированы объе-

мы финансирования Конкурсов, наиболее частые участники, количество победителей в номинациях конкурсов, участие спонсоров и партнеров в осуществлении социальных проектов.

The article deals with the participation of socially oriented non-profit organizations of the Republic of in the Republican contest, established by the Cabinet of Ministers of the Tatarstan Republic and the Ministry of Labor, Employment and Social Protection of the Tatarstan Republic. Analyzed the funding of the competition, the most frequent participants, the number of winners in the competitions, participation of sponsors and partners in the implementation of social projects.

Ключевые слова: грант, конкурс социальных проектов, социально ориентированные некоммерческие организации, социальный проект.

Keywords: grant, a competition of social projects, socially oriented non-profit organizations, social project.

Некоммерческие организации (НКО) играют важную созидательную роль в процессе формирования и развития гражданского общества. Все более заметным становится их вклад в решение задач, стоящих перед страной, нашей республикой, что оказывает заметное влияние на социально-экономическую ситуацию в районах и городах, в социальной сфере.

Важное место среди негосударственных некоммерческих организаций занимают организации, оказывающие услуги в социальной сфере: в области социального обслуживания, социальной защиты, труда и занятости, образования, здравоохранения, культуры, спорта, поддержки пожилых, инвалидов, сирот, многодетных семей и других уязвимых слоев населения [1].

Объект исследования – социально ориентированные некоммерческие организации Республики Татарстан.

Цель исследования – проанализировать участие социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) Республики Татарстан в Республиканском конкурсе социальных проектов «Общественная инициатива» и Республиканском конкурсе на получение грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для некоммерческих организаций.

За 2011–2014 гг. победителями в 11 номинациях Республиканского конкурса социальных проектов «Общественная инициатива» стали 68 проектов. Большинство проектов-победителей участвовали в номинациях, учрежденных Министерством труда, занятости и социальной защиты РТ. Большинство участников-победителей данных номинаций – учреждения Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ: в 2011 г. – 11 учреждений, в 2012 г. – 9, в

2013 г. – 15, в 2014 г. – 11.

Финансирование конкурса социальных проектов за четыре года (2011–2014 гг.) составило 1 470 000 рублей. Денежные средства были выделены Министерством труда, занятости и социальной защиты РТ, Министерством по делам молодежи и спорта РТ, а также СО НКО – Благотворительным фондом «Ак Барс Созидание», который является главным внебюджетным спонсором Конкурса. В течение четырех лет им было произведено финансирование на общую сумму – 704 670 рублей.

Одним из источников внебюджетного финансирования, после Благотворительного Фонда «Ак Барс Созидание», являются представители бизнес-структур и индивидуальные предприниматели: за 2013–2014 гг. они вложили средств на сумму 256 586 руб. (38%). Финансирование Благотворительным фондом «Альпари» – 63 000 руб. (15%), органами местного самоуправления – 12000 руб. (3%) от всех вложенных средств.

Большинство спонсоров, принимавших участие в финансировании проектов Конкурса социальных проектов «Общественная инициатива», участвуют по несколько раз. В то же время, если конкурсант находится в небольшом городе, количество спонсоров ограничено или это один и тот же спонсор ежегодно[2].

В 2013 г. наиболее частыми участниками-партнерами финансирования социальных проектов «Общественная инициатива» были представители общественных организаций – 17(21%), бизнеса и индивидуальных предпринимателей – 9(11%), в то время как в 2014 г. данные представители бизнеса не были привлечены к спонсорской помощи, общественные организации – 2(1%), КДН и УМВД – 6(3%), казенные и автономные учреждения – 7(3%).

За 2011–2014 гг. в Конкурсе приняло участие 30, а победителями стали 15 общественных организаций (50%). Количество участников в 2011 г. составило 5 общественных организаций, в 2012 г. – 7, в 2013 г. – 3 [2].

За время проведения Конкурса в нем приняли участие пять некоммерческих организаций: Социальное бюро «Феникс», Фонд социального развития «Спринг», АНО Поволжская семейная академия «Умай», НКО «Мосты примирения», НКО «Два крыла».

В течение четырех лет в рамках Республиканского конкурса на получение грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социальной значимых проектов на территории Республики Татарстан, было выделено 34,5 млн. руб.: 2011 г. – 5 млн. руб., 2012 г. – 10 млн. руб., 2013 г. – 9,5 млн. руб., 2014 г. – 10 млн. руб. Число победителей увеличивается в 2012 г. в 2 раза, в 2012 г. – 2014 гг. остается приблизительно на одном и том же уровне.

Наибольшее количество учреждений-победителей представлено общественными организациями различной направленности – 148(65%). Также активно в конкурсе участвуют некоммерческие организации – 58(21%), общественные движения – 30(17%), в меньшей мере представлены автономные и муниципальные учреждения – 10(4%) [3].

В номинациях, где не было победителей, причина в том, что участники-организации не набрали нужного количества баллов при проведении экспертизы. Что касается остальных номинаций, где не было заявлено ни одного проекта, причины следующие:

– недостаточно учреждений, которые могут заниматься определёнными социальными проблемами, недостаточно разработаны нормативно-правовая база и механизмы их деятельности; недостаточно специалистов по данному направлению. По этим причинам разрабатывается мало проектов по номинации «социальная реабилитация лиц, освободившихся из мест лишения свободы»;

– осуществление номинации «1.2. Разработка механизмов обеспечения прозрачности деятельности Управляющих компаний в сфере жилищно-коммунального хозяйства» – это достаточно трудоёмкое занятие, поэтому некоммерческие организации пока не готовы этим заниматься.

ВЫВОДЫ:

В Республиканском конкурсе социальных проектов «Общественная инициатива» социально ориентированные некоммерческие организации за период 2011–2014 гг. были представлены пятью организациями (7%) от общего числа всех учреждений.

Главным внебюджетным спонсором Конкурса – является Благотворительный фонд «Ак Барс Созидание». Министерство труда, занятости и социальной защиты – главным учредителем и спонсором за счет бюджетных ассигнований.

Общественные и некоммерческие организации активно участвуют в оказании социальных услуг в рамках Конкурса Кабинета Министров Республики Татарстан, за период с 2011–2014 гг. составили 75% от общего числа участников.

Литература

1. Исаева В.А. Источники финансирования некоммерческих организаций, и управление ими // Экономические исследования. 2015. № 2. С. 41–42.
2. Максимова М.Н. Экономический механизм ресурсобеспечения системы социального обслуживания: Монография. Казань: Изд-во Казанского ун-а, 2006. 308 с.

3. Победители Республиканского конкурса социальных проектов «Общественная инициатива» 2011–2014 гг.: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства труда, занятости и социальной защиты РТ.
4. Победители Республиканского конкурса на получение грантов Кабинета Министров Республики Татарстан для некоммерческих организаций, участвующих в реализации социально значимых проектов на территории Республики Татарстан: [Электронный ресурс] // Официальный сайт МТЗ и СЗ РТ.

**ПОДГОТОВКА БРАЗИЛЬСКИХ УЧИТЕЛЕЙ К РАБОТЕ В УСЛОВИЯХ
ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИЛИ ОТСУТСТВИЕ ТАКОВОЙ
BRAZILIAN TEACHER EDUCATION FOR INCLUSIVE WORK
(OR LACK THEREOF)**

С.С. Фидальго
Федеральный Университет Сан-Паоло, Бразилия
S.S. Fidalgo
Federal University of Sao Paulo, Brazil

Рассматриваются проблемы наличия педагогических кадров для инклюзивного образования в Бразилии. Делается вывод о важности инклюзивного образования с условием соответствующей подготовки учителей.

Problems of availability of pedagogical staff for inclusive education in Brazil are considered. The conclusion about importance of inclusive education under the condition of the relevant training of teachers is drawn.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с особенностями развития, подготовка педагогических кадров для инклюзивного образования в Бразилии.

Keywords: inclusive education, children with special needs, teacher education for inclusive education in Brazil.

This paper aims at discussing an investigation which has been carried out in the outskirts of São Paulo, Brazil, in public schools with teachers whose students come from rather underprivileged backgrounds, i.e.: some are raised by grandparents because their parents are in jail due to involvement in drug trafficking; some are very poor and go to school for the food that they can receive there as much as for the education (or even more so for the food); some have fallen victims of drug dealers themselves and are already trafficking inside the schools. Personally, I consider this a spe-

cial social need, but this is not what this paper is about. Some children have special physical or intellectual needs. Sometimes, in one class, we might find a child who is dyslexic, another who is deaf, a couple who are blind, etc. In order to better contextualize, it is also important to say that most public school classes are overcrowded – with between 40 and 60 students for state schools and between 30 and 40 for local, municipal schools -, there is only one teacher per class, in the case of the state school; in the case of the local school, there may be a teacher and a Sign Language instructor where deaf students are enrolled. I said “may be” because this is a legal right, but not necessarily a practice in every school. It all depends if there are professionals available, and there are not many in São Paulo yet. Sometimes, Sign language interpreters are hired for the job, but they are not teachers. Sometimes, instructors are hired, but with little or no teacher education per se. So they do a rather lousy job at instructing deaf children too. The teachers themselves have little, if any, education on special needs. Most have none. This is the general picture.

I speak from the social place of an Applied Linguist, which means that I believe that it is through language that we can maintain or challenge the *status quo*. I prefer question and make room for others to question too. This allows for empowering. The research that I will briefly discuss here was carried out in my research groups: ILCAE and GEICS. The first stands for Language Inclusion in Educational Activities Scenarios. The second, Study Group on Deaf Identity and Culture.

Our theoretical background is mostly the Sociocultural-historical theory – especially some of the concepts found on Volume 2 of Collected Works (Fundamentals of Defectology, written mostly in the 1920s, but published in English in the late 1990s). According to Vigotski, “the child whose development was prevented by a defect does not become simply a less developed child. She becomes a child that develops differently.” The psychologist also states that “The development of a blind child, for example is not equal to a normal development minus vision. Studies have long proven that child development is (...) a chain of metamorphosis.”

In Brazil, however, teaching-learning and development of children with special needs are still dealt with by looking at what they lack – both in schools and in the policies that are published for these children. There is still very little work on how the children learn; how they deal with their special needs; which metamorphosis are been operated on them so they can continue to grow. It is taken for granted that they can do very little – if anything – simply because they have a special need. In some schools, if they have a medical report which states that they have a special need, for example, the school will say: “they have a report. We don’t need to do anything with them. We don’t need to worry.” So, no material is prepared for those children and no work is carried out with them.

Once again, this is the result of poor or no education provided for the teacher. Therefore, the teacher is also excluded due to poor public policies – that s/he does not know how to put into practice because s/he is still not educated (at university) with these policies in mind. The university syllabus is still very content based, fragmented, and geared for the epistemological area that the student-teacher will have to teach in the future. So, when they leave their undergraduate courses, they feel lost and they join a group of already lost teachers who say about teaching children with special needs:

*M21: (...) What we felt (not only the others. I felt it too) was that: you can bring the child who needs to be included [to the school], but the problem is: **how are we going to work with this child? The only question the professional teacher has – at least that’s what I feel – is: “Ok, bring the child, but how do I deal with her? NO one tells me what to do. And I can’t guess.***

*(...) So all this discussion about inclusion, on the part of the teacher, is always the same thing: “**No problem, you can bring them, but how am I going to work?**”*

In this case, teaching becomes a daily struggle that scares the teacher:

*Sa4: (...) I... At first, when I started teaching here, I **faced** some students with disabilities, you know? I was a **little uncertain**, you know? I mean, I was a **little scared**. (...) And I was **terrified** to have to face them, you know? Because nobody had told me anything and I knew I was going to get that group. I was really **very worried** with what I was going to face here.*

With fear, teachers feel paralyzed for some time; perhaps for a term before they can act on their teaching and reach the child. Sometimes they do not act. Some results of this practice for the exclusion of students with special needs (this lack of education for teachers, and for the increase of teacher exclusion are the amount of myths that arise at schools about the special needs. I have chosen one to speak about:

Hearing loss: many teachers think that:

1. Every deaf child can read lips;
2. Sign language is equivalent to the manual alphabet – so if you have learnt the alphabet you have learnt enough to communicate with deaf children;
3. Every deaf child can learn how to speak if you speak slowly at him/her;
4. If the school includes an interpreter in the classroom, all the problems with the deaf child will disappear, because the deaf child naturally knows sign language.

To illustrate this myth, I have a text from a teacher:

“I have several students with special needs. (...) the ones that are more evident and that I can remember immediately are:

On 5th grade, two deaf brothers. They are in separate rooms, Marcelo 5D and

Miguel 5A. I think that Marcelo is the oldest and knows very little LIBRAS (Brazilian sign language). He simply copies the activities from the board and is more agitated. He makes noises to call our attention when he wants something.

Miguel knows Libras and participates in the lessons. He wrote a simple text in English with the help of his peers; he does the written activities with the help of his peers. I don't know LIBRAS. I speak with him very slowly and in Portuguese and some words in English and he repeats the sound that he understands. (...) (English teacher from municipal school in São Paulo).

This is a typical example: the teacher has several students with special needs, but she does not say that she has a helper or an LIBRAS instructor for the deaf students. Because there is no teacher education for her, she lacks in knowledge to understand the deaf students that she is describing. For example: she complains that Marcelo makes too much noise when he wants to call attention. How else would a deaf child, who does not speak call attention? She says that Miguel wrote a composition with the help of his friends and that he knows a little bit of LIBRAS; that she speaks in Portuguese and English and he repeats the sounds? How is this even possible if there is no speech therapist helping him in class or even at home? How does he know the sounds to repeat? I am sure he repeats something that are similar to the words she says, but this is mere parroting. He is not following the lesson.

As for the composition (see appendix 1): it was written in Portuguese, except for the title (My family) – although the lesson is in English; he uses articles (os, o, as), prepositions (em, na, de, do) and linking words (e) – grammar words that do not exist in LIBRAS and that deaf students who know LIBRAS and are learning Portuguese have enormous trouble using in this second language. So, either Miguel is a very special young men, with a privileged intelligence for languages or he copied the composition from his colleagues. But the teacher cannot know any of this because she has 40 students to attend to and has no knowledge of LIBRAS or education in special needs.

I agree it might be important to include children with special needs in regular schools, but not without education for the teachers. Vigotski (1920-1930/2001:384) clarifies that when we speak of a child with visual impairment, for example: "(...) all the psychological and pedagogical laws in which we base education still apply;" and "(...) all our requirements should be guided in the sense of taking the blind's experience from the strict limits of their impairment and link it, in the broadest and most intimate manner, to the social experience of humanity (ibid:385)". Speaking of the child with intellectual needs, he also states that: "From the psychological point of view, it is extremely important not to lock these children in specific groups, but to practice with them the coexistence with other children in the broadest sense possible

(ibid: 389).” I agree. It is important to think, as Freire (1996) would say, of an ethics of sociohistorical possibilities rather than of sociohistorical determinations. History should not simply predetermine who we are.

Bibliography

1. Freire P. 1996. *Pedagogia da autonomia*. Rio de Janeiro: Paz e Terra.
2. Vigotski L.S. 1920-1930. *The collected works of L.S. Vygotsky: volume 2: The fundamentals of defectology*. (edited by Robert W. Rieber). New York/London: Kluwer Academic Publishers.

**ПО- ДРУГОМУ И ХОРОШО!
ПЕРВЫЙ ИНТЕГРАТИВНЫЙ ОТЕЛЬ И КАФЕ В ЕВРОПЕ
DIFFERENCES ARE GOOD!
THE FIRST INTEGRATIVE HOTEL AND CAFE IN EUROPE**

В. А. Чигиркина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.A. Chigirkina

Nizhniy Novgorod State University of N.I. Lobachevsky

Излагается материал о первом в Европе интегративном отеле и кафе, в которых работают люди с инвалидностью и различного рода зависимостями. Эти заведения являются социальными проектами города Гамбург, под патронажем немецкого общества «Молодежь помогает молодежи». Целью общества является интеграция людей с особыми потребностями в «нормальную жизнь».

In this article the author tells about the first integrative hotel and café in Europe, that employ people with disabilities and various addictions. These institutions are the social projects of the city of Hamburg, administrated by German society «Youth helping youth» The aim of this organization is the integration of people with special needs in the «normal life».

Ключевые слова: интегративный отель, инвалидность, зависимость, социальный проект, Германия.

Keywords: integrative hotel, disability, dependence social project, Germany.

Гамбург – один из крупнейших городов Германии, в его районе Альтона больные и зависимые молодые люди участвуют в управлении отелем и кафе. Их цель – иметь рабочие места и быть полноценной частью экономической и

общественной жизни страны. Войдя в отель, многие гости удивлены, когда в фойе «Stadthaushotel» их встречает работник с синдромом дауна. Мало кто ожидает увидеть в отеле сотрудника-инвалида, а некоторые вообще полагают, что люди с физическими или умственными недостатками, конечно, не могут работать в сфере услуг и уже тем более быть первыми лицами, которые встречают гостей; для людей с ограниченными возможностями есть специальные заведения. Однако, тех, кто так думает, ожидает приятное удивление. Стоит только посмотреть на то, с каким дружелюбием и радостью молодой человек с прогрессирующей мышечной дегенерацией сервирует гостям утренний завтрак. А его жена, с которой он познакомился в отеле, имеющая синдром дауна, с усердием и трудолюбием готовит куриные яйца на завтрак и наливает гостям кофе. Гости отеля еще ни разу не пожаловались на обслуживание девушки, а даже наоборот! Кроме того, в отеле работают и живут еще четверо людей с инвалидностью. 21 год назад их родители осуществили свою идею создания подобного вида отеля. После смерти родителей, в 2000 г. немецкое общество «Jugend hilft Jugend» – «Молодежь помогает молодежи» взяла управление отелем на себя и расширила его на шесть комнат и кафе.

Трехзвездочный отель в Альтоне предлагает своим гостям комнаты, полностью оборудованные в соответствии с требованиями людей с различными видами инвалидности. Этот отель был открыт в 1993 г., тогда подобная идея была революционной, это был первый в Европе интегративный отель. В настоящее время в Германии существует около 25 подобных заведений.

Гости отеля с различными видами заболеваний чувствуют себя здесь особенно уютно не только потому что семь из тринадцати комнат оснащены специально расширенными дверями, высокими кроватями и специально оборудованными для инвалидов кресел ванными комнатами. Гости чувствуют себя уютно еще и потому, что в отеле работают сотрудники, которые так же, как и они, имеют особые потребности. Однако, большее количество гостей – это люди без инвалидности. Бизнесмены и туристы, группы и семьи также чувствуют себя уютно в этом отеле. Они приезжают сюда не из-за сочувствия, а из-за высокого качества обслуживания. Это не специализированный отель для инвалидов, это отель для всех. Это отель, не знающий дискриминации.

В настоящее время в Гамбурге в районе Hafencity («Портовый город») ведется строительство нового интегративного трехзвездочного отеля улучшенной категории, который будет предлагать гостям до 70 комнат, ресторан на 90 посадочных мест, конференц-зал и зал для переговоров, современное техническое оснащение, а самое главное, комнаты, соответствующие потребностям людей с ограниченными возможностями. Основными целями данного проекта являются

ся: отель без барьеров для людей с различными видами инвалидности с целью их интеграции в «нормальную» жизнь, концепция социального туризма, поддержка людей в престарелом возрасте, организация для них специализированных мероприятий, поездок выходного дня и небольших путешествий. В интернете существует сайт отеля, где каждый желающий может ознакомиться с проектом и оказать финансовую помощь.

Тридцать метров воздушной линии от «Stadthaushotel», на улице Макс-Брауер-Алее располагается кафе «Café MaxB». Разнообразное меню, столы обслуживают бывшие наркозависимые и душевно больные молодые люди. Социальные работники и воспитатели считают их деятельность не только интересной, но и общественно важной. Они говорят, что это просто хорошее кафе, посетители не должны заметить ничего необычного.

Как и отель кафе является социальным проектом. Здесь люди зарабатывают себе на жизнь. Это работа, соответствующая их возможностям и навыками, но происходит на открытой для других людей территории.

Финансовая сторона обоих проектов строго контролируется: они не должны быть социальными проектами, которые нуждаются в поддержке государства, а должны экономически и дальше сами себя развивать и поддерживать, считает Кай Визе, главный руководитель общества «Молодежь помогает молодежи». Кроме других многочисленных проектов, Кай Визе является руководителем и собственником кафе «Café MaxB» и отеля «Stadthaushotel». Люди, пережившие тяжелые героиновые и другие зависимости, успешно прошедшие лечение, пытаются найти в этой работе себя, победив неуверенность в себе. Это рабочее место, как Рубикон, который разделяет жизнь до и после зависимости. В кафе они привыкают к нормальному рабочему распорядку, являющемуся, безусловно, частью будничной жизни. Кафе предлагает шесть рабочих мест. Три из них ограничены контрактом в один год, другие три для людей с психическими заболеваниями – бессрочные.

То, что в Альтоне на улице Хольстенштрассе и на улице Макс-Брауер-Алее является буднями, на самом деле очень необычно. Это проекты первые в своем роде в Европе. Это комбинация рабочих мест для душевно- психически больных и для зависимых, которые доказывают, что они хотят работать и быть частью общества и рынка. Большинство проектов такого рода функционирует в настоящее время по принципу: много присмотра и поблажек и мало требований. Здесь же ситуация другая, руководитель и работники считают, что чем больше они зарабатывают, тем больше они гордятся собой и своей работой. Кафе предлагает высококачественную кухню: в обед готовят два повара с хорошим профессиональным образованием. Вечером кафе закрыто, однако оно

может быть отдано в аренду под различные частные и общественные мероприятия, включая обслуживание.

Кай Визе планирует предоставить сотрудникам попеременно работу в кафе и в отеле, чтобы молодые люди могли попробовать себя в разных сферах. Общество «Молодежь помогает молодежи» уже образовало в Гамбурге целую сеть помощи по поиску работы для больных зависимостью людей. В различных мастерских бывшие зависимые могут найти рабочее место на полный рабочий день или на частичную занятость. Посредничество осуществляется агентством «Zeitfluß» – «Поток времени», организованном на базе фонда «Молодежь помогает молодежи». Важно помочь людям сесть в нужный вагон, и стоит только запустить этот поезд, а дальше он поедет своим ходом.

Литература

1. Koch Sannah. Was Besonderes? Nö/ [Электронный ресурс]: URL: <http://www.trisomie21.de/stadthaushotel.html>
2. Bangert Uta., Integratives Hotel. Eines für alle/ [Электронный ресурс]: URL: <http://www.zeit.de/online/2009/04/stadthaushotel>

РЕАБИЛИТАЦИЯ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ: ОПЫТ ГЕРМАНИИ REHABILITATION OF OFFENDERS: THE EXPERIENCE OF GERMANY

Д.А. Шпилев

Нижегородская Академия МВД РФ

D.A. Shpilev

Nizhny Novgorod Academy of the interior Ministry

В статье рассматриваются подходы к внеюрной реабилитации правонарушителей в Германии. Особое внимание уделяется задачам социальных работников, занятых в системе юстиции. Описываются новые технологии эффективной амбулаторной ресоциализации осужденных, а также членов их семей, находящихся в состоянии социальной эксклюзии.

The article discusses approaches to rehabilitation of offenders in Germany outside the prison. Particular attention is paid to the tasks of social workers in the justice system. It describes new technologies of effective re-socialization of convicted persons, as well as their families, are in a state of social exclusion.

Ключевые слова: социальный контроль, ресоциализация, поднадзорный, правонарушитель, социальный работник.

Keywords: social control, resocialization, overseen by the offender, the social worker.

Многочисленные эмпирические исследования, проведенные немецкими социологами и криминологами, подтверждают широко распространенное мнение о том, что важнейшими факторами, влияющими на решение человека о начале, продолжении или завершении преступной карьеры, являются его актуальные социальные связи, включенность в естественные общественные отношения на уровне семьи, друзей, профессионального сообщества. Именно благодаря этим связям и обеспечивается действенный социальный контроль, во многих случаях способный предотвратить девиантное и делинквентное поведение [1]. Безусловно, в данном случае мы имеем дело с продолжением давней дискуссии о наиболее эффективных путях ресоциализации правонарушителей, а именно о выборе между тюремным заключением и условным осуждением. Иными словами, речь идет о превенции, то есть, о предупреждении, предотвращении правонарушений путем установления контроля над человеком или оказания ему необходимой помощи [2]. О том, что наказание правонарушителя путем лишения свободы часто приводит к крайне негативным последствиям, в немецкой социологической литературе написано достаточно много. В частности, говорится о том, что лишение свободы вредно и даже патогенно, что оно не способно предотвратить повторные преступления (рециды) [3, с. 87-100]. В качестве дополнительных аргументов в пользу внетюремного исполнения наказания приводятся данные о высокой стоимости одного дня содержания заключенного в немецкой тюрьме (75 евро), а также о том, что в современной немецкой тюрьме, помимо изучения так называемого воровского закона (кодекса чести), заключенные в полной мере усваивают субкультуру переселенцев (в том числе, особо жесткие поведенческие паттерны мигрантов из стран СНГ) [4, с. 246-265]. Таким образом, в сознании немецких граждан формируется мнение, что для успешной ресоциализации правонарушителю необходимо сохранить полноценный контакт с обществом, что и происходит, например, при условном осуждении с испытательным сроком. При этом за процессом ресоциализации условно осужденного наблюдает социальный работник, способный оказать поднадзорному (пробанду) всю необходимую помощь.

Следует отметить, что помощь условно осужденным и наблюдение за их поведением во время испытательного срока является сегодня в Германии связующим звеном между системой правосудия и поднадзорными. Задачи, поставленные законодателем перед социальными работниками, занятыми в этой сфере, очень разнообразны. С одной стороны, социальный работник должен помо-

гать поднадзорному, опекать его и заботиться о нем. С другой стороны, социальный работник вместе с судьей имеет право проверять и контролировать исполнение поднадзорным всех возложенных на него обязательств и предписаний. Именно поэтому положение социальных работников, опекающих условно осужденных, сложнее, чем у сотрудников полиции. Если для полицейских процессы оказания помощи и уголовного преследования не связаны друг с другом и касаются, как правило, совершенно разных людей, то в уголовном судопроизводстве функции контроля и оказания помощи направлены на одно и то же лицо и должны осуществляться в одно и то же время. Известно, что подобный ролевой конфликт типичен для всех сфер деятельности социальных работников. Часто в этой связи специалисты говорят о так называемом двойном мандате социального работника [5, с. 49-54]. Однако, если, например, при работе с наркозависимыми функция контроля со стороны социального работника является, скорее, латентной, то для сотрудников, наблюдающих за поведением условно осужденных, функция контроля зафиксирована в уголовном кодексе и, по существу, является превалирующей [6].

Следует сказать и о том, что вот уже несколько лет социальные работники, занятые в сфере юстиции, при исполнении своих профессиональных обязанностей испытывают значительные сложности, вызванные постоянно растущим количеством поднадзорных, постоянным ужесточением требований, мало эффективной организационной структурой, отсутствием четко определенных стандартов качества, нехваткой численности персонала и отсутствием у работающих сотрудников необходимой подготовки. Ситуация осложняется еще и недостаточным бюджетным финансированием со стороны государства, испытывающего объективные экономические трудности, поэтому единственным способом сохранить в будущем высокое качество социальной помощи в сфере юстиции является получение постоянного финансирования из негосударственных источников [7, с. 3-13].

Все больше споров возникает и по поводу целесообразности внетюремного исполнения наказания, что свидетельствует о том, что вектор дискуссии о наиболее эффективных путях ресоциализации правонарушителей в последнее время постепенно смещается в сторону необходимости ужесточения наказания. Подобная смена приоритетов социальной политики вызвана кризисом социального государства, внедрением новых моделей публично-правового управления, а также так называемой оптимизацией социальной работы, выражающейся в изменении всего спектра задач, разделения труда и распределения ресурсов [8, с. 20].

Тем не менее, даже в условиях финансового дефицита представители юстиции и социальной работы не отказываются от поиска наиболее эффективных путей ресоциализации правонарушителей (в том числе, уже находящихся в местах лишения свободы). В частности, следует особо отметить такие новые направления социальной интервенции, как работа с родственниками осужденных, с членами их семей, часто подвергающихся социальной эксклюзии со стороны соседей, коллег по работе и т.д., как только те узнают, что работают / проживают рядом с родственниками осужденного правонарушителя [9]. Многочисленны, в том числе, эмпирические исследования по поводу так называемой амбулаторной формы отбывания наказания заключенным, а именно использование электронного браслета для контроля передвижения осужденного вместо направления его в места лишения свободы. Все положительные и отрицательные стороны данной технологии (в том числе, и с точки зрения соблюдения прав человека) еще только предстоит оценить [10, с. 181-193]. Интеграция иностранных подростков в немецкое общество через привлечение их к активным занятиям спортом. Совместные занятия с немецкими сверстниками командными видами спорта, например, футболом, должны, по мнению немецких социальных работников, помочь подросткам научиться не применять насилие при разрешении повседневных конфликтных ситуаций [11].

Таким образом, при планировании и организации социальной работы в России опыт немецких коллег может быть полезен, поскольку позволяет использовать только проверенные технологии, доказавшие свою эффективность на практике.

Литература

1. Stelly W., Thomas J. Kriminalität im Lebenslauf: eine Reanalyse der Tübinger Jungtäter-Vergleichsuntersuchung (TJVU), (Tübinger Schriften und Materialien zur Kriminologie, Bd. 10), Tübingen 2005, 295 s.
2. Papenkort U. Prävention: fachübergreifende Einführung in eine besondere Interventionsform, (Schriftenreihe der KFH Mainz, 3), Sankt Ottilien: EOS Verl. 2008, 279 s.
3. Alex M., Feltes Th. Von der Pathogenie des Strafvollzugs: rationale Erklärung für ein irrationales Phänomen // Auf der Suche nach neuer Sicherheit: Fakten, Theorien und Folgen, Wiesbaden: VS Verl. für Sozialwiss., 2008, s. 87-100.
4. Zdun S. Männlichkeitsvorstellungen junger Aussiedler im Strafvollzug // Gender-Mainstreaming – ein Konzept für die Straffälligenhilfe? Freiburg im Breisgau: Lambertus-Verl., 2007, s. 246-265.

5. Судьин С.А. Психиатрия и социальная работа: факторы взаимной интеграции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2011, №2 (22). С. 49-54.
6. Böttner S. Der Rollenkonflikt der Bewährungshilfe in Theorie und Praxis, (Kie-ler Rechtswissenschaftliche Abhandlungen, Bd. 46), Baden-Baden: Nomos Verl.-Ges. 2004, 345 s.
7. Steindorfner M.: Strukturen und Finanzierung der Bewährungs- und Straffälligenhilfe // Bewährungshilfe: Soziales – Strafrecht – Kriminalpolitik, Jg. 53/2006, H. 1, s. 3-13.
8. Stelly W., Thomas J. Freie Straffälligenhilfe unter Veränderungsdruck – Zentrale Ergebnisse des Forschungsprojektes // Informationsdienst Straffälligenhilfe, Heft 1, 2009, s. 20.
9. Riklin F. Mitgefangen: die Gefangenen und ihre Angehörigen, Luzern: Caritas Verl. 2002, 100 s.
10. Mayer M. The German Pilot Project on electronic monitoring // Criminal justice in the United States and Germany: history, modernization, and reform, 2006, s. 181-193.
11. Sport, Fairplay und Gewalt. Beiträge zu Jugendarbeit und Prävention im Sport, Hildesheim: Arete, 2013, 168 s.

ОСОБЕННОСТИ МНОГОУРОВНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ
СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
(ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРОГРАММЫ И ПРОЕКТЫ)

ДОКЛАДЫ

**ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ К
ЭФФЕКТИВНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С КЛИЕНТОМ**
**THE PREPARATION OF THE SOCIAL WORK'S BACHELORS FOR THE
EFFECTIVE INTERACTION WITH THE CLIENT**

Н.Ф. Басов, В.М. Басова

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

N.F. Basov, V.M. Basova

Nekrasov Kostroma State University

Анализируется опыт подготовки бакалавров по направлению «Социальная работа» к построению эффективной коммуникации с клиентами. Раскрываются теоретические подходы к пониманию данного феномена, рассматриваются содержание, формы, средства подготовки будущих специалистов к взаимодействию, характеризуются условия успешности и пути совершенствования такой подготовки.

In this article the experience of the bachelors of the «Social Work» preparation to build the effective communication with clients is analyzed. In this regard, the theoretical approaches for the understanding of this phenomenon are disclosed, the content, forms, means of training the future specialists for interaction are examined, the conditions of the success and the ways to improve such training are characterized.

Ключевые слова: подготовка, взаимодействие, содержание, формы, средства, условия, технологии.

Keywords: preparation, interaction, content, forms, means, conditions technologies.

В современном мире социальная сфера находится в центре внимания общества и государства, науки и практики. Многие страны в этой связи переосмысливают не только накопленный опыт оказания помощи разным категори-

ям населения, но и содержание подготовки квалифицированных кадров для социально ориентированной деятельности.

В сложной экономической ситуации, которая сохраняется в Российской Федерации в последние десятилетия, четко формулируются требования работодателя к специалисту, его профессиональной деятельности: умение быстро и адекватно оценивать обстоятельства, способность слушать и понимать проблемы других, проявлять внимание и интерес к личности и ее потребностям, анализировать целесообразность предпринимаемых усилий. Таким образом, одним из актуальных вопросов подготовки бакалавров социальной работы является их готовность к осуществлению эффективного взаимодействия с клиентом.

В отечественной и зарубежной научной литературе феномен «взаимодействие» рассматривается философами, социологами, психологами, педагогами. В частности, с точки зрения философии, взаимодействие – это отношения, порождающие единство вещей и процессов чувственного мира, объективная и универсальная форма движения, развития, определяющая существование и структурную организацию любой материальной системы [1, 66].

В социологии данное понятие трактуется как форма социальной коммуникации двух и более лиц или общностей, в которой систематически осуществляется их взаимовлияние друг на друга, реализуется социальное действие каждого из партнеров, достигаются приспособление действий одного к действиям другого, общность в понимании ситуации, смысла действий и определенная степень солидарности или согласия между ними [2, 28]. Оно считается основной жизненной потребностью человека, что позволяет ему удовлетворять большинство своих интересов и раскрывать собственные ресурсы.

Характеризуя взаимодействие, ему приписывают устойчивость и непостоянство, формальность и неформальность, вербальность и невербальность, институционализированность и неинституционализированность и формы кооперации, конкуренции, конфликта.

П.А. Сорокин выделил два его уровня: микро (в рамках повседневной жизни в семье, образовательном учреждении, трудовом коллективе, дружеской компании) и макро (в обществе в целом) [3].

Таким образом, социальное взаимодействие может быть представлено как процесс обмена социальными действиями между двумя и более акторами, как способ установления и поддержания социальных связей, отношения между людьми и социальными группами, влияющие на их поведение.

Дальнейший анализ психолого-педагогических работ (Г.М. Андреева, А.И. Донцов, В.Н. Куницына, Р.С. Немов, Н.Н. Обозов, К.К. Платонов) убеждает, во-первых, в том, что изучаемое явление отличается сложностью проявле-

ний, многогранностью характеристик, универсальностью действий, ведущих к изменениям в состояниях объектов; во-вторых, оно предусматривает обмен идеями, волевыми импульсами, чувствами (Я. Щепаньский); в-третьих, как процесс взаимодействия людей и групп друг с другом имеет четыре признака (предметно, внешне выражено, субъективно наполнено, привязано к конкретной ситуации). Следовательно, взаимодействие – процесс непосредственного или опосредственного взаимодействия объектов (субъектов) друг с другом, порождающий их взаимную обусловленность и связь [4, 37]. Применительно к социальной работе оно определяется как установление связей между деятельностью специалистов различного профиля, участвующих в работе с клиентом, и клиентом (Д.Е. Иванов, Р.М. Куличенко, В.И. Курбатов, П.Д. Павленок, З.Х. Саралиева, Н.Б. Шмелева и др.).

Такое взаимодействие включает различные формы связей: взаимное информирование, сотрудничество, взаимопомощь, взаимное обучение и просвещение, понимание, принятие, признание. Поэтому содержание подготовки будущих социальных работников должно обеспечивать овладение этими формами и готовность к их использованию в повседневной практике, предполагает содержательное единство когнитивного, эмоционального и деятельностного блоков, психолого-педагогического, общепрофессионального и специального модулей в соединении с внеаудиторной деятельностью и социальными практиками.

Реализация содержательных аспектов подготовки бакалавров строится в соответствии с четырехкомпонентной моделью: вооружение знаниями (о сущности взаимодействия, его субъектах, особенностях общения с разными группами клиентов, роли сопереживания, о приемах регулирования отношений, предупреждения и преодоления затруднений в коммуникационном процессе и т.п.); формирование умений и навыков (определять эмоциональное состояние человека, ориентироваться в ситуации, устанавливать и поддерживать контакт, предлагать выбор, формулировать рекомендации, давать советы и др.); развитие установки на эмпатию и рефлексивность; стимулирование саморегуляции.

Сам процесс подготовки опирается на ряд принципов (практико-ориентированности, индивидуализации, вариативности, интеграции теории и практики, конгруэнтности, центрации, содержательной преемственности и динамичности позиций субъектов обучения), предусматривает постоянное восхождение на пути овладения студентами уровней взаимодействия (от вступления в контакт, обмена общей информацией, взаимопонимания проблемы к продуктивному совместному принятию решений, конструированию приемов организации деятельности и анализу эффективности).

Соответственно выделенной этапности производится отбор и использование форм, методов, приемов реализации концептуальных идей подготовки будущих социальных работников к взаимодействию с клиентами в ходе их обучения: мини-лекции, практические занятия, вебинары, импровизация, моделирование, прогнозирование, решение проблемных задач, групповая дискуссия, тренинги («Защита от манипуляции», «Ассертивное поведение»), ролевые игры («На приеме», «Конфликт», «Посредник» и др.), упражнения («Гордиев узел», «Паутина», «Хвалить или ругать», «Введение правил», «Вопрос-ответ» и др.). Таким образом, в центре внимания при подготовке бакалавров оказываются способы содействия клиентам в успешном разрешении жизненных проблем посредством анализа ситуаций, наблюдения за происходящим, высвобождения и развития ресурсов человека и окружающего его социума, понимания собственной роли в возникающих трудностях и путях их предупреждения.

Анализ эффективности предлагаемой подготовки обучающихся по направлению «Социальная работа» позволяет сделать вывод о необходимости соблюдения ряда организационно-педагогических условий: а) создание ситуаций, требующих осознания эмоциональных проявлений, поддержания мотивации к рефлексивной деятельности, снижению разного рода напряженности; б) использование комплекса методик диагностики, организации взаимодействия и сочетания образовательных технологий; в) деятельностно-творческий характер предлагаемых заданий, инициирующих диалог, выявление позиций, проблемных областей, осознание смыслов профессиональных действий и их последствий; г) включение многообразия педагогических средств организации социальной практики.

Таким образом, процесс подготовки обучающихся к эффективному взаимодействию с клиентом ориентирован на присвоение, воспроизводство, расширение опыта построения коммуникации в разных профессионально значимых ситуациях.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2001. 576 с.
2. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина. М.: Политиздат, 1989. 479 с.
3. Основы теории коммуникации / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2005. 615 с.
4. Словарь по социальной педагогике / Авт.-сост. Л.В. Мардахаев. М.: Изд. центр «Академия», 2002. 368 с.

5. Коротаяева Е.А. К истории становления категории «педагогическое взаимодействие» // Понятийный аппарат педагогики и образования. Вып. 5. М.: Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 2007. С. 219-234.
6. Социальная работа / Под ред. Н.Ф. Басова. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2015. 352 с.

**ВОЗМОЖНОСТИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ И МАГИСТРОВ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ**

**VOLUNTEERING VISTA IN THE SOCIAL WORK
BACHELOR AND MASTER EDUCATION**

М.Н. Бородатая

Вятский государственный гуманитарный университет

M.N. Borodataya

Vyatka State Humanities University

Раскрываются возможности добровольческой деятельности и опыт кафедры социальной работы ВятГГУ в использовании возможностей добровольчества в подготовке бакалавров и магистров по социальной работе, приводятся основные направления вовлечения студентов в овладение теоретическими и прикладными основами добровольческой деятельности.

The article is devoted the possibilities of voluntary action and the experience of the chair of social work VyatGGU to use the volunteering opportunities in the preparation of bachelors and masters in social work and is given the examples of involvement of students to take possessions the mastery of theoretical and applied foundations of volunteerism.

Ключевые слова: добровольчество, социальная работа, возможности добровольчества в подготовке бакалавров и магистров по социальной работе.

Keywords: volunteering, social work, volunteering opportunities in the bachelor's and master's degrees in social work.

Содержание подготовки бакалавров и магистров по социальной работе определяется особенностью современного правового и технологического поля социальной работы. Теория и практика социальной работы развивается в условиях межведомственного и межсекторного взаимодействия и требует от будущих специалистов достижения высокого уровня профессионализма.

В стратегическом плане обозначились две встречных тенденции эволю-

ции социальной работы, касающиеся подготовки кадров (Артемьева М.Р. (Минигалиева), 2014):

1) профессионализация, хронологизация и даже бюрократизация, формализация социальной работы;

2) расширение сферы добровольчества неформализованных видов социальной помощи, включая организацию групп самопомощи, «ближайших помощников» [1, 119].

Социальная работа всегда была и сейчас тесно связана с благотворительностью и милосердием. Одной из форм проявления благотворительности на современном этапе является добровольчество. В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в РФ (2009 г.) государство видит в добровольчестве мощный потенциал и ресурс социально-экономической модернизации общества.

Ресурность является одним из распространенных смыслов добровольчества как социального явления и определяется как количественная мера возможности, позволяющая получить желаемый результат. Использование человеческого, технологического, ценностно-смыслового потенциала, опыта добровольческих организаций, объединений позволяет значительно обогащать, обновлять теорию и практику социальной работы, использовать возможности добровольчества в подготовке бакалавров и магистров социальной работы.

Добровольчество и социальная работа тесно взаимосвязаны друг с другом, они имеют общие ценностно-смысловые и функциональные основы, принципы деятельности и взаимодействия с клиентами.

Всеобщая декларация добровольчества определяет добровольчество как краеугольный камень гражданского общества. Оно привносит в жизнь устремления человечества к достижению мира, свободы, реализации возможностей, безопасности и справедливости для всех людей. (IAVE, Амстердам, 2001 г.)

Добровольчество является способом, посредством которого:

– в обществе поддерживаются и усиливаются такие человеческие ценности, как забота и помощь;

– люди реализуют свои права и ответственность членов общества одновременно с процессом познания нового, совершенствования своей жизни, полного раскрытия своего человеческого потенциала;

– могут быть установлены связи, которые независимо от различий способствуют тому, чтобы жить в здоровых, устойчивых сообществах, работать вместе над созданием инновационных решений общих проблем и построением общей судьбы. [2]

Добровольческая деятельность способствует вовлечению всего сообще-

ства в процесс определения и решения его проблем; дает возможность каждому быть услышанным; создает возможности людям приобретать новые знания и навыки, полноценно развивать свой персональный творческий потенциал и уверенность в себе; содействует семейной, общинной, национальной и глобальной солидарности. [3]

Новая редакция Кодекса этики социального педагога и социального работника, обсуждаемая на IV съезде социальных педагогов и социальных работников России (октябрь, 2014 г.) утверждает следующие ценности социальной работы: человеческое достоинство и солидарность, социальная справедливость и гуманизм, компетентность, социальная активность, мобильность и гибкость [4]. Именно указанные ценности являются основой добровольческой деятельности.

Добровольчество – форма социального служения, направленная на позитивные общественные изменения в социальной сфере. О.Н. Решетников определяет добровольчество как социальное поведение личности, основанное на альтруизме, сострадании, социальной ответственности в форме благотворительной или добровольческой деятельности по оказанию помощи другим людям. Эти личностные характеристики являются также профессионально значимыми для социального работника. [5]

Добровольческие организации и объединения с полной уверенностью можно назвать одним из ключевых субъектов социальной работы. Среди целевых ориентиров благотворительной деятельности ст. 2 ФЗ от 11.08.1995 № 135 – ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» выделяет следующие: социальная поддержка и защита граждан, улучшение материального положения малообеспеченных; социальная реабилитация безработных, инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, безнадзорных детей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; содействие укреплению престижа и роли семьи в обществе, содействие защите материнства, детства и отцовства, участие в деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. [6]

Субъектная роль добровольческих организаций как основного исполнителя по оказанию социальных услуг социально ориентированными некоммерческими организациями закреплена в новом Федеральном законе от 28 декабря 2013 г. № 442 – ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [7].

Совпадающими в социальной работе и добровольчестве являются объекты заботы и средства оказания им помощи. 70% ответов участников областного фестиваля-конкурса «Территория добровольчества» (Киров, 2011) указывают,

что основными целевыми группами добровольческих практик в Кировской области являются дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, дети с ограниченными возможностями здоровья, подростки группы риска, пожилые люди [8].

Потенциал и возможности добровольчества активно используются руководством и преподавателями кафедры социальной работы ВятГГУ в подготовке бакалавров и магистров по социальной работе в рамках образовательного процесса.

В учебно-исследовательской работе возможности добровольческой деятельности используются по следующим направлениям подготовки бакалавров и магистров по социальной работе:

1. В рамках учебного курса «Волонтерство в социальной работе» бакалавры изучают передовой инновационный опыт деятельности добровольческих организаций, в том числе в сфере социального обслуживания населения, раскрываются возможности привлечения добровольцев к решению социальных проблем нуждающихся групп населения, обсуждаются управленческие аспекты организации взаимодействия учреждений социальной защиты населения и добровольческих организаций, объединений. Изучение курса позволяет сформировать у студентов целостное представление о возможностях добровольчества и применение его в будущей профессиональной деятельности.

2. Студенты выполняют курсовые, выпускные квалификационные, магистерские исследования по изучению и формированию опыта привлечения добровольческих организаций к решению социальных проблем разных групп населения.

3. Студенты привлекаются к участию в социальных проектах и программах, реализуемых одним из партнеров кафедры, базовым учреждением всех видов практик СО НКО НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи». За период с 2012 г. более 30 студентов и преподавателей кафедры получили опыт добровольческой деятельности в форме сопровождения воспитанников интернатных учреждений на основе технологии наставничества в рамках социальных проектов «Маршрут социального успеха: инклюзивно-ориентированное сопровождение воспитанниц интернатных учреждений в предвыпускной и постинтернатный период» (2012-2013 гг.), «Старший друг: социально-педагогическое сопровождение воспитанников интернатных учреждений на основе технологии наставничества» (2013-2014 гг.), «Объединяем усилия: партнерство СО НКО во имя ребенка» (2015-2016 гг.). Участие студентов в проектах позволяет, с одной стороны, получить дополнительные знания о проблемах целевых групп проектов, с другой стороны, получить прак-

тический опыт работы с ними [9].

4. Студенты овладевают технологиями добровольческой деятельности, повышая свои проектные, исследовательские и технологические компетенции. Таковыми являются технологии социальной проектной деятельности, подготовки и проведения благотворительных акций, технологии социального театра и другие. По инициативе студентов направления подготовки бакалавр по социальной работе была подготовлена и проведена благотворительная акция «Рука дружбы» по сбору средств в помощь мальчику, больному сахарным диабетом. Благотворительная акция стала одним из мероприятий благотворительного марафона «Добрая Вятка» (май-июнь, 2014 г.) Акция прошла в трех корпусах ВятГГУ. Усилиями студентов и преподавателей собрано около 30 тыс. рублей. Среди участников акции распространено более 1500 открыток «Подарок другу».

Студенты имеют опыт участия в акции «Белый цветок» по сбору средств детям, больным туберкулезом, областном фестивале-конкурсе «Ее величество семья», областном фестивале социальных спектаклей.

Ежегодно 7 студенческих коллективов осуществляют постановку и показ социальных спектаклей по актуальным социальным проблемам с их последующим обсуждением в молодежных аудиториях. Технология социального театра является многофункциональной и используется как технология профилактики асоциальных проявлений в молодежной среде, коррекции страхов у воспитанников интернатных учреждений, активизации творческих и жизненных сил пожилых людей, клиентов социальных служб. Ежегодно бакалавры по социальной работе проводят детские театрализованные праздники для детей-инвалидов психоневрологического интерната пгт. Мураши.

5. Магистры по социальной работе в рамках социально-проектной практики знакомятся с опытом добровольческих практик в рамках областного фестиваля «Территория добровольчества».

6. Участие студентов в добровольческих практиках позволяет формировать социальный капитал будущих специалистов. Участвуя в добровольческой деятельности, бакалавры и магистры взаимодействуют с разными сообществами, представителями разных групп населения. Такое взаимодействие представляет собой горизонтальные характеристики социального капитала и представлено опытом общения и знанием проблем нуждающихся групп населения. Вертикальные характеристики социальных связей студентов формируются в процессе их взаимодействия с государственными учреждениями, органами исполнительной власти, администрациями социальных учреждений, СМИ, индивидуальными предпринимателями и учреждениями бизнес-сектора. Это обеспе-

чивает доступ к ресурсам, которые могут быть использованы как для индивидуального развития (построение карьеры, поиск места трудоустройства), так и решения актуальных проблем разных групп населения.

Добровольчество обладает определенными возможностями в формировании общекультурных и профессиональных компетенций бакалавров и магистров по социальной работе как через овладение теоретическими основами добровольческой деятельности, так и через приобретение опыта ее осуществления. Использование потенциала добровольческой деятельности позволяет обогатить личность будущего специалиста гуманистическими ценностями, сформировать готовность к сотрудничеству, консолидации разных групп населения.

Литература

1. Артемьева М.Р. (Минигалиева) О профессиограмме работника социальной службы // *Работник социальной службы*. 2014. № 5. С. 119-137.
2. Всеобщая Декларация Добровольчества, 2011. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kdobru.ru/materials/> (дата обращения 02.10.2014)
3. Ершова Н.Н., Бородатая М.Н. Добровольчество – школа гражданского становления молодежи [Текст]: учебное пособие / Н.Н. Ершова, М.Н. Бородатая. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 193 с.
4. Кодекс этики социального педагога и социального работника. Социальная работа. 2014. № 7. С. 10-18.
5. Решетников О.Н., Решетникова О.Н. Работа добровольцев с детьми, находящимися в социальной эксклюзии. М.: ООО «Издательство «Проспект», 2009. 240 с.
6. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135 – ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/104232/> (дата обращения 02.10.2014)
7. Федеральный закон от 28. 12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/70552648/> (дата обращения 02.10.2014)
8. Вятка – территория добровольчества. Учебно-методическое пособие / Под ред. Н.Н. Ершовой, М.Н. Бородатой. Киров, ВятГГУ, 2013. 71 с.
9. Сопровождение социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный опыт: монография / Н.Н. Ершова, М.Н. Бородатая, Г.И. Симонова, М.И. Лучинина, Е.В. Волченкова, О.А. Воронина. Под общ. ред. Г.И. Симоновой. Киров: ООО «Издательство Радуга – ПРЕСС», 2015. 185 с.

**СПЕЦИФИКА ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ
СФЕРЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ:
КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД
THE SPECIFICITY OF PROFESSIONAL TRAINING
IN YOUTH POLICY: A COMPETENCE-BASED APPROACH**

Т.К. Ростовская
*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*
Т.К. Rostovskaya
Moscow state humanitarian university by M.A. Sholohov

Автор, анализируя состояние кадрового потенциала молодежной политики, обозначает задачи новой профессионально-образовательной политики в рамках реализации Основ государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года. Уделяет особое внимание подготовке компетентностной модели выпускника магистратуры по направлению подготовки организация работы с молодежью.

The author analyses the state of the workforce capacity of youth policy and designates problems of a new professional and educational policy within the implementation of the development the foundations of state youth policy in the Russian Federation until 2025. The author also pays special attention to the preparation of the competence-based model of the master's graduate in the preparation course «organization of work with youth».

Ключевые слова: молодежь, образовательный потенциал специалиста, кадровый потенциал молодежной политики, компетентностные модели квалификации «бакалавр» и «магистр».

Keywords: youth, educational potential of the expert, workforce capacity of youth policy, competence-based models of qualification «bachelor's degree» and «master's degree».

Развитие компетенций работников, занимающихся вопросами молодежи, в том числе имеющих квалификацию «специалист по организации работы с молодежью», в настоящее время является ключевой задачей реализации государственной молодежной политики.

Согласно утвержденным в 2014 г. Основам государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 г., специалистом по работе с молодежью является имеющий соответствующую профессиональную квалификацию работник федерального, регионального или муниципального органа

исполнительной власти, органа местного самоуправления, а также организации любой формы собственности, осуществляющей работу с молодежью [1]. А работа с молодежью определена как профессиональная деятельность, направленная на решение комплексных задач по реализации молодежной политики в различных сферах жизни общества, взаимодействия с государственными организациями и общественными институтами, молодежными и детскими общественными объединениями, а также с работодателями. Важнейшим элементом институциональной составляющей молодежной политики в настоящее время является кадровое обеспечение сферы государственной молодежной политики.

Подготовка профессиональных кадров сферы молодежной политики ведется на государственном уровне с 2003 г., когда были разработаны и утверждены государственный образовательный стандарт, примерный учебный план и программы [2].

В 2005 г. был разработан Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования второго поколения по специальности 040104 «Организация работы с молодежью», в соответствии с которым областью профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью является:

- организация работы с молодыми людьми в молодежных сообществах по месту жительства, учебы, работы, отдыха, временного пребывания молодежи;
- организация помощи молодым людям, испытывающим трудности в процессе интеграции в общество;
- содействие занятости, трудоустройству, предпринимательству молодежи;
- участие в гражданско-патриотическом воспитании молодежи;
- содействие деятельности спортивно-оздоровительных организаций молодежи;
- организация управления и поддержки молодежных проектов и программ;
- поддержка актуальных и востребованных инициатив в молодежной среде [3].

В связи переходом на двухуровневую систему образования в Российской Федерации в 2009-2010 гг. были утверждены федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения уровней бакалавриата [4] и магистратуры [5] по направлению подготовки 040700 организация работы с молодежью. Безусловно, особый интерес представляет подготовка магистров по направлению организации работы с мо-

лодежью, так как область профессиональной деятельности магистров по работе с молодежью включает решение комплексных задач по реализации молодежной политики в сферах труда, права, политики, науки и образования, культуры и спорта, коммуникации, здравоохранения.

Необходимо также отметить, что объектами профессиональной деятельности магистров являются социокультурные процессы в молодежной среде, свойства и состояния молодежи, их проявления в различных областях социальной деятельности и взаимодействия на уровне индивида, группы, сообщества, а также способы и формы воздействия на молодежь, различные аспекты ее развития.

При этом конкретные виды профессиональной деятельности, к которым в основном готовится магистр, определяются образовательной организацией высшего образования. В этой связи, работая над созданием новой магистерской программы «Технологии работы с молодежью», кафедрой социологии и организации работы с молодежью Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова в начале 2014 г. было проведено исследование, целью которого являлось получение нового перечня компетенций выпускника магистратуры, соответствующий вызовам времени, потребностям работодателя и в целом, обеспечивающий решение приоритетных задач реализации государственной молодежной политики в России [6]. Полученный набор компетенций выглядит следующим образом: знает нормативные документы в сфере регламентации работы с молодежью, умеет их применять, участвует в разработке локальных нормативно-правовых актов; способен осуществлять аналитическую и экспертную деятельность в сфере молодежной политики; владеет передовыми технологиями работы с молодежью; владеет основными методами и методиками научного исследования проблем молодежи; умеет организовывать молодежь в общественные организации и руководить ими; обладает проектным мышлением: способен инициировать, руководить и реализовывать молодежные проекты; владеет технологиями профессионального самопознания, карьерными стратегиями.

Полученный перечень компетенций позволил пересмотреть и уточнить набор учебных дисциплин, включенных в магистерскую программу, обеспечивающий формирование заявленных компетенций.

Вместе с тем, отмечая развитие системы подготовки профессиональных кадров в сфере государственной молодежной политики в современном российском обществе (в настоящее время более 75 российских образовательных организаций высшего образования готовят кадры для работы с молодежью, выпущено более 1,5 тысяч специалистов), необходимо обозначить следующие про-

блемы: более 70% выпускников не идут работать по специальности; на федеральном уровне отсутствует профессиональный стандарт о подготовке специалистов в молодежной среде; не создан кадровый резерв специалистов по работе с молодежью с целью эффективного использования их профессионального потенциала в разных сферах деятельности.

Для решения обозначенных проблем, необходимо:

В первую очередь, внести изменения в приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 29 мая 2008 г. № 247н «Об утверждении профессиональных квалифицированных групп общеотраслевых должностей руководителей, специалистов и служащих» в части переноса должностей «специалист по работе с молодежью» и «специалист по социальной работе с молодежью» из 1-го квалификационного уровня профессиональной квалификационной группы «Общеотраслевые должности второго уровня» в 1-й квалификационный уровень профессиональной квалификационной группы «Общеотраслевые должности служащих третьего уровня». Это позволит увеличить заработную плату данным специалистам и остановить отток квалифицированных кадров из сферы работы с молодежью.

Во-вторых, разработать и утвердить профессиональный стандарт о подготовке специалистов в молодежной среде с целью установления их правового статуса.

Во-третьих, разработать механизм целевого набора для подготовки специалистов сферы молодежной политики в соответствии с потребностями отрасли.

В-четвертых, создать на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном базу данных выпускников образовательных организаций, выпускающихся по направлению подготовки «Организация работы с молодежью» (уровни подготовки бакалавр, магистр) – кадровый резерв с целью эффективного использования их профессионального потенциала в разных сферах деятельности.

Развитие системы кадрового обеспечения молодежной политики должно сопровождаться пересмотром сложившихся требований и параметров к кадровому потенциалу с точки зрения компетентностного подхода и новых условий оплаты труда для приведения в соответствие профессионального образования выпускников вузов с потребностями рынка труда. Этот подход молодежным структурам можно и нужно использовать в подготовке кадров, считая его государственным заказом на обучение и оказание рекрутинговых услуг с участием кадровых агентств.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Собрание законодательства РФ, 15.12.2014, N 50, ст. 7185. [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/70813498/> (дата обращения 11.08.2015).
2. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 12 августа 2003 г. № 3310 «Об эксперименте по созданию специальности «Организация работы с молодежью». [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/186418/> (дата обращения 12.08.2015).
3. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 декабря 2005 г. (регистрационный номер: 767 гум/СП) «Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по специальности 040104 Организация работы с молодежью». [Электронный ресурс] – URL: http://www.edu.ru/db/portal/spe/os_okso_zip/040104_2005.html (дата обращения 11.06.2015).
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 21 декабря 2009 г. № 773 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040700 – организация работы с молодежью (квалификация (степень) «бакалавр»). [Электронный ресурс] – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/97517/> (дата обращения 01.08.2015).
5. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 13 января 2010 г. № 18 «Об утверждении и введении в действие Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040700 – организация работы с молодежью (квалификация (степень) «магистр»). [Электронный ресурс] – URL: <http://base.garant.ru/55171681/> (дата обращения 01.08.2015).
6. Ростовская Т.К., Попова С.Ю. К вопросу о кадровом потенциале молодежной политики // Развитие воспитательного пространства вуза в свете государственных требований к качеству профессионального образования. Сборник научно-методических материалов. Выпуск II. Москва, 2014. С. 156-160.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

КРЕАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ THE CREATIVE COMPONENT OF THE RESEARCH COMPETENCE BACHELOR OF SOCIAL WORK

П.В. Ананин

Вятский государственный гуманитарный университет

P.V. Ananin

Vyatka State University of Humanities

Конкретизируется понятие «исследовательская компетентность». Приводится структура исследовательской компетентности бакалавров социальной работы. Автор определяет место и роль креативного компонента в структуре исследовательской компетентности бакалавров социальной работы.

The article concretize the concept of «research competence». There is the structure of research competence Bachelor of Social Work. The author defines the place and role of a creative component in the research competence Bachelor of Social Work.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, исследовательская компетентность, структура, креативный компонент.

Keywords: competence, research competence, structure, creative component.

Современные условия жизни требуют от выпускника высшего учебного заведения профессиональных знаний, а также готовности и способности применять эти знания на практике. Система образования, исследуя требования профессионального сообщества, синтезирует потребность обладать знаниями и умениями, а также готовность применять их на практике в интегративное понятие «компетентность».

Так или иначе, важным индикатором характера компетентности является деятельность. Она же одновременно является и одним из результатов освоения компетентности. В зависимости от видов деятельности мы можем выделить и различные виды компетентности: профессиональная, экономическая, политическая, социальная. Ключевой компетентностью в ходе подготовки бакалавров социальной работы является профессиональная компетентность [1].

ФГОС ВПО дает подробную характеристику профессиональной деятельности выпускников программ бакалавриата по направлению подготовки «Социальная работа». Предлагается выделять в структуре профессиональной социально-технологическую, организационно-управленческую, исследовательскую

и социально-проектную компетентность, которые, в свою очередь, раскрываются через набор общекультурных и профессиональных компетенций.

Важнейшими качествами личности специалиста признается готовность к самоуправлению, креативность, способность осуществлять поисковую деятельность, приобретать новые знания, видеть перспективы и планировать стратегию развития социальной сферы. В связи с этим активная исследовательская деятельность студентов может обеспечить подготовку практикоориентированной творческой личности, способной к эффективной профессиональной деятельности.

Сегодня особенно актуальна разработка механизмов и технологий формирования исследовательской компетентности как структурного элемента профессиональной компетентности будущих бакалавров социальной работы.

В связи с этим исследовательская компетентность бакалавра социальной работы представляет собой находящуюся в динамике интегральную иерархию компетенций, в своей совокупности представляющих форму отражения социальной действительности, способность и готовность к целенаправленному поиску, изучению объектов социальной сферы и выработку новых научных знаний о социальной действительности и их применению в практической деятельности.

Помимо структурирования исследовательской компетентности через систему компетенций в работах исследователей выделяется множество иных подходов, использующих различные основания для классификаций.

Так, Е.В. Набиева вводит в оборот следующие компоненты исследовательской компетентности:

- мотивационный: потребность в формировании исследовательской компетентности;
- когнитивный: включающий знание сути и назначения педагогического мониторинга, рефлексии и фасилитации;
- действенно-операционный: умение изучать, анализировать и прогнозировать результаты деятельности, способствовать повышению индивидуальной активности и работоспособности [2].

Расширяют подход к определению структуры исследовательской компетентности В.И. Горвая, О.Ю. Фетисова, добавляя к мотивационно-ценностному, когнитивному, действенно-операциональному и креативному компонентам коммуникативный и рефлексивный компоненты [3].

По-новому предлагает взглянуть на структуру исследовательской компетентности А.А. Губайдуллин, включающий ценностно-ориентировочный, проективно-творческий, предметно-преобразовательный, контрольно-коррекционный компоненты [4].

Необходимо отметить, что алгоритмично повторяющиеся и применяемые

на практике знания и умения, превращающиеся в навыки, даже имеющие под собой аксиологические, мотивационные и рефлексивные основания, не являются достаточными для суждения о том, что исследовательская компетентность имеет место быть. Исследовательская компетентность представляет собой сложную структуру, в составе которой необходимо выделить дополнительный компонент – креативный. Креативный компонент включает в себе способность решать проблемные задачи, применять творческий подход, искать нестандартное решение, моделировать, планировать и прогнозировать. Таким образом, креативный компонент является вершиной пирамиды компонентов исследовательской компетентности, выделяя ее в ряду других компетентностей и формируясь только исключительно при достаточной сформированности низших по уровню компонентов исследовательской компетенции.

Принимая во внимание разнообразие подходов к выделению структуры исследовательской компетенции и задачи, которые ставит ФГОС ВПО в соответствии с исследовательской деятельностью бакалавра социальной работы, предлагается рассматривать содержание исследовательской компетенции через совокупность следующих компонентов:

- *мотивационно-целевой* (рассматривается через понятие мотивации и наличия цели при выполнении исследовательской деятельности студентом-бакалавром);
- *когнитивный* (рассматривается через совокупность знаний, раскрывающих содержание исследовательской деятельности, является ключевым компонентом, составляющим базис структуры исследовательской компетенции);
- *коммуникативный* (рассматривается через способность в установлении контактов с различными субъектами, корректное восприятие критики, способность тактично подвергать сомнению, грамотность устной и письменной речи и т.д.);
- *процессуально-деятельностный* (рассматривается через выстраиваемый алгоритм деятельности, выполняемый в ходе исследовательской деятельности, основанный на имеющемся опыте);
- *рефлексивный* (рассматривается через способность к самокритике, самостоятельному контролю исследовательской деятельности, анализу и организации выводов, корректировке деятельности);
- *креативный* (рассматривается через способность прогнозировать развитие социальной ситуации, применять творческий подход в планировании и организации деятельности, решении задач).

Исследовательская компетентность в своей структуре представляет динамическую иерархию последовательно формируемых компонентов, содержанием наполнением которых являются требования ФГОС ВПО. Этот аспект должен позволить сделать процесс формирования исследовательской компе-

тентности многоаспектным. Его использование может привести к повышению качества подготовки научных кадров в сфере социальной работы.

Литература

1. Ананин П.В. Содержание и структура исследовательской компетентности бакалавров социальной работы [Текст] / П.В. Ананин // Материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. СПб.: НИЦ АРТ, 2015. С. 33-37.
2. Набиева Е.В. Формирование исследовательской компетентности студентов педагогического университета через систему спецкурсов по единой программе [Текст]: дисс. канд. пед. Наук. Иркутск, 1999.
3. Горовая В.И. Исследовательская компетентность как условие готовности магистра педагогического образования к исследовательской деятельности [Текст] / В.И. Горовая, О.Ю. Фетисова // Наука и мир. – Волгоград: Научное обозрение, 2014. С. 17-19.
4. Губайдуллин А.А. Формирование исследовательской компетентности студентов в условиях проектного обучения [Текст]: дисс. канд. пед. Наук. Казань, 2011.

**ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ
МЕЖДУ ВУЗАМИ НАГОРНО-КАРАБАХСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PROBLEMS OF THE ESTABLISHMENT
OF INTERNATIONAL RELATIONS BETWEEN
HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF NAGORNO-KARABAKH
REPUBLIC AND THE RUSSIAN FEDERATION**

А.Г. Арутюнян
Арцахский государственный университет

С.Г. Петикян
Университет Месроп Маштоц

A.G. Arutyunyan
Artsakh State University

S.G. Petikyan
Mesrop Mashtots University

Указываются некоторые проблемы, которые препятствуют и ограничивают возможности установления и развития связей между вузами Нагорно-Карабахской Республики и Российской Федерации.

The article describes some problems that hinder and limit the ability to establish and develop relations between universities of the Nagorno-Karabakh Republic and the Russian Federation.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, государство, международные связи.

Keywords: higher educational institution, government, international relations.

Нагорно-Карабахская Республика (далее по тексту – НКР) как независимое государственное образование была образована 2 сентября 1991 г. Начиная с указанной даты со стороны органов государственной власти НКР были осуществлены всевозможные действия, направленные на построение демократического и правового государства, что подтверждается принятыми Декларациями, конституционными законами и другими правовыми актами [1].

Кроме того, органами государственной власти было уделено особое внимание развитию социальной сферы, в частности, научно-образовательной, которая и сегодня продолжает оставаться одним из важнейших направлений государственной политики НКР.

Статья 42 Конституции НКР устанавливает, что каждый имеет свободу литературного, художественного, научного и технического творчества [2]. Говоря о высших учебных заведениях, необходимо отметить, что в НКР действуют государственный университет, негосударственные вузы, в той или иной степени установившие взаимосвязи с такими российскими вузами, для которых важное значение имеет не факт не признанности государства НКР, а повышение уровня образования и науки. Об этом свидетельствует деятельность Арцахского государственного университета как ведущего вуза НКР, который был создан в 1992 г. и со дня своего основания заключил договоры как с различными российскими вузами, так и с вузами непризнанных государств. Подобные договоры были заключены между негосударственным высшим учебным заведением НКР Месроп Маштоц и некоторыми вузами РФ. Однако предпринятые попытки развития международных связей между вузами НКР и РФ приводили к тому, что не удавалось установить сотрудничество по различным направлениям. Как показал опыт сотрудничества, многие положения международных соглашений, заключенных между вузами НКР и РФ, остались лишь на бумаге.

В настоящее время главной причиной отсутствия эффективности сотрудничества между вузами НКР и РФ является факт не признанности государства НКР. Именно данная проблема препятствует тому, чтобы студенты, научные сотрудники НКР смогли интегрироваться в международную научную сферу.

Из-за отсутствия международных связей научные работники НКР и РФ лишаются возможности обмениваться опытом, представлять результаты своих научных трудов на территории данных государств, ознакомиться с научными достижениями ученых, проживающих в НКР и РФ, использовать научный потенциал для реализации совместных проектов. Кроме того, данная проблема не позволяет научным сотрудникам НКР и РФ получить гранты, которые выделяются государствами, а также негосударственными фондами.

Другая проблема, препятствующая установлению международных связей между вузами НКР и РФ, лежит в политической плоскости. Сказанное подтверждается активной лоббистской деятельностью Азербайджана в отношении НКР, проявляющейся в том, что Азербайджан использует различные средства для изоляции НКР от возможности сотрудничества с какими-либо институтами, в том числе в сфере образования и науки, и участия в каких-либо международных организациях.

Исходя из вышесказанного, следует заметить, что в настоящее время существующие между вузами РФ и НКР связи не являются наилучшими и не могут послужить основой для эффективного сотрудничества. Активизация и развитие сотрудничества в образовательной сфере выгодно двум государствам, особенно учитывая тот факт, что РФ является сопредседателем Минской группы ОБСЕ по урегулированию нагорно-карабахского конфликта и, используя научную сферу, можно наиболее достойно представлять и обосновать политико-правовые и другие аспекты решения данного конфликта.

Литература

1. Декларация о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики от 02.09.1991 г.; Декларация о государственной независимости Нагорно-Карабахской Республики от 06.01.1992 г.; Конституционный Закон «Об основах государственной независимости НКР» от 08.01.1992 г. – URL: <http://www.president.nkr.am/ru/constitution/fullText> (дата обращения 01.07.2015 г.).
2. Конституция Нагорно-Карабахской Республики от 10.12.2006 г. – URL: <http://www.president.nkr.am/ru/constitution/fullText> (дата обращения 01.07.2015 г.).

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ
СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В МОРДОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМ. Н.П. ОГАРЕВА
THE MAIN FORMS OF INTERACTION OF THE UNIVERSITY
WITH EMPLOYERS (FOR EXAMPLE DEPARTMENT OF
SOCIAL WORK OF OGAREV MORDOVIAN STATE UNIVERSITY)»**

Д.А. Бистяйкина, Т.В. Соловьева
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
D.A. Bistiaykina, T.V. Solovyova
Mordovian state University named after N. P. Ogarev

Обобщается опыт организации индивидуального подхода в процессе обучения и практики на кафедре социальной работы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева».

The article is devoted to the organization of individual approach in the process of learning and practice at the Department of social work «Mordovian state University. N.P. Ogarev».

Ключевые слова: социальная работа, обучение, практика, умение, опыт, индивидуальный подход, студент.

Keywords: students, teaching, practice, skill, experience, individual approach, social work.

Профессиональная подготовка студента как будущего специалиста включает в себя профессиональную составляющую (соответствующие знания и умения), формирование профессионально важных личностных качеств, а также профессиональную социализацию. Учебный процесс по направлению «Социальная работа» направлен на освоение различных компетенций, необходимых специалисту для эффективного выполнения профессиональной деятельности. Обучение в ФБОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева» по направлению «Социальная работа» позволило получить специальные теоретические и практические знания, необходимые для достижения целей и реализации своих функций в профессиональной деятельности. Основываясь на гуманизме и нравственности, обучение по данному направлению ориентировало на ключевой комплекс ценностей – благополучие людей, социальную справедливость, достоинство индивида, формируя мотивацию к участию в социальной работе, гуманизм как мировоззрение профессионала, альтруизм. Таким образом, социальная работа может быть более, чем другие профессии, располагаться в границах личного нравственного выбора.

Студентоцентрированный подход направлен на учет личностных особенностей и потребностей студента, усиливает акцент на самостоятельной деятельности студента и его рефлексии, а также повышает личную ответственность студента за результаты обучения. Учебный процесс при этом дополняется внеаудиторными мероприятиями: олимпиадами, конкурсами, проектной деятельностью и т.д.

Индивидуальный подход в процессе обучения проявляется, прежде всего, в индивидуально подобранных в соответствии с интересами студентов преподавателем темах курсовых работ; выступлениях на семинарах; индивидуальных заданий, связанных с усвоением знаний по темам курса, в период производственной практики; выборе тематики студенческих научных статей по технологиям социальной работы; в использовании инновационных форм обучения, направленных на поддержание индивидуальных и коллективных интересов студентов к осуществлению самостоятельной работы по темам учебных курсов и др.

В период практик студенты направления подготовки «Социальная работа» имеют возможность получать индивидуальные задания с учетом их научных интересов. Результаты научных исследований, проведенных во время практик, используются в дальнейшем при написании курсовых и дипломных работ, научных статей, при выступлениях на научно-практических конференциях, а в последующем и при написании магистерских диссертаций.

Получению новых знаний, навыков, умений способствует наличие возможности участия в волонтерской деятельности; написания и реализации социальных проектов и программ; прохождения практик; работы с архивными данными и др. Знания теоретические, полученные студентами на лекционных и семинарских занятиях, успешно интегрируются в практическую деятельность специалистов по социальной работе, так как характер, сроки и объемы практик выстроены максимально эффективно.

Концептуальной парадигмой становления и развития системы подготовки кадров для социальной работы, на наш взгляд, должна стать идея о подготовке высокопрофессионального специалиста, способного найти адекватные формы реагирования, соответствующие изменяющейся среде. Эффективность профессиональной деятельности – это соответствие результата этой деятельности поставленным целям, достижение запланированных положительных результатов.

Для этого, на наш взгляд, необходимо в образовательном процессе соблюдать следующие условия:

– разработка учебных планов и программ по специальным дисциплинам на основе современных научных взглядов на теорию социальной работы с ори-

- ентацией на ценности социальной работы как профессиональной деятельности;
- обязательность изучения опыта социальной работы во всех специальных дисциплинах и спецкурсах;
 - раскрытие содержания эффективной профессиональной деятельности социального работника во всех видах учебной работы в вузе;
 - освоение субъектной позиции будущим социальным работником;
 - выявление индивидуальных особенностей и интересов каждого студента и учёт их при составлении учебного плана, распределении и проверке заданий;
 - обеспечение взаимосвязи содержательно-процессуальной подготовки и внутриличностного формирования готовности студентов к социальной работе;
 - обеспечение взаимосвязи между теоретическим материалом и практической деятельностью студента;
 - развитие таких личностных качеств у студентов, как ориентация на человека как на высшую ценность, умение эффективного взаимодействия с другим человеком и позитивного общения с ним, стремление к профессиональному самосовершенствованию, принятие творческого характера труда;
 - формирование у студентов потребностей и интересов в подготовке себя к профессиональной деятельности, их участия в научно-исследовательской работе в области социальной работы.

С целью оказания методической помощи преподавателям и студентам при применении студентоцентрированного (индивидуального) подхода в обучении на кафедре социальной работы большое внимание уделяется разработке методических рекомендаций по проведению самостоятельной работы студентов, всех видов практик, разработке критериев оценки рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ, деятельности студентов в период практик. Многолетний опыт кафедры социальной работы Мордовского государственного университета имени Н.П. Огарева показал, что в условиях реализации студентоцентрированной направленности образовательного процесса предъявляются новые требования к преподавателям вузов. В настоящее время традиционная роль преподавателя как систематизатора знаний, ключевой фигуры в преподавании идей, теорий, законов, руководителя и куратора работы студентов должна дополниться новыми аспектами. Это: сопровождающая функция для приобретения студентами компетенций; более высокие уровни консультирования и мотивирования студентов; критический отбор информационных материалов и источников; организация учебных ситуаций; поддержка многообразия темпов и ритмов учебной деятельности студентов.

**ОНТОДИЗАЙН (ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ) В ОБУЧЕНИИ
СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ**
**ONTODESIGN (ONTOLOGICAL VISUALIZATION)
IN SOCIAL WORKERS INSTRUCTION**

Е.Н. Волков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E.N. Volkov

N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обосновывается необходимость онтологической визуализации знаний и онтологического моделирования (онтодизайна) в высшем профессиональном образовании. Описывается опыт применения онтологического визуального моделирования и программных средств для создания визуальных онтологий в обучении бакалавров по специальности «социальная работа».

A need for ontological visualization of knowledge and ontological modeling (ontodesign) for higher education is justifying in the theses. Experience of application of ontological visual modeling and software for creation of visual ontologies in social work bachelors instruction are described here.

Ключевые слова: онтологическая визуализация знаний, онтодизайн, обучение социальных работников.

Keywords: ontological visualization of knowledge, ontodesign, social workers instruction.

Банальная присказка «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» остаётся очень плодотворной истиной, независимо от степени затёртости и штампованности. Даже при том, что современные технологии довели распространённость и доступность визуализации до уровня, который можно сравнивать только с образом всемирного потопа, остаётся ещё много ниш и направлений, где зрение в качестве мощнейшего канала восприятия практически игнорируется. Одна из таких важных и обширных ниш — работа со знаниями и моделями в обучении студентов вузов.

Мы вроде бы наблюдаем уже достаточно высокую степень визуального обеспечения учебного процесса в высших учебных заведениях. Ставшие легко доступными медиапроекторы позволяют транслировать студентам и насыщенные графикой презентации, и бесконечное видео из интернета, и ставшую модной инфографику, и любую картинку-иллюстрацию, а также схемы и разного рода карты. Компьютеры всех разновидностей вместе с разнообразнейшими программами позволяют любому преподавателю и учащемуся не только пас-

сивно потреблять визуальный образовательный контент, но и создавать его самостоятельно. Визуализация синтезируется с объяснением, и появляется такая программа, как «Объясняшки» [1], а ролики, сделанные с её помощью, демонстрируются по центральному телевидению.

Чего же в этой картине не хватает? Необходимо подчеркнуть, что любая объективированная визуализация отображает только то, что в неё заложено и что выразимо выбранными визуальными средствами. Периодическая таблица методов визуализации, размещённая на сайте проекта под замечательным названием «Визуальная грамотность», содержит 100 позиций, разбитых на шесть групп по сферам применения: визуализация данных, визуализация информации, концептуальная визуализация, визуализация стратегий, метафорическая визуализация и смешанная визуализация [2]. Методы визуализации в этой таблице также подразделяются по следующим характеристикам: по задачам и взаимодействию с реципиентами (обзорные, обзорные с детализацией, детализированные), по когнитивным процессам (конвергентное или дивергентное мышление) и по способу репрезентации (структура или процесс).

Данная Периодическая таблица, к сожалению, имеет ряд существенных недостатков и не отвечает на ряд важных вопросов. К недостаткам приходится отнести спорную грамотность её авторов в вопросах таксономии и классификации и в самой сути именно визуализации, а не разных способов создания картинок, на что обоснованно указывают критики [3]. Robert Kosara указывает на значимое различие между визуализацией и тем, что можно условно назвать «картинизацией»: визуализация отображает определённые структурные и динамические свойства (элементы и процессы) явления или предмета, тогда как всё иное представляет из себя произвольное «окартинивание». В этом смысле Периодическая таблица элементов Д. Менделеева, воспроизводящая закономерности химических элементов, является подлинной визуализацией, а Периодическая таблица методов визуализации смотрится всего лишь удачной картинкой про коллекцию картинок [3].

На основании только что описанного различия можно уверенно утверждать, что в высшем образовании преимущественно применяется «окартинивание», а визуализация почти что не обнаруживается. В ряде случаев продвигаются и становятся популярными методы визуализации, связанные с фундаментальными ограничениями и устаревшими концепциями. К таким методам прежде всего относится майндмэппинг (радиантные карты) [4]. Изначальная идея Т. и Б. Бьюзенов состояла в визуализации предполагаемой существующей в мозгу системы ассоциаций, группирующихся вокруг актуальной темы или проблемы. Авторы этой концепции предложили древовидную организацию та-

ких ассоциативных комплексов, вырастающих обязательно из единственного центрального узла, который обозначает решаемую проблему или преследуемую цель. Эта модель визуализации стала чрезвычайно популярной в силу кажущейся очевидности и удобства создания и использования, превратившись в однообразный визуальный шаблон для всего и вся, особенно в бизнесе и в конспектировании книг.

Какие бы изощрённые обоснования ни приводились в пользу древовидных ассоциативных или организационных «спрутов», ветвящихся из единственного главного узла, несоответствие такого шаблона сложности реального мира слишком велико, чтобы продолжать игнорировать это искажение. Так создаются дезориентирующие нереальные упрощения, приятные глазу и успокаивающие сознание.

В последние годы набирает силу принятие сети как гораздо более реалистичной визуальной метафоры, так называемое Network Thinking (сетевое мышление или мышление сетями) [5; 6; 7; 8]. Сеть воплощает в себе представление о всеобщей взаимосвязанности и предоставляет почти неограниченные возможности для визуального моделирования явлений и процессов и знаниевой визуализации любой сложности. Сеть также является базовым онтологическим паттерном, в котором узлы представляют элементы-концепты в каких-то структурах и системах реального мира, а связи символизируют виды отношений между этими элементами.

А знания и есть онтологии, поскольку знания состоят из предположений о структурах и об отношениях между элементами структур и между разными структурами. Единственной и релевантной, и валидной формой визуализации онтологических баз знаний приходится признать сеть из узлов-концептов и связей-отношений. Пространственное измерение онтологической сети, само собой разумеется, не ограничивается двухмерной плоскостью, поэтому онтомоделю знаний, в зависимости от доступного программного обеспечения, могут быть многослойными или трёхмерными. Такое направление визуальной работы со знаниями получает мировое признание: в прогноз развития образовательных технологий до 2040 г., сделанном Envisioning technology research foundation, вошли в качестве одного из важнейших инноваций *многоуровневые карты знаний* (cascading knowledge maps), предполагаемые к широкому внедрению уже к 2020 г. [9] (перевод на русский язык [10]).

Ведущие университеты и научные центры США и Великобритании разработали соответствующее программное обеспечение, в том числе и бесплатное с открытым кодом (open source), что не только облегчает доступ к нему, но и позволяет при необходимости свободно совершенствовать и дополнять новыми

функциями. Автором в течение 7 лет были апробированы некоторые из таких продуктов в учебном процессе на факультете социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского, в том числе в чтении курсов и проведении практических занятий в рамках бакалавриата и магистратуры по специальности «социальная работа».

Наилучшую функциональность в создании многослойных онтологических сетей знания и в презентационных возможностях показала, на мой взгляд, программа Visual Understanding Environment (Среда визуального осмысления) [11] и её ветка designVUE [12]. Интерфейс обеих программ был переведён мною на русский язык. Освоение и пользование данными программами не представляет особой сложности для студентов.

К настоящему времени благодаря полученному опыту и изучению теоретических источников удалось сформулировать основные положения концепции онтодизайна [13] и реализовать их в продуктивных методических разработках, внедрённых в учебный процесс в целом ряде курсов.

Литература

1. Объясняшки: сайт. — URL: <http://xplainto.me/> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
2. A Periodic Table of Visualization Methods: сайт. — URL: http://www.visual-literacy.org/periodic_table/periodic_table.html (дата обращения 8 октября 2015 г.).
3. Visualization is not Periodic, Period!: блог. — URL: <https://eagereyes.org/blog/2009/visualization-is-not-periodic-html> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
4. Бьюзен Т. и Б. Супермышление. 2-е изд. Мн.: ООО «Попурри», 2003.
5. Lima Manuel. A visual history of human knowledge: видео. — URL: https://www.ted.com/talks/manuel_lima_a_visual_history_of_human_knowledge/ (дата обращения 8 октября 2015 г.).
6. Lima Manuel. The Power of Networks: видео. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nJmGrNdJ5Gw> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
7. Lima Manuel. The Power of Networks: Knowledge in an age of infinite interconnectedness. 2011: сайт. — URL: <https://www.thersa.org/discover/videos/event-videos/2011/12/the-power-of-networks-knowledge-in-an-age-of-infinite-interconnectedness/> (дата обращения 8 октября 2015 г.).

8. Visual Complexity: сайт. — URL: <http://www.visualcomplexity.com/vc/> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
9. Envisioning the future of educational technology: сайт. — URL: <http://www.envisioning.io/education> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
10. Прогноз развития образования до 2040 года: сайт. — URL: <http://5coins.ru/2012/11/16/prognoz-razvitiya-obrazovaniya-do-2040-goda/> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
11. Visual Understanding Environment: сайт. — URL: <https://vue.tufts.edu> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
12. designVUE: сайт. — URL: <http://www3.imperial.ac.uk/designengineering/tools/designvue/> (дата обращения 8 октября 2015 г.).
13. Волков Е.Н. Манифест онтодизайна: сайт. — URL: <http://evolkov.net/ontography/ontography.manifest.html> (дата обращения 8 октября 2015 г.).

**ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ –
БУДУЩИХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ**
**VOLUNTEER EXPERIENCE AS A COMPONENT OF VOCATIONAL
TRAINING OF STUDENTS – THE FUTURE SOCIAL WORKERS**

О.А. Воронина

Вятский государственный гуманитарный университет

O.A. Voronina

Vyatka State University of Humanities

Рассматривается добровольческая деятельность студентов, обучающихся по направлению подготовки «Социальная работа», как интегрирующий компонент личностно-профессионального становления специалиста.

The article deals with volunteer experience of students in the field of social work as an integrating component of personal and professional development of specialists.

Ключевые слова: добровольчество, профессиональная подготовка, социальная работа.

Keywords: volunteering, professional training, social work.

В настоящее время в связи с обостренной социально-экономической си-

туацией в мире возросла потребность в специалистах помогающих профессий, одной из которых является профессия социального работника. Среди важнейших аспектов профессиональной подготовки специалиста социальной сферы все более актуальной становится проблема его участия в добровольческой деятельности. Добровольчество основано на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества, не преследует целей извлечения прибыли, карьерного роста, но направлено на получение всестороннего удовлетворения волонтером своих личных и социальных потребностей путем оказания помощи другим людям.

Практическая значимость данной формы работы со студентами – будущими социальными работниками неопределима, во-первых, благодаря своему эффективному воздействию по принципу «равный-равному» или «ровесник-ровеснику». Во-вторых, в связи с обозначившимся ростом, ожесточением и «омоложением» преступности несомненна проблема поиска эффективных методов и приемов профилактической работы.

Несмотря на значимые инновации в сфере содержания и технологий образования, высшие учебные заведения не обеспечивают должного уровня личностной и профессиональной готовности специалистов к осуществлению профессиональной деятельности. Добровольческая деятельность как компонент профессиональной подготовки студентов – будущих социальных работников предполагает активное обучение социально важным навыкам; организацию социальной среды; минимизацию негативных последствий девиантного поведения; активизацию личностных ресурсов; создание условий для реализации альтернативных форм проведения досуга.

В течение нескольких лет на факультете социальных технологий ФГБОУ ВПО ВятГГУ в рамках дисциплины «Волонтерство в социальной работе» осуществляется практикоориентированная подготовка студентов направления «Социальная работа» к овладению профессиональными и общекультурными компетенциями. Существенным дополнением к систематизации знаний и закреплению профессиональных умений и технологий социальной работы студентов является проводимая ими экспериментальная деятельность в рамках курсовых и дипломных исследований, участие в деятельности добровольческого отряда, а также в региональных и всероссийских добровольческих практиках [1].

Студенты факультета социальных технологий активно включались в разнообразные добровольческие практики общероссийского и регионального уровня: участие в акциях Всероссийского общественного движения «Стоп-наркотик», Всероссийский проект «Наша общая победа», Всероссийская Вахта

Памяти, «Эстафета Олимпийского огня», «Волонтёры информационного общества», акция «Белые цветы в помощь в борьбе с туберкулезом», проекты НОУ «Центр социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи»: «Социальный театр», «Территория добровольчества», «Маршрут социального успеха: инклюзивно ориентированное сопровождение воспитанниц интернатных учреждений в предвыпускной и постинтернатный периоды», фестиваль-конкурс «Ее Величество Семья» и др. [2].

Таким образом, добровольчество студентов – будущих социальных работников даёт возможность получить практические навыки в разнообразных направлениях профессиональной деятельности: профилактика употребления курительных смесей, духовно-нравственное и патриотическое воспитание подрастающего поколения, профилактика правонарушений несовершеннолетних, повышение компьютерной грамотности лиц пожилого возраста и др.

В рамках индивидуальной работы сложились следующие этапы включения студентов в добровольческую деятельность.

1 этап. Поисковая деятельность. Выбор индивидуальной образовательной стратегии студентом. Данный выбор закладывает основы формирования профессиональной идентичности («чего я жду от профессиональной деятельности?», «каким я хочу быть специалистом?»). Студент самостоятельно выбирает интересующую его социальную проблему.

2 этап. Разработка социального проекта.

3 этап. Овладение организационными основами социальной деятельности. Проведение мероприятия социальной значимости в рамках студенческой группы. Подготовка к практической реализации мероприятия вне студенческой группы.

4 этап. Реализация социальных проектов. Студенты самостоятельно включаются в деятельность по разрешению конкретной социальной проблемы (общественные акции, проекты и др.).

5 этап. Рефлексия. Оформление результатов. Защита социальных проектов. Оценка успешности их реализации. Разбор трудных случаев, обмен опытом. Планирование перспектив развития.

Результатом участия в добровольческих практиках является формирование психологической готовности молодого специалиста к профессиональной деятельности, которая включает следующие компоненты.

1. Система знаний о существующих современных технологиях социальной работы с разными возрастными группами.

2. Профессиональные и личностные качества: отзывчивость, толерантность, эмпатия, целеустремленность, коммуникативные навыки и т.д.

3. Осознание социальной значимости своей будущей профессии.

4. Мотивация к выполнению профессиональной деятельности. Способность видеть проблему и не оставаться к ней равнодушным.

5. Практические навыки и умения в обеспечении социальной защиты, помощи и поддержки, предоставлении социальных услуг отдельным лицам и социальным группам.

Добровольчество как компонент профессиональной подготовки студентов–будущих социальных работников создаёт условия для формирования психологической готовности студента к реализации профессиональной деятельности, которую можно конкретизировать следующим образом.

1. Самостоятельная поисковая активность молодого специалиста – умение видеть проблемы в обществе, замечать тенденции развития того или иного явления. Обсуждать волнующие темы с близкими людьми, друзьями, обращаться к смежным специалистам.

2. Осознание несоответствия известных способов действия с новыми условиями деятельности. В данном случае актуальна такая способность студента, как выявление противоречий между недостающим объемом теоретической подготовки и требованиями практической деятельности.

3. Предварительное планирование добровольческой деятельности с целью предвидения поведенческих реакций отдельных лиц, социальных групп и возможных ответных форм воздействия на них.

4. Формирование ценностного отношения к здоровому образу жизни.

5. Накопление практического опыта, содержащего пробы и ошибки.

6. Проявление гибкости поведения и мышления как способности действовать, отходя от стандартов и шаблонов.

7. Наличие высокого уровня самооценки и принятия себя, уверенность в себе.

8. Владение навыками рефлексии – корректировка своих профессиональных действий.

В целом представленный опыт добровольческой деятельности студентов–будущих социальных работников позволяет сделать вывод о его необходимости в условиях поиска эффективных форм личностно-профессионального становления специалиста.

Литература

1. Шихалева А.Г., Воронина О.А. Проблемы межведомственного взаимодействия в профилактике правонарушений несовершеннолетних «группы риска» // Исследовательские инициативы студенческой молодежи как соци-

альная практика современного профессионального образования, Материалы III Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей / Под редакцией М.Б. Есауловой, Т. В. Шадриной. Санкт-Петербург, 2015. С. 160-163.

2. Ершова Н.Н. Добровольчество – школа гражданского становления молодежи [Текст]: учеб. пособие к использованию в образоват. учреждениях, реализующих программы высш. проф. образования по специальностям 040101.65 «Социальная работа» и 351800.65 «Организация работы с молодежью» / Н.Н. Ершова, М. Н. Бородатая. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2012. 193 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДЁЖИ SOCIAL SUPPORT OF INNOVATIVE POTENTIAL OF YOUNG PEOPLE

О.В. Дедова
Российский Университет Дружбы Народов (Москва)
O.V. Dedova
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Одним из барьеров в осуществлении социальной поддержки инновационного потенциала молодёжи является отсутствие философского понимания самой сути инноваций.

One of the obstacles in the implementation of social support innovative potential of young people is the lack of philosophical understanding of the essence of innovation.

Ключевые слова: инновационный потенциал, молодёжь, социальная поддержка.

Keywords: innovative potential, young people, social support.

Государственная политика в отношении молодёжи является предметом многолетних исследований и споров. Самым спорным вопросом всегда считался вопрос приоритетов. Трудности эти обусловлены тем, что молодёжь традиционно и чаще всего рассматривается как особая возрастная группа или как особый демографический ресурс. Такой взгляд заставляет больше внимания обращать на проблемы, возникающие у молодых людей в области экономического бытия и социального комфорта. Большинство теоретических и практических действий в сфере реализации государственной молодёжной политики направлено именно на то, чтобы по возможности решить стандартный набор

задач, в равной степени существующих и актуальных для любой другой социальной группы.

Поддержка финансовая, поддержка семьи, помощь в сфере образования и здравоохранения, обеспечение доступности культуры и спорта. Традиционной является и тема нравственного воспитания и поддержания различных проявлений духовности. Вместе с тем на периферии интересов незаслуженно остаются темы безопасности как одной из базовых потребностей человека, а еще более конкретно – интеллектуальной безопасности молодого человека. Понятно, что тема интеллектуальной безопасности возникает в контексте влияния институтов образования, культуры и СМИ.

Речь может идти о содержании и качестве информации, о её влиянии на процесс формирования личности, на создание определенного рода среды обитания или социального пространства. В меньшей же степени можно говорить о том, что представляет собой молодёжь как ресурс в контексте решения последних задач. Креативный потенциал молодого человека продолжает оставаться его глубоко индивидуальным качеством за границами внешней социальной поддержки. Между тем, этот потенциал в силу возрастных особенностей обладает значительными новаторскими, инновационными возможностями, так как может опираться на индивидуальные интерпретации познаваемых событий и явлений.

Следует обратить внимание, что инновационный потенциал молодых людей не обеспечен сегодня даже адекватным представлением о возможной поддержке со стороны государства или общественных институтов. В цифрах, в денежном выражении трудно оценить потребность в такой поддержке, определить достаточные и необходимые уровни социального участия в сохранении и развитии данного феномена.

Инновационность молодёжи требует принципиально новых, прежде всего, идеологических, ментальных подходов к пониманию её сути. Во-вторых, требуется приложить определенные усилия, чтобы оценить качество и значимость этого потенциала, его перспективность, нацеленность на конкретно-исторические потребности. То есть, инновационный потенциал молодёжи должен приобрести близкую к реальности стоимость, стать востребованным продуктом. Последние десятилетия достаточно убедительно продемонстрировали успешное использование инновационного потенциала молодых людей в сфере науки и бизнеса. Появилось много понятий и реальных действий, связанных с формированием благоприятных условий и стартовых площадок для талантливой молодёжи. Но всё же в большинстве своём эти изменения носят пока формальный характер, ориентируются на поддержку уже выделившихся из общей

массы талантов. Философия молодёжных инноваций пока не развита. А раз так, то рано говорить о какой-то сформировавшейся инновационной среде. Собственно, социальная поддержка инновационного потенциала молодёжи и является социальной поддержкой инновационного пространства, опирающегося на возможности и мировоззрение молодёжи.

Особенности инновационных возможностей молодых людей стали основой для проведения исследований, проведенных автором в рамках проекта, поддержанного в 2015 г. Росмолодёжью.

Литература

1. Лымарь А.Б. К вопросу о связи молодёжной политики и реализации инновационных идей // Новые материалы и технологии НМТ-2010, Москва, ИТЦ МАТИ, Т.3, 2010. С. 71-72.
2. Результаты научных исследований положения молодёжи в Российской Федерации 2009-2012 гг. (РУДН), 2013-2014 гг. (РУДН).

ШКОЛЬНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ SCHOOL VOLUNTEERING AS A SOCIAL WORK RESOURCE

И.А. Исакова, А.О. Киселева
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
I.A. Isakova, A.O. Kiseleva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обосновывается важность привлечения школьников-волонтеров к осуществлению помощи в социальной сфере. Добровольчество может быть дополнительным ресурсом как для профилактической работы, так и способом включения в профессиональную деятельность социальных работников, а также обеспечением занятости подростков социально значимым делом.

The article is devoted to the importance of involving students volunteer to assist in the social sphere. Volunteering should be an additional resource for preventive work, and the method included in the professional activity of social workers, as well as the employment of teenagers socially important matter.

Ключевые слова: волонтер, волонтерство, волонтерская организация, школа, особенности школьного добровольчества

Keywords: volunteer, volunteering, voluntary organizations, school, features of school volunteering

Добровольчество – это уникальное социальное явление, в рамках которого человек по своей инициативе использует собственные ресурсы для помощи и поддержки других людей, не получая взамен материального вознаграждения. О.А. Евсеева отмечает, что добровольчество должно рассматриваться как составляющий элемент социальной политики, участвующий в достижении определённых социальных целей и являющийся фундаментом гражданского общества [1].

Современный мировой опыт ориентирован в большей степени на молодежь и взрослое население. В России же, наоборот, более активно проявляет себя в волонтерской деятельности подрастающее поколение. Это в свою очередь позволяет рассматривать данную деятельность не только с точки зрения педагогической сферы, но и социальной [2].

Добровольчество является значительным ресурсом для социальной работы, в том числе школьное, что можно рассматривать с различных точек зрения: как способ формирования особого типа личности – инициативной и социально ответственной; как возможность получить дополнительную безвозмездную помощь для лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации; как форма привлечения людей, в том числе школьников (будущих абитуриентов), к выбору профессии специалиста по социальной работе или иных специальностей в социальной сфере.

В научной литературе, когда речь заходит о добровольческих детских объединениях независимо от их принадлежности, рассматриваются проекты и мероприятия, направленные на работу вне учебного учреждения. Специальному научному анализу не подвергаются возможности применения школьного добровольчества при реализации социальной работы.

Школьная социальная работа – это система мероприятий, направленных на оказание социальной помощи молодежи, когда персонал социальных работников осуществляет свою независимую профессиональную деятельность на территории школы (сотрудничает с педагогами на основе обязательных договоренностей и на равных правах с целью оказания содействия и помощи молодежи и подросткам в их личностном, психологическом, социальном, школьном и профессиональном развитии и благодаря этому произвести снижение и предотвращение образовательного неравенства, консультировать по вопросам защиты детей и молодежи и поддерживать учителей, родителей и лиц, их заменяющих, в процессе воспитания, а также способствовать созданию приятных и удобных для школьников условий) [3].

С.В. Барабанова [4] обращает внимание на то, что социальная работа в системе образования еще только начинает свое становление как особое направ-

ление социальной сферы Российской Федерации, а также подчеркивает необходимость ее развития и широкого применения. Социальная работа в школах должна быть в большей степени сосредоточена на недостатках, которые обозначены учителями, учениками и их родителями, а также стремиться к созданию и применению альтернативных методов для их устранения. Детские объединения могут быть использованы как ресурс при реализации и внедрении новых социальных технологий.

Деятельность специалиста по социальной работе является в большей степени организационно-профилактической, но в то же время приводит к появлению заметного результата: снижению количества случаев неблагополучного развития школьников. Проекты, реализуемые специалистом по социальной работе, безусловно, требуют определенных профессиональных навыков, которыми само собой не располагают подростки, поэтому детские добровольческие объединения могут выступать только как дополнительный ресурс, который может задействовать специалист по социальной работе, особенно на фоне того, что для внедрения и укоренения социальной работы в школе необходимо учесть некоторые организационные моменты: большая загруженность документооборота; рост числа направлений деятельности в школах, обусловленных реализацией государственной политики в сфере образования и воспитания; отсутствие позитивного опыта социальной деятельности у учеников.

Нами было проведен содержательный анализ данных о детских общественных объединениях в школах, собранных на официальных сайтах школ Нижнего Новгорода. Исследование «Социально ориентированные добровольческие инициативы детских общественных объединений школ Нижнего Новгорода» было проведено в сентябре 2014 г. (n=71). Согласно полученным данным, около 33% школ участвуют в проектах социальной направленности.

Данные, полученные на сайтах, верифицировались с помощью интервью. Материалы собраны в ходе полустандартизированного интервью с руководителями отрядов, заместителями директоров школ по воспитательной работе, социальными педагогами и старшими вожатыми. Исследование «Развитие добровольчества в школах Нижнего Новгорода» проведено в 2014-2015 учебном году (n=26).

По результатам интервью выявлено, что школьные социальные проекты носят в основном теоретический характер: «Мы в основном там плакатиками занимаемся. Почти каждый месяц у нас конкурсы по написанию работ или подготовке роликов о вреде наркотиков или курения. Ну, и куда ж без пропаганды безопасного секса» (Из интервью с социальным педагогом).

Однако встречаются мероприятия, больше ориентированные на практиче-

скую активность: «Ну, дети у нас занимаются всем, чем предлагаю. Например, в прошлом месяце посещали с ними дом офицеров, там был праздник, посвященный ветеранам» (Из интервью с заведующей по учебно-воспитательной работе).

Работа с определенными категориями общества чаще всего относится к акциям, которые организуются в рамках самих школ: «Мы уже третий год проводим «Рыжий апельсин». Ребята готовят плакаты. Мы собираем апельсины и яблоки, каждый ученик приносит что-то из этого. А потом команда активистов едет вместе со мной в дом малютки, дарят подарки и играют с ребятами» (Из интервью заместителя директора по воспитательной работе).

Об использовании школьного добровольчества для профилактики девиантного поведения школьников рассказывали интервьюируемые нами сотрудники школ: «Мне кажется, что в обсуждении со сверстниками дети быстрее усваивают информацию. Тем более любое наше воздействие воспринимается как давление. А здесь они сами все рассказали, сами все обсудили, я в уголочке посидела – мало ли куда беседа пойдет. И все довольны друг другом. Иногда ребята, у которых были проблемы с посещаемостью, исправлялись. Никогда бы не подумала, что в школу они отказываются ходить из-за, как они там любят, «меня никто не понимает». А потом потихонечку они и учатся общаться, находят общие интересы» (Из интервью социального педагога).

Таким образом, групповая работа помогает ребятам интегрироваться в коллектив и влияет на изменение их поведения. Возможно, первоначально это будет не совсем самостоятельное решение, но главное на самом начальном этапе заинтересовать учащихся в том, чем занимаются волонтеры.

О том, что участие в добровольческой деятельности может служить для профессионального самоопределения, никто из руководителей объединений или других сотрудников школ даже не задумываются. Таким образом, для профессионального самоопределения, ориентации на выбор социальной работы как будущей профессии школьное добровольчество не используется.

Проблемы приобщения школьников к работе волонтеров могли бы быть частично решены, если бы организацией социального волонтерства в школе занимался специалист по социальной работе. В его обязанности входит изучение социальной карты учреждения. К тому же образование, полученное по узконаправленной специализации, позволяет ему квалифицированно предлагать идеи для социальных проектов, информировать учащихся о программах, реализуемых в других регионах, которые можно адаптировать в ходе собственной добровольческой деятельности.

Литература

1. Евсева О.А. Государственная поддержка добровольчества как ресурса развития территорий и решения социальных задач / О.А. Евсева. – URL: <http://www.rane-brf.ru/conference/2012/evseeva.pdf> (дата обращения 10.09.2014 г.)
2. Богданова Е.В. Волонтерская деятельность как фактор формирования положительной мотивации подростков на участие в социальной деятельности / Е.В. Богданова // Журнал «Жасstar». 2009. № 1 (19). – URL: <http://www.zhuldyz.kz/?type=magazine&iid=19&aid=491> (дата обращения 10 апреля 2015).
3. Лаупихлер К. Школьная социальная работа в Германии: Общие условия, концепции и практический опыт / К. Лаупихлер // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (28). С. 84-92.
4. Барабанова С.В. Социальная работа в образовательном учреждении в контексте прав ребенка / С.В. Барабанова // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 4 (28). С. 125-126.

ПОДГОТОВКА СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ **TRAINING OF SOCIAL WORKERS IN RUSSIA**

О.М. Кирилюк

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

О.М. Kirilyuk

St. Petersburg State University of Economics

В статье рассматриваются достижения в подготовке социальных работников в России.

This article reviews the achievements in training of social workers in Russia.

Ключевые слова: социальный работник, уровни подготовки кадров, профессиональные объединения социальных работников.

Keywords: social worker, levels of training, professional associations of social workers.

В России в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих Госкомвуза квалификационная характеристика «Специалист по социальной работе» была введена в 1991 г. и открыта новая специальность «Социальная работа» для высших и средних специальных заведений (см. приказ Госкомобразования от 7 августа 1991 г. № 376).

Начиная с 1991 г. в России сеть высших учебных заведений, приступающих к подготовке и переподготовке специалистов по социальной работе, постоянно расширялась [1].

В деле подготовки социальных работников 1995 год в России оказался юбилейным. Впервые российские вузы осуществили выпуск профессиональных социальных работников, которым были вручены дипломы «Специалист социальной работы».

В целом по стране можно выделить несколько уровней подготовки кадров.

1. Курсовая или допрофессиональная подготовка на курсах, в школах, лицеях. Выпускники со средним образованием пополняют ряды социальных работников отделений по обслуживанию больных, престарелых, одиноких. Им предоставляется также право поступить в средние специальные учебные заведения или соответствующие вузы.

2. Обучение в средних специальных учебных заведениях. После их окончания можно работать бригадирами отделений по обслуживанию больных, одиноких, престарелых, социальными педагогами и т.д.

3. Обучение в университетах, академиях, отраслевых вузах на дневных, вечерних и заочных отделениях (срок обучения от 3 до 6 лет), на спецфакультетах (имеющие высшее образование обучаются 1–3 года) [2].

Что касается высшего профессионального образования, то здесь также выделяются три ступени: подготовка бакалавров (4 года), специалистов (5 лет) и магистров (6 лет). Последние после получения диплома имеют право вести учебно-педагогическую и научно-исследовательскую работу.

Немалое значение имеет подготовка высококвалифицированных специалистов через аспирантуру и докторантуру. При этом важно, чтобы было принято решение ВАК о возможности защиты кандидатских и докторских диссертаций по направлению «Теория социальной работы и социальная политика». Как известно, ныне такая защита осуществляется по направлениям философии, социологии, истории, психологии и др.

Специализация выпускников, как правило, учитывает профильную направленность высших учебных заведений. Большая часть вузов готовит специалистов-организаторов, управленцев социальной работы с населением, некоторые вузы – специалистов службы занятости, по работе с семьей, молодежью, детьми, пожилыми людьми, в трудовых коллективах и т.д. Ряд вузов готовит специалистов в области медико-социальной помощи населению.

В стране создано несколько профессиональных объединений, в состав которых входят специалисты по социальной работе: Межрегиональная Ассоциация

работников социальных служб, Ассоциация коллективов вузов и школ социальной работы, Ассоциация социальных работников и др.

С марта 1993 г. начал работу Совет учебно-методического объединения (УМО) вузов РФ в области социальной работы [3]. Основными задачами УМО являются: координация деятельности педагогической общественности вузов и специалистов научно-исследовательских учреждений, формирование перспективных планов, подготовка учебников и учебных пособий, разработка Государственных стандартов в соответствии с Законом об образовании, обеспечение интеграции высшей школы в мировое академическое сообщество.

«Государственная система социальной помощи семье и детству» – основное программно-методическое обеспечение, на базе которого началась подготовка специалистов по социальной работе. Оно было осуществлено Временным научно-исследовательским коллективом (ВНИК), учрежденным в 1991 г. Министерством образования и Госкомитетом по делам семьи и демографической политики Российской Федерации. Этим научно-исследовательским коллективом были разработаны учебные планы по специализациям, а также учебные программы по различным дисциплинам.

Важное значение в подготовке кадров высшей квалификации имеют утвержденные в качестве Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования требования к обязательному минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра, специалиста и магистра по направлению 040400 «Социальная работа» [4]. В соответствии с Государственным стандартом усилиями УМО, вузовских коллективов обновляются имеющиеся учебные программы, разрабатываются новые.

По проблемам теории и практики социальной работы за последние годы подготовлено большое количество учебных пособий, брошюр и статей. Особенно большой вклад в решение задачи обеспечения учебной литературой внесли Московский государственный социальный университет (ныне – Российский государственный социальный университет), Алтайский государственный университет, Институт молодежи и Пермский государственный университет.

Большую научно-исследовательскую работу развернул созданный в 1994 г. Институт социальной работы. В стране выпускается ряд периодических изданий по проблематике социальной работы, в том числе «Российский журнал социальной работы» (ныне – «Отечественный журнал социальной работы»), «Работник социальной службы» и др. Систематически проводятся научные и научно-практические конференции международного, всероссийского и межрегионального уровня.

Все это свидетельствует о том, что процесс становления социальной работы

как науки и учебной дисциплины идет успешно. По существу, создана целостная система подготовки и переподготовки специалистов в одной из актуальных областей человеческой деятельности – социальной сфере.

Как и в подготовке социальных работников, так и в содержании социальной работы в целом необходимо прежде всего (не игнорируя все полезное за рубежом) опираться на традиции своей страны, менталитет народа, особенности образа жизни населения России.

Литература

1. Зайнышев И.Г. О качестве подготовки специалистов // Вестник социальной работы. 1993. № 1.
2. Зайнышев И.Г., Злобин П.Е. Анализ состояния подготовки специалистов по социальной работе в вузах Российской Федерации // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 1994. № 3.
3. Холостова Е.И. Профессионализм в социальной работе: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2008. 236 с.
4. Приказ Минобрнауки РФ от 08.12.2009 № 709 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 040400 социальная работа (квалификация (степень) «Бакалавр»).

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ВЫПУСКНИКОВ И ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА LIVING STRATEGIES OF GRADUATES AND PROBLEMS OF CHOICE

В.А. Косарева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.A. Kosareva

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассмотрены жизненные стратегии выпускников ННГУ им. Н.И. Лобачевского и проблемы их выстраивания в связи с широкой неопределенностью в выборе места и сферы дальнейшего трудоустройства. Определены основные направления краткосрочных и долгосрочных стратегий студентов на стадии окончания обучения.

The article contains a review of living strategies of UNN graduates, and about their problems in employment assistant, connected with uncertainty of job placement selection. There are determined main directions of short-term and long-term aims of students at the stage of their graduation.

Ключевые слова: жизненные стратегии, трудоустройство, рациональный выбор, благополучие, краткосрочные цели, долгосрочные цели.

Keywords: Living strategies, employment assistance, sustainable choice, welfare, short-term aims, long-term aims.

Выстраивание жизненной стратегии является необходимостью у студентов на этапе становления самостоятельной личности. Для них важно определение дальнейшего жизненного пути – трудоустройство, новые социальные роли и новая социальная среда.

Жизненные стратегии определяются выбором собственной модели действий, направленных на достижение желаемого результата. Уже на стадии получения высшего образования у молодежи появляется потребность принимать решения с целью достижения собственного благополучия. Эти решения являются их собственным рациональным выбором, предпосылками которого и служат стратегии.

Жизненные стратегии – собственно выстроенная структура, основанная на ценностях личности, постоянного выбора действий, их регулирование и контроль в соответствии с заданным направлением, поступательное построение собственного будущего в связи с собственными установками, желаниями, потребностями, обусловленная внешними притязаниями, направленная на результат – «жизненный идеал» как единый образ желаемого будущего.

Широкий обзор современных исследований жизненных стратегий, их взаимосвязь с построением ориентации личности в рамках социологического подхода изучали такие авторы, как Л.С. Шилова [1], О.А. Воронина [2], С.А. Митрюшин [3], Е.Н. Бондаренко [4], Л.В. Назарова [5], А.А. Волокитина [6], Н.И. Легостаева [7]. Интерес к данной теме обосновывается динамичной системой развития общества, трансформацией традиционных ценностей под воздействием социальной среды, экономических факторов и т.д. Молодежь является строителем будущего страны, требует особо внимательного изучения и прогнозирования ее поведения, потребностей и ориентаций.

В современном обществе студенчество – это жизненный этап личности, формирующий полноценный образ дальнейшего пути. Но так ли просто для этой личности осознать и понять, в какую сторону двигаться, по какой профессии, где найти призвание и как получить необходимые для «полноценной» жизни блага?

Студенты начинают искать пути собственного выбора уже на стадии обучения, что обуславливается формами их вторичной занятости: деятельность в молодежных студенческих организациях, подработки, дополнительные тренин-

говые обучения. Все это – возможность попробовать себя в различных социальных ролях с целью обретения понимания собственных желаний и возможностей для достижения необходимых результатов.

Обращаясь к типологиям жизненных стратегий, можно отметить, что существуют понятия: «жизненное благополучие» и «выживание», «адаптация». Личность, стремясь к собственному благосостоянию, проходит адаптационные процессы в социальной среде с целью достижения собственного благополучия (финансового, карьерного и т.д.).

К данной проблематике более близка типология Ю.М. Резника [8]: стратегия благополучия, ориентация на успех и самореализация. Стоит добавить, что еще одной стратегией является стратегия внешней адаптации. Студенческая молодежь на этапе перехода к трудовой занятости испытывает потребность в адаптации к новым социальным условиям, обуславливающейся сменой социальной общности (университет, студенты – работа, коллеги) или же параллельным взаимодействием с несколькими социальными группами.

Основными жизненными стратегиями студенческой молодежи являются: адаптация к изменяющимся условиям в жизни социума, ориентация на успех и самореализация. Они включают в себя: трудоустройство, достижение финансовой стабильности, карьерный успех, создание семьи как социальный успех и самореализация в тех сферах, которые представляют интерес для студента.

Исходя из основных сфер, на которые направляет свои устремления личность (карьера, финансы, семья, друзья, саморазвитие и здоровье), согласно основным ценностям, которые подкрепляют социальный и человеческий капитал, образ жизненного успеха, студенческая молодежь выстраивает краткосрочные (ближайшие 3 года) и долгосрочные (10 лет) жизненные стратегии. Таким образом формируются цели.

Исследования выявляют ряд проблем, связанных с формированием жизненных стратегий в связи с тем, что выпускники университета находятся на стадии окончания образования и перехода в профессиональную деятельность. Они сталкиваются с неопределенностью в выборе места работы. Трудоустройство – основной ориентир, движущий к финансовой стабильности и карьерному росту. Для выпускников определение конкретизированных целей даже на краткосрочный период является проблемным фактором, поскольку отмечается влияние не просто желания в трудоустройстве, но и непонимание, кем и куда идти работать, чтобы достичь желаемых целей.

«...для меня все конкретное очень сложно, особенно сейчас, по выходу из университета...», [Ж, ФСН, 6 курс]

«Пока, кем я буду, не знаю.» [Ж, ФСН, 4 курс]

Проблема трудоустройства и самоопределения в жизни представляет собой барьер в формировании конкретизированных целей.

Кроме того, студенческая молодежь более склонна к выстраиванию краткосрочных целей, нежели долгосрочных. Необходимо не только понимать, чем они хотят заниматься, но и видеть возможности достижения результатов. Для них становится важным успевать адаптироваться к новым изменениям социума и принимать рациональные решения.

Как отмечает Г.В. Иванченко[9], изменения сферы возможного на больших временных отрезках задают основу жизненных стратегий. Главным критерием их оптимальности является расширение границ возможного.

Студенческая неработающая молодежь имеет потребность в большей мере свободы финансовой, то есть финансовой независимости с достижением карьерного роста для обретения таких благ, как собственное жилье, самореализация в профессиональной сфере.

Краткосрочные жизненные стратегии определяются у неработающих студентов такими целями, как завершение образования, устройство на работу, достижение финансовой стабильности, усовершенствование языка, путешествия и гордость родителей, а также покупка машины и квартиры и создание собственной семьи. Данные цели характерны как для юношей, так и для девушек.

«Закончить университет, усовершенствовать свои знания в английском языке, устроиться на работу, можно на несколько для определения, чтобы найти нормальную работу, которая мне будет нравиться и приносить деньги.» [Ж, ИЭП, 5 курс]

У работающих студентов краткосрочными жизненными стратегиями являются: выйти на более высокий уровень заработка, купить автомобиль, квартиру, продвинуться по карьерной лестнице, путешествовать.

«Нет цели выйти замуж точно, выйти на определенный уровень заработка, найти занятие в плане профессии, которое мне будет нравиться и которое мне будет приносить деньги. Купить автомобиль хотела бы». [Ж, ФСН, 6 курс]

Для работающих студентов не является проблемой определение собственных целей на краткосрочный период в силу имеющейся определенности в финансовой и рабочей сферах. Такие студенты понимают, что им необходимо сделать, чтобы достичь желаемого результата. Их стратегии ориентированы на более дорогие жизненные приобретения: путешествия, покупка квартиры и т.д.

Долгосрочные жизненные стратегии выстроены наиболее четко лишь у работающей студенческой молодежи, имеющей определенность в том, чем они хотят заниматься в дальнейшем, то есть своего места в социуме. И это малая

часть работающей молодежи. Не каждый уверен в том, что ему нравится форма его имеющейся деятельности.

Стоит отметить, что большинство студентов ориентированы через десять лет создать собственный бизнес и достичь полной финансовой независимости, а также создать собственную семью в возрасте 30 лет. На втором месте стоит социальная значимость в виде благотворительной деятельности, написании книг и путешествий – стратегия саморазвития.

«Финансовая свобода, объездить 50 стран, вести популярный блог, связанный с успехом, книгу, может быть, даже выпустить на эту тему, потому что есть чем поделиться с людьми». [М, ФСН, 4 курс]

«Я думаю, либо свой бизнес, либо хорошая работа, с заработком больше 200 000 рублей на должности финансового директора. Семья: жена, дети». [М, ИЭП, 5 курс]

Для неработающих студентов формирование долгосрочных целей является наиболее сложным вопросом, поскольку отсутствует стабильность и определенность в собственной жизни в данный момент в совокупности с сферах материального благополучия и работы. Их основной целью является достижение финансовой независимости как основы жизненного благополучия, а, значит, и успеха. Но прежде всего выпускнику необходимо адаптироваться к новой социальной среде и новой социальной роли.

Для работающих студентов на стадии окончания университета тоже не до конца ясна картина того, чем они будут заниматься в дальнейшем. Амбиции, желание создать бизнес – это как способ поиска простого решения в самореализации. При этом появляется необходимость в определении собственной позиции в обществе, наработке социального капитала и достижения финансовой стабильности.

Основная проблемная сфера для выпускников – желанное трудоустройство в соответствии с их собственными интересами, что рынок труда не всегда может предоставить.

Литература

1. Шилова Л.С. Образ успеха и жизненные стратегии молодежи / Л.С. Шилова // Вестник Омского университета, 2008. №1/2. С. 24-36.
2. Воронина О.А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности: автореф. Кандидата псих. наук/ Курск, 2008. 24 с.
3. Митрюшин С.А. Жизненные цели студенческой молодежи как регулятор социального поведения: автореф. Кандидата соц. наук/ Москва, 2008. 22 с.

4. Бондаренко Е.Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект: автореф. кандидата соц. наук/Екатеринбург, 2009. 23 с.
5. Назарова Л.В. Жизненные стратегии личности в нелинейной интеграции / Л.В. Назарова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2011. №1. С. 28-31.
6. Волокитина А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора: автореф. Кандидата соц. наук / Москва, 2011. 19 с.
7. Легостаева Н.И. Структура жизненных стратегий современного Российского студенчества: автореф. кандидата соц. Наук/С-пб., 2012. 24 с.
8. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненное ориентирование личности: анализ и консультирование // Социологические исследования, 1996. №6. С. 110-119.
9. Иванченко Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора / Г.В. Иванченко // Мир России, 2005. №2. С. 101.

**ПОДГОТОВКА БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
TRAINING OF BACHELORS OF SOCIAL WORK
IN MODERN EDUCATIONAL SPACE**

Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток
E.Y. Kostina, N.A. Orlova
Far Eastern Federal University, Vladivostok

Затрагиваются актуальные проблемы, связанные с подготовкой работников социальной сферы, в том числе бакалавров социальной работы. Рассматриваются объективные и субъективные факторы, влияющие на процесс становления будущего профессионала, способного эффективно решать стоящие перед ним задачи в области социальной политики государств.

The article deals with topical issues characterizing the training of social workers, including a bachelor of social work. We consider both objective and subjective factors that affect the process of formation of the future professional, able to effectively solve the problem assigned to it in the field of social policy.

Ключевые слова: образование, бакалавр социальной работы, профессиональная мотивация, компетентностный подход.

Keywords: education, bachelor of social work, professional motivation, competence approach.

На протяжении последних десятилетий растет внимание к проблемам образования будущих работников социальной сферы. Актуальность социального образования и необходимость в будущих профессионалах обусловлена, с одной стороны, политическими и социально-экономическими условиями, изменениями структуры занятости и рынка труда, а также интенсивными миграционными процессами и сложной демографической ситуацией, а с другой стороны, недостаточным осознанием значимости социального образования на уровне государства и общества и пониманием социального образования как ведущего механизма разрешения социальных проблем и противоречий современного российского общества.

Социальная работа, как известно, официально была введена в Российской Федерации в 1991 г., в это же время началась и подготовка социальных работников в нашей стране. За прошедшие двадцать с лишним лет в обществе хоть и укрепилось осознание социальной значимости данного вида деятельности для стабильного развития общества, но, к сожалению, все еще нет точного образа профессии в представлениях населения, а также существуют негативные установки в отношении людей данной профессии. Зачастую профессия социального работника имеет очень мало общего с тем комплексом понятий, которые вкладывают обыватели в словосочетание «социальный работник». Важно понимать, что общественное сознание чаще оценивает не потенциал данного вида деятельности, а ее сегодняшнее значение для общества.

Вхождение российской системы высшего профессионального образования в европейское образовательное пространство диктует новые требования к подготовке социальных работников. Компетентностный подход, вводимый в современной системе образования, становится основой для удовлетворения этих требований. Компетентность – это, прежде всего, общая способность и готовность личности к деятельности, основанная на знаниях и опыте, которые приобретены благодаря обучению, ориентированы на самостоятельное участие личности в учебно-познавательном процессе и направлены на ее успешную интеграцию в социум. Предполагается, что современный студент будет не просто получать знания по разным предметам, но сможет составить полную картину своей профессии и быть готовым обучаться и меняться вслед за изменением общества и его требований. Ведь компетенция не определяется через простую сумму знаний, это сумма знаний, умений и поведенческих отношений, настроенных на условия конкретной деятельности. Кроме того, применение компетентностного подхода отвечает требованием современного рынка труда, а именно, реализации взаимосвязи между подготовкой в образовательном учреждении и успешностью выпускников в профессиональной сфере.

Немаловажную роль в подготовке бакалавра социальной работы и в становлении будущего профессионала играет профессиональная мотивация. Очень важно сознательно относиться к выбору своей будущей профессии, рассматривать получение высшего образования как шаг на пути к будущей профессиональной карьере, а не как способ получить диплом, который в будущем не будет использоваться. В научной литературе и обществе все чаще ставится вопрос о профессиональном становлении социального работника. Необходимо, чтобы будущий специалист не просто бездумно выполнял функциональные обязанности социального работника, но и был заинтересован в собственном профессиональном росте и росте престижа своей профессии. В связи с этим наиболее актуальным становится вопрос мотивации будущих студентов на осознанный выбор профессии и формирование желания работать по полученной специальности.

Обучение по специальности «Социальная работа» является одним из направлений профессиональной подготовки в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ). Первый набор на данную специальность был осуществлен в 1993 г., после чего вуз успешно готовил специалистов по социальной работе для социальной сферы региона. В настоящее время с учетом реформирования системы высшего образования Дальневосточный федеральный университет перешел на двухуровневую систему подготовки и уже выпустил первых бакалавров и магистров социальной работы. В 2014 г. было проведено социологическое исследование карьерных намерений и ожиданий студентов, обучающихся в ДВФУ по направлению подготовки «Социальная работа».

Анализ результатов опроса студентов показывает, что, к сожалению, большая их часть не понимают сути своей будущей профессии, что является одним из важных моментов, негативно влияющих на формирование профессиональной мотивации будущих социальных работников. Негативным моментом, влияющим на становление будущих специалистов, стал тот факт, что значительная часть студентов выбор профессии сделала неосознанно (так, к сожалению, ответили 49% респондентов). На наш взгляд, одной из причин сложившейся ситуации является неосведомленность будущих специалистов о том роде деятельности, который они выбирают. Это подтверждают и полученные в ходе исследования результаты. Так, большинство респондентов отметили, что они имели минимальное представление о будущей профессии. Предупредить данную ситуацию можно путем ранней профориентации и информированности студентов о профессии. По мнению авторов, такая неосознанность при выборе будущей профессии в дальнейшем оказывает большое негативное влияние на процесс становления будущего профессионала, на его учебную и

профессиональную мотивацию в целом.

Несмотря на низкую профессиональную мотивацию значительной части студентов, большинство из них считают, что обладают достаточными профессиональными знаниями и умениями. Так, 7,2% респондентов оценивают уровень профессиональных практических умений и навыков как «высокий», 39,2% как «достаточный», 25,5% как «средний», 19,6% как «недостаточный», 5,9% как «минимальный», а 2% считают, что не обладают знаниями и умениями в профессиональной сфере. Стоит отметить, что большинство студентов (60,9%) уверены, что их профессиональные практические знания и умения будут соответствовать в будущем требованиям рынка труда к данной категории специалистов.

Очень важно, чтобы высшие учебные заведения ориентировали учебный процесс подготовки социальных работников на формирование мотивации к профессиональной деятельности. Можно предположить, что двухуровневая система образования и компетентностный подход могут изменить данную ситуацию в лучшую сторону. Ведь ни для кого не секрет, что многие из абитуриентов не в состоянии определиться с выбором будущей профессии. А отучившись четыре года и получив развернутое представление о выбранной и смежных профессиях, студент может изменить свой выбор и поступить в магистратуру на другое направление, которое привлекает его больше. Так же бакалавр может попробовать себя в профессиональной деятельности и позже, если у него в этом будет необходимость, вернуться в вуз для получения образования в магистратуре по любому подходящему профилю. Это предположение подкрепляется и полученными результатами исследования. Большинство студентов ответили, что представления о будущей специальности у них изменились незначительно (54,9%). Почти треть респондентов отметили, что их представления изменились кардинально, и только у 15,7% эти представления остались неизменными. Данные результаты подводят нас к мысли, что почти 85% будущих социальных работников по выпуску из высшего учебного заведения или стали лучше понимать и принимать свою профессию, или испытывают потребности получить знания в смежных с ней областях, чтобы быть более готовыми к практической работе. Кроме того, данные, полученные в ходе исследования, показывают, что сегодня только 51% респондентов довольны тем, что выбрали данную специальность. Возможностью изменить выбранную специальность хотели бы воспользоваться 58,8% студентов.

Становление будущего профессионала в области социальной работы зависит от многих факторов как объективного (адаптационный период внедрения двухсистемной ступени образования и компетентностного подхода, недоста-

точным осознанием значимости социального образования на уровне государства и общества), так и субъективного характера (неосознанность при выборе будущей профессии и как следствие отсутствие профессиональной мотивации и нежелания реализовать себя в профессии). Только комплексное решение этих проблем может привести к наполнению рынка труда профессионалами своего дела, что в свою очередь приведет к возможности эффективной реализации социальной политики в современной России.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ СТУДЕНТОВ О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

AWARENESS OF STUDENTS ABOUT THE LEGAL BASIS OF SOCIAL WORK IN THE SYSTEM OF STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT

Н.М. Макиевская
Российский Университет Дружбы Народов (Москва)
N.M. Makievskaya
Peoples' Friendship University of Russia (Moscow)

Перспективное направление профессиональной деятельности государственного и муниципального служащего в сфере социальной защиты населения и информированность студентов о правовых основах данной деятельности еще не делает привлекательной социальную работу для дальнейшей профессиональной деятельности.

Perspective direction of professional activity of state and municipal employees in the sphere of social protection of the population and to inform students about the legal basis of the activity itself does not make an attractive social work for the future professional activities.

Ключевые слова: перспективное направление, социальная работа, профессиональная деятельность, студенты.

Keywords: promising direction, social work, professional activity, students.

Социальная работа в настоящее время – наиболее перспективное направление и реально востребованное в профессиональной деятельности государственного и муниципального служащего. Например, на сайте Adzuna индекс частоты поиска в категории социальный работник составляет 1.67. Это говорит о том, что спрос на вакансию *социальный работник* (например, в Москве) рас-

тет. Вакансии в Москве предлагают следующие организации: ЗАО Р.О.С. СПЕЦТЕХМОНТАЖ, Миэль, Московский метрополитен, Пенсия консалтинг, ФГБОУ «Всероссийский научно-методический геронтологический центр Минтруда РФ и т.д. Вакансии на постоянную занятость составляют 85% от общего количества вакансий, а вакансии по договору – 15%. В 84% случаев требуются сотрудники на полную ставку, а в 16% случаев предлагается частичная занятость. Средняя заработная плата за июль 2015 г., по данным указанного сайта, составляет 48 177 рублей. В то же время данные вакансии не предлагают должности социального работника в «чистом виде», т.е. оказание помощи и поддержки социально незащищенным категориям граждан, пенсионерам, инвалидам, беженцам, детям из неблагополучных семей, детям-сиротам и т.п.

В мае 2015 г. был проведен опрос учащихся 11-х классов (в том числе профильных медицинского и социально-гуманитарного классов) в ГБОУ СОШ № 843 г. Москвы. В опросе приняло участие 60 человек. Учащиеся отметили, что не считают профессию *социальный работник* престижной, высокооплачиваемой и перспективной, поэтому даже в случае возможности поступления на бюджетные места по специальности социальная работа учащиеся предпочитают поступить в университет на любую другую выбранную специальность на договорной (платной) основе. Данная позиция высказана учащимися вне зависимости от того, что были представлены данные о высокой востребованности профессии социального работника на рынке труда. Информированность студентов в правовых основах социальной работы в системе государственного и муниципального управления исследовалась в рамках анкетирования в декабре 2014 г. Были опрошены студенты 4-го курса (бакалавры) по специальности государственное и муниципальное управление (кафедра государственного, муниципального управления, правоведения и психологии ФГБОУ ВПО «МАТИ — Российский государственный технологический университет им. К.Э. Циолковского»). В анкетировании приняли участие 90 человек. Студентами отмечено, что нормативную правовую базу социальной работы в Российской Федерации определяют правовые документы различного уровня: федеральные, региональные, документы муниципальных образований. Однако только 42%, или 38 респондентов отметили, что в социальные услуги включаются также социально-трудовые услуги, услуги, направленные на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией, и социально-правовые услуги, направленные на оказание помощи в получении юридических услуг, в том числе бесплатно, в защите прав и законных интересов получателей социальных услуг. Данный показатель вызывает тревогу, т.к. исследованная категория будущих специалистов не воспринимает социальную работу в полном

правовом объеме. Например, в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» социальная услуга сводится к традиционному толкованию социальных услуг как «помощь и поддержка социально незащищенных групп населения». Это может заметно снизить интерес к данному виду профессиональной деятельности. 96% опрошенных не видят свою дальнейшую профессиональную деятельность в сфере социального обслуживания населения, хотя это одно из важнейших направлений деятельности государственного и муниципального служащего.

Представленные данные показывают, что, несмотря на перспективность социальной работы и информированность студентов о правовых основах социальной работы, специфику будущей профессии, направленной на реализацию социальной политики, деятельность социального работника не является привлекательной профессией для абитуриентов и студентов по специальности государственное и муниципальное управление.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».
2. Материалы анкетирования учащихся (ГБОУ СОШ № 843 города Москвы, декабрь 2014) и студентов (ФГБОУ ВПО «МАТИ — Российский государственный технологический университет им. К. Э. Циолковского», май 2015 года).

ЗНАНИЕ И ВЛАДЕНИЕ НАВЫКАМИ ТРУДОВЫХ ДЕЙСТВИЙ, НЕОБХОДИМЫХ УМЕНИЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТАМИ 1 КУРСА ФАКУЛЬТЕТА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

KNOWING AND USING THE LABOR ACTION SKILLS, ALL THE REQUIRED SKILLS OF PROFESSIONAL STANDARD FOR SOCIAL WORKER BY 1ST YEAR STUDENTS OF THE FACULTY OF SOCIAL WORK

М.Н. Максимова, А.А. Гурьянова, Л.Д. Абдуллина
Казанский государственный медицинский университет
M.N. Maksimova, A.A. Gurianova, L.D. Abdullina
Kazan State Medical University

Проведен анализ опроса студентов 1 курса факультета социальной работы. Проанализированы трудовые функции, действия, необходимые умения и

знания и другие характеристики, сформированные у студентов 1 курса социальной работы.

This article analyzes the survey 1 st year students of the Faculty of Social Work. The article analyzes the labor functions, actions necessary skills and knowledge, and other characteristics, generated from 1 st year students of Social Work.

Ключевые слова: трудовые действия; необходимые умения и знания; профессиональный стандарт; специалист социальной работы.

Keywords: labor actions; the necessary skills and knowledge; professional standard; specialist in social work.

После окончания факультета социальной работы выпускники, устраиваясь на работу, должны соответствовать требованиям Профессионального стандарта Специалист по социальной работе.

Цель исследования: Определить, какие знания и владения навыками трудовых действий, необходимых умений, утвержденные в Профессиональном стандарте Специалиста по социальной работе, получили студенты при изучении дисциплин первого курса.

В начале нашего исследования мы ознакомили студентов 1 курса факультета социальной работы с профессиональным стандартом специалиста по социальной работе.

В Профессиональном стандарте выделено две характеристики обобщённых трудовых функций:

3.1. Обобщённая трудовая функция: Деятельность по реализации социальных услуг и мер социальной поддержки населения.

Она включает три трудовые функции:

3.1.1. Выявление граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

3.1.2. Определение объема, видов и форм социального обслуживания и мер социальной поддержки, в которых нуждается гражданин для преодоления трудной жизненной ситуации и предупреждения ее возникновения.

3.1.3. Организация социального обслуживания и социальной поддержки граждан с учетом их индивидуальной потребности.

3.2. Обобщённая трудовая функция: Деятельность по планированию, организации и контролю за реализацией социальных услуг и мер социальной поддержки.

Она включает четыре трудовые функции:

3.2.1. Прогнозирование и проектирование реализации социального об-

служивания, объема и качества оказываемых социальных услуг, мер социальной поддержки.

3.2.2. Организация деятельности подразделения (группы специалистов) по реализации социальных услуг и мер социальной поддержки.

3.2.3. Контроль качества и эффективности социального обслуживания граждан и предоставления мер социальной поддержки.

3.2.4. Подготовка предложений по формированию социальной политики, развитию социальной помощи и социального обслуживания населения.

Мы опросили студентов 1 курса (21 чел.) по Профессиональному стандарту «Специалист по социальной работе». Сделали выводы по результатам проделанной работы.

Выводы.

1. Студенты поняли, что характеристики, представленные в Профессиональном стандарте Специалист по социальной работе, являются основой их будущей профессиональной деятельности.

2. Студенты были удивлены тому количеству трудовых функций, действий, необходимых умений, знаний и других характеристик, которые им требуются. При этом на первом курсе они начали осваивать, изучать только четверть из них.

3. В результате проведенного опроса из всех характеристик трудовых функций все студенты (100% опрошенных) выделили «Другие характеристики»:

«Быть ответственным и руководствоваться в работе принципами гуманности, справедливости, объективности и доброжелательности»;

«Соблюдать профессионально-этические требования к деятельности специалиста по социальной работе».

Это говорит о том, что все студенты знают главные требования и принципы специалиста по социальной работе, понимают, что данная специальность требует соблюдения профессионально-этических требований в их будущей профессиональной деятельности.

4. Основной вклад на первом курсе в формирование будущих специалистов, по мнению студентов, внесла дисциплина – «Введение в профессию социальная работа».

5. Основной вклад в процесс формирования трудовых функций у студентов на 1 курсе внесли дисциплины:

- 1) «Введение в профессию социальная работа»;
- 2) «Региональные модели социального обслуживания»;
- 3) «Информатика».

6. Все студенты (100%) выделили, что они после обучения на 1 курсе в незначительной степени могут осуществлять трудовое действие: «Консультирование граждан, обратившихся в систему социальной защиты населения, о возможностях предоставления им социального обслуживания и мер социальной поддержки». Понятно, что студенты 1 курса не могут оказать в серьезном объеме консультативные услуги. Однако некоторые знания позволяют им ответить на определённые вопросы получателей социальных услуг. В этом им помогут знания, полученные по дисциплинам: «Введение в профессию социальная работа» и «Региональные модели социального обслуживания».

7. Все студенты (100% опрошенных) выделили 5 умений:

«Обобщать и систематизировать информацию, касающуюся трудной жизненной ситуации и методов ее преодоления».

«Использовать основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, навыки работы с компьютером как средством управления информацией, в том числе в глобальных сетях».

«Проявлять чуткость, вежливость, внимание, выдержку, предусмотрительность, терпение к гражданам и учитывать их физическое и психологическое состояние».

«Повышать свою профессиональную квалификацию в области реализации трудовой функции».

«Работать с документами, составлять отчеты по итогам выполнения деятельности».

Были названы все дисциплины 1 курса в формировании этих пяти умений.

8. Все студенты выделили 6 знаний, которые они получили после 1 курса: «Нормативные правовые акты в сфере социальной защиты населения».

«Национальные стандарты Российской Федерации в сфере социального обслуживания».

«Основные направления политики социальной защиты населения».

«Основы самоорганизации и самообразования специалистов по социальной работе».

«Требования к конфиденциальности личной информации, хранению и оперированию персональными данными граждан, обратившихся за получением социальных услуг и социальной поддержкой».

«Типы и характеристики граждан-получателей социальных услуг».

Были названы студентами все дисциплины, участвующие в процессе формирования необходимых умений и знаний будущего специалиста по социальной работе.

10. 100% опрошенных выделили в характеристике трудовых функций «Необходимые знания»: «Основы самоорганизации и самообразования специалистов по социальной работе». Это говорит о том, что все понимают и знают, что без самоорганизации и самообразования, без самостоятельной работы не обойтись, но не все желают и готовы это делать.

11. Все опрошенные студенты ещё раз убедились, что основу будущих профессиональных трудовых действий, необходимых умений и знаний составляет знание Национальных стандартов Российской Федерации в области социального обслуживания и нормативно-правовых актов в сфере социальной защиты населения.

Литература

1. Профессиональный стандарт «Специалист по социальной работе» (Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.10.2013 г. № 571н).

**ЭКСПЕРТИЗА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПО
НАПРАВЛЕНИЮ «СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
**EXAMINATION OF THE QUALITY OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN
"SOCIAL WORK": EXPERIENCE AND PROSPECTS**

И.Э. Петрова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.E. Petrova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Оценка сформированности компетенций обучающихся – ключевая задача аккредитационной экспертизы. Разработка и реализация образовательной программы по направлению «Социальная работа» требует от авторов и всего вузовского сообщества неформального подхода к формированию профессиональных компетенций и социальных навыков. Опыт проведения экспертизы позволяет сделать выводы о наиболее часто встречающихся недостатках этой работы.

Evaluation of formation of competence of students – a key task of the accreditation review. Development and implementation of an educational program in "Social work" requires the authors and the entire university community an informal approach to the formation of professional competencies and social skills. Experience examination allows to draw conclusions about the most common shortcomings of this work.

Ключевые слова: аккредитационная экспертиза, социальная работа, образовательная программа, компетенции.

Keywords: accreditation, social work, education program, competency.

Государственная аккредитация образовательной деятельности предусмотрена статьей 90 Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]. Она проводится с целью проверки соблюдения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, требований содержания и качества образования по заявленным ими для государственной аккредитации образовательным программам тем нормативам, которые прописаны в действующих федеральных государственных образовательных стандартах и других нормативных правовых актах Минобрнауки РФ. Под качеством образования, согласно статье 2 ФЗ № 273, понимается *«комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»*.

Государственная аккредитационная экспертиза реализуется в рамках деятельности Федерального государственного бюджетного учреждения «Национальное аккредитационное агентство в сфере образования» (ФБГУ «Росаккредагентство»), которое является подведомственным учреждением Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзор). Для проведения аккредитационной экспертизы Росаккредагентство выпускает постоянно обновляемые «Методические рекомендации по проведению аккредитационной экспертизы в отношении основных образовательных программ». Данные методические рекомендации разрабатываются на период до принятия соответствующих нормативных правовых актов Минобрнауки РФ, утверждаются приказом директора ФБГУ «Росаккредагентство» и получают одобрение Комиссии по государственной аккредитации Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки. Нормативным основанием оценки сформированности компетенций является Раздел V ФГОС ВО и п.14 Приказа Минобрнауки России от 19.12.2013 N 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам

специалитета, программам магистратуры» [2].

В актуальной в настоящее время версии №7 «Методических рекомендаций...» требования к оценке сформированности компетенций и процедура этой оценки детально прописаны. Следует обратить внимание на способы оценки в целях повышения качества образования в условиях повсеместного внедрения компетентностного подхода в высшем образовании.

При аккредитационной экспертизе в первую очередь необходимо продемонстрировать:

а) наличие в основной образовательной программе (ООП) набора компетенций: общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных (по видам профессиональной деятельности);

б) соответствие набора компетенций в рабочих программах дисциплин (модулей), практик, учебных планах набору компетенций, прописанных в ФГОС ВО (или в действующих ФГОС ВПО).

С целью выявления соответствия или несоответствия положений основной образовательной программы требованиям ФГОС ВО (ФГОС ВПО) экспертная комиссия обязана проверить представленность компетенций в следующих документах:

1. учебных планах, в том числе индивидуальных учебных планах (при наличии студентов, обучающихся по ним);
2. рабочих программах дисциплин и практик,
3. программах итоговых аттестаций.

В качестве наиболее часто встречающихся ошибок авторы «Методических рекомендаций...» приводят следующие:

- перечень формируемых компетенций приведен неполно,
- формируемые компетенции не соотносятся с дисциплинами.

В случае выявления несоответствия по этому важному пункту проверки ООП признается несоответствующей ФГОС ВО (ФГОС ВПО).

Образовательная организация имеет право расширить набор компетенций выпускников с целью фокусирования ООП на конкретных областях знаний, а отдельные категории университетов – и выпускать собственные стандарты; но эти действия не должны приводить к ухудшению уровня образовательной программы, в том числе, в части формирования результатов обучения.

В процессе оценки проверяются сформированность общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций (по видам профессиональной деятельности) (выборочно) и по дисциплинам (модулям), практикам, освоение которых к моменту проведения аккредитационной экспертизы завершено.

По результатам оценки эксперт должен провести сравнение и сделать два ключевых вывода:

- о соответствии заявленного уровня сформированности компетенций реально им установленному;
- о соответствии реально установленного уровня сформированности компетенций уровню, зафиксированному в процедурах промежуточной аттестации в аккредитуемой образовательной организации.

Результаты оценки уровня сформированности компетенций влияют на формирование индивидуального мнения эксперта о качестве реализации образовательной программы и, значит, не являются основанием для вывода о несоответствии ООП ФГОС ВО (ФГОС ВПО).

В качестве возможных проблемных моментов авторы «Методических рекомендаций...» отмечают следующие возможные ситуации:

- результаты проведенной экспертом оценки сформированности компетенций не соответствуют результатам промежуточной и итоговой аттестации обучающихся;
- отсутствуют или частично недостаточны фонды оценочных средств (оценочных материалов);
- выявлено несоответствие оценочных материалов формируемым компетенциям.

Очень часто фонды оценочных средств оказываются направленными на оценку преимущественно знаниевой части компетенций, но не деятельностной (то есть в них не отражено определение сформированности умений, навыков и т.п.). Это демонстрирует инертность образовательных организаций, не вполне применяющих компетентностный подход в обучении или делающих это формально. Важно отметить, что образовательные организации имеют право самостоятельно определять принципы и методы оценки сформированности компетенций, лишь бы они не противоречили действующим нормативно-правовым актам, регламентирующим экспертизу содержания и качества образования.

Опыт проведения аккредитационной экспертизы по направлению «Социальная работа» позволяет сделать некоторые выводы о наиболее часто встречающихся недостатках разработки образовательных программ.

Прежде всего, необходимо отметить, что формирование социальных компетенций невозможно проводить дистанционно, да и заочная форма обучения по направлению «Социальная работа» предъявляет дополнительные требования к разработчикам образовательной программы в выборе механизмов для достижения результатов обучения.

В действующем стандарте ФГОС ВПО по направлению «Социальная ра-

бота» (бакалавриат) предложен слишком малый объем времени для прохождения практики, что существенно затрудняет процесс формирования 20 общекультурных и 35 профессиональных компетенций.

Внедрение компетентного подхода происходит во многих вузах формально и поверхностно, и это выражается во многих подробностях.

Как правило, карты компетенций разрабатываются вузами без использования должного научного и методического обоснования, скорее, «по наитию». Такие – иногда примитивные, иногда некорректные карты компетенций не дают возможности формирования этапности развития компетенции, как этого требует внедряемый подход. Сформированное УМО вузов по социологии и социальной работе могло бы сыграть значительную роль в научении вузовских сотрудников такой научно-методической работе. Следует отметить значительную подготовку, которую осуществили сотрудники РГСУ в рамках деятельности прежнего УМО вузов России по образованию в области социальной работы в сопоставлении обобщенных трудовых функций профессионального стандарта специалиста по социальной работе и компетенций образовательного стандарта. Особенно эта работа значима в условиях отсутствия межведомственной согласованности в разработке профессиональных и образовательных стандартов.

Отсутствие механизма поэтапного формирования компетенций приводит к невозможности оценить уровень сформированности компетенций в середине срока обучения.

Как правило, основными ошибками разработчиков становится невнимание к реализации деятельностной стороны компетенций и в основном представление заданий на оценку знаний по итогам обучения, но вовсе не навыков и готовности реализовать компетенции.

В целом, можно говорить о том, что вузовская общественность уже в достаточной степени заучила нужные слова о компетентном подходе в образовании, но его внедрение происходит формально и пока не дает желаемых результатов. Система независимой аттестации специалистов по социальной работе могла бы послужить катализатором этого процесса, но и этот процесс буксует в силу нехватки средств в региональных бюджетах на полноценную экспертизу. Сложившаяся ситуация приводит прежде всего к тому, что студенты не понимают, к каким результатам должно привести их обучение, и как эти компетенции помогут впоследствии исполнять трудовые функции специалиста. С другой стороны, процесс внедрения компетентного подхода запущен, и возврата к знаниевому этапу уже не будет, так что глубокое осмысление и разработка образовательных программ сможет принести интеллектуальное наслаждение и профессиональные результаты вузовскому сообществу.

Литература

1. Федерального закона Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Приказ Минобрнауки России от 19.12.2013 N 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры».

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ FEATURES OF ADAPTATION OF UNIVERSITY GRADUATES FOR PROFESSIONAL CAREERS IN THE SOCIAL SPHERE

Т.М. Петрова

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

T.M. Petrova

Nekrasov State University of Kostroma

Особую актуальность приобретают проблемы профессиональной адаптации выпускников вузов, формирования их компетентности и готовности к профессиональной деятельности в современных условиях. Профессиональная адаптация выпускников вузов – это процесс приспособления, привыкания к условиям современного рынка труда, самостоятельного трудоустройства в ситуации высокой конкуренции за привлекательные рабочие места.

Of particular relevance today is the problem of professional adaptation of graduates, the formation of their competence and readiness for professional work in modern conditions of professional adaptation of graduates – a process of adaptation, habituation to the modern labor market, self-employment, in a situation of high competition for attractive jobs.

Ключевые слова: Профессиональная адаптация, выпускники вузов, социальная сфера, сотрудник, адаптация, профессиональная деятельность, организация.

Keywords: Professional adaptation, graduates, social services, employee, adaptation, professional activity, organization.

В последние десятилетия произошли значительные изменения во всех сферах жизни общества, и рынок труда не является исключением.

Одна из острейших проблем рынка труда молодых специалистов в современных условиях – противоречие между традициями высшего профессионального образования и потребностями потенциальных работодателей. Сегодня неуклонно растет спрос на высококвалифицированных специалистов. При этом каждая организация заинтересована в специалисте с минимальным сроком адаптации к условиям профессиональной деятельности.

В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы профессиональной адаптации выпускников вузов, формирования их компетентности и готовности к профессиональной деятельности в современных условиях.

Итак, в широком смысле в соответствии с определением В.А. Сластенина, профессиональная адаптация – это процесс вхождения человека в профессию и гармонизация взаимодействий его с профессиональной средой [1].

Профессиональная адаптация выпускников вузов в современных условиях – это процесс приспособления, привыкания к условиям современного рынка труда, к условиям свободного, самостоятельного трудоустройства и высокой конкуренции за привлекательные рабочие места.

Новые и совсем ещё непонятные обязанности, чужая обстановка, необходимость контактов с незнакомыми людьми – всё это вызывает неприятные чувства. Неуверенность и страх, одиночество и тревога – неотъемлемые спутники процесса профессиональной адаптации, определяющие состояние человека в первые дни и недели работы на новом месте, приводящие к серьёзному психологическому дискомфорту.

Появление нового сотрудника в организации подразумевает наличие адаптационного периода, то есть процесса вовлечения человека в новый трудовой коллектив. Как правило, адаптационный период совпадает с периодом испытательного срока, который составляет 1-3 месяца. На данном этапе у сотрудника складывается устойчивое мнение об организации, которое в дальнейшем сложно будет изменить.

Таким образом, в процессе взаимодействия сотрудника и организации происходит их взаимное приспособление, то есть процесс трудовой адаптации. От того, насколько позитивно и объективно новый сотрудник будет воспринимать и усваивать ценности и нормы коллектива, свои социальные роли и от того, насколько предприятие будет отвечать требованиям работника, будет обособно зависеть процесс взаимoadaptации работника и предприятия.

Следовательно, адаптация – это сложный двусторонний процесс, касающийся личности и среды, в которую эта личность включена.

Процесс адаптации – это непростой период не только для сотрудника, но и для организации, так как необходимо определённое время, чтобы новый со-

трудник влился в коллектив, усвоил ценности и нормы учреждения, стал максимально полезным в профессиональном отношении. А значит, работодатель должен быть заинтересован в успешном завершении профессиональной адаптации не менее самого сотрудника.

Главная цель профессиональной адаптации – усвоение системы профессиональных знаний, умений и навыков, их эффективное применение на практике. Достижение этой цели определяется максимальным соответствием подготовки профессиональным требованиям и предоставляемым условиям труда.

Профессиональная адаптация складывается из овладения будущим работником профессиональными знаниями, навыками и умениями, из формирования определенных необходимых в профессиональном отношении качеств личности, развития устойчивого положительного отношения работника к своей профессии и заинтересованности работодателя в новом работнике, создания ему комфортных условий для работы.

Социальная сфера как особый вид профессиональной деятельности – чрезвычайно сложная и чувствительная система, любое изменение на каждом из уровней мгновенно приводит к резонансу, в результате которого претерпевает изменения и система в целом. Но поскольку система открытая, изменения происходят непрерывно, что может существенно осложнять прогнозируемость последствий в связи с высокой динамикой общественных процессов.

Закономерности социальной сферы обусловлены тесной взаимосвязью всех её уровней и субъект-субъектным характером взаимоотношений, отраженных в дихотомическом единстве, где понятия «человек нуждающийся» и «человек помогающий» взаимозависимы и взаимообусловлены.

Для решения задач успешной профессиональной адаптации молодых специалистов социальных учреждений необходимо создавать программы профессиональной адаптации, способствующие сокращению сроков и оптимизации этого процесса. Результаты реализации таких программ – повышение качества оказания социальных услуг, кроме того, это один из эффективных методов профилактики профессионального выгорания.

Для решения данной проблемы создаются специализированные структуры, занимающиеся подбором кадров для организаций из числа студентов старших курсов, их специализированной подготовкой с учетом требований работодателей и адаптацией к условиям конкретной организации. Такие структуры, создаваемые, как правило, совместно крупными корпоративными потребителями кадров и вузами, призваны помочь организациям решить кадровую проблему молодых специалистов и высших учебных заведений. Подобные структуры способствуют формированию у выпускников вузов профессиональной и корпо-

ративной культуры.

Одним из примеров такой структуры является Региональный Центр содействия занятости и адаптации к рынку труда студентов и выпускников «Центр развития карьеры» на базе Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Центр осуществляет свою деятельность с 2006 г. и является структурным подразделением ВУЗа.

Главная цель деятельности Центра – содействие профессиональному развитию и карьерному росту студентов и выпускников университета посредством научного и информационно-методического сопровождения и делового сотрудничества.

В работе подразделения можно выделить следующие приоритетные направления:

Научно-исследовательская и методическая деятельность, направленная на построение и развитие карьеры молодых специалистов на региональном рынке труда. Для этого систематически осуществляется мониторинг траекторий профессионального роста выпускников разных лет, выявляются особенности проектной занятости и транспрофессиональной карьеры. В плоскости работодателей исследования сфокусированы на необходимости моделирования HR-брендинга.

Осуществляется координационная и информационно-консультативная работа со структурами содействия трудоустройству выпускников учреждений профессионального образования г. Костромы и Костромской области. Одна из главных задач центра – помощь в организации служб трудоустройства, разработка и систематизация единой согласованной политики профессиональных учебных заведений в вопросах обеспечения занятости выпускников на рынке труда Костромской области.

Неотъемлемой частью работы Центра является осуществление координации и взаимодействия с органами исполнительной власти, общественными организациями, сотрудничество с предприятиями и организациями, выступающими в качестве потенциальных работодателей для студентов и выпускников.

Помимо этого, одним из многих направлений работы данного структурного подразделения является карьерный ассессмент для абитуриентов, студентов и выпускников учреждений профессионального образования Костромской области. Это основа деятельности центра как агента на рынке труда, осваивающего интересы студенчества и продвигающего молодых специалистов.

Таким образом, основой деятельности Центра является индивидуальный подход к студенту и выпускнику в ситуации дезадаптации к рынку труда или к организации и инновационный научно обоснованный характер используемых

технологий.

Сегодня «Центр развития карьеры» – это сложившийся элемент организационной структуры университета, который находится в постоянном развитии и показывает стабильно высокий результат в федеральном рейтинге региональных центров трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования.

Литература

1. Психология и педагогика. Учебник для бакалавров / Под ред. В.А.Сластенина, В.П. Каширина. М: Изд-во «Юрайт», 2013. 480 с.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ВУЗЕ GENDER ASPECTS OF FUTURE SOCIAL WORK BACHELORS EDUCATION AT A HIGHER EDUCATION INSTITUTION

С.Е. Поджарова

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова

S.E. Podzharova

Nekrasov State University of Kostroma

Выявлены особенности организации образовательного процесса по направлению подготовки «Социальная работа» (бакалавриат) с учетом идей гендерного подхода. Рассматриваются вопросы отбора методов организации образовательного процесса.

The article is devoted to realizing the gender-based approach in the course of vocational training of future social work bachelors. The features of teaching methods choice are also described.

Ключевые слова: бакалавр социальной работы, гендерный подход, выбор методов обучения.

Keywords: social work bachelor, gender-based approach, the choice teaching methods.

Потребность в непрерывном совершенствовании системы подготовки квалифицированных специалистов в вузе, качественное обучение и прогнозирование будущей успешности профессиональной деятельности актуализируют необходимость использования современных идей и подходов к организации высшего образования в России.

В современной ситуации изменения структуры социальных норм и ценностей особое значение в процессе организации и определения содержания профессионального образования приобретает использование идей гендерного подхода. Молодое поколение является одновременно и наследником прошлого, и созидателем будущего. Именно в подростковом, юношеском, молодом возрасте происходит наиболее интенсивное усвоение опыта прошлых поколений, освоение социума, определение в нем собственного места и определение жизненных перспектив. От того, насколько успешным будет процесс социализации и интеграции в общество, в ходе которых решаются эти задачи, зависит будущее этих молодых людей и страны в целом.

На современном этапе развития общества наблюдаются изменения в системе гендерных отношений, порой абсолютно не совместимые друг с другом. С одной стороны, вследствие осложнения экономического и политического положения в стране происходит маскулинизация общественных отношений. Возникает потребность независимо от пола проявлять такие качества, которые определяются как присущие мужскому гендерному стереотипу – агрессия, настойчивость, целеустремленность, физическая и духовная сила и другие. С другой стороны, очень четко наметился переход от патриархального общества с господством мужчин к биархатному, в котором мужское и женское начало в общественной жизни сбалансированы. В то же время результаты многочисленных исследований в области гендерной проблематики показывают то, что гендерные отношения в нашей стране продолжают оставаться асимметричными.

Стереотипы в области трудовой деятельности являются, по мнению исследователей, занимающихся гендерной проблематикой, одними из наиболее устойчивых. Несмотря на значительный уровень демократизации трудовых отношений в нашей стране, мы все еще очень часто сталкиваемся с достаточно четким разделением профессий и специальностей на мужские и женские. Данные обстоятельства не могут не влиять на профессиональную ориентацию юношей и девушек, выбор ими той или иной специальности, причины этого выбора и, соответственно, отношение к образовательному процессу.

В Костромской области увеличение числа нуждающихся в помощи социальных служб, обострение негативных процессов в общественной жизни, обусловили открытие в 1991 г. отделения по подготовке специалистов по социальной работе на базе социально-педагогического факультета КГУ им. Н.А. Некрасова. С 2011 г. началась подготовка бакалавров социальной работы. За 15 лет преподавателями кафедры социальной работы накоплен значительный опыт работы по данной специальности как со студентами, так и с абитуриентами. Однако коллектив кафедры находится в постоянном поиске новых подходов к

организации образовательного процесса, совершенствовании форм и методов подготовки.

В рамках работы по внедрению идей гендерного подхода в образовательный процесс нами было проведено исследование по выявлению гендерных проблем обучения будущих бакалавров социальной работы в вузе.

Анализ полового состава студентов направления подготовки «Социальная работа» в КГУ им. Н.А. Некрасова показал, что из общего количества обучающихся на дневном отделении – 98 человек, девушек – 78 человек (79,6%), юношей – 20 (20,4%). Данный факт позволяет констатировать значимость полового признака при выборе данной профессии.

Результаты анализа причин выбора данной профессии юношами и девушками показывает, что 35% опрошенных девушек считают социальную работу новым, интересным и перспективным видом деятельности. Ведущим мотивом выбора данного направления у юношей является просто получение высшего образования (48%). На случайность, стечение обстоятельств указали 15% опрошенных.

Девушки в своих ответах отмечали, что перед поступлением в вуз беседовали с психологами-профконсультантами, а практически все юноши при выборе профессии руководствовались исключительно жизненным опытом, своим мнением и другими факторами. Данные обстоятельства также являются доказательством стереотипизации социальной работы как преимущественно женской профессии.

Такая ситуация находит свое отражение в различном уровне готовности к освоению данной специальности, активности юношей и девушек в ходе образовательного процесса в вузе.

В целом девушки несколько успешнее в процесс обучения по направлению подготовки «Социальная работа», однако средний балл достаточно высок как в женской, так и в мужской группах (4,6 и 4,2 – соответственно). Девушки гораздо более общительны, превосходят молодых людей в беглости речи, понимании письменного текста, более активно участвуют в научно-исследовательской деятельности. Это вполне объяснимо тем, что человек, как правило, чувствует себя более уверенно в коллективе, состоящем из представителей того же пола, что и он сам. В то же время девушки определяют большее количество сложных стрессовых ситуаций в учебной деятельности (сессия, страх высказать свое мнение, конкуренция среди однокурсников), чем юноши (они испытывают трудности лишь в период сессии). Девушки-студентки более исполнительны, в то время как у молодых людей развиты конструктивные и проектные способности, однако направленность на результат в проектной дея-

тельности выше у девушек. Критерием выбора деятельности для юношей чаще всего является ее содержание, а для девушек – благоприятная психологическая обстановка в ходе ее осуществления.

Отношение студентов к преподавателям формируется на основе оценки его профессиональной компетентности, требовательности, профессиональных качеств и эрудиции. Для 78% опрошенных не имеет решающего значения половая принадлежность преподавателя. Большинство опрошенных, независимо от пола, воспринимают преподавателя как человека, обладающего большим количеством знаний, способного поделиться своим опытом. Однако молодые люди с большей готовностью принимают поставленную им на экзамене оценку, около 40% воспринимают экзаменатора как человека, который может объективно оценить знания по предмету, в то время как среди девушек в этом убеждены только 10%. Представительницы женского пола более склонны считать, что преподаватель заранее решает, что и кому поставить.

Корректировка представлений о профессии в ходе учебы в университете приводит к тому, что после окончания вуза работать по специальности планирует около 70% девушек и только 30% юношей. Среди ответов юношей преобладают: «не знаю», «возможно», «скорее нет». Некоторые респонденты среди причин, по которым они не хотят работать по специальности, называют: невозможность устроиться по специальности, низкий уровень оплаты труда, сложность профессии, которая требует большой отдачи. В целом, результаты исследования показывают, что девушки оценивают перспективность профессии выше, чем юноши. В большинстве случаев они выбирают социальную работу в качестве своей будущей профессии сознательно, исходя из своих потребностей, способностей и интересов.

Результаты проведенного исследования показывают низкую профессиональную ориентированность юношей на направление подготовки «Социальная работа» и стереотипизирование ее как преимущественно женской. Результаты анализа уровня готовности к освоению данной специальности и активности юношей и девушек в ходе образовательного процесса обуславливают необходимость учета гендерной принадлежности студентов при выборе форм и методов его реализации, оценке учебной деятельности. Важно стремиться к тому, чтобы содержание образования максимально пересекалось с интересами студентов–представителей того или иного пола. Для достижения высокого уровня качества организация учебного процесса при подготовке будущих бакалавров социальной работы в вузе должна предполагать открытость, гибкость, возможность экспериментов и альтернативных решений наряду с традиционными.

**ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ И ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ
СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ МАГИСТРАТУРЫ В УСЛОВИЯХ
СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**
**FACTORS THAT ARE PROMOTING AND IMPEDING TO THE
FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MAGISTRACY IN
CONDITIONS OF MODERN RUSSIAN SOCIETY**

Л.И. Савинов, О.А. Кузнецова
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
L.I. Savinov, O.A. Kuznetsova
Ogarev Mordovia State University

Анализируется процесс становления и развития магистратуры в России, отмечены факторы, способствующие и препятствующие данному процессу.

The process of the development and formation of magistracy in Russia is analyzed in this article. The factors are marked here promoting and impeding to data process.

Ключевые слова: магистратура, факторы способствующие, факторы препятствующие, развитие, работодатель, преподаватели, высшее образование, магистерская программа, кафедра.

Keywords: the magistracy, promoting factors, impeding factors of the development, an employer, teachers, higher education, a magistracy program, a department.

Магистратура для современной России явление новое, а по количеству магистерских программ и по количеству студентов-магистров и немногочисленное. Тем не менее для социальной работы, для работы отдельных кафедр и для жизнедеятельности отдельных студентов магистерский уровень образования имеет свое социальное предназначение. Как и всякое социально новое явление магистратуру сопровождают факторы, как способствующие ее становлению и развитию, так и препятствующие этому.

Укажем на следующие факторы, которые способствовали появлению, становлению и развитию магистратуры в области социальной работы в России. Наше государство подписало Болонское соглашение (1991), что создало условия для появления в России двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат и магистратура). В стране изменялись все составляющие звенья системы советской социокультуры, в частности, и образование. Современная система российского образования в течение почти трех десятилетий обладает четко выраженной установкой стать всячески не похожей на предыдущую

систему образования — советскую.

Следующий фактор исходит из сравнения специалитета, бакалавриата и магистратуры. К специалитету отечественная социальная практика привыкла, в нашем обществе высшее образование сопряжено с понятием «специалист». Если бакалавриат существенным образом снизил общественный статус высшего образования, то появление магистратуры, наоборот, данный статус возвысил. Магистратура – как весть издалека, как нечто новое и более редкое по сравнению с бакалавриатом и со специалитетом дала надежду нашей молодежи, что это именно тот уровень высшего образования, которого ждет наше общество.

Жизнь, как всегда, по отношению к новому явлению проявляет практический интерес, в интегральной форме он может быть выражен в вопросе: «а в чем польза?». «Польза» от магистратуры весьма разнообразна: все льготы для студента очного отделения (стипендия, общежитие, проездные билеты, отсрочка от армии); переквалификация и повышение профессионального уровня; полезное и перспективное использование времени; познать что-то новое; повышение конкурентноспособности на рынке труда с помощью возвышения своего образовательного потенциала; возможность для поступления в аспирантуру. Польза от магистров достается и кафедрам, особенно выпускающим. Дело в том, что с заменой специалитета на бакалавриат кафедры потеряли существенную часть нагрузки, произошло сокращение рабочих мест (ставок), а появление магистратуры компенсировало часть утраты. Следовательно, магистратура представляет возможность небольшому количеству преподавателей иметь работу в вузе. Кроме того, между преподавателем и студентом-магистрантом возникают новые отношения. С одной стороны, достичь успехов студенту без самостоятельной активности невозможно, но самостоятельная работа направляется и контролируется преподавателем, а с другой стороны, квалификация преподавателя должна соответствовать требованиям нового Госстандарта, уровень магистерских диссертаций должен быть выше уровня дипломных работ и выпускных работ бакалавров. Выпускники магистранты по степени профессиональной подготовленности должны соответствовать самым высоким требованиям, предъявляемым на рынке труда. Появление высококвалифицированных, конкурентноспособных магистрантов существенным образом обновляет сам рынок труда, что, несомненно, способствует возвращению новых отношений между вузом и работодателем, обогащая новыми элементами отечественную социокультуру в целом. Наличие в вузе нескольких разнообразных магистерских программ, выпускники которых востребованы во многих

регионах страны, способствует повышению рейтинга вуза по сравнению с другими вузами. Так, что «польза» от магистров имеет широкое пространство: для самого студента, для преподавателя, для кафедры, для вуза, для региона, для рынка труда и для общества в целом.

Есть факторы, которые однозначно невозможно расположить по шкалам полезные–неполезные, способствующие–препятствующие. На наш взгляд, к ним можно отнести:

- 1) интерес к магистратуре как к новому явлению в системе образования;
- 2) увеличение роли, значимости и объема самостоятельной работы магистра, под которой понимается организованная целенаправленная деятельность по освоению личностно-профессиональных и фундаментальных знаний, умений и навыков. Студент-магистрант должен обладать опытом самостоятельного осмысления и оценивания происходящих событий на разных уровнях (от местного до глобального), в разных сферах жизнедеятельности, с разными категориями населения. Опыт работы кафедры (с 2007 г.) позволяет сделать вывод, что в современных условиях самостоятельная работа магистранта является ведущим фактором для качественного освоения магистерских программ. Самостоятельность, включающая в себя в данном случае целеустремленность, ответственность, трудолюбие и социальную активность, у студентов разная, но она служит основой для возрастания их профессионального становления. С данной оценкой согласны многие ученые. [1; 1-67]

К группе факторов, которые реально препятствуют зарождению профессиональной магистерской субкультуры в системе образования, необходимо отнести:

- 1) Степень востребованности обществом магистров по социальной работе. Несмотря на имеющийся дефицит квалифицированных кадров с профильным образованием в области социальной работы, несмотря на выпуски в течение ряда лет целым рядом российских вузов, пусть и не многочисленных, групп магистров, несмотря на возрастающий интерес к получению диплома магистра у определенной части нашей молодежи, тем не менее и сегодня далеким от полной объективности будет вывод о том, что для нашего общества магистратура стала необходимостью.

Дело не только в том, что на рынке труда не подготовлены места для магистров, но сегодняшним российским магистрам невозможно сравнить себя ни с предшественниками из собственного прошлого (в СССР не было магистратуры), ни с настоящим в наиболее развитых зарубежных странах (где есть магистратура). Наши магистры существенно отличаются от зарубежных по

методике обучения и прохождению практик, по готовности рынка труда для принятия магистров, по оплате труда, по организации управления знаниями на предприятиях.

2) Сегодня для многих работодателей магистр – это ученый, который должен работать в Вузах, как и кандидат наук. Для нашей социальной практики необходимо время для более адекватного понимания, кто такой магистр и где его место на работе. Должны пройти еще сколько-то лет, чтобы в работодательской сфере закрепилось понимание магистра как более тщательно подготовленного (бакалавра или специалиста) с высшим образованием обладающего научно-исследовательскими, педагогическими, организационно-управленческими, проектными и технологическими компетенциями. Кроме того, неразрывное единство фундаментального, универсального, профессионального и специального образования определяется не только требованиями рынка труда, но и неизменной переменной труда, необходимостью всестороннего, гармоничного развития человека.

3) Как ни парадоксально для социальной работы, но сдерживающим фактором развития профессионализма у магистров является практикоориентированность.

Казалось бы, для социальных работников, у которых практическая деятельность занимает особое место, отмеченная прикладная направленность не может иметь недостатков. Однако акцент на «практической вооруженности» нередко вступает в противоречие с традициями субкультур, с ценностями гуманизма. «Технологические практические навыки и знания нередко показывают свою беспомощность в условиях радикальной субъективации реально действующих структур и институтов. Да и собственно социальная работа многократно указывает на имеющуюся диалектическую взаимосвязь между знанием и его социальной основой. Для обсуждаемого вопроса это означает, что «практические навыки и технологии не могут быть вечными и повсеместными» [2; 32-33]. В реальности здесь возникают недопонимания, которые не возвышают российскую высшую школу. Мы уже обращали внимание на то, что отсутствие системной практикоориентированности – это тяжелая социокультурная проблема нашего образования [3; 190].

Каким образом можно укреплять отношения с работодателями, если в самом Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. отсутствует должное внимание к практической составляющей профессионального образования. Мы не откроем истины если укажем на то, что несмотря на наличие ФГОС, вузы и кафедры и сегодня студенческие практики проводят исходя из существующих возможностей. Процесс профессионального

становления магистров происходит в условиях отсутствия системных взаимосвязей между вузами и рынком труда, в результате присутствует дезинтеграция и дисфункциональность как профессиональных, так и общекультурных компетенций.

Литература

1. Сизикова В.В., Аникеева О.А. Стандарт профессиональной деятельности специалиста по социальной работе: к новому качеству социального образования и социальной защиты населения // Вестник УМО вузов России по образованию в области социальной работы. 2013. № 1. С. 61-67.
2. Савинов Л.И. Теория социальной работы: современное состояние и пути развития новой науки // Социальная работа: история, теория, технологии. (Науч. школа проф. Е.И. Холостовой). М.: МГСУ, 2004. 192 с.
3. Савинов Л.И. Социокультурные границы свободы образования в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» // Ежегодник Российского образовательного законодательства. Т. 8. 2013. С. 186-196.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В ХОДЕ УЧЕБНОЙ ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

THE SPECIAL ASPECTS OF THE SOCIAL COMPETENCE FORMATION OF FUTURE SOCIAL WORK BACHELORS IN WORK EXPERIENCE

Е.Е. Смирнова

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

E.E. Smirnova

Nekrasov State University of Kostroma

Освещены особенности реализации компетентностного подхода в процессе профессиональной подготовки будущих бакалавров социальной работы. Раскрываются особенности формирования социальной компетентности в ходе организации учебной практики.

The article is devoted to realizing the competence-based approach in the course of vocational training of future social work bachelors. The features of social competence formation in work experience are also described.

Ключевые слова: компетентностный подход, социальная компетентность, учебная практика.

Keywords: competence-based approach, social competence, work experience.

Решение проблем качественного профессионального обучения и воспитания в учреждениях высшего образования в настоящее время в государственных документах связывается с реализацией компетентного подхода, с формированием у обучающихся компетенций или компетентностей [3].

Объективная необходимость поиска более эффективных методов обучения в высшей школе диктуется изменениями в науке, производстве и трудовой деятельности человека. Обострились противоречия традиционной системы обучения между усвоением студентами разобобщенных по учебным дисциплинам знаний и необходимостью их комплексного применения в практической деятельности человека. Эти противоречия особенно ярко проявляются в тех сферах профессиональной подготовки, где от специалиста требуется установление социальных контактов, понимание ситуаций межличностного взаимодействия, то есть высокий уровень социальной компетентности.

Вопрос о содержании и структуре данного понятия в современной психолого-педагогической литературе является дискуссионным, что определяется сложностью однозначного обобщения особенностей различных видов человеческой активности. Тем не менее, анализ источников по проблеме исследования данного феномена позволил нам сделать вывод о том, что социальная компетентность представляет собой интегральную систему личностных качеств, социальных знаний и умений, опыта принятия решений в жизненных ситуациях, взаимодействия с другими людьми и культурами, обеспечивающих способность человека действовать в социуме с учетом позиций других людей. Структура социальной компетентности – многоуровневая, строится с учетом жизненного опыта личности и включает: знания и умения, обеспечивающие эффективную социальную деятельность индивида; личностные качества, позволяющие индивиду действовать самостоятельно и ответственно; готовность к установлению и развитию социальных контактов, самосовершенствованию [1; 2]. Социальная компетентность имеет важное значение во всех без исключения сферах человеческой активности, где осуществляются различные взаимодействия с другими людьми, социальными институтами и т.п.

Ее развитие у будущих бакалавров социальной работы предполагает расширение социальной грамотности обучающихся, обогащение их социального опыта, наращивание социальных умений и навыков, углубление социального интеллекта, обеспечивающих социальную и профессиональную успешность личности.

Анализ содержания основной образовательной программы по направлению подготовки «Социальная работа», разработанной на кафедре социальной

работы КГУ им. Н.А. Некрасова, показывает, что организация учебной деятельности будущих бакалавров социальной работы в рамках реализации компетентного подхода ориентирована на усиление прикладного, практического характера предметного обучения.

Составной частью образовательного процесса будущих бакалавров социальной работы является учебная практика, направленная на приобретение студентами опыта осуществления профессиональной деятельности, активизацию, апробацию и интеграцию полученных знаний, умений и навыков.

Учебная практика в КГУ имени Н.А. Некрасова организуется по специально разработанной в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования программе. Структура учебной практики состоит из трех взаимосвязанных этапов, каждый из которых направлен на решение определенного круга задач образовательного процесса. На подготовительном этапе со студентами проводится организационно-мотивационный сбор, установочная конференция, в ходе которых осуществляется: знакомство с программой практики, усвоение целей и задач, знакомство с нормативно-правовой базой деятельности учреждений социального обслуживания населения, инструктаж по технике безопасности. Собственно экспериментальный этап посвящен участию в профессиональной деятельности по социальному обслуживанию населения, а также ведению различных типов отчетной документации: составлению индивидуального плана прохождения практик, дневника практики, «портрета учреждения», характеристики клиента и итогового отчета по практике. На заключительном этапе подводятся итоги практики в форме конференции, которая способствует развитию у студентов способностей к рефлексивной оценке планируемых и достигнутых результатов, анализу собственной профессиональной деятельности.

При организации и сопровождении студентов в ходе учебной практики особое значение уделяется применению развивающих технологий и методов.

Использование коллективных форм работы позволяет увеличить количество социальных и межличностных связей между студентами, повысить сплоченность, взаимопонимание и взаимопомощь, развить навыки работы в группе, научить объяснять, слушать и понимать собеседника, учитывать мнение других. Стимуляция профессионального и делового общения студентов при выполнении задания развивает коммуникативную компетенцию студентов и повышает их ответственность за формирование межличностных связей в коллективе.

Обеспечение междисциплинарных связей при выполнении информационно-поисковых и творческих заданий обучает студентов интегрировать знания

и умения, полученные при изучении различных дисциплин, собирать, анализировать и классифицировать информацию, позволяет преодолевать разрыв между разными дисциплинами. Решение профессионально ориентированных задач, составление отчетов о проделанной работе на персональном компьютере повышает профессиональную направленность образовательного процесса и развивает информационную компетенцию студентов.

Социальная компетентность является одним из ключевых показателей качества образовательного процесса по направлению подготовки «Социальная работа», а также определяет профессиональную успешность будущего бакалавра в этой сфере. Учебная практика является одним из ключевых элементов данного процесса, так как способствует глубокому погружению будущих бакалавров социальной работы в практическую профессиональную деятельность.

Литература

1. Басова В.М. Теория и практика формирования социальной компетентности личности. Кострома, 2004. 206 с.
2. Глушкова Е.О. Педагогическое сопровождение развития социальной компетентности студентов вузов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. Т. 18. №1. Часть 1. С. 225-228.
3. ФГОС ВПО по направлению подготовки 040400 Социальная работа (квалификация (степень) «бакалавр») от 8 декабря 2009 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_09/prm709-1.pdf

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ: ОТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ К ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ETHIC BASICS OF SOCIAL WORK: FROM THEORETICAL COMPREHENSION TO PRACTICE

А.Б. Федулова
Северный (Арктический) Федеральный Университет им. М.В. Ломоносова
(Архангельск)

A.B. Fedulova
Northern (Arctic) Federal University

Представлена актуальность этической регламентации профессиональной деятельности социальных работников в контексте профессионального образования. Показана важная роль технологий педагогической коммуникации,

направленных на развитие профессионально-личностной мотивации студентов, интереса и готовности к будущей деятельности, способности к творческой активности.

The actuality of ethic regulation of social workers' professional activity in the context of professional education is represented in the article. The significant role of pedagogical communications processes, which are sent to development of personal professional motivation of students, their concernment and availability for future work, capability for creative activity is pointed in the article.

Ключевые слова: этика социальной работы, профессиональное обучение, профессиональное развитие личности, профессиональная рефлексия, технологии педагогической коммуникации.

Keywords: ethics of social work, professional education, professional promotion of person, professional reflexion, processes of pedagogical communications.

Социальная работа относится к таким видам деятельности, в которых профессионально-этическая компетентность специалиста является значимым компонентом профессионализма [1]. По определению В.Н. Ярской (1998), социальная работа направлена на развитие личности, индивида, семьи, нации и мирового сообщества для воплощения в жизнь принципов социальной справедливости [2]. Профессиональная деятельность социального работника предполагает готовность к выполнению социально-целесообразной деятельности, изменяющей социальный мир человека и максимально мобилизующей потенциал клиента для решения проблем и достижение изменений.

Для специалиста по социальной работе в его профессиональной деятельности характерно взаимодействие – вмешательство (интервенция) в частную жизнь индивида, семьи, группы. При выполнении непосредственных профессиональных обязанностей социальный работник должен опираться на свои способности и профессиональные знания, руководствуясь нормами гражданской и профессиональной этики. Таким образом, в практической деятельности специалисты по социальной работе нуждаются в нравственных ориентирах, определяющих основное направление их деятельности, а также в правилах повседневной жизнедеятельности, без соблюдения которых невозможно реализовать моральные нормы и принципы.

Этика в социальной работе – неотъемлемая составляющая профессиональной деятельности. В этических нормах, которые представлены в «Профессионально-этическом кодексе социального работника России (2003) [3], отражены основные требования и критерии поведения и действий социального ра-

ботника. Знание норм и принципов профессиональной этики, их применение в деятельности помогает осуществлять сотрудничество с клиентами, социальным окружением клиента, представителями государственных и негосударственных организаций и учреждений.

Профессиональное становление личности – сложный длительный и противоречивый процесс, который включает в себя различные содержательные и структурные компоненты. Цели подготовки специалиста должны ставиться комплексно и быть направлены на когнитивное и личностное, индивидуальное и социальное развитие человека. В этой связи, как отмечает Ю.А. Черкасова, правомерно говорить не просто об овладении в процессе вузовского обучения системой профессиональных знаний, умений и компетенций, а о становлении профессиональной субъектной позиции, обеспечивающей в дальнейшем успешность в профессиональной деятельности и эффективное профессиональное и личностное развитие человека как профессионала [4, с. 120-121]. Особенно это актуально для специалистов в области социономических профессий («человек-человек»).

Опираясь на исследования А.А. Вербицкого, А.М. Новикова, Н.Б. Шмелевой [5-7], сущность профессионального образования специалистов по социальной работе заключается в овладении профессиональной деятельностью (процессом, умениями и навыками), при котором профессиональные знания превращаются из самоцели профессионального образования в средство профессионального развития обучающегося. При этом особая роль должна быть отведена профессиональной рефлексии, которая выступает как механизм формирования профессионального мышления и является детерминантой успешности профессиональной деятельности, механизмом личностного и профессионального самоопределения, саморазвития и профессиональной самореализации [8, с. 8]. В этой связи, актуальным является практико-ориентированное обучение по профилирующим дисциплинам обществоведческой подготовки специалистов в области социальной работы.

Цель преподавания дисциплины *«Этические основы социальной работы»* – формирование у студентов целостного, системного представления о ценностно-этических основаниях деятельности и профессиональной морали в социальной работе, формирование основ ценностно-этического мышления специалиста по социальной работе. При разработке курса мы исходили из того, что профессиональная деятельность будущего специалиста рассматривается как система социальных, личностных проблем, представленных в системе учебных задач, приближенных к практике социальной работы. В этой связи, базовыми целями учебного процесса выступают субъективное развитие будущего специалиста,

личностная и профессиональная готовность к практической деятельности. В формах учебной деятельности раскрывается содержание социальной работы как профессии, этических требований к профессиональной деятельности специалиста.

При изложении лекционного материала, проведении семинарских/практических занятий мы используем технологии педагогической коммуникации, важное место, при этом, отводится диалогическому методу, который строит взаимодействие на субъектно-объектной основе. При разработке и проведении занятий используем активные формы обучения, которые предполагают практическую отработку профессиональных задач (тренинги, практикумы, деловые игры, рецензии на фильм, социально-психологическое тестирование, проектная деятельность).

В рамках изучения темы *«Профессионально-этические требования к профессии социального работника: личностные качества, ценностные ориентации, должностные обязанности»* студенты в малых группах самостоятельно, консультируясь с преподавателем, создают творческий проект: «Образ социального работника». Работа выполняется в форме коллажа. Рекомендуемыми темами «образа» выступают: идеальный – реальный; субъективный – объективный; современный – постсовременный; актуальный (в настоящее время) – актуальный (в будущем); гипотетический – конкретный.

Важное значение в процессе обучения занимает анализ профессиональных ситуаций, который предполагает выявление особенностей профессионального общения/делового этикета специалиста. В программе курса предусмотрено решение ситуационных задач на тему *«Этика социальной работы с различными категориями клиентов (пожилые граждане, люди с ограниченными возможностями, группы социального риска) и др.»*; практикум *«Диалог как активная форма взаимодействия с клиентом»*.

Для демонстрации компетентности в усвоении теоретических и практических основ курса студенты пишут итоговую работу, которая выполняется в форме эссе. Структура эссе представлена следующим образом: определение феномена и специфика его проявления в социальной работе; оценка данного феномена на основе этико-аксиологического подхода; возможные этико-аксиологические коллизии и тенденции развития, связанные с данным феноменом. Критериями эссе выступают: авторская позиция; теоретическое и эмпирическое обоснование проблемы с опорой на факты (законодательство, публикации в СМИ, теоретические подходы, эмпирические исследования и др.); эмпирический или собственный опыт, основанный на профессиональной рефлексии.

Наш опыт свидетельствует, что использование технологий педагогиче-

ской коммуникации при изучении «Этических основ социальной работы» позволяет студенту получить опыт осмысления разнообразных практических задач в профессиональной деятельности, способствует осознанному освоению компетенций, актуализирует необходимость этико-аксиологического подхода в осмыслении и организации профессиональной деятельности специалиста по социальной работе, готовит студентов к выходу на практику.

Литература

1. Бойко Ж.В. Этические основы социальной работы: учеб. Пособие. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2012. 94 с.
2. Ярская-Смирнова Е. Профессиональная этика социальной работы. М., Ключ-С. 1998. 96 с.
3. Профессионально-этический кодекс социального работника России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://belsoc.narod.ru/socrab.html> (25.04.2015).
4. Черкасова Ю.А. Принципы организации практического обучения будущих специалистов по социальной работе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 4. Т. 3. С. 120-123.
5. Вербицкий А.А. Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. 75 с.
6. Новиков А.М. Профессиональное образование в России: Перспективы развития / РАО, Исследовательский центр проблем непрерывного профессионального образования. М. 1997.
7. Шмелева Н.Б. Формирование и развитие личности социального работника как профессионала: Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2006. 196 с.
8. Личностная и профессиональная рефлексия: психологический практикум / сост. Г.С. Пьянкова; Краснояр. гос. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2012. 125 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ,
В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ДОКЛАДЫ

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ПРОФЕССИОНАЛ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ**
INVESTIGATOR AND PROFESSIONAL: COMPARATIVE ANALYSIS

А.М. Бекарев

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.M. Bekarev

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Осуществлен критический анализ атрибутивной модели профессионализма. Сравниваются процедуры исследовательской и профессиональной деятельности. Предлагается ситуативная модель профессионализма и исследовательской деятельности, где основное место занимает умение ставить и решить проблемы.

Critical analysis of attributive model of professional activity is made. There are compared schemes of investigate and professional activities. It is offered situated model of professional and investigated activities. The problem is the most important element in this model.

Ключевые слова: атрибут, исследование, обладание, проблема, профессионал, ситуация.

Keywords: attribute, investigation, possession, problem, professional, situation.

В рамках психологии и социологии профессий профессионализм часто понимается как некий *атрибут* человека, который всегда при нем, как орган тела или внешний вид. Это «особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях» [1, с. 35]. Социологи к этому атрибуту добавляют стратификационные и властные возможности или инструменты человека. В частности, по мнению М. Сакса, профессионализм является «разновидностью социального закрытия на основе исключения, ... как инструмента, ограничивающего доступ к той или

иной профессии, что, в свою очередь, может повысить ее рыночную стоимость» [2, с. 54]. Согласно Б. Тернеру и Э. Кульман, профессиональное кредо основывается на «исключении, огораживании и иерархии» [3, с. 41].

Достаточно близкими в этом смысле можно считать позицию И.В. Мостовой относительно профессионализма как «ведущего стратификационного критерия достигаемого типа» [3, с. 78], который благодаря наличию знаний, умений и навыков, подтвержденных соответствующими документами (дипломами), формирует профессиональный статус специалиста. При оценке профессий не забыли и теории капиталов (например, сравнивают приобретенную профессию с символическим капиталом, предопределяющим должностную власть на рабочем месте [4]. Некоторые исследователи рассматривают профессионализм как важный фактор, который влияет на отношения с общественностью и клиентами, развитие демократических форм этого взаимодействия [5, с. 53].

Нетрудно заметить, что общим знаменателем приведенных определений профессионализма является элемент обладания. Профессия, словно имущество, охраняется и приумножается. Но в таком случае она становится явлением вполне отчуждаемым. И диплом, и накопленные способности можно утратить, если не «работает» ни то, ни другое.

Мы придерживаемся иного взгляда на профессионализм, мы избегаем дихотомию «обладание – отчуждение». Это вполне возможно, если уподобить исследовательские практики ученого и действия профессионального работника. Подобно уму, который не *есть*, а *случается*, исследовательские и профессиональные действия тоже не есть, а случаются. Случай возникает тогда, когда появляется проблема. Только ученый либо находит проблему, либо наследует ее от своих предшественников и коллег, а профессионал *встречает* проблему на своем поприще. Другой вопрос, что профессионалу приходится не только разрабатывать решения проблемы, но и принимать решение по ее ликвидации. В связи с этим профессионализм проявляется не только в умении преодолевать проблемы, но и упреждать их (проблем) возможное появление. Исследователь волен принимать решения (например, о постановке решающего эксперимента или публикации полученных результатов), но может и ограничиться перечнем предположений (гипотез).

Может возникнуть мысль, что поле проблем ученого и поле проблем профессионального работника не соприкасаются друг с другом и серьезно различаются. Однако это не так. Э. Мах, очень известный исследователь, писал: «Когда результаты частичных психических приспособлений оказываются в таком противоречии между собой, что мышление толкается в различные направ-

ления, когда наше беспокойство усиливается до того, что мы намеренно и сознательно отыскиваем руководящую нить, которая могла бы вывести нас из этого лабиринта, – проблема налицо» [6, с. 258.]. Пожалуй, ключевое слово здесь – противоречие. Действительно, проблемы исследователя связаны с противоречиями, которые возникают между мыслями, между фактами и мыслями, между эмпирическими данными и объяснительными схемами. Эти противоречия можно обозначить иначе – дисбаланс, диспропорция, конфликт, столкновение, оппозиция и т.п. Однако и в сфере профессиональной деятельности работник сталкивается с проблемами, в основе которых лежат противоречия (например, между нормой и отклонением). Поэтому, задача профессионала – снять противоречие (дисбаланс или диспропорцию). Таким образом, мы исходим из ситуативного понимания профессионализма. Атрибутивным признаком бытия остается лишь изменяющаяся проблемность.

Литература

1. Дружилов С.А. Психология профессионализма: интегративный подход / С.А. Дружилов // Журнал прикладной психологии. 2003. № 4-5. С. 35-45. С. 35.
2. См.: Рочева Я.С. Социально-профессиональная идентичность муниципальных служащих: дисс... канд. социолог. Наук: 22.00.04 / Я.С. Рочева. СПб., 2010. 174 с. С. 54.
3. Кульман Э. Разновидности профессионализма поздней современности: на примере немецкой системы здравоохранения / Э. Кульман // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 408 с. С. 41-56.
4. См. Мостовая И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры / И.В. Мостовая. М.: Механик, 1997. 208 с. С. 78.
5. См. об этом: Абрамов Р. Парадоксы credenциализма и динамика современного профессионализма / Р. Абрамов // Профессии. doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2007. 408 с.; Попова И.П. Профессии и профессионализм в международной дискуссии / И.П. Попова // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 52-57. С. 53.
6. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: Издание С. Скимунта, 1909.

**ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ И/ИЛИ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
PROFESSIONALIZATION AND / OR LIBERALIZATION OF SOCIAL
SERVICES IN MODERN RUSSIA**

И.А. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

I.A. Grigoreva

Saint Petersburg State University

Либерализация социального государства становится общеевропейским трендом, в русле которого можно рассмотреть и новый российский ФЗ «О социальном обслуживании населения» [Закон 2013], который ставит основной задачей повышение эффективности социального обслуживания. Повышения эффективности предполагается достичь не благодаря росту профессионализма сервисных работников, а, в первую очередь, через развитие сервисов, организуемых и финансируемых частным сектором и НГО, и привлечение к работе волонтеров.

Предметом тезисов являются сравнение организации социального обслуживания пожилых в Великобритании и России с позиций дилемм «профессионализм или милосердие», «доступность или адресность» [Шанин 2003]. В 1-ю очередь, будет рассмотрено досуговое обслуживание пожилых. В Европе и Англии государство (социальная бюрократия) уходит с поля обслуживания. Развивается рынок «свободного времени», заботы и социального обслуживания. Занятые в нем работают в госсекторе – примерно 22%, НГО (Каритас, Диакония и т.п.) – 70% и 5-10% – самозанятые. Теперь поставлена задача развивать социальное предпринимательство и даже делаются первые шаги. Близкие задачи ставит упомянутый ФЗ РФ.

В России в последние годы появился коммерческий сектор обслуживания пожилых, но преобладают именно стационары для пожилых. Наряду с попытками и призывами деинституционализации со стороны государства население выбирает именно стационары с постоянным проживанием, т.е. улучшенный советский вариант, а не датский или итальянский. Является ли такой вариант обслуживания выбором самих пожилых или это выбор их родственников, которым пожилые вынуждены подчиниться, поскольку мало «дневных отделений ухода» или недельных, на 5 рабочих дней, чтобы работающие могли продолжать обычную жизнь.

Предполагается изучить рекламные объявления в интернете, предлагающие различные услуги для пожилых как на дому, так и в учреждениях, сделать

частотный анализ лексики объявлений. В дополнение будут проинтервьюированы специалисты, ответственные за продвижение сервисов в интернете (PR-менеджеры).

Мы предполагаем, что складывающаяся система обслуживания становится более разнообразной, чем в предшествующие 25 лет, но в ней недостаточно возможностей как для «индивидуального плана ухода», так и для «калькулятивной рациональности». Помощь семье, ухаживающей за пожилым, минимальна, ее моральная поддержка – того меньше.

**ПРОФЕССИОНАЛИЗМ В СИСТЕМЕ
ТРУДОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ**
PROFESSIONALISM IN THE SYSTEM OF LABOUR VALUES OF YOUTH

С.Г. Ивченков

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

S.G. Ivchenkov

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky

Анализируются понятия «профессия», «профессионализм» молодежи. По результатам социологического исследования устанавливается, что работа занимает третье место в структуре жизненных ценностей современной саратовской молодежи (материальное благосостояние только на седьмом месте). У молодежи адекватное представление о требованиях профессионализма, ответственного отношения к работе и профессиональному образованию, соответствующем сфере деятельности. Большинство молодежи предпочли бы работать, даже если бы в этом не было финансовой необходимости, так как они ценят содержательно-смысловой аспект профессиональной деятельности. Уточняется, что невысокий уровень заработной платы молодежи детерминирует ее адекватную ориентацию на заработок, и лишь затем на интересную, содержательную работу. Ведущими ценностями в профессионально-трудовой сфере молодежи оказались хороший заработок, комфортные условия труда и удобный график работы.

The article analyses the concept of "profession" professionalism "youth. Based on the results of the sociological research that set the work takes the third place in the structure of the values of modern Saratov youth (material well-being only in seventh place). Youth an adequate understanding of the requirements of professionalism, who lead a responsible attitude to their work and relevant professional education. The majority of the young people chose could work, even if there was no financial need, because they appreciate meaningful semantic aspect of the professional activity. Speci-

fies that the low level of wages of young people determines its adequate focus on earnings, and only then in an interesting, meaningful work. Leading values in vocational and employment of young people turned out good earnings, comfortable working conditions and convenient schedule.

Ключевые слова: молодежь, профессия, профессионализм, молодой специалист, жизненные ценности.

Keywords: youth, profession, professionalism, a young specialist.

В наше время существует огромное число профессий, и их списки постоянно изменяются, обновляются по мере развития научно-технического и социального развития социума. Если изначально термин «профессия» означал публичное декларирование, принятие особого священного обета монаха, то сегодня, выбирая и следуя профессии, личность принимает на себя обязательства следовать явным и латентным профессиональным нормам, традициям, символам, присущим конкретной относительно замкнутой общности [1, с. 2, с. 12].

Современные трактовки термина профессии различны. Так, в энциклопедическом словаре профессия трактуется как род трудовой деятельности, предполагающий квалификационную подготовку и служащий источником существования индивида [3]. В этимологическом словаре русского языка исходным термином считается французское понятие (*profitēri*) как официальное указание на специальность [4]. Экономический словарь интерпретирует это понятие, отражающее предмет трудового занятия человека, отличающегося опытом, знаниями и умениями, чтобы квалифицированно выполнять данную работу [5]. Социологический словарь выводит данный термин из – английского языка и интерпретирует профессию двойственно: с одной стороны, как относительно устойчивый вид трудовой деятельности как источник дохода, предполагающий теоретические знания, практические навыки, обусловленный разделением труда и его содержанием. С другой стороны, как большую социальную номинальную общность, объединенных сходной трудовой деятельностью людей [6].

Содержание термина «профессия» многообразно, однако сводится к выделению двух основных трактовок: профессия как вид деятельности /занятия определенной группы людей и профессия как социальная общность. Изучение профессии как вида деятельности тесно связано с исследованиями разделения труда и его влияния на социально-экономическое развитие. Ф.Г. Гиддингс [7, с. 324-325], вслед за Г. Спенсером [8, с. 987], отмечал дифференцированность труда между городом и деревней, послужившую источником возникновения профессий ремесленников, землепашцев и торговцев. Э. Дюркгейм тоже рас-

смаатривает профессии как результат разделения труда и выражение общественной дифференциации [9]. М. Вебер разделял профессиональную деятельность на религиозную и мирскую и причислял к профессии любое, не обязательно имеющее общественное признание, занятие, дающее индивиду возможность приложения упорного, богоугодного труда и заработок [10].

Т. Парсонс сопрягал профессию (как род деятельности) с определенными компонентами культурной традиции, вокруг которых формируется социальная ответственность за их сохранение и развитие [11, с. 547-559]. Он выделял два типа профессий: профессия в чистом виде – академическая профессия, носителем которой является профессор университета, способный добыть новое знание и передать обществу имеющееся, и профессии, посвященные приложению знания, т.е. имеющие сугубо прикладной характер [12, с. 131]. Таким образом, им были определены критерии профессионализма наличие институциональной квалификационной подготовки, контроль компетенций, адекватность образования предполагаемой интеллектуальной деятельности. Поэтому можно согласиться с Р.Н. Абрамовым, который писал, что Т. Парсонс, по сути, предложил систему координат профессионализма, в центр которой поместил ценностный вектор для профессионала, действующего в рамках инструментальной рациональности [13, с. 57-58].

В отечественной социологии под профессионализмом чаще всего понимается определённый род трудовой деятельности, который имеет рыночную стоимость, регулярный характер и является источником устойчивого дохода. По мнению Д.Л. Константиновского, важную роль здесь играют не столько субъективные характеристики акторов, сколько профессиональная ориентация как система мер по эффективному распределению трудовых ресурсов [14, с. 7]. Иными словами, двойственность этого термина отражает имеющийся дисбаланс социального запроса на выбор индивидами профессии, адекватной способностям личности и потребностям воспроизводства и формирования определенного профессионально-квалификационного потенциала общества.

Молодежь является одним из важнейших социально-экономических стратегических ресурсов любого общества. Она играет критическую роль в развитии экономической, политической, культурной и других сфер жизни. Как объект и субъект процесса социализации молодежь активно впитывает в себя все общественные воздействия, ценности и идеалы, чутко реагирует на изменения, а зачастую и инициирует инновационные тенденции в развитии общества. Ее профессиональные ориентиры позволяют не только глубже понять ситуацию в профессиональной сфере, но и прогнозировать ее изменение в перспективе.

В ходе исследования, посвященного изучению профессионально трудо-

вых ориентиров молодежи, проведенного летом 2014 г., было опрошено 556 респондентов в возрасте от 18 до 30 лет. Среди опрошенных 30% в возрасте от 18 до 21 г., 36% – от 22 до 25 лет, 34% – от 26 до 30 лет. Статистические характеристики (модальное, медиана, среднее) показывают, что центральная тенденция возрастного распределения опрошенных приходится на возраст 24 года. По половому различию респонденты разделились поровну: 50% женщин и 50% мужчин. Распределение опрошенных по уровню образования показало, что 6% имеют неполное среднее образование; 14% – полное среднее образование; 3,5% – среднее специальное образование; 4% – среднее техническое образование; 21,5% – неполное высшее образование, 48,5% – высшее и 2,5% – два высших.

Распределение опрошенных по должностям показало, что 7,2% являются руководителями высшего звена, 9,4% – руководителями среднего звена, 30% – специалистами, 12,2% – служащими без высшего образования, 19,4% – рабочими квалифицированного труда, 15,6% – рабочими неквалифицированного труда. 1,7% опрошенных являются частными предпринимателями. 1,1% – промоутеры, 1,7% – программисты, 1,1% – охранники, 0,6% – продавцы-консультанты. Модальное значение показывает, что основная часть опрошенных приходится на специалистов. К тому же молодежь концентрируется в профессиях среднего и низшего звена. Это происходит вследствие совмещения работы с учебой и с отсутствием высокой квалификации.

Среди опрошенных 21,5% получают зарплату в размере менее 5000 рублей в месяц; 34,5% зарабатывают от 5000 до 10000 рублей; 20% респондентов имеют доход от 10001 до 15000 рублей; 16% – от 15001 до 20000 рублей; 5% зарабатывают от 20001 до 30000 рублей; 3% – свыше 30000 рублей в месяц. Исходя из этого, по уровню дохода саратовскую молодежь можно поделить на следующие категории: «нищие» с заработной платой менее 5000 рублей, «бедные» с зарплатой 5000-10000 рублей, «околобедные» с зарплатой 10001-15000 рублей, «состоятельные» с зарплатой 15001-20000 рублей и «относительная элита», зарабатывающая от 20001 рублей и выше. В целом можно сказать, что большинство молодых саратовцев (56%) имеют небольшой доход, примерно на уровне прожиточного минимума. Это поясняет тот факт, что наблюдается весьма ощутимая неудовлетворенность размером заработной платы: удовлетворены своей зарплатой лишь 21% респондентов, в то время как 79% считают, что получают меньше, чем заслуживают. Данные результаты показывают, что молодежь высоко оценивает свой труд и считает, что он должен хорошо оплачиваться. Это позволяет говорить о высокой значимости заработной платы как профессионально-трудовой ценности для саратовской молодежи.

В ходе исследования была выявлена иерархия ценностей, которая позво-

лит говорить о месте работы среди основных жизненных ценностей современной саратовской молодежи. Большинство респондентов (57%) назвали самой важной ценностью семью, 13,5% – дружбу, 13% – работу, 6% – любовь, 5% – образование, 2,5% – самореализацию, 1% – материальное благополучие, по 0,5% – здоровье, религию и развлечения (см. таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Порядок наиболее значимых жизненных ценностей молодежи,
% к опрошенным

Ценности	%
семья	57
дружба	13,5
любимая работа	13
любовь	6,5
образование	5
самореализация	2,5
материальное благополучие	1
религия	0,5
развлечения	0,5
здоровье	0,5
Всего	100

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что работа является важнейшей инструментальной ценностью и выступает в качестве средства обеспечения семьи, которая, в свою очередь, является базовой ценностью для современной молодежи г. Саратова. Удовлетворение потребности материального обеспечения семьи осуществляется посредством труда, поэтому у молодежи вырабатывается такое осознанное отношение к работе, когда она воспринимается как способ содержания семьи.

Так же по средне взвешенным значениям был составлен рейтинг профессионально-рудовых ценностей молодежи – хороший заработок (95,9), комфортные условия работы (90,7), удобный график работы (89,7), надежность места работы (89,3), интересная работа (83,6), хороший, дружный коллектив (82,7), возможность карьерного роста (80,6), соответствие работы способностям (79,1), ответственная работа (76,7), ненапряженная работа (76,5), возможность приносить пользу людям (75,6), возможность инициативы (74,5), большой отпуск (70), высокий престиж профессии (67).

Из этого следует, что хороший заработок является приоритетной профессиональной ценностью молодежи. Высокую значимость и имеют комфортные условия работы. Они являются важным фактором трудовой деятельности, от

которого зависит результативность труда, трудоспособность рабочего, его физическое здоровье. Условия работы влияют на отношение к работе и степень удовлетворенности ею, на эффективность производства в целом. Удобный, гибкий график работы входит в тройку главных профессиональных ценностей. Это связано с активностью молодого поколения, желанием везде успеть, а также с получением образования. Важной ценностью является и возможность карьерного роста, которая может обеспечить высокий и стабильный заработок, а в широком смысле – конкурентоспособность на рынке труда. Престиж профессии – наименее значимая трудовая ценность для молодежи. Это связано с тем, что происходит пересмотр индикаторов социальной значимости. На первый план выходит приоритет индивидуализма. Общественное мнение через престиж профессии является абстрактным, индикатором общественного признания в данном случае является заработная плата.

Полученные данные, на первый взгляд, говорят о том, что профессионально-трудовые ценности современной саратовской молодежи носят прагматический характер, им свойственен инструментализм. Однако следующие данные частично опровергают этот вывод. В ходе опроса молодежи были предложены на выбор 4 суждения, показывающие, что для респондентов важнее: заработная плата или смысл работы. Большинство опрошенных (57,1%) считают, что «заработок – главное, но нужно думать и о смысле работы», 24,3% – «нельзя забывать о зарплате, но основное – смысл работы, ее общественная польза», 14,7% – «хороша любая работа, если она хорошо оплачивается», 4% – «хороша та работа, где ты приносишь общественную пользу, где ты необходим». Полученные результаты говорят о том, что инструментально-прагматический подход к своей работе носит вынужденный характер и является проекцией жесткой рыночной организации современного российского общества. Молодые люди ориентированы на справедливый обмен между их трудовым вкладом и ожидаемым материальным вознаграждением. Вместе с тем, молодежь в значительной степени профессионально ориентирована на осмысленность своей работы, ее интересное содержание, возможность карьерного роста.

В результате исследования было выяснено мнение респондентов о том, какими качествами должен обладать хороший специалист. Наиболее частый ответ – «ответственно относиться к работе» (21%). Кроме того хороший специалист должен иметь профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности (17,4%). Наиболее часто упоминались такие качества, как умение работать в коллективе – 15,7% и хороший опыт работы в данной специальности – 12,5% (см. таблица 2).

Качества хорошего специалиста-профессионала,
% от ответов

Качества	% от ответов
ответственно относиться к работе	21
иметь профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности	17,4
уметь работать в коллективе	15,7
иметь хороший опыт работы в данной специальности	12,5
стремиться к инициативе и лидерству	12,2
посещать специализированные курсы, тренинги, семинары по повышению квалификации	10,7
знать иностранные языки	8,6
все перечисленное	0,8
иметь любое высшее образование	0,7
Всего	100

Можно сказать, что качества, которыми, по мнению современной саратовской молодежи, должен обладать хороший специалист, конкретны, а не абстрактны. Вместе с тем, это показывает адекватное понимание молодежью критериев профессионализма. Что касается удовлетворенности местом работы, среди опрошенных довольных местом работы 70%. Это указывает на противоречие, так как большинство молодых людей, как это было отмечено ранее, недовольны заработной платой. Такие результаты ставят под сомнение преобладание значимости заработной платы над значимостью смысла работы. Удовлетворенность местом работы, сопровождающаяся неудовлетворенностью заработной платой, подчеркивает важность смысла работы для саратовской молодежи.

Среди молодежи 51% – недовольны местом работы, хотя и не хотят его менять, 49% предпочитают остаться на нынешнем месте работы. Это говорит о том, что, несмотря на свою неудовлетворенность, молодые люди боятся что-либо менять в связи с нестабильностью рынка труда. Это показывает, что молодые саратовцы стремятся к стабильности в работе, хотя и не всегда осознанно. Среди респондентов, желающих поменять место работы, 23% планируют сделать это в текущем году, 40% – через 2 года, 30% – через 5 лет, 7% – через 10 лет. Данные результаты показывают, что в основном молодые люди не торопятся реализовать свои планы по смене работы, потому что боятся его потерять и остаться без работы вовсе.

При оценке отношения к своей работе 66,5% респондентов отметили, что работают в полную силу и меру способностей; 28,5% работают добросовестно, но могут и схалтурить; 5% работают «спустя рукава». Респондентам была

предложена альтернатива: что бы они предпочли, если бы у них была материальная возможность не работать. 17,4% ответили, что все равно будут работать, 36,5% возможно стали бы работать, 37,7% скорее всего не стали бы работать, 8,4% решительно отказались работать. Это еще раз показывает, что смысл работы и стабильность являются значимыми для современной молодежи.

Что касается предпочтений в работе (см. таблица 3), 98,5% респондентов хотели бы иметь высокооплачиваемую работу; 78% – интересную, творческую работу; 71% – надежную работу; 62,5% – работу, не вызывающую физического утомления, с хорошими условиями труда; 61,5% – работу, приносящую пользу людям; 58,5% хотели бы иметь свой собственный бизнес;

Т а б л и ц а 3

Профессиональные предпочтения молодежи по поводу работы

Категория работы	% к ответам	% к опрошенным*
высокооплачиваемая работа	12,8	98,5
интересная, творческая работа	10,2	78
надежная работа	9,3	71
работа, не вызывающая физического утомления, с хорошими условиями труда	8,1	62,5
работа, приносящая пользу людям	8	61,5
работа, где руководство хорошо относится к персоналу	7,6	58
свой собственный бизнес	7,6	58,5
работа, где есть возможность сделать карьеру	7,2	55,5
работа, дающая возможность улучшить жилищные условия	6,8	52
работа, где сложились хорошие отношения в коллективе	6,7	51,5
работа недалеко от дома	6,5	49,5
работа, дающая возможность повышения квалификации	4,6	35
работа, обеспечивающая социальные льготы	4,6	35,5
Всего	100	767

*Сумма ответов не сводима к 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

58% – работ, где руководство хорошо относится к персоналу; 55,5% работу, где есть возможность сделать карьеру; 52% – работу, дающую возможность улучшить жилищные условия, 51,5% – работу, где сложились хорошие отношения в коллективе; 49,5% – работу недалеко от дома; 35,5% – работу, обеспечивающую социальные льготы; 35% – работу, дающую возможность повышения квалификации. Полученные результаты говорят о том, что зарплата является главным мотивирующим фактором трудовой деятельности, однако немаловажное значение имеют заинтересованность в работе и уверенность в завтрашнем дне.

Среди методов поощрения за работу наиболее предпочтительным являет-

ся повышение заработной платы (26,8%). 22,6% опрошиваемых выбрали также повышение в должности, 18,8% – признание заслуг со стороны руководства, 14,4% – помощь в приобретении жилья, 9,7% – возможность льготного лечения, 7,8% – возможность обучения и повышения квалификации (см. таблица 4). Повышение в должности приносит моральное удовлетворение, а также подразумевает увеличение дохода. Это в очередной раз доказывает значимость материальной составляющей труда. Помимо материального, важным для молодежи является моральное поощрение. Признание заслуг со стороны руководства повышает удовлетворенность трудом, поднимает самооценку, дает возможность ощутить свою значимость в трудовом коллективе.

Т а б л и ц а 4

Мнение молодежи о предпочтениях в методах поощрения за работу, % к ответам

Предпочтения в методах поощрения за работу	%
повышение заработной платы	26,8
повышение в должности	22,6
признание заслуг со стороны руководства	18,8
помощь в приобретении жилья	14,4
возможность льготного лечения	9,7
возможность обучения и повышения квалификации	7,8
Всего	100

Таким образом, профессионализм молодежи – это результат закрепления профессионально-трудового самоопределения на основе личностной интерпретации смысла профессии, знаний о своих образовательных, материальных и других возможностях профессионального роста, а также анализа степени соответствия имеющегося потенциала, ресурсов и профессиональной направленности, личного плана построения профессиональной, статусной карьеры. Становление профессионализма, с точки зрения динамики, – это длительный, многоэтапный, последовательный социальный процесс осознания и деятельностной реализации субъектами (на уровне индивидов, групп) наличия и специфики профессионального разделения труда, своего личностного, социального, экономического потенциала, путей и способов получения знаний, навыков, необходимых для конкретной профессиональной деятельности и реальных возможностей их дальнейшего использования.

Данное определение выбора профессии, с точки зрения процессуальности, предполагает не только получение документа о наличии профессии, но и начало реализации полученных компетенций в рамках трудовой деятельности по полученной профессии. На этом этапе возможны корректировки и даже порой пересмотр первичного выбора профессии, если она окажется невостребованной.

ванной обществом или не приносит удовлетворения субъекту. Таким образом, данный подход позволяет акцентировать внимание на темпоральных аспектах профессионализма на протяжении всей перспективы жизнедеятельности человека. Вместе с тем, такая конструкция позволяет учесть весь веер факторов, определяющих уровень профессионализма, проанализировать и выстроить их иерархию по признаку силы влияния на каждом этапе профессиональной активности субъекта.

В ходе анализа полученных данных было выявлено, что работа занимает третье место в структуре жизненных ценностей современной саратовской молодежи (материальное благосостояние – только на седьмом месте). У молодежи адекватное представление о требованиях профессионализма, которые возглавляют ответственное отношение к работе и профессиональное образование, соответствующее сфере деятельности. Большинство молодежи (53,9%) скорее всего, как показал опрос, предпочло бы работать, даже если бы в этом не было финансовой необходимости, так как они ценят содержательно-смысловой аспект профессиональной деятельности. Это ставит под сомнение распространенное сегодня мнение о том, что профессиональный труд для современной молодежи носит исключительно инструментально-прагматический характер и служит способом материального обеспечения семьи. Это верно лишь отчасти в силу невысокого уровня заработной платы, не адекватной трудовому вкладу молодежи. Жесткие социально-экономические условия детерминируют ее ориентацию на высокую заработную плату и лишь затем на интересную, содержательную работу. Ведущими ценностями в профессионально-трудовой сфере молодежи оказались хороший заработок, комфортные условия труда и удобный график работы. Подобный подход предоставляет возможность целенаправленного воздействия социальных институтов на профессиональные ориентиры молодежи, на формирование индивидуальных качеств человека (включая интересы и мотивы), необходимых для освоения профессии, востребованной обществом.

Литература

1. Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. 1994. Вып. 3.
2. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе/ Под редакцией В.А. Мансурова. М.: Изд-во института социологии РАН, 2007.
3. Энциклопедический словарь URL: http://enc-dic.com/enc_big/Professija-48627.html (Дата обращения: 23.06.2015).
4. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс М.Р. Фасмер 1973.

5. Шестаков А.В. Экономика и право: Энциклопедический словарь. М.: Дашков и К, 2000. 568 с.
6. Социологический словарь. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Professija-5910.html> (Дата обращения: 23.06.2015).
7. Гиддингс Ф.Г. Основания социологии: Анализ явлений ассоциации и социальной организации. Пер. с англ. Изд. 3-е. М.: Красанд, 2012. 432 с.
8. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Г. Спенсер / Пер.с англ.под ред. Н.А. Рубакина. Мн.: Современный литератор. 1999. 1408 с.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. Москва. Изд-во «Наука». 1991. 576 с.
10. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 3-е изд., доп. и испр. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2012. 656 с.
11. Parsons T. Some Problems Confronting Sociology as a Profession // American Sociological Review. 1959. Vol. 24. No. 4. P. 547–559.
12. Парсонс Т. Система современных обществ. / Пер. с англ. Седова Л.А., Ковалева АД. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.
13. Абрамов Р.Н. Профессиональный комплекс в социальной структуре общества (по Парсонсу) // Социологические исследования. 2005. №1. С. 57-58.
14. Константиновский Д.Л. Динамика профессиональных ориентаций молодежи Сибири. Новосибирск: «Наука». 1977. 174 с.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И УЧЕТА ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ
EVALUATION OF SOCIAL WORKER'S ACTIVITY THROUGH THE INFORMATION OF ELECTRONIC REGISTRATION SYSTEM OF THE CITIZEN'S APPEAL AND ACCOUNTING OF THE PROVIDING SOCIAL SERVICES

С.С. Козлов

ГБУ «Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов города Саров», Нижегородская обл.

S.S. Kozlov

The Center of social services for senior citizens and people with Disabilities of Sarov

Рассмотрено использование электронной регистрации обращения граждан с целью создания общей базы данных клиентов, оперативного информиро-

вания граждан и повышения эффективности деятельности социальных работников.

The author examines using of electronic registration applications of citizens for creating a common database of customers, promptly informing the citizens and improving the effectiveness of social workers.

Ключевые слова: социальное обслуживание, оценка эффективности, электронная регистрация обращений граждан.

Keywords: social services, assessment of efficiency, electronic registration applications of citizens.

Не вызывает сомнения тот факт, что вопросам оценки эффективности деятельности социальных работников в современных условиях требуется уделять особое внимание, имея в виду определение эффективности как достижение максимального результата при оптимальных затратах.

В соответствии с федеральным законом от 28 декабря 2013 г № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 1 июля 2013 г. N 287 "О методических рекомендациях по разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления показателей эффективности деятельности подведомственных государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по видам учреждений и основным категориям работников", в нашем учреждении были разработаны и утверждены критерии оценки деятельности основного персонала, включающие рекомендованные приказом показатели, а именно:

- соблюдение трудовой дисциплины и надлежащее исполнение трудовых обязанностей;
- соблюдение положений Кодекса профессиональной этики;
- участие в методической работе и инновационной деятельности учреждения, участие в конкурсах профессионального мастерства, творческих лабораториях, экспериментальных группах, освоение программ повышения квалификации или профессиональной подготовки;
- использование новых эффективных технологий в процессе социального обслуживания граждан;
- удовлетворенность граждан качеством и количеством предоставленных социальных услуг.

В систему оценки включены и такие показатели, как квалификация ра-

ботника, выполнение им должностных обязанностей, качество ведения документации, выполнение государственного задания, показатели, оценивающие интенсивность и напряженность труда, например, обслуживание клиентов со значительными отклонениями в состоянии здоровья (маломобильные граждане и инвалиды), оказание клиентам услуг, не входящих в гарантированный перечень, обслуживание клиентов в количестве сверх установленной нормы и др.

Использование этих критериев позволяет объективно оценить работника, определить его вклад и рейтинговое место в общих результатах деятельности учреждения, и, кроме того, является шкалой, по которой оценивается размер стимулирования по итогам работы.

Учет показателей, связанных с непосредственной работой по обслуживанию клиента, сбор данных для оценки данных показателей вызывает определенные трудности, связанные с оперативностью их получения, достоверностью, полнотой и точностью. Так, например, возникают вопросы при оказании услуг одному клиенту, обратившемуся к специалистам учреждения несколько раз в течение одного дня. Много времени занимает подсчет оказанных услуг клиентам и разделение их по видам, распределение клиентов по возрасту и социальному статусу. Зачастую выявляется как недоучет выполненных услуг, так и их дублирование. Из-за трудоемкости процесса подсчет показателей производится не чаще 1 раза в месяц. Предоставление, при необходимости, внепланового отчета с выборкой показателей по запросу занимает много времени, отвлекая заведующих и работников от выполнения своих обязанностей.

Информационная система электронной регистрации обращений граждан и учета предоставляемых социальных услуг, разработанная в нашем учреждении по поручению Министерства социальной политики Нижегородской области в качестве пилотного проекта, позволяет, как мы считаем, избежать вышеупомянутых трудностей.

Принципиальная схема взаимодействия в информационной системе выглядит следующим образом: заведующий отделением, при приеме клиента на обслуживание заносит сведения о нем в базу данных, прикрепляет к клиенту социального работника для обслуживания и выбирает пакет социальных услуг, основываясь на сведениях, указанных в индивидуальной программе получателя социальных услуг. Связываясь с сервером по сети интернет при помощи имеющегося коммуникатора, социальный работник видит адреса находящихся у него на обслуживании клиентов.

Придя на адрес и идентифицировав клиента по специальному QR коду, социальный работник приступает к выполнению требуемых услуг. Считывание QR кода производится при помощи видеокамеры коммуникатора. Выполнив

заказанные услуги, работник получает оценку своей работы от клиента по 5-балльной шкале. Информация о посещении клиента, выполненных ему услугах, полученной оценке немедленно передается на сервер учреждения. Разрешение на передачу данных, а, следовательно, подтверждение факта нахождения у клиента и выполнения работы обеспечивается другим QR кодом, хранящимся у клиента.

Заведующий отделением постоянно контролирует количество прикрепленных к социальному работнику клиентов, при необходимости производит замену выбывшим или добавляет вновь принятых на обслуживание. Обновление списка клиентов на коммуникаторах социальных работников происходит автоматически при наступлении новых суток.

Администрация учреждения, имея возможность доступа к данным, хранящимся на сервере, может получать необходимые для принятия управленческих решений сведения: о количестве клиентов, находящихся на обслуживании, нагрузке социальных работников, удовлетворенности клиентов получаемыми услугами. Отчет по заранее подготовленным формам, а также запросы по любым имеющимся на сервере данным можно получить в любой момент. При этом достигается точность и оперативность получаемых данных, их достоверность и полнота, а также доступность для всех пользователей, наделенных правами доступа.

Вопросы безопасности доступа к информации решаются средствами корпоративной сети передачи данных посредством личной авторизации пользователей и строгого разграничения прав доступа к различным внутренним разделам программы.

Передача данных от коммуникатора на сервер производится посредством интернет-соединения, предоставляемого любым сотовым оператором связи, имеющимся на территории обслуживания. Предпочтение отдается тому оператору, который имеет наибольшее покрытие территории. В случае, если связь временно отсутствует, передача данных осуществится при следующем входе коммуникатора в зону покрытия территории оператором связи.

Первоначально информационная система задумывалась как средство формирования базы данных обслуживаемых клиентов для учета и оперативного мониторинга работы подразделений и сотрудников учреждения, для облегчения работы при составлении статистических отчетов и анализа полученных данных. Но в дальнейшем при работе с системой выявились и другие ее возможности: по данным, поступившим от социальных работников, можно определить количество находящихся на обслуживании у социального работника клиентов, их социальный статус, территорию обслуживания, количество обслуженных соци-

альным работником клиентов, количество и полноту оказанных социальных услуг, их виды, удовлетворенность клиента предоставленными услугами – то есть те показатели, которые входят в перечень критериев оценки эффективности деятельности социального работника.

В связи с тем, что при каждой передаче данных от коммуникатора на сервер происходит фиксация времени, появляется дополнительная возможность осуществления контроля за соблюдением социальными работниками графика рабочего времени, а также времени нахождения у клиента.

Таким образом, информационная система электронной регистрации обращений граждан и учета предоставляемых социальных услуг может служить не только средством для хранения и статистической обработки данных, но и инструментом для проведения оценки эффективности деятельности социальных работников.

Дальнейшее развитие информационной системы может осуществляться за счет расширения ее функциональных возможностей, например, с ее помощью можно отслеживать передвижения работников при помощи GPS навигации, а наложение обслуживаемых адресов на электронную карту города позволит контролировать как передвижение сотрудников, так и формировать оптимальные маршруты передвижения. В ближайших планах – передача технологии в другие районы области, а также ее интеграция отдельным блоком в информационную систему Министерства социальной политики Нижегородской области с возможностью использования общей базы данных получателей социальных услуг.

Хочу упомянуть о факторах, которые, как мы предполагали, могут быть существенным тормозом при внедрении системы. Первый – это неготовность персонала к работе в сети Интернет. К счастью, наши опасения в этой части не оправдались. Несколько дней оказалось достаточным для того, чтобы сотрудники научились считывать коды с карточек клиентов. Все остальные манипуляции с коммуникатором трудности не вызвали. Опыт работы с личным сотовым телефоном стал достаточной базовой подготовкой при работе с коммуникатором в информационной системе. И второй неблагоприятный фактор – достаточно высокая стоимость оборудования и оплаты услуг связи. К сожалению, преодолеть эту трудность с помощью занятий и тренировок невозможно. Однако, для того, чтобы идти в ногу со временем, в русле намеченной 442 федеральным законом стратегии развития социальным учреждениям необходимо изыскивать средства для внедрения современных методов в практику своей работы. Нам повезло, стартовый капитал для создания информационной системы электронного учета обращений граждан и учета предоставленных социальных услуг

был получен от нашего министерства. С финансовыми затратами, связанными с доработкой программы, оплатой услуг связи мы пока справляемся. Считаем, что средства, направленные на разработку программы, приобретение оборудования, непременно окупятся. И произойдет это не только за счет высвобождения времени работников на выполнение своих непосредственных обязанностей, быстроты принятия управленческих решений на основании получаемых данных, но и за счет повышения престижа профессии социального работника, который, приобщаясь к современным информационным ресурсам, используя высокотехнологичное оборудование, уже не рассматривается как простая домработница, а выглядит гораздо увереннее и значительнее не только в глазах окружающих, но и повышает свою собственную самооценку.

Мы рады и гордимся тем, что в наших руках находится такая современная технология, отвечающая требованиям нормативной правовой базы социального обслуживания, позволяющая оперативно оценивать деятельность социальных работников, реагировать на потребности клиентов в расширении предоставляемых услуг с учетом индивидуальной потребности, приближающая нас к долгожданному безбумажному документообороту, имеющая своей конечной целью повышение качества предоставляемых нашим клиентам социальных услуг.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ ПО НАПРАВЛЕНИЮ
«СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»
THE PROBLEM OF EDUCATION IMPLEMENTATION IN THE FIELD OF
SOCIAL WORK**

З.Х. Саралиева
Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского
Z.H. Saralievа
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассмотрены две основные, с нашей точки зрения, проблемы реализации образования по направлению «Социальная работа»: подготовка высококвалифицированных кадров в высшей школе и трудоустройство выпускников. Определены пути возможного воздействия на решение этих проблем высшей школой.

This article discusses two main problems of implementation of education in "Social Work": training of highly qualified personnel in higher education and employment of graduates. The article identifies the possible impact of the way to address of these issues in higher education.

Ключевые слова: социальная политика, высшее образование по направлению «Социальная работа», научно-исследовательская деятельность вузов, научная работа студентов.

Keywords: social policy, higher education in the field of "Social Work", research activities of universities, research work of students.

В начале 90-х гг. XX в. России предстояло из трех существующих моделей социальной политики выбрать оптимальную по направленности, темпам и интенсивности социальных практик. Была возможность уйти от консервативной (патерналистской), действовавшей в советский период, минуя соблазны либеральной (неолиберальной), к интегративной модели. Она позволила бы преодолеть устаревшие, малоэффективные способы социального макрорегулирования, покоящиеся на парадигме социально-классовой структуры и декларируемой/декларативной социальной справедливости, перейти к реализации исторической социальной стратегии страны.

Опираясь на общесоциологические положения о том, что любые законы в сфере социальных отношений действуют лишь постольку, поскольку ни признаются общественным сознанием. Социальная политика призвана и развивать, и воздействовать на него. Цели социальной политики, направленные на достижение/сохранение/совершенствование социального мира, социального здоровья общества, должны быть понятны и поняты, приняты значительной частью населения, прямыми акторами социальных изменения.

Для этого требовалось осуществить, как минимум, четыре социальные задачи:

- = принять новые законодательные акты;
- = на их основе выработать основные цели и принципы новой социальной политики с опорой на гражданское общество, инновационные слои и общности;
- = сформировать новую социальную инфраструктуру;
- = насытить ее новыми профессиональными кадрами.

Миссия в решении задачи подготовки кадров социальных работников была возложена в 1991-1992 гг. на высшую школу.

Стратегически социальная работа в условиях новой России направлена на возрастание социальной субъектности личности, то есть ее включенности в социальное поле, адаптивности, комплексной самореализации в различных сферах жизнедеятельности, самосовершенствовании.

С самого начала, вузы столкнулись с рядом проблем, естественных для становления любой профессиональной подготовки.

В ретроспективе 25 лет сегодня можно выделить несколько этапов распознавания и преодоления трудностей роста.

Первый этап – 90-е годы. 1) Отсутствие профильно подготовленных преподавателей непосредственно по теории, технологиям, практике социальной работы; 2) Отсутствие учебной, учебно-методической, научной литературы; 3) Неинформированность о содержании социальной работы работодателей – чиновников и сотрудников учреждений социальной сферы; 4) Отсутствие в первые годы законодательной базы, противоречия в легитимации социальных работников: квалификационные требования сформулированы в 1991 г., а первый закон о социальном обслуживании населения РФ, статьи которого, к сожалению, во многом носили литературно-описательный характер, вступил в силу в 1995 г.

В ту пору дискутировались два подхода к преодолению трудностей. Сторонники одного настаивали на необходимости сначала накопить кадры в нескольких вузах (это касалось и широкого внедрения в те же годы в высшее образование социологии), затем открывать подготовку студентов-социальных работников. 2-ой подход можно назвать «Дорогу осилит идущий».

Наш университет первый набор в бакалавриат по направлению социальная работа осуществил в 1992 г., в магистратуру в 1996 г. Для полноценного учебного процесса были предприняты серьезные меры: преподаватели кафедры прошли подготовку в Российском государственном социальном университете (сессионно, в течение нескольких месяцев с получением сертификатов и удостоверений), участвовали в международных семинарах и конференциях в Великобритании, Германии, Италии, Швеции, США; изучали зарубежную литературу–учебники, сборники статей, монографии; приглашали ученых и специалистов Великобритании, США и Германии для чтения лекций нашим студентам; благодаря гранту ДААД («Германская служба академических обменов») сумели послать на семестровое обучение 2 группы студентов в университет г. Эссена; приступили к созданию собственных учебно-методических материалов (одно из первых в России учебных пособий «Социальная работа как профессия», Н.Новгород, 1996 г., 316 с., под общей ред. З.Х. Саралиевой); вошли в президиум Учебно-методического объединения вузов, обучающихся студентов по направлению «Социальная работа».

Второй этап с к. 90-ых гг. К этому времени была создана база для отвечающего российским и мировым стандартам обучения по направлению социальная работа. В основных вузовских центрах создавались факультеты или выпускающие кафедры на факультетах социальных наук. Возникли научные журналы, отражающие проблематику социальной политики и социальной работы,

проводились научно-практические конференции. На исследования по теории и практике социальной работы выигрывались российские и международные гранты. Издавались учебники, учебные пособия, сборники научных статей. Это дало основание проф. Е.Р. Ярской-Смирновой в 2001 г. опубликовать в «Социологических исследованиях» (№ 5) статью «Профессионализация социальной работы в России».

В России шел процесс создания, «вызревания» многоструктурного социального организма – системы социальной работы как взаимодействия личности – малой группы – общности – социума, обеспечивающего осуществление социальной политики, совершенствование социальной среды, повышение социальной компетентности, ресурсности человека в преодолении сложной жизненной ситуации.

Было бы поспешным утверждать, что система полностью сформирована, но она приобретает все признаки социальных систем: целостность, функциональность, динамичность, открытость, объединяя усилия государства, НКО и ассоциаций, социального бизнеса, социального служения конфессий.

Совершенствование преподавания социальной работы в ННГУ им. Н.И. Лобачевского идет в русле нескольких направлений: = ориентация на социальный заказ региона; = обеспечение многоуровневого образовательного процесса (бакалавриат, магистратура, аспирантура по профилю подготовки «Социология»); = использование принципов и методики, инноваций преподавания в зарубежных вузах; = сочетание преподавания с научными исследованиями, в которые активно вовлекаются студенты, магистранты, аспиранты.

Государственные стандарты подготовки специалистов социальной работы последнего поколения, базирующиеся на компетентностном подходе, заставляют наши кафедры интенсифицировать работу, побуждают к инновационным поискам. Но высшая школа зависит от спроса на рынке труда и от оплаты труда социального работника. Оба эти обстоятельства нередко сужают поле деятельности наших выпускников. Как мы можем повлиять на более-менее необходимые радикальные изменения? Во-первых, трудоустройство в высшей школе. На нашей кафедре практически все участники реализации учебных планов подготовки социальных работников – профессора, доценты, ассистенты – выпускники кафедры. Через нашу аспирантуру и докторантуру помогаем укрепить кадровый состав и других вузов, например, Ивановского госуниверситета, Вятского государственного гуманитарного университета, Ярославского госуниверситета.

В диссертационном Совете ННГУ им. Н.И. Лобачевского по социологическим наукам успешно защищены кандидатские и докторские исследования по

широкому спектру социальных проблем и социальной сферы: Предотвращение и преодоление насилия в семье: территориально-управленческая модель; Бедные в России: структура, ориентации, установки; Лица без определенного места жительства как маргинальная группа в современном российском обществе; Семья с ребенком-инвалидом – модель медико-социального обслуживания; Бездомность: траектории нисходящей социальной мобильности; Концепция внедрения социальной работы в психиатрию (на примере Нижегородской области); Социализация подростков с задержкой психического развития; Новые подходы в управлении учреждениями социальной сферы Германии; Бродяжничество как социальное явление (генезис, технологии предупреждения и регулирования); Процесс тифлокомпьютеризации как фактор социальной интеграции лиц с глубокими нарушениями зрения; Ресурсы и модели социальной адаптации больных алкоголизмом; Управление социальной защитой населения: программный подход (на материалах Республики Татарстан); Некоммерческие организации (НКО) как субъект социального партнерства в сфере социального обслуживания населения: современные проблемы и перспективы деятельности; Конструирование социальной проблемы подростковой делинквентности в печатных изданиях Республики Татарстан; Процесс разработки и принятия управленческих решений в социальных учреждениях; Модернизация консервативного государства благосостояния; Система предотвращения социального сиротства; Социальное партнерство как форма реализации социальных проектов на селе (по материалам Нижегородской области); Инклюзивное образование детей-инвалидов с тяжелыми физическими нарушениями как фактор их социальной интеграции; Социальная адаптация трудовых мигрантов (на примере Нижегородской области); Проблематизация несовершеннолетнего материнства в системе российской социальной работы; Малолетнее материнство как социальный феномен в современной России.

Во-вторых. В отличие от западных стран в России фактически отсутствуют вторичные социальные агентства. Несмотря на законодательные акты, предписывающие введение ставок социального работника в ряде учреждений здравоохранения, практика социальной работы не получила должного развития. Нет социальных работников в армии, в школе, в пенитенциарной системе. То есть, выпускники теряют рабочие места.

К подобным последствиям приводит и неразвитость сети НКО, несформированность и неструктурированность волонерства.

Высшая школа в этих случаях может работать по нескольким направлениям: подготовка кадров; привлечение внимания научной общественности через организацию серьезных по репрезентативности социологических исследо-

ваний; организация научно-практических конференций; публикация монографий, статей, научных сборников.

В этой связи приведу некоторые данные научного обеспечения преподавания по направлению «Социальная работа».

Прежде всего, отмечу социологические исследования социального самочувствия населения, социальных процессов и проблем, касающиеся сферы действия системы социальной работы, направленности социальной политики: Социальная политика социального государства; Разработка средств и методов защиты пожилых от насилия и злоупотреблений; Благополучные и трудные подростки; Проблемы профилактики и преодоления отклоняющегося поведения несовершеннолетних; Действенность менеджмента качества в учреждениях социальной сферы Германии; Социальный портрет душевнобольного, находящегося на принудительном лечении; Многодетные семьи Нижегородской области; Социальное здоровье молодежи; Качественный менеджмент в учреждениях социальной сферы; Ценность детей и межпоколенные отношения; Жизнь семейная; Пожилые люди Нижегородской области; Городские семьи Нижегородской области; Сельские семьи Нижегородской области; Сексуальные домогательства на работе; Дети-инвалиды в системе образования; Опекунские семьи; Межпоколенные отношения в современной российской семье; Наказания детей; Эйджизм в современной России; Школа: обыденность насилия; Воспитание, родительство и детство в современной российской семье; Социологический портрет призывника; Молодая семья в современной России; Проблемы трудоустройства инвалидов; Алкогольная и наркотическая созависимость в социальном контексте; Модернизация преподавания социальной работы в России; Health beliefs в современной России; Воздействие безработицы на внутрисемейный потенциал и внутрисемейные отношения.

Результаты социологических исследований легли в основу публикаций в различных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, в частности, в «Вестнике Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки»; способствовали написанию ряда монографий: «Модернизация государственности благосостояния» 2008, И.Л. Сизова; «Система социальной работы» 2008, З.Х. Саралиева; «Теоретические концепции анализа конфессиональной социальной работы» 2009, И.Э. Петрова; «Жизненные миры современной российской семьи» 2015, коллектив кафедры.

Преподаватели кафедры в 2011 г. опубликовали учебник «Социальное взаимодействие в системе социальной работы» под общ. ред. З.Х. Саралиевой.

Задел социологических исследований позволил в последние годы преподавателям получить ряд коллективных и индивидуальных грантов. Из грантов

последних лет назовем гранты Министерства образования и науки РФ, РГНФ: «Воспитание, родительство и детство в современной семье»; «Школа: обыденность насилия»; «Инновационные технологии в реализации социальной политики в регионе»; «Молодая семья с детьми в регионах ПФО»; «Медиация в профессиональной деятельности».

Реализация исследовательских проектов обусловила право кафедры на организацию и проведение в ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2000-х гг. двенадцати международных научно-практических конференций и семинаров с привлечением ученых и практиков России, Германии, Беларуси, Украины, Польши, США, Великобритании, Таджикистана, Швеции, Финляндии, Сирии, Бразилии, Армении, Молдовы, Чехии, Японии, Испании, Греции: «Социальная политика социального государства»; «Реабилитация лиц с ментальными нарушениями»; «Качественный менеджмент в учреждениях социальной сферы»; «Девиация и делинквентность: социальный контроль»; «Ценность детей в кросскультурном контексте»; «Семья и семейные отношения: современное состояние и тенденции развития»; «Семейная политика в Германии и России»; «Год семьи в Нижегородской области»; «Старшее поколение в современной семье»; «Здоровье как ресурс»; «Совершенствование социальной политики студентов – социальных работников»; «Качество услуг социальной работы».

Особо следует отметить активность студентов, магистров и аспирантов в реферировании значимых зарубежных публикаций, собранных в 9 выпусков Реферативного сборника «Социальные науки». Впервые в России прореферирован аспиранткой Е.Н. Суховой труд американской исследовательницы, стоящей у истоков социальной работы в США, Мэри Эллен Ричмонд «Социальные диагнозы» (*Social diagnosis*, первое издание 1917 г.), Н.Н., 2012, в 2013 г. реферативный перевод еще одной библиографической редкости – книги Алисы Саломон «Образование в области социальной работы» (*Education For social work*, 1937).

Возвратимся к двум основным проблемам реализации образования по направлению «Социальная работа»:

1) разница в оплате труда, требующего высшего профессионального образования, и труда социальных работников, обслуживающих клиентов на дому, в пользу последних. Это явление не новое в России. К сожалению, нередко оплата труда коррелирует не с его сложностью, а с дефицитом на вакантные должности труда средней и низкой квалификации.

Повлиять на это обстоятельство высшая школа может лишь через изучение общественного мнения и самих социальных работников для определенного давления на административные структуры, контролирующие макропроцессы

оплаты и организации труда в государственных учреждениях социальной сферы. С разной степенью успешности факультеты и кафедры социальной работы это делают.

2) Обучение и воспитание высшей школой кадров высокой квалификации, способных к осуществлению как прямой социальной работы (непосредственно с клиентом), так и опосредованной – через воздействие на совершенствование социальной среды, в том числе в сфере трудовых отношений. Другими словами, мы должны выпускать высококвалифицированных специалистов, способных к социальной самореализации в профессии.

**РЕФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ ПОЖИЛЫХ В ГЕРМАНИИ ПОСЛЕ
ПОВЫШЕНИЯ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА
REFORM OF EMPLOYMENT OF THE ELDERLY
(THE GERMAN EXPERIENCE)**

И.Л. Сизова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)*

I.L. Sizova

National Research University Higher School of Economics of Nizhny Novgorod

Характеризуются факторы, под давлением которых Германия вынуждена реализовать глубокие институциональные и структурные реформы во многих областях жизнедеятельности, чтобы сбалансировать экономическое и социальное положение, выполнить критерии Лиссабонской стратегии Европейского Союза. Подробно рассматриваются важнейшие современные реформы (с конца 1990-х гг.) в пенсионном обеспечении, на рынке труда, в сфере социально-трудовых отношений и организации труда, которые привели к стремительному росту занятости лиц в возрасте 50-65 лет и одновременно, сделали Германию моделью для подражания в других европейских странах.

In the article deals with the factors, under the pressure of which the government was forced to implement deep institutional and structural reforms in many areas of life, in order to balance economic and social situation and to meet the criteria of the Lisbon strategy of the European Union. In the second part the most important modern reforms (in late 1990s.) in the pension system, the labor market, in the field of social and labor relations and work organization are considered in detail. These reforms which led to a rapid increase in employment of persons aged 50-65 years, and made Germany a model to be emulated by other European countries.

Ключевые слова: Занятость лиц пожилого возраста, рынок труда, социально-трудовые отношения, активная старость, старение, реформы, здоровье пожилых, повышение возраста выхода на пенсию.

Keywords: Employment of the elderly, labor market, social and labor relations, active aging, senescence, reforms, the health of the elderly, raising the retirement age.

Постановка проблемы

Необходимые реформы в пенсионном праве и в системе пенсионного страхования в России способны спровоцировать обострение ситуации на рынке труда, который уже длительное время испытывает значительные нагрузки в связи экономическим кризисом, растущей прекарризацией занятости, миграционными процессами. Опыт развитых стран (в частности, Германии) показывает, что стимулирование занятости «пожилых» работников является непростой задачей.

После нефтяных кризисов 1970-х гг. завершилось 30-летие благоприятного экономического и социального развития в Европе. В Германии реформы буксовали, в большей степени принимались полумеры, и в международном формате сложилось устойчивое мнение о немецком «склерозе реформ». К началу 2000-х гг. в стране опасно замедлилось экономическое развитие, выросла безработица, стремительно сокращалась занятость, непомерно росли социальные расходы. Необходимость глубоких изменений в восточных землях после объединения добавила проблем.

Кроме того, возрастная структура населения деформировалась из-за серьезных демографических изменений: сокращается население в трудоспособном возрасте и растет количество людей старших возрастов, растут ожидания относительно продолжительности жизни. Германия, наряду с Японией и Италией, относится к самым быстро стареющим странам мира. По прогнозам, в ближайшем будущем (до 2030 г.) ожидается потеря населения в 6,3 млн. человек, которая в основном произойдет за счет молодых трудоспособных возрастов [Fortschrittsreport, 2015: 47].

Реформы поколения «work first»

Основная цель и смысл глубоких институциональных реформ, которые еще не окончены, заключается в удержании пожилых на рынке труда и в стимулировании их занятости. На политическом уровне последовательно проводится мысль о признании полноценной фазы жизни под названием активная старость [см. например: Europäische Kommission 2012]. Эти идеи отражены в Лиссабонской стратегии ЕС в виде стратегии развития более продолжительной профессиональной деятельности [Key areas... 2015].

а) Реформы пенсионного обеспечения

Главным радикальным нововведением в пенсионной сфере стало повышение в 2012 г. возраста выхода на пенсию с 65 до 67 лет. В Германии повышение выхода на пенсию реализуется постепенно, шаг за шагом, при ежегодном повышении возраста выхода на пенсию на 1 месяц, с 2024 г. на два месяца ежегодно, так что только в 2029 г. для лиц, родившихся в 1964 г. и позднее, будет достигнута заданная возрастная граница в 67 лет [Bundesgesetzblatt 2007]. Отметим, что в этом отношении Германия не одинока и большинство стран Европы провели повышение пенсионного возраста разными темпами, а в Швеции вообще отсутствует возраст выхода на пенсию [Fortschrittsreport 2015: 7].

Поскольку текущие эффекты от повышения пенсионного возраста пока незаметны, гораздо более существенные последствия принесли реформы так называемой дефлексибилизации выхода на пенсию, то есть был произведен демонтаж всей системы гибкого перехода в пенсионное состояние в стране [Knuth 2013: 10-11]. В результате сократилось количество видов и размер досрочных пенсий по старости, повышается возраст и ужесточаются условия для тех, кто имеет к ним доступ [Deutsche Rentenversicherung Bund 2014]. Сгладить сокращение пенсионного обеспечения можно только, если дольше работать и/или больше зарабатывать. В целом в стране, несмотря даже на нынешнее хорошее конъюнктурное положение и экономический рост, размеры пенсий не повышаются, отстают от трудовых доходов, которые также не растут [Knuth 2013: 10]. Таким образом, во-первых, с конца 1990-х гг. произошел скачек в среднем возрасте выхода на пенсию почти на 2 года. Во-вторых, окончательно заброшено стремление классического индустриального общества к поддержанию идеала жизненного стандарта в старости без работы, сравнимого с жизненным стандартом в трудовой фазе жизни.

б) Реформы на рынке труда и в области социального обеспечения трудоспособных лиц

С повышением пенсионного возраста возрастает роль политики на рынке труда, которая призвана поддержать или простимулировать занятость пожилых трудоспособных. Растущее число пожилых людей предполагает растущее число тех, кому потребуются государственная помощь и поддержка.

В регулировании рынка труда с 2002 г. в целом были осуществлены глубокие институциональные преобразования, начало которым положили реформы знаменитой комиссии П. Хартца [Сизова 2008]. Законы этой комиссии привели к сокращению времени выплаты пособий по безработице с 32 до 24 месяцев и даже до 18 месяцев для пожилых безработных. В конце 2007 г. был отменен облегченный доступ к пособию по безработице с наступлением 58-летнего воз-

раста. В настоящее время получатели пособий по бедности могут только по достижении 63-летнего возраста просить власти о разрешении на выход на досрочную пенсию с пониженной пенсионной ставкой (пенсия выплачивается в сокращенном размере) [Brussig 2010: 6].

В реформах П. Хартца в основном речь шла об активизации занятости среди длительно безработных лиц. Таким пожилым отказано в досрочном выходе на пенсию без значительных штрафов в отношении размера их пенсии; вместо этого им предложена адресная социальная помощь, включающая проверку материального состояния домохозяйства, и начиная с 2010 г. они, наряду с более молодыми длительно безработными, должны доказывать свою активность в поиске работы, а также участвовать в предложенных программах службы занятости по стимулированию занятости или восстановлению трудовых навыков [Mümken u.a. 2013: 1]. Причем, особой разницы в стимулировании занятости между возрастными группами безработных не проводится, наоборот, предполагается, что пожилые будут так или иначе пытаться трудоустроиться или хотя бы проявлять в этом активность вплоть до нормативной границы выхода на пенсию по старости в 67 лет.

в) Реформы трудовых отношений и организации труда

В трудовых отношениях и организации труда пока мало сделано. Основная цель заключается в том, чтобы предотвратить стимулы не работать перед пенсией, так как в Германии (и в других развитых странах Евросоюза) очень многие выходят на пенсию до наступления официального пенсионного возраста [Schäfer 2014: 74]. Среди нововведений последнего времени – либерализация трудового законодательства. Другим нововведением стало государственное регулирование так называемых *mini jobs* или *bad jobs*, как часто об этом говорят в Германии, то есть «подработок», не облагаемых налогами и вкладами в систему пенсионного страхования, разрешается работать до 15 часов в неделю или получать заработную плату до 400 евро в месяц. Фактически речь идет о расширении низкооплачиваемого сектора труда, что привлекательно для тех, кто уже кем-то обеспечивается, например, получает незначительную пенсию, пособие по безработице или социальное пособие. Данная занятость только теоретически регулируется правовым способом (т.е. в ней действуют трудовые соглашения, защита от увольнений, право на отпуск и т.д.), но практически такого не бывает [Brussig 2011: 1].

Самое главное в трудовых отношениях – это изменить отношение работодателя к использованию специфического потенциала возрастной рабочей силы, особенно из-за общего старения населения и сокращения числа молодых трудоспособных групп. Такой перестройке сознания и действий работодателей и хозяйствующих субъектов, нацеленных на наем молодых, посвящены все по-

следние инициативы правительственных и политических кругов Германии, рекомендации Евросоюза, экспертные и аналитические доклады исследовательских институтов [см. например: Geraedts 2014: 6]. С 2013 г. наметился взрыв публикаций на тему ресурсов и внедрения специальных программ по управлению пожилым персоналом (age management) в различных отраслях, организациях и видах трудовой деятельности [см. например: Ellguth и.а. 2013a]. Более того, утверждается, что нынешний экономический рост и низкая безработица напрямую связаны с повышением участия в экономической деятельности именно пожилых лиц. В литературе большое внимание уделяется теме поддержания здоровья пожилых трудоспособных и адаптации условий труда, а также приспособления трудовых обязанностей к возможностям пожилого человека, стимулирование производительности труда пожилых (health management). Поскольку скоро выйдут на пенсию поколения «бэби-бума» – многочисленного поколения времен экономического чуда 1950-60-х гг., то в ближайшем будущем вопрос о том, как организована занятость пожилых, станет вообще центральным на рынке труда и в экономике страны. Для этого рассматриваются разные предложения, например, продление трудовых договоров, которые автоматически заканчиваются с наступлением пенсионного возраста, и стимулирование профессиональной активности после достижения пенсионного возраста, совмещение пенсионного обеспечения с трудовыми доходами. Кроме того, государство вообще стремится уйти от прямого регулирования досрочного или «гибкого» высвобождения человека из системы занятости и передать это управление экономическим акторам. В этом направлении, например, обсуждаются идеи о сокращении вкладов работодателя в пенсионное страхование и страхование по безработице при найме работников пенсионного возраста [Geraedts 2014: 13]. Правда, эксперты опасаются всплеска селекции работников и, соответственно, увеличения неравенства в правах (например, при развитии негосударственных планов плавного перехода на пенсию в отдельных отраслях или организациях), поскольку сотрудники на предприятиях, как правило, оцениваются очень дифференцированно [Meinungen zum 2012: 5]. В этом отношении государственное регулирование всегда являлось более предпочтительным, поскольку оно охватывает большой круг людей и проводит их оценку независимо от степени лояльности и/или длительности принадлежности работника к какой-то отрасли или организации. Такие траектории опасны для трудящихся еще и потому, что развитие негосударственного регулирования занятости пожилых или даже любых других возрастных групп в направлении преференций, льгот от предприятий приведет к возрастанию требований к компетенциям, квалификации, способности к труду со стороны работодателей, которые вынуждаются к этому навязыванием оплаты стимулирования занятости. В настоящее время и без того узкий диапазон и гомогенность государственного регулирования трансформируется через тенденции дерегулирования в системе ин-

дустриальных отношений – эрозию тарифных договоров, фрагментацию ландшафта коллективных договоров и повышение участия в регулировании условий труда отдельных предприятий. Одновременно тенденции эрозии регулирования занятости можно наблюдать на уровне отдельных предприятий, которые среди прочего приводят к тому, что все меньше занятых представлены в советах предприятий [Ellguth u.a. 2013b: 281]. Поле досрочного пенсионного регулирования является наглядным примером для демонстрации парадокса децентрализации немецкой договорной системы трудовых отношений. Сами предприятия с некоторого времени имеют пониженный интерес к досрочному пенсионному регулированию. Причиной этого является организационное и политическое ослабление лагеря работодателей, растущее замещение внутренних стратегий управления персоналом, в которых досрочное пенсионирование и его регулирование всегда играло центральную роль, эффективными внешними стратегиями, а также ожидаемым сокращением предложения рабочей силы в эпоху демографических изменений.

Литература

1. Сизова И.Л. 2009. Модернизация «консервативного государства благосостояния» в сфере социально-трудовых отношений: социологический анализ / Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Н.Новгород.
Sizova I.L. 2009. Modernizatsiya «konservativnogo gosudarstva blagosostoyaniya» v sfere sotsial'no-trudovykh otnoshenii: sotsiologicheskii analiz /Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk /Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo. N.Novgorod.
2. Brussig M. 2010. Fast die Hälfte aller neuen Altersrenten mit Abschlagen – Quote weiterhin steigend. Probleme mit dem Anstieg der Altersgrenzen vor allem bei Arbeitslosen, aber auch bei Erwerbstätigen //Altersübergangs-Report, 1. Доступ: <http://www.iaq.uni-due.de/auem-report/2010/2010-01/auem2010-01.pdf> (Дата обращения 15.06.2015).
3. Brussig M. 2011. Neueinstellungen im Alter: Tragen sie zu verlängerten Erwerbsbiografien bei? //Altersübergangs-Report. Доступ: <http://www.iaq.uni-due.de/auem-report/2011/2011-03/auem2011-03.pdf> (Дата обращения 15.06.2015).
4. Bundesgesetzblatt. 2007. Gesetz zur Anpassung der Regelaltergrenze an die demografische Entwicklung und zur Stärkung der Finanzierungsgrundlagen der gesetzlichen Rentenversicherung (RV-Altersgrenzenanpassungsgesetz) //Bundesgesetzblatt. Jahrgang 2007. Teil 1. №.16, ausgegeben zu Bonn am 30. April 2007. Доступ:

http://www.bgbl.de/xaver/bgbl/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl107s0554.pdf%27%5D#__bgbl__%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27bgbl107s0554.pdf%27%5D__1434401634456 (Дата обращения 15.06.2015)

5. Deutsche Rentenversicherung Bund. 2014. Rentenabschläge bei Altersrenten 2000 – 2013 // Rentenversicherung in Zahlen. Доступ: www.Sozialpolitik-aktuell.de (Дата обращения 15.06.2015).
6. Ellguth P., Gerner H.-D., Zapf I. 2013a. Flexibilität für Betriebe und Beschäftigte: Vielfalt und Dynamik bei den Arbeitszeitkonten // IAB Kurzbericht, №3.
7. Ellguth P., Kohaut S. 2013b. Tarifbindung und betriebliche Interessenvertretung. Ergebnisse aus dem IAB-Betriebspanel 2012 // WSI-Mitteilungen, №4. S. 281–288.
8. Europäische Kommission. 2012. Der EU-Beitrag für aktives Altern und Solidarität zwischen den Generationen. Luxemburg. Доступ: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=738&langId=en&pubId=6920&type=2&furtherPubs=yes> (Дата обращения 15.06.2015).
9. Fortschrittsreport “Altersgerechte Arbeitswelt”. 2015. Ausgabe 1: Entwicklung des Arbeitsmarkts für Ältere / Bundesministerium für Arbeit und Soziales. Доступ: www.bmas.de (Дата обращения 15.06.2015).
10. Geraedts R. 2014. Der Wert der Jahre – Arbeiten vor und nach dem Übergang in die Rente / Der Wert der Jahre: zur Situation älterer Beschäftigter und zu den Übergängen in Rente. Bericht zur sozialen Lage 2014. Hrsg. Arbeitnehmerkammer Bremen. S. 6-28.
11. Key areas. 2015. Comparing Member States’ performances: Adequacy and sustainability of pensions. EUROPA 2020 / European Commission. Доступ: http://ec.europa.eu/europe2020/making-it-happen/key-areas/index_en.htm (Дата обращения 15.06.2015)\
12. Knuth M. 2013. Arbeitsmarktformen und „Beschäftigungswunder“ in Deutschland. Beitrag der Europäischen Wirtschafts- und Sozialausschuss (Gruppe Arbeitnehmer). UDE-IAQ. 34 s.
13. Meinungen zum Thema Altersdiskriminierung. 2012. /Forsa. Доступ: http://www.antidiskriminierungsstelle.de/Shared-Docs/Downloads/DE/publikationen/20120123_Forsa_Umfrage.pdf?__blob=publicationFile (Дата обращения 15.06.2015).
14. Mümken S., Brussig M. 2013. Die Arbeitsmarktpolitik wendet sich Älteren zu // AltersÜbergangs-Report. № 2. UDE-IAQ. 15 s.
15. Schäfer I. 2014. Am Ende des Übergangs: Beginn der Rente / Der Wert der Jahre: zur Situation älterer Beschäftigter und zu den Übergängen in Rente. Bericht zur sozialen Lage 2014. Hrsg. Arbeitnehmerkammer Bremen. S. 72-86.

ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

PROFESSIONAL MENTALITY OF EMPLOYEE SOCIAL SERVICES IN THE CONTEXT OF INFORMATIZATION OF SOCIETY

И.Е. Антонова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

I.E. Antonova

Lomonosov State University of Moscow

Сегодня достаточно актуальна тема влияния информационных технологий на жизнь современного человека. Рассматриваются понятия профессиональной ментальности сотрудника социальных служб в контексте влияния интернета на индивида и социальные группы.

Today topic of information technology influence is very relevant for modern society. This paper discusses the concept of professional mentality of social workers in the context of the influence of the Internet on individuals and social groups.

Ключевые слова: профессиональная ментальность, современное общество, интернет, сотрудник социальных служб.

Keywords: professional mentality, modern society, internet, social worker.

Структурными компонентами менталитета являются аксиологический (профессиональные ценности, нормы, цели), мотивационный (готовность к инновационной деятельности) и установочный (репрезентации ментального опыта в профессиональной деятельности) компоненты.

Начало новой эпохи постиндустриального общества было ознаменовано развитием компьютерных и информационно-коммуникативных технологий, что существенно повлияло на всю социально-трудовую структуру общества, возникают новые формы и виды трудовой деятельности [1], меняется образ «Я – профессионала» в новом обществе, который в свою очередь оказал влияние на формирование профессионального самосознания.

Развитие Интернет-технологий и широкое распространение доступа в сеть Интернет напрямую влияет и на профессиональную ментальность, так как она складывается из видения мира и поведенческих установок, которые сегодня кардинально меняются под воздействием Интернета, меняются, в том числе и профессиональные ценности новых работников.

Рассматриваем профессиональную ментальность как системное социально-психологическое образование, которое интегрирует весь социокультурный опыт личности специалиста и определяется объективной и субъективной принадлежностью личности к какой-либо определенной профессиональной группе [2]. Профессиональная ментальность личности характеризует ее предуготовленность, преднастроенность, предрасположенность к восприятию и оценке явлений и выстраиванию определенной стратегии поведения в социуме с профессиональной позиции.

Интернет-пространство может оказывать существенное влияние как на установки профессионала, так и его предрасположенность к определённой оценке явлений. Профессиональные онлайн-сообщества всё чаще заменяют общение с коллегами, дистанционные формы обучения позволяют, не выходя из дома, получить образования или пройти программу профессиональной переподготовки, а онлайн-консультирование (групповое или индивидуальное) может стать средством коммуникации с клиентом, учеником или получателем социальных услуг.

Рассматривая сотрудников социальных служб, можно отметить, что они в своей профессиональной деятельности нередко работают с социальными группами, подверженными серьёзному влиянию сети Интернет, в частности, дети, подростки и молодёжь. Подобные знания могут помочь в поиске правильного подхода и более понятной трансляции информации, например, социальной рекламы в социальных сетях.

Проблема Интернет-пространства, а точнее его влияния на развитие современного человека становится одной из наиболее острых во многих сферах и предметом исследований в области социологии, философии, экономики, педагогики и права.

Изучая ментальность сотрудника социальной службы и влияние на него информационно-коммуникативных технологий, мы можем предположить, что в новых условиях те из работающих в этой сфере, кто в наибольшей степени сможет овладеть новыми технологиями, могут стать более информированным и лучше будут понимать молодое поколение, но с большей вероятностью утратят коммуникативные навыки, так как Интернет-коммуникация существенно отличается от живого общения.

Итак, современное общество требует новых качеств у профессионалов. Необходимо подстраиваться под постоянно изменяющийся мир. Социальному работнику необходимо знать, как и каким образом трансформации влияют на область его профессиональной деятельности, изучать категорию клиентов (получателей социальных услуг) и быть в курсе последних изменений в области технологий, методов социальной работы и её законодательного регулирования.

Литература

1. Хусяинов Т.М. Социально-правовой анализ трудовых соглашений с занятыми в сети Интернет (на примере Нижегородской области) // Политика и Общество. 2015. № 3. С. 294-302.
2. Тонкошкурова И.В. Становление профессиональной ментальности инженера в процессе обучения в техническом ВУЗе // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. №19. С. 79-81.
3. Антипов А.Г., Денисова Э.С. Трансформации аксиологических доминант в Российской лингвокультуре (на материале интернет – коммуникаций) / Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369.
4. Бойченко Г., Гуревич Л., Кундозерова Л. Ментальная модель интернет – пространства / Высшее образование в России. 2008. № 2.
5. Полякова В.А. Формирование готовности педагога к диалоговому взаимодействию в сетевых профессиональных сообществах / Вестник Нижегородского университета им Н.И. Лобачевского. 2008. № 6.
6. Миндибекова Л.А., Тонкошкурова И.В. Профессиональная ментальность личности как психолого-педагогический феномен <http://www.rusnauka.com/27_NPM_2012/Pedagogica/2_116846.doc.htm>
7. Rebecca N.Jerome Further developing the profession's Research / J Med Libr Assoc.-2008.-№96(4). С. 287-289.
8. Шуклин С.И., Ходусов А.Н. Виртуализация сознания и мышления как основа формирования профессионального менталитета будущего специалиста / Интеграция образования. 2011. № 2.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА: ИНТЕГРАТИВНАЯ ПРОФЕССИОГРАММА СПЕЦИАЛИСТА SOCIAL WORK: SPECIALIST INTEGRATIVE PROFESSIOGRAM

М.Р. Арпентьева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

M.R. Arpentieva

Tsiolkovsky State University of Kaluga

Рассматриваются модели профессиональной подготовки специалистов – будущих социальных работников, формирования их готовности к профессиональной деятельности, развернутая профессиограмма успешного социального работника.

The article discusses the model of professional training of future social workers, the formation of readiness for professional activity, unfolded «professiogramma» successful social worker.

Ключевые слова: профессиограмма, социальный работник, готовность к профессиональной деятельности.

Keywords: profессиogramma, social worker, professional activity.

Социальная работа может быть определена как вид профессиональной деятельности, основанный на предметно-интегрированных, междисциплинарных приёмах формирования, поддержания, реабилитации устойчивой социальной интеграции или реинтеграции отдельной личности и группы, как деятельность, требующая профессиональной профильной подготовки (готовности) и высокого профессионализма. Однако, в стратегическом плане явно обозначились две встречных тенденции эволюции социальной работы, касающиеся подготовки кадров разного профиля: 1) профессионализация, технологизация и даже бюрократизация, формализация социальной работы, 2) расширение сферы добровольчества, волонтерства, неформализованных видов социальной помощи, включая организацию групп самопомощи, «ближних помощников». Вместе с тем, существуют тенденции: 1) оказания максимально эффективной продуктивной краткосрочной помощи, 2) организации процесса сопровождения, предъявляющие на внешнем уровне совершенно различные требования к профессионализму [1; 2; 3; др.]. В отечественной психологии выделяют различные показатели профессионализма, образующие профессиограмму личности. Объективные показатели профессионализма – насколько человек соответствует требованиям профессии, его вклад в социальную практику, высокая эффективность труда, разрешение проблем клиента. Субъективные показатели профессионализма – насколько профессия соответствует требованиям личности, насколько человек удовлетворен профессиональной деятельностью, в том числе – внутреннее желание оставаться в профессии, устойчивая профессионально-гуманистическая направленность. Процессуально-результативные показатели – достижение личностно желаемых результатов в труде [4; 5]. Профессиограмма как психологический портрет специалиста по социальной работе, представленный группой психологических функций и качеств, включает личностные качества специалиста, знания и умения, которые развиваются в процессе профессиональной подготовки, переподготовки и непосредственно – в деятельности. Она отражает профессионализм субъекта, степень овладения работником социальных служб профессиональными знаниями, умениями и ценностями.

Модель личности социального работника

1.Ценностно-мотивационная сфера личности профессионала (профессионализм по отношению к другим людям):

– постоянное стремление к совершенствованию в духовном и нравственном направлении, сформированные этические качества социального работника, высокий уровень развития этического и правового сознания, стремление поддерживать высокие стандарты персонального поведения, поддерживать высокую профессиональную и личную репутацию;

– наличие профессиональных ценностей, нравственно-этических качеств, адекватных требованиям этического кодекса социального работника, приоритет общечеловеческих ценностей и ориентация на культурные традиции России;

– социальное служение как призвание, внутренняя мотивация к выполнению труда в различных его модификациях (мотивация социального служения как долга), потребность приносить людям благо и творить добро, гуманистическая направленность личности, бескорыстность и порядочность;

– творческое отношение к изменениям в обществе, стремление способствовать изменениям, направленным на улучшение жизни людей, вносить вклад в социальную политику и социальную практику;

– стремление способствовать всеобщему благосостоянию общества, предотвращать и устранять дискриминацию;

– социальная престижность и осмысленность значения социального служения как важного способа внесения вклада в социальную политику и практику, стремление поддерживать и развивать значимость профессии;

– стремление к развитию социальной работы как профессионального вида деятельности, ее обогащению и инновациям;

– стремление и способность действовать в соответствии с этическими нормами, реализовать профессиональные ценности в процессе практического действия, стремление к соответствию требованиям профессии;

– стремление по собственной воле и умению решать самые сложные задачи, которые ставятся перед работником, мотивационная готовность и стремление к результативности своего труда;

– профессиональная объективность и нейтралитет, чувство справедливости;

– личная и социальная ответственность, профессиональная ответственность специалиста с позиций этических норм социальной работы;

– соблюдение первостепенности интересов клиента, уважение его достоинства, признание самоценности, человеколюбие, уважение других людей как личностей, стремление обращаться с уважением и доверием;

– предвидение, активизация и использование возможностей клиента с целью научить его использовать собственные жизненные ресурсы, помочь обрести навыки самоуправления, поддерживать оптимизм и уверенность;

– осознавать важность сохранения профессиональной тайны и важность конфиденциальности в работе с клиентом, проявлять деликатность и профессиональный такт, адекватность реакций на эксклюзии.

Профессиональный опыт личности и ее профессиональные способности (деятельностный профессионализм)

1) концептуальная компетентность, профессиональные знания:

– система знаний и представлений, обеспечивающих высокий общекультурный уровень развития личности;

– профильное образование, система общепрофессиональных знаний информационно-теоретического и прикладного характера;

– соответствие международным требованиям к квалификации социального работника, изучение отечественного и зарубежного опыта;

– практикоориентированное обучение;

– знание современного опыта деятельности и истории социальной работы (принцип историзма);

– творческий характер накопления опыта, знание основ исследовательской деятельности;

– знание основ правового обеспечения социальной работы, нормативно-правовой базы деятельности;

– ориентация на развитие знаний об обществе, на пополнение, углубление профессионального знания, раскрывающего формы и методы *социальной работы с различными группами и категориями населения*;

– профессионально-этические, психолого-педагогические, организационно-управленческие и экономические основы социальной работы:

– знание видов и технологий собственно социальной помощи населению,

– знание видов и технологий психосоциальной, социально-педагогической, медикосоциальной, социально-экономической работы, подходов к организации управления службами социальной защиты;

– иметь *знания пограничных, смежных профессий*: психологии, социологии, педагогики, экономики, юриспруденции и др.;

– *специализация (профилизация)*, наличие системы специальных знаний, практикоориентированные, технологические знания, которые конкретизируют, уточняют систему общепрофессиональных знаний;

– знание национальных особенностей быта и семейного воспитания, народных традиций регионов, основы работы с беженцами и мигрантами;

- знание сущности, содержания, технологий работы с безработными, профориентации, работы в трудовых коллективах;
- знание технологий и методов социальной помощи семьям и детям, организации опеки, попечительства, усыновления, лишения родительских прав, направления в специальные учебно-воспитательные учреждения;
- знание сущности, содержания, технологий работы с молодежью;
- знание организации медико-социальной работы, пропаганды здорового образа жизни; работы с инвалидами и хронически больными людьми;
- знание и умение разрешать актуальные проблемы геронтологии, специфики социальной работы с этим контингентом.

Инструментальная компетентность (владение базовыми профессиональными навыками)

а) практические умения:

- способность опираться и реализовывать официальные, легитимные полномочия деятельности и конкретный должностной и социальный статус;
- стремление и умение репрезентации деятельности служения в обществе, социальной рекламы, учитывать проблемы конкуренции социальных услуг;
- применение различных социальных технологий, сформированность профессионально-технологического компонента подготовки;
- умение сознательно применять теоретические и практические знания и навыки в социальной работе, в конкретной ситуации, навыки практической реализации своих идей;
- новаторство (инновационность), индивидуальность и творчество, ориентация на прогрессивные и современные технологии и способы социального (взаимо)действия;
- применение адекватных и оптимальноэффективных технологий социальной работы, умение действовать в условиях многовариантности возможностей их решения, клиентоцентрированный поиск способов помощи;
- умение использовать конкретный опыт, выполнять свои задачи, опираясь на отечественный и зарубежный опыт социальной работы;
- умение активизировать усилия подопечных на решение своих проблем, создавать и развивать отношения между людьми;
- способность работать в условиях комплексных, многопрофильных и специализированных бригад и центров социального обслуживания, вариативных по своим требованиям к профессиональным качествам;
- владение основными методами социальной работы *с отдельными лицами и различными группами населения;*
- использовать в деятельности особенности специализированной подго-

товки для *организации работы по разным направлениям.*

б) *Общепрофессиональные умения* как способность работать в условиях ненормированного общения, вести организационно-управленческую, исследовательско-аналитическую, научно-педагогическую деятельность и др.:

- научно-исследовательские умения, владение методикой исследовательской работы при анализе конкретных явлений и процессов,
- теоретический анализ процессов, происходящих в социуме и оказывающих негативное влияние на состояние и развитие клиента;
- владение методикой и технологией социального прогнозирования, прогнозно-экспертной и мониторинговой работы;
- владение методикой и технологией социального проектирования, уметь использовать полученные знания в реальных проектах;
- уметь вести и участвовать в организационно-управленческой деятельности и административной работе социальных служб и организаций.

в) *Специальные умения эдолога:*

- умение обеспечивать посредничество между клиентом (личностью, семьей, группой лиц) и различными общественными и государственными структурами, клиентом и другими специалистами;
- навыки консультирования, владение приемами консультирования, понимание социальным работником проблем клиента;
- навыки коррекции, преодоления разногласий, разрешения проблемы;
- навыки воспитания и развивающего воздействия, умение стимулировать клиента к выполнению социально-значимой деятельности;
- навыки профилактики и психодиагностики, умение давать психологическую характеристику личности.

Профессиональное самосознание и качества личности (личностный профессионализм)

- сформированность профессиональной направленности;
- сформированность профессионального типа личности;
- ориентация на профессиональную деятельность как личностно значимую, самоидентификация себя в качестве специалистов;
- профессиональная компетентность, осознание роли и значимости профессионального образования, ценность приобретенных знаний и умений;
- неординарные личностные качества социнома (гуманизм, терпимость, доброта, альтруизм, внимательность к клиентам эмпатичность);
- акмеологическая мотивация, потребность в профессиональной самореализации и стремление к вершинам мастерства;
- самопроектирование, умение учиться, самообразование, стремление к

повышению квалификации как показатель профессиональной обучаемости;

- наставничество, распространение собственного опыта и знаний;
- стремление к взаимному обучению социальных работников, ориентация на достижение авторитета у коллег, руководителей, клиентов, сотворчество;
- коммуникабельность, компетентность в общении, способность устанавливать межличностные (психологические) контакты;
- аттрактивность как личная привлекательность, обаяние, харизма, умение управлять людьми, инициативность, находчивость, самостоятельность;
- развитые эмоционально-волевые качества;
- высокий уровень протекания познавательных психических процессов, умение понимать состояние людей, проницательность и наблюдательность;
- рефлексивные умения, объективно-критическое отношение к деятельности к себе, своим сильным и слабым качествам, успехам и неудачам;
- стремление к эффективности и продуктивности практической деятельности;
- мотивированность повседневной деятельности, принципиальность, стремление добросовестно исполнять свой долг, проявляя спокойствие, порядочность, ответственность за свои действия и поступки;
- аутентичность и адекватность в поведении, чувство собственного достоинства, стрессоустойчивость личности, умение переключаться, толерантность, оптимистичность, выдержка;
- нервно-психическая выносливость, работоспособность, физическая тренированность, энергичность, толерантность к нервно-психическому напряжению, готовность испытывать психологический дискомфорт, готовность к психологическим нагрузкам;
- навыки совладания и преодоления профессиональных рисков в социальной работе, умение решать собственные психологические проблемы и принимать решения в трудных неожиданных ситуациях, конструктивно разрешать конфликты, пластичность поведения;
- творческая самореализация в труде, инициативность и предприимчивость, способность к поиску новых подходов в решении известных задач; приносить в профессиональную деятельность индивидуально-творческий, новаторский компонент, креативность, осознание перспектив и зоны своего ближайшего профессионального развития, их реализации.

Данная профессиограмма как модель личности социального работника представляет собой систему компонентов и характеристик личности, тесно связанных с деятельностью специалиста, включая: а) определенное ценностное отношение к деятельности, мотивы ее осуществления, б) профессиональное со-

знание и самосознание, в) психологическую готовность и стремление к развитию (саморазвитию) и к самой социальной работе.

Представленная профессиограмма может использоваться для оценки готовности студентов и специалистов к выполнению профессиональной деятельности, а также для разработки и отбора диагностических и исследовательских методик, для создания более продуктивных, стимулирующих развитие готовности к деятельности и профессионализма, программ подготовки и переподготовки кадров в сфере социальной работы.

Литература

1. Корчагина Н.С. Влияние личностных особенностей студентов-эдологов на формирование готовности к профессиональной деятельности. // Сб. научн. ст. по материалам ВНКП, Обнинск: РГСУ, 2011. С. 67-70.
2. Лежнина Л.В. Формирование готовности будущего педагога-психолога к профессиональной деятельности: монография. М.: Издательство "Прометей" МПГУ, 2009. 240 с.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 308 с.
4. Минигалиева М.Р. Практическая подготовка психосоциального работника. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 508 с.
5. Мороз М.В. Профессиональное становление социального работника. Дисс. ... канд. психол. наук, Тверь: ТрГУ, 2007 224 с.

**ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО
«СГОРАНИЯ» И ДЕФОРМАЦИЮ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ**
**FACTORS INFLUENCING THE DEVELOPMENT OF EMOTIONAL
BURNOUT AND THE DEFORMATION OF THE INDIVIDUAL SPECIALIST
IN SOCIAL WORK IN THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

Д.А. Бистяйкина, Е.Г. Панькова
Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
D.A. Bistiaykina, E.G. Pankova
Ogarev State University of Mordovia

Анализируются факторы, влияющие на развитие эмоционального «сгорания» и деформацию личности специалиста по социальной работе в Республике Мордовия.

The article is devoted to analysis of the factors, influencing the development of emotional burnout and strain of professional identity in social work in the Republic of Mordovia.

Ключевые слова: факторы, социальная работа, специалист, «эмоциональное выгорание», синдром «сгорания», практика, умение, опыт.

Keywords: factors, social work, specialist, "burnout", burn-out, practice, skill, and experience.

Синдром «выгорания» – сложный психофизиологический феномен, который определяется как эмоциональное, умственное и физическое истощение из-за продолжительной эмоциональной нагрузки, выражается в депрессивном состоянии, чувстве усталости и опустошенности, недостатке энергии и энтузиазма, утрате способностей видеть положительные результаты своего труда, отрицательной установке в отношении работы и жизни вообще. У специалиста, испытывающего синдром эмоционального «выгорания», появляются различные симптомы физических недомоганий, головные боли, бессонница, потеря аппетита или склонность к перееданию, злоупотреблению успокаивающими или возбуждающими средствами.

Эмоциональному «выгоранию» подвержены прежде всего те, кто работают в образовательных, психологических, социальных службах и выполняют работу, требующую особых эмоциональных затрат.

Можно выделить *объективные и субъективные факторы*, влияющие на развитие эмоционального «выгорания». Объективные факторы (организационные и ролевые) – порождаемые, условием самой работы или неправильной ее организацией. Субъективные факторы – особенности личности. Обе группы связаны между собой. С одной стороны, длительное психотравмирующее воздействие объективных факторов может приводить к изменениям, деформациям профессионала. С другой стороны, субъективные факторы особенно негативно проявляют себя именно при дополнительном воздействии объективных факторов.

По мнению исследователей, нарушения могут затрагивать разные грани трудового процесса – профессиональную деятельность, личность профессионала, профессиональное общение. В связи с этим профилактике и обеспечению психогигиены социального работника необходимо уделять особое внимание и способствовать созданию системы психологической помощи самим социальным работникам.

На развитие «эмоционального выгорания» и деформацию личности специалиста в социальной работе влияет группа личностных, организационных, ролевых факторов, которые действуют в такой сложной взаимосвязи и взаимозависимости, что в каждом отдельном случае предсказать стопроцентное возникновение эмоционального «выгорания» практически невозможно. Обычно

причина «выгорания» – это комбинация вредоносных факторов, но индивидуальная ситуация профессионального развития может усугублять или сглаживать их влияние.

На развитие синдрома «сгорания» оказывает воздействие и организационный фактор. Его влияние связано с тем, что работа может быть сложной по содержанию, но недостаточно организованной, не оцениваемой должным образом, а характер руководства может не соответствовать содержанию работы и т. д.

Существенную роль в «эмоциональном выгорании» играет ролевой фактор. Учеными были проведены исследования, посвященные изучению взаимосвязи между ролевой конфликтностью, ролевой неопределенностью и «сгоранием». Они выявили, что это особенно проявляется в тех профессиональных ситуациях, в которых общие действия слабо согласованы, нет интеграции усилий, присутствует конкуренция, тогда как результат труда зависит от слаженности и скоординированности действий [1, 2-16].

Неблагоприятными факторами, связанными с риском возникновения эмоционального выгорания в труде социального работника, являются профессиональные кризисы, неоднократно проявляющиеся в течение всей профессиональной деятельности, в том числе и у высокопрофессиональных специалистов. При кризисе наблюдается снижение профессиональной самооценки, может проявляться ощущение истощенности своих возможностей, страх идти даже на оправданный риск, усиление защитных мотивов, снижение интереса к дальнейшему росту или, наоборот, стремление занять место, не соответствующее уровню своей компетенции [2, 87].

Если социальному работнику не удастся преодолеть кризисное состояние, синдром «выгорания», могут возникнуть личностные деформации, характеризующиеся угасанием позитивных установок, усилением негативного отношения к себе или к другим.

Освоение работником профессии неизбежно сопровождается изменениями в структуре его личности, когда, с одной стороны, происходит усиление и интенсивное развитие качеств, которые способствуют успешному осуществлению деятельности, а, с другой – изменение, подавление или даже разрушение структур, не участвующих в этом процессе. Если эти профессиональные изменения расцениваются как негативные, т.е. нарушающие целостность личности, снижающие ее адаптивность и устойчивость, то их следует рассматривать как профессиональные деформации [3, 89].

В ходе взаимодействия с субъектом социальный работник использует свою личность как инструмент влияния на него. Если специалист часто прибе-

гает к более простым и действенным приемам, в совокупности известным как авторитарный стиль руководства, в результате в его личности появляются такие качества, как назидательность, излишняя самоуверенность, догматичность взглядов, отсутствие гибкости [4, 96-98].

Существенно влияют на развитие личности специалиста пространство социальных отношений в обществе, становление нового типа взаимодействий специалиста по социальной работе и клиента.

В городе Саранске Государственное казенное учреждение «Социальной защиты населения по г.о. Саранска» в Октябрьском, Пролетарском и Ленинском районе, работают примерно около 150 специалистов по социальной работе. В приемные дни специалисты принимают около 20-30 клиентов с различными проблемами.

При разговоре с директором ГКУ «Социальной защиты населения по г. о. Саранска» по Октябрьскому району выяснились следующие факторы: Во-первых, здание не проходит по государственным стандартам: «... Социальный работник не может работать в условиях с очень маленькими кабинетами, с устаревшими моделями компьютеров». Во-вторых, существуют проблемы с клиентами «... Часто встречаются нечестные клиенты. Были случаи, когда клиент, обещая принести справку в этот же день, пропадает на полгода».

Улаживание труднейших обстоятельств, ограниченные ресурсы, требовательные клиенты, низкая зарплата и постоянно изменяющиеся внешние условия – все это делает стресс профессиональным заболеванием социального работника, ведет к эмоциональному «выгоранию» и высокой текучести кадров.

Характерны для социальных работников так называемые «стрессы ответственности». Ответственность – это категория этики и права, отражающая особое правовое и моральное отношение социального работника к клиенту; соотношение способности с возможностью выполнять свои функции. Этическая ответственность социального работника перед своей профессией связана с сохранением ценностей и предназначением профессии, с использованием и развитием знаний социальной работы [5, 96]. Еще один важный момент – это взаимовлияние профессиональной деятельности и личности специалиста.

Профессиональная деятельность человека во многом задает направление развития его личности. Приверженцы структурных концепций считают, что профессиональное развитие – в значительной степени необратимый процесс. Многолетнее участие людей в сходной деятельности, часто сопровождающееся сходством условий труда, быта, общения, приводит к тому, что формируются сходные особенности личности [6, 76-77]. Каждая профессия формирует сходные интересы, установки, черты личности, манеру поведения, традиции и т.п.

Отрицательным моментом становится возможность профессиональных деформаций личности.

Практика в социальном учреждении Республики Мордовия показывает, что процесс трудовой деятельности в ситуациях, когда специалист переживает психотравмирующие факторы, может приводить к снижению как его трудоспособности, так и эффективности труда, а также к негативным изменениям психики и утрате ценностных ориентации в труде. В связи с этим важнейшей задачей органов управления, в ведении которых находятся социальные службы и учебные центры, осуществляющие подготовку и переподготовку социальных работников, является сохранение здоровья социальных работников, профилактика их профессиональных заболеваний, проведение консультаций относительно профессиональных рисков в социальной работе. Важно повышать психологическую культуру социальных работников и проводить психологические тренинги, консультации с ними. Социальные работники должны хорошо представлять себе профессиональные возможности и ограничения, постоянно учитывать свой психофизиологический и трудовой потенциал.

Литература

1. Леонова А.Б. Основные подходы к изучению профессионального стресса / А.Б. Леонова // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2001. № 11. С. 2-16.
2. Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Т.И. Ронгинская // Психологический журнал. 2002. № 3. С. 85-95.
3. Золоторева Т.Ф. Основы психологической самопомощи социального работника / Т.Ф. Золоторева, М.Р. Минингалиева. М.: Наука, 2001. 241 с.
4. Кочунас Р. Основы психологического консультирования / Р. Кочунас. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
5. Козлов А.А. Социальная работа: введение в профессиональную деятельность: учеб. пособие / Отв. ред. А.А. Козлов. М.: Логос, 2004. 368 с.
6. Козлов В.Н. Физиология и психология труда. Научные основы оценки тяжести и напряженности труда / В.Н. Козлов. Саратов: Логос, 1984. 220 с.

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИИ
СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ**
ECONOMIC ASPECTS OF SOCIAL WORKER'S MOTIVATION

А.А. Былинская
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
А.А. Bylinskaya
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются факторы мотивации социальных работников, выявляется роль и значение материального и нематериального стимулирования, раскрываются противоречия материального стимулирования данной группы работников.

The main factors of motivation of social work are discussed in this article. The role and importance of financial and moral incentives is revealed. Contradictions of the system of financial incentives for the social workers are discussed.

Ключевые слова: труд, мотивация, оплата труда, материальное стимулирование, престиж профессии.

Keywords: labour, motivation, material encouragement, remuneration of labour, prestige of job.

Мотивация – это, пожалуй, важнейшая функция управления персоналом. Любой труд должен быть оплачен. Именно поэтому экономические аспекты мотивации имеют особое значение, особенно в современных условиях, когда престиж профессии и социальный портрет работника во многом предопределены уровнем оплаты труда как основы благосостояния.

Грамотный руководитель обязан считаться с индивидуальными особенностями работников, выявляя, «улавливая» их мотивы и антимотивы. Как мотивы, так и антимотивы представляют значительный интерес прежде всего с практической точки зрения, так как зная их, можно определить, какие потребности работника в процессе труда удовлетворяются, какие не удовлетворяются или удовлетворяются не в полной мере. При данном подходе совершенствование мотивации труда сводится к выявлению мотивов и антимотивов, выработке мер, направленных на снижение «роли» и количества антимотивов, практической реализации мер, способствующих преодолению антимотивов.

В таблице 1 представлен состав и структура мотивационных элементов социального работника.

Т а б л и ц а 1

Состав и структура мотивационных элементов социального работника

	Мотивы	Антимотивы
Материальная мотивация	<ul style="list-style-type: none"> - стабильная заработная плата; - своевременность ее выплаты; - выплата ежемесячной премии; - выплата надбавки ежемесячно за достижения; - выплата материальной помощи; - бесплатный проезд на городском транспорте; - стабильность рабочего места. 	<ul style="list-style-type: none"> - низкий должностной оклад; - оплата труда не учитывает личный трудовой вклад и компетентность; - не производится доплата за выполнение функций, не свойственных занимаемой должности; - отсутствуют материальные стимулы к повышению уровня образования.
Организационная мотивация	<ul style="list-style-type: none"> - удобно добираться до места работы; - близость места работы к месту проживания, дающая возможность более полно выполнять функцию материнства 	<ul style="list-style-type: none"> - плохая работа городского транспорта; - жесткие санкции за малейшее нарушение трудовой дисциплины; - необходимость выполнять работу, не входящую в круг должностных обязанностей; - недостаточно продуманная организация труда, что не позволяет выполнять нормы по приему населения; - отсутствие нормального обеспечения рабочего места канцтоварами
Социальная мотивация	<ul style="list-style-type: none"> - достаточно высокая общественная значимость выполняемой работы; - чувство удовлетворения от выполняемой работы; - возможность получения второго высшего образования; - предоставление дополнительного 12-дневного отпуска за общий стаж работы свыше 15 лет; - хорошие отношения с некоторыми членами коллектива 	<ul style="list-style-type: none"> - неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе; - недемократичность, некорректность вышестоящего руководителя; - редкое использование коллегиальной формы принятия решений; - отсутствие стимулов к повышению своей квалификации; - отсутствие возможности продвижения по службе; - конфликты с вышестоящим руководителем
Информационная мотивация	<ul style="list-style-type: none"> - доступность необходимой информации; - возможность предоставления нужной информации людям, которые испытывают в ней соответствующую потребность. 	<ul style="list-style-type: none"> - поиск нужных документов с использованием личных связей; - отсутствие достаточного количества проблемноориентированной литературы по теории и практике социальной работы с разными группами населения; - слабое использование компьютерной техники в повседневной работе.

Приведенные мотивы и антимотивы – это то, что формирует портрет рядовых социальных работников, показывает трудности, с которыми им приходится сталкиваться в процессе работы, позволяет дать ответ на ряд вопросов и понять, почему в центрах социального обслуживания большая текучесть кадров, почему самые ответственные и безотказные часто «сходят с дистанции» и почему эта профессия недостаточно престижна в России.

В самом названии профессии ключевым является слово «социальный». И

это выводит социальные мотивы на первый план по отношению к экономическим для людей, сделавших выбор в пользу данной работы. Среди экономических мотивов для любого работника, бесспорно, основным является заработная плата. В работе социального работника ключевым словом является слово «помощь». Он помогает социально незащищенным на самом простом, бытовом уровне: купить продукты, промтовары, сделать уборку в квартире, приготовить обед, сходить в аптеку, сопроводить в больницу, оформить справку в государственном учреждении. Подопечными, как правило, являются одинокие пенсионеры, люди больные, иногда совершенно беспомощные: слабовидящие, плохо слышащие и т.п. Очевидно, что с такой категорией клиентов могут работать не все. Здесь нужно не только и не столько стремление к заработку, но и многое другое. Точнее, если основным мотивом работника становится заработок, то социальная работа вряд ли может стать для него достойным жизненным призванием. Нужны современные научно-психологические методики подготовки работника, нацеленные то, чтобы научиться приносить пользу другому и самому при этом эмоционально не пострадать. Однако на практике часто происходит иное.

Во-первых, на должность соцработника берут любого человека, прошедшего медицинское освидетельствование. Принцип: «не до жиру, быть бы живу» приводит к тому, что на эти должности попадают люди «с улицы». Желающих ухаживать за чужими стариками за мизерную зарплату не так много, и это суровые реалии нашей жизни.

Во-вторых, при всей кажущей простоте исполняемых услуг обязанности соцработника довольно специфические, требующие таких же специфических знаний, и даже наличие высшего образования не спасает от ошибок в работе. Приступая к непосредственному общению с подопечными, соцработник оказывается один на один со многими проблемами, не столько бытовыми, сколько психологическими. «Эмоциональное выгорание» приводит к тому, что наступает время, когда сочувствие и переживание сменяются на раздражение и равнодушие, когда вся работа кажется бессмысленной и никому не нужной.

Профессиональные психологи, исследователи этой проблемы, считают, что скорость «сгорания» не зависит ни от оплаты труда, хотя зарплата соцработника настолько мала, что рано или поздно при появлении других проблем эта становится определяющей, ни от образования, ни от умственных способностей. Напряженность процесса не зависит и от эмоционального интеллекта человека и его личностных особенностей. Все зависит от ситуации на работе и от отношения к ней.

Перегрузка – одна из главных причин эмоционального выгорания соци-

ального работника. И катализатором этих процессов становится то, что соцработник недобросовестно относится к своему делу, пытаясь компенсировать свое равнодушие за счет количества работы и увеличения нагрузки. Во многих случаях объяснение «выгорания» простое, и кроется оно в меркантильности мотивации: заработать побольше денег. Жить на одну ставку – это практически обрекать себя на более, чем скромное существование. И чем больше клиентов, тем большее эмоциональное напряжение испытывает работник.

Перфекционистское отношение к делу тоже может стать причиной выгорания. Риск «выгореть» значительно выше у тех, кто считает, что всегда должен быть вежлив, не допускать ошибок и выполнять свою работу максимально хорошо. Такой работник пытается быть лучше всех и плохо переносит критику в свой адрес. Социальному работнику, по определению, необходимо быть вежливым и терпеливым, проявление негативных эмоций недопустимо. Если социальный работник не подготовлен, не владеет продуктивными профессиональными технологиями общения, то рано или поздно он «сорвется». К тому же очень трудно понять, как ты работаешь: хорошо, очень хорошо или посредственно. Желание быть лучше всех и боязнь ошибок, неумение корректно отказать, настоять на своем приводит и к перегрузкам, и к неправильной оценке действий работника со стороны клиента и со стороны начальства. Неоправданные ожидания, когда работник считает, даже не считает, а ощущает, что оценка его труда необъективна, что все усилия напрасны, и нет желания и сил что-то менять. Обычно это проявляется в том, что человек становится грубым и раздражительным, критикует начальство, не видит значимости своей работы. Прогрызают от этого все: и общество в целом, и каждый участник этого процесса в отдельности.

В развитых странах проблема заботы о пожилых людях и инвалидах решается на другом уровне. По уровню престижности профессия социального работника находится на третьем месте после профессии врача и учителя. Престижность означает и высокую зарплату, и высокую меру ответственности. В нашей стране, к сожалению, сфера социального обслуживания находится на периферии интересов государства. Только хорошо оплачиваемая должность вызывает уважение и обеспечивает достойный статус в обществе и обеспечивает профессиональное самоуважение. Какую пользу может принести не уверенный в себе и в завтрашнем дне человек? Жалеющий других не должен сам вызывать жалость и, тем более, жалеть сам себя. Но кроме достойной зарплаты человеку, желающему быть социальным работником, необходимо обеспечить достойную профессиональную подготовку в соответствии с должностными обязанностями. В должностной инструкции записано, что должен знать социальный работник и

чем должен руководствоваться в своей деятельности. Это довольно большой объем знаний в законодательной, юридической, санитарно-медицинской, этико-психологической сфере. Самостоятельно изучить эти дисциплины, как уже говорилось, практически невозможно. Специальные знания не только облегчают общение с клиентами, но и делают работу более эффективной. А пока труд соцработника в России – это работа на интуиции, голом энтузиазме и привычке трудиться за копейки.

**РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В
ДЕПАРТАМЕНТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ, ОПЕКИ И
ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ**
**DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE DEPARTMENT
OF SOCIAL PROTECTION OF POPULATION OF THE CUSTODY AND
GUARDIANSHIP OF THE KOSTROMA REGION**

Н.Ф. Быстрова
*Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,
Департамент защиты населения, опеки и попечительства
Костромской области*
N.F. Bystrova
*Nekrasov State University of Kostroma,
The Department of protection, of guardianship and guardianship of the
Kostroma region*

Рассмотрены тенденции развития профессиональной деятельности специалистов отдела по делам ветеранов и инвалидов в связи с изменениями социальной политики, направленной на повышение качества жизни инвалидов. Практические меры по реализации Конвенции о правах инвалидов успешно осуществляются в рамках подпрограммы «Доступная среда». Отдел является хорошей базой для прохождения практики студентов.

The article examines trends in the development of professional activity of specialists of the Department of veterans Affairs and the disabled in connection with changes in social policies aimed at improving the quality of life of persons with disabilities. Practical measures to implement the Convention on the rights of persons with disabilities have been successfully implemented in the framework of the subprogram "Accessible environment". The Department is a good base for the students.

Ключевые слова: доступная среда, инвалиды, социальная защита населения, социальная реабилитация.

Keywords: accessible environment, persons with disabilities, social protection, social rehabilitation.

В мае 2011 г. в департаменте социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области создан отдел по делам ветеранов и инвалидов. Одной из основных задач отдела является формирование с учетом экономических и демографических особенностей Костромской области региональной социальной политики в сфере социальной защиты ветеранов и инвалидов.

В состав отдела по делам ветеранов и инвалидов входят: начальник отдела, 2 главных специалиста-эксперта и ведущий специалист-эксперт. В отделе используется функциональная форма разделения и кооперации труда.

Один главный специалист-эксперт занимается делами ветеранов и пожилых людей в соответствии со своим должностным регламентом.

Второй главный специалист-эксперт занимается вопросами инвалидов, в том числе осуществляет контроль и текущее управление реализацией подпрограммы «Доступная среда» государственной программы Костромской области «Социальная поддержка граждан Костромской области» на 2014–2020 годы».

Ведущий специалист-эксперт осуществляет взаимодействие с общественными организациями ветеранов и инвалидов. Осуществляет организационно-техническое обеспечение деятельности Совета ветеранов при губернаторе Костромской области, областного Совета по обеспечению мер социальной поддержки инвалидов при заместителе губернатора области.

Каждый сотрудник отдела в соответствии с профессиональным планом развития повышает свою квалификацию, участвует в конференциях, семинарах, занимается самообразованием.

Одним из объектов управления отдела по делам ветеранов и инвалидов является сфера социальной защиты инвалидов. Политика социальной защиты инвалидов Костромской области направлена на повышение качества жизни инвалидов. Данное направление деятельности отдела является одним из приоритетных в департаменте, постоянно расширяется и дополняется новыми функциональными обязанностями.

В связи с ратификацией в 2012 г. Конвенции о правах инвалидов (далее – Конвенция) внесены изменения в целый ряд законов, которыми устанавливаются соответствующие положениям Конвенции нормы по вопросам создания безбарьерной среды, полномочия органов власти по созданию инвалидам условий доступности объектов и услуг, а также по оказанию им помощи в реализации всех общегражданских прав и свобод, основанные на принципах недискриминации и разумного приспособления. С целью принятия практических мер по реализации

Конвенции в Костромской области успешно реализуется подпрограмма «Доступная среда» государственной программы Костромской области «Социальная поддержка граждан Костромской области» на 2014–2020 годы». Координатором подпрограммы «Доступная среда» является департамент, данные функции исполняет отдел по делам ветеранов и инвалидов.

В декабре 2014 г. Правительством Российской Федерации дано поручение разработать комплекс мероприятий (дорожной карты) по повышению значений показателей доступности объектов и услуг для инвалидов. Разработку дорожных карт субъектов необходимо осуществить до 1 октября 2015 г. Функции координатора будет исполнять отдел по делам ветеранов и инвалидов департамента.

Профессиональная деятельность специалистов отдела по делам ветеранов и инвалидов является содержательной и интересной для прохождения практики студентов. Отдел тесно взаимодействует по данному вопросу с институтом педагогики и психологии, кафедрой социальной работы «Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова» и кафедрой экономики и управления «Костромского государственного технологического университета». В настоящее время руководство департамента социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области совместно с начальниками отделов формируют заявки для выполнения выпускных квалификационных работ студентов по темам, которые интересны как практикам, так и сотрудникам университета. Так, студенты направления подготовки «Социальная работа» выполняют дипломные работы под научным руководством преподавателей кафедры социальной работы КГУ им. Н.А. Некрасова, что влияет на увеличение качества оказания социальных услуг инвалидам.

Литература

1. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».
2. Федеральный закон от 3 мая 2012 года № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов».
3. Федеральный закон от 1 декабря 2014 года № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».
4. Постановление администрации Костромской области от 26 декабря 2013 года № 569-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Социальная поддержка граждан Костромской области» на 2014–2020 гг.

5. Социальная работа: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Басова. 3-е изд. М., 2015.
6. Положение об отделе по делам ветеранов и инвалидов департамента социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области от 20 января 2015 года.

**ТЕХНОЛОГИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ**
**TECHNOLOGY QUALITY ASSURANCE PROFESSIONAL ACTIVITY
OF SOCIAL WORKERS**

О.Н. Веричева
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
O.N. Vericheva
Nekrasov State University of Kostroma

Рассматривается технология независимой оценки качества деятельности учреждений социального обслуживания, принципы, этапы, регламент, раскрываются функции общественного совета по независимой оценке качества деятельности учреждений социального обслуживания населения.

The article discusses the technology independent estimation of quality of activity of social service institutions, principles, stages, rules, functions of the public Council for independent estimation of quality of activity of establishments of social service of the population.

Ключевые слова: технология социальной работы, оценка качества социальных услуг.

Keywords: technology, social work, assessment of quality of social services.

Под независимой оценкой качества предоставления социальных услуг понимается оценка деятельности организаций социального обслуживания в соответствии с критериями и показателями, определенными общественным советом, и составление рейтингов качества работы.

Независимая оценка качества деятельности учреждений социального обслуживания населения как общая технология социальной работы осуществляется на основе следующих принципов:

- 1) законности;
- 2) открытости и публичности;
- 3) добровольности участия общественных объединений;

- 4) независимости мнений граждан, экспертов, общественных объединений;
- 5) полноты информации, используемой для проведения оценки;
- 6) компетентности и профессионализма членов общественного совета.

Проведение независимой оценки показателей качества работы организаций социального обслуживания осуществляется последовательно в 4 этапа.

Первый этап – *организационный*. Государственный орган (например: Департамент социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области) формирует общественный совет по проведению независимой оценки, с его участием определяют организацию-оператора. Определяется перечень учреждений социального обслуживания населения, где будет проведена оценка качества. Уточняются показатели качества работы организаций социального обслуживания. Определяются методы сбора первичной информации и уточняются требования к методикам их применения.

Второй этап – *подготовительный*. На этом этапе проводится анализ нормативно-правовой базы социального обслуживания, мнений экспертов, представителей получателей социальных услуг, открытых источников информации с целью составления предварительного перечня проблем для изучения. Независимыми экспертами осуществляется разработка методик и инструментария сбора первичной информации, в том числе рекомендаций интервьюерам (последовательность задаваемых вопросов, описание вариантов поведения в зависимости от ответов респондента, порядок опроса), форм для регистрации первичной информации, анкет.

Третий этап – *сбор первичной информации*. Проводится анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность организаций социального обслуживания, с целью определения или уточнения, учета динамики нормативно устанавливаемых значений оцениваемых параметров и показателей деятельности организации. Экспертами осуществляется сбор первичных данных и их обработка в соответствии с разработанными методами, а также статистических данных. Осуществляется анкетирование (опросы) клиентов и специалистов по социальной работе в учреждении социального обслуживания населения. Проводится независимый выборочный контроль исполнителей, осуществляющих сбор первичной информации. И в заключение формируется итоговый массив данных, заполняются отчетные формы представления информации.

Четвертый этап – *анализ и оценка качества работы организаций социального обслуживания*. На этом этапе систематизируются выявленные проблемы деятельности организации социального обслуживания; сопоставляются фактические и нормативно установленные значения исследуемых параметров.

Выявляются территориальные и иные особенности исследуемых параметров деятельности организаций социального обслуживания. Проводится анализ динамики значений исследуемых параметров и показателей; сопоставление нормативно установленных значений исследуемых параметров деятельности организаций социального обслуживания с выявленными проблемами и ожиданиями получателей социальных услуг; расчет интегральной оценки качества работы организаций социального обслуживания и формирование рейтинга. В завершении этого этапа происходит общественное обсуждение результатов независимой оценки за отчетный период и разработка предложений по улучшению качества работы организаций социального обслуживания. Далее производится публикация результатов независимой оценки, в том числе рейтингов.

Проведение независимой оценки и формирование рейтинга проводится не реже одного раза в год.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. N 597 «О мерах по реализации государственной социальной политики», в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 марта 2013 г. N 286 «О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги», приказа Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации от 30 августа 2013 г. N 391а «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» оценку качества осуществляют общественные советы.

Состав общественного совета формируется из числа представителей всероссийских, региональных и муниципальных общественных объединений в сфере социального обслуживания, образовательных организаций высшего образования, профессиональных образовательных организаций и независимых экспертов.

К функциям общественного совета по независимой оценке качества деятельности учреждений социального обслуживания населения можно отнести:

1. Формирование перечней учреждений, оказывающих социальные услуги и подлежащие оценке;
2. определение критериев и показателей качества работы организаций социального обслуживания;
3. установление порядка проведения независимой оценки организаций социального обслуживания;
4. организация работы по изучению, обобщению и анализу общественного мнения о качестве работы организаций социального обслуживания, в том числе сформированного общественными организациями, профессиональными

сообществами и иными независимыми экспертами, анализу рейтингов;

5. направление в Уполномоченный орган, например, Департамент социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области информации о результатах независимой оценки, а также предложений по организации независимой оценки, улучшению качества работы организаций социального обслуживания и доступа получателей социальных услуг к информации об их деятельности.

В Костромской области с 26 июня 2013 г. организован общественный совет по независимой оценке качества работы учреждений, оказывающих социальные услуги, при департаменте социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области.

Согласно положению «Об общественном совете независимой оценки качества работы учреждений, оказывающих социальные услуги, при департаменте социальной защиты населения, опеки и попечительства Костромской области», общественный совет является постоянно действующим коллегиальным, экспертно-консультативным и совещательным органом, созданным в целях формирования в Костромской области системы независимой оценки качества работы учреждений, оказывающих социальные услуги.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВОМ:
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
SOCIAL TECHNOLOGIES IN MANAGEMENT OF THE SOCIETY:
SOCIAL POLICY**

М.А. Гончарова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
M.A. Goncharova
Lomonosov State University of Moscow

Сегодня достаточно актуальна тема изучения социальной политики современной России, и её реализации с помощью социальных работников. Рассматриваются понятия социальной политики, сотрудников социальных служб, которые информируют общество о произошедших изменениях и помогают в достижении поставленных целей.

The topic of social policy and its realization with the help of social workers is quite actual in Russian society nowadays. The following terms are analyzed in this work: social policy and social workers that inform the society about the occurred changes and help in achieving the goals.

Ключевые слова: социальные технологии, современное общество, социальная политика, сотрудник социальных служб.

Keywords: social technologies, modern society, social policy, social worker.

Реформирование общественной жизни глубоко затрагивает не только механизм управления обществом, но и весь комплекс интересов личности, трудовых коллективов, классов, народностей, социальных и профессиональных групп и слоев населения. Среди факторов, способствующих гармонизации интересов личности и общества, гарантирующих защиту интересов человека, его прав и свобод, особое место принадлежит социальной политике государства и всей инфраструктуре социальной работы с различными группами населения [1].

Что такое «социальные технологии»? Чтобы дать ответ на этот вопрос, нужно очень хорошо постараться, потому что найти чёткое определение этого понятия очень сложно. Ведь у многих исследователей сложились разные точки зрения на счет сущности и содержания социальных технологий. Сам термин был введен Карлом Поппером в работе «Не считая старицизма». Здесь, социальные технологии выступали, как средство создания и преобразования социальных институтов в соответствии с определенными целями, в достижении которых помогают социальные работники.

Если говорить о смысле социальных технологий, то он всегда будет задаваться проблемной ситуацией, для того, чтобы её разрешить. То есть, создается технология, потом она внедряется при помощи работников социальных служб и реализуется для достижения определенной цели.

Цель, в таком случае, рассматривается как системообразующий элемент самой деятельности.

Система социальных целей и средств социальной практики как метасфера жизнедеятельности человека требует системы адекватного реагирования на возможное рассогласование, противоречия, конфликты, угрозы, деструкции для достижения/удержания социального равновесия, социальной гармонии [2].

Как и многие понятия, социальные технологии включают в себя ряд особенностей: последовательность в осуществлении деятельности, разработка на основе и с использованием научных знаний, является элементов культуры, а также выступает в форме проектов. К одному из таких проектов можно отнести социальную политику Российской Федерации. Если говорить об определении, то социальная политика, представляет собой политику, которая реализуется в сфере социального развития и обеспечения. Также её можно охарактеризовать как систему проводимых государством мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни определённых социальных групп.

Социальная политика является одним из важнейших направлений государственного регулирования как в социальной сфере, так и в экономической. Именно она является той органической частью внутренней политики государства, которая направлена на всестороннее улучшение благополучия граждан и всего общества в целом.

В качестве гарантий социальная политика может предложить населению минимальный доход, социально защищать людей от различных болезней, заботиться об инвалидах и безработных. При этом обеспечение государством минимальных условий жизни касается только тех, кто не может это сделать самостоятельно либо на достойном уровне [3].

Эффективность социальной политики, возможность ее реализации зависят от уровня социального и экономического развития страны и специалистов, в данном случае социальных работников.

Проблематика социальной политики особенно актуализируется сегодня, когда рыночным реформам объективно сопутствуют кризисные явления в социальной области, что определяет необходимость в адаптации государственной социальной политики к изменившимся условиям.

В новых условиях приоритетом в социальной политике стали поддержка социальной устойчивости, смягчение социальных вызовов создающегося рынка.

В стране были сформированы специальные фонды для финансирования социальной сферы. Главными задачами их является создание альтернативной имеющейся социальной поддержке системы по социальному страхованию населения, которая предполагает перераспределение социальных рисков между самим населением и государством, выделение средств, предназначенных для социальной сферы.

Актуальная «российская модель» социальной политики сохраняет унаследованные методики и инструменты социалистической модели, а это еще продолжительное время будет оказывать влияние на социально-экономическое развитие РФ в XXI веке [4]. Для организации социальной службы необходимы специалисты с высшим образованием, поэтому организована подготовка кадров по специальности «социальная работа». Все это направлено на то, чтобы сохранить стабильность в обществе и воспитать в людях не только чувство такта, но и сдержанность.

Литература

1. Николаева И.П. Экономическая теория: Учебник для вузов/ И.П. Николаева. М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
2. Саралиева З.Х. Система социальной работы // Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2011. С. 47-92.
3. Бобков В. Уровень и доступность социальных гарантий // Человек и труд, 2008. № 1.
4. Макинтайр Р. Социальная политика в странах с переходной экономикой в аспекте развития человеческих ресурсов // Проблемы прогнозирования, 2007. №2.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ
ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ENTERPRISE ACTIVITY IN
THE SYSTEM OF SOCIAL SERVICING OF CITIZENS IN THE RUSSIAN
FEDERATION**

Е.Б. Задорожникова
Ивановский государственный университет
E.B. Zadorozhnikova
Ivanovo State University

Рассматриваются различные аспекты и перспективы развития негосударственного сектора в оказании социальных услуг.

The article addresses the various aspects and prospects of development of the private sector in the delivery of social services.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, система социального обслуживания граждан, социальная услуга.

Keywords: enterprise activity, the system of social service of the population, social service.

Система социального обслуживания граждан в России традиционно ассоциируется с государственными полномочиями социальной защиты населения наряду с системой льгот и гарантий, системой мер социальной поддержки и помощи семьям с детьми. Целый ряд факторов не позволяет государственным органам уклониться от их исполнения. Между тем государство не всегда спо-

собно обеспечить эффективное распределение ресурсов при производстве социальных услуг в силу чрезмерной стандартизации, неполноты информации для принятия управленческих решений, недостаточной гибкости в предоставлении услуг и реагировании на потребительский спрос.

До 2015 г. предпринимательская деятельность в социальной сфере представляла собой оказание дополнительных платных социальных услуг нуждающимся в них гражданам, которые в силу объективных причин не имели права на государственные бесплатные услуги. В этом случае предпринимательская деятельность в социальной сфере рассматривалась как вынужденная мера, вызванная недостаточностью бюджетного финансирования учреждений социального обслуживания. Однако важно понимать, что предпринимательская деятельность имеет большое значение для самих бюджетных учреждений, поскольку получаемые в результате такой деятельности доходы, в условиях бюджетного недофинансирования, могут служить дополнительным источником покрытия расходов, позволяют бюджетному учреждению осуществлять материальное поощрение своего персонала и развитие материально-технической базы.

В соответствии с законодательством Российской Федерации, учреждения социального обслуживания имели право вести предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служило достижению целей, ради которых они созданы. Согласно данной норме закона, предпринимательская деятельность социального обслуживания была разрешена, но не был выработан конкретный механизм ее реализации.

Гражданский кодекс РФ определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, осуществляемую на свой риск, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

С вступлением в силу с 1 января 2015 г. Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» началось реформирование всей системы социального обслуживания в России, в которой стало возможным более широкое использование рыночных отношений [1]. Законом закреплено право поставщиков социальных услуг предоставлять гражданам по их желанию дополнительные социальные услуги за плату, которые могут быть оказаны в рамках внедрения предпринимательской деятельности в учреждениях социального обслуживания граждан.

С 2015 г. поставщиком социальных услуг может быть юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный

предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание граждан. Негосударственные организации могут возмещать стоимость социальной услуги у государства по себестоимости государственного поставщика. Это означает, что в систему социального обслуживания наряду с федеральными и региональными организациями теперь могут входить негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги, и индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание.

Среди проблем, сопровождающих процесс развития социальных услуг негосударственной сферы, можно назвать следующие: большое разнообразие обслуживаемых категорий, неравномерное развитие социальных служб в различных регионах, недостаток высококвалифицированных кадров, неудовлетворительное социально-экономическое положение работников социальных служб, недостаточное взаимодействие с научно-исследовательскими учреждениями, неясность критериев оценки качества и эффективности социальных услуг и др.

С одной стороны, нестабильность функционирования общественных организаций, отсутствие первоначальной материально-технической базы, медленное построение единого информационного поля, проблема привлечения профессионалов, противоречивое общественное мнение можно оценивать как неблагоприятный фон для развития коммерческих социальных услуг. С другой стороны, столь широкое поле деятельности дает бизнесу возможность реализовать свой потенциал в осуществлении социальных услуг, предоставляет шанс предпринимателям стать инициаторами в разработке новых социальных технологий.

С нашей точки зрения, привлечение предприятий бизнеса к оказанию социальных услуг позволит уменьшить отрицательные последствия монополии государства на их производство, расширяя потребительский выбор. Во многих случаях именно общественные и коммерческие организации выступали инициаторами работы с той или иной группой, нуждающейся в социальном обслуживании.

Но в полном объеме производство социальных услуг не может быть обеспечено бизнесом. Это связано с тем, что механизм свободной конкуренции не способен удовлетворительно решить важные для общества социальные проблемы. В частности, целью работы коммерческих организаций является извлечение прибыли, в то время как социальная сфера характеризуется необходимостью внимания к нравственной стороне работы, обращения к личностным, глу-

бинным качествам человека, соучастия оказывающего услугу к проблеме потребителя.

Таким образом, к перспективам развития предпринимательской деятельности в системе социального обслуживания граждан в Российской Федерации можно отнести следующие:

1. Развитие предпринимательской деятельности в системе социального обслуживания граждан поможет более полно удовлетворить имеющийся спрос на социальные услуги жителей, повысить качество обслуживания, привлечь в данную сферу квалифицированные кадры, а также сделать работу в социальной сфере более привлекательной и престижной.

2. Покупатель (орган власти субъекта РФ) будет вынужден стать экспертом оценки рисков успешного оказания услуг, их реальной стоимости, анализа того, какие услуги желает купить заказчик и какие услуги может предложить ему поставщик.

3. Главным стимулом привлечения коммерческих организаций к оказанию социальных услуг на бюджетные средства и повышения своего профессионального уровня будет стабильное наличие пакета заказов на социальное обслуживание, выставляемых заказчиками на открытые конкурсы услуг.

4. Предпринимательская деятельность в системе социального обслуживания граждан на начальном этапе развития будет рассчитывать на государственную поддержку, в первую очередь охватит крупные города и будет развиваться первоначально с оказания социальных услуг гражданам на дому.

5. К предпринимательской деятельности первыми перейдут профессиональные НКО. Накопленный ими опыт в системе социального обслуживания позволит внести в коммерцию большую социальную ответственность, порядочность, задавая тон деловитостью, организацией, технологичностью в сфере производства массовых услуг путем создания центров обслуживания локальных рынков при лизинге оборудования и персонала, стремление поставить производство услуг на поток, создание успешных образцов, которые затем могут тиражироваться.

6. Организации негосударственного сектора будут гибко «подстраиваться» под предпочтения потребителя, быстро реагировать на проблемы, повышая независимость получателей социальных услуг.

7. Основными факторами формирования в ближайшем будущем культуры предпринимательства в системе социального обслуживания граждан будут следующие: внешняя предпринимательская среда, общественный и государственный менталитет, реально действующие правовые нормы, ответственность и культура предпринимателей.

8. В процессе реформирования системы социальных услуг будет реализовываться не столько замена государственных полномочий общественными или коммерческими, сколько развитие партнерских отношений и координация ресурсов и усилий всех трех секторов экономики для удовлетворения потребностей граждан.

Литература

1. Федеральный Закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

**МОТИВАЦИЯ СОТРУДНИКОВ КАК ОСНОВА СТАБИЛИЗАЦИИ
КАДРОВОГО СОСТАВА ОГКУ «РОМАНОВСКОГО
РЕАБИЛИТАЦИОННОГО ЦЕНТРА ДЛЯ ИНВАЛИДОВ
КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ»**
**MOTIVATION AS A BASIS FOR STABILIZATION OF PERSONNEL,
"ROMANOWSKI REHABILITATION CENTER FOR DISABLED PEOPLE
OF KOSTROMA OBLAST"**

П.К. Зайфиди

*Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,
ОГКУ «Романовский реабилитационный Центр инвалидов
Костромской области*

P.K. Zaifidi

*Nekrasov State University of Kostroma,
Romanovsky rehabilitation Centre for the disabled people of the Kostroma region*

Проанализирован опыт учреждения по применению мотивационного инструмента в стабилизации состава сотрудников, рассмотрена роль материальных и нематериальных мотиваторов.

The article analyzes the experience of agencies on the application of motivational tool in the stabilization of the composition of staff, discussed the role of tangible and intangible motivators.

Keywords: motivation, stability, grading, effective contract, the employees, the management.

Ключевые слова: мотивация, стабильность, грейдинг, «эффективный контракт», сотрудники, руководство.

Мотивация – активное состояние психики, побуждающее человека совершать определенные виды действий. С проблемой повышения мотивации со-

трудников сталкиваются все руководители. На первый взгляд, проблема решается просто за счет увеличения заработной платы или выдачи премии сотруднику. Однако это не всегда приводит к желаемым результатам. Интересным в данном случае является теория Ф Герцберга. В ее основе теории лежат две группы факторов, влияющих на поведение человека: гигиенические и мотивационные. Гигиенические факторы – это факторы здоровья, к которым относятся нормальные условия труда, достаточная заработная плата, политика фирмы и администрации, межличностные отношения с начальниками, коллегами и подчиненными, степень непосредственного контроля за работой, статус.

По Герцбергу, отсутствие или недостаточная степень присутствия гигиенических факторов вызывает у человека неудовлетворение работой, которую он выполняет. Например, ежемесячная заработная плата сама по себе не вызывает удовлетворения работой, следовательно, не мотивирует человека на какие-либо поступки. Однако задержка ее выплаты вызывает недовольство работника и бурю эмоций. Значит, наличие гигиенических факторов никак не мотивирует людей, а их отсутствие ведет к демотивации.

Мотивационные факторы – это внутренние факторы, присущие работе. К ним относятся: успех, продвижение по службе, возможности творческого и делового роста, признание и одобрение результатов работы, высокая степень ответственности за выполняемое дело. Отсутствие или неадекватность факторов мотивации не приводит к неудовлетворенности работой, но их наличие приносит удовлетворение и мотивирует работников к более производительному труду.

Итак, гигиенические факторы могут вызывать или нейтральную, или негативную реакцию. А мотиваторы могут вызывать или нейтральную, или позитивную реакцию, но они быстро приедаются и склонны превращаться в гигиенические факторы.

Следовательно, для того, чтобы добиться эффективной работы коллектива, руководителям следует постоянно обновлять и разнообразить мотивационные инструменты. Так какие же инструменты они могут для этого использовать?

Анализ работы ОГКУ Романовского реабилитационного центра инвалидов Костромской области (далее Центр) показал, что в своей работе руководство применяют две категории мотивации сотрудников: материальные или нематериальные; внутренние и внешние.

Материальными мотиваторами являются: карьерный рост с повышением зарплаты; бонусы, премии, компенсационный пакет. Например, в Центре материальные мотиваторы прописаны в «эффективном контракте»: должностной оклад, выплаты компенсационного и стимулирующего характера. При этом

внедрению «эффективного контракта» предшествовало грейдирование, т.е. создание прозрачной системы оплаты труда, справедливая цена, с этой точки зрения, всех должностей, значащихся в штатном расписании.

Премия – наиболее распространенный эффективный мотиватор. Однако при регулярном его использовании он автоматически становится гигиеническим фактором и теряет свою эффективность. Немаловажным мотиватором является компенсационный пакет – оплата рабочей машины, медицинская страховка и др. При этом возникает та же проблема, что и с премией. Все эти мотивационные инструменты очень быстро становятся гигиеническими факторами. Таким образом, «эффективный контракт», опирающийся на грейдовую систему, позволил решить такие стратегические задачи, как «анализ и оптимизация организационной структуры учреждения» и «мотивация сотрудников посредством дифференцированной оплаты труда».

Несомненно, материальные мотиваторы действенны, ведь они влияют на возможности человека реализовать свои желания. Но бывают случаи, когда сотрудник искренне желает получать больше, но у него не получается настроиться на продуктивный труд. Для таких случаев в арсенале руководства Центра есть нематериальные методы воздействия на сотрудников:

1. *Благодарность и признание.* Руководство Центра уделяет значительное внимание престижу работы в учреждении и его авторитету. Понимание важности для специалистов социальной сферы признания их заслуг и профессионализма побуждает руководителей Центра регулярно оценивать их работу благодарственными письмами и грамотами.

В учреждении работает 93 человека (16 чел. с инвалидностью), в том числе кандидаты наук, мастера спорта, заслуженные работники физической культуры и спорта РФ и Костромской области, заслуженный тренер РФ, отличники физической культуры и спорта РФ, заслуженный работник социальной защиты населения Костромской области, специалисты, награжденные орденом «Труд. Доблесть. Честь», обладатели наград Центральных правлений общественных организаций «ВОС», «ВОГ», «ВОИ».

Кроме того, ведущим мотивом является конкурентоспособность сотрудников, поэтому они активно вовлекаются руководством Центра в разнообразные конкурсы. Так, 3 человека являются победителями всероссийских профессиональных конкурсов и 7 человек – победителями региональных конкурсов профессионального мастерства.

2. *Обучение.* Руководство Центра ежегодно планирует для своих сотрудников обучение: на курсах повышения квалификации, участие в тренингах, семинарах, научно-практических конференциях, просмотр «открытых занятий».

Методисты Центра (кандидаты педагогических, исторических, психологических, экономических, филологических наук) осуществляют методическое сопровождение сотрудников учреждения даже из самых отдаленных уголков региона посредством вебинаров.

3. *Расширение полномочий.* Более 60% сотрудников Центра – специалисты по призванию. Они мотивированы на работу доверительным отношением к ним со стороны клиентов и руководства. Например, в Вохомском филиале Центра (530 км от областного Центра) работает один специалист – тренер-преподаватель Г.В. Кострова. Она осуществляет, помимо своих основных трудовых функций, мастер-классы по рукоделию для клиентов, обучение волонтеров; организует клубную работу. Кострова – победитель областных и Всероссийских (дистанционных) конкурсов. Ее работа «Праздник Нептуна» опубликована в сборнике «Воспитательное мероприятие как событие и педагогическое действие», составленном из разработок специалистов из России, Казахстана и Белоруссии. Регулярное и результативное участие воспитанников Г.В. Костровой в конкурсах творчества и соревнованиях свидетельствует об эффективности работы сотрудника.

4. *Улучшение условий работы.* Материально-техническая база действующих учреждений социального обслуживания, на базе которых в основном функционируют филиалы Центра, значительно устарела. С целью улучшения условий работы сотрудников и качественного предоставления услуг руководство использует ресурсы меценатов, спонсоров и средства грантов.

5. *Информированность и прозрачность.* Каждый сотрудник хочет быть уверен, что делает важную часть работы для общего результата. Сотрудники Центра активно включаются в реализацию инновационных проектов. Например, в Сумароковском филиале работают два специалиста (коренные жители села, супруги Л.А. и С.В. Надузевы), которые вовлекают в инклюзивные мероприятия волонтеров, жителей села и клиентов филиала, спонсоров. Это обеспечивает филиал необходимыми ресурсами для реализации интеграционных технологий.

6. *Праздники.* В филиалах Центра периодически проводятся праздники, на которых сотрудники могут почувствовать себя одной семьей, сплотиться.

Стабилизация состава учреждения достигается при проведении активной кадровой политики, обеспечении условий для самореализации работников с учетом их индивидуальных особенностей и профессиональных навыков, разработке материальных и социальных стимулов, организаций общественного питания, развитии физкультуры и спорта, социальной защите отдельных категорий работающих.

**РОЛЬ ВИРТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ
СТАНОВЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ**
**THE ROLE OF VIRTUAL COMMUNICATION IN THE PROFESSIONAL
FORMATION OF YOUTH**

М.С. Ивченкова

Институт социологии РАН, г. Москва

M.S. Ivchenkova

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Анализируется отношение молодежи к интернету, виртуальным сетям и их возможностям в ее профессиональном развитии. Уточняется доля молодежи, которая трудоустраивается через интернет, пользуется социальными сетями для повышения своей информированности, профессионально трудовой деятельности и коммуникации.

The article analyses the attitude of young people to the Internet, virtual networks and their capabilities in its professional development. Specifies the proportion of young people who trudoustarivatsâ over the Internet, uses social networks for provyâsheniâ their awareness, professional work and communication.

Ключевые слова: молодежь, профессиональное становление, интернет, сетевые сообщества.

Keywords: young, professional development, networking, Internet community.

Сегодня в современном мире интернет стал играть одну из важнейших ролей. Люди много времени проводят в сети. Интернет "подстраивается" под пользователей, обеспечивая их все новыми возможностями. Эти возможности позволяют находить круг общения, объединяться по интересам, совершать покупки в интернет-магазинах, образовывать социальные сети, искать работу, размещать своё профессиональное резюме и т.д. Широкое распространение получило явление мейнстрима. Мейнстрим (англ. mainstream — основное течение) — преобладающее направление в какой-либо области (научной, культурной, др.) для определённого отрезка времени. Самое главное в информационном мейнстриме – это доступ к информации. И именно те люди, которые «входят» в мейнстрим и обладают наибольшими шансами быть успешными и активно профессионально развиваться в современном информационном обществе. Информация, как фактор профессионального продвижения представляется в какой-то степени условием доступа индивида к профессиональному признанию и участию в жизни общества.

Кроме того, сегодня все чаще компании используют удаленный найм работников, предоставляют возможность дистантной работы на дому, переправляя информацию через интернет-сайты. Более того, появилась категория виртуальных офисов и интернет-работников, которые во всемирной паутине распространяют информацию, занимаются демонстрацией, рекламированием, продажами товаров, услуг, программ и приложений, зарабатывая этим деньги, не выходя из дома. Ярким примером этого может служить сайты «Твой удаленный офис» [1], «О работе» [2], где размещаются предложения о вакансиях менеджеров по продажам с заработком до 35000 рублей, возможностями неполного рабочего дня, совмещением с основной работой или учёбой, с социальным пакетом (1. оплачиваемый отпуск; 2. стаж, белая зарплата, карьерный рост, зарплата через банк; 3. бонусы и премии за активную работу; 4. гибкий график работы в интернете дома). Собеседования при этом производятся по скайпу с последующим предоставлением электронных программ обучения профессиональным навыкам.

В современных российских условиях важное значение придается профессионализму молодых специалистов, ибо их инновационный потенциал не только помогает в их самореализации, но и во многом способствует поступательному развитию общества, особенно в социально-экономической сфере. Профессия сегодня традиционно рассматривается как персонифицированная совокупность социальных характеристик, конкретных специализированных знаний, умений, навыков, компетенций, важных для реализации определенной разновидности трудовой деятельности, маркирующая принадлежность личности, социальной общности к конкретной категории, ассоциации индивидов, занимающихся сходным видом труда [3, 4].

Профессиональный выбор как социальный процесс предполагает, что индивиды (субъекты выбора) осознают наличие в обществе профессионального разделения труда, конкретных видов трудовой деятельности – профессий, конкретных совокупностей знаний, умений и навыков – специальностей, необходимых для деятельности (объекты выбора), путей и способов приобретения знаний и навыков, необходимых для этой деятельности и реальных возможностей их использования [5]. В этом случае целесообразно разделить его на первичный, связанный с изначальным выбором профессии, и вторичный как начало конкретной профессиональной деятельности. При этом данная методология ориентирована на анализ относительной самостоятельности субъекта в профессиональной деятельности, так как именно он субъективно формирует иерархию значимости факторов и принимает на себя социальную ответственность за свой выбор.

Исходя из процессуальной интерпретации выбора профессии, следует выделить три его вектора изменения: профессиональный, личностный, социально-экономический. Профессиональный вектор отражает расширение спектра профессий; изменение характера и содержания профессиональной деятельности в обществе; усложнение требований к личностным качествам и свойствам человека. Личностный вектор предполагает степень совпадения и реализации потребностей, задатков индивида с профессиональными требованиями как залог успешного овладения профессией. Социально-экономический вектор ориентирован на постоянное отраслевое обновление профессионального спектра в соответствии с потребностями общества и репрезентирование этой потребности в величине заработной платы, дополнительных льготах.

Согласно этому определению, можно выделить три критерия, по которым деятельность можно считать профессиональной. К первому критерию можно отнести определенный объем и уровень квалификации (компетенций, знаний, умений, навыков), подтвержденный институционально оформленными документами (диплом, сертификат и пр.). Степень профессионализма во многом определяется уровнем реализации данных характеристик. Вторым признаком профессии являются ее потребительские свойства товарности, т.е. возможность продавать на рынке труда и степень ее востребованности со стороны работодателей, ее «продажная» стоимость (заработная плата как источник дохода обладателя профессии). В-третьих, профессия подтверждается принадлежностью к конкретной профессиональной ассоциации, сообществу и интериоризацией личностью общих для этого сообщества (корпоративных поведенческих) норм и ценностей. Следовательно, данное комплексное определение и критерии могут выступать эффективным инструментом анализа особенностей профессиональных устремлений молодежи.

Этот подход был заложен в инструментарий социологического исследования, которое было проведено автором в марте 2015 г. и нацелено на изучение профессионального потенциала саратовской молодежи. Целевая квотная выборочная совокупность составила 630 человек. Основные критерии отбора – пол (53% – девушек, 47% – юношей), возраст (до 30 лет), место жительства, наличие специальности. Ошибка выборки составляет + –5%. Компьютерная обработка и анализ данных осуществлялись на базе компьютерной программы SPSS-19.

Проведенный опрос показал, что уровень доходов выше 10000 рублей в пересчете на одного члена семьи указали 23,5% респондентов. От 9001 до 10000 получают 8% опрошенных. 5,5% опрошенных указали уровень заработка в пределах от 7501 до 9000. Доход от 6001 до 7500 получают 7% респондентов,

от 4501 до 6000 – 5.5%. 6,5% представителей молодежи получают от 3001 до 4500 рублей. И ниже 3000 рублей в месяц имеют 4% опрошенных. Модальные и медианные показатели говорят о том, что средний доход опрошенных представителей молодежи – более 9000 рублей в месяц. Таким образом, основная часть респондентов имеет достаточно высокий уровень жизни и широкие возможности. Это может оказывать определенное влияние на интерес к участию в информационном мейнстриме. У населения с уровнем дохода ниже среднего возможность к участию в информационном поиске существенно меньше, так как не у всех есть постоянный доступ к интернету. Доступ к новейшим тенденциям в мировой экономике и последним событиям в мире оказывает сильное влияние на профессионально развитие молодых людей, так как это может способствовать развитию собственного бизнеса или продвижению по карьерной лестнице.

Существует множество различных источников информации. Наиболее используемым источником информации сегодня является интернет (51,6%), менее популярными являются телевизионные передачи – 24,2%. 15.8% привыкли получать новости от друзей. Лишь 5,3% узнают о последних событиях через газеты. 2,4% получают новости в ВУЗе и лишь 0,6% по радио. (Таблица 1). Снижение уровня популярности телевидения и газет может говорить об их узкой направленности или о недостаточной оперативности интересующей информации, что вынуждает молодых людей искать другие источники, способные удовлетворить их потребность в получении последних новостей.

Т а б л и ц а 1

Источник получаемой информации, % к ответам

Источник получаемой информации	%
газеты	5,3
телевизионные передачи	24,2
интернет	51,6
друзья	15,9
по месту работы, учебы	2,4
радио	0,6
Итого	100

В ходе анализа специальности, по которой молодежь данный момент работает, было выявлено, что 41% девушек работает по полученной в учебном заведении специальности (Таблица 2). Еще у 32,7% девушек работа близка к полученной специальности.

Т а б л и ц а 2

Гендерная специфика соответствия работы молодежи и специальности
по диплому, % по полу

Специальность, по которой Вы работаете сейчас	Пол		По вы- борке
	Женский	Мужской	
соответствует полученной в учебном заведении	41,0%	33,3%	37,4%
близка к полученной в учебном заведении	32,7%	24,1%	28,6%
не соответствует полученному диплому	16,0%	29,8%	22,6%
у меня нет специальности	10,3%	12,8%	11,4%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%

Среди юношей таковых меньше – соответственно – 33,3% и 24,1%. Можно утверждать, что у большинства молодых специалистов (66%) как первичный, так и вторичный выбор профессии оказался успешным. Вместе с тем, внушительная часть молодежи (22,6%) работают не по своей специальности. Среди юношей таких – 29,8%, среди девушек – меньше (16%). Девушки в большей степени реализуют полученные в ходе образования знания и компетенции, более последовательны в своих жизненных и профессиональных стратегиях.

Профессиональный выбор и его реализация через трудоустройство социально обусловлен, во многом зависит от наличия связей и возможностей, а также от востребованности профессии на рынке труда. Самым распространенным способом трудоустройства (Таблица 3). Выступают социальные связи, знакомства (33%). Особенно это свойственно юношам (44%). Для них также характерен поиск работы через прямую связь с работодателем (16%), через государственную службу трудоустройства (12%), через ярмарку вакансий (4%). Юноши больше используют непосредственные традиционные социальные и институциональные связи, больше доверяют государственным и частным службам по трудоустройству, чем девушки. Девушки больше ориентированы на помощь родителей (15%), СМИ (12%), интернет (9%).

Т а б л и ц а 3

Гендерные различия в способах трудоустройства, %

Способы трудоустройства	Пол		По выборке
	Женский	Мужской	
помогли родители	15%	8%	12%
через связи знакомых	24%	44%	33%
с помощью интернета	9%	8%	9%
прямая связь с работодателями	15%	16%	16%
через СМИ	12%	8%	10%
через ярмарку вакансий	3%	4%	3%
через государственные программы занятости	9%	12%	10%

Самым популярным устройством для выхода в сеть является домашний компьютер, его используют 82% опрошенных. Компьютер друзей используют лишь 1% опрошенных. Через рабочий компьютер – 7,5%, через портативные устройства соединяются с интернетом 9,5%. Последнее может говорить о том, что темп жизни современной молодежи резко возрос. Кроме того, это позволяет сделать вывод о том, что у молодых людей появляется необходимость быть всегда на связи, в центре событий, в том числе и в плане трудоустройства, или профессиональных интересов. Полученные данные дают нам основание утверждать, что доступ к интернету у современной молодежи становится практической необходимостью. Постоянно быть в курсе последних событий – одно из важнейших условий успеха в современном мире, и в связи с этим вполне объяснима потребность молодых людей постоянно находиться online.

Наиболее часто посещаемыми (Таблица 4) оказались форумы по различным тематикам (57%). Новостные сайты посещает 17,8% респондентов, чуть меньше молодежь предпочитает развлекательные сайты(11,1%). Профильными сайтами и online-библиотеками пользуются лишь 3% и 1,1% соответственно.

Т а б л и ц а 4

Наиболее посещаемые сайты, % к ответам

Категория сайтов	%
форумы по различным тематикам	57
новостные сайты	17,8
развлекательные сайты	11,1
профильные сайты	3
online-библиотеки	1,1
Итого	100

Для общения интернет используют 37,7% опрошенных (Таблица 5). Чтобы узнать последние новости – 24,2% молодежи. 11,7% респондентов чаще всего используют интернет для работы, 10,5% опрошенных, чтобы получить новости культуры. За консультацией в интернете обращаются 6,4% молодых людей, в поисках информации по учебе – 3,9%.

Т а б л и ц а 5

Цели посещения интернет ресурсов, % к ответам

Категория	%т
для общения	37,7
узнать последние новости культуры	10,5
в поисках информации по работе	11,7
в поисках новостей	24,2

получить консультацию/совет	6,4
в поисках информации по учебе	3,9
самообразование	2,9
мультимедиа	2,7
Итого	100

Для самообразования интернет используют 2,9% респондентов, а мультимедийные возможности интернета 2,7% всех опрошенных. Эти данные подтверждают тезис о том, что почти каждый четвертый (24,9%) пользователь интернета в значительной степени использует его для повышения уровня своей информированности, самообразования и профессионально-квалификационного роста.

Как показал опрос, подавляющее количество представителей молодежи зарегистрированы в нескольких социальных сетях (70,5%). Одной пользуются 29% респондентов. Вообще не зарегистрированы 5% опрошенных. Это может быть связано с тем, что услуги одной социальной сети не позволяют им получать информацию обо всех интересующих их сферах жизни, что вынуждает молодых людей искать другие социальные сети, отвечающие их потребностям.

Важным фактором является количество времени, проводимое в социальных сетях ежедневно. Менее часа в день в социальных сетях проводят 14,5% всех опрошенных. 34,5% респондентов уделяют социальным сетям от 1 до 2 часов в день. Чуть меньшее количество представителей молодежи – 2-3 часа в сутки. Более 3 часов в сутки online находится 4,5% респондентов. 2,5% анкетированных указали, что время зависит от разных факторов. Как можно увидеть, среднее время в сети составляет от часа до трех. За это время пользователь успевает получить значительный объем информации в зависимости от его профессиональных и жизненных интересов и навыков владения компьютером.

Многие социальные сети помимо своей изначальной функции, такой как общение, имеют множество дополнительных. Дополнительными возможностями социальных сетей пользуются 33,5% опрошенных. Не пользуются совсем – 32,5%, используют время от времени 3,5% респондентов. Такое распределение данных показывает, что второй по важности и популярности является именно функция просмотра новостей и профессиональных сайтов. Так пользователь выбирает интересующие его темы и подписывается на обновление этой страницы. Именно таким образом накапливается количество страниц, практически все время предоставляющих новости по своей тематике, образуя сплошной поток новой информации.

В настоящее время в мировом интернет-сообществе существует огромное количество подобных сайтов. Наиболее популярной социальной сетью в рунете является ВКонтакте, ее выбрало 93% всех опрошенных (Таблица 6). Но вторым

месте по популярности стоит Facebook, там зарегистрировано 38,2% молодежи. Twitter используют 33,7% представителей молодого поколения, YouTube – 27,6%. Почти одинаковое количество респондентов зарегистрированы в Одноклассниках и на Google+ – 24,1% и 23,1% соответственно. Formspring используют 13,6% респондентов. Какими-либо другими социальными сетями – 6%.

Т а б л и ц а 6

Социальные сети, чаще всего используемые молодежью, % к ответам

Категория социальных сетей	%
Вконтакте	35,7
Facebook	14,7
Twitter	12,9
Formspring	5,2
Google	8,9
YouTube	10,6
Одноклассники	9,3
Другое	2,3
Нет ответа	0,4
Итого	100

Что касается целей использования, то подавляющее большинство молодежи используют социальные сети для общения (54,3%), 24,3% опрошенных привыкли получать на подобных сайтах новости. Для работы социальные сети нужны 9% респондентов, для возможностей мультимедиа – 5,3%. 3,2% респондентов используют социальные сети как афишу и приблизительно 3% используют как хранилище данных. (См. таблицу 7). Таким образом, каждый третий молодой человек предпочитает через сети получать новости или использовать их для работы.

Т а б л и ц а 7

Цели использования молодежью социальных сетей, % к ответам

Категория цели	%
для общения с друзьями	54,3
получение новостей	24,3
для работы	9
мультимедиа	5,3
афиша	3,2
обмен информацией	1,5
быстрый поиск информации	1,2
затрудняюсь ответить	0,9
Итого	100

Исследование показало, что 10,5% молодых людей используют сетевые приложения. Наибольшей популярностью пользуются возможности мультиме-

диа, предоставляемые социальными сетями (14,3%). Возможность вступить в сообщество по интересам привлекает 8,9% опрошенных, игры – 8,1%. Статьи в online-журналах читают 3,5% респондентов. Возможностью рассылать рекламу – 2,7%, связываться с друзьями с помощью видеозвонков – 1,5% молодежи. Возможностью обмена и хранения данных пользуются 5% опрошенных. В образовательных целях социальные сети используют 1,9% респондентов. Возможностью создавать страницу встречи пользуются 1,2%.

Большинство опрошенных руководствовались при выборе социальной сети удобством ее использования и возможностью связаться с друзьями – по 19%. Чуть меньшее количество респондентов указало одной из причин функциональность выбранной сети – 12,9%. 6,7% указали, что пользуются социальной сетью по привычке. Нравятся способы подачи новостей в сети 6,1% молодежи. Популярность сети играла роль для 5,8% опрошенных. 2,7% пользуются сетью только по работе. 1% респондентов указали, что зарегистрировались ради возможности следить за новостями об известных людях. Самым значимым при выборе социальной сети оказалось удобство ее использования, так как многие пользователи проводят там большую часть времени, зачастую используя сети не только для развлечения, но и для работы и получения сведений о последних событиях в мире.

Среди требований к социальным сетям большинство указало красивый интерфейс (59%), 39,5% считают необходимым удобство использования. 21,4% интересуется наличием необходимой информации. 15,8% предъявляют высокие требования к предоставляемым возможностям социальной сети. Для 2,2% основным требованием является возможность связаться с друзьями. Около четверти опрошенных считают важным наличие интересующей их информации в выбранной социальной сети, что говорит о высокой заинтересованности в участии в информационном мейнстриме, а также о необходимости получать последние новости.

Вопрос доверия к источникам информации имеет большое значение, так как влияет на заинтересованность молодых людей к участию в информационном мейнстриме. Большинство опрошенных (75%) удовлетворены объемом информации, которую получают. 24,5% считают количество получаемой информации недостаточным. Почти не доверяют получаемой информации 9,5% молодежи. Чуть более половины опрошенных (55%) оценивают уровень достоверности получаемой информации как средний, 24,5% респондентов находят ее уровень высоким, 5% респондентов посчитали, что ее излишне много и выделить достоверную информацию слишком сложно.

Проведенное исследование показало возрастание роли интернета и вирту-

альных сообществ не только в коммуникации, но и в профессиональном становлении молодежи. Именно через интернет они чаще стали заниматься поиском работы, выкладывать свои резюме, отслеживать новости, в том числе в профессиональной сфере. Это пока касается лишь примерно четверти молодежи. Однако рост пользователей социальными сетями и интернетом позволяют предположить, что в перспективе интернет – трудоустройство будет набирать обороты.

Литература

1. Твой удаленный офис. URL: http://i-rabota.net/rus/catalog/vacancies/prodazhi/menedjer_po_prodam (Дата обращения: 19.08.2015).
2. О работе. URL: <http://vk.com/id321582218> (Дата обращения: 19.08.2015)
3. Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. 1994. Вып. 3.
4. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессиональных групп: история становления и перспективы // Вестник Института социологии. № 7, декабрь 2013.
5. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Три типа знания в социологии профессий // Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе/ Под редакцией В.А. Мансурова. М.: Изд-во института социологии РАН, 2007.

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ В КАДРОВОМ СОСТАВЕ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ GENDER ASYMMETRY IN PERSONNEL HUMAN SERVICES PROFESSIONALS

Е.Н. Касаркина
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
E.N. Kasarkina
Mordovian State University named after N.P. Ogarev

Анализируется проблема непропорциональной представленности мужчин и женщин, работающих в сфере социального обслуживания и социальной работы. Обосновываются причины и последствия формирования стереотипа о социальной работе как «женской» профессии.

The article analyzes the problem of disproportionate representation of men and women working in the field of social care and social work. Settle the causes and con-

sequences of stereotyping of social work as a "female" professions.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, социальная работа, профессия, женщина, социальная служба.

Keywords: gender asymmetry, social work, profession, woman, social service.

В настоящее время в России многие сферы жизнедеятельности общества характеризуются углублением гендерной асимметрии, отражающей не только количественное, но и качественное распределение мужчин и женщин в тех или иных социальных структурах и областях.

Наглядным примером отражения гендерной асимметрии в обществе является непропорциональная представленность полов в такой профессии, как социальная работа, а также в кадровом составе специалистов социальных служб.

Гендерная асимметрия в кадровом составе специалистов социальных служб – это непропорциональная представленность мужчин и женщин, работающих в сфере социального обслуживания и социальной работы, выполняющих должностные задачи и наделенных для этого определенными обязанностями, правами и ответственностью.

В современном российском обществе отмечается число сфер труда и занятости так называемой «женской работы», в их числе сфера социального обслуживания и социальной работы. Существует стереотип, что в данных сферах деятельности более важны духовно-нравственные качества, чем профессиональные знания, умения и навыки. Социальная работа как «женская» профессия отличается невысокой заработной платой, невысоким престижем в обществе, недостаточной степенью трудовой мотивации, слабой возможностью карьерного роста и достижения профессионально высокого статуса. Женщины выбирают данную профессию по причине профессионального призвания или по необходимости. Мужчины, как правило, в данную профессию не идут, а если и представлены, то, как правило, на руководящих должностях.

Причины концентрации в кадровом составе специалистов социальных служб женщин рассмотрим на рисунке 1.

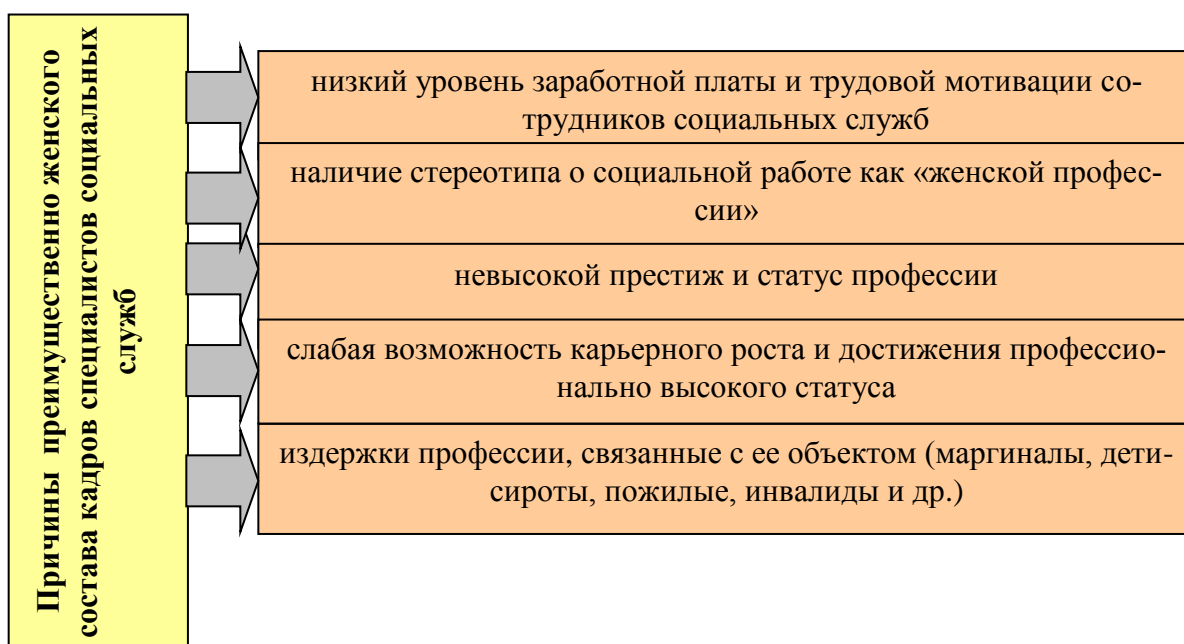

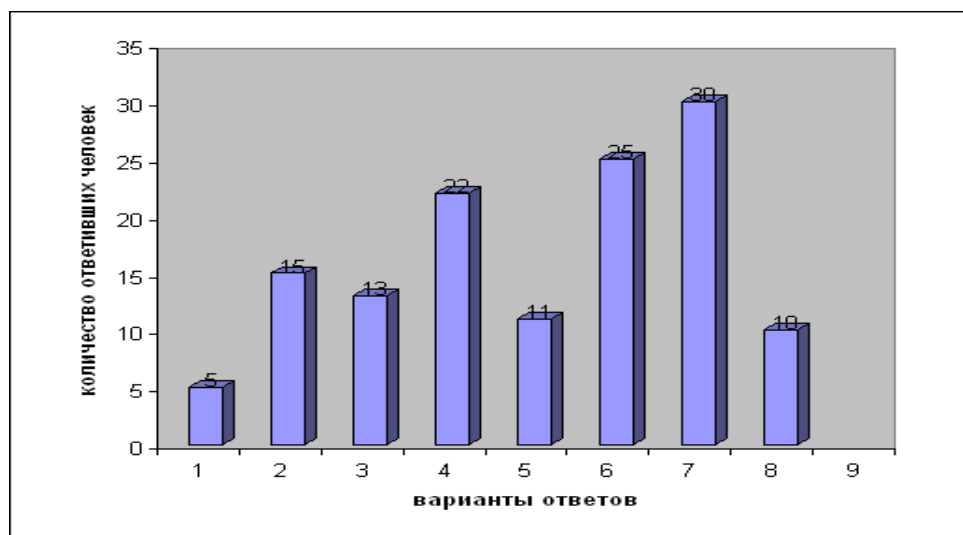
Рис. 1. Причины преимущественно женского состава кадров специалистов социальных служб

Чрезвычайно актуальным становится вопрос о повышении престижа профессии социальной работы в обществе, так как возникает противоречие – сама профессия необходима и имеет большой уровень востребованности, но одновременно является малопрестижной и низкооплачиваемой и по преимуществу женским видом деятельности.

В 2012 г. проблема гендерной асимметрии в кадровом составе специалистов социальных служб явилась предметом магистерской диссертации, выполненной на кафедре социальной работы МГУ им. Н.П. Огарева. После утверждения кафедрой программы социологического исследования одним из студентов был осуществлен анкетный опрос специалистов социальных служб г. Саранска. *В качестве объектов социологического исследования были определены:* Министерство социальной защиты населения Республики Мордовия; ГКУСО ССЗН «Дом ночного пребывания» г. Саранск; ГКУ «Социальная защита населения по г.о. Саранск»; ГКУ «Комплексный центр социального обслуживания по г.о. Саранск»; ГБУСО ССЗН «Саранский пансионат ветеранов войны и труда»; ГКУСО РМ «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Радуга» г. Саранск; ГКУСО РМ «Республиканский социальный приют для детей и подростков «Надежда» г. Саранск. Согласно данным кадровых отделов вышеуказанных социальных служб г. Саранска, в качестве специалистов (юристы, психологи, специалисты по социальной работе, экономисты) в них работало 78% женщин и 22% мужчин.

«Женское лицо» социальной работы как профессии, несомненно, является следствием сложившейся гендерной асимметрии в обществе в целом.

Так, согласно анкетному опросу специалистов социальных служб г. Саранска, можно выделить следующие причины, способствующие возникновению гендерной асимметрии в обществе (рисунок 3).

Распределение мнений респондентов относительно причин, способствующих возникновению гендерной асимметрии в обществе, в %:

1) наличие политико-правовых барьеров, маскулинизация власти, гендерное неравенство доступа к политическим и финансовым ресурсам, непоследовательная социальная политика государства (5% респондентов);

2) неравный правовой статус женщин и мужчин, не позволяющий лицам обоего пола свободно развивать свои потенциальные способности, вырабатывать умения и навыки для участия в политическом, экономическом, социальном и культурном развитии (15% респондентов);

3) разрушение социокультурной среды, утрата многих конструктивных семейных ценностей, культурных традиций, разрушение положительных моральных и поведенческих норм, господство социальной несправедливости (13% респондентов);

4) численная разница в соотношении, продолжительности и качестве жизни мужчин и женщин (22% респондентов);

5) восприятие членов определенной половой группы по-иному, негативно, в рамках определенных предрассудков (гендерные стереотипы) (11% респондентов);

6) социально-экономический кризис, выражающийся в обнищании значительной части общества, безработице, социальном и гендерном расслоении общества, маргинализация общества (25% респондентов);

7) Несовершенство социального законодательства в целом и по вопросам решения гендерного неравенства, в частности (30% респондентов);

8) Затруднились ответить (10% респондентов).

Необходимо отметить, что непропорциональная представленность мужчин и женщин, работающих в сфере социального обслуживания и социальной работы, выполняющих должностные задачи и наделенных для этого определенными обязанностями, правами и ответственностью, затрудняет реализацию *гендерного подхода в социальной работе*. Например, выявлять объективные закономерности и субъективные факторы в социально-экономической, семейной, социальной, духовной, политической сферах жизнедеятельности женщин в сопоставлении с аналогичными процессами у мужчин или оценивать любое планируемое мероприятие в социальной работе с точки зрения его воздействия на мужчину и женщину.

Необходимо отметить, что сегодня часто приходится слышать о том, что социальные работники при решении проблем клиентов должны избегать следования гендерным стереотипам, дискриминации по полу и субъективных представлений о «должном» в мужском или женском поведении. На наш взгляд, этот же принцип должен быть положен и в основу социальной работы как профессии, все трудности которой так нелегко нести на одних женских плечах.

ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ (НЕ)ФОРМАЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ НА ПРИМЕРЕ ИНЖЕНЕРОВ- ПРОГРАММИСТОВ

FEATURES OF PROFESSIONAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF (IN)FORMAL EMPLOYMENT OF SOFTWARE ENGINEERS

Е.М. Колесникова

Сектор социологии профессий и профессиональных групп ИС РАН (Москва)

Е.Е. Кутявина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Е.М. Kolesnikova

Sector of sociology of professions and professional groups IS RAS (Moscow)

Е.Е. Kutyavina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Обобщаются результаты исследования профессиональной культуры специалистов ИТ-сферы. Исследование является пилотным, далее планируется количественная оценка выявленных характеристик профессиональной группы.

Results of research of experts professional culture of the IT sphere are generalized in this article. Research is a pilot, that's why the quantitative assessment of the revealed characteristics of professional group is planned further.

Ключевые слова: профессиональная группа, профессиональная культура, IT-специалисты.

Keywords: professional group, professional culture, IT specialists.

Данная работа является поисковым исследованием и ориентирована на рассмотрение проблематики профессиональной культуры инженеров-программистов и ее основных концептов. Эта сфера в социологических исследованиях представлена не очень широко и в довольно разноплановых аспектах [1,2]. Конечно, предлагаемый скорее очерк не может претендовать на всестороннее исследование вопроса, но ориентирован на обращение к теме профессиональной культуры IT специалистов как части большого инженерного сообщества.

В качестве материала для анализа нами была использована анкета с 10 открытыми вопросами, распространенная среди IT специалистов. Анкета заполнялась ими самостоятельно. Выборка формировалась по принципу снежного кома, в исследовании приняли участие 15 специалистов. Опрос был проведен в мае-июле 2015 г в Нижнем Новгороде. Перед исследователями стояла задача вычленив базовые компоненты профессиональной культуры специалистов, занятых в IT секторе, позволяющие им ощущать внутреннее единство как ресурс профессионализации группы в целом.

«Квалификация» и «экспертность» профессионального знания

Профессиональное формирование специалистов, принявших участие в исследовании, приходится на постсоветский период, связанный не только с коренным изменением IT принципов ведения промышленных и бизнес процессов, но и оборудования и соответственно моделей профессиональной квалификации и идентичности. Так, период получения ими высшего профессионального образования приходился на начало двухтысячных годов. Все специалисты, принявшие участие в исследовании, получали профильное образование в ВУЗах региона. Стоит отметить, что для большинства из них их профессиональная биография «отсчитывается» еще от учебы в школе и предпочтения определенных предметов (математика, физика, точные науки), посещения профильных курсов, занятиям в кружках. Получение профильного образования вне зависимости от формы обучения (дневная или вечерняя) преподносится ими как неотъемлемая составляющая начала освоения профессии. С учетом того, что большинство

специалистов совмещали активную профессиональную занятость и получение образования, в рамках ВУЗовской подготовки ими был востребован не только классический более «статусный» формат дневного обучения (с дневными занятиями), но и специальный формат обучения (занятия в вечернее время с сохранением формальных характеристик форм очного, дневного образования).

Одним из ключевых концептов профессиональной культуры инженеров IT сектора является квалификация, профессиональные знания, навыки. Они рассматриваются респондентами как основа не только профессионального роста, но и статусных показателей работника. В данном случае нам не приходится говорить о какой-то универсальной квалификации, определенном наборе знаний, навыков, характерных для всей профессиональной группы. Не представляется продуктивным и анализ данной категории с точки зрения частных квалификационных компетенций всех вариантов профессиональной классификации. Скорее можно операционализировать категорию как значимый элемент культуры профессиональной группы, как ценность, формирующую групповую идентичность как таковую. Она связывается респондентами с возможностью выполнения сложных задач в рамках своей специализации, смены специализации, вариативности и эффективности профессионализации своей карьеры.

Большинство респондентов основой выбора профессии и своей лояльностью к ней отмечают интерес к основному содержанию труда, переживание положительных результатов профессиональной деятельности.

Свою профессию ... считаю нужной и интересной.

Да, я горжусь своей профессией и местом, где сейчас работаю. Горжусь тем, что мне удастся работать на хорошо оплачиваемой работе, что удалось достичь определенных высот и зарекомендовать себя как хорошего работника.

Я горжусь своей профессией. Она, на мой взгляд, очень интересна. ... работа хорошо оплачиваемая, хорошо организована и интересная.

Мне нравится моя профессия, нравятся перспективы, которые она даёт.

Возможно, даже наверняка, как учёный, я добился бы гораздо большего, принёс больше пользы и достижений. Но быть инженером тоже важно. Чувство "мы вместе делаем важное дело" ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ имеет немалое значение. Иногда отдельные работы держатся на чистом энтузиазме и патриотизме».

В этом контексте рассуждения об «идеальном месте работы» являются отражением базовых составляющих «идеального работника», наиболее существенных характеристик профессиональной культуры. «Квалификация» как ресурс групповой и индивидуальной профессионализации отмечалась всеми респондентами в описаниях «работы моей мечты».

Ключевое правило – не запускать себя, не становиться "узким специалистом". Не прекращать развиваться. Иначе смерть разуму.

... я хочу быть ещё лучше в своём деле и быть окружённым такими же людьми.

... я хотел бы работать в такой компании, где очень много специалистов с хорошими знаниями, у которых я мог многому поучиться в сфере разработки новых программ.

И, конечно, предел мечтаний карьерных высот любого программиста — обладать таким уровнем профессионального мастерства, когда есть возможность самому выбирать из некоторых работ или задач ту, которая наиболее интересна в профессиональном плане...

... стремлюсь вырасти до уровня специалиста, который будет как можно более конкурентоспособным на современном рынке труда.

Это работа-вызов, работа-гонка. Чтобы удержаться в ней на плаву, нужно постоянно поддерживать свою квалификацию, постоянно увеличивать свои конкурентные преимущества — обучение становится частью жизни...

Определенную поддержку данный концепт получает от трактовки респондентами и своей высокотехнологичной ИТ отрасли как связанной с наиболее современными достижениями науки и техники. Непрерывность обновления знания, характерная для данной сферы науки, теории и практики поддерживает актуальность непрерывного обновления и квалификации специалистов. Немаловажен и тот факт, что процессы автоматизации и инжиниринга, и соответствующие специалисты активно включаются практически во все сферы современного производства и услуг. Широкий диапазон спроса на экспертное знание также стимулирует ощущение востребованности у специалистов как части их «картины реальности» внешнего контекста практики группы.

Свою профессию я считаю нужной в наше время, так как сейчас век высоких технологий, все предприятия переходят на электронно-вычислительную технику, а ведь её нужно кому-то сопровождать, налаживать.

Свою профессию я оцениваю как будущее, потому что сейчас все основано на технологиях, программах, интернете.

В связи с ускоренным развитием ИТ моя профессия стала очень востребованной и мне приятно ощущать себя кем-то важным и необходимым...

Специфика статусных позиций внутри профессиональной группы

В то же время даже локальный рынок труда, задействованный в данном исследовании, характеризовался респондентами как весьма разнородный с точки зрения запроса к профессиональной экспертизе. В данном случае он был представлен работой на государственные и частные организации, работой ди-

станционно и на определенном в физическом пространстве трудовом месте, работой в различных отраслях (оборонка, банк, инжиниринг, работа с населением и т.д.). Данная разнородность рынка труда активно вносит вклад в зависимость статусных характеристик профессионала (приписываемых и достигаемых) от представлений работодателя о сложности труда, необходимой и достаточной квалификации и должном вознаграждении. Широкий спектр спроса вынужденно стимулирует занятость специалистов с разным уровнем квалификации, а, следовательно, и внутрипрофессиональную дифференциацию не только с точки зрения квалификации, но и сопутствующих статусных показателей. Усложнение поля профессиональной занятости трактуется респондентами и как достоинство (возможность поэтапного роста), и как недостаток (системно усложняющий стартовые позиции работника, создающие высококонкурентные и не всегда прозрачные условия практики).

... в сфере ИТ, как нигде, развит фриланс, слабо связанный с профсоюзом. Как правило, профессиональный программист (инженер-программист), набравшись умения, уходит в фриланс либо открывает свой бизнес, либо уезжает за рубеж или работает в России на зарубежную фирму, где его права жестко охраняются администрацией. Системные и сетевые инженеры тоже имеют возможность работать по нескольким направлениям, дистанционно поддерживая до 4-5 организаций, официально работая в одной. Другой вариант развития карьеры – работать в одной организации, поднимаясь по карьерной лестнице к руководящим должностям.

По крайней мере, в нашем городе сформировался определенный спрос на специалистов моей профессии, однако найти работу по специальности молодому, без опыта работы специалисту очень сложно. На мой взгляд, рынок труда условно поделен на две категории: а) с невысокими требованиями к уровню подготовки в небольших либо бюджетных организациях и, как следствие, с невысоким уровнем оплаты труда; б) с высокими требованиями к уровню подготовки, наличию определенного опыта и репутации в коммерческих либо крупных государственных предприятиях соответственно с достойной оплатой труда.

При отсутствии опыта работы устроиться на престижную и высокооплачиваемую должность достаточно трудно, тем более в небольшом городе. ... уровень заработной платы и востребованность зависят от вида организации (крупная или мелкая, государственная или частная), а также от квалификации специалиста.

Спрос на специалистов в данное время приличен, если особенно это специалист высокого класса. В сфере информационных технологий очень разный и

обширный рынок труда, неоднозначные зарплаты, все зависит от профиля и сложности работ.

Рынок труда в моей сфере очень разнообразен, разнороден и кипуч. В последнее время профессия является модной, и в некоем начальном сегменте рынка найти работу довольно сложно. Сейчас почти каждый городской школьник сможет сделать сайт. И потому поиск работы в этом сегменте скорее вопрос удачи. Однако, по мере роста сложности задач и уровня квалификации, которого они требуют, возможностей открывается всё больше.

Большинство респондентов отмечают специфику символического капитала профессии инженера-программиста. Относительно непродолжительная история массового постсоветского спроса в сферах производства и услуг, а также среди обычного населения на специалистов IT сферы, особенно по сравнению с «классическими» инженерными направлениями, поддерживает дискуссионность символического капитала профессии. Массовое внедрение программного обеспечения практически во все сферы повседневной жизни и труда не только стимулирует востребованность специалистов отрасли, но и расширяет круг людей, оценивающих их труд. Отсутствие устоявшихся представлений о функционале каждой из широкого списка специализаций, а также их ситуативная трактовка, характерная для «непрофильного» рынка труда (любой занятости вне сферы непосредственно инжиниринга и IT сектора), противостоят категории «квалификации», являющейся одной из базовых в профессиональной культуре группы.

...профессия неблагодарная – вечно виноват стрелочник или айтишник...

...отношение к людям моей профессии очень неоднозначное...

...часто заработок зависит от того, насколько компетентен в сфере айти сам главный руководитель организации, потому что иначе считается, что "все работает само, а эти бездельники только в компьютерные игры играют, за что им платить".

...90% работодателей не различают программистов, системных программистов, веб-разработчиков, системных инженеров, сетевых и т.д., предпочитая называть всех "программистами" и реже "админами". Поэтому нередко случаи, когда системного инженера просят "настроить IC" и искренне недоумевают, когда тот отказывается. Сложилась странная ситуация – всех инженеров называют "системными администраторами", хотя такой профессии просто нет и никогда не было.

Институты профессиональной солидарности

Проблематика профессиональных солидарностей становится особенно актуальной в условиях столь разнопланово организованного трудового поля, но

в представлениях респондентов она не занимала значимых позиций. Специалисты, занятые в частном секторе и сегменте фриланса, отмечали принципиальную незаинтересованность в объединениях, основной целью которых является отстаивание интересов сотрудников в трудовых отношениях. В выстраивании отношений с работодателем они уповали на собственную востребованность и позиции в организации, на высокую квалификацию, результативность для общей эффективности работы учреждения. Работники, занятые в государственном секторе и включенные зачастую в профсоюзные организации, существующие на предприятиях уже длительное время, не расценивают их как особенно эффективный и полезный ресурс трудовых отношений. В частности, никто из респондентов не отметил факта реального обращения к профсоюзу или какой-то профессиональной ассоциации для решения каких-то трудовых споров, отстаивания своих интересов.

В силу молодости моей профессии не так широко развиты подобные ассоциации. Я уверен они существуют, но в какой-то степени моя профессия – профессия одиночек и интровертов.... Профессия довольно молодая, и по большому счёту, в ней ценится только мастерство, гибкость и опыт, возможно даже в большей степени, чем во многих других сферах. Если этого нет, никакой профсоюз реальной помощи человеку не принесёт.

Я состою в профсоюзе работников атомной промышленности. Но никакой пользы от этого не вижу. Эта организация неформально всё равно подчиняется руководству предприятия (локальное отделение). Получается, существует ради собственного существования.

На работе я состою в профсоюзе, от него мы получаем разные подарки, какие-то привилегии (например, у нас будет корпоратив и за нас платит профсоюз, а кто в нем не состоит оплату производит сам).

К сожалению, рутинная трактовка профессиональных ассоциаций во всех их формах как «бессильных» или «ненужных» ведет к отказу от практики и идеи формирования единых позиций в отношениях с работодателем вне зависимости от рыночной конъюнктуры сектора занятости. Так, например, столь немаловажный фактор, как оплата труда остается исключенным из какого-либо обсуждения вне непосредственного места работы. Доходная составляющая статусных позиций группы остается важной частью профессионального концепта и принципиально связывается с типом учреждения, в котором занят профессионал.

Уровень оплаты труда напрямую зависит от того, в какую категорию организаций ты смог устроиться.

Работа оплачивается очень неплохо, выше средней по городу. Заработная плата от 60 до 300 тысяч.

В рамках мелкой компании – один уровень доходов, в рамках крупного предприятия – он на ПОРЯДКИ отличается.

Перспективы профессиональной группы и акторы развития сектора

Весьма показательны представления респондентов относительно акторов, располагающих максимальными ресурсами влияния на перспективы развития сектора и самой профессиональной группы. Специалисты, занятые в государственном секторе, особенно в оборонном, отдают предпочтение государству, в то время как работники частного сегмента видят научные разработки и их коммерческое применение как основной стимул усложнения профессиональной экспертизы и востребованности специалистов.

Моя профессия включает очень много направлений, от совершенно бесполезных и развлекательных, до задач, от которых зависит, например, обороноспособность страны. И в силу такого широкого спектра направлений сказать что-то общее просто невозможно. Есть сферы, которые должны и развиваются благодаря творческим личностям, в этих сферах любое вмешательство каких бы то ни было посторонних сил является скорее негативным фактором. Есть сферы интересов государств и крупных корпораций. Само собой, в данных случаях очень важен общий стратегический план.

Направление, в котором развивается моя профессия, определяет спрос на продукт моей профессии, на него сложно повлиять. Востребованность продукции определяется рынком, влияние на который может и должно оказывать правительство Российской Федерации. В силу современных реалий, введения санкций против нашей России и курсу страны на импортозамещение возникает всё больший интерес к продуктам моей специальности. Профессия становится более востребованной.

...будущее профессии напрямую связано с развитием науки, техники, промышленности, т.к. изменения в области информационных технологий происходят со стремительной скоростью, меняется техника, появляются новые программные обеспечения, языки программирования.

С каждым годом создаются все более сложные механизмы, например. Создание роботов, умный дом, автомобили, управляемые сложным автоматическим механизмом, я думаю, что эти процессы развивают сферу ИТ.

...есть несколько мировых университетов, чьи сотрудники определяют развитие ИТ-структуры.

Государство? Насмешили))) Как правило, этот вид деятельности обходится без участия государства. Все разработки ведутся в коммерческих целях.

В заключение хотелось бы повторить, что данное поисковое исследование является скорее приглашением к дискуссии и дальнейшей работе по рас-

смотрению проблематики культуры профессиональной группы IT инженеров в условиях (не)формальной занятости.

Литература

1. Абрамов Р. Роль коллективной памяти и ностальгии в воспроизводстве культуры профессионального сообщества: на примере советских IT специалистов / Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера. Коллективная монография. / Отв. редактор В.А. Мансуров. М.: ИС РАН, РОС. С. 72-92.
2. Земнухова Л. Профессиональная общность работников сферы информационных технологий: сетевой аспект // Социологический журнал, 2014, №1. С. 146–150.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА EDUCATIONAL TECHNOLOGY AS THE BASIS OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF UNIVERSITY GRADUATES

В.В. Колосова, Н.Ю. Стоюхина

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.V. Kolosova, N.J. Stoyuhina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Отмечается, что цель происходящих изменений в российской системе высшего образования – подготовка специалистов, способных к самореализации, обладающих профессиональными и общекультурными компетентностями. Необходимым условием реализации поставленной цели является модернизация учебного процесса на основе компетентностного подхода, включая применение современных образовательных технологий и обновление содержания рабочих программ и курсов учебных дисциплин.

The article notes that the purpose of the changes in the Russian system of higher education is the training of specialists capable for self-realization, having professional and general cultural competence. A necessary condition for the implementation of this goal is the modernization of the educational process on the basis of the competency approach, including the use of modern educational technologies and the update of content of educational programs and courses of academic disciplines.

Ключевые слова: модернизация образовательной системы, профессиональная компетентность, компетентностный подход, образовательные технологии.

Keywords: modernization of educational system, professional competence, competency approach, educational technologies.

Содержательная модернизация российского профессионального образования с целью его интеграции в международное образовательное пространство предусматривает подготовку конкурентоспособных специалистов, обладающих современными знаниями, эффективными поведенческими моделями и социальными компетенциями. В научном сообществе, при отсутствии консенсуса относительно термина «компетенция», в рамках Болонского соглашения компетенции рассматриваются как «характеристика способности личности с высокой степенью саморегулирования, самооценки, быстрой, гибкой и адаптивной реакцией на динамику обстоятельств и среды» [1, 53]. Для научной и практической работы, на наш взгляд, целесообразно использовать многомерную модель профессиональной компетентности, предложенную Ю.М. Забродиным. Модель включает пять подмножеств, связанных компетенций (относящихся к работе) и компетентностей (относящихся к работнику): когнитивная компетентность (знания и личный опыт), функциональная компетентность (умения, навыки), личностная (устойчивые характеристики личности), социокультурная, или этическая и метакомпетентность как интегральное свойство социального поведения [2].

С термином «компетенция» тесно связан термин «компетентностный подход», который предполагает переориентацию на студентоцентрированный характер образовательного процесса и модульные технологии организации учебного процесса. Студентоцентрированная концепция не противоречит фундаментальности и универсальности высшего образования, напротив, она определяет разработку новых подходов к преподаванию, обеспечивая обучающихся высококачественными и индивидуализированными образовательными траекториями, существенно повышая доступность академической мобильности.

Образовательный процесс, ориентированный на студента, с акцентом на компетенции и результаты освоения образовательных программ, отражается в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) профессионального образования всех направлений подготовки. Перечень общекультурных и профессиональных компетенций ФГОС позволяет учитывать запросы / требования работодателей при создании рабочих программ учебных курсов, предметов, модулей, программ практик и методических материалов. Кроме то-

го, реализация компетентностного подхода предполагает в качестве обязательного условия переход на многоуровневую систему подготовки специалистов, изменения в содержании и в формах учебного процесса.

Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах (возьмём в качестве примера направление подготовки 030300 «Психология»), должен составлять не менее 30% аудиторных занятий (степень «магистр») и не менее 20% аудиторных занятий (степень «бакалавр»). Вместе с тем, занятия лекционного типа не могут составлять более 30% аудиторных занятий для магистрантов и более 40% аудиторных занятий у бакалавров.

Для оценивания компетентностного потенциала личности преподаватель располагает комплексом различных технологий, включая технологии модульного обучения, проблемного, контекстного обучения, экспертно-оценочные технологии и технологии актуализации потенциала субъектов образовательного процесса. Анализ литературы по данной теме показал, что, несмотря на значительные рассогласования понятийного аппарата применительно к признакам, смыслу и классификации образовательных технологий, отличительными признаками современных образовательных технологий являются изменение характера деятельности и взаимодействия субъектов образовательного процесса, смена приоритетов – от трансляции знаний к созданию условий для более полной реализации личностного потенциала [3]. Развитие образовательной практики сопровождается эволюцией используемых технологий, поэтому актуальным является вопрос о классификации технологий, применяемых в образовании. Наиболее часто встречается распределение технологий по *новизне* применения: традиционные и инновационные технологии. Критерием для их отнесения к категории традиционных или инновационных является период в 5 – 10 лет от появления до массового использования в практике. Из описания следует, что инновационными технологиями считаются объективно новые технологии как результат педагогического творчества, адаптированные технологии зарубежной практики, известные образовательные технологии, применяемые в новых условиях [3].

В последнее десятилетие в тезаурус нормативных документов и учебного процесса вошла категория «интерактивные технологии», содержание которой нередко рассматривается как тождественное информационным технологиям. Интерактивные технологии – это обширный и весьма разнообразный перечень форм проведения занятий, включая проективный метод, метод имитационной, или деловой игры, метод кейсов, дискуссионный метод и др. Информационные технологии – комплекс методов и средств, обеспечивающих хранение, поиск, передачу и отображение информации с помощью компьютерной техники.

В целом, компетентностный подход с его ориентацией на проектирование результатов образования, предусматривая обновление содержания образования, особенно значимое в условиях информационного общества и динамики социальных институтов, открывает реальные возможности применения современных образовательных технологий и программ междисциплинарного характера.

Опыт показывает, что изменения во всех звеньях системы образования поставили и ряд проблем, решение которых позволит эффективно развиваться высшему профессиональному образованию и всему обществу. Обновление структуры и содержания основных образовательных программ, отражая актуальные потребности и перспективы всех сфер общественной жизни, сопровождается порой непродуманным отказом от лучших традиций отечественных психологических и педагогических школ и «технологизацией», схематизмом, упрощенностью понимания и изложения содержания, что в особенности противоречит преподаванию гуманитарных дисциплин.

Остаётся недостаточно исследованной личностная и когнитивная готовность субъектов образовательного пространства к изменениям, в том числе роль преподавателя вуза как одного из ключевых участников процесса обновления, т.к. именно преподаватель способен аккумулировать в своей профессиональной деятельности фундаментальные достижения науки и специальную подготовку, транслировать знания и формировать ценностные ориентации будущих специалистов. Речь идёт не только о поиске новых форм учебно-методического обеспечения образовательного процесса, содержания конкретных заданий и критериях оценок, но о повышении уровня квалификации педагогических кадров.

Открытым остаётся вопрос о реальных возможностях и темпах обновления учебного процесса, когда параллельно происходят изменения рабочих программ всех уровней подготовки студентов, освоение образовательных технологий и методического обеспечения.

Литература

1. Болонский процесс: глоссарий (на основе мониторингового исследования) / Под науч. ред. д-ра пед. наук, проф. В.И. Байденко и д-ра тех. наук, проф. Н.А. Селезнёвой. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. 148 с.
2. Забродин Ю.М. Модернизация психолого-педагогического образования как стратегический ориентир разработки профессионального стандарта педагога-психолога // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. №3. С. 58–73.

3. Современные образовательные технологии: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Н.В. Бордовской. М.: КНОРУС, 2015. 432 с.

**МОТИВАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ**
**MOTIVATIONAL ASPECTS OF PROFESSIONAL
ACTIVITIES IN THE FIELD OF SOCIAL PROTECTION
OF THE POPULATION**

В.И. Корф

Московский городской университет управления Правительства Москвы

V.I. Korf

Moscow city University of management of Moscow Government

Представлены социально-психологические аспекты мотивации профессиональной деятельности работников в сфере социальной защиты.

A presentation of social-psychological aspects of motivation for professional activity of workers in the sphere of social protection is the purpose of the given article.

Ключевые слова: мотивация, работник социальной защиты, профессиональная деятельность, мотивы, межличностное взаимодействие.

Keywords: motivation, employee social protection, professional activity, motives, interpersonal interaction.

Мотивация занимает ведущее место в структуре профессионального поведения личности, однако выявление ее сущностных характеристик невозможно без учета факторов социальной реальности, в которой создаются условия для формирования данного процесса. Вместе с тем влияние мотивации на поведение человека зависит от множества факторов, так как оно очень индивидуально и может меняться под воздействием мотивов и обратной связи с деятельностью человека [1]. В трудовой деятельности мотивационный фактор стимулирует личностный и профессиональный рост, тем самым способствуя достижению определенного уровня профессионального развития. Антимотиваторы, наоборот, снижают профессиональные возможности человека и приводят к нарушениям в сфере труда. В этой связи изучение мотивов, содействующих выполнению социальным работником своих профессиональных обязанностей в соответствии с современными вызовами и требованиями, является актуальным.

Среди направлений развитой социальной работы область профессиональной деятельности в сфере социальной защиты населения является одной из наиболее сложных. Во-первых, это, как правило, деятельность на государственной гражданской службе, требования к которой определены соответствующими правилами и установками. В этой связи нельзя не отметить наличия жестких требований, связанных с выполнением профессиональных обязанностей, и повышенный уровень не только должностной, но социальной ответственности. Во-вторых, работники сферы социальной защиты населения работают с клиентами, как правило, находящимися в трудной жизненной ситуации, по отношению к которым требуются различные индивидуальны стратегии. Требования сервисного подхода, актуального для системы оказания государственных услуг, не всегда отражают сущность реальной ситуации, в которой находится клиент. Достаточно часто в такой ситуации «за рамками профессионального действия социальной работы оказывается сам человек с его трудностями, невзгодами и переживаниями» [2]. В-третьих, не менее важна в сфере социальной защиты населения оптимизация ее структуры, которая проявляется для специалиста социальной работы как в возможностях карьерного роста, так и в смене не только трудовой позиции, но и самого места работы.

В современных исследованиях мотивации профессиональной деятельности социального работника внимание уделяется ее различным аспектам. Например, делается акцент на определении соответствия избираемой профессии социального работника интересам нуждающегося человека, общества и конкретных групп населения; учитывается специфика конкретной сферы трудовой деятельности, в которой могут в максимальной мере выявиться и раскрыться способности специалиста; характеризуются условия формирования и проявления профессионального призвания в избранной сфере деятельности [3]. В этой части безусловно важно, чтобы человек, который работает в учреждении сферы социальной защиты, обладал качествами, которые позволят не только достичь значимого уровня профессионального развития, но и, прежде всего, быть внимательным, отзывчивым, терпимым, доброжелательным к человеку, который испытывает трудности в жизни.

Вместе с тем анализ социальных практик показывает, что в структуре мотивации профессиональной деятельности в сфере социальной защиты населения развитие получили различные аспекты.

Наиболее важное значение в структуре мотивации работников сферы социальной защиты населения занимают материальные мотивы. При этом внимание уделяется материальному вознаграждению, которое должно быть адекват-

ным объему и интенсивности труда, выражаться в виде стабильной заработной платы, стимулирующих надбавок, премий, а также материальной помощи в случае трудной жизненной ситуации. Существенную роль играют санаторно-курортное лечение, медицинские услуги в рамках ДМС, дополнительные оплачиваемые отпуска за ненормированный рабочий день.

Анализ организационных аспектов мотивации профессиональной деятельности работников сферы социальной защиты населения позволяет выделить ряд наиболее значимых мотивов (ранжирование по степени значимости):

- 1) хорошо организованное рабочее место;
- 2) хорошие технические средства для работы;
- 3) решение бытовых вопросов;
- 4) уровень комфортабельности рабочего места.

Среди антимотиваторов выделяются:

- 1) низкий профессиональный уровень руководителей подразделений;
- 2) плохая организация труда (например, не до конца продумана организационная структура, не соответствует функциям, низкий уровень организации деятельности и др.);
- 3) отсутствие системы, хаос, авральные методы работы, что не позволяет выполнить работу на требуемом уровне;
- 4) повышенный объем работы делает невозможным ее качественное выполнение в срок;
- 5) недостаточно высокий уровень компетентности коллег.

Анализ организационно-управленческих аспектов мотивации профессиональной деятельности работников, занятых в сфере социальной защиты населения, дает возможность представить ее структуру в следующем виде (ранжирование по степени значимости):

- 1) самостоятельность в работе;
- 2) получение зримого конечного результата;
- 3) новизна задач и их решение;
- 4) вникать в проблемы, находить нужные решения; возможность самостоятельно и творчески решать и доводить до конечного результата поставленные задачи;
- 5) возможность самому принимать решения и свобода действий.

Важнейшим составляющим мотивации профессиональной деятельности работников социальной защиты населения является социально-

психологический аспект, который может быть представлен в следующем виде (ранжирование по степени значимости):

- 1) «сработавшийся» коллектив;
- 2) хорошая обстановка в коллективе;
- 3) теплые отношения среди сотрудников;
- 4) положительная оценка со стороны окружающих;

5) обширность контактов, коммуникационная составляющая межличностного взаимодействия как между коллегами, так и системе руководитель – подчиненный.

Обобщенный анализ показателей, полученных в процессе изучения мотивационной структуры профессиональной деятельности работников сферы социальной защиты населения, позволяет сделать вывод, что наиболее значимыми мотивами являются материальные, далее – социально-психологические, организационные и организационно-управленческие.

Деятельность в сфере социальной защиты населения, относится к группе профессий с повышенной моральной ответственностью за здоровье и жизнь отдельных людей, групп населения и общества в целом. Постоянные стрессовые ситуации, в которые попадает специалист в процессе сложного социального взаимодействия с клиентом, необходимость интервенций в суть социальных проблем клиента, личная незащищенность и другие морально-психологические факторы оказывают негативное воздействие на психическое и физическое здоровье социального работника. В этой связи социальная работа отнесена к профессиям, требующим большой эмоциональной нагрузки, ответственности и имеющим весьма неопределенные критерии успеха. Эти обстоятельства не только демонстрируют многочисленные сложности в становлении профессиональной мотивации, но и актуализирует необходимость формирования эмоционально благоприятной внутриорганизационной среды в конкретном учреждении, которая обеспечивала бы поддержку социального и личностного здоровья, а также работоспособность специалистов сферы социальной защиты населения.

Литература

1. Кавокин С.Н. Профессиональная реабилитация инвалидов в России. // Индекс/ Досье на цензуру – 2008. № 28. // [Электронный ресурс]: <http://index.org.ru/journal/28/kavokin.html>.

2. Егоршин А.П. Мотивация трудовой деятельности. Нижний Новгород: НИМБ, 2003. С. 7.
3. Глухова М.Ф. Профессиональная социальная работа в условиях модернизации социальной сферы российского региона. // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: НИСОЦ, 2014. С. 763.
4. Максимова С.Г. Особенности мотивации профессиональной деятельности работников в сфере социальной защиты населения (социально-психологический аспект) // Научный журнал «Известия АГУ». 2003. № 2 (28). С. 75-80.

**ИНФОРМАЦИОННАЯ ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ: МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ**
**THE INFORMATION AVAILABILITY OF SOCIAL SERVICES:
MECHANISMS OF PROVIDING**

О.В. Красуцкая
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
O.V. Krasutskaya
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Описываются механизмы обеспечения информационной доступности, к числу которых относится формирование реестра поставщиков социальных услуг, независимая оценка качества социальных услуг, электронные сервисы и информационно-справочные службы.

The mechanisms of providing of information availability that include forming the register of social service providers, independent evaluation of the quality of social services, electronic services and query services are described in the article.

Ключевые слова: информационная доступность, электронные сервисы, информационно-справочные службы, реестр поставщиков социальных услуг.

Keywords: information availability, electronic services, query services, the register of social service providers.

В связи с принятием Федерального закона от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» происходит пересмотр положений современного законодательства, регулирующего вопросы социальной защиты граждан, одним из проявлений которого является конкретизация принципа доступности социального обслуживания, позволяю-

шая выделить показатели информационной доступности.

К числу указанных показателей относятся: наличие доступа к информации о поставщиках социальных услуг и порядке оказания услуг, представленность данных сведений в средствах массовой информации, в том числе в сети Интернет.

В целях достижения показателей информационной доступности могут быть использованы следующие механизмы: формирование реестра поставщиков социальных услуг, проведение независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания, создание информационно-справочных служб, а также внедрение электронных сервисов.

Реестр поставщиков социальных услуг (далее – Реестр) формируется и публикуется в сети Интернет органом исполнительной власти в целях создания единой базы данных об организациях социального обслуживания доступной для населения. Сведения в данный реестр предоставляются учреждениями самостоятельно на добровольной основе.

Реестр содержит подробную информацию о поставщике услуг, а именно контактные данные организации, сведения об общем количестве мест, предназначенных для предоставления социальных услуг, о наличии свободных мест, в том числе по формам социального обслуживания, об условиях предоставления социальных услуг, об опыте работы поставщика социальных услуг за последние пять лет, о результатах проведенных проверок и т.д.[1].

Наряду с Реестром одним из источников информации о поставщиках социальных услуг является рейтинг организаций социального обслуживания, составленный по результатам независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания. Качество социального обслуживания анализируется общественным советом, в состав которого входят представители общественных организаций, средств массовой информации, представители высших учебных заведений, независимые эксперты. Деятельность организации оценивается по таким показателям, как открытость и доступность информации об организации, комфортность условий и доступность получения социальных услуг, в том числе для граждан с ограниченными возможностями здоровья, время ожидания в очереди при получении социальной услуги, доброжелательность, вежливость и компетентность работников организации, удовлетворенность качеством обслуживания в организации [2].

Данный рейтинг размещается на сайте органа исполнительной власти, координирующего деятельность общественного совета.

Кроме Реестра и рейтинга организаций социального обслуживания в сети Интернет содержится широкий спектр электронных сервисов, направленных на

обеспечение доступности социальной помощи.

Данные сервисы можно классифицировать в соответствии с их функциями:

– информационно-консультационные электронные сервисы – предоставляют индивидуальную специализированную информацию, например, о начисленных выплатах (сервисы «Узнай размер своих социальных пособий», «Узнайте, какие Вам полагаются льготы»);

– электронные сервисы-администраторы – осуществляют запись на прием к специалисту учреждения или на получение конкретной услуги (сервисы «Запись на прием для оформления мер социальной поддержки», «Социальное такси»).

Сервис «Узнай размер своих социальных пособий» функционирует на территории Нижегородской области с 2014 г. Данный сервис содержит информацию о 124 видах пособий, включая социальные пособия малоимущим, денежные выплаты донорам, пособия на детей, в том числе малоимущим семьям, многодетным матерям, пособие детям, потерявшим кормильца или оставшимся без попечения родителей и т.д. Информация предоставляется за период, составляющий 6 месяцев. Для получения данных сведений клиенту необходимо заполнить Интернет-форму, в которой указывается дата рождения и номер паспорта [3].

Вместе с этим, на сайте государственных и муниципальных услуг размещен сервис «Узнайте, какие Вам полагаются льготы». Гражданину необходимо выбрать одну или несколько сфер, относительно которых он хочет получить информацию о полагающихся правах и льготах. К числу данных сфер относятся: транспортные льготы, труд и занятость, образование, жилище, медицина и здравоохранения. Указав сферу, клиент выбирает категорию, к которой он относится. В результате система формирует список льгот, полагающихся гражданину [4].

Сервис «Узнайте, какие Вам полагаются льготы» и сервис «Узнай размер своих социальных пособий» аналогичны друг другу, они позволяют частично заменить консультацию специалиста, экономят время клиента. Однако основным отличием сервиса «Узнай размер своих социальных пособий» является указание персональных данных, без которых невозможно предоставление информации о размере выплаты.

Более традиционным механизмом информирования граждан о социальных услугах являются информационно-справочные службы, поскольку для получения необходимых сведений гражданин обращается к специалисту по телефону либо приходит на прием в учреждение.

Информационно-справочные службы направлены на консультирование клиентов по вопросам оказания доступных им услуг и иных мер социальной поддержки. Данная служба может выступать в качестве любой организационно-структурной единицы, а именно может функционировать как: независимое социальное учреждение, главная задача которого состоит в оказании информационных и справочных услуг, структурное подразделение крупного учреждения, одна из функций структурного подразделения учреждения.

В Нижнем Новгороде функционирует подобная служба «Единый социальный телефон», которая организована отделением срочного социального обслуживания государственного казенного учреждения Нижегородской области «Управление социальной защиты Автозаводского района г. Нижнего Новгорода». В число ее задач входит: оказание бесплатной квалифицированной консультативной помощи по вопросам предоставления мер социальной поддержки населения, повышение уровня информированности граждан относительно их права на социальную помощь [5].

Данные службы содействуют решению одной из главных задач социальной работы: помочь человеку самостоятельно действовать и принимать решения в сложившихся обстоятельствах, а также находить внешние и внутренние источники ресурсов, необходимых для решения проблемы.

Таким образом, практика социальной работы характеризуется наличием широкого спектра механизмов обеспечения информационной доступности социального обслуживания, многие из которых имеют универсальный характер, так как направлены на информирование всего населения, а не отдельной социальной группы.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 442 – ФЗ (с изменениями на 21.07.2014) // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166044/.
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации «О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания» от 30.08.2013 № 391а // [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/.
3. Узнай размер своих социальных пособий: [Обращение к документу 6 октября 2015]. Доступ через <<http://gu.nnov.ru/edk.html>>.

4. Узнайте, какие вам полагаются льготы: [Обращение к документу 6 октября 2015]. Доступ через <<http://gu.nnov.ru/lg.html>>.
5. Служба «Единый социальный телефон»: [Обращение к документу 6 октября 2015]. Доступ через <<http://uszn-avtozavod.ru/index.php/component/content/article/93-important/206-phone>>.

**К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ
ON THE SPECIFICITY OF SOCIAL WORKERS
PROFESSIONAL ACTIVITY**

Р.В. Куприянов

Казанский национальный исследовательский технологический университет

R.V. Kupriyanov

Kazan National Research Technological University

Рассмотрены ключевые характеристики социальной работы как вида профессиональной деятельности: динамизм, междисциплинарность и транспрофессионализм, а также высокая значимость морально-этического компонента в профессии и выраженный посреднический характер деятельности социального работника. Раскрыта тесная связь профессии с историей, культурой и социальной политикой конкретной страны, в которой осуществляется эта деятельность.

The article describes the key features of social work as a kind of professional activity: dynamism, interdisciplinarity and transprofessionalism and high importance a moral-ethical component in the profession and a pronounced feature of mediation activities of social work profession. A close relationship of the profession with history, culture and social policy of a particular country in which this activity is carried out is revealed.

Ключевые слова: социальная работа, акмеология, профессиональная деятельность.

Keywords: social work, acmeology, professional activity.

Разработка эффективной системы подготовки социальных работников невозможна без тщательного анализа специфики их деятельности. Применение деятельностного подхода позволяет раскрыть специфику деятельности работников социальной сферы и выявить требования деятельности, предъявляемые к профессионалу. Анализ деятельности социального работника позволил нам вы-

делить некоторые специфические черты данной профессии. Рассмотрим эти особенности более подробно.

Во-первых, социальная работа является профессией, которая динамично меняется и трансформируется. Эта особенность является общим трендом в развитии многих профессий. Как пишет В.З. Байденко: «Временность и неустойчивость профессий могут рассматриваться как рабочая модель будущего» [1]. Анализируя динамику этих изменений, можно выделить две тенденции в социальной работе. Первая проявляется в том, что постоянно меняются приоритеты в вопросе оказания социальной помощи тем или иным социальным группам. Это связано с изменением остроты тех или иных социальных проблем в конкретной исторической ситуации, а также зависит от социальной политики государства. Второй тенденцией развития социальной работы как профессии является расширение категорий лиц, которым необходима помощь социального работника. Этот феномен можно объяснить тем, что усложнение мира, процессы глобализации приводят к тому, что появляются новые социальные проблемы, которые необходимо решать: изменение климата, терроризм, мировой экономический кризис, экологические и гуманитарные катастрофы и многое, многое другое. Следствием такой ситуации является то, что предусмотреть и тем более выделить постоянный конечный перечень проблем и социальных групп нуждающихся в помощи становится невозможно [2].

Во-вторых, социальная работа – это профессия, которая очень тесно связана с историей, культурой и социальной политикой страны, в которой она осуществляется. Изменения в этих областях приводят к изменению приоритетов, подходов и методов реализации социальной работы как профессиональной деятельности. Наличие тесной связи с культурой, экономической ситуацией, государственной политикой не позволяют напрямую заимствовать опыт социальной работы из других стран и его использовать без адаптации. Необходимо учитывать контекст, в котором разрабатывались и осуществлялись те или иные подходы и методы социальной работы в данной стране. Применение зарубежного опыта в России, по нашему мнению, возможно лишь после детального осмысления, адаптации к российским реалиям и преломления через культуру и социальную политику.

В-третьих, это междисциплинарность профессиональной деятельности социального работника. Характер деятельности требует от социального работника знакомства с широким кругом вопросов, начиная от организации системы социального обеспечения в целом, соответствующего законодательства, элементов социологии и экономики, и кончая конкретными приемами работы с клиентами, то есть приемами, предполагающими знание человека и прикладной

психологии. В реальных случаях оказываемая социальными работниками помощь зачастую носит мультидисциплинарный характер. Анализ деятельности социального работника показал, что его профессиональная деятельность граничит как минимум с четырьмя другими специальностями, т.к. оказываемая им помощь может быть разной: социально-бытовая, психологическая, медицинская, педагогическая, правовая [3].

В-четвертых, особенность данной профессии – это особая организация профессиональной деятельности. Люди, работающие в социальной сфере, с полным правом могут называться транспрофессионалами. По В.П. Малиновскому, транспрофессионалы – «это люди, которые могут свободно, за счет своего мышления и способов организации своей деятельности работать в различных профессиональных средах» [4]. Решаемые ими задачи настолько сложны, что требуют командной работы с привлечением профессионалов различного профиля. Подобное использование мультипрофессиональных команд в рамках социальной работы в настоящее время весьма распространенная за рубежом практика. Значимость умения взаимодействовать в междисциплинарных командах специалистов для социальных работников является общемировой тенденцией, об этом свидетельствует мнение американских исследователей. Как они пишут, умение работать в команде является необходимым условием для обеспечения эффективной практики социальной работы [5].

В-пятых, социальная работа во многом носит посреднический характер, что, по нашему мнению, является следствием междисциплинарного характера данной профессии. Как пишут авторы учебного пособия, социальная работа немыслима без элемента посредничества – «это следствие ее интегральности и пограничности, направленности на целостного человека и ориентации на жизненные проблемы реальных людей» [6]. Социальный работник своей деятельностью осуществляет посредничество между клиентом и обществом, целью которого, с одной стороны, является интеграция индивида в общество, а с другой стороны, процесс изменения и трансформации самого общества, направленный на преодоление его отчужденности от потребностей людей.

В-шестых, в качестве отличительной черты социальной работы как профессии можно выделить профессионально-этический компонент. Как пишет Н.А. Надеина, «Повышенная моральная ответственность является главной характеристикой условий труда специалиста по социальной работе» [7]. Данную деятельность характеризует яркая выраженность ее этического аспекта, поскольку ее мотивационную основу составляет принятие этических норм, базирующихся на гуманистической этике взаимодействия. Другие авторы также

разделяют мнение о значимости морально-этического компонента в профессии социального работника. Этические кодексы социального работника отражают специфику этого вида деятельности, выделяя этику как особую форму профессиональной морали [8]. Как пишут авторы далее, это связано с тем, что «большинство задач, которые решает специалист по социальной работе, по сути своей непосредственно связаны с профессиональной этикой» [8].

Таким образом, можно сделать вывод, что профессиональная деятельность социального работника имеет ярко выраженную специфику и определенные отличия от других «помогающих» профессий, которые необходимо учитывать при проектировании системы их подготовки.

Литература

1. Байденко В.И. Компетенции в профессиональном образовании / Высшее образование в России. 2004. №11. С. 3-13.
2. Куприянов Р.В. Система профессионального образования социальных работников: историко-педагогический анализ и перспективы развития. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. 129 с.
3. Шакуров Р.Х. Иерархическая модель функций социального работника/ Р.Х. Шакуров, Н.Ш. Валеева, Р.В. Куприянов // Вестник Казан. технол. ун-та. 2009. № 4. С. 363-369.
4. Малиновский П.В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом / П.В. Малиновский // III Форум регионального развития. Казань, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shkr.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>
5. Daniel B. Lee Social work education in the United States: new trends and issues. Doshisha University. Kyoto, 2008. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gpsw.doshisha.ac.jp/pdf/s_081213a2.pdf
6. Социальная работа / ред. В.И. Курбатов. Ростов н/Д: Феникс, 2003. 480 с.
7. Надеина Н.А. Особенности социальной работы как особого вида профессиональной деятельности // Сборник научных трудов Северо-Кавказского государственного технического университета. Серия «Гуманитарные науки» №1 (13). 2005.
8. Социальная работа: Введение в профессиональную деятельность / Отв. ред. проф. А.А. Козлов. М., 2005. С. 93.

ОСОБЕННОСТИ КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИИ FEATURES CONFESSIOAL SOCIAL WORK IN RUSSIA

А.А. Никонова

Казанский государственный медицинский университет Минздрава России

A.A. Nikonova

Kazan State Medical University

Представлен анализ особенностей и форм социальных практик, реализуемых в российских религиозных организациях. Несмотря на активизацию их деятельности по оказанию поддержки социально уязвимым категориям, ее нельзя назвать профессиональной.

This article is the analysis of features and forms of religion social practice in Russia. Their active work with vulnerable clients is not professional.

Ключевые слова: социальная работа, социальные практики, социальная деятельность, социальное служение, религиозные организации, религия, социально уязвимые категории населения, поликонфессиональность.

Keywords: social work, social practice, social activity, social service, religion organizations, religion, vulnerable categories of population, polyconfessional.

Современные социальные практики религиозных организаций характеризуются несколькими противоречивыми особенностями:

= религиозные организации символизируют собой эксклюзивию в чистом виде;

= за последние несколько лет наблюдается заметный рост значения публичных дискурсов о религии [1; 194];

= социальные практики религиозных организаций все чаще адаптируются под потребности социально уязвимых категорий населения;

= ввиду размывания культурных границ происходит эклектизм религиозных принципов и объединение усилий разных конфессий по социальному служению.

Степень социального участия религиозных организаций может рассматриваться как часть публичного дискурса о создании гражданского общества и соблюдении прав человека [2; 108]. Процесс активизации религиозных организаций в пользу социально уязвимых категорий населения (детей, безработных, многодетных семей, пожилых, людей с инвалидностью), как и многие другие процессы на постсоветском пространстве, начался в с 1990-х г.г., с одной сто-

роны, благодаря тому, что в России «развернулось строительство правового государства и гражданского общества» [2; 114] и учреждению социальной работы как профессиональной деятельности, с другой – из-за невозможности государства выполнять функцию социальной поддержки [3; 2]. Их деятельность не регулировалась правовыми нормами, а значит, осуществлялась на добровольных началах и зачастую представляла собой различные формы благотворительности. Важной особенностью была и остается поликонфессиональность социальной работы. С 2001 г. наблюдается разрастание структуры субъектов, оказывающих поддержку социально уязвимым категориям населения, активную позицию в которой начинают занимать религиозные организации. Одними из первых субъектов-акторов стала протестантская деноминация Приморского края. Несмотря на то, что ее деятельность сегодня имеет по большей части культурно-просветительскую направленность, изначально важное место занимала работа с детьми (например, слабовидящими) [4; 64]. В целом, дети являются одним из важнейших объектов поддержки всеми конфессиями. Традиционная Сангха в 2009 г. провела для детей с инвалидностью и детей, оставшихся без попечения родителей, летнюю экспедицию «Байкал-Монголия» [1; 200].

Не существует единого подхода и к определению, целям и задачам конфессиональной социальной работы. Некоторые предполагают, что по существу она не может представлять собой полноценную профессиональную деятельность. Исследования показывают, что к формам социальной поддержки неоправданно относят деятельность по духовному окормлению прихожан [5]. При этом существуют и достаточно «освоенные» способы поддержки по вопросам образования, издательской деятельности, социальной работы и реабилитации. Используя различные методы работы, пытаются оказать содействие государственным институтам в разрешении социальных проблем различных категорий населения. В последние годы происходит активизация процесса адаптации религиозных практик, повседневной деятельности религиозных организаций к потребностям людей с инвалидностью. В 2013 г. при мечети «Ярдэм» г. Казани был открыт реабилитационный центр по работе с инвалидами. В частности, сотрудниками центра оказывается образовательная и тифлопедагогическая поддержка слабовидящим и незрячим прихожанам. Другой пример – деятельность воскресной школы храма преподобного Сергия Радонежского (г. Нижний Новгород) по обучению и воспитанию слабовидящих и незрячих детей-прихожан.

Несмотря на то, что конфессиональная работа в России активизировалась в период кардинальных государственных преобразований во имя создания правового общества, нельзя с уверенностью сказать, что она является проявлением демократических принципов, частью процесса либерализации и узаконивания

прав человека. Например, религиозные социальные практики до сих пор во многом представляют собой проявление благотворительной модели инвалидности, которая не вписывается в рамки либерализма.

Литература

1. Варнавский П. «Национальная» религия в контексте глобализации: традиционный буддизм в современной Бурятии // Антропологический форум. 2009. № 14. С. 192–211.
2. Островская Е.А. Традиционные религиозные идеологии России и Южной Кореи в сравнительной перспективе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 5. № 4. С. 107–126.
3. Абдулкеримов К.К. Формирование и реализация государственной социальной политики в условиях современной России // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 1–8.
4. Поправко Е.А. Трансформация форм социального служения протестантских церквей в Приморском крае в постсоветский период // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 63–69.
5. Забаев И.В. Политики специфика социальной работы на приходах русской православной церкви: проблема концептуализации // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11. № 3. С. 355–368.

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ **TEMPORARY BASIS OF SOCIAL WORK**

Г.С. Пак

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

G.S. Pak

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Цель социальной работы с пожилыми людьми направлена на обеспечение «достойной старости». Характер услуг должен определяться биологическими, социальными и духовными потребностями самого клиента.

The goal of social work with elderly people is directed to «Worthy old age». Character of services must defined by biological, social and spiritual needs of customer.

Ключевые слова: социальная работа, пожилой возраст, достойная старость, социальная услуга.

Keywords: social work, elderly age, worthy old age, social service.

Мы давно живём в мире, когда «время – деньги». Но от такого одностороннего утилитаристского понимания времени пора отходить, ведь время есть сама жизнь, которая даётся человеку всего один раз. Мы живём во времени, которое представляет собой единство определённости и неопределённости. Определённость в количестве прожитых лет, возраст человека объективен, а неопределённость в продолжительности будущего: сколько еще осталось... Как правило, осознанное бытие временем начинается с приближением пожилого возраста и старости, которые никто, кроме смерти, не в состоянии отменить. А. Камю в романе «Первый человек», изданном его дочерью после его смерти, выявляет круг экзистенциальных проблем старости как закономерного этапа человеческой жизни. В примечании на полях рукописи Камю постоянно напоминает себе: показать, что Жак (главный герой) – чудовище. В моей интерпретации «чудовищность» Жака проявляется в том, что он испытывает метафизический страх, ужас перед старостью. Особенно важно подчеркнуть, что не перед смертью, а перед старостью. В своих более ранних работах А. Камю дал ответ на поставленный вопрос: Стоит ли жизнь труда быть прожитой, если вся наша жизнь абсурд? Жить стоит, таков ответ, потому как никакое качество абсурда не может заменить его количества, и жить стоит долго. Феномен старости в общих чертах представляет собой изменение физического состояния, социального самочувствия и переоценку ценностей в духовной сфере. Я остановлюсь на особенностях социальной работы с людьми пожилого возраста.

Качество социальной работы зависит, прежде всего, от ясного и чёткого определения цели [1, 21-23]. Есть выражение «достойная старость», то есть, такой тип или образ пожилого человека, который вызывает не жалость, не страх перед старостью, а уважение человека как личности. К сожалению, сохранение достоинства в пожилом возрасте зависит не только от усилий и целей самого человека, но и от особенностей прожитого пути, есть ли у него близкие люди, востребованы ли его профессиональные качества и жизненный опыт. Итак, цель социальной работы с пожилыми людьми направлена на сохранение человеческого достоинства. Социальная работа есть сфера предоставления профессиональных услуг, и поэтому вопрос об источнике финансирования этих услуг не является праздным. В мировой практике социальной работы есть два подхода. Например, в Великобритании услуги социального работника оплачиваются самим клиентом, что предполагает наличие определённого счёта в банке. В ряде европейских стран, в том числе и в России, основным источником финансирования социальных услуг является государство. Далее, проблема заключается

в том, как операционализировать понятие «достоинство». Например, в Великобритании, понятие человеческого достоинства раскрывается перечнем из 29 пунктов, среди них – стриженный газон, наличие как минимум двух смен белья, стрижка раз в две недели и тому подобное. Представляется, что характер этих услуг направлен на сохранение «социального лица» индивида, то есть, на его восприятие и оценку со стороны окружающих. Но смысл человеческого существования в том, чтобы быть, а не казаться. Поэтому целесообразнее определять характер услуг социальной работы, исходя из потребностей самого индивида данного возрастного этапа. Первый круг потребностей обусловлен физическим состоянием индивида, состоянием здоровья. Задача состоит в сохранении и поддержании привычного образа жизни и ограничивается сферой повседневных забот. Характер услуг социального работника носит регулярный, циклический характер. В этом аспекте, одним из важных критериев профессионализма является затраченный временной ресурс, который поддается простому количественному измерению. Второй круг потребностей носит социальный характер, человек не должен утратить интереса к жизни. Исследователи психологического возраста личности, как правило, подчёркивают, что для человека пожилого возраста характерна временная децентрация с его обращенностью в прошлое, когда прошлое преобладает над настоящим и будущим. Человек, который живёт только прошлым, нуждается в серьёзной психологической помощи. Профессионализм социального работника заключается в умении поставить такой диагноз. Духовный мир пожилого человека интересен, богат и не лишен своих преимуществ. 75-летний Сомерсет Моэм, написавший в этом возрасте свои «Записные книжки», заявляет, что старый человек может не делать того, чего не хочет, но может «наслаждаться музыкой, искусством и литературой – по-другому, чем в молодости, но не менее глубоко». «Другое преимущество заключается в том, что старость освобождает нас от зависти, ненависти и злобы» и т.д. [2, 173-174]. Ирония заключается в том, что преимущества старости становятся очевидными тому, кто в ней пребывает. Профессиональный социальный работник должен иметь представление о возрастной психологии своего клиента.

Литература

1. Боссонг Х. Немецкий опыт менеджмента качества в социальной работе / Материалы международной научно-практической конференции «Качество услуг социальной работы». 7-8 апреля 2011 г. Под общ.ред. д.экон.н. М.Н. Максимовой. Казань, КГМУ, 2011. 320 с.

2. Моэм Сомерсет. Записные книжки. М., Издательство «Вагриус», 2001. 189 с.

**К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОМ ОСНОВАНИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
ABOUT THE RELIGIOUS BASIS OF PROFESSIONAL VALUES OF
SOCIAL WORK**

А.С. Палибина
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
A.S. Palibina
Ogarev State University of Mordovia

Дан анализ религиозных истоков формирования профессиональных ценностей социальной работы.

An analysis of the religious origins of the professional values of social work.

Ключевые слова: ценности социальной работы, христианские ценности, милосердие, любовь к ближнему, благотворительность.

Keywords: social work values, Christian values, charity, love of neighbor, charity.

Социальная работа входит в такой перечень профессий, в которых не только профессиональные знания, умения и навыки, но и личностные качества специалистов определяют эффективность работы. Как и любая другая профессия, социальная работа имеет свои профессиональные ценности. По мнению А.В. Кучиной, профессиональные ценности социальной работы представляют собой «совокупность значимых для специалиста по социальной работе объектов, прямо или опосредованно относящихся к его профессиональной деятельности» [1, 94]. Профессиональные ценности выступают регулятором деятельности специалистов через воздействие на систему профессиональных мотивов.

Профессиональные ценности социальной работы имеют глубокие исторические корни. В дохристианский период развития нашей страны получила распространение так называемая общинная помощь – взаимопомощь не только между соплеменниками, но и помощь чужеземцам, пришедшим к славянам с мирными целями – как способ выживания в суровых природно-климатических условиях. В общинных формах взаимопомощи проявляются ценности единства, взаимовыручки, приоритет интересов общины над личными интересами.

С принятием христианства принимаются и его ценности. Основным сводом христианских религиозных норм и законов, влияющим на этические осно-

вы жизнедеятельности, является Библия. Именно в Библии прописаны нормы и ценности, которые регламентируют не только религиозные стороны жизни, но и поведение в обыденной жизни верующего человека. Основная заповедь христианской религии – это заповедь любви, выраженная в словах: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь». Вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22:37-39). Любовь к ближнему неизбежно происходит от любви к Богу и вместе с тем сама является необходимым условием для проявления истинной любви к нему: если ты любишь Бога, но ненавидишь брата, то являешься лжецом (1 Ин. 2.9-11; 4.20-21). При этом «братом» является любой человек, в том числе и недруг. Об этом говорит и притча о добром Самаритянине, и Нагорная проповедь. Все христианские заповеди сводятся к единой: «Любовь не делает ближнему зла; итак любовь есть исполнение закона» (Рим. 12.14-20). Подлинная любовь выражается в повседневной деятельности человека: в заботе о других, в щедрости, в приветливости.

Анализируя ценности любви к ближнему, важно отметить, что ее основой является забота в первую очередь о собственной душе, ее самосовершенствовании и самовоспитании.

Ценность милосердия является одной из основных в христианской религии. Милосердие проявляется в заботе, прощении, терпимости, стремлении к примирению: «Любите врагов ваших, и благотворите, и займы давайте, не ожидая ничего» (Лк. 6.35-36). Но быть милосердным не означает оправдание лжи и беззакония, быть терпимым к злу и несправедливости, а напротив, иметь сострадание и жалость к запутавшимся. Отказываться от лицемерия, самодовольства, самооправдания по отношению к ним. Прощать делающим неправду, которые, не только другим причиняют зло, но и, в первую очередь, разрушающих самих себя, свою собственную человеческую природу [2, 226-227].

Производной милосердия выступает милостыня. Милостыня должна оказываться тайно, скрывая ее от самого себя: «У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне» (Мф. 6.1-4). Только за совершаемую тайно милостыню, без расчета на общественное признание и благодарность можно получить воздаяние от Бога. Если человек не делится своим достатком с нуждающимся, то в нем нет истинной любви. Об этом говорит и св. Иоанн Златоуст, отмечая, что человек, не дающий милостыни и не заботящийся о бедных, не может быть спасен. Но рассуждая о милостыне и жертве, ошибочно было бы считать, что все упирается только в материальную помощь, и все проблемы заключаются только в наличии

бедных и нуждающихся. Так, например, основным нравственным принципом Нагорной проповеди можно считать следующий: «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7.12). Этот этический закон, регулирующий взаимоотношения в человеческом сообществе, лежит в основе и применим во всех сферах жизнедеятельности человека и совместной практике людей.

Принятие христианства способствовало развитию русской культуры, созданию уникальных произведений, имеющих характер нравственного поучения, наставления человека в его повседневной жизни, повторяя и уточняя основные христианские ценности. Таковы «Поучение Владимира Мономаха», «Домострой» и т.д. Например, в «Домострое» содержатся общие наказания, предназначенные для всех членов семьи: «Не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к младшим и убогим – приветливым и милостливым» [3, 231-232].

Под влиянием христианской религии возникает и развивается такая форма социальной помощи, как частная благотворительность. Частные благотворители, в числе которых были не только князья, купцы, представители духовенства, но и простые крестьяне, кормили нищих, подавали милостыню, давали временный приют.

Иными словами, целью христианской нравственности является воспитание в человеке добродетельных качеств: милосердия, сопереживания, уважения, терпимости, сочувствия.

Таким образом, профессиональная социальная работа в России восходит своими корнями не только к доброжелательности и добросердечности древних славян, но и к нравственным постулатам христианской религии, принятие которой способствовало возникновению и развитию традиций поддержки и помощи неимущим, частной благотворительности.

Литература

1. Кучина А.В. Профессиональные ценности социальной работы, их содержание и структура / А.В. Кучина // Социальная работа: учеб. пособие / Под ред. Н.Ф. Басова. М.: Дашков и К°, 2008. С. 94-95.
2. Прот. Фома Хопко. Основы православия / Прот. Фома Хопко; пер с англ. / Под ред. прот. А. Трегубова. Вильнюс, 1991. 344 с.

3. Домострой / Под ред. В.В. Колесова, В.В. Рождественской. СПб.: Наука, 2000. 400 с.

**СПЕЦИАЛИСТ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ И МЕДИАТОР:
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ**
PROFESSIONAL STANDARDS OF SOCIAL WORKER AND MEDIATOR

И.А. Пантелеева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.A. Panteleeva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются профессиональные стандарты специалиста по социальной работе и медиатора, влияние утверждения этих документов на трудовые отношения, сферу образования и социальную политику.

This publication analyzes the professional standards of social worker and mediator, impact of approval of these documents on labor relations, education and social policy.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, специалист по социальной работе, медиатор, трудовые отношения, подготовка специалистов, социальная политика.

Keywords: professional standard, social worker, mediator, labor relations, training, social policy.

В соответствии со статьей 195.1 Трудового кодекса РФ, профессиональный стандарт — это «характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности» [1]. Порядок разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов устанавливается Правительством Российской Федерации с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений.

Профстандарт специалиста по социальной работе утвержден в 2013 г. приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [2]. В декабре 2014 г. принят профессиональный стандарт специалиста в области медиации (медиатора) [3], ответственной организацией-разработчиком которого является АНО «Центр медиации и права».

Разработка и утверждение профессионального стандарта служит развитию сразу нескольких сфер. Во-первых, это сфера трудовых отношений.

Профстандарт дает работодателю ориентир: какой специалист ему требуется, какими навыками и компетенциями он должен обладать, как организовать аттестацию работника и многое другое. Специалисту в свою очередь данный документ помогает соотнести свою квалификацию, знания, умения и навыки с требованиями, которые ему будут предъявляться на предлагаемой должности.

Социальная работа, несмотря на длительную историю существования практической деятельности по оказанию помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации, является молодой профессией. Представление населения о том, что социальная работа подразумевает только предоставление необходимой адресной помощи незащищенным категориям граждан, постепенно уходит. Его сменяет осознание комплексности и многофункциональности данной профессии. На это работает в том числе утверждение нормативных документов на федеральном уровне.

Для разработки профессионального стандарта необходимо существование наработанной практики, которая стала бы основой для анализа, систематизации и структурирования. Что касается медиации, то в нашей стране — это относительно новое явление, тем не менее, утверждение профессионального стандарта является ступенью к ее развитию, интегрированию в российскую действительность. Профстандарт медиатора поможет работодателю понять: нужен ли такой специалист в его компании, чего можно ожидать от введения данной должности, что медиатор должен делать, а чего нет.

Изменение требований общества, предъявляемых к специалистам, наработанная практика формируют необходимость совершенствования профессиональной деятельности. Профстандарты могут пересматриваться, корректироваться, их утверждение является ключевым фактором взаимодействия сферы труда и системы образования.

Профессиональные стандарты необходимы не только работодателям, они используются для формирования государственных образовательных стандартов и программ всех уровней профессионального образования, а также для разработки учебно-методических материалов к этим программам, установления квалификационных уровней, для обучения персонала на предприятиях.

Подготовка специалистов по социальной работе уже достаточно прочно вошла в российскую образовательную систему. Обучение ведется на уровне среднего профессионального, высшего (бакалавриат, специалитет, магистратура) образования, а также профессиональной переподготовки.

Ряд организаций, в том числе учреждений высшего профессионального образования, проводят обучение процедуре медиации по различным программам. Как правило, это базовый курс, подготовка тренеров медиаторов и

программы, включающие изучение особенностей использования медиации в тех или иных сферах. В данном случае обучение проводится в рамках повышения квалификации. Более того, анализ интернет-ресурсов показал, что учреждениями высшего профессионального образования в настоящее время уже осуществляется подготовка в рамках магистерских программ. В Московском городском психолого-педагогическом университете с 2012 г. на базе факультета юридической психологии существует магистерская программа «Медиация в социальной сфере» [4], в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена на базе юридического факультета – две программы: «Школьная медиация в системе гражданско-правового образования» и «Медиация в социально-правовой сфере» [5].

Профессиональный стандарт имеет большое значение для формирования и реализации социальной политики государства. Специалист по социальной работе и медиатор в соответствии с Общероссийским классификатором занятий отнесены в том числе к специалистам в сфере социальных проблем (код ОКЗ — 2446) [6]. Социальная работа и медиация являются инструментами улучшения социального самочувствия, гармонизации возникающих в обществе противоречий. Раньше клиент социальной работы рассматривался как пассивный получатель услуг. Сейчас оказание помощи ориентировано на высвобождение и развитие ресурсов человека, на создание условий, в которых он смог бы решать свои проблемы самостоятельно. Медиатор в процессе своей работы также не предлагает сторонам решения конфликтной ситуации. Он создает условия, в которых участники могут осознать интересы свои и противоположной стороны и прийти к взаимовыгодному результату. Такой подход в анализируемых сферах профессиональной деятельности является импульсом к развитию гражданского общества.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001, URL: <http://www.trudkod.ru/chast-3/razdel-9/glava-31/st-195-1-tk-rf> (дата обращения 12.06.2015).
2. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 22.10.2013 №571 «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по социальной работе», URL: <http://www.rg.ru/2013/12/18/socrabotnik-dok.html> (дата обращения 27.08.2015).

3. Профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)», URL: <http://arbitrage.spb.ru/pdf/Profstandart-mediatora.pdf> (дата обращения 02.09.2015).
4. Сайт Московского городского психолого-педагогического университета URL: <http://www.jp.mgppu.ru/faculty-up/o-facult/540-mediaciya> (дата обращения 12.06.2015).
5. Магистратура.су, юридический факультет РГПУ им. А.И. Герцена URL: <http://magistratura.su/university/71783/profile/> (дата обращения 02.09.2015).
6. Общероссийский классификатор занятий, URL: <http://classifikators.ru/okz> (дата обращения 02.09.2015).

**ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЖЕНЩИН ЗРЕЛОГО
ВОЗРАСТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ (НА ПРИМЕРЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ)**

**PECULIARITIES OF MATURE WOMEN SELF-REALIZATION IN THEIR
PROFESSIONAL FIELDS (ON AN EXAMPLE OF SOCIAL WORK
PROFESSIONALS)**

Н.А. Птицына
Ивановский государственный университет
N.A. Ptitsyna
Ivanovo State University

Рассматриваются особенности самореализации женщин зрелого возраста-специалистов по социальной работе в профессиональной сфере. Положения статьи основываются на материале, полученном в ходе качественного исследования.

The article deals with the peculiarities of mature women self-realization in their professional field of social work. The provisions of the article are based on the material received during a qualitative research.

Ключевые слова: самореализация в профессиональной сфере, женщины зрелого возраста, специалисты по социальной работе.

Keywords: self-realization in the professional field, mature women, social work professionals.

В условиях динамичных трансформаций жизнедеятельности современного российского общества произошли кардинальные изменения на рынке труда и в структуре занятости населения [1]. Динамичные трансформации жизнедеятельности современного российского общества вызвали кардинальные измене-

ния на рынке труда и в структуре занятости населения. В условиях перестройки различных отраслей общественного производства появились новые виды занятости, одним из которых является социальная работа.

В последние годы наблюдается активизация научного интереса к изучению самореализации женщин зрелого возраста в профессиональной сфере, в том числе специалистов по социальной работе. Это обусловлено рядом обстоятельств: 1) традиционными сферами деятельности для современных россиян выступают семья и работа [2]; 2) в большинстве подходов к изучению зрелого возраста исследовались мужчины [3]; 3) формирование данной профессиональной группы происходит в условиях непрерывных трансформаций как самой отрасли, так и общества в целом; 4) возможности самореализации женщин в профессиональной деятельности по мере удаления от столицы существенно затрудняются (ограниченные возможности выбора места работы, невостребованность, низкая мобильность и др.).

Основной содержательной составляющей социализации личности в зрелом возрасте является поиск путей для самореализации, движение по ее траектории. В след за И.В. Солодниковой, под самореализацией мы подразумеваем «личностный рост, осуществление себя в жизни и повседневной деятельности, утверждение своего особого и самостоятельного пути в конкретно-исторических условиях» [4].

Положения статьи базируются на результатах анализа 20 глубинных интервью женщин зрелого возраста (от 30 до 60 лет на момент интервьюирования имеющих высшее образование, работающих в системе социальной защиты населения и проживающих в Ивановской области), проведенных в 2013-2014 гг.

1. В качестве самостоятельного вида профессиональной деятельности социальная работа в нашей стране осуществляется более 20 лет [5]. Формирование кадрового состава отрасли происходило в условиях радикальных социальных преобразований, обусловивших массовое высвобождение женщин из сферы материального производства. Женщины, «вытесненные» мужчинами из высокооплачиваемых отраслей, либо пополнили ряды безработных, либо «переместились» в сферу вторичной занятости, каковой оказалась система социальной защиты населения. В целом по выборке более половины респондентов (работники текстильной отрасли, сельского хозяйства, образования) потеряли работу в 90-е годы, а в течение своей трудовой жизни были вынуждены поменять место работы три-четыре раза. Среди опрошенных только две женщины в возрасте до 40 лет трудятся на одном месте после окончания университета. Полученные данные соотносятся с выводами отечественных исследователей о том, что в условиях трансформации рынка труда и занятости у женщин редко встре-

чается стабильный карьерный паттерн [6].

2. Результативность «революции качества», разворачиваемой в отрасли, во многом зависит от профессионализма кадрового корпуса, базирующегося на глубокой теоретико-практической подготовке специалистов [7]. Несмотря на то, что все респонденты имеют высшее образование, профильное – только у трети из них, в том числе две женщины получили второе высшее образование по новой специальности. В связи с этим актуализируется задача «довести непрофильного специалиста до уровня профессионала социальной работы» [8]. Вместе с тем, возможности получения второго высшего образования по специальности или непрерывного социального образования в поствузовский период у специалистов ограничиваются по мере удаления их места жительства от мегаполисов.

3. Все опрошенные единодушны в том, что женщины должны работать. Желание трудиться респонденты связывают с собственно профессиональными мотивационными факторами: стремлением к саморазвитию, к самостоятельности/независимости, избеганием «застоя». Приведем в качестве примеров ряд ответов респондентов: «Да, женщина должна работать обязательно, потому что это воздух... Должна женщина развиваться, двигаться вперед» (Ж., 33 года). «Конечно. Конечно, должна, чтобы от мужа не зависеть. Да и чтобы развиваться... нужно быть успешной» (Ж., 34 года). «Обязательно. Во-первых, женщина, работая, смотрит на собственную роль в профессиональном и карьерном плане по-другому. Квартира и быт – это не все. Работая, детям можно дать больше, чем сидя дома. Мне было бы скучно, если только ходить по салонам или шопингам. Хотя не жила за богатым мужем. Общение разное...» (Ж., 40 лет). «Женщина должна работать, так как чем больше застой в домашней деятельности, тем больше претензий и конфликтов будет возникать. Да и женщина хочет сама некоей независимости, и мужчина не должен ее ограничивать» (Ж., 59 лет). Встретился и такой ответ: «Думаю, что да. Я два раза сидела в декрете, и это было уж очень скучно... В четырех стенах сидеть очень скучно...» (Ж., 33 года). Как видим, наряду с саморазвитием женщины в возрасте от 30 до 40 лет необходимость работать чаще аргументируют стремлением к независимости от мужа; представители возрастной группы от 41 до 50 лет рассматривают работу и как возможность развития детей, а также расширение коммуникации; от 51 до 60 лет – в качестве условия «оптимизации обстановки в семье», «пути преодоления застоя».

4. Несмотря на то, что опрошенные женщины считают работу неотъемлемой составляющей их жизни, она не вошла в ядро иерархии их жизненных ценностей («семья», «здоровье», «благополучие близких»), а заняла четвертую позицию наряду с «заботой и оказанием помощи людям». Более молодые женщи-

ны сориентированы на индивидуально значимые ценности («здоровье», «образование», благополучие»), женщины старше 50 – на общественно значимые («полезность для общества», «благополучие страны»).

5. Для специалистов по социальной работе, учитывая специфику их профессиональной деятельности (например, повышенная психологическая нагрузка), большую роль играет отношение членов семьи к выполняемой ими работе. Подавляющее большинство респондентов отметили, что встречают «понимание» и «уважение» членов семей. Опираясь на результаты исследования, можно заключить, что специалисты, имеющие широкие поддерживающие связи, успешнее адаптируются в профессии.

6. Рассматривая самореализацию женщин в профессии и в жизни через призму их достижений, в ходе исследования выявлено, что основными достижениями в личной жизни они считают рождение детей и внуков, а в профессиональной – построение карьеры (преимущественно для женщин от 30 до 40 лет), конструктивное взаимодействие с коллегами и клиентами (в большей мере для респондентов от 41 до 50 лет), благоприятный социально-психологический климат (для респондентов старше 50 лет).

7. Практически все опрошенные оценили свое самочувствие позитивно. Более оптимистично выглядят оценки у женщин от 30 до 40 лет («отличное»), сдержаннее оценивают свое самочувствие сотрудники в возрасте более 50 лет («хорошее», «нормальное»). Женщины, перешагнувшие порог пятидесятилетия и занимающие руководящие должности, ведут речь о профессиональной усталости, «выгорании».

Резюме. Радикальные социальные изменения в обществе послужили для большинства опрошенных стартом к освоению данной профессиональной деятельности. Неоднократные профессиональные перемещения респондентов свидетельствуют о том, что в современных условиях у женщин зрелого возраста редко встречается стабильный карьерный паттерн. Несмотря на то, что наличие работы имеет важное значение для подавляющего большинства опрошенных, отдавать все свое время профессиональной деятельности они не готовы. Специалистам хотелось бы больше времени посвящать профессиональному и личностному развитию, отдыху, своей семье. Но возможности у женщин, проживающих в провинции, существенно ограничены (прежде всего из-за недостаточного материального обеспечения) по сравнению с возможностями их коллег из мегаполисов, что в определенной мере сдерживает повышение уровня подготовки кадрового состава отрасли и оказывает влияние на социальное самочувствие женщин. Позитивное отношение членов семьи к выполняемой женщинами работе позволяет им успешнее адаптироваться в профессии. Вместе с

тем, для замужних женщин с детьми, совмещающих роли профессионала и жены, характерно смещение ценностных акцентов с профессиональной деятельности на семейную. Очевидно, что люди меняются по мере «вхождения» в профессию, поэтому дальнейшее изучение специфики самореализации женщин зрелого возраста в профессиональной сфере позволит разработать комплекс мер по оказанию социально-профессиональной поддержки специалистам по социальной работе.

Литература

1. Силласте Г.Г. Изменение социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социс, 2000, №5. С. 25-34.
2. Коростылева Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере. СПб. изд-во «Речь», 2005.
3. Солодникова И.В. Траектории социализации и самореализации человека зрелого (30-60 лет) возраста. М.: ООО «ИНТУИТ.РУ». С. 120.
4. Солодникова И.В. Самореализация личности в зрелом возрасте (социологический анализ): Автореф. дис.. докт. социол. наук. М., 2007. С. 12.
5. Постановление Госкомтруда СССР от 23.04.1991 №92 «О дополнении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих и об установлении должностных окладов специалистов по социальной работе»).URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/42234> +(Дата обращения: 14.05.2014)
6. Солодников В.В., Солодникова И.В. Профессиональная карьера 40-летних россиян: смена места работы. URL:http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/98_1/2010_4%2898%29_9_Solodnikovu.pdf (Дата обращения: 6.05.2014)
7. Петросян В.А. Проблемы модернизации социального обслуживания населения в городе Москве// Социальное обслуживание. 2014. №3. С. 17.
8. Панов А.М. Новый этап в развитии системы социального обслуживания: к 5-летию Института переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения города Москвы // Социальное обслуживание. 2014. №3. С. 3.

**ШКОЛА СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА КАК МЕХАНИЗМ
ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ**
**SOCIAL WORKER'S SCHOOL AS A MECHANISM OF IMPROVING THE
QUALITY OF SOCIAL SERVICES**

Т.А. Рощина

ГБУ «Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов Кулебакского района», Нижегородская обл.

T.A. Roshchina

*Center of social services for pensioners and disabled people
of Kulebaksky District*

Эффективность социальной работы напрямую зависит от профессиональной компетенции, личного опыта людей, которые работают в отрасли. Для организации эффективной работы Учреждения необходимы сотрудники с высоким уровнем образования и квалификации.

The effectiveness of social work depends on professional competence, personal experience of people who work in this sphere. For the effective operation of Social services need employees with a high level of education and skills for the effective operation.

Ключевые слова: качество социального обслуживания, профессиональные компетенции, школа социального работника.

Keywords: the quality of social service, professional competence, the school social worker.

Еще несколько лет назад в нашей системе наблюдался дефицит квалифицированных кадров, связанный с низким уровнем оплаты труда социальных работников, не соответствующим напряженности и интенсивности их труда. Действительно, до 2013 г. социальные работники получали минимальную заработную плату, поэтому люди, закончившие высшее учебное заведение или техникум, не шли в нашу профессию, была высокая текучесть кадров. У большинства социальных работников профессионального образования не было, как и не было мотивации повышать уровень образования, тем более что в данной профессии отсутствовали обязательные требования к уровню образования.

Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 650 утвержден План мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 гг.)», целью реализации которого является обеспечение доступности, повышение эффективности и качества предоставления

населению услуг в сфере социального обслуживания.

Одним из направлений реализации «Дорожной карты» являются мероприятия по развитию и сохранению кадрового потенциала системы социального обслуживания населения путем обучения и повышения квалификации сотрудников учреждений отрасли, повышение престижа профессии, в том числе путем увеличения оплаты труда.

Работа по повышению квалификации в Учреждении велась всегда. Работники принимали участие в различных областных и районных семинарах, конференциях, на оперативных совещаниях в Учреждении их знакомили с изменениями в законодательстве, на производственные собрания приглашались представители здравоохранения, пожарного надзора и других организаций, тесно сотрудничающих с нами. Но эта работа не была систематизирована.

К созданию системной работы по повышению профессионального мастерства работников нас подтолкнул и тот факт, что буквально 10 лет назад 90% обслуживаемых имели начальное образование, сегодня же более половины имеют высшее или среднее специальное образование. Клиенты предъявляют более высокие требования к уровню образования наших работников, так как принести воду, продукты, убраться может каждый, а вот чтобы суметь поддержать разговор с умным грамотным человеком, быть интересным, уверенным в себе собеседником, необходимо иметь соответствующий запас знаний.

В 2014 г. в целях повышения качества социальных услуг, предоставляемых гражданам пожилого возраста и инвалидам, в учреждении была создана Школа социального работника, разработано положение, утвержден План занятий.

Задачи «Школы социального работника»:

1. Изучение и анализ социальных, профессиональных и психологических проблем социальных работников.
2. Повышение профессиональной, психологической устойчивости социальных работников, профилактика синдрома профессионального выгорания.
3. Ознакомление с законодательством в сфере правового обеспечения социального обслуживания и социальной защиты граждан пожилого возраста и инвалидов.
4. Формирование понятий о социальных, психологических и физиологических особенностях людей старшего поколения.
5. Ознакомление с современными технологиями помощи и ухода на дому.
6. Развитие навыков конструктивного взаимодействия с пожилыми людьми и инвалидами.

Школа социального работника – это целый комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня профессиональных знаний работников, обмен опытом работы. Мероприятия по обучению, повышению квалификации работников включают в себя:

1. Начальную подготовку новых кадров.
2. Наставничество.
3. Обучение навыкам ухода и реабилитации.
4. Обучение в компьютерном классе Учреждения.
5. Ежемесячные занятия согласно утвержденному календарно-тематическому учебному Плану.

На первом этапе заведующая отделением проводит индивидуальную работу с вновь принятым работником. Она разъясняет нормативно-правовые основы социального обслуживания, должностные обязанности, знакомит с локальной документацией, а также рабочими документами, т.е. дает работнику минимум знаний, которые необходимы ему для того, чтобы он мог приступить к выполнению своих должностных обязанностей. Затем проводит знакомство с закрепленными за ним клиентами, разъясняя особенности общения с каждым.

Для практического обучения профессии каждому вновь принятому социальному работнику, не имеющему опыта работы в социальной сфере, назначается наставник, который является наиболее опытным работником, обладающим профессиональной компетентностью, производственной этикой, коммуникативностью, гибкостью в общении с пожилыми людьми. Наставничество облегчает адаптацию работника в коллективе, помогает ему в кратчайшие сроки вникнуть во все тонкости профессии, снижает психологическую нагрузку и помогает быстрее достичь качественных показателей в обслуживании клиентов.

Первое посещение клиентов новый работник осуществляет совместно с наставником. Наставник обучает своего подопечного основам профессии, знакомит с требованиями стандартов предоставления социальных услуг, правилами общения с клиентами, подсказывает, как правильно и эффективно распределить свое рабочее время, как заполнять рабочую документацию.

В течение первого месяца работы новый сотрудник работает в тесном взаимодействии со своим наставником, обращаясь к нему как за практической помощью, так и за психологической поддержкой. Как правило, в течение первого месяца работы с помощью наставника социальный работник постигает азы профессии. Результат оценивает заведующая отделением во время выезда к клиентам с участка нового сотрудника, проводит беседы с обслуживаемыми, изучает рабочую документацию и отчеты.

Для более углубленного изучения нормативно-правовой базы существуют

методические дни. Все социальные работники разделены на 5 групп в каждой группе, не более 15 человек. Ежемесячно в компьютерном классе Учреждения проводится методический день отдельно для каждой группы. Занятия могут быть как групповыми, так и индивидуальными.

В учреждении используется методический потенциал собственных сотрудников (директор, заместитель директора, заведующие отделениями, юрист) и приглашенных социальных партнеров.

На занятиях рассматриваются следующие темы:

1. Правовое обеспечение социального обслуживания
2. Федеральное и региональное законодательство о социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов.
3. Изучение социальных программ, действующих в регионе.
4. Социальное обслуживание граждан. Проблемы, методика, опыт.
5. Технологии социальной работы с пожилыми людьми.
6. Социальные категории граждан.
7. Назначение льгот, пособий, выплат.
8. Соблюдение этических стандартов поведения с коллегами и клиентами.

Каждое занятие начинается с обзора изменений в социальном законодательстве. Эту часть занятия проводит директор Учреждения, она подробно разъясняет содержание документа, проводит совместное обсуждение. Кроме федеральной и областной нормативной базы на занятиях рассматриваются локальные документы, регламенты оформления документов, методические рекомендации.

Далее следует тематическая часть. Заведующие отделениями выявляют наиболее актуальные и интересные темы для обсуждения на занятиях, учитываются проблемы, с которыми социальные работники сталкиваются при выполнении своих должностных обязанностей.

Так, социальным работникам зачастую приходится сталкиваться с лицами, страдающими нарушениями психики. Подавляющее большинство подопечных – это лица пожилого и старческого возраста, и именно в этом возрасте часто наблюдаются нарушения психического здоровья, поэтому на занятия нередко приглашается психотерапевт.

В учреждении оформлена подписка на профессиональную и методическую литературу: журналы «Работник социальной службы», «Социальное обслуживание», «Медицинская сестра», вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы, бюллетень законодательства о социальном обслуживании и др., поэтому на каждом занятии уделяется время изучению пери-

одической печати.

Занятия проходят с использованием мультимедийного оборудования, демонстрируются тематические презентации, видеоролики. Часто обсуждаются показанные по телевидению видеоролики о проблемах пожилых людей. Мы пытаемся вместе в ходе обсуждения предложить правильный выход из сложившейся ситуации.

В течение 6 часов идет интенсивная работа, к которой привлекаются все участники, нередко во время методических дней на обсуждение выносятся проекты локальных нормативных документов, непосредственно касающихся предоставления социальных услуг на дому. Благодаря этому в разработке документов принимают участие люди, непосредственно оказывающие социальные услуги. Например, в декабре 2014 г. на занятиях обсуждались локальные стандарты предоставления социальных услуг.

С 2012 г. в Учреждении функционирует Школа обучения навыкам ухода и реабилитации. В течение 2012 г. все социальные работники прошли обучение в Школе ухода. Все вновь принятые работники проходят там обучение.

Занятия в школе ухода проводят специалисты лечебно-профилактических учреждений, представители Православной церкви, работники фонда социального страхования, пенсионной службы, Управления социальной защиты населения и медицинские сестры Центра.

До открытия Школы для медицинских сестер были проведены обучающие семинары представителями Нижегородской общественной организации «Верас» и психотерапевтом.

На занятиях работники обучаются:

1. Принципам общего ухода:
 2. Психологическим аспектам, связанным с вопросами организации ухода и разрешением семейных конфликтов.
 3. Основам реабилитации при различных функциональных нарушениях.
- Информирование и консультирование по использованию технических средств реабилитации.

Священнослужители проводят беседы на тему: «Нравственные аспекты в уходе за пожилыми гражданами и инвалидами».

Врачи читают лекции «Основы геронтологии. Специфические проблемы здоровья в пожилом возрасте».

Психотерапевт рассказывает о психовозрастных особенностях поведения пожилых людей, способах профилактики стрессовых состояний у больных, профилактике стрессовых состояний, вызванных необходимостью ухода за пожилыми людьми и инвалидами.

Медицинские сестры Центра социального обслуживания обучают основам ухода и реабилитации граждан пожилого возраста и инвалидов с различными заболеваниями и нарушениями.

На последнее итоговое занятие приглашаются юрист и представители различных организаций (Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Управления социальной защиты, органов здравоохранения и т.д.) для освещения принципов построения взаимодействия между гражданами, осуществляющими уход, и различными учреждениями и организациями в зависимости от потребностей пожилого человека и инвалида.

Для качественной работы в современных условиях человеку необходимо знание компьютера, причем не только работа в интернете, но и знание текстовых редакторов, умение составлять отчеты, работать с др. программами. В Учреждении с 2011 г. функционирует компьютерный класс, занятия по обучению социальных работников компьютерной грамотности также включаются в учебный план Школы социального работника.

С 2015 г. в учебный План Школы социального работника включены занятия по основам безопасности граждан пожилого возраста и инвалидов.

«Школа безопасности для пожилых людей» – это социальная программа, мероприятия которой позволяют реализовать главную цель – повышение уровня безопасности повседневной жизни лиц пожилого возраста, инвалидов и других малозащищенных слоев общества.

Люди пожилого возраста часто пренебрегают, а зачастую и забывают о простых мерах безопасности в быту. В настоящее время проблемы, связанные с угрозой пожаров, взрывов бытового газа и другими чрезвычайными ситуациями, а также вопросы, связанные с личной безопасностью, очень актуальны. Очень часто именно люди пожилого возраста и инвалиды становятся жертвами несчастных случаев в быту, а также жертвами действий преступников, цинично пользующихся доверчивостью лиц данных категорий. Именно им необходима эта программа. Она включает в себя основные вопросы, связанные с жизнедеятельностью каждого человека в отдельности в условиях современного общества.

Занятия по безопасности пожилых людей и инвалидов проходят 1 раз в месяц для всех социальных работников. Лекции читают работники Центра социального обслуживания (заведующие отделениями) и социальные партнеры:

- инспектор Государственного пожарного надзора;
- следователь милиции;
- инспектор ГИБДД;
- нотариус;

- врач-терапевт;
- врач-эпидемиолог Роспотребнадзора;
- специалист отдела по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям администрации г. Кулебаки;
- священнослужитель Православной Церкви;
- психолог Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних.

В конце года по итогам работы Школы безопасности будет создана брошюра, в которой будет обобщена информация об основах безопасности жизнедеятельности пожилых людей и инвалидов. Брошюра будет распространяться среди данной категории граждан. Социальные работники, прослушавшие курс лекций, будут применять полученные знания в работе.

В 2014 г. в Учреждении проходила аттестация социальных работников. Методические дни в 1 квартале 2014 г. были посвящены подготовке социальных работников к аттестации. Она проходила в форме собеседования, перечень вопросов охватывал нормативно правовую базу по социальному обслуживанию, новый закон об основах социального обслуживания граждан в РФ, антикоррупционную политику, кодекс этики и служебного поведения, основы трудового законодательства, внутренние локальные документы: коллективный договор, правила внутреннего трудового распорядка, регламенты по оформлению документов. Кроме того у аттестующихся проверяли умение работать на компьютере и качество оформления рабочей документации. Все работники успешно прошли аттестацию, что в очередной раз доказало значимость и необходимость проведения методической работы и показало высокую результативность данных мероприятий.

Следует отметить, что обучение социального работника – это процесс непрерывный, на протяжении всей его дальнейшей практической деятельности. В ходе работы постоянно будут возникать проблемы, для которых еще нет практического решения, поэтому главное, что должен приобрести социальный работник в ходе обучения – это умение и желание учиться, разобраться в проблеме.

Результатом такого непрерывного образования социальных работников является развитие профессионализма, уменьшение сопротивления инновациям, повышение самооценки, уверенности в себе, в своих силах, желание получать новые знания. Необходимо отметить, что в течение 2013-2015 гг. 27 социальных работников Учреждения окончили среднее профессиональное заведение по профилю работы, трое из них поступили в высшее учебное заведение на заочную форму обучения. Если на начало 2013 г. 50% социальных работников не

имели профессионального образования, сегодня всего 3 человека не имеют образования, это работники предпенсионного возраста. Кроме того, размер средней заработной платы социальных работников, который напрямую зависит от уровня образования, за вышеуказанный период вырос с 6300 до 18800 рублей. А о повышении качества предоставления социальных услуг говорят отличные отзывы клиентов как в книге обращений учреждения, так и в местных СМИ, результаты опросов, проводимых Управлением социальной защиты населения и общественным советом.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА **ETHICAL STANDARDS OF A SOCIAL WORKER**

Н.А. Серова
*Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова,
Межрайонный территориальный отдел социальной защиты населения,
опеки и попечительства Костромской области №1*
N.A. Serova
*Nekrasov State University of Kostroma,
Interregional territorial Department of social protection, custody and
guardianship of the Kostroma region No. 1*

Рассмотрены профессионально-этические основы социальной работы и ее принципы.

This article discusses the professional and ethical foundations of social work and its principles.

Ключевые слова: этика, профессиональная этика, принципы, социальная работа.

Keywords: ethics, professional ethics, principles, social work.

Социальная работа, как и любой вид социальной деятельности, лишь в незначительной степени регламентируется социальным законодательством и прочими документами, легитимизирующими эту деятельность. Социальная работа более других профессий располагается в границах нравственного выбора и этического поведения, требует особой этической регламентации. Социальная работа относится к таким видам деятельности, в которых профессионально-этическая компетенция специалиста является значимым компонентом профессионализма.

Этика – философская наука, объектом изучения которой является мораль, ее развитие, нормы и роль в обществе. В конце XX века развитие этики пошло в

сторону специализации и стала развиваться профессиональная этика. Профессиональная этика социальной работы – область философского знания, предметом которого являются вопросы профессиональной морали и нравственности специалиста по социальной работе [1]. В повседневной деятельности она представляет собой совокупность норм поведения специалиста. Профессиональная этика в своем развитии прошла путь от общепринятых норм нравственности, не закрепленных законом, до многоаспектных этических систем, закрепленных в различных кодексах и нормативных актах.

В настоящее время профессиональная этика систематизирует накопленный опыт, обобщает его и совершенствует по мере развития самой деятельности. В наше время человек признан высшей ценностью современной цивилизации, в связи с этим важнейшим критерием этической деятельности являются благополучие человека, удовлетворение всех его потребностей. В соответствии с Конституцией РФ государство берет на себя основную ответственность за благополучие каждого гражданина.

Социальная работа представляет собой деятельность, направленную на реализацию прав человека, поддержание его чести и достоинства, создание политических, экономических, культурных, социальных условий, необходимых для его всестороннего развития и благополучия. Профессиональная этика социальной работы базируется на фундаментальных общечеловеческих ценностях, где учитывается уникальность каждой личности. Это обстоятельство предполагает соблюдение этических принципов социальной работы. Выделяют следующие этические принципы: конфиденциальность, доброжелательность, антидискриминация, полнота информирования клиента о предпринимаемых действиях, соблюдение разумных интересов клиента, личная ответственность специалиста по социальной работе за нежелательные для клиента и общества последствия его действий, уважение права клиента на принятие самостоятельного решения, бескорыстие [1].

Социальный работник, выполняя свой профессиональный долг, должен руководствоваться данными принципами. Но кроме этого, он должен соблюдать нормы этикета специалиста по социальной работе. Этикет специалиста по социальной работе – это совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям. Данный этикет также базируется на ряде принципов: принцип гуманизма, принцип целесообразности действий, принцип эстетической привлекательности поведения, принцип учета народных обычаев и традиций [1].

Таким образом, принципы этики социальной работы не могут носить абсолютного характера и должны использоваться во взаимосвязи с общеэтиче-

скими принципами. В целом можно отметить, что социальная работа выполняет важнейшую для государства и общества задачу стабилизации и сохранения социума, поддержания и гармонизации существующих общественных отношений и сама она основывается на гуманистических принципах и выступает в качестве совершенного этического образца.

Литература

1. Социальная работа: учебное пособие/под ред. Н.Ф. Басова. М.: ИТК «Дашков и К», 2008. 363 с.

МЕДИАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ЛИЦ, РАБОТАЮЩИХ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ **MEDIATION COMPETENCE OF THE PERSONS WORKING IN THE SOCIAL SPHERE**

С.В. Соловьева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

S.V. Solovyova

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматривается вопрос о необходимости владения работниками социальной сферы медиативной компетенцией как способностью специалиста использовать комплекс знаний, умений и навыков в области медиативных технологий.

The article discusses the need to possess a mediation competence as the ability to use knowledge, skills and abilities in the field of mediation technology for social workers.

Ключевые слова: компетентностный подход, медиация, медиативная компетенция, конфликт, коммуникация, общение.

Keywords: competence approach, mediation, mediation competence, conflict, communication, interaction.

Социальная сфера – это крупное системное образование, пронизывающее самые разные области человеческой жизнедеятельности, начиная с производства и включая быт, удовлетворение культурных, образовательных, медицинских и других жизненных потребностей [1]. Лица, работающие в социальной сфере, ориентированы на труд, содержанием которого является взаимодействие с другими людьми. Их профессиональная деятельность связана с управлением, обучением, воспитанием, медицинским и юридическим обслуживанием, пси-

хологической поддержкой и социальной защитой населения. В процессе ее реализации и для достижения высокой эффективности специалистам, работающим в социальной сфере, необходимо в совершенстве владеть навыком общения, знать особенности процесса коммуникации, уметь предупреждать и разрешать профессиональные конфликты. Как отмечает Н.В Самсонова, современный специалист должен быть подготовлен не только реализовывать профессиональные задачи в условиях конфликтогенной профессиональной среды, но и преобразовывать ее с целью предупреждения негативных конфликтов[2]. В силу сложного характера деятельности работников социальной сферы, а именно предупреждения, предотвращения и, в дальнейшем, разрешения конфликтных ситуаций, требуется хорошо организованная система внедрения инновационных технологий в их работу. К числу таких инновационных технологий относятся медиативные технологии.

В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее ФЗ о медиации) [3] процедура медиации — это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения.

Однако, в данном определении законодатель не учитывает всего потенциала медиации, возможности ее использования на стадии возникновения отношений между субъектами, а ограничивает ее применение лишь конфликтными ситуациями. По мнению Ц.А. Шамликашвили, применительно к любым договоренностям желательно, чтобы принципы медиации как метода, ориентированного на выявление и максимальную реализацию интересов всех участвующих сторон, использовались уже на этапе подготовки и оформления договоренностей [4]. Здесь уместно говорить о медиативном подходе, то есть об умении вести диалог с оппонентом, основываясь на принципах медиации, корректно взаимодействовать с людьми и достигать взаимоприемлемых результатов [5].

Основные принципы медиации определены законодателем в ст. 3 ФЗ о медиации: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора. Помимо этих, законодательно закрепленных принципов, практические медиаторы выделяют ряд дополнительных – принцип взаимного уважения и принятия, ответственности, открытости процедуры.

Наличие у работника социальной сферы медиативных компетенций (например, у специалистов учреждений социального обслуживания семьи и детей, секретарей комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, сотрудников правоохранительных органов, органов государственной власти и

местного самоуправления и др.) будет способствовать принятию эффективных решений в отношении дальнейшей судьбы конкретной семьи, конкретного человека или даже целой организации на основании учета и согласования интересов и потребностей всех заинтересованных сторон, а также возрождению доверия со стороны гражданского общества к таким службам. Наиболее важным профессиональным качеством работника социальной сферы в этой области является владение определенным набором медиативных инструментов, а также его способность проявлять интерес к другому человеку, умение слушать, слышать и принимать его таким, какой он есть, быть беспристрастным и нацеленным на взаимовыигрышное разрешение проблем.

В течение последних нескольких лет одной из задач современной системы высшего профессионального образования в Российской Федерации является переход на новую модель образовательных стандартов, которая тесно связывается с компетентностным подходом в обучении и опирается на формирование компетенций. Компетенция – это не только профессиональные знания, умения, навыки, но и внепрофессиональные навыки, характеризующие конкретную личность и личностное отношение к предмету деятельности. Таким образом, в настоящее время государство ставит перед системой высшего образования задачу воспитать профессионально значимые личностные качества будущих профессионалов, необходимые для осуществления профессиональных задач.

Необходимость формирования компетенций в области медиации предусмотрена для направлений «Конфликтология» и «Клиническая психология». Так, например, ФГОС ВПО по направлению подготовки 034000 «Конфликтология» (квалификация (степень) магистр) предусматривает способность выпускника к применению технологий медиации (ПК-19), ФГОС ВО по направлению подготовки 37.03.02 «Конфликтология» программы бакалавриата – использовать альтернативные технологии урегулирования конфликтов и поддержания мира (переговоры и медиацию), ФГОС ВПО по направлению подготовки (специальности) 030401 «Клиническая психология» (квалификация (степень) специалист) в рамках специализации «Клинико-социальная реабилитация и пенициарная психология» выпускник должен быть способен и готов к использованию технологий восстановительного правосудия, навыков медиации в условиях конфликта в правозначимых ситуациях.

В образовательных стандартах подготовки иных работников социальной сферы (бакалавров, магистров) таких требований пока не содержится.

Медиативную компетенцию работника социальной сферы мы понимаем как способность будущего специалиста использовать комплекс знаний, умений и навыков в области медиативных технологий в целях продуктивного осу-

ществления своей профессиональной деятельности по предупреждению и разрешению конфликтных ситуаций. С уверенностью можно сказать, что медиативная компетенция работника социальной сферы будет определять уровень его конкурентноспособности в профессиональной среде и на рынке труда.

Почему речь идет в данном случае именно о медиативной компетенции? Довольно часто ее отождествляют с коммуникативной компетенцией, которая, так или иначе, имеет место в образовательных стандартах по подготовке специалистов социальной сферы. Однако, «коммуникация» понимается, в основном, как обмен мыслями и информацией в форме речевых или письменных сигналов [6] и не предполагает процесса установления взаимопонимания между участниками, обмена действиями, построения общей стратегии взаимодействия, восприятия и принятия партнера, что является базовыми принципами медиации и медиативного подхода. Владение медиативной компетенцией либо ее отдельными элементами в профессиональной деятельности имеет преимущества, прежде всего в том, что позволяет противостоять манипулятивным действиям, воспринимать каждый конфликт как точку роста и извлекать из него определенный урок, способствовать тому, чтобы человек сам находил решение из сложившейся ситуации, ориентировать его на сотрудничество и уважение другого мнения.

Трудовая деятельность работников социальной сферы непосредственно затрагивает жизненные интересы людей, их объединений, общностей. От эффективности этой деятельности во многом зависят судьбы людей и качество их жизни. В настоящее время государственная политика ориентирует специалистов социальной сферы на использование медиации, медиативных технологий в своей работе [7], что в дальнейшем обязательно должно повлечь за собой включение медиативных компетенций в образовательные стандарты подготовки работников социальной сферы.

Литература

1. Волков Ю.Е. Социальные отношения и социальная сфера // Социологические исследования. № 4. 2003. С. 40.
2. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. Калининград: Изд-во КГУ, 2002. С. 5-6.
3. ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
4. Шамликашвили Ц.А. Спора еще нет, но путь к выходу из конфронтации уже намечен // Медиация и право. 2011. № 3(21).С. 60-65.

5. Шамликашвили Ц.А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров // «Медиация и право. Посредничество и примирение». 2007. №2(4).5.
6. www.countries.ru/library/intercult/mkom.htm (Дата обращения 04.05.2015).
7. См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 июня 2012 г. «О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. // СЗ РФ. 2012. № 23. Ст. 299; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 июля 2013 г. «Об утверждении Стратегии развития страховой деятельности в Российской Федерации до 2020 года»// СЗ РФ. 2013. № 31. Ст. 4255; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 июля 2014 г. «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4557; Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 августа 2014 г. «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811; Письмо Минобрнауки от 18 ноября 2013 г. «О направлении методических рекомендаций по организации служб школьной медиации (вместе с Рекомендациями по организации служб школьной медиации в образовательных организациях», утв. Минобрнауки России 18 ноября 2013 г.// Официальные документы в образовании. 2014. Январь. №2.

**ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В РОССИЙСКОЙ
ПСИХИАТРИИ НА ПРИМЕРЕ КПБ №1 г. Н.НОВГОРОДА**
**THE INSTITUTIONALIZATION OF SOCIAL WORK IN THE RUSSIAN
PSYCHIATRY BY THE EXAMPLE OF THE CLINICAL PSYCHIATRIC
HOSPITAL №1, CITY OF NIZHNY NOVGOROD**

Ю.А. Сучков
Клиническая психиатрическая больница №1 г. Н. Новгорода
С.А. Судьин
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Yu.A. Suchkov
Clinical Psychiatric Hospital №1, City of Nizhny Novgorod
S.A. Sudjin
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Рассматриваются особенности институциализации социальной работы в российской психиатрии. Социальная работа рассматривается как инструмент

повышения эффективности внестационарной помощи психиатрическим пациентам и членам их семей.

The characteristics and conditions of institutionalization of social work in the Russian psychiatry are considered. Social work is considered as the instrument of increasing of the out-stationary help efficiency to psychiatric patients and their family members.

Ключевые слова: социология психического здоровья, социальная работа в психиатрии, современная психиатрия.

Keywords: sociology of mental health, social work in psychiatry, contemporary psychiatry.

Психиатрическая помощь в России в настоящее время находится в состоянии глубокого реформирования, связанного не столько с изменением общих принципов организации медицинской помощи в стране, сколько с трансформацией ряда содержательных аспектов психиатрического обслуживания как такового. Речь идет, прежде всего, о господствующей на протяжении последних двадцати лет тенденции снижения сроков стационарного лечения и перенесения основного акцента помощи во внестационарные звенья.

Риски, сопровождающие длительное стационарное лечение, известны. Нейрокогнитивный дефект, характерный для большинства расстройств, лечение которых предполагает пребывание в стационаре, усугубляется социальной дезадаптацией, которая в этом случае будет отягощаться таким грозным явлением, как госпитализм с присущим ему «застреванием» в роли больного и отсутствием мотивации на терапию и реабилитацию [1, с. 22]. Длительное лечение может оказаться фактором увеличения и без того немалой социальной дистанции между больным и его внешним окружением, что также может стать причиной снижения его реабилитационного потенциала. Продолжительное лечение в отрыве от внешней социальной среды провоцирует формирование т.н. «психиатрии вращающихся дверей», характеризующейся длительными повторными госпитализациями в условиях отсутствия систематического поддерживающего лечения или реабилитационной работы. Другая группа рисков имеет экономический характер. Известно, что лечение больных, страдающих хроническими психическими расстройствами, является дорогой процедурой, что становится все более значимым фактором в настоящее время, особенно на фоне сравнительно низкой эффективности такого лечения.

В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос об альтернативных институтах внутри психиатрии, способных взять на себя как работу с

больными непосредственно в медицинских учреждениях и вне их, так и работу с внешним окружением пациентов. Социальная работа представляется одним из наиболее подходящих для этой цели институтов, способных предложить адекватный набор инструментов для решения возникающих задач.

Социальная работа в контексте психиатрии – тема не новая. Отправной точкой в ее развитии в России стал приказ Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации №27 от 13 февраля 1995 г. «О штатных нормативах учреждений, оказывающих психиатрическую помощь». В данном документе предписывалось, в том числе, требуемое количество социальных работников и специалистов по социальной работе, занятых в различных звеньях психиатрического обслуживания.

В настоящее время численность социальных работников в системе психиатрического обслуживания регламентируется Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 17 мая 2012 г. N 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения».

Так, в рекомендуемых штатных нормативах психиатрической больницы предусматривается одна должность социального работника на 50 коек; в отделениях медико-психосоциальной работы в амбулаторных условиях – по одной должности социального работника и специалиста по социальной работе с высшим образованием на каждые 50 мест. Для медико-реабилитационных отделений дневного пребывания – такое же количество сотрудников обеих групп на каждые 25 мест, в отделениях оказания интенсивной психиатрической помощи установлен норматив по одному социальному работнику на 15 мест и специалисту – на 30. Для дневных стационаров предусмотрен один социальный работник или специалист на 50 мест, для психотерапевтических кабинетов – один сотрудник на 120 больных, находящихся на диспансерном наблюдении и проведении амбулаторного принудительного лечения. В стационарных медико-реабилитационных отделениях формирования навыков самостоятельного проживания пациентов, утративших социальные связи, рекомендуется наличие 1 социального работника и одного специалиста по социальной работе на 25 коек. Кроме того, предусматривается деятельность социального работника в рамках кабинетов медико-социально-психологической помощи с нормативом один социальный работник на 100 тысяч населения.

Для сравнения с реальной картиной приведем основную информацию о клинической психиатрической больнице №1 г. Н. Новгорода. Больница существует с 1889 г. Первым руководителем больницы был выдающийся врач-психиатр П.П. Кащенко, который первым в России создал трехэтапную систему

лечения и социальной реабилитации душевнобольных.

К концу 80-х годов XX века больница обслуживала население 5-ти районов Нижнего Новгорода (Нижегородский, Приокский, Советский, Сормовский, Московский). Мощность больницы составляла 425 круглосуточных стационарных коек, 2 диспансерных отделения.

В период с 1990 по 2005 гг. была произведена реструктуризация круглосуточного коечного фонда с 425-ти до 200 коек. Одновременно наращивалась мощность дневных стационаров с 50-ти мест в 1990 г. до 200 мест в 2005 г. Кроме того, в 90-е годы было организовано психотерапевтическое отделение, в структуру которого входили кабинеты психотерапевтической помощи, располагающиеся в районных поликлиниках и социально-кризисная служба «Городской телефон доверия».

По состоянию на 2014 г. на территории, обслуживаемой КПБ №1, проживает 372 тысячи человек (три района Н. Новгорода), из которых под наблюдением состоят 6050 пациентов. Количество коек в круглосуточных стационарах и мест в дневных отделениях составляет по 5,5 на 10 тысяч населения (в РФ обеспеченность койками стационара – 10,0, местами дневных стационаров – 1,2 на 10 тыс.).

В настоящее время КПБ №1 г. Н.Новгорода включает в себя:

- 200 круглосуточных общепсихиатрических коек, распределенных в двух мужских и двух женских отделениях;
- Дневной стационар на 100 мест;
- Медико-реабилитационное отделение (дневного пребывания) на 100 мест с «Клиникой первого психотического эпизода»;
- Диспансерное отделение №1 (психиатрическое);
- Диспансерное отделение №2 (психотерапевтическое) с городским «Телефоном доверия».

Нижеприведенная таблица демонстрирует реальную динамику соотношения форм медико-социальной работы в КПБ №1 г. Н. Новгорода.

Т а б л и ц а 1

Показатель/год	1999	2012	2014
Число больных, госпитализированных в стационар	2238	1122	1112
Число больных, поступивших в дневной стационар	527	917	925
Средняя длительность пребывания в стационаре (в днях)	36,8	55,6	60,1
Повторность поступлений в стационар	25,4%	16,4%	18,2%

Из представленных данных видно, что количество госпитализаций в стационар за прошедшие полтора десятилетия постоянно снижалось, достигнув стабильных значений уже к 2012 г. Количество больных, поступающих в дневной стационар, напротив, пропорционально увеличивалось, что позволило, с одной стороны, снизить риски длительной госпитализации с отрывом от привычной социальной среды для лиц с высоким реабилитационным потенциалом и продлить сроки лечения для наиболее тяжелых пациентов – с другой. Более длительные периоды госпитализации используются для решения многих медико-социальных вопросов, требующих времени, как, например, оформление больного в психоневрологический интернат.

Для решения вопросов, не связанных напрямую с медицинскими аспектами деятельности учреждения, в 2008 г. в штате больницы появился специалист по социальной работе. С тех пор происходит постепенное становление работы по принципу полипрофессиональной бригады. В настоящее время в больнице 5 ставок специалистов по социальной работе, которые занимают сотрудники с высшим образованием. Перечень профессиональных обязанностей специалиста по социальной работе довольно обширен: проведение индивидуального консультирования лиц с психическими расстройствами (например, по вопросам трудоустройства и профессионального самоопределения); проведение групповых занятий, тренингов; осуществление взаимодействия с социальными организациями и учреждениями; мероприятия по социально-правовому обслуживанию пациентов.

Сегодня в учреждении осуществляются такие формы психосоциальной работы как:

- психообразовательная работа с родственниками;
- психообразовательная группа с пациентами;
- индивидуальная и групповая психотерапия;
- коммуникативные тренинги;
- тренинг когнитивных функций;
- тренинг социальных навыков;
- трудоустройство с поддержкой;
- досуговые программы;
- группа само- и взаимопомощи пациентов и др.
- организационно-правовая работа [2].

Перспективным направлением социально-реабилитационной деятельности в рамках больницы является сотрудничество с общественными организациями. Так, например, группы самопомощи для родственников лиц с психическими нарушениями проводятся силами сотрудников Нижегородского отделения

Общероссийской Общественной Организации Инвалидов вследствие психических расстройств и их семей «Новые возможности».

В качестве основных проблем отметим, что нормативы, указанные в вышеупомянутом Приказе 566н, носят в значительной мере декларативный характер, и количество социальных работников различного уровня в штате учреждения должно быть более весомым. Однако, даже такая ситуация выглядит оптимистичной по сравнению с положением дел во многих других психиатрических клиниках.

Литература

1. Судьин С.А. Психически больной и его семья в теории и практике социологии психического здоровья. Монография / С.А. Судьин. Н. Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 22.
2. Богданова Т.В. Семейноориентированная социальная работа в психиатрии / Т.В. Богданова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2010. No 2(18). С. 11–16.

ОБРАЗ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В КОНТЕКСТЕ «ТРЕТЬЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ» Г. ПЕРКИНА THE FORM OF THE NEW SOCIAL WORKER IN THE CONTEXT OF "THIRD PROFESSIONAL REVOLUTION" BY G. PERKIN

Т.М. Хусяинов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

T.M. Husyainov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Делается попытка спрогнозировать, каким социальный работник должен стать в будущем, как он будет выполнять свои профессиональные обязанности. В основу работы легла теория Георга Перкина.

In this paper the author makes predict which a social worker will be in the future, how he/she will carry out their professional duties. The study is based on the theory of George Perkin.

Ключевые слова: профессия, социальный работник, траспрофессионализация, «Третья профессиональная революция».

Keywords: profession, social worker, trasprofessionalizatsiya, "Third professional revolution".

Современный рынок труда в условиях глобальных изменений в политике, экономике, культуре претерпевает существенные изменения. Стандартные формы и виды занятости уступают место атипичным, а общество стремится к экономической свободе, эффективности и обеспеченности [1].

Социальные, демографические, экономические, политические, исторические, научно-технические перемены последних шестидесяти-семидесяти лет оказали значительное влияние на развитие всех сфер жизни общества. В середине XX века произошли серьёзные изменения в социально-экономической структуре общества. Развитие ИКТ в 1970-е гг. привело к переходу общества от индустриального к постиндустриальному и формированию новой экономики, основанной на информации – экономике знаний, или информационной экономике.

К концу XX века определились черты нового постиндустриального общества, которые, по всей видимости, станут доминирующими характеристиками новой эпохи. С течением времени уровень жесткой иерархии и вертикальных связей в экономике снижается, соответственно происходят изменения критериев и способов найма и управления персоналом. Активное развитие и совершенствование компьютерных и Интернет-технологий привело к образованию глобальной социально-экономической среды и формированию новых организационных и институциональных структур во всех сферах жизни общества [2, 3], по-новому проявляют себя традиционные процессы, возникают абсолютно новые явления, от работников и управленцев требуются новые профессиональные навыки [4, 5]. С течением времени уровень жесткой иерархии и вертикальных связей в экономике снижается, соответственно происходят изменения критериев и способов найма и управления персоналом. Стандартная (типичная) занятость в настоящее время быстро утрачивает свою значимость и постепенно сменяется новыми, атипичными формами и видами труда [6, с. 41-42].

В этих новых условиях формируется новая социально-трудовая структура общества, трансформируются формы трудовой деятельности, повышается гибкость и децентрализация современного рынка труда, изменятся социально-трудовые отношения между работником и работодателем и постепенно размываются нормативные представления о трудовой биографии [7, с. 196-197].

В контексте происходящих изменений американский исследователь Г. Перкин [8, 9] еще в 1996 г. говорил о начале «Третьей профессиональной революции». По его мнению, новые условия, новые требования рынка труда приводят к формированию новой категории работников – транспрофессионалов.

В соответствии с концепцией Перкина, в ходе глобальных изменений на

рынке труда на первый план выдвигаются люди свободных профессий, которые готовы за счёт своего мышления и различных способов организации деятельности работать в различных профессиональных средах. Они не привязаны к какой-либо организации, могут свободно входить и выходить из организационной структуры, а решение сложных задач происходит посредством проектных команд.

Данная тенденция частично уже проявляется на рынке труда, например, в IT-индустрии, но постепенно проникает и в другие.

Для транспрофессионалов характерно свободное использование разнообразных методов для решения творческих задач, отказ от формальных стандартов, креативный стиль мышления, ситуативный подход к структурным составляющим организации [10]. Мы делаем предположение, что данная тенденция рано или поздно затронет и работников социальной сферы.

Уже сейчас в среде немецких социальных работников существуют несколько тысяч самозанятых [11], которые в будущем могут стремиться к расширению своих навыков и квалификации, получая образование в смежных областях: право, здравоохранение, экономика и др. В результате новый социальный работник может превратиться в транспрофессионала, в соответствии с концепцией Г. Перкина, представляя широкий спектр услуг своим клиентам, и не относиться к числу сотрудников государственных социальных служб. Так, в новых условиях социальный работник может совмещать деятельность по уходу за детьми, выступать сурдопереводчиком, консультировать по юридическим вопросам социального обеспечения и социального страхования или оказывать услуги по индивидуальному сопровождению при трудоустройстве. Специфика их работы – комплекс методов, средств, способов мышления и деятельности в конкретной проблемной ситуации [12].

Следующим шагом после возникновения самозанятости социальных работников может быть возникновение такого явления, как социальный фриланс, объединяющий различных специалистов социальной сферы, а реализацией различных социальных проектов будут заниматься несколько разрозненных специалистов-транспрофессионалов, которые после реализации одного проекта перейдут в другие команды. Широкая квалификация подобных специалистов-транспрофессионалов позволит существенно повысить эффективность подобных проектных команд.

Литература

1. Федоров Д.А. К вопросу об экономических целях общества // Экономика и социум. 2014. №3-3(12). С. 492-495.
2. Красильникова Е.В. Природа интернет-экономика // Известия Самарского университета. Серия: Экономика, управление, право. 2010. Вып. 2. С. 9-14.
3. Хусяинов Т.М. Процесс информатизации труда и его социальные последствия // Международна научна школа "Парадигма". Лято – 2015. В 8 т. Т. 6: Хуманитарни науки: сборник научни статии / под ред. Д.К. Абакаров, В.В. Долгов. – Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. С. 310-315.
4. Абакаров Д.К. Основные направления и методический аспект социально инновационной модернизации профессионализма кадрового корпуса государственных служащих // Образование и общество. 2013. Т.2. №79. С. 4-9.
5. Воденичарова А. Необходимость нового управленческого профессионализма в системе здравоохранения Болгарии // Международна научна школа "Парадигма". Лято-2015. Т. 7. Медицина: Сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Берлов, Т. Попов и Л.Ф. Чупров. Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. С. 51-57.
6. Сизова И.Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 41-48.
7. Тоффлер Э. Будущее труда // Новая технократическая волна на Западе. М: Прогресс. 1986. С. 250-275.
8. Perkin H. The Third Revolution: Professional Elites in the Modern World. L., 1996.
9. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L., 1996.
10. Жданко Т.А. Пути решения проблем трудоустройства выпускников педагогических специальностей (из опыта работы кафедры педагогики ГОУ ВПО ИГЛУ) // Magister Dixit. 2011. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/puti-resheniya-problem-trudoustroystva-vypusknikov-pedagogicheskikh-spetsialnostey-iz-opyta-raboty-kafedry-pedagogiki-gou-vpo-iglu>
11. Боссонг Х. От социальной бюрократии к социальному предпринимательству: размышления о возможных тенденциях в профессиональной социальной работе // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: издательство НИСОЦ, 2014. С. 38-41.
12. Вишневский Ю.Р., Вишневский С.Ю. Профессиональный выбор студентов и ресурсный подход: от потенциала к реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. №1(25). С. 22-27.

**РАБОТОДАТЕЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ЗАБОТА О РАБОТНИКАХ И ОБЩЕСТВЕ**
**EMPLOYER OF SMALL AND MEDIUM BUSINESS OF MODERN RUSSIA:
TAKE CARE OF EMPLOYEES AND SOCIETY**

Ю.Ю. Чилипенюк

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Нижний Новгород)*

Yu.Yu. Chilipenok

National Research University Higher School of Economics of Nizhny Novgorod

На материалах эмпирического исследования, проведенного автором, рассматривается потенциал социально ответственного поведения современных работодателей малого и среднего бизнеса через их отношение к своим работникам и обществу в целом.

The empirical study carried out by the author, the article examines the potential of socially responsible behavior of the employers of small and medium-sized businesses through their attitude towards their employees and society as a whole.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, малый и средний бизнес, работодатель, работник, социальная ответственность.

Keywords: social and labor relations, small and medium-sized businesses, employer, employee, corporate social responsibility.

Современный малый и средний бизнес – развивающийся сектор современной российской экономики, решающий важные социально-экономические задачи: удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах, расширение их ассортимента и повышение качества, формирование конкурентных рыночных отношений, обеспечение гибкости и быстрой структурной перестройки экономики, создание рабочих мест, вовлечение в трудовую деятельность отдельных групп населения: молодежи, пенсионеров, инвалидов, обеспечивая тем самым их социальную адаптацию и сглаживая социальную напряженность.

На предприятиях малого и среднего бизнеса сегодня занято около 19% всех работающих граждан страны. Таким образом, являясь работодателями, собственники предприятий малого и среднего бизнеса выстраивают определенную систему отношений со своими работниками, что является определенным вкладом в отношения предпринимательской среды с современным обществом в целом. От того, какими будут эти отношения и этот вклад, во многом зависит будущее страны и ее социальная стабильность.

Сегодня много говорится о социальной ответственности бизнеса. Анализируя интервью с собственниками предприятий малого и среднего бизнеса, мы остановились на тех моментах, которые характеризуют положительное отношение работодателей малого и среднего бизнеса к своим работникам, способность и желание обеспечить их социальную защиту, а также решать и другие социально значимые для общества задачи.

Отдельная категория, выделенная нами в ходе контент-анализа конспектов наших интервью, называлась «цели бизнеса». Несмотря на то, что большинство высказываний в этом случае иллюстрировали такой классический код, как «получение прибыли», следует отметить, что только в половине случаев это определяется как основная цель. Прослеживаются в высказываниях и весьма нетривиальные цели современных российских бизнесменов: «пропаганда бережного отношения к природе», «помощь людям», «создание уникального продукта», «развитие Интернет-культуры в России», «повышение обороноспособности страны» и даже «совершенствование мира» (см. таблицу)

Т а б л и ц а 1

Цели бизнеса

<i>Цель</i>	<i>Количество упоминаний</i>
Получение прибыли	30
Удовлетворенность клиентов, их качественное обслуживание, качественная продукция	23
Саморазвитие, самореализация, реализация личных амбиций собственника	18
Обеспечение семьи, материальные блага	12
Расширение бизнеса, создание собственных производственных мощностей, «новые разработки в нашей сфере»	5
Забота о сотрудниках, повышение им зарплаты, их развитие, создание рабочих мест	5
Забота о гражданах, их здоровье, помощь людям, общественная польза	5
Пропаганда бережного отношения к природе	4
Создание уникального продукта, народного продукта, специфического продукта	4
Развитие Интернет-культуры в России, забота о культурном развитии людей, повышение правовой грамотности населения, «привить клиентам вкус»	4
Решать интересные задачи, делать красивые вещи, совершенствовать мир	4
Стать лучшими в своем деле, попасть в число самых крупных компаний в мире, стать лидером в своей сфере	3
Развитие бизнеса клиентов, поддержка и помощь бизнесу	2
Спасти предприятие и людей, остаться на плаву	2
Повышение обороноспособности страны	1
Развитие автоспорта в стране	1

Очевидно, что далеко не все цели современного бизнеса связаны с материальной составляющей. Это цели общественные, затрагивающие различные аспекты жизни общества. И цели эти порой грандиозны и совершенно бескорыстны, что создает некий потенциальный социальный ресурс, который не находит сейчас должного применения. Если раньше мотив открытия собственного дела всегда был сугубо личностным, то сегодня цель бизнеса зачастую далеко выходит за рамки личных интересов владельца. Нужно отметить, что ряд целей работодателей касается именно своих работников и улучшения их положения.

В некоторой степени подтверждают наличие у работодателей не только материальных целей и ответы на наши следующие вопросы о ценностях. Здесь мы рассматривали три кода: *«благотворительность»*, *«социальная ответственность»*, *«этичность бизнеса»*. Вот какую картину нам удалось получить: 37 высказываний содержали информацию о том, что их авторы в той или иной форме занимаются благотворительностью, некоторые (n=9) – *«готовы, но пока не знают как»*. Формы благотворительной деятельности названы следующие: *«помогаем детским домам»*, *«жертвую на храм»*, *«поддерживаем в городе детский спорт»*, *«перечисляем деньги в благотворительные фонды»*, *«помогаем больным детям»*, *«помогаем беженцам с Украины»* и т.д.

Многие наши респонденты определяют свой бизнес как социально ответственный (n=13). Под социальной ответственностью предприниматели понимают продажу качественных продуктов (n=7) и уплату налогов (n=5), а также заботу об экологии, по мнению ряда работодателей, сама специфика бизнеса делает его социально ответственным (оказание юридических услуг, защита авторских прав). Заметим, что ряд высказываний относится непосредственно и к работникам. Помощь семьям работников, создание рабочих мест, белая зарплата, по мнению работодателей, – показатель социальной ответственности бизнеса.

Продолжая разговор о ценностях, мы попросили наших респондентов рассказать о том, что, по их мнению, плохо, неэтично в бизнесе. Больше всего высказываний касались *«неисполнения условий договора»* (n=9) и *«обмана потребителя»* (n=9). Затем к неэтичным моментам были отнесены: *«перевербовка кадров»* (n=6) и *«увольнение работников»* (n=4), *«недобросовестная конкуренция»* (n=5) и *«непрофессионализм»* (n=4), *«плагиат»* (n=3) и *«переманивание клиентов»* (n=4), *«излишняя консервативность»* (n=2) и *«излишний карьеризм»* (n=2), *«отсутствие моральных принципов»* (n=2) и *«стремление к единоличной выгоде»* (n=2). Плохо, по мнению бизнесменов, *«не держать слова»* (n=1) и

«не видеть за бизнесом людей» (n=1). Таким образом, у современных бизнесменов есть достаточно четкие понятия о том, «что такое хорошо, и что такое плохо», и это дает основание надеяться на развитие цивилизованного и ответственного и малого предпринимательства в стране, имеющего собственные моральные убеждения и систему ценностей.

Возвращаясь на уровень отдельных предприятий и к заботе о работниках, мы спросили наших респондентов о том, учитывают ли они индивидуальные и социально-демографические характеристики работника, чтобы выстроить с ним более комфортные отношения? Применяют ли к работникам индивидуальный подход? Анализируя транскрипты наших интервью, мы увидели, что большинство работодателей учитывают пол работника (24 высказывания против 9) и его возраст (21 против 14), а вот национальность, наоборот, не имеет большого значения (12 против 18). Более половины высказываний объединились под кодом *«применяем к работникам индивидуальный подход»* (n=41). Есть высказывания о том, что *«готовы учитывать каждую мелочь, особенно, если сотрудник ценен»* (n=2).

Факты заботы о своих работниках, «отцовском» к ним отношении, и что еще более важно, взаимного доверия иллюстрируют около половины высказываний под кодами *«интересуют личные проблемы сотрудников»* (n=29), и треть – *«готов им помогать по мере возможности»* (n=19). Есть и другие высказывания, характеризующие позитивные отношения работодателя к своим работникам: *«У нас есть корпоративы и премии»*, *«У нас налажен процесс обратной связи»*, *«Мы доверяем друг другу»*, *«Мои сотрудники за меня горой»*. Более половины высказываний иллюстрируют код *«интересует личная жизнь сотрудников»* (n=36), несколько меньше – *«отмечаем вместе праздники, дни рождения, отдыхаем»* (n=32). Были отмечены и такие варианты: *«могу дать сотрудникам денег в долг»*, *«отпускаю сотрудников в рабочее время по личным делам»*, *«вместе обедаем»*, *«вместе ходим на футбол»*, *«вместе путешествуем»*, *«обсуждаем рабочие вопросы в неформальной обстановке»*, *«мы как одна семья»*.

Нередко, приводя примеры положительного отношения к работникам, работодатели говорят о разного рода обучении, которое они предоставляют им и оплачивают: так, значительное число высказываний оказались под кодом *«обучаем своих сотрудников и готовы вкладываться в их обучение»*.

А вот следующие высказывания достаточно показательны (нам пришлось объединить их под одним кодом *«я и есть профсоюз»*) и возвращают нас к патерналистской системе отношений работодателя и работника, свойственной России на протяжении многих лет: *«теперь я их профсоюз»*, *«раньше заботи-*

лось государство, а теперь наша организация», «я их профсоюз и соцзащита».

Таким образом, цели современного малого и среднего бизнеса выходят далеко за рамки личных материальных интересов владельцев, но, главное, этот бизнес имеет в себе и существенный общественно значимый и социально полезный ресурс, который пока недостаточно используется современным обществом и не поощряется государством. К сожалению, зачастую в обществе бытует мнение о предпринимателях, как о людях, которые заняты исключительно собственным обогащением, не стремящихся принимать на себе никакие социальные функции. Однако, как показывают ответы наших респондентов, это мнение зачастую ошибочно. Кроме того, традиции патернализма и сегодня крепки на наших предприятиях, и особенно ярко этот факт находит свое проявление именно на малых предприятиях. Сегодня это практически единственная и достаточно успешная форма сосуществования работников и работодателей малого и среднего бизнеса, во многом выгодная и государству.

**КОМПЛЕКСНОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ КАНДИДАТОВ НА ДОЛЖНОСТЬ
СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА
INTEGRATED TESTING OF CANDIDATES FOR THE POSITION
OF SOCIAL WORKER**

В.А. Шатохина

*ГБУ «Областной центр социального обслуживания граждан пожилого
возраста и инвалидов»*

V.A. Shatohina

The regional center of social services for the elderly and disabled people

Рассмотрена значимость проведения психологической экспертизы при приеме на работу социального работника.

The author examines the importance of the psychological examination of the social worker when he/she get a job.

Ключевые слова: социальный работник, соискатель, психологическая экспертиза, трудоустройство.

Keywords: social worker, applicant, psychological examination, employment.

Психологическая диагностика – достаточно новое направление научной психологии. У этого направления есть сторонники и противники. Действительно, психологическая помощь должна отвечать не только запросу клиента, но и соответствовать реальному положению дел во внутреннем мире человека. По-

добно тому, как медики перед началом лечения пациента проводят диагностику его состояния, профессиональный психолог перед началом терапии проводит диагностику черт личности. В отличие от медицинской, психологическая экспертиза личности выявляет некоторые тенденции, которые носят вероятностный характер. Именно это вызывает сомнение в достоверности результатов психологического исследования и у клиентов, и у психологов как практической, так и теоретической сферы деятельности. Тем не менее, входная и выходная диагностика – единственный реальный критерий успешности как медицинской, так и психологической помощи.

Психологическая экспертиза при приеме на работу в разных сферах деятельности, если это не служба безопасности, достаточно новый вид деятельности социального психолога. Психологическая же экспертиза при приеме на работу в социальной сфере относится к важным нововведениям последних лет. Их цель – максимально увеличить эффективность социальных услуг, оказываемых социальными работниками на дому пожилым людям и инвалидам – той категории граждан, которые входят в поле деятельности системы социального обслуживания. Эффективность деятельности предполагает, с одной стороны, полноценное удовлетворение потребности подопечных, с другой – сохранение жизненного потенциала самих социальных работников, чтобы была минимизирована вероятность эмоционального выгорания.

В широком смысле комплексное тестирование основано на соответствии результатов тестирования требованиям к психологическому портрету профессии, указанной в профессиограмме. Профессиограмма – система признаков, описывающих, во-первых, формализованные основы профессии, во-вторых, перечень норм и требований, предъявляемых этой профессией к работнику. В частности, профессиограмма включает в себя перечень психологических характеристик, которым должны соответствовать представители конкретных профессиональных групп. Профессиограмма любой профессии содержит: название профессии, условия работы, квалификационные требования, функциональные обязанности, этические нормы профессии, критерии успешности.

Профессиограмма социального работника как базовая инструкция является «настойной книгой» психолога, работающего в системе социального обслуживания и участвующего в подборе кадров. В частности, психологический портрет профессии социального работника включает:

- Хороший академический интеллект, нормальную критичность и логичность мышления;
- Хорошо развитые коммуникативные качества (хороший социальный интеллект);

- Навыки регуляции своего эмоционального состояния;
- Умение распознавать эмоции другого человека, а также эмпатию – способность к сочувствию без глубокого подключения к состоянию другого (хороший эмоциональный интеллект);

- Навыки совладания с трудными жизненными ситуациями;
- Ответственность;
- Доброжелательность;
- Нормальную самооценку.

В настоящее время человек, который желает устроиться на работу на должность социального работника, подает заявление и резюме в отдел кадров, который направляет соискателя в кабинет психолога, где специалист осуществляет психологическую экспертизу личности соискателя, оформляет «Психологическое заключение». Далее, руководство принимает решение о приеме/отказе с учетом рекомендаций психолога.

Практика комплексного тестирования осуществляется в ГБУ «ОЦСОГПВиИ» с 2013 г. Написано методическое пособие, где подробно изложен порядок тестирования. В этом пособии предложена батарея методик, на основании которых письменно оформляется «Психологическое заключение». В широком смысле эти методики могут быть разными, но диагностирующими те черты личности, которые были упомянуты выше.

Батарея тестов содержит бланковые и проективные методики (7-8 шт.), на основании интерпретации которых психолог пишет «Психологическое заключение». Хорошо, если некоторые методики содержат шкалу лжи и указания на недостоверные сведения со стороны клиента, это значительно упрощает интерпретацию результатов тестирования.

Перед процедурой тестирования обязательно осуществляется психологическое собеседование, основная цель которого – выявление доминирующих мотивов стремления устроиться на работу. Проясняется, есть ли опыт ухода за пожилыми людьми, переносимость чужих запахов, др. На основе беседы и интерпретации тестов составляется Заключение.

Далее предстоит серьезная работа по сличению психологического портрета личности и психологического портрета профессии. Если два текста – психологический портрет профессии, описанный профессиограммой, и психологический портрет личности кандидата на должность коррелируют друг с другом, то делается вывод о том, что трудоустройство рекомендовано. Если обнаружены явные несоответствия, то в качестве вывода в Заключении обозначается, что трудоустройство не рекомендовано. Есть еще третья формулировка: трудоустройство рекомендовано при психологическом сопровождении. Например,

если у кандидата при прочих приемлемых качествах диагностирована заниженная/завышенная самооценка, то данная особенность подлежит коррекции при помощи психолога. При согласии кандидата, есть все основания начинать работу параллельно с краткосрочной когнитивной психотерапией по нормализации самооценки.

Категорически не рекомендован прием на работу человека с пограничным и психотическим уровнем организации психики.

За 2014 г. психологическую экспертизу прошли 18 человек, 15 из которых получили положительную рекомендацию, трем кандидатам было отказано в трудоустройстве. Из этих 15 человек один соискатель не прошел испытательного срока и получил претензии со стороны клиентов и руководства. Это подтверждает тезис, который был обозначен в начале статьи, а именно, психологическая диагностика не может дать 100% достоверную информацию о человеке, всегда остается поправка на человеческий фактор, на безусловную окончательную непознаваемость человеческой психики, право человека на некоторые тайны внутреннего мира. Поэтому все интерпретации пишутся в виде тенденций, а заключения носят рекомендательный характер. Окончательное решение принимает администрация в лице директора центра, он же несет ответственность за факт приема человека на работу или отказа.

Надо сказать, что психодиагностика – отдельный вид деятельности, на который нужно иметь разрешение в виде сертификата, подтверждающего данные полномочия психолога.

В заключении повторим, что цель комплексного тестирования – повысить эффективность социальной работы. Задача психолога – грамотно подобрать кандидатуру, чтобы эффективность деятельности сотрудника была максимальной, а вероятность эмоционального выгорания минимальной. А также еще раз обозначим формальный механизм трудоустройства.

1. Обращение кандидата в отдел кадров, подача резюме;
2. Психологическая экспертиза личности кандидата;
3. Написание «Психологического заключения»;
4. Соотнесение психологического портрета личности с психологическим портретом профессии социального работника, описанной профессиограммой;
5. Рекомендация психолога о принятии или отказе в трудоустройстве;
6. Решение директора Центра о принятии/отказе с учетом рекомендаций психолога.

В настоящее время практика комплексного тестирования успешно продолжается, процедура совершенствуется, подбираются новые методы и техники

грамотного подхода к этому виду деятельности. С кандидатами, принятыми на работу, продолжается психологическая работа по профилактике эмоционального выгорания, психологической подготовке и повышению общей психологической грамотности. Занятия проходят в рамках Школы социального работника. Занятия с элементами тренинга проходят в группе по 10-12 человек. Обязательно включены сеансы релаксации, ресурсные методики, другие упражнения. По необходимости возможны индивидуальные консультации социальных работников и членов их семей.

В наше время, когда психологические услуги становятся все более и более популярны и востребованы, они вызывают, как правило, здоровый интерес. Опыт 2-летней работы показывает, что эмоционально взрослый, социально зрелый человек спокойно, уверенно и с интересом проходит процедуру психологической экспертизы.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ **SOCIAL DIAGNOSTICS IN SOCIAL WORK**

Р.Г. Иванян

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

R.G. Ivanyan

Saint-Petersburg State University of Economics

Выявлены особенности реализации такой технологии социальной работы, как социальная диагностика. Приводится определение социальной диагностики, рассматриваются ключевые причины, объясняющие потребности в ней. Изучаются «подводные камни» при социальном диагностировании (стереотипы, предрассудки, стигматизация). Для структурирования социального диагноза предлагается методика «дерева проблем».

The paper covers social diagnostics in social work. It brings definition of social diagnostics, reasons explaining the need for proper social diagnoses in social work. Stigma, stereotyping, prejudices are described as obstacles in a process that should be overcome. The technic «The problem tree» is suggested to structure the work.

Ключевые слова: социальная диагностика, социальная работа, дерево проблем, стереотипы и предрассудки в социальной работе, стигматизация в социальной работе

Keywords: social work, social diagnose, the problem tree, Stigma, stereotyping, prejudices in social work

Социальная диагностика считается одной из универсальных технологий социальной работы, поскольку она применяется с различными целевыми группами и в различном контексте. Технология позволяет своевременно и полностью обнаружить, осмыслить и осознать проблему индивидуального клиента или группы, проанализировать предпосылки ее возникновения, спрогнозировать возможные пути развития, продумать варианты решения или минимизации. От качества диагностики зависит, насколько точно и правильно будут обозначены проблемы клиента и, соответственно, определены пути их решения. Именно она закладывает основу для эффективности предстоящей работы.

Термин «диагностика» (от греч. *diagnosis* – распознавание) впервые стал использоваться в медицине для обозначения процесса распознавания болезни. В сферу оказания помощи населению он попал в начале XX века благодаря трудам основоположницы теории социальной работы Мэри Ричмонд. В своих трудах «Дружеский визит к беднякам. Руководство для работающих в благотворительных организациях» (1899) и «Социальные диагнозы» (1917) Мэри Ричмонд впервые придала социальной работе теоретическое обоснование. В отличие от размытых понятий о добре и зле, которыми руководствовались в то время члены благотворительных организаций, исследователь выдвинула тезис о том, что социальная работа подобна работе врача и самым важным в ней является постановка точного социального диагноза.

В современной теории и практике социальной сферы под диагностикой понимается процесс, направленный на *выявление, обозначение и изучение причинно-следственных связей и взаимоотношений, порождающих комплекс социальных проблем различного уровня организации.*

Существуют, как минимум, три ключевые причины, объясняющие потребности в социальной диагностике.

Во-первых, клиент, обратившийся за помощью, вне зависимости от того, индивидуал или группа, имеет свое представление о причинах возникновения той или иной сложной ситуации, однако не всегда эти представления отвечают требованиям комплексности, точности, правдивости, объективности. Иными словами, сведения, полученные от человека или группы лиц, являются лишь частью общей картины возникшей проблемы и не могут подменять собой всю непростую мозаику трудной ситуации, особенно когда она содержит в себе конфликт интересов.

Например, зачастую члены одной семьи не понимают истинные причины семейных конфликтов, а усматривают их в малозначительных фактах и явлении-

ях. Это происходит в силу ряда причин и самими клиентами, как правило, не осознается, хотя бывают случаи и сознательного обмана или, что намного чаще, умалчивания какой-либо информации. Людям свойственны некоторые психологические особенности, которые препятствуют адекватному пониманию сложившейся проблемной ситуации:

- перекладывание ответственности с себя на кого-либо другого (так, например, в ситуациях гендерного насилия агрессор чаще всего обвинят жертву в том, что произошло, подчеркивая, что его «спровоцировали на агрессию»);

- или, наоборот, гипертрофированное чувство вины (например, в семьях, где имеется зависимый человек (от наркотиков, алкоголя, азартных игр и т.д.), существует такое понятие, как созависимость, и одним из его компонентов является размывание границ ответственности между созависимым и зависимым человеком. Жена может чувствовать себя виноватой в том, что муж-алкоголик не проснулся утром на работу и видеть в этом свою ошибку, в то время как социальная диагностика продемонстрирует неграмотность такой трактовки. Муж – взрослый человек и должен сам отвечать за свои поступки, в том числе их последствия);

- рационализация сопротивления («я боюсь предпринимать какие-либо действия, однако вместо того, чтобы признать чувство страха в себе, привожу массу рациональных аргументов, почему я этого не делаю»);

- неумение осознавать и признавать свои чувства (особенно негативные, не приветствуемые обществом) и вызванные этим поведенческие реакции;

- незнание и неумение пользоваться альтернативными моделями поведения в сложных ситуациях и т.д.

Самой сложной представляется работа по проведению семейной социальной диагностики, особенно в ситуациях с проблемными семьями. Информация, предоставленная какой-либо из сторон, как правило, носит субъективный характер, однобока, и лишь качественная социальная диагностика позволит четко выявить, в чем заключается истинное противоречие. Процесс социальной диагностики стремится вскрыть не мнимые, а подлинные, реальные, причины конкретного осложнения или проблемы.

Во-вторых, в ряде случаев внешнее проявление проблемы, с которой сталкивается клиент, не совпадает с её внутренним, сущностным содержанием. Например, снижение успеваемости ребенка в школе может быть его реакцией на стресс, вызванный разводом родителей. В таком случае проблемой являются не проблемы в школе, а неумение родителей обеспечить соответствующий психологический климат и поддержку в такой непростой момент, сосредоточенность на собственных интересах и эмоциях в ущерб потребностям ребенка.

Высокий уровень агрессивного поведения в каком-либо классе средней школы может быть вызван богатым лидерским потенциалом учащихся и невозможностью его реализовать в связи с отсутствием школьных и внешкольных дополнительных программ, а может быть и следствием отсутствия у учащихся навыков конструктивного взаимодействия и разрешения конфликтов. Попытка повлиять на внешние проявления без глубокого проникновения в суть проблемы в лучшем случае не принесет желаемого эффекта, а в худшем – создаст новые, более сложные и тяжёлые проблемы как для клиента, так и для его ближайшего окружения.

В-третьих, качественная социальная диагностика позволяет не только обозначить проблему, но также выстроить определенную иерархию сопутствующих ей следствий. Она представляет собой простое иерархическое расположение проблем в письменной форме. Из предварительно сформулированных проблем предлагается выбрать одну в качестве ключевой, то есть такую, которую клиент считает центром всей проблематичной ситуации. Она будет являться исходным пунктом. При рассмотрении второй проблемы, связанной с ней, поступают следующим образом:

- если проблема является причиной, она помещается уровнем ниже;
- если проблема является следствием, она помещается уровнем выше;
- если проблема не является ни причиной, ни следствием, она помещается на тот же самый уровень.

По мере разрастания «дерева» оставшиеся проблемы добавляются к нему по тому же принципу. «Дерево проблем» является не единственной техникой, которая позволяет структурировать проблему, выявить в ней первопричины. Однако какую бы технику ни использовал социальный работник, понимание иерархии проблематики дает возможность и специалисту, и самому клиенту выбрать правильный инструментальный решения.

Процесс диагностики включает в себя несколько стадий. Их длительность может варьироваться в зависимости от специфики конкретного случая, иногда специалистам сложно реализовывать этапы последовательно, поскольку приходится выполнять ряд задач одновременно, сиюминутно. Для каждой стадии характерны определенные черты и специфические особенности, в том числе «подводные камни», о которые может споткнуться специалист.

Так, например, первая стадия является самой болезненной для клиента, поскольку требует осмысления сложившейся ситуации, ее причин, включая и собственные ошибки. Человеку часто свойственно до последнего отрицать факт своей личной проблемы, особенно если она воспринимается обществом в негативном свете и может стать причиной для стигматизации и дискриминации. Как

показывает опыт, многие клиенты социальной работы, психотерапии и других схожих профессиональных отраслей до последнего не обращаются за помощью или поддержкой к специалистам, так как боятся негативной реакции, осуждения, насмешек, социальной изоляции, ущемления своих прав. Например, многие ВИЧ-позитивные люди долго скрывают свой статус от близких, друзей, работодателей и продолжают практиковать прежнее сексуальное поведение, создавая риски для своих партнеров, в страхе оказаться «уличенным» в наличии ВИЧ. Страх «разоблачения» и последующей стигматизации оказывается сильнее страха за свое здоровье и жизнь близких. Все это может существенно осложнять диагностику.

Во время второй стадии социальный работник совместно с клиентом пытаются выработать стратегию, направленную на разрешение сложившихся противоречий или хотя бы некоторых из них. Задача социального работника заключается в том, чтобы с опорой на проделанный ранее анализ сложившейся ситуации, совместно с клиентом сформулировать приемлемый для него диапазон новых целей и наметить тактические приемы по их достижению.

Для этого социальный специалист должен для начала на ценностном уровне разделять установку, что у любого человека, вне зависимости от национальной, экономической, социальной или какой-либо другой группы, к которой он принадлежит, или сложности ситуации, в которой он оказался, всегда имеются определенные внутренние ресурсы, компетенции (знания, навыки, установки), которые могут стать основой и инструментом для дальнейших действий. Однако существуют обстоятельства, которые способны создать препятствия в реализации этого аспекта второй стадии.

Так, например, специалисты социальной сферы, как и все остальные члены общества, являются жертвами предрассудков и стереотипизации. Они изначально могут воспринимать потенциал и ресурсность различных социальных групп и индивидуалов искаженно, наделяя одних несуществующими характеристиками и, наоборот, умаляя достоинства, компетенции, ресурсность других. Видение в человеке «проблему» закладывает основы для некачественной социальной работы и должно быть преодолено. Социальный работник должен иметь представление об этих и других «подводных камнях» и учитывать в своей работе.

**ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОЛУЧАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ
УСЛУГ В ПОСЕЛЕНИИ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА**
**PROBLEMS AND PECULIARITIES OF THE INTERACTION
OF SPECIALISTS IN SOCIAL WORK AND MINORS
OF RECIPIENTS OF SOCIAL SERVICES IN THE SETTLEMENT
OF THE TRANSITIONAL TYPE**

Э.В. Толордава

Костромской государственной университет имени Н.А. Некрасова

E.V. Tolordava

Nekrasov Kostroma state University

Рассмотрены виды социальной помощи учреждениями социального обслуживания населения в условиях поселения переходного типа. Определены особенности взаимоотношений специалиста по социальной работе и несовершеннолетних получателей социальных услуг и их семей в сельской местности.

This article discusses the types of social assistance institutions of social service of the population in the settlement of the transitional type. The features of mutual relations specialist in social work and minors of recipients of social services and their families in rural areas.

Ключевые слова: социальная помощь, поселение переходного типа, получатели социальных услуг, специалист, несовершеннолетние, семья

Keywords: social assistance, transitional settlement, recipients of social services, specialist, juvenile, family

Социальная работа является особой сферой деятельности, где тесно взаимодействуют и специалисты социальных служб, и получатели социальных услуг. Одна из основных целей специалиста по социальной работе помочь понять и осознать получателю социальных услуг, в чём состоит его трудность, какие задачи необходимо решить, а также научить справляться с возникшими проблемами собственными силами, дать понять, что «он может». Каждая ситуация имеет вероятность спровоцировать конфликт между специалистом и получателем социальных услуг. Здесь необходимы профессионализм, грамотность, терпимость, то есть соответствие этическому кодексу социальных работников. Получается, что взаимодействие специалиста по социальной работе и получателя социальных услуг имеет решающее значение в деятельности социальных служб. А если получателем социальных услуг является несовершеннолетний и все члены его семьи, то роль взаимодействия возрастает в разы.

Самое главное в жизни человека – доброе и счастливое детство! Это база, на которой потом строится вся дальнейшая взрослая жизнь человека. Однако в настоящее время дети всё больше предоставлены сами себе, не организованы, получают мало любви от своих родителей. Возникают семьи, находящиеся в социально опасном положении, где несовершеннолетние получают психологические и даже физические травмы.

Таким детям и их семьям на территории Костромского района Костромской области в ОГКУ «Костромской социально реабилитационный центр для несовершеннолетних «Родничок»» оказывается помощь. Центр расположен на территории Караваевского сельского поселения Костромского района Костромской области – поселения переходного типа, численность населения 8700 человек, удаленность от города 5 километров. В настоящее время основными проблемами жителей поселения переходного типа являются алкоголизм, наркомания. Важная роль учреждений социального обслуживания населения укрепляется благодаря росту населения в поселении переходного типа и развитию важнейших ценностей и традиций, направленных на сохранение благополучия семьи.

Время реабилитации несовершеннолетних может длиться до 6 месяцев. За это время ребёнок получает полноценное питание, обучение по общеобразовательным программам, социокультурную реабилитацию, трудотерапию и другое.

Специалисты по социальной работе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Родничок» используют несколько типов взаимоотношений:

- сотрудничество, создание благоприятной к взаимодействию атмосферы, усиление чувства доверия, правдивости в действиях;
- заключение соглашений – заключается договор и составляется индивидуальная программа реабилитации несовершеннолетнего и его семьи; каждая из сторон определяет намерения другой стороны, проговаривает требования и результат.

Родители в центре подписывают соглашение о сотрудничестве. Огромный труд вкладывается участниками этого соглашения о взаимосвязи и поддержке, чтобы добиться успеха, положительных изменений в семье. Специалисты вырабатывают план работы по выводу семьи из сложившейся ситуации: лечение от алкогольной зависимости; трудоустройство родителей; приведение квартиры, прилегающей территории к дому в удовлетворительное состояние; погашение задолженности по коммунальным услугам; предоставление справок и квитанций, подтверждающих изменение ситуации в семье по месту житель-

ства; посещение родителями детей в центре; социальный патронаж по месту жительства, оказание специалистами центра психологической помощи и поддержки членам семьи, коррекция детско-родительских отношений посредством проведения педагогом-психологом занятий, психолого-педагогические консультации, беседы по вопросам воспитания и обучения детей; правовое и медицинское просвещение родителей; оказание гуманитарной помощи. Результаты работы специалистов учреждения видны не сразу, только время покажет, каких успехов достигнет семья и работа специалистов. Особенностью взаимодействия является постреабилитационный период. Сотрудники посещают семью по месту жительства с целью контроля за устойчивой положительной динамикой в развитии семейных отношений.

Эффективность работы с семьей достигается за счет единого информационного поля преемственности сопровождения семьи на обслуживаемой территории, совместной деятельности всех специалистов учреждения, а также учреждений и ведомств системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

На время пребывания детей в центре родителям даётся возможность исправить своё материальное положение, устроиться на работу, найти жильё, изменить своё антисоциальное поведение. К особенностям взаимодействия можно отнести тот факт, что специалисты центра проводят работу не только с детьми, но и с самими родителями. Задача специалистов – не допустить самоустранения родителей и ослабления связей ребенка с внешним миром, а помочь укрепить детско-родительские отношения и создать устойчивую сеть социальной поддержки для ребенка и его семьи. Основная проблема состоит в том, что семья уже имеет статус неблагополучия, ребёнок развивается в такой среде. Взаимодействие специалиста по социальной работе вносит изменения в привычную жизнь, что приводит к внутреннему конфликту несовершеннолетнего, и как следствие нежелание к взаимодействию. Работа с родителями усложняется, так как они полностью или частично утратили способность адекватно реагировать на окружающие обстоятельства и события.

Многие семьи с детьми Караваевского сельского поселения и семьи близлежащих сельских поселений получили помощь благодаря работе социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Родничок». Специалисты, руководствуясь своими морально-этическими и профессиональными принципами, взаимодействуют с несовершеннолетними и их родителями. В результате планомерной работы с семьей, в тесном взаимодействии со специалистами системы профилактики обстановка в семье может измениться к лучшему.

Привлекая молодёжь в социокультурную деятельность учреждений соци-

ального обслуживания, общество приобретёт социальную силу и новые возможности для укрепления морально-этических ценностей.

Литература

1. Басов Н.Ф., Басова В.М., Кравченко А.Н. Учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 256 с.
2. Лекции по технологии социальной работы. В 3-х частях / Под ред. Холодовой Е.И. Часть I. М. 1998. 138 с.
3. Староверов В.Н. Социология деревни: предмет, объект, задачи / В.Н. Староверов // Социологические исследования. 1981. № 4.
4. Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: Учеб. пособие / Под ред. проф. П.Д. Павленка. М.: ИНФРА-М, 2009. 379 с.
5. Учебное пособие / коллектив авторов / под ред. Н.Ф. Басова. М.: КНОРУС, 2012. 663 с.

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОТИВАЦИИ КАДРОВ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ SELF-MANAGEMENT AS A MOTIVATION FACTOR OF STAFF OF SOCIAL INSTITUTIONS

А.В.Рушева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V.Rusheva

Nizhni Novgorod State University

Персональный менеджмент является современным инструментом управления, позволяющим человеку рационально организовать деятельность и продуктивно использовать собственное время, раскрывать личностный потенциал и повышать уровень профессиональной квалификации. В итоге, наблюдается эффективное достижение запланированных целей, удовлетворение потребностей личности, усиление его мотивации.

Self-management is a modern management tool, allows a person to rationally organize activities and make productive use of their time, to disclose personal potential and to raise the level of professional qualifications. As a result, there is an effective achievement of planned objectives, the needs of the individual, enhancing their motivation.

Ключевые слова: специалист, самоорганизация, самоменеджмент, мотивация, социальные учреждения, профессиональное выгорание, управление.

Keywords: expert, self-organization, self-management, motivation, social institutions, professional burnout, management.

Каждый сотрудник социальной сферы, определяя и характеризуя состояние клиентов и/или социальную ситуацию, в которой они оказались, планируя и осуществляя воздействие на них, контролируя полученный результат и оценивая произошедшие изменения, демонстрирует тем самым присущие ему организационно-управленческие навыки и степень из совершенства.

Особенности профессиональной деятельности, которая ведётся в социальных службах, обусловлены большими нагрузками (как психологическими, так и физическими), в связи с чем обязательным условием её успешного выполнения является формирование у работников умений и навыков диагностики своего состояния и управления им. Самообладание и самоорганизация – необходимые характеристики современного работника и особенно специалиста социальной сферы. Правильно/рационально организуя свою деятельность, человек достигает поставленные цели, ощущает удовлетворённость от полученного результата и приложенных усилий, тем самым мотивируя себя на новые достижения. Речь идёт о действии «закона результата», когда наблюдается стремление людей повторять поведение, ассоциирующееся у них с удовлетворением потребности в прошлом [1].

В настоящее время подобные способы самоуправления принято называть «персональным менеджментом», который рассматривается как набор управленческих воздействий, направленных на себя как на деятельностный субъект для обеспечения четкой самоорганизации, распределения собственных ресурсов и времени для достижения поставленных целей.

Согласно комплексной модели мотивации Л. Портера и Э. Лоулера, результативный труд всегда приносит удовлетворение. Этот вывод прямо противоположен мнению, которое исповедуют большинство руководителей организаций. Авторы теории, напротив, полагают, что чувство выполненной работы ведет к удовлетворению и способствует повышению результативности труда [2]. Применяя концепцию на практике, следует обратить внимание на то, что почти все переменные (кроме внешнего вознаграждения), формирующие мотивацию, являются внутренними факторами, присущими самой личности: – затраченные усилия; – восприятие; – полученные результаты; – степень удовлетворения. Учитывая, что размер и формы вознаграждения, применяемые в учреждениях социальной сферы, достаточно однообразны и скромны, основная надежда относительно их эффективного функционирования и качественного оказания социальных услуг, возлагается на самого человека – специалиста кон-

кретной организации (т.е. на формируемую им профессиональную компетентность, желания, интересы, личностные качества).

Систему персонального менеджмента можно образно представить в виде модели требований к качествам специалиста, способного управлять собой. Эта модель складывается из семи блоков: 1) способность формулировать и реализовывать жизненные цели; 2) личная организованность; 3) самодисциплина; 4) знание техники личной работы; 5) способность делать себя здоровым; 6) эмоционально-волевой потенциал; 7) постоянный самоконтроль личной деятельности [3].

Описанные в литературе концепции самоменеджмента строятся на определенной идее, вокруг которой формируется система методик и приемов работы над собой, применяемых для её реализации: в концепции Л. Зайверта — это экономия своего времени, М. Вудкока и Д. Френсиса — преодоление собственных ограничений; В. Андреева — саморазвитие творческой личности; А. Хроленко — повышение личной культуры деловой жизни; у Бербеля и Хайнца Швальбе — это достижение личного делового успеха [4].

Применение знаний персонального менеджмента на практике позволяет:

- Выполнять работу с меньшими затратами;
- Лучше организовать свой личный труд;
- Получать более высокие результаты;
- Меньше допускать ошибок при выполнении своих функций;
- Получать удовлетворение от работы;
- Допускать меньше спешки, уменьшая перегрузки и избегая стрессы;
- Повышать свою квалификацию;
- Достигать профессиональных и жизненных целей кратчайшим путем [5].

Освоение данной области знаний (самоменеджмента) особо должно быть востребовано специалистами сферы социальной работы, относящейся к типу профессий «человек-человек». Особенности саморегуляции представителей данного типа профессий в том, что требуется постоянное совершенствование своих знаний и навыков, стремление «идти в ногу» с быстротекущими процессами социального движения, развития, заставляя себя быть в курсе текущих общественных событий. В противном случае рушится взаимопонимание с окружающими. Необходима огромная выдержка, способность «не выходить из себя». Требуется умение строго соотносить свое поведение, обращенное к другим людям, с моральными и юридическими нормами, что не всегда просто. Вместе с тем, часто невозможно строго подразделить время на рабочее и нерабочее. Нужно сочетание доброты с принципиальной требовательностью к себе и другим [6].

Следует заметить, что данные характеристики социальной деятельности и требования к персоналу обуславливают подверженность работников социаль-

ных учреждений профессиональным рискам и профзаболеваниям, сопровождающимися ухудшением их самочувствия, снижением заинтересованности к служебным обязанностям и т.д. Так, например, распространённый в социальной сфере синдром «профессионального выгорания» имеет как субъективные (личностные), так и объективные (организационные) причины: • Неумение отвлекаться от рабочих проблем, поставить границу между работой и личным временем; • Особенности личности (тревожность, склонность к чувству вины, консерватизм, склонность к риску и др.); • Низкий уровень профессиональной подготовки и недостаточность профессионального опыта; • Неумение планировать своё время и задачи; • Неудовлетворённость результатами работы и профессиональных ожиданий; • Неопределённость круга обязанностей и границ ответственности; • Отсутствие обратной связи о результатах деятельности; • Неудовлетворительная организация рабочего места и др.

Поскольку профессии данного типа неизбежно требуют творческого подхода, способности ясно представлять себе варианты возможных последствий действий людей, конфликтов и пр., в профилактических целях «профессионального выгорания» должны приниматься соответствующие меры (и на организационном, и индивидуальном уровнях), например: • Обучение саморегуляции, техникам релаксации и снятия напряжения; • Формирование знаний о стратегиях совладания; • Контроль за организацией труда; • Раскрытие творческого потенциала и профессиональный рост; • Социальная поддержка и неформальное общение; • Супервизия; • Психофизическая гигиена; • Формирование сплочённой команды и тренинги; • Разработка планов персональной карьеры; • Повышение профессиональной квалификации и др.

Неотъемлемой составляющей персонального менеджмента является формирование базовых личностных качеств (с учётом психосоциальных особенностей человека) и системы ценностных ориентаций специалиста, которыми он руководствуется в своей деятельности. Чувству удовлетворённости и успешной деятельности будут способствовать такие качества, как порядочность, честность, бескорыстие, эмпатия, целеустремленность, сильная воля, трудолюбие, наблюдательность, эмоционально-волевая устойчивость, организаторские и коммуникативные способности.

Работник социального учреждения, выполняя предписанные ему обязанности и те, от выполнения которых «невозможно отказаться» (т.е. имеющие добровольно-принудительный характер), вынужден «идти в ногу со временем», изучать и применять в своей деятельности современные методики работы и действенные приёмы самоорганизации. Так, например, необходимой базой, ко-

торая позволяет сегодня человеку работать мотивированно, целенаправленно и эффективно, являются знания и навыки тайм-менеджмента. Важное место в данной области знаний занимают технологии и инструменты планирования (ведение дневника, заметки и напоминания в телефонах, электронный органайзер и др.). Выявить наиболее актуальные и значимые задачи возможно посредством расстановки приоритетов, используя так называемый метод ABC (выделение трёх групп задач по критериям срочность и важность: группа А – срочные и важные; группа В – важные, но не срочные; группа С – не важные и не срочные).

Обязательным этапом самоменеджмента (в т.ч. и тайм-менеджмента) является мониторинг и анализ – процессы, предполагающие оценку эффективности затрат на выполнение запланированных мероприятий. Подобная оценка выполняет как информационную, так и мотивирующую функцию, т.е. полученные результаты позволяют увидеть «слабые» места в планировании и самоорганизации, правильность собственных действий, сделать необходимые выводы, корректировать жизненные и профессиональные задачи.

На основе вышеизложенного заключим, что основная цель изучения содержания персонального менеджмента специалистами социальных учреждений и его дальнейшего применения в их профессиональной деятельности — научиться максимально использовать собственные возможности, сознательно управлять течением своей жизни (самоопределяться) и преодолевать внешние обстоятельства как на работе, так и в личной жизни. Самоменеджмент в современных условиях – одно из немногих действенных средств, позволяющих формировать положительное отношение к работе, к коллегам, способ мотивации, поддержания/ сохранения собственного здоровья и важнейшее условие профессионального и личностного роста.

Литература

1. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.pragmatist.ru/glossarij> (дата обращения 20.10.2015).
2. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.pragmatist.ru/motivaciya-truda/model-portera-loulera.html> (дата обращения 18.10.2015).
3. Электронный ресурс. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vladimir_bondarenko/personalniy_menedzhment/read_1 (дата обращения 21.10.2015).
4. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2014/psih62.html> (дата обращения 19.10.2015).

5. Электронный ресурс. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vladimir_bondarenko/personalniy_menedzhment/read_1 (дата обращения 20.10.2015).
6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://brainmod.ru/tests/manual/klimovs-types/people-people/> (дата обращения 22.10.2015).

**СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО В РОССИИ И БЕЛОРУССИИ:
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
SOCIAL RIGHTS IN RUSSIA AND BELARUS:
A COMPARATIVE ANALYSIS**

Е.Ю. Костина
Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток
E.Yu. Kostina
Far Eastern Federal University, Vladivostok

Анализируются социальные права личности, их формирование и отражение в международных нормативно-правовых актах и в законах Российской Федерации и Республики Беларусь, а также исследуется возможность сотрудничества в данной сфере между государствами, обеспечивающего социальное благополучие и социальную безопасность граждан данных государств в современных условиях.

Analyzes the social rights of the person, their formation and reflection in international legal acts and in the laws of the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as investigate the possibility of cooperation between the states in this field, providing social well-being and social security of the citizens of these states.

Ключевые слова: социальное благополучие, социальная безопасность социальное обязательство, социальная политика, социальное обеспечение, социальное право

Keywords: social well-being, social security, social obligations, social policy, social welfare, social right

Принято считать, что социальные права современного человека вытекают из самой человеческой природы, но в действительности они порождаются конкретными условиями существования и жизнедеятельности людей (историческими, социально-экономическими, политическими, культурными). Под социальными правами человека принято понимать те права, которые закреплены в нормах международного и внутригосударственного права, которые реализуют-

ся в социальной сфере, гарантируют человеку достойный уровень жизни, отражают социальный статус различных социальных групп, обеспечивают социальную свободу и социальную безопасность каждой личности, активную роль в осуществлении которых играет государство [1, с. 223]. К данному типу прав обычно относят право на труд, право на здоровье, право на достойную жизнь, право на образование, право на жилище, право на справедливые и благоприятные условия труда, право на социальную защиту и социальное обеспечение. Данные права базируются на международных документах, которые представляют собой международные стандарты по обеспечению данных прав в государстве, и которым должны следовать все страны, ратифицировавшие данные документы. Основными международными документами выступают: Всеобщая декларация прав человека ООН (1948), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966), Европейская социальная хартия (1961), а на государственном уровне основным документом, защищающим социальные права человека, выступает Конституция страны и другие подзаконные акты. Анализируя внутригосударственные правовые акты, правоведы обращают внимание, что в законодательных документах далеко не всех стран можно отследить наличие общепринятого в международном праве деления социальных прав человека во внутренних документах, исследователи отмечают, что структурно Конституция Республики Беларусь и Конституция Российской Федерации не содержат деления прав человека в соответствии с международной классификацией [1, с. 223].

Кроме того, стоит упомянуть общее советское прошлое Российской Федерации и Республики Беларусь, в котором государство брало на себя обязательство предоставлять всем гражданам равные социальные условия, которые бы способствовали их всестороннему развитию, получению образования, обеспечению здорового образа жизни, получения жилья и т.д. Все это обеспечивалось не только общей идеологией, но и соответствующей правовой системой, которая также была использована обеими странами после распада СССР и образования независимых государств. Стоит отметить, что политически и экономически наши страны пошли разными путями реформирования, более резким и жестким был переход к рыночной экономики в России, что, по мнению исследователей, привело к различным оценкам рынка и демократии, россияне более критически настроены в оценке демократии и рынка. Так, Г.В. Еремичева вместе с коллегами по итогам проведенного исследования заключают, что: «разные пути реформирования экономики и социально-политической системы двух стран привели к существенным различиям в отношении населения к рынку и демократии как базовым составляющим посткоммунистической трансформа-

ции» [2, С.172].

Созданное 2 апреля 1997 г. Союзное государство России и Белоруссии ориентировано на сотрудничество во всех областях и направлено на создание единого политического, экономического, военного, таможенного, валютного, юридического, гуманитарного, культурного пространства, заявляя одной из основных целей Союзного государства России и Беларуси «проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3, ст.2]. Такое сотрудничество предполагает наличие единых подходов к решению вопросов занятости, миграции, условий и охраны труда, предоставление социальных гарантий как гражданам Белоруссии, работающих и проживающих в России, так и для россиян в Белоруссии. Союзом России и Белоруссии было предпринято несколько попыток для сближения законодательства государств, только в 2002 г. было унифицировано 36 законодательных актов, и эта работа все еще продолжается. И если какое-то время после создания Союзного государства России и Белоруссии намечался спад совместной деятельности, то события, произошедшие в постсоветском и мировом пространстве в последние годы, вновь возродили данный союз и активизировали поиск новых путей для сотрудничества, так как обоим государствам требуются в создавшихся условиях требуются наличие союзников в создании единой системы безопасности, в том числе и социальной для своих граждан.

Процесс интеграции двух государств Российской Федерации и Республики Беларусь, взаимодействие и взаимопроникновение их национальных правовых систем подошел к этапу, за которым должен последовать качественный прорыв, обеспечивающий создание единого правового поля, защищающего основные социальные права граждан обоих государств и обеспечивающего социальную безопасность и социальное благополучие на их территории.

К 100-летию ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Специфика профессиональной деятельности
социальных работников

Материалы международной
научно-практической конференции

г. Нижний Новгород, 15-16 сентября 2015 г.

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: Е.Е. Макарова

Подписано в печать 20.11.2015.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 42,6.
Тираж 500 экз. Заказ № 883.

Издательство НИСОЦ
603087, г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского,
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.